

**ПЕРЕВОД КУЛЬТУРЫ –
КУЛЬТУРА ПЕРЕВОДА**

**Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке**

**The Humanities
and Social Studies
in the Far East**

***TRANSLATION OF CULTURE –
CULTURE OF TRANSLATION***

Vol. XX, Issue 1, 2023

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

Том XX

Выпуск 1, 2023

Хабаровск, 2023

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education
«Far Eastern State
Transport University»

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

Journal of Theoretical Research
Published since January 2004
Issued quarterly

Vol. XX

Issue 1, 2023

Khabarovsk, 2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикиреева, д-р филол. наук, проф.; **Е.Л. Лысенкова**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Г.Н. Ловцевич**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Н.Е. Мерецкий**, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
Ю.А. Тюрина, д-р социол. наук, проф.; **С.В. Филонов**, д-р ист. наук, проф.;
Ж.В. Петрунина, д-р ист. наук, проф.

РЕДАКТОР ВЫПУСКА

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

В.В. Халиман (web-мастер); **Е.В. Листопадова**, канд. социол. наук (технический секретарь);
М.А. Никитина, канд. филол. наук, доц. (переводчик)

В соответствии с распоряжением ВАК РФ от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-теоретический журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» включен в «Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки» по следующим отраслям научного знания и научным специальностям:
10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки); 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки); 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2. История философии (философские науки); 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-77529 от 25 декабря 2019 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Yury M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

EDITORIAL BOARD

Philosophy

Yury M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Executive Editor (Philosophy), Editor-in-chief

Andrei P. Zabiako, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Tomás Mariano Calvo-Martinez, PhD (Spain)

Rudolf L. Livshits, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Boris V. Markov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Ivan B. Mikirtumov, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor

Sergei V. Pishun, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Philology

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor, Executive Editor (Philology)

Uldanai M. Bakhtikireyeva, Doctor of Science (Philology), Professor

Elena L. Lysenkova, Doctor of Science (Philology), Professor

Nobuyuki Honna, PhD (Japan)

Elena A. Pervushina, Doctor of Science (Philology), Professor

Raymond Hickey, PhD (Germany)

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Science (Philology), Professor

Psychology

Klarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Executive Editor (Psychology)

Larisa G. Dikaya, Doctor of Science (Psychology), Professor

Anatoliy N. Zankovsky, Doctor of Science (Psychology), Professor

Nataliya A. Kravtsova, Doctor of Science (Psychology), Professor

Laura Rogers, PhD (USA)

Martin Koschorke, PhD (Germany)

Tamara Kh. Nevstrueva, Doctor of Science (Psychology), Professor

Problems of the Far East

Evgeniy N. Spassky, Doctor of Science (Political Science), Professor,

Executive Editor (Problems of the Far East), Deputy Editor

Mikhail A. Kovalchuk, Doctor of Science (History), Professor

Nikolai E. Meretsky, Doctor of Science (Law), Professor

Oleg A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor (Executive Secretary)

Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor

Sergei V. Filonov, Doctor of Science (History), Professor

Zh.V. Petrunina, Doctor of Science (History), Professor

MANAGING EDITOR

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor

EDITORIAL STAFF

V.V. Haliman (Web Designer); **E.V. Listopadova**, Candidate of Science (Sociology) (Technical Secretary);

M.A. Nikitina, Candidate of Science (Philology), Associate Professor (Translator)

Journal of theoretical research is published in accordance with the decision of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Far Eastern State Transportation University»

Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number and date of the registration decision:

Series PI № FS77-77529 of December 25, 2019

Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

Phone/fax: (4212) 40-71-93; E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	10

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПЕРЕВОДА – КУЛЬТУРЫ – ЯЗЫКА

<i>Галактионов С.С.</i> Культура в переводе: зарубежные и отечественные концепции	13
<i>Полубиченко Л.В.</i> Отклонения от литературной нормы языка как лингвокультурная проблема перевода	23
<i>Максименко О.И.</i> Проблемы перевода мультимодальных текстов (с русского языка)	29
<i>Прасолова О.Д.</i> Образные фразеологизмы как компоненты кинотекста: взгляд сквозь призму перевода.....	34
<i>Герасименко И.В.</i> Типология методов перевода фразеологических единиц Рэя Бредбери на русский язык (на материале романа «Лето, прощай»).....	42
<i>Шушарина Г.А., Петрунина Ж.В.</i> Анализ он-лайн переводов эмоционально-оценочной лексики текстов травелогов	48
<i>Пак С.М.</i> Вокативы как фактор культурно-языкового переноса	55
<i>Лебедева Е.С.</i> Перевод русской культуры на английский язык (на примере имен собственных в художественных произведениях Ольги Грушиной)	61
<i>Щербина С.Ю.</i> Некоторые проблемы перевода анекдотов.....	66
<i>Кульпина Л.Ю., Щербина С.Ю.</i> Перевод афоризмов г. К. Лихтенберга.....	73

ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Бахтикиреева У.М., Токарева Н.А.</i> Перевод культуры в русскоязычном творчестве нерусского автора	80
<i>Бутенина Е.М., Сошникова Е.С.</i> Феномен автоперевода в русско-американской прозе (роман М. Идова «Кофемолка»).....	87
<i>Витошнова А.М.</i> Неоткрытые тексты литературы изгнания: транслингвизм и внутренний перевод на материале романа Роберта Ноймана “Children of Vienna”	92
<i>Чемоданова С.М.В.</i> Внутренний перевод славянской лингвокультуры в книге «Песня Сирина» Николая Котара.....	101
<i>Караванова Е.К., Торопова Л.С., Максимова Ю.С.</i> Создание опосредованной картины мира художественных произведений жанра фэнтези при переводе на английский язык (на материале романов Д. Емца о Тане Гроттер)	108
<i>Пак С.М., Ефремова Г.А.</i> Роль и способы адаптации иноязычного субстрата в художественном тексте	116
<i>Сысоев В.В., Прошина З.Г.</i> Типологии «переводной множественности» и «переводческой дисперсии» как явления переводной художественной литературы	123
<i>Панченко Т.Ф.</i> Концепт «счастье» в русском и китайском художественном сознании: А.П. Чехов «Счастье» – Лу Синь «Моление о счастье»	130
<i>Коршунков В.А.</i> Латинская песня в романе И.Т. Калашникова «Камчадалка».....	140

ПЕРЕВОД СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА

<i>Манерко Л.А.</i> Профессиональная коммуникация, LSP и особенности научного перевода	147
<i>Ковалева Е.И.</i> Интердискурсивность специального знания как терминопорождающий фактор при переводе специального текста.....	154

<i>Шаповалова Т.Р.</i> К проблеме перевода научно-технических текстов в условиях реализации долгосрочных международных проектов	163
<i>Маринич Л.Ф., Прыткова Ж.И.</i> Лингвокультурологический аспект перевода терминов в текстах научно-технического стиля речи (на примере подязыков «Архитектура» и «Электроэнергетика»)	171
<i>Стародубов С.В.</i> О стратегиях и тактиках судебного перевода	179
<i>Пак С.М., Павлова Я.А.</i> Синонимы как средство персуазивности в лингвокультурологическом аспекте в русско- и англоязычном судебном дискурсе	186
<i>Ломакин Б.Е.</i> Лингвомедийное конструирование события в кросс-культурном аспекте: стратегия перевода медиатекстов в издании <i>Le Monde</i>	195
<i>Дашинимаева П.П., Ламбаева А.Т.</i> Предперевод VS. релятивизация национального стереотипа. Английский и бурятский медийный дискурс	204
<i>Беляков М.В.</i> Проблема утраты эмотивности при переводе (на материале перевода официальных выступлений постоянных представителей Российской Федерации в Организации Объединенных Наций)	212
КУЛЬТУРА ПЕРЕВОДА И ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА	
<i>Щербakov О.В., Прошина З.Г.</i> Культура перевода в языковых ландшафтах России	217
<i>Федорова Е.С.</i> «Пир словесности». Николай Алексеевич Федоров: как обучить искусству перевода в процессе преподавания латинского языка	225
<i>Елизарова Л.В., Кустова О.Ю.</i> Культурный компонент как параметр переводческого анализа текста.....	234
<i>Прошина У.М.</i> Изучение реалий и способов их перевода при помощи корпусов	242
<i>Емельянова Н.А.</i> Перевод академического текста и проблема его интерпретации в контексте англоязычной и русскоязычной культурной традиции	249
<i>Волкова Т.А.</i> Учебные конференции очно и онлайн как инструмент обучения устному последовательному переводу	259
ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА	
<i>Мусалитина Е.А., Ахметова А.В., Бобышев С.В.</i> Влияние советско-китайского сотрудничества на развитие превентивной медицины в Китае	269
<i>Садченко В.Т., Фан Хайсюй.</i> Лексические средства выражения градации (на материале эмотивной глагольной лексики «Словаря русских говоров Приамурья»)	277
<i>Цыбденова Б.Ж.</i> Роль семьи в сохранении родного языка	284
<i>Спасский Е.Н., Рудецкий О.А.</i> Гуманитарный вектор научной периодики Хабаровского края и Еврейской автономной области: история, современное состояние, перспективы.....	290
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	298
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ	299

CONTENTS

PREFACE.....	10

FUNDAMENTAL CONCEPTUALIZING OF TRANSLATION – CULTURE – LANGUAGE

<i>Galaktionov S.S.</i> Culture in Translation: Western and Russian Concepts.....	13
<i>Polubichenko L.V.</i> Deviations From the Literary Norm of Language as a Linguacultural Problem of Translation	23
<i>Maksimenko O.I.</i> Problems of the Multimodal Text Translation (From the Russian Language)	29
<i>Prasolova O.D.</i> Idioms in Cinematic Texts as Viewed Through the Lens of Translation.....	34
<i>Gerasimenko I.V.</i> Typology of Methods in Translating Ray Bradbury's Phraeological Units Into Russian (Based on the Novel "Farewell Summer")	42
<i>Shusharina G.A., Petrunina Z.V.</i> Analysis of Online Translations of Emotional-Evaluative Vocabulary of Travelogue Texts.....	48
<i>Pak S.M.</i> Vocatives as the Factor of Linguacultural Transfer.....	55
<i>Lebedeva E.S.</i> Translating Russian Culture Into English: a Study of Proper Names in Olga Grushin's Fiction.....	61
<i>Shcherbina S.J.</i> Problems in Translating Jokes	66
<i>Kulpina L.J., Shcherbina S.J.</i> Translating Lichtenberg's Aphorisms	73

TRANSLATING FICTION

<i>Bakhtikireeva U.M., Tokareva N.A.</i> Translation of Culture in the Russian-Language Works of Fiction by a Non-Russian Author	80
<i>Butenina E.M., Soshnikova E.S.</i> Self-Translation in Russian-American Fiction (Mikhail Idov's Novel <i>Ground Up</i>).....	87
<i>Vitoshnova A.M.</i> Undiscovered Texts of Exile Literature (Translingualism and Internal Translation Based on the Novel "Children Of Vienna" By Robert Neumann)	92
<i>Tchemodanova S.M.V.</i> Internal Translation of Slavic Linguaculture in Nicholas Kotar's Novel <i>The Song Of The Sirin</i>	101
<i>Karavanova E.K., Toropova L.S., Maximova Yu.S.</i> Creating a Tertiary Worldview of Fantasy Fiction Books Through Translating Into English (Based on Novels About Tanya Grotter by D. Emets)	108
<i>Pak S.M., Efremova G.A.</i> The Role and Ways of Adaptation of Foreign Substratum in Literary Work of Fiction	116
<i>Sysoev V.V., Proshina Z.G.</i> Translation Multiplicity and Translation Dispersion as Phenomena of Translating Fiction.....	123
<i>Panchenko T.F.</i> The Concept of Happiness in Russian and Chinese Artistic Consciousness: A.P. Chekhov "Happiness" and Lu Xun "Begging About Happiness"	130
<i>Korshunkov V.A.</i> Latin Song in the Novel "Kamchadalka" by Ivan T. Kalashnikov	140

TRANSLATING SPECIAL TEXTS

<i>Manerko L.A.</i> Professional Communication, Lspand Peculiarities of Scientific Translation and Interpreting.....	147
<i>Kovaleva E.I.</i> Interdiscursive Structure of Special Knowledge as a Term Productive Factor in An LSP Text Translation.....	154

<i>Shapovalova T.R.</i> Translation of Scientific and Technical Texts in The Context of the Implementation of Long-Term International Projects	163
<i>Marinich L.Ph., Prytkova Z.I.</i> Linguacultural Approach to Translating Scientific and Technological Terminology (With Special Reference to Sublanguages of Architecture and Power Engineering)	171
<i>Starodubov S.V.</i> Strategies and Tactics of Court Interpreting	179
<i>Pak S.M., Pavlova Y.A.</i> Synonyms as the Means of Persuasiveness From Linguo-Cultural Perspective in The Russian and English Judicial Discourse	186
<i>Lomakin B.Ye.</i> Linguo-Medial Reconstruction of an Event in Cross-Cultural Aspect: How Media-Texts From <i>Le Monde</i> Are Translated Into English	195
<i>Dashinimaeva P.P., Lambaeva A.T.</i> Pretranslation VS. National Stereotype Relativization. English and Buryat Media Discourse	204
<i>Belyakov M.V.</i> The Problem of Emotivity Loss in Translation (Based on Official Speech Translation of Permanent Representatives of the Russian Federation to the Un)	212
TRANSLATION CULTURE AND DIDACTICS OF TRANSLATION	
<i>Shcherbakov O.V., Proshina Z.G.</i> Culture of Translation in Russian Linguistic Landscapes	217
<i>Fedorova E.S.</i> "The Feast of Literature". Nikolay A. Fedorov: How to Teach the Art of Translation in the Process of Teaching Latin	225
<i>Elizarova L.V., Kustova O.Y.</i> Cultural Component as a Parameter of Translational Text Analysis.....	234
<i>Proshina U.M.</i> Studying Culture-Bound Words and Their Translation With the Help of Corpora	242
<i>Emelianova N.A.</i> Translation of an Academic Text and the Problem of Its Interpretation in the Context of the English and Russian Cultural Traditions	249
<i>Volkova T.A.</i> Online and Offline Mock Conferences as a Tool For Training Consecutive Interpreters	259
PROBLEMS OF THE FAR EAST	
<i>Musalitina E.A., Akhmetova A.V., Bobyshev S.V.</i> The Influence of Soviet-Chinese Cooperation on the Development of Preventive Medicine in China	269
<i>Sadchenko V.T., Fang Haixu.</i> Lexical Means of Expressing Gradation (Based on Emotive Verbal Vocabulary From "The Dictionary of the Russian Dialects in the Amur region")	277
<i>Tsybdenova B.Zh.</i> The Role of Family in Preserving the Native Language	284
<i>Spassky E.N., Rudetsky O.A.</i> Humanitarian Vector of Scientific Periodicals of the Khabarovsk Krai and the JAO: History, Current State, Prospects	290
OUR HEROES OF ANNIVERSARY	298
AUTHORS GUIDELINES.....	299

Уважаемый читатель!

Перед Вами очередной филологический номер журнала, посвященный в этот раз проблемам перевода, имеющим отношение к культуре как образу жизни и способу мышления, а также связанным с культурой, предлагающей ценностную оценку деятельности переводчика. Именно в связи с этим мы разделили наш номер на четыре больших раздела: 1) **Фундаментальное осмысление перевода – культуры – языка**, где обсуждаются общие и частные теоретические проблемы взаимосвязи трех названных составляющих: перевода в его лингвистическом, литературном и культурном проявлении; 2) **Перевод художественного текста**; 3) **Перевод специального текста**; 4) **Культура перевода и дидактика перевода**. В последней части объединение вопросов культуры перевода, обусловленных аксиологическим пониманием термина «культура», с переводческой дидактикой объясняется именно оценочным наполнением прикладного переводоведения, коим является дидактика перевода, ставящая своей целью обучение правильному и приемлемому переводу и подготовку кадров для обучения переводчиков.

В первом разделе, как было отмечено, представлены статьи по общей и частной теории перевода. В статье С.С. Галактионова (МГУ им. М.В. Ломоносова) детально рассматривается становление и развитие зарубежной концепции так называемого культурного поворота в переводоведении, грозившего увести науку о переводе в область чистой социологии; показывается, что отечественным переводоведам, всегда державшимся за лингвистический стержень, удалось избежать такого рода поворота и гармонично сочетать интерес к языку и культуре, благодаря чему отечественное переводоведение продолжало и продолжает обслуживать интересы социума. В статье Л.В. Полубиченко (МГУ им. М.В. Ломоносова) в лингвокультурном аспекте обсуждается вопрос о соотношении литературной нормы языка и речевых девиаций в тексте; рассматриваются компенсаторные возможности воспроизведения речевых отклонений, необходимых для передачи характеристики персонажей и стиля автора, что, в свою очередь, «требует от переводчика высокой филологической культуры и тонкого языкового чутья». Рассмотренная автором проблема имеет особую актуальность сегодня, для передачи вариантных отклонений плюрицентричных языков, а также в процессе перевода субстандартной лексики, речи иностранцев, выявления факто-

ров адекватности и репрезентативности перевода и т.п. Две статьи этого раздела посвящены аудиовизуальному переводу: в статье О.И. Максименко (Московский гос. обл. ун-т) обсуждаются проблемы передачи мультимодальных анимационных фильмов (с русского языка на китайский), поднимается проблема локализации мультипликационной продукции, преодоления культурной непереводимости, анализируются способы компенсации интертекста; во второй статье – О.Д. Прасоловой (Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова), материалом исследования которой послужили также кинотексты, в фокусе внимания оказываются фразеологизмы, при переводе которых, как выяснил автор, доминирует тенденция к культурной нейтрализации. Фразеологизмы стали также объектом исследования статьи И.В. Герасименко (Санкт-Петербургский ун-т технологий управления и экономики), рассмотревшей их переводческую классификацию на материале перевода романа Р. Брэдбери на русский язык.

Наши авторы представили исследования на материале самых разных жанров, в том числе новых онлайн-типов. Например, в статье Г.А. Шушариной и Ж.В. Петруниной (Комсомольский-на-Амуре гос. ун-т) сделан анализ эмоционально-оценочной лексики онлайн-машинных переводов тревелогов. Переводу жанров анекдота и афоризмов, текстов малого формата с культурной спецификой, посвящены две статьи хабаровских авторов С.Ю. Щербины и его соавтора Л.Ю. Кульпиной (ТОГУ).

Две статьи первого раздела журнала фокусируют внимание на переводе собственных имен (Е.С. Лебедева, МГУ им. М.В. Ломоносова) и вокативов (С.М. Пак, Хабаровский гос. ун-т экономики и права), перевод которых затрудняется из-за культурных барьеров рецепции исходного и переводного текстов. Оба автора в качестве материала для своего исследования взяли транскультурные произведения авторов-билингвов.

Второй раздел тематического выпуска журнала также представляет нам несколько транскультурных / транслингвальных работ. Открывает это раздел статья У.М. Бахтикиреевой и Н.А. Токаревой (РУДН, г. Москва), ставящих вопрос о переводе культуры в русскоязычном творчестве нерусского автора, о том, каким типом перевода является транскультурная литература и чем она отличается от литературы, написанной автором на родном

языке о не своей, «другой» культуре. Статья Е.М. Бутениной и Е.С. Сошниковой (Дальневосточный федерал. ун-т) рассматривает феномен автоперевода транслингвального русско-американского автора М. Идова, второго после Набокова переводчика собственного текста, как утверждают авторы, сделанного русско-английским писателем билингом. В статье А.М. Витошновой (МИСиС) анализируется транслингвальный текст и внутренний перевод явлений австрийской культуры на английский язык романа Р. Ноймана, представляющего немецкую «литературу изгнания». Как справедливо пишет автор статьи, в тексте романа «всплывает немецко-австрийская лингвокультура, так надёжно упрятанная за английским языком» и создающая дополнительные проблемы для переводчика на третий язык, т.е. для опосредованного перевода. О внутреннем переводе, но уже славянской лингвокультуры в американском художественном творчестве пишет С.М.В. Чемоданова (МГУ им. М.В. Ломоносова), анализируя мифопоэтический стиль американского писателя русского происхождения Николая Котара. Жанр фэнтези русского автора Д. Емца и проблемы его перевода на английский язык представлены в статье хабаровских авторов Е.К. Каравановой, Л.С. Тороповой и Ю.С. Максимовой (ДВГУПС). Здесь также обращается внимание на антропонимы как культурные маркеры языковой картины мира и интеракциональность как составляющую часть культурного пространства; передача культурных кодов – это главная переводческая проблема, обсуждаемая в статье. Способы внутреннего перевода и адаптации иноязычного субстрата, китайского и русского, к англоязычному читателю показаны в статье С.М. Пак (Хабаровский гос. ун-т экономики и права) и Г.А. Ефремовой (ТОГУ).

Статья В.В. Сысоева и его соавтора (МГУ им. М.В. Ломоносова) продолжает развивать положения магаданской школы переводоведения, заложенной Р.Р. Чайковским. Рассматривая вопрос переводной множественности и переводческой дисперсии на примере переводов заглавия знаменитой поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» на английский язык, авторы делают вывод, что дисперсия в переводе может быть высокой и низкой; при этом проводится разграничение между терминами «переводческая дисперсия» и «переводная дисперсия»: первый характеризует качество работы самого переводчика, который для создания качественной репрезентации переводного текста призван минимизировать действие закона дисперсии; второй термин касается переводных текстов, переводная дисперсия может проявляться по-разному в переводной множественности текста, поскольку слово может иметь высокую степень рассеивания в

разных переводах, но низкую степень рассеивания в одном переводе. В статье Т.Ф. Панченко сопоставляется выражение концепта «счастье» в русском и китайском художественном сознании, причем вторая часть исследования делается через переводы на русский и английский языки, что также имеет отношение к переводной множественности. Разные переводческие рецепции концепта «счастье» у китайского классика Лу Синя и А.П. Чехова объясняются неоднозначностью концепта «счастье», его материальным и идеальным смыслами с доминированием идеи духовного развития и поиска путей самосовершенствования. Весьма необычный объект исследования выявляется в статье В.А. Коршункова (Вятский гос. ун-т, г. Киров), открывающего нам малоизвестного русского писателя И.Т. Калашникова, один из героев которого в романе «Камчадалка» поет переведенную им на латинский язык русскую народную песню. Анализ этого перевода, причины его включения в текст романа, характеристика действующего лица, сделавшего этот перевод, дает возможность увидеть роль классического языка в системе образования русского духовенства, значимость фольклорного источника, а также проблемы перевода на латынь и обратного перевода на русский язык.

Третий раздел связан со специальным переводом текстов научно-технической, судебной, медийной и дипломатической тематики. Работа Л.А. Манерко (МГУ им. М.В. Ломоносова) посвящена анализу взаимосвязи профессиональной коммуникации, языка для профессиональных целей и научного перевода. Особенности перевода терминологии банковского дискурса обсуждаются в статье Е.И. Ковалевой, проследившей свойство интердискурсивности в терминологической системе. Специфика перевода технических спецификаций на примере международных нефтебуровых проектов представлена в работе Т.Р. Шаповаловой (Сахалинский гос. ун-т). Значение лингвокультурной компетенции переводчиков продемонстрировано на примере перевода терминов в дискурсах по теме «Архитектура» и «Электроэнергетика» в статье Л.Ф. Маринич и Ж.И. Прытковой (ДВГУПС).

К вопросу о стратегиях и тактиках перевода судебного дискурса обращается работа С.В. Стародубова (Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова). Этот же дискурс, но в плане семантики и прагматики, представлен в статье С.М. Пак (Хабаровский гос. ун-т экономики и права) и Я.И. Павловой (Дальневосточного юрид. ин-т МВД РФ), обративших внимание на использование синонимии как средства персуазивности.

Медийный дискурс и проблемы его конструирования, анализа и перевода обсуждаются Б.Е. Ло-

макиным (МГУ им. М.В. Ломоносова), сфокусировавшим внимание на проблеме лингвомедийного конструирования события с использованием английского и французского языков; П.П. Дашини-маевой и А.Т. Ламбаевой (Бурятский гос. ун-т им. Доржи Банзарова), подчеркнувших важность предпереводческого анализа для определения степени релятивизации национального стереотипа, отраженного в медийном дискурсе. Важная и остро дискутируемая проблема утраты эмотивности при переводе рассмотрена М.В. Беляковым на материале перевода официальных выступлений постоянных представителей РФ в ООН.

Четвертый раздел журнала имеет аксиологический и дидактический характер. В статье О.В. Щербакова и З.Г. Прошиной (МГУ им. М.В. Ломоносова) вопрос культуры перевода ставится в связи с анализом языкового ландшафта российских городов, преимущественно г. Москвы. Динамика изменений обнаружена в связи с геополитической обстановкой, она также зависит от типов организаций, которым надо вербализовать навигационную, просветительскую и рекламную функцию с участием одного, двух или более языков и их гибридизации.

В своей мемуарно-дидактической статье Е.С. Федорова (МГУ им. М.В. Ломоносова) рассказывает о своем супруге, выдающемся латинисте московского университета Н.А. Федорове, который великолепно сочетал преподавание классического языка с передачей культурологических знаний и с обучением переводу. В данном номере журнала это уже вторая статья, показывающая роль латыни в образовательном процессе нашей страны, в том числе для подготовки высококвалифицированных переводчиков, для которых латынь является неперемным компонентом их транслингвального репертуара.

В статье Л.В. Елизаровой и О.Ю. Кустовой (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург) на материале перевода с немецкого языка показана роль куль-

турного компонента как параметра переводческого анализа текста с фокусом внимания на инвариантную и вариативную составляющую. Статья У.М. Прошиной (МГУ им. М.В. Ломоносова) ставит целью рассмотреть использование электронных параллельных корпусов как инструмента перевода реалий. Н.А. Емельянова (МГУ им. М.В. Ломоносова) продемонстрировала переводческие трудности, возникающие при передаче академического текста с английского языка на русский и наоборот, что связано с определенными культурными традициями, на которых базируются данные языки. Статья Т.А. Волковой (Нижегородский гос. лингв. ун-т им. Н.А. Добролюбова) будет особенно полезна преподавателям, ведущим практический перевод, поскольку в ней автор щедро делится своим богатым опытом организации учебных конференций в онлайн- и офлайн-формате как инструменту обучения устному последовательному переводу, что при дефиците учебной практики студентов-переводчиков представляется очень важным средством тренировки.

Редакция журнала надеется, что в этом номере, авторы которого представляют многие регионы нашей Родины, разные школы научной мысли и являются как маститыми учеными, прекрасными преподавателями-практиками, так и начинающими исследователями, впитавшими опыт и знания своих старших коллег и, возможно, глядящих на обсуждаемые проблемы с чуть более нового ракурса, читатель найдет новые для себя идеи, новые имена и вдохновится на новые изыскания.

С благодарностью ко всем авторам и к Вам, дорогой читатель,

З.Г. Прошина,
редактор-составитель выпуска,
зав. отделом «Филология»

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПЕРЕВОДА – КУЛЬТУРЫ – ЯЗЫКА

FUNDAMENTAL CONCEPTUALIZING OF TRANSLATION – CULTURE – LANGUAGE

Научная статья

УДК 80

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-13-22

КУЛЬТУРА В ПЕРЕВОДЕ: ЗАРУБЕЖНЫЕ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Семён Сергеевич Галактионов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, semengal98@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются взгляды зарубежных и отечественных переводоведов на проблему соотношения культуры и перевода. Тогда как в западной теории перевода выделяется феномен культурного поворота, под эгидой которого во второй половине XX в. выступало большое количество исследователей, нельзя сказать, что среди советских и российских переводоведов выделяется аналогичное течение. Цель настоящей работы – описать и проанализировать основные вехи культурного поворота, определить, что повлияло на те или иные переводоведческие концепции, а также рассмотреть позиции ряда отечественных исследователей. Для этого сначала рассматриваются истоки культурного поворота и становление Манипулятивной школы перевода. Затем внимание переходит на постколониальное переводоведение и более поздние концепции западных теоретиков. После этого описываются идеи отечественных лингвистов. Выводы, сделанные в данной статье, позволят проводить дальнейшие исследования в области истории переводоведения.

Ключевые слова: культурный поворот, история переводоведения, постколониальное переводоведение, межкультурная коммуникация, лингвокультурология

Original article

CULTURE IN TRANSLATION: WESTERN AND RUSSIAN CONCEPTS

Semyon S. Galaktionov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, semengal98@mail.ru

Abstract. This article discusses the views of Western and Russian translation scholars on the problem of the relationship between culture and translation. Whereas in Western theory of translation uses the term “cultural turn”, which united a large number of researchers in the second half of the 20th century, the same cannot be said about Soviet and Russian translation scholars. The purpose of this work is to describe and analyze the milestones of the “cultural turn”, to determine what affected certain translation concepts, and to consider the views of a number of Russian researchers in this regard. To this end, we first outline the origins of the “cultural turn” and the formation of the Manipulation School of translation studies. Then, the focus shifts to postcolonial translation studies and concepts of Western theorists that formed later. After that, the ideas of Russian linguists are described. The conclusions made in this article will develop into further research in the field of the history of translation studies.

Keywords: cultural turn, history of translation studies, postcolonial translation, intercultural communication, linguaculturology

Введение

Вопрос соотношения культуры и перевода крайне значим как для теории перевода в целом, так и для его практики. Наиболее остро этот вопрос встал во второй половине XX в., когда в фокусе зарубежных и отечественных лингвистов и переводчиков оказались различные функции и особенности перевода как средства межкультурной коммуникации. Западные переводоведы озаменовали это явление культурным поворотом. В контексте исторического развития переводоведения как самосто-

ятельной гуманитарной дисциплины фраза «культурный поворот» обозначает многогранный процесс, который был запущен рядом зарубежных исследователей в 80-е гг. XX в. и в дальнейшем развитие которого внесли свой вклад десятки переводоведов со всего мира. Упомянуть всех тех теоретиков и практиков перевода, которые в той или иной мере оказали влияние на становление культурного поворота и продвижение его идей, представляется невозможным, поскольку такое исследование заслуживало бы написания полноценной моногра-

фии. В силу этого в настоящей работе рассмотрены основные вехи данного переводоведческого течения и упомянуты только те труды, которые представляются наиболее показательными для каждого из этапов его развития. Особое внимание уделяется тому, как проблема культуры и перевода отражена в исследованиях отечественных теоретиков перевода и возможно ли их объединение с работами западных коллег.

Тем не менее в первую очередь мы бы хотели обратиться к истокам культурного поворота и той литературоведческой и культурологической концепции, которая указала путь для дальнейших исследований.

Истоки культурного поворота и Манипулятивная школа перевода

Знаменитый американский поэт, переводчик, автор доклада «The Name and Nature of Translation Studies» [1], лежащего в основе переводоведения как науки, Джеймс С. Холмс отмечал, что ключевым моментом в истории развития данной области исследований стало появление так называемой полисистемной теории израильского лингвиста и культуролога Итамара Эвен-Зоха [2: с. 107]. Позаимствовав ряд идей из области систематики, вспомогательной дисциплины, рассматривающей то, как функционируют различные системы, в том числе языковые и литературные, И. Эвен-Зоха пришёл к выводу о том, что литература в конкретном обществе представляет собой совокупность различных систем, т.е. систему систем или же полисистему [3]. При этом различные литературные жанры, школы и течения внутри такой полисистемы находятся в непрекращающейся борьбе за первенство, постоянно соревнуясь за читательскую аудиторию. В этом свете меняется и каноничное определение литературы, которое теперь отбрасывает всякую идею статичности и представляет литературу как некий динамический процесс с постоянно изменяющимися переменными.

В арсенал большинства теоретиков перевода понятие полисистемы было введено именно Д. Холмсом в ходе X Мирового конгресса Международной федерации переводчиков в Вене в августе 1984 г. [4: с. 37]. На следующий год после конгресса под редакцией бельгийского переводоведа Тео Херманса публикуется собрание статей и эссе под названием «The Manipulation of Literature», и выход данного сборника можно считать следующим знаменательным этапом в истории культурного поворота. Основной целью этого издания являлось создание новой парадигмы в области исследований художественного перевода. Среди авто-

ров, опубликованных в сборнике, были такие выдающиеся переводчики, как Гидеон Тури, Хосе Ламберт, Хендрик ван Горп, Сьюзен Басснетт и Андре Лефеве. Несколько обобщая те идеи, которые были высказаны вышеперечисленными исследователями в их работах, сам Т. Херманс в предисловии к изданию отмечает, что с позиции литературы принимающего языка любой перевод предполагает некую «манипуляцию исходным текстом с определённой целью» [5: с. 10–11]. Именно использование слова «манипуляция» в названии сборника и в предисловии к нему и послужило основанием для того, что эту группу исследователей стали называть Манипулятивной школой перевода.

Вслед за И. Эвен-Зохаром представители Манипулятивной школы рассматривают литературу как некую сложную и динамичную систему. При разработке нового подхода к художественному переводу они руководствовались следующими основополагающими принципами: дескриптивностью, ориентированностью на принимающую культуру, функциональностью и системностью. В эпоху, когда в теории перевода господствовал догматизм, принципы, взятые за основу исследователями Манипулятивной школы, представлялись поистине инновационными. Лингвистические особенности исходного текста уходили на второй план, и в фокусе новой переводоведческой парадигмы оказывалась функция перевода в целевой культуре. В своей статье в сборнике Г. Тури пишет, что инициатором перевода и переводческого процесса выступает именно целевая или принимающая культура. Под культурой он понимает социальный контекст перевода, а также совокупность норм, конвенций, идеологии и ценностей, присущих «принимающей системе», т.е. принимающему перевод обществу. С точки зрения Г. Тури, перевод как целенаправленное действие обуславливается теми задачами, которые перед ним ставит та или иная принимающая система. Таким образом, Г. Тури заключает, что «переводчик действует не в интересах исходной культуры и относящегося к ней текста, а в интересах той культуры, для которой он осуществляет перевод» [6: с. 18–19].

Особое место в рядах сторонников культурного поворота занимают упомянутые ранее А. Лефеве и С. Басснетт. Наиболее значимой работой этих исследователей считается сборник под названием «Translation, History and Culture», вышедший под их совместной редакцией и включавший в себя тексты докладов, представленных на конференции в Уоррике в 1988 г. Во введении к этому изданию авторы заявляют, что культурный поворот предполагает

отказ от сциентистского подхода к изучению перевода, в центре которого находится понятие эквивалентности исходного текста и переводного текста. Вместо текста внимание заостряется на культуре, и этой установке следуют все опубликованные в сборнике авторы, представившие большое количество конкретных примеров из своей переводческой практики. В предисловии к сборнику встречается одно из ключевых утверждений, совместно разработанных авторами: «Перевод был и остаётся одной из главных конструктивных сил в развитии мировой культуры, и ни одно исследование в области сравнительного литературоведения не может обойтись без обращения к переводу» [7: с. 12]. Следует отметить, что в данном утверждении речь идёт скорее о культурном повороте в области сравнительного литературоведения, так как подразумевается, что именно оно должно пересмотреть объект своих исследований и включить в него перевод. Главным образом, данный тезис помещает перевод в контекст диалога культур и подсвечивает его важность как инструмента взаимодействия с другой культурой через художественную литературу.

В своих отдельных работах А. Лефеве́р определяет перевод как «переписывание» [8: с. 7] и объясняет, каким образом переводы помещают себя в пространство принимающей культуры. Именно переписывание в конечном итоге определяет то, как читатель воспринимает текст, его автора и ту культуру, которая данный текст породила. Читатель присваивает себе элементы чужой культуры, что, в свою очередь, позволяет развиваться принимающей культуре, её литературе и картине мира [9]. Естественно, А. Лефеве́р не обделяет вниманием переводчиков, чья роль в переписывании текстов представляется крайне важной. Он считает, что переводчики, как и сами авторы, несут ответственность перед рядовым читателем, от которого зависит судьба мировой литературы [8: с. 1]. Именно переводчики предоставляют литературное произведение целевой культуре, и их роль в этом процессе вовсе не статична. То, что они делают, приобретает высочайшую значимость для межкультурного диалога, так как их действия формируют образы авторов, литератур и других культур в сознании читателей.

Уже после смерти А. Лефеве́ра С. Басснетт продолжает и дальше развивать его идеи. В их последней совместной работе С. Басснетт поднимает вопрос о соотношении переводоведения и культурологии. Она проводит обзор каждого из этих научных направлений, а также указывает точки их соприкосновения и переплетения, в результате чего прихо-

дит к идее о необходимости «переводоведческого поворота» в культурологии. По её мнению, обе дисциплины уже избавились от своего начального европоцентристского характера и стали более интернациональными, что позволяет им совершенствовать свои методы и изучать соотношение между глобальным и локальным [10: с. 136–138].

Здесь видится приближение идей культурного поворота к идеям постколониализма и постколониального перевода, о которых в дальнейшем и пойдёт речь.

«Каннибалистический» подход к переводу

В рамках своего исчерпывающего обзора культурного поворота в переводоведении англо-австралийская переводчица и исследовательница Мэри Снелл-Хорнби также отмечает связь между поздними идеями таких исследователей, как А. Лефеве́р и С. Басснетт, с тем, что в то время высказывали теоретики постколониального перевода [11: с. 50].

Рассматривая различные подходы, близкие по своим идеям к постколониальному переводоведению, М. Снелл-Хорнби уделяет особое внимание трудам бразильской переводчицы Розмари Аррохо. В 1986 г. Р. Аррохо громко заявляет о себе, опубликовав небольшую работу под названием «Мастерская перевода» («Oficina de tradução»), где ею активно поднимаются вопросы колониального прошлого южно-американских культур и невозможности их отражения с помощью имеющихся переводческих практик. Её основной целью было добиться того, чтобы перевод стал средством освобождения коренной культуры от давления со стороны доминантной европейской культуры. Для этого она обращается к идеям так называемого Антропофагического движения, захватившего Бразилию в 20-х гг. XX в. и представлявшего собой форму политического сопротивления европейскому влиянию. Тезисом этого движения выступала мысль о том, что коренной культуре необходимо поглотить и впитать в себя культурные ценности индустриализированных стран, т.е. понятие «каннибализма» превращается тут в метафору противостояния культурному доминированию. Применение данного каннибалистического подхода к интерпретации текстов приводит к появлению новых прочтений, которые, в свою очередь, формируют различные дискурсивные поля при переводе. Таким образом, нарушается чёткая иерархия исходного текста и переводного, и именно с этого положения начинается собственное исследование Р. Аррохо. Вдохновившись идеями французского философа Жака Деррида [12], Р. Аррохо критикует логоцентризм западной философской традиции и её фик-

сацию на письме, которое традиционно являлось основой теории перевода. Она заявляет, что у текста не может быть какого-то фиксированного или конечного смысла, так как каждое новое прочтение приводит к трансформации. Переводчик же в данном случае сам берёт на себя роль автора, и вместе с этим деконструируется любое представление о верности исходному тексту.

Таким образом, Р. Аррохо берёт «смерть» автора, провозглашённую Роланом Бартом, и заявляет о «рождении» читателя [13]. «Каннибалистичность» подхода бразильской исследовательницы может быть наиболее чётким образом выражена в следующей фразе: «...происходит выпитывание языка и культуры колонизатора и последующее их выражение посредством английского языка, обогащённого коренными элементами» [11: с. 63]. Проанализировав основные положения концепции Р. Аррохо, М. Снелл-Хорнби пришла к выводу, что, хотя идеи бразильской переводчицы всё ещё находятся в парадигме культурного поворота, они уже значительно сближаются с тем, что исследователи впоследствии высказывали относительно постколониальной литературы.

Постколониальный перевод

Основателем непосредственно постколониальной теории принято считать американского литературного критика палестинского происхождения Эдварда В. Саида, который в 1978 г. опубликовал книгу «Ориентализм». Вслед за М. Фуко Э. Саид исследует комплекс знания-власти, а также различные колониальные практики, которые были выработаны в западной традиции в отношении Востока. Он утверждает, что, так как страны Запада контролировали процесс выработки знания, они смогли навязать Востоку такой тип идентичности, при котором он изначально оказывался в зависимом и подчинённом положении [14: с. 155–156]. Данная работа стала отправной точкой развития постколониальной теории и задала основной принцип для проведения дальнейших исследований в данной области: деконструкцию западной системы знаний и власти.

Отдельного внимания заслуживает американский философ индийского происхождения Гаятри Ч. Спивак, которая стала одним из популяризаторов постколониальных исследований культур и обществ. Как и в случае с Р. Аррохо, на взгляды Г. Спивак в значительной степени повлияли идеи философии постмодернизма, которая постулировала неограниченный плюрализм дискурсов, свободу в их производстве и выборе, отказ от универсализма научного знания и детерриторизацию

процесса познания реальности [15: с. 176]. Эти постулаты и ложатся в основу исследований Г. Спивак. В 1988 г. ею была опубликована работа «Can the Subaltern Speak?», в которой Г. Спивак рассматривает проблему невозможности представителей коренных населений участвовать в процессе развития постколониальных территорий. Выводом её работы было то, что «угнетённый не может говорить» [16: с. 26], т.е. он всё ещё не является независимым актором и находится в тени Запада. В своей следующей крупной работе Г. Спивак на примере европейских метафизиков показывает, как западная философия исключает угнетённых и представителей «незападного» мира, «не давая им почувствовать себя полноценными функционирующими субъектами постколониального общества» [17: с. 317].

Постколониальная теория не могла обойти стороной и переводоведение, поэтому уже через два года после публикации монографии Г. Спивак «Can the Subaltern Speak?» в упомянутом ранее сборнике под редакцией А. Лефевра и С. Басснетт «Translation, History and Culture» выходят две статьи, ощутившие на себе заметное влияние идей постколониализма. В первую очередь следует отметить статью, написанную словацкой переводчицей Марией Тымочко. Свою работу М. Тымочко посвящает проблеме устного перевода в бесписьменных культурах. Она обращает внимание на то, что ориентация письменных культур на слово и текст предопределяет выбор эквивалентного или дословного перевода, тогда как в устных культурах исходные тексты разбиваются на такие единицы, которые можно было бы адаптировать к принимающей литературе, её поэтике и идеологии. В результате устная культура подвергается «переписыванию» и именно в такой переписанной форме продолжает существовать в принимающей культуре [18]. Таким образом, своей работой М. Тымочко не только подняла проблему репрезентации чужих культур с помощью перевода и взаимоотношения между доминирующими и колонизованными культурами в постколониальном пространстве, но и привлекла внимание к бесписьменным культурам, которым в переводоведческих исследованиях часто не уделялось должного внимания.

Второй значимой работой в сборнике 1990 г. была статья коллеги М. Тымочко индийской исследовательницы Махасветы Сенгупты. На примере творчества индийского поэта Рабиндраната Тагора М. Сенгупта показывает, как нередко осуществляется перевод авторов из колониальных культур. Дело в том, что Нобелевскую премию по литературе Р. Тагор получил только после того, как его стихи были переведены на английский Лондонским ин-

дийским обществом при поддержке Уильяма Ротенштейна, Эзры Паунда и Уильяма Йейтса. Лично Р. Тагор перевёл лишь несколько избранных стихотворений, которыми и смог заинтриговать лондонскую интеллигенцию. Проблема заключалась в том, что признанный и оценённый Шведской академией перевод при более детальном рассмотрении оказался крайне стереотипизированным и адаптированным к господствующей поэтике английского общества Эдвардианской эпохи. М. Сенгупта также отмечает, что даже в тех стихах, которые Р. Тагор перевёл лично, происходит адаптация к поэтике языка перевода, а также изменение стиля, образности и лирической тональности произведений поэта. Исследовательница объясняет это тем, что когда Р. Тагор переводит свою поэзию, он как бы обитает сразу в двух разных мирах. При работе со своим родным языком он пишет живо и может обращаться к разговорной речи, у него нет нужды подстраиваться под чужую лингвокультуру. Но когда Р. Тагор начинает переводить, ситуация меняется, и английский язык помещает его в такой контекст, в котором находит выражение его колониальное «я». Эта колониальная идентичность поэта полностью соответствовала стереотипным европейским представлениям о жителях стран Востока. Для европейского читателя Р. Тагор был автором из совершенно другого мира, голосом, несшим умиротворение и спокойствие и позволявшим на время сбежать от западного материализма [19: с. 57–59]. Таким образом, поэзия Р. Тагора прошла процесс «переписывания», была подведена под идеологические рамки другой культуры и воспринята европейским обществом в искажённом виде.

В 1992 г. выходит монография ещё одной индийской исследовательницы, переводчицы и культуролога Теджасвини Ниранджаны. В ходе своего исследования Т. Ниранджана показывает, как язык и перевод использовались для сохранения неравных властных отношений, распространения предрассудков и верховенства одной культуры над другой. Особое внимание она уделяет тем случаям, когда индийские тексты в интересах британских колонизаторов переводились на английский язык. За наиболее ярким историческим примером Т. Ниранджана обращается к деятельности британского востоковеда и юриста сэра Уильяма Джонса, который прибыл в Индию в 1783 г. и пытался с помощью перевода «одомашнить Ближний Восток и насадить там европейскую систему образования» [20: с. 12]. Благодаря этому У. Джонсу удалось сформировать в сознании Запада красочный, но заведомо ложный образ покорного и ленивого «индуса», образ,

который оказал значительное влияние на все последующие поколения исследователей. Т. Ниранджана отмечает, что британский востоковед действовал по трём принципам, которые крайне показательны с точки зрения различных колониальных практик: во-первых, переводы должны осуществлять только европейские переводчики, так как коренное население ненадёжно даже в вопросах собственной культуры и законов; во-вторых, с помощью перевода необходимо «обновить» существующее законодательство и, в-третьих, необходимо «очистить» индийскую культуру и не давать ей говорить самой за себя. Здесь вновь вспоминается случай с Р. Тагором, чья поэзия при переводе подверглась аналогичной «чистке» и за счёт адаптации к английской поэтике потеряла определённую долю самостоятельности и самобытности.

Таким образом, анализ трудов переводоведов – сторонников постколониальной теории позволяет выделить две основные задачи подобных исследований: 1) показать, как с помощью перевода доминирующие культуры манипулируют колонизованными; 2) понять, отражается ли политическое и культурное неравенство в текстах переводов. Впоследствии ирландский переводовед и специалист по гэльскому языку Майкл Кронин добавляет к вышеперечисленным задачу борьбы с колонизаторами с помощью перевода и распространения литературы, написанной на коренных языках [21]. Решение этих задач позволяет продвинуться дальше, выйти за колониальные рамки и обратиться к следующей, наиболее важной задаче подобных изысканий – поиску непосредственных стратегий, которые позволили бы переводу служить средством деколонизации [22: с. 31].

От теории гибридности к стратегии форинизации

На поиски подобных переводческих стратегий неизменным образом повлияла теория гибридности британского учёного индийского происхождения Хомы Х. Бхабхи. Согласно Х. Бхабхе, гибридность представляет собой единение колониального наследия и доколониальной коренной культуры [23: с. 2]. Произведения многих мультикультурных писателей носят отметку гибридности, прежде всего, стилистической. Ещё русский философ Михаил Михайлович Бахтин отмечал, что такой стилистический гибрид «в известной мере диалогизован. Это значит, что скрестившиеся в нём языки относятся друг к другу как реплики диалога; это – спор языков, спор языковых стилей» [24: с. 439]. Это проявляется также в желании авторов противостоять западным реалиям и создавать такие образы, чья идентичности будут независимы от культуры колонизатора.

В результате этого в мультикультурной литературе происходит размывание западного колониализма, и коренная культура начинает осознавать, что и она теперь может «влиять на колонизатора, что открывает дорогу новым культурным и нарративным образованиям» [25: с. 179].

При этом гибридизация в понимании Х. Бхабхи не означает полного отказа от той или иной культуры, она лишь подчёркивает вновь начинающееся развитие коренных культурных форм и показывает взаимовлияние историй и литературных традиций [26: с. 202–205]. Происходит своего рода процесс вбирания одной традиции другой, в результате чего коренные и привнесённые литературные формы примиряются и становятся способны сосуществовать в рамках одного произведения. Подобные сосуществования впоследствии становятся объектом исследования теоретиков транскультурной литературы [27].

В рамках же переводоведения идеи Х. Бхабхи и наработки постколониальных переводоведов получают своё дальнейшее развитие в исследованиях американского теоретика и практика перевода Лоуренса Венути. Его основной целью являлось направить свою переводческую деятельность на решение культурно-политических задач, что во многом схоже с переводческой задачей деколонизации, описанной выше. В 1995 г. у Л. Венути выходит монография под названием «The Translator's Invisibility», в которой он проводит краткий обзор истории перевода и анализирует ситуацию на переводческом рынке в США. Л. Венути приходит к выводу, что этот рынок можно охарактеризовать как «империалистический за границей и ксенофобный дома» [28: с. 17]. Этим ещё раз подчёркивается однобокость европоцентристского подхода к переводу, особенно когда речь идёт о такой литературе, которая стремится к представлению культур меньшинств и их отличных ценностей.

В другом исследовании Л. Венути отмечает, что переводчики, следующие англо-американской традиции перевода, становятся «незаметными» [29: с. 1]. Это обусловлено тем, что в данных культурах господствует представление о том, что тексты переводов должны быть адаптированы к целевой культуре с её языковыми и эстетическими стандартами. Таким образом, переводной текст сразу становится понятным представителям принимающей культуры, так как соответствует лексическим, синтаксическим и идиоматическим нормам литературного языка. Стираются следы чужой культуры, и перевод уже воспринимается не как перевод, а как текст, входящий в «свою» литературу, т.е. происходит его доместикация.

Суть противоположной ей стратегии заключается в том, что все элементы «чужого», представленные в исходном тексте, противопоставляются и тем самым сопротивляются нормам целевой культуры. Л. Венути называет данную стратегию форинизацией, по-своему адаптируя понятие чужеродного перевода, введённое немецким философом Фридрихом Шлейермахером [30]. Для концепции Л. Венути же характерна ориентированность на сопротивление господствующим в целевой культуре языковым и властным кодам: «Форинизирующий перевод – это диссидентская культурная практика, которая выступает за отказ от доминирующих ценностей в пользу маргинальных языковых и культурных ценностей своей культуры, а также тех культур, чьи ценности подавлялись в связи с сопротивлением какой-либо доминирующей культуре» [28: с. 148].

Средствами сопротивления ценностям целевой культуры и господствующему в ней дискурсу являются отстранение и создание самим переводом очевидного культурного различия. Переводчик в этом случае проводит различные языковые эксперименты с архаизмами, жаргонизмами, социолектами, играет с литературными конвенциями и использует собственные языковые конструкты [28: с. 310]. Л. Венути видит в переводе средство сопротивления этноцентризму, расизму, культурному нарциссизму и империализму, он должен использоваться для установления демократических геополитических отношений и для борьбы с узурпаторскими настроениями доминирующих культур. Только через такое сопротивление переводчики смогут стать «заметными» и войти в сознание читателей и культур как действующие лица.

Несмотря на то что эксперимент Л. Венути сработал в рамках его собственных переводов, последовавшая за ним монография вызвала смешанные отзывы в переводоведческой среде. Многие отмечали чрезмерную категоричность американского переводчика, в особенности в том, что касается оппозиции «доместицирующий–форинизирующий», так как сам Л. Венути не скрывает своей предвзятости и позволяет себе резко негативно высказываться о попытках адаптации перевода к целевой культуре. Тогда как его мысли относительно роли переводчика, условий его работы и необходимости противостояния гегемонии английского языка действительно заслуживают внимания, современники Л. Венути критикуют его за лицемерие в том смысле, что при всей его приверженности идее свержения английского языка с его доминирующей позиции, он намеренно исключает из своих исследований те ситуации, когда переводной язык и целевая куль-

тура не являются англо-американскими [11: с. 147]. Полемика вокруг концепций доместикации и форинизации продолжалась вплоть до середины 2000-х гг., и многие исследователи считают, что именно на этой противоречивой ноте завершается то, что в истории переводоведения принято называть культурным поворотом.

Отечественное переводоведение и вопрос культуры

Сложно не отметить, что концептуализация культурного поворота как переводоведческого движения была преимущественно прерогативой западных исследователей. Это обусловлено рядом причин, наиболее весомой среди которых представляется фрагментированность тех исследований, которые проводились группами зарубежных переводоведов, замкнутость объединений типа Манипулятивной школы и слабо налаженные международные академические контакты. В этом смысле обвинение в поддержке доминантной позиции англо-американской переводческой традиции может быть предъявлено не только Л. Венути, но и большинству вышеупомянутых исследователей, внёсших вклад в развитие «культурного поворота». Все они так или иначе подходили к проблеме соотношения культуры и перевода с позиции переводчика, который может как добросовестно, так и недобросовестно адаптировать определённую исходную культуру под производимый англоязычный текст. Подобная критика, тем не менее, не умаляет того вклада, который эти исследователи внесли в дальнейшее развитие переводоведения как самостоятельной науки, и не уменьшает значимости рассматриваемых ими проблем. Естественно, переводоведы западного культурного поворота были не единственными, кого интересовали такие вопросы, как роль переводчика в межкультурном диалоге, репрезентация исходной культуры в тексте перевода, социальная и политическая функция перевода и т.д. Мы полагаем, что ретроспективный взгляд на то, как эти аспекты перевода рассматривались отечественными исследователями, позволит дополнить картину соотношения культуры и перевода.

В первую очередь обратимся к позиции российского лингвиста, одного из основоположников советской теории перевода А.Д. Швейцера. В своей книге «Глазами переводчика» А.Д. Швейцер делится бесценным профессиональным опытом, рассказывает о случаях из своей международной карьеры и во многом суммирует свои взгляды касательно переводческой деятельности как таковой. Он пишет: «Позиция переводчика как наблюдателя уникальна.

Его роль как посредника между двумя языками и двумя культурами дает возможность подмечать многое из того, что ускользает из поля зрения других участников международных встреч» [31: с. 3]. Здесь видится сближение идей отечественного переводоведа с тем, что высказывали такие западные исследователи, как А. Лефевр и С. Басснетт, говоря о значимости переводчика для успешного установления диалога культур. А.Д. Швейцер отмечает уникальность положения переводчика, что, в свою очередь, накладывает на него большую ответственность как перед исходной культурой, так и перед принимающей. Необходимость эквивалентности между исходным текстом и текстом перевода отечественный исследователь дополняет требованием адекватности, которая обеспечивает сохранение коммуникативного эффекта текста оригинала на представителя другой культуры. Таким образом, для А.Д. Швейцера перевод представляется инструментом, способным ознакомить адресата с чужой культурой, пересечь границы языков и культур.

При рассмотрении отечественных концепций перевода невозможно обойти стороной труды выдающегося специалиста в области лингвистики и переводоведения В.Н. Комиссарова. В своих работах он отмечал, что межъязыковой перевод почти всегда предполагает перевод из одной культуры в другую, и это позволяет вновь подчеркнуть значимость переводчика, который находится на пересечении двух культур и своими действиями устанавливает связь между ними. В.Н. Комиссаров также говорил о воспитательной роли перевода, так как читатель, получая в распоряжение переводной текст, расширяет свой кругозор и получает сведения о чужой культуре. К этим сведениям относятся факты о других народах, об их истории и обычаях, что, в свою очередь, подкрепляет межкультурную грамотность читателя и открывает для него ценность другой культуры [32]. Равно как и западные исследователи, рассуждавшие о представлении коренных культур в текстах переводов и о политической функции перевода, В.Н. Комиссаров рассматривает перевод как средство, которое позволяет не только сформировать у адресата представление о чужой культуре, но и научить его эту культуру уважать.

Это утверждение о переводе приближает нас к тому, что высказывают отечественные теоретики и специалисты в области межкультурной коммуникации, главной фигурой среди которых выступает заслуженный профессор МГУ С.Г. Тер-Минасова. В своих трудах С.Г. Тер-Минасова определяет перевод как самое прочное связующее звено между языками и культурами. Подтверждая ранее упомя-

нутый тезис А.Д. Швейцера, она утверждает, что перевод не сводится к эквивалентной замене слов исходного текста на слова переводного текста, а представляет собой крайне сложный творческий процесс, в результате которого соединяются разные миры, культуры и менталитеты. Переводчик же, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, должен в совершенстве знать как языки исходного и переводного текстов, так и культуры, к которым эти тексты принадлежат [33]. Так, в отечественной теории межкультурной коммуникации переводчик приобретает статус разностороннего и порой междисциплинарного эксперта, который в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации вынужден усваивать культурно-специфическую информацию из разных областей знания.

Данный краткий обзор позиций советских и российских переводоведов по вопросу соотношения культуры и перевода выявляет ряд сходств с тем, что высказывают их западные коллеги, причисляемые к движению культурного поворота. Но поскольку эти сходства сводятся к отношению к переводу как к диалогу культур и подчёркиванию роли переводчика, мы не можем говорить об отождествлении или взаимовлиянии этих переводоведческих течений, даже несмотря на тематическую общность и синхронность развития. Тогда как становление культурного поворота сопровождалось ростом популярности постмодернистской философии, постколониальной мысли и критической теории, что поспособствовало разделению движения на несколько школ, отечественные переводоведы оставались верны более лингвистически ориентированному подходу к переводу. Это не отменяет того факта, что труды таких исследователей, как А.Д. Швейцер, В.Н. Комиссаров и С.Г. Тер-Минасова, послужили толчком к формированию и дальнейшему развитию таких перспективных дисциплин, как теория межкультурной коммуникации, лингвокультурология, интерлингвокультурология [34] и лингвоконтактология.

Оглядываясь назад, мы видим два независимых течения, каждое из которых внесло свой вклад в развитие национальных теорий перевода, заложило основу для формирования новых дисциплин, а затем само пересекло границы культур и языков и стало объектом исследований, продолжающихся по сей день.

Заключение

В настоящей работе были рассмотрены различные переводоведческие, философские и культурологические концепции, так или иначе связанные с проблемой соотношения культуры и перевода. Сравнительный исторический анализ подходов зарубежных и отечественных исследователей к этому вопросу позволил не только определить этапы развития идей, свойственных этим переводоведческим течениям, но и размежевать их как тематически близкие, но разные по своей направленности. В завершение следует отметить, что феномен культурного поворота не зря получил именно такое название, ведь это был поистине поворотный момент в истории переводоведения. Благодаря трудам множества исследователей удалось отвлечь переводчиков от такого незыблемого понятия, как эквивалентность, и сместить их внимание на роль переводчиков как самостоятельных авторов текстов, роль самих переводных текстов в принимающей культуре, недостаточную представленность коренных культур в текстах переводов, а также необходимость сопротивления доминирующим и угнетающим переводческим стратегиям. В результате, после негласного завершения периода культурного поворота, стало появляться всё больше работ, посвящённых самым разным аспектам переводческой деятельности. Представляется, что данный материал послужит отправной точкой для дальнейших исследований в области истории переводоведения, а полученные результаты смогут быть использованы при написании более масштабной работы.

Список источников

1. Holmes J. S. The name and nature of translation studies // *Indian Journal of Applied Linguistics*. 1987. Vol. 13, № 2. P. 9–24.
2. Holmes J. S. *Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies*. Amsterdam : Rodopi, 1988. 117 p.
3. Even-Zohar I. Polysystem Theory // *Poetics Today: Polysystem Studies*. 1990. Vol. 11, No.1. P. 9–26. URL: <https://vdocuments.net/itamar-even-zohar-polysystem-studies-itamarezworksbookseven-zohar1990-polysystemthe.html?page=1> (accessed: 27 Jan. 2023).
4. Snell-Hornby M. *Translation Studies. An Integrated Approach*. Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins, 1988. 170 p.
5. Hermans T. *The Manipulation of Literature. Studies in Literary Translation*. London : Croom Helm, 1985. 249 p.
6. Toury G. A Rationale for Descriptive Translation Studies // *The Manipulation of Literature. Studies in Literary Translation* / T. Hermans (ed.). London : Croom Helm, 1985. P. 16–41.
7. Lefevere A., Bassnett S. Introduction: Proust's Grandmother and the Thousand and One Nights: The «Cultural Turn» in Translation Studies // *Translation, History & Culture* / A. Lefevere & S. Bassnett (eds.). London and New York : Pinter Publishers, 1990. P. 1–14.
8. Lefevere A. *Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame*. London and New York : Routledge, 1992. 150 p.

9. Lefevere A. Translation and Canon Formation: Nine Decades of Drama in the United States // *Translation, Power, Subversion* / R. Álvarez & M. Carmen-África Vidal (eds.). Clevedon : Multilingual Matters, 1996. P. 138–155.
10. Bassnett S., Lefevere A. *Constructing Cultures. Essays on literary translation*. Clevedon : Multilingual Matters, 1998. 168 p.
11. Snell-Hornby M. *The Turns of Translation Studies: New paradigms or shifting viewpoints?* Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins, 2006. 221 p.
12. Деррида Ж. *Позиции* / пер. с фр. В.В. Библихина. Москва : Академический Проект, 2007. 160 с.
13. Arrojo R. The «death» of the author and the limits of the translator's visibility // *Translation as Intercultural Communication* / M. Snell-Hornby et al. (eds.). Prague, 1997. P. 21–32.
14. Саид Э.В. *Ориентализм* / науч. ред. А.Р. Ихсанов. Москва : Музей современного искусства Гараж, 2021. 560 с.
15. Зорина Е.В. Постмодернизм // *Философия в вопросах и ответах* / под ред. А.П. Алексеева и Л.Е. Яковлевой. Москва : Проспект, 2010. С. 173–181.
16. Spivak G.C. Can the Subaltern Speak? // *The Post-colonial Studies Reader* / B. Ashcroft, G. Griffiths & H. Tiffin (eds.). London and New York : Taylor & Francis, 2003. P. 24–28.
17. Spivak G.C. *A Critique of Postcolonial Reason: Towards a History of the Vanishing Present*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1999. 464 p.
18. Tymoczko M. Translation in Oral Tradition as a Touchstone for Translation Theory and Practice // *Translation, History & Culture* / A. Lefevere & S. Bassnett (eds.). London and New York : Pinter Publishers, 1990. P. 46–55.
19. Sengupta M. Translation, Colonialism and Poetics: Rabindranath Tagore in Two Worlds // *Translation, History & Culture* / A. Lefevere & S. Bassnett (eds.). London and New York : Pinter Publishers, 1990. P. 56–63.
20. Niranjana T. *Siting Translation. History, Post-structuralism, and the Colonial Context*. Berkeley : Univ. of California Press, 1992. 203 p.
21. Cronin M. *Translating Ireland. Translation, Languages, Culture*. Cork : Cork University Press, 1996. 229 p.
22. Robinson D. *Translation and Empire: Postcolonial Theories Explained*. Manchester : St. Jerome Publishing, 1997. 138 p.
23. Bhabha H.K. *The Location of Culture*. New York : Routledge Classics, 2004. 408 p.
24. Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва : Художественная литература, 1975. 504 с.
25. Толкачев С.П. Проблемы гибридной идентичности в современной мультикультурной литературе // *Проблемы филологии, культурологии и искусствознания*. 2013. № 2. С. 177–182.
26. Brathwaite E.K. Creolization in Jamaica // *The Post-colonial Studies Reader*. / B. Ashcroft, G. Griffiths & H. Tiffin (eds.). London : Routledge, 1995. P. 202–205.
27. Тлостанова М. В. *Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации*. Москва : УРСС, 2004. 416 с.
28. Venuti L. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London and New York : Routledge, 1995. 324 p.
29. Venuti L. *Rethinking Translation. Discourse, Subjectivity, Ideology*. London and New York : Routledge, 1992. 204 p.
30. Schleiermacher F. On the Different Methods of Translating // *The Translation Studies Reader* / L. Venuti (ed.). London : Routledge, 2012. P. 43–63.
31. Швейцер А.Д. *Глазами переводчика. Из воспоминаний*. Москва : Р. Валент, 2012. 132 с.
32. Комиссаров В.Н. *Современное переводоведение*. Москва : ЭТС, 1999. 192 с.
33. Тер-Минасова С.Г. Проблемы перевода: mission impossible? // *Вестник Моск. ун-та*. 2012. № 2. С. 9–18. (Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).
34. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. *Введение в интерлингвокультурологию*. Москва : Юрайт, 2017. 250 с.

References

1. Holmes J.S. The name and nature of translation studies // *Indian Journal of Applied Linguistics*. 1987. Vol. 13, № 2. P. 9–24.
2. Holmes J.S. *Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies*. Amsterdam : Rodopi, 1988. 117 p.
3. Even-Zohar I. Polysystem Theory // *Poetics Today: Polysystem Studies*. 1990. Vol. 11, No.1. P. 9–26. URL: <https://vdocuments.net/itamar-even-zohar-polysystem-studies-itamarezworksbookseven-zohar1990-polysystemthe.html?page=1> (accessed 27 Jan. 2023).
4. Snell-Hornby M. *Translation Studies. An Integrated Approach*. Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins, 1988. 170 p.
5. Hermans T. *The Manipulation of Literature. Studies in Literary Translation*. London : Croom Helm, 1985. 249 p.
6. Toury G. A Rationale for Descriptive Translation Studies // *The Manipulation of Literature. Studies in Literary Translation* / T. Hermans (ed.). London : Croom Helm, 1985. P. 16–41.
7. Lefevere A., Bassnett S. Introduction: Proust's Grandmother and the Thousand and One Nights: The «Cultural Turn» in Translation Studies // *Translation, History & Culture*. / A. Lefevere & S. Bassnett (eds.). London and New York : Pinter Publishers, 1990. P. 1–14.
8. Lefevere A. *Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame*. London and New York : Routledge, 1992. 150 p.
9. Lefevere A. Translation and Canon Formation: Nine Decades of Drama in the United States // *Translation, Power, Subversion* / R. Álvarez & M. Carmen-África Vidal (eds.). Clevedon : Multilingual Matters, 1996. P. 138–155.
10. Bassnett S., Lefevere A. *Constructing Cultures. Essays on literary translation*. Clevedon : Multilingual Matters, 1998. 168 p.
11. Snell-Hornby M. *The Turns of Translation Studies: New paradigms or shifting viewpoints?* Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins, 2006. 221 p.
12. Derrida J. *Poziciji* [Positions] / Transl. from French by V.V. Bibihina. Moscow : Akademicheskij Proekt, 2007. 160 p. (In Russ.).

13. Arrojo R. The «death» of the author and the limits of the translator's visibility // *Translation as Intercultural Communication*. / M. Snell-Hornby et al. (eds.). Prague, 1997. P. 21–32.
14. Said E.V. *Orientalizm* [Orientalism] / Ed. by A.R. Ihsanov. Moscow : Muzej sovremennogo iskusstva Garazh, 2021. 560 p. (In Russ.).
15. Zorina E.V. *Postmodernizm* // *Filosofija v voprosah i otvetah* [Postmodernism / Philosophy in questions and answers] / A.P. Alekseev & L.E. Jakovleva (eds.). Moscow : Prospekt, 2010. P. 173–181. (In Russ.).
16. Spivak G.C. Can the Subaltern Speak? // *The Post-colonial Studies Reader* / B. Ashcroft, G. Griffiths & H. Tiffin (eds.). London and New York : Taylor & Francis, 2003. P. 24–28.
17. Spivak G.C. *A Critique of Postcolonial Reason: Towards a History of the Vanishing Present*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1999. 464 p.
18. Tymoczko M. Translation in Oral Tradition as a Touchstone for Translation Theory and Practice // *Translation, History & Culture*. / A. Lefevere & S. Bassnett (eds.). London and New York : Pinter Publishers, 1990. P. 46–55.
19. Sengupta M. Translation, Colonialism and Poetics: Rabindranath Tagore in Two Worlds // *Translation, History & Culture* / A. Lefevere & S. Bassnett (eds.). London and New York : Pinter Publishers, 1990. P. 56–63.
20. Niranjana T. *Siting Translation. History, Post-structuralism, and the Colonial Context*. Berkeley : Univ. of California Press, 1992. 203 p.
21. Cronin M. *Translating Ireland. Translation, Languages, Culture*. Cork : Cork University Press, 1996. 229 p.
22. Robinson D. *Translation and Empire: Postcolonial Theories Explained*. Manchester : St. Jerome Publishing, 1997. 138 p.
23. Bhabha H.K. *The Location of Culture*. New York : Routledge Classics, 2004. 408 p.
24. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i jestetiki* [Problems of literature and aesthetics]. Moscow : Hudozhestvennaja literatura, 1975. 504 p. (In Russ.).
25. Tolkachjov S.P. Problemy gibridnoj identichnosti v sovremennoj mul'tikul'turnoj literature [Hybrid identity in contemporary multicultural literature] // *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvoznaniya*. 2013. № 2. P. 177–182. (In Russ.).
26. Brathwaite E.K. Creolization in Jamaica // *The Post-colonial Studies Reader*. / B. Ashcroft, G. Griffiths & H. Tiffin (eds.). London : Routledge, 1995. P. 202–205.
27. Tlostanova M.V. *Zhit' nikogda, pisat' niotkuda. Postsovetskaya literatura i jestetika transkul'turacii* [Living never, writing from nowhere. Post-soviet literature and the aesthetic of transculturation]. Moscow : URSS, 2004. 416 p. (In Russ.).
28. Venuti L. *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. London and New York : Routledge, 1995. 324 p.
29. Venuti L. *Rethinking Translation. Discourse, Subjectivity, Ideology*. London and New York : Routledge, 1992. 204 p.
30. Schleiermacher F. On the Different Methods of Translating / *The Translation Studies Reader* / L. Venuti (ed.). London : Routledge, 2012. P. 43–63.
31. Shvejcer A.D. *Glazami perevodchika. Iz vospominanij* [Through the eyes of the translator. Memories]. Moscow : R.Valent, 2012. 132 p.
32. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Contemporary Translation Studies]. Moscow : JeTS, 1999. 192 p.
33. Ter-Minasova S. G. Problemy perevoda: mission impossible? [Issues of translation: mission impossible?] // *Vestnik Mosk. un-ta*. 2012. № 2. P. 9–18. (Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija).
34. Kabakchi V.V., Beloglazova E.V. *Vvedenie v interlingvokulturologiiu* [Introduction to interlinguoculturology]. Moscow : Urait, 2017. 250 p. (in Russ.).

Информация об авторе

C. С. Галактионов – аспирант кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения.

Information about the author

S.S. Galaktionov is a post-graduate student, Department of Theory for Teaching Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies.

Статья поступила в редакцию 12.11.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 12.11.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья
УДК 81.255.4
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-23-28

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ ЯЗЫКА КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Лидия Валериановна Полубиченко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, lpolubichenko@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3462-1812>

Аннотация. Для создания яркой речевой характеристики персонажей англоязычные художники слова нередко используют прием отклонений от норм литературного языка на разных его уровнях. Сопоставление русских переводов одних и тех же англоязычных художественных произведений с такими отклонениями, осуществленных в конце XIX – самом начале XX в. и через сто лет, показало, что прежде переводчики не уделяли этому вопросу внимания, но на сегодняшнем уровне развития отечественной филологической культуры и теории и практики перевода положение изменилось. Большинство отклонений современным переводчикам удается воспроизвести средствами языка перевода с помощью аналогичных нарушений норм того же уровня, что и в оригинале, за исключением территориальных и социально-этнических диалектов, в принципе не имеющих эквивалентов на других языках. В этих случаях переводчику приходится прибегать к вертикальной компенсации фонетических особенностей диалектной речи, как правило, с помощью лексических средств языка перевода. Лексика является наиболее емким и универсальным ресурсом для передачи в переводе нарушений норм не только лексического, но и других уровней языка, однако адекватное ее использование требует от переводчика высокой филологической культуры и тонкого языкового чутья.

Ключевые слова: перевод, художественный перевод, речевая характеристика, литературная норма, отклонения от нормы, нарушения нормы, компенсация

Original article

DEVIATIONS FROM THE LITERARY NORM OF LANGUAGE AS A LINGUACULTURAL PROBLEM OF TRANSLATION

Lydia V. Polubichenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, lpolubichenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3462-1812>

Abstract. To create vivid speech portrayals of the characters, British and American authors often use deviations from the norms of literary language at different levels. The article compares Russian translations of such works of fiction made at the end of the 19th century and the very beginning of the 20th century with those produced a hundred years later. Analysis has shown that formerly translators did not use to pay attention to language norms and deviations from them, but with the development of national literary culture, translation theory and practice, the situation has changed. Nowadays most deviations are successfully reproduced in translation by analogous violations of the norms at the same level as in the original, a notable exception being territorial and socio-ethnic dialects that have no equivalents in other languages and translators have to resort to vertical compensation of their phonetic features, usually by making use of the lexical resources of the translating language. Thus, vocabulary proves to be the most comprehensive and universal resource for reproducing violations of literary norms not only on the lexical level itself, but also on other levels of language. The appropriate use of vocabulary, however, requires on the part of the translator a particularly high literary culture, language skill and linguistic flair.

Keywords: translation, artistic translation, speech portrayal, literary norm, norm deviations, norm violations, compensation

Передача отклонений от литературной нормы языка является одной из насущных и при этом наиболее сложных задач художественного переводчика. Обычно такие нарушения используются писателями как прием для создания ярких художественных образов, и поэтому их так или иначе необходимо воспроизвести и на языке перевода. Сложность возникающих проблем зависит, прежде

всего, от конкретных целей, которые ставит перед собой автор оригинального произведения, используя данный прием, но определяется главным образом тем, нормы какого уровня языка нарушаются: фонетические, орфографические, лексические, сочетаемостные, морфологические (слово- и формообразование), синтактико-пунктуационные, коммуникативно-прагматические, стилистические. Кроме

того, для перевода имеет значение еще и то, являются ли данные отклонения сугубо индивидуальными особенностями речи персонажа или призваны охарактеризовать его как члена определенной общественной группы, т.е. как социальную личность. Последнее, надо отметить, нередко бывает значительно труднее воспроизвести в переводе, так как и сами социальные слои разных национальных сообществ, и присущие им характерные отступления от литературных норм соответствующих национальных языков, естественно, не совпадают, и проблема поисков эквивалентов приобретает межуровневый характер.

Так, например, отклонения от произносительных норм языка в речи взрослых, детей или иностранцев принципиальной трудности для передачи в переводе не представляют и перерастают в серьезную переводческую задачу, только когда речь заходит о воспроизведении характерных фонетических особенностей территориальных или социально-этнических диалектов. Дело в том, что таким диалектам в принципе не существует эквивалентов на других языках, и переводчику приходится прибегать к вертикальной компенсации (воспользуемся удобным термином М.А. Яковлевой [1: с. 47]), чаще всего – морфологическим и лексическим маркерам просторечия.

Именно так поступают переводчики получивших всемирную известность «Сказок дядюшки Римуса», основанных на негритянском фольклоре и обработанных американским писателем-фольклористом Дж. Харрисом, где дядюшка Римус говорит на негритянском диалекте. За аутентичную передачу негритянского диалекта на письме Дж. Харрис был удостоен многократных похвал известных американских писателей, но именно поэтому понимать его текст даже носителю английского языка, не говоря уже об иностранцах, непросто. Приведем отрывок из первой сказки цикла «Uncle Remus initiates the Little Boy»¹:

Bimeby, one day, atter Brer Fox bin doin' all dat he could fer ter ketch Brer Rabbit, en Brer Rabbit bein doin' all he could fer ter keep 'im fum it, Brer Fox say to hisse'f dat he'd put up a game on Brer Rabbit, en he ain't mo'n got de wuds out'n his mouf twel Brer Rabbit came a lopin' up de big road, lookin' des ez plump, en ez fat, en ez sassy ez a Moggin hoss in a barley-patch.

На русском языке сборник сказок Дж. Харриса был впервые издан в пересказе М.А. Гершензона в 1936 г. и до сих пор в этом переводе переизда-

ся². Для передачи отклонений от литературной нормы языка на фонетическом уровне переводчик воспользовался приемом вертикальной компенсации, употребив разговорную и просторечную лексику (выделена полужирным шрифтом):

– **Гонялся, гонялся Братец Лис за Братцем Кроликом, и так и этак ловчился, чтобы его поймать. А Кролик и так и этак ловчился, чтобы Лис его не поймал.**

– **Ну его совсем,** – сказал Лис.

И только вылетели эти слова у него изо рта, глядь: вот он скачет по дороге – гладкий, толстый и жирный Кролик!

Рассмотрим тот же отрывок в новом переводе А. Козлова³:

– **Бимбо, вот однажды братец Лис наизнанку вывернулся** ужом, чтобы изловить и сожрать Братца Кролика, а Братец Кролик только и делал, что ловчил, как бы избежать длинных клыков доброго Братца Лиса.

– **Ну тебя к чертям собачьим!** – говорит тут Братец Лис, **вконец измаявшись.**

И только вылетели эти слова у него из пасти, глядь, а вот он тут как тут, скачет себе по дорожке – гладенький, толстый, жирненький Братец Кролик!

Очевидно, что при всем отличии подхода А. Козлова, притушившего в переводе фольклорность текста и усилившего его грубоватую разговорность, он тоже не нашел для передачи отклонений от произносительных норм английского языка иных средств, чем насыщение текста разговорной и просторечной лексикой (оставим за скобками непонимание переводчиком открывающего сказку диалектного *bimeby (by and by)*, интерпретированного им, по-видимому, как сленговое *bimbo*, что придает детской истории малопонятный, но потенциально не совсем приличный уклон).

Следует подчеркнуть, что лексический уровень таких богатых и развитых в стилистическом отношении литературных языков, как русский и английский, принимает на себя, как правило, основную нагрузку по созданию (или воссозданию, если речь идет о переводе) образов как крайне индивидуализированных, так и социально типизированных культурно-языковых личностей за счет отклонений в их речи от литературных норм выбора и сочетания слов. В этом отношении приведенный выше

¹ Harris J.C. Uncle Remus: his songs and his sayings. URL: www.gutenberg.org/files/2306/2306-h/2306-h.htm#link2H_4_0004 (accessed: 22.10.2022).

² Харрис Дж.С. Сказки дядюшки Римуса / пер. М. Гершензона. Москва : АСТ, 2019. URL: www.litres.ru/dzhoel-harris/skazki-dyadyushki-rimusa-5020394/chitat-onlayn/ (дата обращения: 22.10.2022).

³ Харрис Дж. Сказки дядюшки Римуса / пер. А. Козлова. 2020. URL: mybook.ru/author/dzhoel-harris-2/skazki-dyadyushki-rimusa-perevod-alekseya-kozlova/read/ (дата обращения: 22.10.2022).

пример вполне типичен и показателен: речевые образы простого, необразованного, безыскусного рассказчика из народа и его незамысловатых сказочных персонажей, созданные в английском оригинале в основном за счет диалектных фонетических, а также просторечно-разговорных морфологических (*ain't* и некоторых других) нарушений литературной нормы, в переводах воссоздаются исключительно лексическими средствами, причем воссоздаются в целом вполне адекватно, если не считать полного отсутствия в переводе даже намека на очевидный для англоязычного читателя этнический аспект речевого портрета дядюшки Римуса, дополняющий его социальную речевую характеристику.

Здесь уместно несколько подробнее остановиться на диахроническом аспекте проблемы, так как на больших временных отрезках лучше видно, как по мере накопления практического опыта передачи в переводе разнообразных отклонений от литературных норм и его теоретического осмысления совершенствуется качество перевода, оцениваемое с позиций соблюдения нормы перевода, а конкретно — таких двух ее составляющих, как норма эквивалентности и конвенциональная норма перевода [2: с. 228–232].

Хороший пример — сказки Р. Киплинга из сборника «Просто сказки» (1902)⁴, довольно быстро после выхода в свет переведенного на русский язык Л.Б. Хавкиной⁵, несколько позже — Е.М. Чистяковой-Вэр⁶, К.И. Чуковским⁷, а потом и несколькими другими переводчиками. В сказках «Как было написано первое письмо» и «Как была составлена первая азбука» героиней выступает маленькая девочка из первобытного племени, речь которой Киплинг маркирует не столь многочисленными, но весьма характерными для англоязычного ребенка ошибками в произношении (плохо выговаривает некоторые слова, в спешке проглатывая слоги: *'splain, 'fended, s'prise, 'member, 'citement, 'xactly* и пр.), в грамматике (неправильные глаголы: *drawded, thinked*; степени сравнения прилагательных: *most beautifullest*;

условные предложения: *If you won't ask me questions* и т.д.) и в лексике (*berangement* вместо *arrangement, inciting* вместо *exciting*, эксперименты осваивающего язык ребенка в словообразовании и словоупотреблении: *s'prise-secret, secret s'prise, mousy-quiet, mixy noise* и т.д.) и др. Анализ показывает, что никто из упомянутых выше первых переводчиков сказок — хотя это были прекрасные, заслуженно признанные и широко известные мастера своего дела — не перешел, так как, по всей вероятности, просто не ставил перед собой такой задачи, отклонения от литературной нормы в речевом портрете персонажа. По прошествии же 100 лет, за которые переводоведение сформировалось в самостоятельную дисциплину и теория перевода начала быстро развиваться, даже куда менее маститые переводчики не проходят мимо подобных характеристик переводимых художественных текстов. У Яна Шапиро, например, переведшего эти сказки Киплинга в 2013 г.⁸, юная героиня, как и у Киплинга, не всегда соблюдает нормы литературного языка. Отклонения в его переводе наблюдаются на лексическом и грамматическом уровнях — в словообразовании, формообразовании и сочетаемости: *договорительность* вместо *договоренность, запоминательность* вместо *запоминание, юморительно* вместо *уморительно, очень прекрасная, самая очень-прекрасная, переговорить* (вместо *повторить*) *всё сначала, дурацкие дураки, сюрпризный секрет, перемешанный звук, я и не приставаю* (вместо *не пристаю*) и пр.

Приведенный пример иллюстрирует, кроме всего прочего, и тот факт, что передача на письме отклонений в речи героев от стандартного произношения — для англоязычных художественных произведений привычное явление, причем явление настолько частотное, что оно получило даже отдельное терминологическое обозначение — *eye dialect*. В русскоязычной традиции аналога у данного термина нет, потому что сама последовательная имитация на письме особенностей произношения персонажа для нашей литературы нехарактерна, и, соответственно, предлагаемые в некоторых словарях кальки *глазной диалект* или *зрительный диалект* без пояснений просто непонятны. Вполне закономерно, что в переводе с английского языка на русский отклонения фонетического уровня компенсируются отклонениями от литературной нормы на других уровнях — главным образом, на лексическом.

Эти наблюдения подтверждаются и при обращении к переводам другого произведения детской

⁴ Kipling Rudyard. Just So Stories. URL: www.gutenberg.org/files/2781/2781-h/2781-h.htm (accessed: 19.10.2022).

⁵ Киплинг Р. Маленькие сказки / пер. Л.Б. Хавкиной. Москва : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1907. URL: http://az.lib.ru/k/kipling_d_r/text_0100.shtml?ysclid=I9luw11wt0983866288 (дата обращения: 19.10.2022).

⁶ Киплинг Р. Сказки и легенды / пер. Е.М. Чистяковой-Вэр. Петроград : П.П. Сойкин, 1916. URL: www.litres.ru/redyard-kipling/kak-bylo-napisano-pervoe-pismo-chitat-onlayn/ (дата обращения: 19.10.2022).

⁷ Киплинг Р. Как было написано первое письмо // Сказки / пер. К. Чуковского. Москва : Детская лит., 1956. URL: https://royallib.com/book/kipling_redyard/kak_bilo_napisano_pervoe_pismo.html (дата обращения: 19.10.2022).

⁸ Киплинг Р. Дж. Как было написано первое письмо. Как был придуман алфавит / пер. Яна Шапиро // Сказки слово в слово. Москва : Октопус, 2013. С. 83–120. URL: www.litmir.me/br/?b=187043 (дата обращения: 19.10.2022).

литературы – повести англо-американской писательницы Фрэнсис Элизы Бёрнетт «Маленький лорд Фаунтлерой», опубликованной в 1885 г.⁹ и принесшей автору мировую известность. Было выполнено много переводов повести на русский язык, и в этом случае также существует возможность диахронического сопоставления переводческих подходов, разделенных временным промежутком в 100 лет: первый русский перевод повести вышел в 1889 г. под редакцией Е. Сысоевой¹⁰, а в 1992 г. увидел свет перевод Н.М. Демуровой¹¹, считающийся на сегодняшний день лучшим.

Нормы литературного языка нарушаются в повести в речи главного героя-ребенка, а также нескольких необразованных представителей низших социальных слоев, но нарушаются по-разному. Устная речь Седрика, мальчика из хорошей семьи, в целом правильна, и только иногда – совершенно так же, как это было в случае с маленькой героиней сказки Кипплинга, – ему не удается правильно выговорить отдельные длинные или незнакомые слова:

"Would you mind," said Ceddie respectfully – "would you mind 'splaining it to me?" (Sometimes when he used his long words he did not pronounce them quite correctly.)

В переводе конца XIX в. игнорируются как детские ошибки такого рода, так и авторские комментарии по их поводу:

– Не будете ли вы так добры объяснить мне это слово? – почтительно повторил Цедрик.

Н. Демурова прибегает в таких случаях к вертикальной компенсации и выходит из положения с помощью паронимов, что позволяет сохранить в переводе и авторские ремарки:

– Вам нетрудно будет, – почтительно спросил Седрик, – дать мне выяснения? (Порой он немало сбивался в длинных словах.)

В письмах, которые Седрик писал своим друзьям и поверенному графа, ошибок куда больше, однако нарушение ребенком правил орфографии и пунктуации делает историю более реалистичной, сближая маленького лорда с читающими повесть детьми, которые и сами испытывают трудности в овладении нормами письменной речи. Н.М. Демурова

реализовала авторское намерение, сохранив в своем переводе эти особенности детской письменной речи: *«Дарагой мистер хоббс я хочу вам рассказать о моем дедушке он самый лучший граф каго я знаю вообще это ашибка что все графы тераны он савсем не теран и т.д.»* В переводе же под редакцией Е. Сысоевой все ошибки выправлены, видимо, чтобы не смущать юных читателей, но перед текстом письма добавлено следующее примечание: *«Конечно, ошибок было много, кроме того, точек, запятой ни одной, мы переводим его правильнее, не изменяя, однако, смысла письма».*

В отличие от Седрика чистильщик обуви Дик говорит на манкунском диалекте, характерном для жителей Манчестера и его пригородов. Фонетические особенности его речи передаются на письме при помощи «зрительного диалекта»:

"I've run all the way," he said. "I've come down to see ye off. Trade's been prime! I bought this for ye out o' what I made yesterday. Ye kin wear it when ye get among the swells. I lost the paper when I was tryin' to get through them fellers downstairs. They didn't want to let me up. It's a hankercher."

В первом переводе ни здесь, ни в других случаях не делается даже попытки компенсировать средствами других уровней языка невозможность воспроизведения на русском языке фонетических особенностей английской диалектной речи:

– Я всё время бежал... хотел ещё раз проститься с вами... и дать вам платок на память... меня там внизу пускать не хотели; протискиваясь, я потерял бумагу, в которой платок был завернут.

Н. Демурова, напротив, последовательно использует в этих целях разговорную и просторечную лексику (выделена полужирным шрифтом), избегая при этом нехарактерных для спонтанной разговорной речи конструкций, в частности – деепричастных оборотов (ср. явную неуместность деепричастия *протискиваясь* в первом переводе):

*– Я всю дорогу бежал, – сказал он. – Я пришел тебя проводить. Дела у меня идут – лучше не бывает!¹² Я из сегодняшней выручки тебе подарок купил. Наденешь его, когда попадешь к этим щеголям. Бумагу-то я внизу потерял, когда к тебе **продирался**. Меня наверх не хотели пускать. Это платок.*

Таким образом, сопоставление выполненных в разные эпохи переводов одних и тех же произведений на русский язык убеждает в том, что с конца XIX – начала XX в., по мере накопления опыта создания переводов разнообразных художественных

⁹ Burnett F.H. Little Lord Fauntleroy. 2006. URL: www.gutenberg.org/files/479/479-h/479-h.htm (accessed: 17.10.2022).

¹⁰ Бёрнетт Ф. История маленького лорда: повесть для юношества: с 17 рис. / пер. с англ. под ред. Е. Сысоевой. Санкт-Петербург : А. Ф. Девриен, 1889. URL: <https://predanie.ru/book/117511-malenkiy-lord-fauntleroy/?ysclid=I9os3xpyou833481360> (дата обращения: 17.10.2022).

¹¹ Бёрнетт Ф.Х. Маленький лорд Фаунтлерой / пер. с англ. [и предисл.] Н. Демуровой. Москва : Худож. лит., 1992. URL: <https://predanie.ru/book/117511-malenkiy-lord-fauntleroy/?ysclid=I9os3xpyou833481360> (дата обращения: 17.10.2022).

¹² Даль В.И. Пословицы русского народа. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/dahl_proverbs/159/ТОРГОВЛЯ (дата обращения: 17.10.2022).

текстов и в результате его теоретического осмысления, резко выросло качество передачи (функциональная точность и достоверность) в переводе отклонений от литературной нормы языка оригинала. Этот вывод полностью согласуется с заключением В.К. Ланчикова о том, что с точки зрения функционально-коммуникативного подхода к оценке переводческой деятельности можно с полным правом говорить о прогрессе в художественном переводе, во всяком случае на протяжении отдельно взятого, последнего этапа его истории в России, который он отсчитывает с начала XX в. и характеризует стремлением как можно полнее отобразить в переводе идиостиль автора оригинального текста [3] (примерно на это время, кстати сказать, приходится и рассмотренные выше первые переводы подвергнутых анализу произведений, принятые нами за точку отсчета).

Возвращаясь к лексическим ресурсам языка, служащим, как мы только что имели случай убедиться, главным ресурсом вертикальной компенсации при невозможности передать отклонения от литературной нормы языка на других его уровнях, отметим, что именно колоссальное богатство средств лексического уровня и их тонкая нюансировка по соотносительности с определенными модулями, регистрами и жанрами дискурса, а также по степени выраженности коннотаций резко повышают требования к филологической культуре и языковому чутью переводчика, которому, когда он входит во вкус манипулирования безграничными лексическими ресурсами родного языка, бывает трудно вовремя остановиться.

Наглядной иллюстрацией сказанного являются так называемые «мужские» переводы романа (скорее – повести) Дж.Д. Сэлинджера, с советских времен известного русскоязычному читателю в классическом переводе Риты Райт-Ковалевой под названием «Над пропастью во ржи». Имеющиеся в оригинальном тексте лексические отступления от литературной нормы (молодежный сленг и обшечная лексика) в этом переводе были смягчены и практически возвращены в русло нормы, что, конечно, несколько исказило речевой портрет главного героя и в постсоветский период породило естественное желание создать что-то более соответствующее оригиналу и отвечающее духу времени, чем «женский», «совковый», «поднадзорный», «устаревший», «сглаженный», «облитературенный», «гиперлитературный» и пр. перевод Р.Я. Райт-Ковалевой. Правда, до сих пор это никому, насколько можно судить, так и не удалось. Анализ двух наиболее известных попыток такого рода – переводов, предложенных сначала С. Маховым (1998),

а затем М.В. Немцовым (2008), – показывает, что оба перевода страдают хаотичным смешением лексики, принадлежащей к совершенно разным слоям и социальным диалектам русского языка (просторечие, воровской жаргон, сленг советских лагерей, современный хипстерский жаргон, русский мат и пр.), за каждым из которых стоит своя субкультура, порождающая у русскоязычных читателей соответствующие ассоциации, безмерно далекие от созданного Сэлинджером образа бунтующего американского подростка из хорошей семьи [4].

Что касается нарушений синтаксических норм построения речи, они, как правило, особых сложностей при переводе не вызывают, и подключения для их передачи лексического уровня языка обычно не требуется, что наглядно иллюстрирует передача в двух переводах так называемого «телеграфного стиля» речи диккенсовского персонажа Альфреда Джингля из знаменитых «Записок Пиквикского клуба».

'Not lost,' said Jingle hastily, 'Pay it all—stick to business—cash up—every farthing. Yellow fever, perhaps—can't help that—if not—' <...>

*'He means to say,' said Job, advancing a few paces, 'that if he is not carried off by the fever, he will pay the money back again. If he lives, he will, Mr. Pickwick.'*¹³

– Потери не будет, – быстро перебил Джингль. – Все заплачу... займусь делами... накоплю... возвращу все до фартинга. Желтая горячка разве... нечего делать... не то... <...>

– Он хочет сказать, – заметил Иов, выступив вперед, – что он заплатит все эти деньги, если не сделается жертвой желтой горячки. И я уверен, что он сдержит это слово, мистер Пиквик, вот увидите.¹⁴

И еще один перевод – А.В. Кривцовой и Е. Ланна:

– Не выбросили, – быстро перебил Джингль. – Все будет – выплачено – усердная – работа – накоплю – до последнего фартинга. Быть может, желтая лихорадка – ничего не поделаешь – если не... <...>

– Он хочет сказать, – вмешался Джоб, подойдя ближе, – он хочет сказать, что, если желтая лихорадка не отправит его на тот свет, он вернет эти деньги. Если уцелеет, он их вернет, мистер Пиквик.¹⁵

¹³ Dickens C. The Pickwick Papers. 2009. URL: www.gutenberg.org/files/580/580-h/580-h.htm#link2HCH0053 (accessed: 15.10.2022).

¹⁴ Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба / пер. Иринарха Введенского (1850 г.). URL: royallib.com/book/dickens_charlz/posmertnie_zapiski_pikvikijskogo_kluba.html?ysclid=I9oersho84343855979 (дата обращения: 15.10.2022).

¹⁵ Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба / пер. А.В. Кривцовой и Евгения Ланна (1933 г.). URL: <http://lib.ru/INPROZ/DICKENS/pickwickpost.txt> (дата обращения: 15.10.2022).

Очевидно, что и И. Введенский, и Е. Ланн с соавтором (хотя, как известно, они и придерживались прямо противоположных стратегий вольного и буквального перевода, да к тому же, согласно упомянутой выше и представляющейся вполне обоснованной концепции В.К. Ланчикова, принадлежали к разным этапам исторического развития художественного перевода в стране с характерными для них разными функциональными установками) к передаче синтаксических отклонений от литературной нормы подошли совершенно одинаково и успешно выполнили задачу.

Изучение разного рода отклонений от стандартов и нарушений норм общелитературного языка в художественном произведении заставляет вспомнить высказанные еще в начале 50-х гг. прошлого века соображения выдающегося практика, теоретика и преподавателя перевода И.А. Кашкина о том, что «следует различать, с одной стороны, строй языка автора как отражение в нем норм общелитературного национального языка, на котором он пишет, а с другой стороны – индивидуаль-

ный художественный стиль данного автора как систему выражения его мировоззрения», причем в художественном переводе передавать надлежит «в основном лишь последний» [5: с. 377–378]. Отклонения от норм языка как в собственно авторском повествовании, так и применяемые автором для речевой характеристики своих персонажей – это как раз то самое «творческое использование выразительных средств своего языка», которое, по мысли И.А. Кашкина, «должно быть воспроизведено в переводе как можно полнее» [5: с. 378]. Нынешний уровень развития теории и практики художественного перевода убеждает в том, что в подавляющем большинстве ситуаций современные переводчики – сознательно или неосознанно – следуют этим заветам выдающегося мастера: применительно к рассмотренной в данной статье проблеме это выражается в умении ввести в свой текст нарушения литературной нормы языка, функционально эквивалентные оригинальным, причем на том же языковом уровне, в крайнем же случае – прибегнуть к вертикальной компенсации лексического уровня.

Список источников

1. Яковлева М.А. К вопросу о классификации различных видов компенсации // *Вопросы филологических наук*. 2008. № 4 (33). С. 46–51.
2. Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва : Высшая школа, 1990. 253 с.
3. Ланчиков В.К. Существует ли прогресс в художественном переводе // *Проблемы теории, практики и методики перевода : сборник научных трудов*. Нижний Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2013. Том 1. Вып. 16. С. 71–78. URL: www.thinkaloud.ru/science/lan-progress.pdf (дата обращения: 22.10.2022).
4. Полубиченко Л.В. К вопросу о норме в художественном переводе // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2018. Т. XV, Вып. 1. С. 22–28.
5. Кашкин И.А. Ложный принцип и неприемлемые результаты // *Кашкин И.А. Для читателя-современника*. Москва : Советский писатель, 1977. С. 371–403.

References

1. Yakovleva M.A. K voprosu o klassifikacii razlichnyh vidov kompensacii [Concerning the classification of different types of compensation] // *Voprosy filologicheskikh nauk*. 2008. № 4 (33). P. 46–51. (In Russ.).
2. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow : Vysshaja shkola, 1990. 253 p. (In Russ.).
3. Lanchikov V.K. Sushchestvuet li progress v hudozhestvennom perevode [Is there any progress in artistic translation] // *Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda : sb. nauchnyh trudov*. Nizhnij Novgorod, NGLU im. N.A. Dobrolyubova, 2013. Vol. 1. Вып. 16. P. 71–78. URL: www.thinkaloud.ru/science/lan-progress.pdf (accessed: 22.10.2022). (In Russ.).
4. Polubichenko L.V. K voprosu o norme v hudozhestvennom perevode [On the norm in literary translation] // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2018. T. XV, № 1. P. 22–28. (In Russ.).
5. Kashkin I.A. Lozhnyj princip i nepriemlyemye rezul'taty [A false principle and unacceptable results] // *Kashkin I.A. Dlya chitatel'no-современника* [For the contemporary reader]. Moscow : Sovetskij pisatel', 1977. P. 371–403. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.В. Полубиченко – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Английский язык для естественных факультетов» факультета иностранных языков и регионоведения.

Information about the author

L.V. Polubichenko is Doctor of Philology (Habil.), Professor, Chair of English Department for Science Students, Faculty of Foreign Languages and Area Studies.

Статья поступила в редакцию 20.11.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 16.01.2023. The article was submitted 20.11.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 811

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-29-33

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ (С РУССКОГО ЯЗЫКА)

Ольга Ивановна Максименко

Московский государственный областной университет, Москва, Россия, maxbel7@yandex.ru, OCID: 0000-0002-6611-8744

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы аудиовизуального перевода мультимодальных текстов на примере перевода анимационного сериала с русского языка на китайский. Актуальность определяется востребованностью аудиовизуального перевода при локализации видеовербальной продукции с русского языка на иностранные языки и нерешенностью связанных с этим процессом вопросов. Цель состоит в выявлении возникающих лингвистических и лингвокультурологических проблем в процессе перевода мультимодального текста, осложненного тремя видами интертекста – вербальным, визуальным, аудиальным (музыкальным). Анализируются способы компенсации интертекста.

Ключевые слова: русский язык, мультимодальный текст, перевод анимации, трансформации, интертекст

Original article

PROBLEMS OF THE MULTIMODAL TEXT TRANSLATION (FROM THE RUSSIAN LANGUAGE)

Olga I. Maksimenko

Moscow Region State University, Moscow, Russia, maxbel7@yandex.ru, OCID: 0000-0002-6611-8744

Abstract. The article deals with the problems of audiovisual translation of multimodal texts based on translation of an animated series from Russian into Chinese. The relevance of the research is determined by the demand for audiovisual translation when localizing video verbal products from Russian into foreign languages and by the unresolved issues related to this process. The aim is to identify emerging linguistic and linguaculturological problems in the process of translating a multimodal text complicated by three types of intertext – verbal, visual, audial (musical). The methods of intertext compensation are analyzed.

Keywords: Russian language, multimodal text, animation translation, transformation, intertext

Введение

Мультимодальность как общепризнанная реальность современного мира определяет суть и форму донесения информации, знаний, эмоций живущего в этом мире человека. Окружающие нас мультимодальные тексты (в широком понимании термина *текст*, по Ю.М. Лотману [1]), включая кинотексты и их разновидность – анимационные кинотексты, стали обыденностью.

Киноискусство – молодой вид пространственно-временного искусства, возникший в художественную эпоху, которую принято называть модернизмом. В 30-е гг. XIX в. появилась фотография, далее в результате усилий многих исследователей, стремившихся «оживить» фотографию, заставить изображения двигаться, последовательно сменяя друг друга, возникло кино. Появление кинематографа в конце XIX в. привело к появлению экранной культуры. XIX в. – это начало первой фазы формирования

медийной экранной культуры, а общедоступное телевидение с 50-х гг. XX в. определило её вторую фазу [2: с. 4]. Следуя данной логике, третьей фазой можно считать распространение медийной культуры в современную среду интернета, в которой существование видеотекста не имеет границ, а его распространение обеспечивается переводом на разные языки мира.

Язык кинотекста

Язык кинотекста, являясь упорядоченной коммуникативной системой, способен передавать сообщения большой сложности. Его смысловая емкость определяется разнообразием использованных кодов, многослойностью и сложностью упорядоченной семантической организации, что в совокупности и образует кинотекст. Сам термин «кино-текст» имеет немало дефиниций. Так, Л.Д. Бугаева утверждает: «В исследованиях, посвященных кино, с настойчивой регулярностью повторяется термин

"кинотекст", под которым часто подразумевают не более чем информационное сообщение, изложенное средствами кинематографа» [3: с. 67]. Точка зрения Г.Г. Слышкина и М.А. Ефремовой иная: «Кинотекст – это креолизованный текст, структура которого состоит из семиотически неомогенных частей: наряду с вербальными (языковыми) средствами в его структуре присутствуют иконические (изобразительные знаки): рисунки, фотографии, схемы и др.» [4: с. 18]. Термин «креолизованный», на наш взгляд, в современных реалиях к кинотексту уже не применим, а мультимодальность, определяемая комплексом используемых в кинотексте кодов, наиболее точно отражает его суть. Особым видом кинотекста является анимационный кинотекст, в котором мультимодальность реализуется в наибольшей степени. Особенность семиотики анимационного кинотекста состоит в том, что, в отличие от собственно игрового кино, где актер «изображает» эмоции, пропуская их через свое видение мира, в анимационном кинотексте художник-аниматор должен эмоцию сначала осмыслить, нарисовать, превратить в иконический элемент, абстрактный символ, с тем чтобы использовать как иконический код, понятный при локализации и не требующий перевода. Вербальная составляющая анимационного текста перевода требует, и перевод подчас определяет возможность качественной локализации аудиовизуального продукта.

Перевод или локализация анимации?

Локализация видеопродукции (в широком смысле), т.е. компьютерных игр, кинотекстов, включая анимационные, с определенного момента стала, с одной стороны, экономической (коммерческой) необходимостью, а с другой стороны, определяется желанием поделиться своим видением мира, продвигать свою культуру, эстетику и многое другое в другие страны, сделать творчество автора доступным и понятным людям, незнакомым с языком исходного мультимодального текста. На этом этапе роль переводчика мультимодальной (аудиовизуальной) продукции становится доминирующей. Когда речь идет о компьютерных играх, термин «локализация» подходит в наибольшей степени, так как чаще всего вербальная составляющая в играх относительно невелика. В процессе перемещения кинофильмов на мировые рынки происходят более сложные процессы, связанные с переводом, дубляжом и др., о которых написано немало (см. работы В.Е. Горшковой, Jasq Jasmine, В.Е. Анисимова, И.А. Наговициной, Ю.А. Нелюбиной, М.А. Тульновой и многих других). Но стоит отметить, что подавляющее число отече-

ственных переводоведческих работ, где разрабатывается тема аудиовизуального перевода, посвящено обсуждению вопросов, возникающих при переводе с иностранного языка на русский.

Что касается адаптации анимационной продукции, то здесь все не так однозначно: многие анимационные кинотексты заранее рассчитаны на локализацию, т.е. пропорции вербального и иконического кода смещены в сторону последнего. Ярким примером служит анимационный сериал «Том и Джерри» (1940 – наст. время), в котором вербальная составляющая минимальна, поэтому его локализация предельно проста. Для более содержательных анимационных фильмов перевод как неотъемлемый компонент локализации обязателен. При переводе анимационной продукции с русского языка на иностранный возникает немало проблем.

Некоторые проблемы перевода анимационного сериала «Смешарики» на китайский язык

Анимационный сериал «Смешарики» (2004 – наст. время) содержательно выделяется на общем фоне современной отечественной аудиовизуальной продукции. Его разработчики придерживаются принятой на старте создания сериала идеи: должно быть интересно взрослым и понятно детям. Чтобы реализовать эту идею и заинтересовать взрослых, разработчики превратили данный кинотекст в сложную цепочку интертекстуальных отсылок из трех видов интертекста, каждый из которых требует двухступенчатой герменевтической обработки: узнавания и интерпретации в контексте. Для локализации требуется еще один этап – перевод, при котором необходимо использование всех известных в переводоведении трансформаций – как лексических, так и грамматических, включая компенсацию. Данный сериал переведен на 60 языков, на английский он был переведен дважды (американский и «европейский» английский, см. работы Е.П. Подлегаевой [5; 6]), однако при переводе на китайский язык возникли дополнительные сложности, связанные как с невозможностью осуществления этапа интерпретации интертекста, так и с несовпадением языковой картины мира.

Все в мире начинается с номинации. В китайской лингвокультуре принято абсолютно все имена собственные заменять аналогами, используя, с одной стороны, этимологию, а с другой – фонетические особенности китайского языка. По этому принципу были «переименованы» все девять персонажей анимационного сериала «Смешарики» (开心球, счастливые шарики), в онимах, выраженных иероглифами, отображены особенности персонажей.

- Крош – 兔小跳 – Тусяотяо, маленький прыгающий заяц.

- Ёжик – 猬小弟 – Вэйсяоди, ёж.
- Пин – 平博士 – Пинбоши, доктор Пин.
- Карыч – 大嘴叔 – Дацзуйшу, дядя, у которого рот большой.
- Совунья – 巧老 – Цяолаоши, преподавательница с золотыми руками.
- Бараш – 羊诗弟 – Яншиди, маленький поэт.
- Ньюша – 猪小美 – Чжусяомэй, поросенок, маленькая красавица.
- Лосяш – 鹿教授 – Луцзяшоу, профессор лось.
- Копатыч – 农夫熊 – Нунфусюн, крестьянин-медведь.

Второй особенностью персонажей сериала, относящейся к вербальному коду, являются произносимые ими устойчивые фразы и речевые обороты (catchphrase), по которым, как и по имени, персонаж легко опознается. Так, одна из любимых фраз кролика Кроша «ёлки-иголки», являющаяся вербальным интертекстом, отсылкой к фразе из советского мультфильма и выполняющая роль эмотива-экскламатива, передается на китайский в зависимости от настроения персонажа: либо как «очень ужасно» (真糟糕), либо «это так круто» (真酷). При локализации сериала на английский язык эта фраза либо пропускается, либо встречается как *Fiddlesticks*, т.е. используется переводческий прием компенсации. Речевой маркер Лосяша – «феноменально» – превращается в «это невероятно» (太不可思议了), в английском варианте перевод напрямую связан с иконическим кодом: от прямого перевода *Phenomenal!*, когда фраза используется как экскламатив, до *Awesome landscaping!*, где перевод зависит от визуального ряда.

Отдельной проблемой всех известных переводов является передача немецкого «акцента» пингина Пина как языкового маркера его профессии (не национальности) – инженер-изобретатель. Для взрослой аудитории такой код связан с русской языковой картиной мира и легко интерпретируется, так как, с одной стороны, немецкие технические достижения хорошо известны и высоко ценятся, а с другой – имитировать и опознать условный «немецкий» акцент достаточно легко. У детской аудитории такой ассоциации не возникает. Акцент Пина невозможно передать простым переводом его catchphrases, тем более что ни англоговорящий, ни китайский зритель не может идентифицировать, какое отношение имеет немецкий язык к персонажу: Ja-Ja... (да-да) – Ja, ja (德语 : 是的); Natürlich! (конечно) – Natürlich (德语 : 当然). Тем не менее попытки передать акцент и нарушения в русской речи Пина переводчики на китайский предприни-

мают, но уже средствами грамматики, используя неверные или несуществующие в языках перевода конструкции: (зуб) *шататься* – 在摇晃 (дрожящий); *Ещё и не такие выпадали!* – 比你的牙更厉害的都掉过 (Те, которые хуже, чем ваши зубы, отвалились). Стоит отметить, что в переводах как на американский, так и европейский вариант английского языка речь Пина переводится без имитации акцента, что стирает часть художественного образа персонажа, задуманного авторами.

Проблема перевода фразеологизмов, сложная сама по себе, решается при локализации по-разному. Так, в серии «Новые зубы Кроша» часть используемых фразеологизмов на русском языке обыгрывается, обретая дополнительный смысл (корень зуба – корень дела; ходить на голове – ходить на ушах), в китайском варианте передать игру слов не удастся:

• Если смотреть в корень дела..., то.... зуб кажет-ся ша-та-ет-ся?! – 嗯 从牙根上看兔小跳的牙齿正在摇晃 – Ну, от корней зубов у Кроша шатаются зубы.

• – То есть я хотел сказать, что если вы перевернёте меня с ног на голову, то зуб будет впадать обратно, а значит рано или поздно вырастёт! – 我是想说, 如果你把我倒立过来, 也就是的牙齿早晚会长上的. – Я хочу сказать, что, если вы перевернете меня с ног на голову, мои зубы рано или поздно вырастут снова.

• И вообще... скоро все начнут ходить на ушах! – 了多久大家就开始用耳朵走路了 – Все начали ходить ушами.

Тем не менее переводчикам на китайский язык удалось найти ряд оригинальных решений, осуществив замены, обоснованные существованием схожих понятий в Китае. Так, слово *водяной* было заменено на *водный монстр* (水怪), а слово *отвар* – на *зелье* (药水). Такой подход позволяет сохранить интенции авторов.

Рассмотрим ряд решений, принятых переводчиками для преодоления проблем обработки разных видов интертекста на примере серии «Забытая история» (被遗忘的故事), по сюжету которой Кар-Карыч внезапно забывает какую-то историю из своей жизни, связанную с чем-то «большим и очень важным». Друзья всеми способами помогают ему «вспомнить всё» ... Интертекстуальность серии интересна тем, что весь сюжет отсылает к известной песне «Куда уходит детство» (1977), а именно к строчкам: «И в сугробах белых, / И по лужам у ручья / Будет кто-то бегать, / Но не я...», поскольку Кар-Карыч вспомнил что-то, связанное с

лужами, и в конце серии три «взрослых» персонажа (Кар-Карыч, Совунья и Лосяш) прыгают по лужам так, как в начале серии это делают «детские» персонажи – Крош и Ежик. Музыкальный (аудиальный) интертекст присутствует в виде упоминания песни «Из-за острова на стрежень», текст которой Кар-Карыч также не может вспомнить. При локализации музыкальный интертекст утрачивается полностью, так как восстановить оригинальный прототекст, присутствующий только в русской лингвокультуре, не представляется возможным. Вербальный интертекст серии имеет отсылки к известным элементам мирового кино, в частности, фраза: «Остался последний способ – *вспомнить всё!*» является аллюзией к названию фильма Пола Верховена (1990). Визуальный интертекст еще более насыщен – в серии фигурируют и пластинки фирмы «Мелодия», узнаваемый экран программы Norton Commander и операционной системы Windows, представленный в виде игры символов «Окна 96», не требующие перевода, и др.

Вербальная составляющая во многом опирается на игру слов, что создает дополнительные проблемы при переводе (таблица).

Внутренний интертекст (встроенные в кадр надписи), как правило, не переводится, поскольку это сопряжено с техническими сложностями – изменением структуры кадра. Насыщенность интертекстом анимационного текста порождает многочисленные варианты его интерпретации, причём глубина интерпретации напрямую коррелирует с личностными характеристиками реципиента. При

локализации видеовербального анимационного текста, требующей его перевода, возникает и проблема перевода самого интертекста, при этом часть интертекстуальных отсылок теряется, и наблюдается парадоксальное явление – диапазон интерпретации может как расширяться, так и сужаться [6].

В 1978 г. Р.О. Якобсон обратил внимание на то, что, кроме собственно межъязыкового перевода, выделяются ещё и внутриязыковой перевод (переименование), при котором переводчик интерпретирует сообщения в другие знаки того же языка, и межсемиотический перевод (трансмутация) – интерпретация вербальных знаков средствами невербальных знаковых систем [7: с. 16–24], при этом трансмутацию можно понимать достаточно широко, включая переключение кодов в разных лингвосомиотических системах в зависимости от лингвокультурной составляющей, что хорошо прослеживается при переводе (адаптации, локализации) анимационных сериалов. У. Эко [8: с. 283] развил идеи Р. Якобсона, выделив интерпретацию через транскрипцию; интрасистемную интерпретацию, которая распадается на три подвиды – интрасемиотическую, интралингвистическую и исполнение; и интерсистемную адаптацию с ощутимыми изменениями субстанции и с изменением материи (парасинонимия и адаптация) [5: с. 176]. Для мультимодальных текстов, на наш взгляд, важнее всего интрасистемная интерпретация, без которой, как показало исследование, при необходимом для локализации видеовербального продукта переводе обойтись нельзя.

Таблица

Варианты перевода коллокаций и игры слов

Русский язык	Китайский язык
Совунья: и раз, и два	巧老师 (Цяолаоши): 一二 (yī èr) , 一二 (yī èr) – один два, один два
Кар-Карыч: То все воспоминания растрясутся	大嘴叔 (Дацзуйшу): 所有 (suoyou-to) 回忆 (huiyi – воспоминания) 都 (dou-vse) 将 (jiang – показатель буд. вр) 被 (bei – пассив. залог) 抖 (dou трястись) 搂 (lou – вместе) 出 (chu-наружу) 来了 (lai le – выйдут) – перевод идентичен
Совунья: Душа – это основополагающая духа	巧老师 (Цяолаоши): 心灵 (xinling – душа) 是 (shi – является) 神经 (shenjing – нервы) 的 (de – притяж.) 奠基 (dianji – основа)
Совунья: Почувствуйте, как ваши воспоминания здоровеют и здоровеют	巧老师 (Цяолаоши): 你 (ni – вы) 的 (de – притяж.) 回忆 (huiyi –воспоминания) 正在 (zhengzai – сейчас) 恢复 (huiyu – восстанавливаются)
Крош: Лево руля!	兔小跳 (Тусяотяо): 往 (wang – направление) 左 (zuo – лево) 拐 (guai –поворачивай)
Ежик: Нас несет к порогам!	獾小弟 (Вэйсяоди): 我们 (women – мы) 有 (you – имеем) 触 (chu – дотрагиваемся) 礁 (jiao – рифы)
Крош: Полундра!	兔小跳 (Тусяотяо): 躲开 (duokai – держаться подальше)
Крош: Не очень-то и хотелось	兔小跳 (Тусяотяо): 我们 (women – мы) 也 (ye – тоже) 不 (bu) – не 太 (tai –слишком) 想 (xiang – хотеть) 看 (kan – смотреть)
Совунья: В голове такое вертится	巧老师 (Цяолаоши): 看看 (Kankan – посмотрите) 他 (ta – он) 现在 (xianzai – сейчас) 脑子 (naozi – голова) 里 (li – в) 想 (xiang – думает) 的 (de) 东西 (dongxi – вещи)
Кар-Карыч: Свистать всех наверх!	大嘴叔 (Дацзуйшу): 水手长 (shuishouzhang – боцман)
Кар-Карыч: Из-за острова на стрежень, на простор речной волны	大嘴叔 (Дацзуйшу): 从那岛屿的河湾水深浪急河面宽 В бухте этого острова вода глубокая, волны быстрые, а река широкая

Заключение

Таким образом, для оптимально возможной локализации анимационного кинотекста необходимо учитывать все варианты интертекста – вербального, визуального, аудиального, однако смысловые потери неизбежны, и возникает гипотеза о непереводимости интертекста. Л.К. Латышев писал, что непереводимость нельзя рассматривать как «рабочую» трудность перевода [9: с. 75], имея в виду

лексические и грамматические трудности. Для мультимодальных текстов это утверждение особенно справедливо, так как, кроме упомянутых сложностей в переводе текстов такого рода, основной проблемой остается проблема передачи той информации, которая выходит за рамки вербального кода – визуальной и аудиальной, т.е. своего рода культурная непереводимость.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. *Избранные статьи*. В 3 т. Т. 1. *Статьи по семиотике и типологии культуры*. Таллин : Александра, 1992. С. 129–132.
2. Агафонова Н.А. *Общая теория кино и основы анализа фильма*. Минск : Тесей, 2008. 392 с.
3. Бугаева Л.Д. Кинотекст: прояснение значения // *Мир русского слова*. 2011. № 4. С. 67–74.
4. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. *Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа)*. Москва : Водолей, 2004. 153 с.
5. Подлегаева Е.П., Максименко О.И. Проблема перевода названий мультисемиотических текстов (на примере переводов названий серий мультсериала «Смешарики» на английский язык) // *Вестник МГОУ*. 2019. № 2. С. 167–176. (Серия: Лингвистика).
6. Максименко О.И. Подлегаева Е.П. Интерпретация интертекста в мультисемиотичном анимационном дискурсе: переводческая проблема // *Вестник МГОУ*. 2020. № 1. С. 104–110. (Серия: Лингвистика).
7. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. Москва : Международные отношения, 1978. 232 с.
8. Эко У. *Сказать почти то же самое. Опыты о переводе* / пер. с итал. и комм. А.Н. Ковалева. Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. 574 с.
9. Евтеев С.В., Латышев Л.К. К проблеме переводимости: культурная непереводимость // *Филология и культура*. 2018. № 1 (51). С. 70–75.

References

1. Lotman YU.M. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta [Semiotics of culture and the concept of text (In Russian)] // Lotman YU.M. *Izbrannye stat'i: V 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*. Tallin : Aleksandra, 1992. P. 129–132.
2. Agafonova N.A. *Obshchaya teoriya kino i osnovy analizy fil'ma* (in Russ.) [General theory of cinema and fundamentals of film analysis]. Minsk: Tesej, 2008. 392 p.
3. Bugaeva L.D. Kinotekst: proyasnienie znacheniya (in Russ.) [Movie text: clarifying the meaning] // *Mir russkogo slova*. 2011. № 4. P. 67–74.
4. Slyshkin G.G., Efremova M.A. *Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza* (in Russ.) [Movietext (experience of linguistic and cultural analysis)]. Moscow : Vodolej, 2004. 153 p.
5. Podlegaeva E.P., Maksimenko O.I. Problema perevoda nazvanij multisemioticheskikh tekstov na primere perevodov nazvanij serij multseriala smeshariki na anglijskij yazyk [The problem of translating names of multi-semiotic texts (based on translations of the titles of the animated series *Smeshariki* into English. (in Russ.))] // *Vestnik MGOU. Ser. Lingvistika*. 2019. № 2. P. 167–176.
6. Maksimenko O.I., Podlegaeva E.P. Interpretaciya interteksta v multisemiotichnom animacionnom diskurse – perevodcheskaya problema [Interpretation of intertext in a multi-semiotic Animation Discourse: a translation problem. (in Russ.))] // *Vestnik MGOU Ser. Lingvistika*. 2020. № 1. P. 104–110.
7. Jakobson R.O. O lingvisticheskikh aspektah perevoda [On linguistic aspects of translation. (in Russ.))] // *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike* [Translation Studies Issues in Linguistics Abroad]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978. 232 p.
8. Eco U. *Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode*. [To say almost the same thing. Experiments about translation. (in Russ.)]. St. Petersburg : Simpozium, 2006. 574 p.
9. Evteev S.V., Latyshev L.K. K probleme perevodimosti: kulturnaya neperevodimost [On the problem of translatability: cultural untranslatability. (in Russ.)] // *Filologiya i kultura*. 2018. № 1 (51). P. 70–75.

Информация об авторе

О.И. Максименко – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

Information about the author

O.I. Maksimenko is Doctor of Science (Philology), Habil., Professor, Department of the Theory of Language, Anglistics and Applied Linguistics, Moscow Region State University.

Статья поступила в редакцию 18.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023. The article was submitted 18.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 81'25

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-34-41

ОБРАЗНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК КОМПОНЕНТЫ КИНОТЕКСТА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕРЕВОДА

Ольга Дмитриевна Прасолова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, prasolovaolga2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9304-5918>

Аннотация. В статье рассматриваются способы перевода фразеологизмов в кинофильме с точки зрения специфики аудиовизуального перевода (АВП) и культурных различий между получателями фильма на языке оригинала и перевода. Сопоставительный анализ, проведенный на материале русскоязычного кинотекста и английских субтитров, демонстрирует, что ведущими стратегиями являются фразеологический перевод и нейтрализация культурной специфики фразеологических единиц.

Ключевые слова: кинотекст, фразеологизм, аудиовизуальный перевод, культурно-специфичные компоненты

Original article

IDIOMS IN CINEMATIC TEXTS AS VIEWED THROUGH THE LENS OF TRANSLATION

Olga D. Prasolova

Nizhny Novgorod Linguistics University, Nizhny Novgorod, Russia, prasolovaolga2014@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9304-5918>

Abstract. The article deals with the translation of phraseological units in film from the perspective of audiovisual translation (AVT) and cultural differences between the recipients of the film in the source and target languages. The comparative analysis of Russian cinematic material and English subtitles demonstrates that the predominant strategies in translation are phraseological translation and “neutralization” of the culture-specific component in idioms.

Keywords: cinematic text, phraseologism, audiovisual translation, culture-specific components

В настоящее время в центре исследований в области переводоведения находятся проблемы перевода аудиовизуальных материалов, которые рассматриваются, в частности, на материале кинофильмов. Интерес исследователей к кинотексту возник во второй половине XX в. в связи с увеличением общего количества аудиовизуального контента. В настоящее время данная тема привлекает к себе все возрастающее внимание как отечественных, так и зарубежных ученых, что подтверждается растущим количеством исследований и публикаций, посвященных переводу аудиовизуальной продукции [1: с. 62]. Так, наиболее значимыми в этой области за последние 20 лет стали работы В.Е. Горшковой, А.В. Козуляева, Е.Д. Малёновой, а также Ф. Чауме и Х. Диаса Синтаса.

Специфика перевода кинопроизведений в сравнении с переводом художественной литературы связана с тем, что кинофильм относится к так называемым полимодальным текстам, для которых характерно сочетание различных семиотических ко-

дов: помимо речи персонажей смысловую нагрузку в фильме несут другие элементы аудио- и видеоряда, такие как жесты, мимика, паралингвистические свойства речи, внешний облик персонажей, музыка и т.д. [2: с. 53].

Данная особенность кинофильмов определяет как специфику деятельности переводчика, работающего с аудиовизуальными материалами, так и подход к теоретическому осмыслению тех или иных вопросов, связанных с переводом текстов подобного рода. В частности, отмечается необходимость передавать вербальный текст с учетом невербальных компонентов кинофильма, таких как музыка и изображение [3: с. 2892]. В работах, посвященных субтитрованию как одному из видов перевода кинотекста, в качестве его отличительной черты выделяется необходимость передачи содержания исходного сообщения в сжатой форме, таким образом, субтитрование характеризуется компрессией текста. Данное ограничение связано с физиологическими особенностями зрительного

восприятия и закреплено в существующих стандартах субтитрования [3: с. 2893].

Перевод кинофильмов связан с решением проблемы передачи культурно-специфичных компонентов, что получает достаточно широкое освещение в научной литературе. Так, в статье Я. Педерсена рассматриваются различные способы передачи экстралингвистических культурных отсылок в субтитрах [4]. Отечественный переводовед Е.Д. Малёнова, анализируя передачу русскоязычного кино материала на английский язык, отмечает, что при субтитровании переводчику нередко приходится прибегать к нейтрализации культурно-специфичных элементов из-за невозможности использования пояснений или примечаний [3: с. 2892]. Следует также отметить статью Ф. Чауме, посвященную феномену транскреации – особому виду адаптации полимодального текста, при котором изменениям могут подвергаться не только отдельные фрагменты кинодиалога, содержащие культурно-специфичную лексику, но и визуальная составляющая фильма [5]. Таким образом, вопрос перевода культурно-специфичных элементов кинотекста рассматривается, в том числе, и в полимодальном аспекте.

Среди языковых единиц, обладающих национально-культурной окраской, выделяются устойчивые образные номинации, составляющие фразеологический фонд языка. Фразеологизмы рассматриваются как культурно-специфичные единицы, отражающие коды культуры того или иного языкового сообщества [6: с. 251]. По мнению ведущего отечественного лингвиста В.Н. Телия, в основе фразеосистемы национального языка лежит «образное представление действительности», которое отражает опыт коллектива, говорящего на данном языке, его мировидение [7: с. 214]. Автор утверждает, что понимание культурной значимости стоящего за фразеологизмом образа возможно «только при соотношении <...> образного содержания, явленного при "буквальном" прочтении фразеологизмов с категориями, концептами <...> и эталонами национальной культуры и его интерпретации» в пространстве культуры [7: с. 231]. Согласно концепции, предложенной И.В. Зыковой, формирование значения фразеологических единиц происходит под воздействием *концептосферы культуры*, которая, в свою очередь, является результатом накопления и упорядочения информации о мире культурным сообществом и ее закрепления в семиотиках искусства, повседневной жизни и социальных отношений [8: с. 69], а сам процесс образования значения осуществляется посредством вербализации знаков этих невербальных семиотик (*семиотиче-*

ской транспозиции) [8: с. 137–142]. Концептосфера культуры также влияет на функционирование фразеологических единиц в дискурсе как эффективного средства достижения прагматической цели [8: с. 454]. Таким образом, фразеологизмы признаются многими исследователями одним из наиболее ярких проявлений культурного своеобразия в языке, но при этом они выступают не только пассивным хранилищем культурно значимой информации, но и играют важную роль в дискурсообразовании, что в совокупности делает проблемы фразеологии особенно важными для теории перевода.

Значимая роль фразеологизмов в кинодиалоге подчеркивается в работе Е.А. Колодиной, посвященной особенностям перевода фразеологических единиц как элементов эмоциональной характеристики героя. Автор утверждает, что использование образных номинаций указывает на эмоциональное состояние героев, следовательно, переводчик должен обращать особое внимание на экспрессивную окраску фразеологизмов и их прагматическую функцию, учитывая при этом национальный колорит и соответствие общей тональности кинопроизведения [9: с. 36–37].

Однако, несмотря на культурно обусловленную природу фразеологических единиц и интерес, который они представляют с точки зрения переводоведения, проблема перевода фразеологизмов в аудиовизуальной продукции с точки зрения их культурной специфики не получила достаточного освещения в научной литературе. Рассмотрение вопросов, связанных с переводом фразеологических единиц в кинофильмах, в частности, выявление ограничений, присутствующих в работе переводчика аудиовизуальных материалов, на способы их передачи, являются основной целью данной работы. Ее актуальность обусловлена значимостью проблематики аудиовизуального перевода в современном переводоведении, а также недостаточной разработанностью данной темы. В центре внимания исследования находятся фразеологические единицы, содержащиеся в кинодиалоге, а предметом изучения выступают способы перевода данных единиц с точки зрения передачи их национально-культурной специфики.

Прежде чем приступить к рассмотрению данной проблемы, следует сделать ряд общих теоретических замечаний, относящихся к природе и лингвистическому статусу фразеологических единиц (ФЕ). Традиционно под фразеологизмами понимаются сочетания слов, воспроизводящиеся в речи в неизменном виде либо допускающие ограниченные изменения. Согласно определению В.Н. Телия

фразеологические единицы представляют собой «связанные сочетания слов и предложений, которые <...> не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [10: с. 559].

Среди исследователей до сих пор не существует единого мнения относительно того, какие критерии должны служить основой классификации фразеологизмов и их обособления от свободных сочетаний слов. В отечественной традиции особенно влиятельной оказалась классификация, созданная В.В. Виноградовым под влиянием работ Ш. Балли и опирающаяся на семантический критерий. В ней выделяются *фразеологические сращения* – семантически неразложимые сочетания с немотивированным значением (*показать кузькину мать, у черта на куличиках*), *фразеологические единства*, отличающиеся «выводимостью своего общего значения из семантической связи компонентов» (*стреляный воробей, плясать под чужую дудку*), и *фразеологические сочетания*, составные элементы которых имеют ограничения в сочетаемости, но при этом семантически обособлены (*зло берет, потупить взор*) [11]. У других исследователей, например, в трудах И.Е. Аничкова, ведущим критерием, служащим для выделения различных групп устойчивых выражений, служит их внутренняя структура [6: с. 11].

В рамках классификации фразеологических единиц, предложенной А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским, выделяются *идиомы, коллокации, пословицы, грамматические фразеологизмы и синтаксические фразеологизмы* [6: с. 67]. *Идиомы* отличает идиоматичность, т.е. усложненное указание на денотат, непрозрачность и использование переносных значений и устойчивость, связанная с ограниченной возможностью трансформации идиом [6: с. 51]. *Коллокации* представляют собой устойчивые сочетания, обладающие слабой идиоматичностью, в которых один из компонентов используется в прямом значении (*жгучий брюнет, заклятый враг*) [6: с. 67]. *Пословицы*, по мнению авторов, помимо структуры предложения отличает характер всеобщей рекомендации [6: с. 69]. *Грамматические фразеологизмы* «связаны с нерегулярным выражением грамматических <...> смыслов» и представлены такими выражениями, как *чуть что, не только ... но и* и т.п. [6: с. 75], а *синтаксические фразеологизмы* представляют собой продуктивные синтаксические конструкции типа *Х он и в Африке Х* [6: с. 15–16]. На наш взгляд, данная классификация имеет боль-

шую эвристическую ценность, так как позволяет описать значительное количество элементов языка; кроме того, она интуитивно понятна и не требует искусственных построений.

Характерной особенностью фразеологических единиц является устойчивость, которая проявляется, с одной стороны, в их регулярной воспроизводимости в речи носителей языка, а с другой – в структурных ограничениях: невозможности (или ограниченной возможности) образования вариантов, морфологической дефектности или синтаксической непроницаемости [6: с. 51–54]. С другой стороны, отмечается, что в своем функционировании в дискурсе фразеологизмы могут претерпевать различные модификации, например, расширение образа за счет добавления или вставки нового компонента, нарушение целостности формы фразеологической единицы или соединение двух таких единиц [12]. По замечанию И.В. Зыковой, данные преобразования подчеркивают образную основу фразеологических единиц и способствуют «выведению на первый план в дискурсе определенных семантических аспектов в содержании фразеологизмов», что позволяет автору сообщения достичь поставленной им прагматической цели [12: с. 166].

То, что фразеологические единицы в тексте представляют собой особую сложность для деятельности переводчика, подчеркивалось еще в классических работах о переводе. Так, Я.И. Рецкер писал о том, что главная трудность при переводе фразеологизмов заключается в вариативности значений, которую такие единицы проявляют в различных контекстах; кроме того, он обращал внимание на «национальное своеобразие» устойчивых словосочетаний [13: с. 143]. Автор также отмечал, что переводчику необходимо уметь выделять фразеологизмы и передавать их экспрессивную окраску [13: с. 143]. Сложность перевода фразеологизмов также подчеркивается в книге С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе», посвященной переводу реалий и других национально-специфичных элементов текста [14]. Авторы утверждают, что существует два основных способа перевода таких единиц – *фразеологический* и *нефразеологический* перевод [14: с. 183]. Суть первого заключается в использовании фразеологизма переводного языка, полностью или частично соответствующего единице исходного языка, причем во втором случае он может отличаться от нее лексическим составом, сочетаемостью (*частичные эквиваленты*) или образной основой (*аналоги*) [14: с. 184]. Нефразеологические способы включают перевод фразеологизма словом или словосочетанием (*лек-*

сический перевод); дословный перевод, использующийся в том случае, если фразеологизм обладает прозрачной мотивационной основой, а также описательный перевод [14: с. 193–194].

Несмотря на то что фразеологический перевод устойчивых выражений считается предпочтительным авторами обеих упомянутых выше работ [13: с. 149; 14: с. 193], следует признать, что использование отдельных фразеологических единиц в переводе в ряде случаев оказывается неудачным. Помимо различий между фразеологизмами в исходном (ИЯ) и переводном (ПЯ) языке, обусловленных отличиями в способе наименования тех или иных аспектов действительности, существуют фразеологические единицы, которые воспринимаются носителями языка как специфичные для их культуры, и в силу этого неуместные в тексте перевода [6: с. 252–253]. Исследования показывают, что на восприятие фразеологизмов как культурно маркированных влияют особенности их формы, в частности, наличие в составе фразеологизма имен собственных (*во всю ивановскую*), слов-реалий (*лаптем щи хлебать*), рифмы и звукового подобия (*сами с усами*), нестандартных морфологических форм, а также архаизмов и лексических единиц, обладающих неясным для носителей значением (*турусы на колесах*) [6: с. 276]. Роль таких фразеологизмов в переводе заслуживает особого внимания.

Принимая во внимание теоретические положения в области передачи фразеологических единиц в процессе перевода, попробуем установить, каким образом специфика перевода кинотекста влияет на использование описанных выше приемов.

В качестве материала исследования были выбраны фрагменты из российского фильма «Левиафан» (2014) режиссера А. Звягинцева, включающие реплики персонажей, содержащие фразеологические обороты. По сюжету фильма автослесарь по имени Николай, живущий с семьей в маленьком городке Прибрежном, противостоит коррумпированному мэру города, который хочет отобрать у главного героя дом; друг Николая, столичный адвокат Дмитрий, пытается повлиять на мэра с помощью «компромата». Помимо реплик героев, в ходе исследования также был проанализирован аудио- и видеоряд в выбранных отрывках, а также субтитрированный перевод высказываний на английский язык. Всего для исследования было отобрано 14 фрагментов. В процессе анализа киноаудио- и видеоматериала 13 ФЕ, выявленных в кинотексте, были охарактеризованы как идиомы, одна — как пословица; кроме того, в одном из выбранных фрагмен-

тов содержалась коллокация (*в лучшем виде*). Анализ перевода коллокаций (в терминологии А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского), таких как *ставить вопрос, одержать победу* и т.п., не входил в цели данного исследования, так как они, будучи устойчивыми словосочетаниями, почти лишены образности, а также национальной специфики и требуют от переводчика лишь знания стандартной лексической сочетаемости в ИЯ и ПЯ. В ходе исследования выбранные высказывания были проанализированы с точки зрения их значения, стилистической принадлежности содержащихся в них фразеологических единиц и прагматической функции; также был произведен сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода и анализ полимодального контекста высказываний.

Сопоставление оригинальных реплик и текста субтитров на английском языке показало, что в 9 из 14 случаев используется фразеологический перевод, что соответствует общей рекомендации переводить фразеологизмы ИЯ при помощи соответствующих им устойчивых единиц ПЯ. Во всех 9 субтитрах используются *аналоги* фразеологических единиц оригинала, т.е. фразеологизмы, совпадающие с оригинальными по значению, но имеющие другую образную основу. Так, высказывание одного из персонажей *Готовь сани летом...*, являющееся сокращенным вариантом русской пословицы *готовь сани летом, а телегу зимой*, передано в переводе аналогом *In fair weather, prepare for foul*. В другом случае реплика *Как вас земля носит только?*, обращенная к антагонисту фильма, передается фразой *How do you sleep at night?* — вариантом устойчивого выражения *How can you sleep at night?* Данные фразеологизмы выступают здесь как контекстуальные эквиваленты: согласно «Фразеологическому словарю русского языка» под редакцией А.И. Молоткова сочетание *Как <только> земля носит [терпит] кого-л* обычно выступает как характеристика низкого в нравственном отношении человека [15: с. 173], в то время как его английский аналог содержит указание на то, что у собеседника нечиста совесть. В фильме адресатом выступает мэр, а адресантом — адвокат, располагающий компрометирующими сведениями о нем; таким образом, контекст обуславливает уместность данного перевода. Немаловажным фактором является длина реплики: так, в русско-английском фразеологическом словаре С.И. Лубенской приводятся следующие варианты переводов этого русского выражения: *How the earth can tolerate X is beyond me, Why doesn't the earth swallow X up?* и *It's a wonder people like X are allowed to live* [16: с. 253]. Даже наиболее

короткий, идиоматичный и близкий к оригиналу вариант *Why doesn't the earth swallow you up?* на несколько знаков длиннее фразы, использованной переводчиком, а при субтитровании количество символов является серьезным ограничением для выбора того или иного варианта перевода.

В одном из рассмотренных случаев применение аналога потребовало от переводчика комплексного преобразования высказывания, предшествующего реплике, содержащей фразеологизм. В одной из сцен фильма *Степаныч*, друг главного героя, упрекает того за употребление ненормативной лексики (*Не стыдно? Десантура...*), на что персонаж отвечает устойчивым выражением *Стыдно, у кого видно!* В русском языке данная формула, характерная для неформальной коммуникации, используется как ответ на попытку устыдить кого-либо. Английское выражение *Takes one to know one*, использованное в субтитре, обладает схожим регистром и прагматической функцией, однако имеет незначительные отличия в семантике и требует иного синтаксического окружения из-за наличия в нем местоимения *one*. По этой причине при переводе данного высказывания была изменена и предшествующая ему реплика: *What's with the swearing, Sergeant Potty Mouth?* Это позволило переводчику сохранить связанность текста и экспрессивность высказываний героев.

Нефразеологический перевод фразеологических сочетаний используется всего в 5 из проанализированных субтитров. На выбор данного способа перевода может повлиять ограничение на количество знаков, временные затраты для переводчика или отсутствия в ПЯ полного или частичного эквивалента, соответствующего прагматической роли фразеологизма в контексте высказывания. Так, разговорное выражение *на одной ноге*, используемое в контексте сцены вместо сходного фразеологизма *на короткой ноге*, указывающего на дружеские отношения между двумя людьми (*- А вы чё, с Иваном Александровичем лично знакомы? – <...> Конечно. На одной ноге*), передается в тексте субтитров свободным сочетанием слов *We're pals*. По количеству знаков данное выражение уступает более идиоматичным эквивалентам русского фразеологизма: *on friendly terms with somebody*, *on a friendly footing with somebody* и т.д. [16: с. 404] Разговорный характер данной идиомы отчасти компенсируется использованием в предыдущем субтитре выражения *You bet*, имеющего разговорно-экспрессивный оттенок. Таким же образом значение фразеологизма *поезд ушел* в реплике персонажа *Да поздно уже, поезд ушел* передается в субтитре

фразой *Too late now*, несмотря на наличие в английском языке более идиоматичного варианта *too little too late*. Нефразеологический перевод также используется при передаче на английский язык значения идиомы *из-под земли достать* (*И этих троих мне сюда, срочно. <...> Из-под земли достань*) – найти кого-то любой ценой, любыми усилиями. Несмотря на наличие в ПЯ частичных эквивалентов (*at any cost*, *at all costs* и т.п.), в субтитре был использован вариант *Find them, I don't care how*, подчеркивающий личное отношение говорящего к содержанию высказывания. Некоторая потеря эмоционально-экспрессивного компонента компенсируется благодаря взаимодействию вербальной и паравербальной составляющих фильма: когда персонаж произносит реплику, громкость его голоса повышается, а тон, напротив, понижается, что служит для зрителя ключом к пониманию его эмоционального состояния.

Во всех проанализированных случаях перевод устойчивых выражений нефразеологическими средствами сопровождается утратой образности, однако в переводе одной реплики стоящий за фразеологизмом образ сохраняется. В сцене, где Николай и Дмитрий обсуждают полученный последним «компромат» на мэра, звучит реплика *У него руки по локоть в крови*. Несмотря на то что в фильме не раскрывается содержание папки с компрометирующей информацией, данное высказывание дает основу для предположений о криминальном прошлом персонажа. Так как образ преступника с испачканными кровью руками является довольно прозрачным, то при переводе он сохраняется, несмотря на незначительное изменение лексического состава высказывания: *He's got blood dripping... // From his hands*.

Таким образом, при субтитровании фразеологические единицы ИЯ чаще всего переводятся при помощи фразеологизмов ПЯ, а их нефразеологический перевод обусловлен необходимостью компрессии, а также затратами времени и сил, которых требует от переводчика поиск фразеологического эквивалента. Несмотря на то что нефразеологические варианты перевода считаются менее экспрессивными, при субтитровании это компенсируется как за счет использования эмоционально окрашенных сочетаний слов в предшествующих или последующих репликах, так и благодаря лингвистическим элементам кинофильма.

Выше уже отмечалось, что отдельные ФЕ обладают ярко выраженным национально-специфичным компонентом; к ним относятся, в частности, фразеологизмы, включающие в свой состав личные

имена, слова-реалии и т.п. В этом отношении представляет интерес перевод таких фразеологических единиц, как *по Сеньке шапка* и *кудыкина гора*. Идиома *по Сеньке и шапка* используется, когда говорящий хочет показать, что его собеседник или кто-то другой того и заслуживает. Данный фразеологизм используется в тексте кинофильма в сцене, где Дмитрий встречается с мэром и показывает ему папку с компрометирующей информацией, утверждая, что своими действиями тот заслужил пристального внимания к своему прошлому (*– Ну что, круто вы за меня взялись, надо сказать. – Так по Сеньке и шапка*). При переводе данной идиомы используется устойчивое выражение *You asked for it*, обладающее тем же прагматическим значением, но лишенное ярко выраженной национально-культурной специфики. Идиома *на кудыкину гору* используется, когда говорящий не намерен отвечать на вопрос о том, куда он направляется. В контексте кинофильма реплика, содержащая эту идиому, произносится женой Николая, когда тот спрашивает ее, куда она идет (*– Лиль, ты куда? – На кудыкину гору, Коль*). Как и в предыдущем случае, переводчик пользуется прагматически эквивалентным устойчивым выражением, не имеющим отличительного национального колорита (*Wouldn't you like to know?*).

Следует отметить, что ни в одном из субтитров не были использованы фразеологизмы, которые бы соответствовали указанным выше критериям (наличие в составе имен собственных, слов с непонятным для иноязычных получателей информации значением и т.п.) и которые воспринимались бы англоязычными зрителями как «специфически английские». Данный факт говорит о том, что для перевода фразеологических единиц в кинофильме характерна «нейтрализация» национально-культурной специфики оригинала, проявляющаяся в использовании «культурно нейтральных» аналогов национально-специфичных идиом.

В примерах выше был проанализирован прагматический аспект употребления фразеологизмов в контексте коммуникации персонажей фильма. При этом важно учитывать, что кинофильм является художественным произведением, а следовательно, задействованные в нем языковые и неязыковые знаки приобретают особую прагматическую функцию в рамках художественной коммуникации «автор–получатель текста», т.е. обладают прагматическим воздействием на зрителя. Как было отмечено в упомянутой выше работе Е.А. Колодиной, использование фразеологических единиц в фильме играет важную роль в подчеркивании эмоционального состояния персонажей. Приведенные выше

примеры подтверждают справедливость данного вывода. Кроме того, экспрессивная и стилистическая окраска фразеологизмов может использоваться для характеристики персонажей и ситуации их общения. Так, использование мэром идиомы, относящейся к сниженному стилистическому регистру *заправлять арапа* (*Арапа не заправляй, дело говори*), вкупе с его описанием другим героем с помощью фразеологизма *руки в крови* характеризует данного персонажа как человека с низким культурным уровнем и связью с преступностью, что утрачивается при переводе (*Don't beat around the bush. // Get to the point*). Использование героями фразеологизмов, характерных для разговорной речи (*как штык; поезд ушел; как вас только земля держит* и т.д.), подчеркивает неформальность ситуации, в которой происходит их коммуникация, что, как показали приведенные выше примеры, в большинстве случаев передается в переводе использованием фразеологизмов того же регистра.

Из вышесказанного можно заключить, что фразеологические единицы и, в частности, идиомы выполняют ряд значимых функций в кинотексте, выступая одним из средств характеристики персонажей, их эмоциональных состояний и речевой ситуации. Кроме того, будучи частью уникального фразеологического состава языка, они обладают культурной спецификой, что в совокупности делает перевод таких единиц текста сложной и одновременно важной переводческой задачей. Исследование материала показало, что доминирующей стратегией при субтитровании является фразеологический перевод, позволяющий сохранить эмоционально-экспрессивную окраску оригинала. Все использованные в переводе фразеологизмы ПЯ являются аналогами фразеологизмов ИЯ, т.е. отличаются от них по ряду параметров, таких как лексический состав, образная основа, синтаксическая сочетаемость и т.п. На выбор того или иного фразеологического варианта, а также нефразеологического перевода, в противоположность фразеологическому, влияют такие факторы, как ограничение количества символов при субтитровании и количество усилий, затрачиваемых переводчиком, что демонстрирует специфику передачи фразеологизмов в аудиовизуальном переводе. Использованные в субтитрах фразеологические варианты не содержат компонентов, придающих им характерную английскую национально-культурную окраску, т.е. переводчик отказывается от доместикации, из чего можно сделать вывод, что для перевода идиом в кинофильме характерна «нейтрализация» культурной специфики оригинала, позволяющая

избежать когнитивного диссонанса при восприятии фильма зрителем.

Таким образом, изучение способов перевода образных фразеологизмов как одного из видов культурно-специфичных элементов в кинофильме

остаётся плодотворной темой для исследований в рамках аудиовизуального перевода. Представляется важным расширить исследование, проведя анализ передачи ФЕ на материале аудиовизуальных текстов различного вида.

Список источников

1. Малёнова Е.Д. Аудиовизуальный перевод в СССР и России: краткая историческая ретроспектива // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. Нижний Новгород : НГЛУ, 2021. № 3(55). С. 61–83.
2. Gambier Y. Translation Studies, Audiovisual Translation and Reception // *Reception studies and audiovisual translation*. Amsterdam : John Benjamins, 2018. P. 43–66.
3. Malenova E.D. Translating subtitles – translating cultures // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Красноярск : Изд-во БИК СФУ, 2015. № 12(8). P. 2891–2899.
4. Pedersen J. Cultural Interchangeability: The Effects of Substituting Cultural References in Subtitling // *Perspectives: Studies in Translatology*. 2007. P. 30–48.
5. Chaume F. Audiovisual translation trends: Growing diversity, choice, and enhanced localization // *Media Across Borders*. New York : Routledge, 2016. P. 74–90.
6. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. *Аспекты теории фразеологии*. Москва : Знак, 2008. 656 с.
7. Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
8. Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2014. 510 с.
9. Колодина Е.А. Особенности перевода фразеологической единицы как элемента эмоциональной характеристики героя (в рамках современного корейского кинодискурса) // *Вестник Московского университета*. 2019. № 1. С. 28–39. (Серия 22. Теория перевода).
10. Телия В.Н. Фразеологизм // *Лингвистический энциклопедический словарь* / под ред. В.Н. Ярцевой. Москва : Советская энциклопедия, 1990. С. 559–560.
11. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Его же. Избранные труды. Лексикология и лексикография*. Москва : Наука, 1977. С. 140–161.
12. Зыкова И.В. Фразеологическая креативность в ракурсе изучения дискурса // *Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne*. Olsztyn : Uniwersytet Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2015. С. 157–167.
13. Рецкер Я.И. *Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода* / доп. и коммент. Д.И. Ермоловича. Москва : Р. Валент, 2007. 244 с.
14. Влахов С., Флорин С. *Непереводимое в переводе*. Москва : Международные отношения, 1980. 341 с.
15. *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А.И. Молоткова. Москва : Русский язык, 1986. 543 с.
16. Лубенская С.И. *Русско-английский фразеологический словарь*. Москва : Языки русской культуры, 1997. 1056 с.

References

1. Malenova E.D. Audiovizualny perevod v SSSR i Rossii: kratkaya istoricheskaya retrospektiva [Audiovisual translation in the USSR and Russia: a brief historical retrospective] // *LUNN Bulletin*. 2021. No 3(55). P. 43–66.
2. Gambier Y. Translation Studies, Audiovisual Translation and Reception // *Reception studies and audiovisual translation*. Amsterdam : John Benjamins, 2018. P. 43–66.
3. Malenova E.D. Translating subtitles – translating cultures // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2015. No 15(8). P. 2891–2899.
4. Pedersen J. Cultural Interchangeability: The Effects of Substituting Cultural References in Subtitling // *Perspectives: Studies in Translatology*. 2007. P. 30–48.
5. Chaume F. Audiovisual translation trends: Growing diversity, choice, and enhanced localization // *Media Across Borders*. 2016. P. 74–90.
6. Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of theory of phraseology]. Moscow : Znak, 2008. 656 p. (in Russ.).
7. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semantichesky, pragmatichesky i lingvokulturologichesky aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic, and linguaculturological aspects]. Moscow : Yazyki russkoy kultury, 1996. 288 p. (in Russ.).
8. Zyкова I.V. *Rol kontseptosfery kultury v formirovanii frazeologizmov kak kulturno-yazykovykh znakov*. Dis. ... kand. filol. nauk [The role of the conceptsphere of culture in formation of phraseological units as cultural and linguistic signs. Ph.D. Thesis in Philology]. Moscow, 2014. 510 p. (in Russ.).
9. Kolodina E.A. Osobennosti perevoda frazeologicheskoy edinitsey kak elementa emotsionalnoy kharakteristiki geroya (v ramkakh sovremennogo koreyskogo kinodiskursa) [Translation of a phraseological unit as an element of the emotional characteristics of the hero] // *Moscow University Translation Studies Bulletin*. 2019. No 1. P. 28–39.

10. Teliya V.N. Frazеologizm [Phraseological unit] // *Lingvistichesky entsiklopedichesky slovar* / V.N. Yarceva (ed.). Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. P. 559–560.
11. Vinogradov V.V. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke [On the main types of phraseological units in Russian] // Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya*. Moscow : Nauka, 1977. P. 140–161.
12. Zyкова I.V. Frazеologicheskaya kreativnost v rakurse izucheniya diskursa [Phraseological creativity in the discourse study] // *Dyskurs: aspekty lingvistyczne, semiotyczne i komunikacyjne*. 2015. P. 157–167.
13. Retsker Ya.I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Theory and practice of translation. Notes on the linguistic theory of translation]. Moscow : R. Valent, 2007. 244 p. (in Russ.).
14. Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoye v perevode* [The untranslatable in translation]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 341 p. (in Russ.).
15. *Frazеologichesky slovar russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language] / Molotkov A.I. (ed.). Moscow : Russky yazyk, 1986. 543 p. (in Russ.).
16. Lubenskaya S.I. *Russko-anglysky frazeologichesky slovar* [Russian-English dictionary of idioms]. Moscow : Yazyki russkoy kultury, 1997. 1056 p. (in Russ.).

Информация об авторе

О.Д. Прасолова – аспирант кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, лаборант-исследователь международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения».

Information about the author

O.D. Prasolova is a postgraduate student, Department of the English Language Theory and Practice, and Translation, Nizhny Novgorod Linguistics University. She is also a laboratory assistant and researcher, International Research Laboratory for Theoretical and Applied Issues of Translation Studies.

Статья поступила в редакцию 20.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 20.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья
УДК 8; 81–26:347.78.034
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-42-47

ТИПОЛОГИЯ МЕТОДОВ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РЭЯ БРЕДБЕРИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ЛЕТО, ПРОЩАЙ»)

Ирина Владимировна Герасименко

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия,
gerasim001@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования определяется необходимостью всестороннего изучения фразеологизмов, встречающихся в жанре научной фантастики. Цель исследования проанализировать фразеологизмы Рэя Бредбери в транслатологическом аспекте, собранные методом сплошной выборки и обследованные методом компаративного лексико-стилистического анализа. При переводе были использованы следующие методы межъязыковой трансформации: определялись частичные и полные эквиваленты; использовались описательный метод, обертональный перевод, дословный перевод, опущение.

Ключевые слова: фразеологические единицы, перевод, межъязыковая трансформация

Original article

TYPOLOGY OF METHODS IN TRANSLATING RAY BRADBURY'S PHRAEOLOGICAL UNITS INTO RUSSIAN (BASED ON THE NOVEL "FAREWELL SUMMER")

Irina V. Gerasimenko

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia,
gerasim001@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by the need for a comprehensive study of phraseological units used in the genre of science fiction. The purpose of the study is to analyze Ray Bradbury's phraseological units in a translational aspect. The phraseological units were selected by the method of continuous sampling and examined via comparative lexico-stylistic method. The following methods of interlanguage transformation were used in the translation: partial and full equivalents; descriptive method; overtone translation; literal translation; omission.

Keywords: phraseological units, translation, interlanguage transformation

Введение

Фразеологизмы активно используются в устной и письменной речи, стилистически обогащая ее и принося выразительность. Их основное назначение – оказать воздействие на получателя информации. Но в то же время они обладают всеми качествами, которые могут представить затруднения для переводчика уже с первых шагов.

Над проблемой переводимости фразеологизмов активно работали лингвисты С. Влахов и С. Флорин. Они считали, что возможность достижения полноценного словарного перевода зависит от полноты соотношений между единицами исходного языка и языка перевода [1: с. 86–90].

При наличии в исходном языке фразеологической единицы (ФЕ), равной фразеологической единице языка перевода, при переводе используются фразеологические средства. Однако следует иметь

в виду, что даже при полном лексическом совпадении русского и английского фразеологизмов их значения могут не совпадать.

Когда же фразеологическая единица исходного языка не равна фразеологической единице языка перевода, используются нефразеологические средства. Если фразеологическая единица отсутствует в языке перевода (ПЯ), то перевод осуществляется иными средствами, используется нефразеологический перевод.

Н.Б. Аристов предложил при переводе фразеологического единства использовать словарь. В том случае, если словарь не дает значения всего единства в целом, то необходимо при помощи словаря установить смысл каждого из компонентов в отдельности [2: с. 163]. Мысль, выражаемая единством, передается и в русском языке с помощью эквивалента, иногда лишь с некоторыми незначи-

тельными отклонениями. Мысль, выражаемая единством, передается в русском языке другими изобразительными средствами, так как в основе ее выражения лежит совершенно другой образ. Это особенно часто встречается при переводе разговор. Данные правила, сформулированные в работах таких лингвистов, как В.Н. Комиссаров, Л.В. Дмитриева, Н.Ф. Смирнова, Е.А. Мартинкевич, С.Е. Кунцевич и др., помогли решить проблему переводимости фразеологизмов и облегчили процесс перевода художественной литературы, где фразеологические единицы встречаются наиболее часто.

В подавляющем большинстве случаев перевод с английского языка на русский язык осуществляется путем поиска соответствий в словарях и применения переводческих трансформаций. В переводоведческой литературе встречается множество классификаций переводческих трансформаций, предложенных известными учеными, в том числе Л.С. Бархударовым, В.Н. Комиссаровым и др. [3: с. 66; 4: с. 76].

Как известно, переводческие трансформации могут быть лексическими, грамматическими и комплексными (лексико-грамматическими). К основным переводческим приемам трансформаций относятся: транслитерация, транскрибирование, калькирование, генерализация, конкретизация, модуляция, целостное преобразование, функциональная замена.

Однако далеко не все из перечисленных приемов перевода подходят для работы с фразеологическими единицами. Многие известные филологи предлагали различные решения данной проблемы. Так, А.В. Кунин, изучив существующие в отечественной лингвистике подходы к проблеме переводимости фразеологизмов, выделил два типа перевода: фразеологический и нефразеологический [5]. К фразеологическому типу перевода он отнес метод полного фразеологического эквивалента и метод частичного фразеологического эквивалента.

Метод полного фразеологического эквивалента (калькирование) помогает сохранить весь комплекс значений переводимой единицы. Он используется, когда язык перевода обладает теми же денотативным и коннотативным значениями, той же метафоричностью и эмоционально-экспрессивной окраской, что и фразеологизм в исходном языке. При помощи данного способа чаще всего переводятся интернациональные фразеологизмы, заимствованные обоими языками из третьего языка.

Полный фразеологический эквивалент – явление достаточно редкое, предполагающее совпадение перевода с оригиналом по значению, лексическому составу, стилистической направленности и грамма-

тической структуре. Необходимо отметить, что фразеологизмы, выполняющие номинативную функцию, часто переводятся с помощью полного эквивалента. Связано это с тем, что они более подробно описывают человека или действие. В таком случае опущение или описание не совсем подходят, поскольку именно полный эквивалент может дать четкое и ясное представление о предмете или объекте.

Таким образом, использование полного фразеологического эквивалента подразумевает полное соответствие перевода оригиналу по всем аспектам: образу, лексическому наполнению, грамматической структуре, а также стилистической окраске.

Метод частичного фразеологического эквивалента применяется при отсутствии фразеологического эквивалента. В этом случае для осуществления адекватного перевода переводчик подбирает в языке перевода фразеологизм с образным значением, основанным на ином образе.

Частичные эквиваленты, содержащие лексические, грамматические или лексико-грамматические расхождения, предполагают полноту передачи значения при сохранении стилистической направленности.

К нефразеологическому типу перевода А.В. Кунин отнес методы дословного, описательного и обертонального перевода. В данном случае фразеологическая единица передается при помощи лексических средств переводного языка, а потери в области образности и коннотации практически неизбежны.

Дословный перевод (калькирование) используется, когда другими приемами не удастся передать фразеологическую единицу в целостности ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, но все же необходимо сохранить образную основу.

Описательный перевод используется переводчиком для объяснения смысла фразеологической единицы, у которой отсутствуют и аналог, и эквивалент в языке перевода, и при этом дословный перевод также невозможен. Часто описательный перевод используется при переводе фразеологических сращений, поскольку их значение немотивированно и не выводится из значения составляющих их компонентов, что еще больше осложняет выбор эквивалента на языке перевода. Описательный перевод имеет одну важную особенность: при выборе данного приема перевода сохраняется общеязыковой смысл переводимого фразеологизма, однако семантические и стилистические оттенки, которые появляются в оригинальном тексте, не воссоздаются.

Обертональный перевод подразумевает нахождение такого эквивалента, который возможно использовать для перевода фразеологизма только в определенном контексте. Действия переводчика в данном случае сводятся к толкованию фразеологизма с использованием объяснения и сравнения. Это перевод фразеологизма, используемый только в определенном контексте, т.е. окказионально (согласно мнению А.В. Кунина). Необходимо учитывать, что окказиональность данного эквивалента определяется исключительно особенностями контекста. Таким образом, использование обертонального перевода предполагает наличие определенной доли творческого воображения у переводчика.

Исследование текста романа

Фразеологизмы в произведениях Рэя Брэдбери [6; 7] представляют немалый интерес для научного исследования. Они позволяют акцентировать внимание читателя на внутреннем мире героев, сделать более динамичными монологи, диалоги и сюжет в целом. Однако особенности идиостиля

писателя и контекст использования фразеологических оборотов создают сложности при их переводе на русский язык.

Нами были рассмотрены варианты перевода фразеологических единиц, предложенные Е. Петровой в романе «Лето, прощай» – последнем произведении, опубликованном при жизни писателя, в 2009 г. Действие происходит в городке Гринтаун, два года спустя после событий, описанных в книге «Вино из одуванчиков». Главным героем по-прежнему является Дуглас Сполдинг, которому теперь 14 лет. Став подростком, он не хочет расставаться с детством и становиться взрослым. Этот внутренний конфликт и положен в основу сюжета.

При помощи метода сплошной выборки мы выбрали фразеологизмы и рассмотрели способы перевода этих языковых единиц в работе Е. Петровой в романе «Лето, прощай», которые для большей репрезентативности и наглядности материала были нами представлены в виде таблицы.

Таблица

Методы трансформации, используемые при переводе фразеологических единиц романа Р. Брэдбери «Лето, прощай!»

Текст оригинала	Текст перевода на русский язык	Метод трансформации ФЕ, используемый при переводе
The ship blew its horn a last time and broke his heart so it fell from his eyes in tears as he cried all the names of his loves on shore	Пароход дал прощальный гудок и разбил Дугласу сердце : оно брызнуло слезами у него из глаз, и он стал звать родных и близких, оставшихся на берегу	Дословный перевод
The hours burned in cold white wintry flashes, as people scuttled in and out of Braling's mansion, hoping against hope that he was Lazarus	Часы сменяли друг друга снежно-холодными всполохами, а в особняке Брейлинга метались люди, надеясь, вопреки здравому смыслу , лицезреть воскрешение Лазаря	Метод частичного эквивалента
Long time no see. They always come home when they're hungry	Ага, явился, не запылится . Аппетит нагулял – и тут как тут	Обертональный перевод
Somewhere in a corner of his mind , Doug saw the bike fling Quartermain high, wheels spinning, while Douglas fled, the cry of Quartermain following close	Мысленным взором Дуглас увидел, как велосипед на полном ходу врывается в Квотермейна и подбрасывает его в воздух, а он, Дуглас, дает деру под старческие вопли	Описательный перевод
Do or die!	Хоть умри!	Метод частичного эквивалента
He makes money if we lie here, you and you <i>and you!</i>	Ему только на руку , если мы здесь ляжем в землю – и ты, и ты, и ты!	Обертональный перевод
Halloween's almost here and before then we got to sour their grapes!	До Хэллоуина осталось всего ничего, но мы и ждать не будем: покажем им, где раки зимуют!	Обертональный перевод
Gosh almighty, you're nuts!	У тебя мозги набекрень , честное слово!	Метод частичного эквивалента
Now they're after me!	А теперь за мной охотятся!	Описательный перевод

Окончание таблицы

Текст оригинала	Текст перевода на русский язык	Метод трансформации ФЕ, используемый при переводе
Some boy with a cap-pistol means nothing!	И мальчишку с пугачом не впутывай!	Обертональный перевод
Sip your revenge quietly	Отомстить всегда успеешь	Описательный перевод
No, you are a student-comelately	Нет, у тебя всего лишь замедленная реакция	Описательный перевод
Why don't we just chuck all those Bolshevik boys into a pot, boil them down to essence of kid?	В котел бы их всех, малолетних бунтарей , да сварить на медленном огне, как ты считаешь?	Описательный перевод
You boys are not very good at covering your tracks	Вы, ребята, не умеете заметать следы	Дословный перевод
Doug swallowed hard	Дуглас сглотнул застрявший в горле комок	Метод частичного эквивалента
But I remember being your age, and getting caught redhanded at doing something I knew I shouldn't do, but I did anyway	А меня, помню, в твои годы застукали с поличным , когда устроил я одну каверзу; и ведь знал, что пакость, а все равно делал	Метод полного эквивалента
Doug's face turned red	Дугласа бросило в краску	Метод частичного эквивалента
The only thing that comes to mind right now is maybe we stop the courthouse clock	Единственное, что сейчас на ум приходит , – часы башенные остановить, что ли	Дословный перевод
It was a hot evening and all the boys were perspiring and talking under their breath and wishing they were some- where else, almost wishing they were in school, which would be better than this	Вечер выдался душным; мальчишки обливались потом и разговаривали вполголоса , мечтая перенестись куда угодно, да хотя бы в школу – всяко лучше, чем здесь	Метод полного эквивалента
Here was their nemesis, which they thought they'd defeated, being brought back to life	У них на глазах машина отмщения, которую они считали поверженной, возвращалась к жизни	Метод частичного эквивалента
I smell a rat , fellas	Не к добру это , парни	Описательный перевод
Keep your eyes peeled and if I give the word, break and scatter [6]	Теперь не зевайте и по моему приказу будьте готовы рассредоточиться и скрыться [7]	Метод частичного эквивалента

На основе проанализированного материала мы выяснили, что в романе «Лето, прощай!» наиболее часто используется метод частичного эквивалента (7 ФЕ из 22, или 28 %) и описательного перевода (6 ФЕ из 22, или 27 %). Переводчик также смог подобрать русскоязычные соответствия двум фразеологизмам (полный эквивалент). Метод описательного перевода в процентном соотношении идентичен полному, соответственно часть фразеологизмов все же получили только смысловое описание. Это может несколько снизить смысловую ценность текста.

Обертональный перевод использовался в 18 % случаев (в 4 ФЕ из 22) и так же, как и в предыдущем случае, обусловлен только контекстом и решением переводчиков не использовать общепринятый эквивалент того или иного фразеологизма.

Частота использования дословного перевода, а также метода полного эквивалента составила по 13 % (по 2 ФЕ из 22). В первом случае переводчик смог покомпонентно воспроизвести фразеологизмы лексическими средствами русского языка. Посредством же метода полного эквивалента передавалась эмоциональная окраска языковой единицы, а также были заменены поговорки и просторечные выражения, свойственные другой культуре, на эквиваленты, близкие русскому читателю.

В рамках данного исследования также был проведен анализ количественного соотношения методов перевода фразеологических единиц романа «Лето, прощай!» на русский язык согласно классификации А.В. Кунина. В соответствии с типологией А.В. Кунина существуют два типа методов перево-

да: фразеологический и нефразеологический. К первому типу относятся методы полного и частичного эквивалента, а ко второму типу – оборотный перевод, дословный перевод (калькирование) и описательный перевод.

К нефразеологическому переводу относят описательный перевод. Такой перевод применим, как правило, в тех случаях, когда данное понятие обозначено в одном языке фразеологизмом, а в другом – словом. Так, многие английские глаголы, выраженные словосочетаниями, можно передать совершенно безболезненно их лексическим эквивалентом:

● **Now they're after me!**

○ А теперь за мной **охотятся!**

Такому нефразеологическому переводу, хотя и не совсем безболезненно, поддаются и ФЕ, у которых в ПЯ есть слова синонимы. Такие переводы вполне удовлетворительно выполняют свою роль и в словаре, указывая точное семантическое значение единицы. Однако в контексте любое соответствие должно приобрести «фразеологический вид» или, по меньшей мере, стилистическую окраску и экспрессивность, близкие к оригинальным. Одним словом, и при описательном переводе ФЕ нужно всегда стремиться приблизиться к фразеологическому, передать хотя бы отдельные его элементы или стороны.

Дословный перевод (калькирование) предпочитают обычно в тех случаях, когда другими приёмами, в частности фразеологическими, нельзя передать ФЕ в целостности её семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, а по тем или иным причинам желательно «довести» до читателя образную основу. Калькирование возможно только тогда, когда дословный перевод может довести до читателя истинное содержание всего фразеологизма.

● **The ship blew its horn a last time and broke his heart so it fell from his eyes in tears as he cried all the names of his loves on shore.**

○ Пароход дал прощальный гудок и разбил Дугласу сердце: оно брызнуло слезами у него из глаз, и он стал звать родных и близких, оставшихся на берегу.

Это осуществимо в ряде случаев. Во-первых, в отношении образных ФЕ, преимущественно фразеологических единств, сохранивших метафоричность; калькировать можно, во-вторых, ряд пословиц и, в первую очередь, таких, которые не обладают подтекстом. Этим приёмом можно, в-третьих, передать и некоторые устойчивые сравнения, но только убедившись, что носитель ПЯ воспримет их правильно.

Однако многие кальки можно отнести к переводу фразеологическому. Например, *He dam otovratit nogot' ot pal'tsa*, т.е. сына от отца: переводится почти дословно и получается вполне осмысленная фраза на русском языке, обозначающая разделение близких людей друг от друга [10: с. 195].

При невозможности осуществления перевода возможно опущение фразеологизма. В повести «Лето, прощай!» фразеологические методы перевода использованы в 41 % случаев, а нефразеологические – в 59 %.

Заключение

С целью проведения сопоставительного лингвистического анализа романа «Лето, прощай!» были выбраны 22 фразеологические единицы. Чаще всего переводчик использовал метод полного эквивалента, стремясь точно передать смысл переводимых фразеологизмов. Реже всего переводчиком применялся дословный перевод и метод частичного эквивалента. Метод опущения фразеологического оборота в тексте не применялся. В романе «Лето, прощай!» фразеологические методы перевода использованы в 41 % случаев, а нефразеологические – в 59 %.

Необходимо заметить, что перевод почти любого произведения Рэя Брэдли связан с преодолением определенных трудностей. Проза писателя отличается яркостью образов. При их создании автор использовал разнообразные средства художественной выразительности, включая фразеологизмы. Уникальность литературного языка Брэдли и неоднозначность перевода средств выразительности его языка на русский язык и в наше время вызывает интерес ряда литературоведов и свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения творчества писателя в контексте теории и практики перевода.

Список источников

1. Влахов С., Флорин С. *Непереводимое в переводе*. Москва : Международные отношения, 1980. 383 с.
2. Аристов Н.Б. *Основы перевода*. Москва : Литература на иностранных языках, 1959. 262 с.
3. Бархударов Л.С. *Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода*. Москва : ЛКИ, 2008. 240 с.
4. Комиссаров В.Н. *Современное переводоведение*. Москва : ЭТС, 1999. 192 с.
5. Кунин А.В. О переводе английских фразеологизмов в англо-русском фразеологическом словаре // *Тетради переводчика*. 1964. № 2. С. 17–23.
6. Bradbury R. *Farewell summer*. London : Hamish Hamilton, 2015. 223 p.
7. Брэдли Р. *Лето, прощай!* Москва : Эксмо, 2011. 192 с.

References

1. Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]*. Moscow : Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1980. 383 p. (in Russ.).
2. Aristov N.B. *Osnovy` perevoda [Fundamentals of translation]*. Moscow : Literatura na inostranny`x yazy`kax, 1959. 262 p. (in Russ.).
3. Barxudarov L.S. *Yazy`k i perevod: Voprosy` obshhej i chastnoj teorii pere voda [Language and translation: issues of general and particular theory of translation]*. Moscow : LKI, 2008. 240 p. (in Russ.).
4. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie [Modern translation studies]*. Moscow : E`TS, 1999. 192 p. (in Russ.).
5. Kunin A.V. O perevode anglijskix frazeologizmov v anglo-russskom frazeologicheskom slovare // [On translation of English phraseological units in the English-Russian phraseological dictionary] // *Tetradj perevodchika*. 1964. № 2. P. 17–23. (in Russ.).
6. Bradbury R. *Farewell summer*. London : Hamish Hamilton, 2015. 223 p.
7. Bradbury R. *Leto, proshhaj! [Farewell summer]* Moscow : Eksmo, 2011. 192 p. (in Russ.).

Информация об авторе

И.В. Герасименко – кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики.

Information about the author

I.V. Gerasimenko is Candidate of Philology, Associate Professor, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics.

Статья поступила в редакцию 17.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 17.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 81'25:728.51

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-48-54

АНАЛИЗ ОН-ЛАЙН ПЕРЕВОДОВ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ ТЕКСТОВ ТРАВЕЛОГОВ

Галина Алексеевна Шушарина¹, Жанна Валерьяновна Петрунина²

^{1, 2}Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия

¹Galinalmk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5741-1914>

²petrunina71@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0121-2147>

Аннотация. Целью статьи является сопоставительный анализ текстов тревелогов на английском языке и их переводов, выполненных современными системами машинного перевода, на предмет установления сохранности в переводе эмоционально-оценочного компонента лексического значения слова из оригинального текста. Анализ осуществлялся по следующей схеме: определение значения эмоционально-оценочного слова в тексте оригинала, анализ значения эмоционально-оценочного слова в тексте оригинала и тексте перевода в сопоставительном аспекте и определение, в каких отношениях находится слово в оригинальном тексте со словом в тексте перевода. Результаты анализа позволили сделать вывод, что при передаче эмоционально-оценочной лексики в переводе текстов тревелога основной переводческой трансформацией является подбор функционального аналога. Это объясняется необходимостью обеспечить на получателя перевода эффект, равноценный тому, который производит оригинальное произведение.

Ключевые слова: перевод, тревелог, функциональный аналог, машинный перевод, эмоциональность, оценочность

Original article

ANALYSIS OF ONLINE TRANSLATIONS OF EMOTIONAL-EVALUATIVE VOCABULARY OF TRAVELOGUE TEXTS

Galina A. Shusharina¹, Zhanna V. Petrunina²

^{1, 2}Komsomolsk-na-Amure State University, Komsomolsk-na-Amure, Russia

¹Galinalmk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5741-1914>

²petrunina71@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0121-2147>

Abstract. The purpose of the article is a comparative analysis of travelogue texts in English and their translations made by modern machine translation systems in order to establish the preservation of the emotional-evaluative component of the lexical meaning of the word from the original text in the translation. The analysis was carried out according to the following scheme: determination of the meaning of the emotional-evaluative word in the original text, analysis of the meaning of the emotional-evaluative word in the original text and the translated text in a comparative aspect, and determination of the relationship between the word in the original text and the word in the translated text. The results of the analysis led to the conclusion that when transferring emotional-evaluative vocabulary in the translation of travelogue texts, the main translational transformation is the selection of a functional analogue. This is due to the need to ensure that the recipient of the translation has an effect equivalent to that of the original work.

Keywords: translation, travelogue, functional analogue, machine translation, emotionality, appraisal

Ограничения последних лет не изменили желания людей путешествовать по миру. Так, в 2021 г. Всемирная туристская организация (ЮНВТО) зарегистрировала 415 млн международных поездок по земному шару, при этом экономический вклад туризма в мировой ВВП в 2021 г. составил 1,9 трлн долларов, тем самым подтвердив, что туризм является ведущим и устойчивым сектором экономики, особенно на фоне текущей глобальной неопределенности [1]. В выборе места для отдыха большую роль играют тревелоги, т.е. рассказы о путешествиях в различной своей представленности –

телевизионные передачи о городах и странах, сообщения туристов в социальных сетях, эссе и художественная литература о поездках по родной стране и за рубежом. При этом в условиях повсеместной цифровизации у каждого человека есть возможность читать тексты тревелогов, написанные на иностранном языке, не владея им и не пользуясь услугами профессиональных переводчиков, но обратившись к различным он-лайн сервисам, например Google и Яндекс.

Целью настоящей статьи является сопоставительный анализ текстов тревелогов на английском

языке и их переводов, выполненных современными системами машинного перевода, на предмет установления сохранности в переводе эмоционально-оценочного компонента лексического значения слова из оригинального текста. Подобные исследования представляются актуальными с теоретической и практической точек зрения, поскольку «накопление исследованного материала позволит выработать системы оценки качества машинного перевода и соблюдение переводной нормы» [2] для совершенствования работы электронных сервисов по переводу текстов.

Исследователи современных травелогов подчеркивают, что его «основной жанрообразующей чертой является стремление к достоверному изображению "чужого" мира, пропущенного через восприятие путешественника» [3: с. 258]. Иначе говоря, современный травелог – это не просто отчет о путешествии, но и переживания автора, осмысление увиденного [4], которые актуализируются в текстах травелогов через их эмоционально-оценочную насыщенность. В нашем исследовании мы будем рассматривать эмоциональность и оценочность в тесной взаимосвязи друг с другом, поскольку оценка предмета / явления или события человеком обычно связана с эмоциональными переживаниями [5].

Эмоциональная и оценочная составляющая представлена на различных уровнях в тексте травелога, прежде всего, лексическом, однако и на морфологическом и синтаксическом языковых уровнях также можно встретить конструкции, придающие выразительность тексту.

Проблема соотношения эмоции и оценки в современной лингвистике не решена однозначно. Так, некоторые исследователи объединяют эмоциональность и оценочность в единый компонент значения слова [6; 7], другие же их разграничивают, подчеркивая, что эмоция и оценка близкие, но не тождественные явления [8]. Несмотря на различные дискуссии в лингвистической среде о границах эмоционально-оценочной лексики, исследователи определяют наличие положительной / отрицательной оценки как основную характеристику отмеченного слоя вокабуляра любого языка.

Для выделения эмоционально-оценочного пласта лексики, т.е. лексики, передающей эмоциональное состояние говорящего, его отношение к объекту, процессу / явлению в первую очередь и второстепенно реализующей информативную составляющую, в травелогах авторы статьи использовали классификацию, предложенную отечественными лингвистами И.А. Стерниным и Д.Ю. Просо-

вецким [5], а также классификацию И.И. Просвириной [9], которые по большинству позиций совпадают. Опираясь на указанные классификации, мы выделили следующие группы эмоционально-оценочной лексики в анализируемых текстах травелогов: слова, эмоциональность которых появляется благодаря контексту (*picture-book villages* [10]); слова, эмоциональность которых заложена в определенных аффиксах (*largest island; greenest and most pristine destinations; bluest sky; in greater number* [10]); слова, в которых оценка является частью лексического значения слова (*tremendous; exciting; excellent; thrillingly beautiful* [10]); языковые единицы, которые способны непосредственно выражать эмоцию и оценку, но не передавать ее (*emerald hillsides; Mumbles is homey and welcoming* [11]); слова, которые выражают эмоциональное отношение говорящего к какому-либо предмету или явлению, сопровождающее некоторую характеристику предмета (*gloomy skies* [11]).

Отдельного внимания заслуживает присутствие в текстах травелогов тропов для придания экспрессивности рассказу о туристической локации или достопримечательности, среди которых гипербола (*endless adventures await; the options are endless; all eyes will be on Tokyo this summer* [11]), метафора (*mountain kingdom; culinary epicenter* [11], *angelic light* [11]), олицетворение (*a city with such a clear sense of self, ideals and history, a city that refuses to be like anywhere else, a city that taught me the importance of being my own person, a city that made me question what I want to bring to the world, and what I stand for* [11]). В целом отметим, что основными функциями эмоционально-оценочной лексики в травелогах являются характеризующая и воздействующая. Реализация характеризующей функции объясняется необходимостью дать оценку описываемым туристическим объектам. Воздействующая функция исследуемого пласта вокабуляра проявляется в стремлении авторов травелога оказать влияние на своего собеседника, на его эмоции и чувства.

Известный отечественный лингвист и специалист по теории перевода Л.С. Бархударов подчеркивал, что цель перевода состоит в «преобразовании речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного значения» [12: с. 50]. Однако при переводе встречаются определенные смысловые потери. Уровень «сохранности» перевода зависит от самого типа значения. В наибольшей степени сохраняется денотативное значение слова, тогда как коннотативный компонент значения слова, состоящий в дополнительной информации эмоцио-

Таблица 1

Пример 1

Он-лайн сервис	Текст травелога
Оригинал текста	The small town is the gateway to a <i>lush and thrillingly beautiful</i> part of northwestern Bolivia that offers a twofer for tourists <i>passionate</i> about supporting efforts toward sustainability and protecting endangered species. Bolivia just won an award for best green destination from World Travel. Witness the <i>tremendous</i> glacier feeding into the Ilulissat Icefjord [10]
Яндекс Переводчик	Небольшой городок является воротами в <i>пышную и потрясающе красивую</i> часть северо-западной Боливии, которая предлагает двойной выбор для туристов, <i>увлеченных</i> поддержкой усилий по обеспечению устойчивого развития и защите исчезающих видов. Посмотрите на <i>огромный</i> ледник, впадающий в ледяной фьорд Илулиссат
Google Translate	Небольшой городок является воротами в <i>пышную и захватывающую красоту</i> части северо-западной Боливии, которая предлагает два места для туристов, <i>увлеченных</i> поддержкой усилий по обеспечению устойчивости и защите исчезающих видов. Станьте свидетелем того, как <i>огромный</i> ледник впадает в ледяной фьорд Илулиссат
DeepL	Небольшой городок является воротами в <i>пышную и захватывающе красивую</i> часть северо-западной Боливии, которая предлагает два варианта для туристов, <i>заинтересованных</i> в поддержке усилий по обеспечению устойчивого развития и защите исчезающих видов. Полюбуйтесь <i>огромным</i> ледником, впадающим в Илулиссатский Айсфьорд

нально-оценочного, экспрессивного и стилистического характера, передается с одного иностранного языка на другой гораздо хуже. Передача коннотации в тексте становится одной из основных проблем, которую необходимо решить переводчику при работе с текстом, так как при потере эмоционального, стилистического и других оттенков значения слова, составляющих коннотацию, сложно говорить о какой-либо эквивалентности и адекватном переводе [13: с. 193].

В данной статье рассмотрены переводы текстов травелогов, выполненные машинными переводчиками и системами Google Translate и «Яндекс Переводчик» [14; 15], с английского языка на русский язык. Такие сервисы сегодня наиболее востребованные и в профессиональной среде переводчиков, и среди обывателей, поскольку они доступны широкому кругу благодаря развитию сети Интернет. Кроме того, для анализа привлечен он-лайн переводчик DeepL [16], который набирает популярность среди специалистов различного профиля. В количестве доступных языков переводчик DeepL уступает своим основным конкурентам, поскольку в его языковом портфеле присутствуют только основные европейские языки и несколько азиатских, тогда как, например, Google Translate поддерживает на данный момент 108 языков. Тем не менее переводчик DeepL является достойной альтернативой переводчикам интернет-гигантов перевода Google и Яндекса, предоставляя возможность корректного перевода нормативной и технической документации помимо текстов публицистического характера [17].

В результате сопоставительного анализа всех примеров использования эмоционально-оценочной лексики в текстах травелогов на языке оригинала и их переводов были отмечены следующие способы сохранения коннотативного значения слова:

1) сохранение эмоционально-оценочного значения без смысловых потерь, поскольку соответствующие слова в английском языке и языке перевода обладают одинаковыми эмоционально-оценочными характеристиками. В подобном случае, согласно В.Н. Комиссарову, достигается высшая степень эквивалентности в передаче этого компонента семантики слова [18: с. 87];

2) сохранение эмоционально-оценочного значения языков оригинала и перевода с частичными смысловыми потерями в случае, если соответствующей эмоционально-оценочной характеристикой обладают разные слова в оригинале и переводе, не являющиеся эквивалентами друг другу [18].

В качестве иллюстрации приведем несколько примеров из проработанных источников (табл. 1–4).

В данном примере наблюдается случай подбора функционального аналога для передачи эмоционально-оценочного значения слова, что было установлено на основании дефиниций словарей Collins Dictionary [19] и портала Академик [20]. Все задействованные в настоящей статье переводческие онлайн сервисы для перевода с английского языка на русский язык лексемы *beautiful* (*beautiful* – possessing beauty; aesthetically pleasing) использовали в тексте перевода аналогичные лексемы к переводимому слову, а именно, *красивый, красота*, лексемы *tremendous* (*tremendous* – vast; huge) – *огромный*. В результате переводчикам удалось сохранить эмоционально-оценочный компонент лексического значения, поскольку переводимые слова, аналоги, полностью совпадают по коннотативному компоненту с оригинальными словами.

Сравнивая предложенные электронными переводчиками варианты передачи значения усиленной эмоционально-оценочной конструкции *thrillingly beautiful* в анализируемом примере, можно заметить, что сервисы Google Translate и DeepL подобрали в русском языке эквивалент, который наиболее точно соответствует значению слова *thrilling* (*thrilling* – very exciting or stimulating), а именно *захватывающий* (захватывающий – крайне увлекательный, интересный), однако грамматическая конструкция оригинала наречие + имя прилагательное в переводе не сохранилась. Яндекс Переводчик сосредоточил свое внимание на подборе аналогичной оригиналу конструкции – *потрясающе красивую* (потрясающий – способный произвести сильное впечатление, взволновать, потрясти).

В приведенном примере интерес с точки зрения теории и практики перевода вызывает передача на русский язык прилагательного *lush*, которое, по данным словаря Collins, имеет несколько значений 1. (of vegetation) abounding in lavish growth; 2. luxurious, elaborate, or opulent; 3. very attractive or pleasing. Все переводчики при переводе опирались на первое значение слова и предложили русское прилагательное *пышный* в качестве эквивалента, основываясь, очевидно, на том, что в тексте далее речь идет о растительности. Однако, на наш взгляд, данное прилагательное с учетом его близкого расположения к усиленной эмоционально-оценочной конструкции *thrillingly beautiful* можно перевести и как *роскошный, заманчивый* в соответствии с третьим значением английского слова.

Далее обратим внимание на перевод лексемы *passionate* (*passionate* – capable of, revealing, or characterized by intense emotion). Ключевым в данном определении является указание на особую интенсивность эмоций, тогда как в переводе онлайн сервиса DeepL используется слово *заинтересованный* (заинтересованный – проявляющий интерес, внимание, участие), хотя и выражающее некоторую степень эмоции, но, тем не менее, наблюдается частичная смысловая потеря слова на ПЯ. Остальные два анализируемых сервиса имеют равнозначный по степени выражения эмоции перевод: *увлечённый* – целиком отдавшийся какой-нибудь идее, занятию, чувству.

В примере 2 к экспрессивно-оценочной лексике можно отнести языковые единицы *wonderland, picturesque, mountain kingdom*. Переводчики подобрали одинаковые эквивалентные оригиналу функциональные аналоги для данных английских слов, о чем свидетельствуют значения лексем в английском языке и языке перевода, например,

picturesque – visually pleasing, *живописный* – 1. Красивый, достойный кисти художника. 2. Яркий, обильный, выразительный.

Таблица 2

Пример 2

Он-лайн сервис	Текст травелога
Оригинал текста	A quiet mountainous country is a <i>wonderland</i> for adventurers. The tiny country of Lesotho – a <i>picturesque</i> enclave of jagged desert mountains fully surrounded by south Africa – has been lost to most African itineraries. But things are changing in landlocked Lesotho, known as the “ <i>mountain kingdom</i> ” [10]
Яндекс Переводчик	Тихая горная страна – <i>страна чудес</i> для искателей приключений. Крошечная страна Лесото – <i>живописный</i> анклав зубчатых пустынных гор, полностью окруженный южной Африкой, – была потеряна для большинства африканских маршрутов. Но ситуация меняется в Лесото, не имеющем выхода к морю, известном как « <i>горное королевство</i> »
Google Translate	Тихая горная страна – <i>страна чудес</i> для искателей приключений. Крошечная страна Лесото – <i>живописный</i> анклав зубчатых пустынных гор, полностью окруженный южной Африкой, – была потеряна для большинства африканских маршрутов. Но все меняется в не имеющем выхода к морю Лесото, известном как « <i>горное королевство</i> »
DeepL	Тихая горная страна – <i>страна чудес</i> для искателей приключений. Крошечная страна Лесото – <i>живописный</i> анклав зубчатых пустынных гор, полностью окруженный южной Африкой, – была потеряна для большинства африканских маршрутов. Но все меняется в не имеющем выхода к морю Лесото, известном как « <i>горное королевство</i> »

В примере 3 интерес для переводческого анализа представляют несколько эмоционально-оценочных атрибутивов, а именно, *extraordinary* (very unusual, remarkable, or surprising), *extravagant* (ostentatious; showy), *exciting* (causing excitement; stirring; stimulating), *gloomy* (1. dark or dismal; 2. causing depression, dejection, or gloom, 3. despairing; sad), *perfect* (excellent in all respects).

Сервисы предлагают эквивалентные функциональные аналоги: *extraordinary* – *необыкновенный, необычный*; *extravagant* – *экстравагантный*; *exciting* – *захватывающий*; *gloomy* – *мрачный, хмурый*; *picture-perfect* – *живописный, прекрасный, идеальный*.

Таблица 3

Пример 3

Он-лайн сервис	Текст травелога
Оригинал текста	Lima today is arguably the culinary epicenter of South America, a city dotted with celebrity chefs and <i>extravagant</i> plates of <i>extraordinary</i> food. This <i>exciting</i> scene serves as an antidote to what in the past kept travelers from sticking around: <i>gloomy skies</i> , dilapidated corners, traffic jams and economic inequality. But those who give the place a chance are rewarded not only with <i>world-class dining</i> , but also with <i>picture-perfect squares</i> [10].
Яндекс Переводчик	Лима сегодня, пожалуй, кулинарный эпицентр Южной Америки, город, усеянный знаменитыми шеф-поварами и <i>экстравагантными</i> блюдами <i>необыкновенной</i> кухни. Эта <i>захватывающая</i> сцена служит противоядием от того, что в прошлом мешало путешественникам оставаться здесь: <i>мрачное небо</i> , обветшалые углы, пробки на дорогах и экономическое неравенство. Но те, кто дает этому месту шанс, получают в награду не только первоклассную кухню, но столицу, наполненную <i>прекрасными</i> площадями
Google Translate	Лима сегодня, возможно, кулинарный эпицентр Южной Америки, город, усеянный знаменитыми поварами и <i>экстравагантными</i> тарелками <i>необыкновенной</i> еды. Эта <i>захватывающая</i> сцена служит противоядием от того, что в прошлом мешало путешественникам задерживаться: <i>хмурое небо</i> , полуразрушенные углы, пробки и экономическое неравенство. Но те, кто дает этому месту шанс, награждаются не только ресторанами мирового класса, но и столицей, наполненной <i>живописными</i> площадями
DeepL	Сегодня Лима – это, пожалуй, кулинарный эпицентр Южной Америки, город, усеянный знаменитыми поварами и <i>экстравагантными</i> блюдами <i>необычной</i> кухни. Эта <i>захватывающая</i> сцена служит противоядием тому, что в прошлом заставляло путешественников задерживаться здесь: <i>мрачное небо</i> , обветшалые углы, пробки и экономическое неравенство. Но те, кто дает этому месту шанс, вознаграждаются не только ресторанами мирового класса, но и столицей, наполненной <i>идеальными</i> площадями

В примере 4 обратим внимание на перевод лексем *inspire* (to arouse (with a particular emotion or to a particular action) – *вдохновлять*; *excellent* (excep-

tionally good; extremely meritorious; superior) – *превосходный, отличный*. Отметим также эквивалентный перевод имен прилагательных в превосходной степени сравнения: *largest* – *самый большой*; *greenest and most pristine* – *самых зеленых и нетронутых*.

Таблица 4

Пример 4

Он-лайн сервис	Текст травелога
Оригинал текста	A pristine artistic haven <i>inspires</i> a new wave of visitors The aptly named Belle-Île-en-Mer (“ <i>Beautiful Island in the Sea</i> ”), the <i>largest</i> island off the coast of Brittany, is on the cusp of a new wave of popularity. One of the <i>greenest and most pristine</i> destinations in France, it has recently seen the opening of <i>excellent</i> locavore restaurants [10]
Яндекс Переводчик	Нетронутая художественная гавань <i>вдохновляет</i> новую волну посетителей. Удачно названный Бель-Иль-ан-Мер (“ <i>Прекрасный остров в море</i> ”), <i>самый большой</i> остров у побережья Бретани, находится на пороге новой волны популярности. В одном из <i>самых зеленых и нетронутых</i> уголков Франции недавно открылись <i>превосходные</i> рестораны locavore
Google Translate	Первозданная художественная гавань <i>вдохновляет</i> новую волну посетителей. Точно названный Belle-Île-en-Mer (« <i>Прекрасный остров в море</i> »), <i>самый большой</i> остров у побережья Бретани, находится на пороге новой волны популярности. Это одно из <i>самых зеленых и нетронутых</i> мест во Франции. Здесь недавно открылись <i>превосходные</i> местные рестораны
DeepL	Нетронутый художественный рай <i>вдохновляет</i> новую волну посетителей. Метко названный Бель-оль-ан-Мер (“ <i>Прекрасный остров в море</i> ”), <i>самый большой</i> остров у побережья Бретани, находится на пороге новой волны популярности. Один из <i>самых зеленых и нетронутых</i> мест во Франции, он недавно стал свидетелем открытия <i>отличных</i> ресторанов местной кухни

Проведя частеречный анализ отобранного языкового материала, мы пришли к выводу, что, во-первых, доминантой для выражения эмоционально-оценочной семантики в оригинальных текстах травелогов являются качественные прилагательные, во-вторых, эмоционально-оценочные слова в оригинале и переводе, как правило, выражены тождественной частью речи, например, в оригинале *beautiful* – имя прилагательное, в переводе фик-

сируем также имя прилагательное – *красивый*. Отметим также, что для передачи атрибутивных словосочетаний он-лайн переводчики активно используют калькирование, позволяющее сохранять структуру оригинального словосочетания в переводе на русский язык.

Итак, в настоящей статье анализу подверглись эмоционально-оценочные лексические средства, описывающие различные туристические локации в текстах на английском языке. Были рассмотрены переводы текстов травелогов, выполненные системами Google Translate, Яндекс Переводчик и DeepL, с английского языка на русский язык. На примере фрагментов текстов мы провели сопоставительный анализ оригинала и перевода, определяющий степень сохранности эмоционально-оценочного компонента значения оригинального слова, поскольку экспрессивность текстов травелогов является одним из основных жанрообразующих признаков. Анализ осуществлялся по следующей схеме: определение значения эмоционально-оценочного слова в тексте оригинала, компонентный анализ значения эмоционально-оценочного слова в тексте оригинала и тексте перевода в сопоставительном аспекте и определение, в каких отношениях находится слово в оригинальном тексте со словом в тексте перевода. В ходе исследования мы обратили внимание на несколько аспектов. Во-первых, эмоционально-оценочный пласт лексики присутствует как в англоязычных, так и в переведенных текстах травелогов, поскольку его наличие детерминировано характеристиками публицистического

стиля и жанровой спецификой текстов, а также универсальным характером функционально-стилевой системы в целом. Во-вторых, можно отметить отсутствие в текстах перевода, выполненных он-лайн сервисами, разнообразия лексико-грамматических переводческих трансформаций. Проанализированные варианты перевода характеризуются стратегией прямого (пословного) перевода и подбором функционального аналога на основе словарных дефиниций. Все преобразования электронных переводчиков сводятся к тому, что лексический маркер выражения эмоциональности и оценочности на входном языке заменяется на его словарный эквивалент на выходном языке. В-третьих, фиксируются случаи выполнения перевода на основе лингвистического анализа входного текста на морфологическом уровне, в частности передачи аффиксов для образования степеней сравнения прилагательных, и на синтаксическом уровне, например сохранение усилительной конструкции наречие+прилагательное. И наконец, резюмируем, что в большинстве случаев использованные он-лайн сервисами стратегии перевода эмоционально-оценочной лексики в данном исследуемом материале придают тексту перевода высокую степень эквивалентности, поскольку сохранение эмоционально-оценочного значения осуществлялось либо без смысловых потерь, либо с незначительными частичными смысловыми потерями, не влияющими на реализацию в тексте перевода характеризующей и воздействующей функций.

Список источников

1. Ассоциация Туроператоров. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/58410.html> (дата обращения: 03.09.2022).
2. Шушарина Г.А., Петрунина Ж.В. Сопоставительный анализ текстов онлайн-переводов // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 4 (450). С. 185–192.
3. Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // *Филология и культура*. 2014. Вып. 3 (37). С. 254–259.
4. Плавина А.А. Жанровые характеристики травелога в англоязычном дискурсе: динамический аспект // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. Т. 12, Вып. 3. С.72–78.
5. Стернин И.А., Просовецкий Д.Ю. Эмоция и оценка в семантике слова // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2018. № 4. С. 75–96. URL: http://tverlingua.ru/archive/054/3_54.pdf (дата обращения: 19.01.2023).
6. Арутюнова Н.Д. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. Москва : Наука, 1988. 431 с.
7. Шаховский В.И. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Воронеж : Воронежск. ун-т, 1987. 208 с.
8. Fries N. Emotionen. Experimentalwissenschaftliche und linguistische Aspekte // *Sprache und Pragmatik*. 1991. № 23. S. 32–70.
9. Просвиркина И.И. *Обогащение речи учащихся средствами оценки как компонент регионального лингвистического образования* : монография. Оренбург : ГОУ Оренбургский гос. ун-т, 2005. 154 с.
10. 52 Places to Go in 2020 // *The New York Times*. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/travel/places-to-visit.html> (accessed: 18.08.2022).
11. 52 Places to Love in 2021 // *The New York Times*. 2021. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2021/travel/places-to-visit-vacation.html> (accessed: 18.08.2022)
12. Бархударов Л.С. *Язык и перевод*. Москва : Международные отношения, 1975. 239 с.
13. Шемчук Ю.М., Максимова М.А. Коннотативные значения лексем в художественных текстах и их переводах // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов : Грамота. 2016. № 1(55). В 2 ч. Ч. 2. С. 193–195.

14. Google translate. URL: <https://www.translate.google.com/> (accessed: 18.08.2022).
15. Яндекс Переводчик. URL: <https://translate.yandex.ru> (дата обращения: 18.08.2022).
16. DeepLПереводчик. URL: <https://www.deepl.com/ru/translator>(дата обращения: 18.08.2022).
17. Мяхлов В. Обзор функционала переводчика DeepL // VC.ru. 2022. 12 июня. URL: <https://vc.ru/u/87686-vlad-myahlov/441331-obzor-funktionala-perevodchika-deepl> (дата обращения: 28.08.2022).
18. Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва : Высшая школа, 1990. 256 с.
19. Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed: 05.09. 2022).
20. Академик. Словари. URL: <https://dis/academic.ru/dis.nsf/3026> (дата обращения: 05.09.2022).

References

1. Associaciya Turoperatorov. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/58410.html> (accessed: 03.09.2022). (In Russ.).
2. Shusharina G.A., Petrunina Zh.V. *Sopostavitel'nyj analiz tekstov onlajn-perevodov* [Comparative analysis of texts of online translations] // *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021. № 4 (450). P. 185–192. (In Russ.).
3. Majga A.A. Literaturnyj travelog: specifika zhanra [Literary travelogue: the specifics of the genre] // *Philology and culture*. 2014. Issue. 3 (37). P. 254–259. (In Russ.).
4. Plavina A.A. Zhanrovye harakteristiki traveloga v angloyazychnom diskurse: dinamicheskij aspekt [Genre Characteristics of a Travelogue in English Discourse: Dynamic Aspect] // *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2019. Vol. 12, Is. 3. P. 72–78. (In Russ.).
5. Sternin I.A., Prosoveckij D.Yu. Emociya i ocenka v semantike slova [Emotion and evaluation in the semantics of the word] // *World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*. 2018. № 4. P. 75–96. (In Russ.).
6. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt* [Types of language values: Evaluation. Event. Fact]. Moscow : Science, 1988. 431 p. (In Russ.).
7. Shahovskij V.I. *Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoj sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language]. Voronezh : Voronezh. Univ., 1987. 208 p. (In Russ.).
8. Fries N. Emotionen. Experimentalwissenschaftliche und linguistische Aspekte // *Sprache und Pragmatik*. 1991. № 23. S. 32–70.
9. Prosvirkina I.I. *Obogashchenie rechi uchashchihysya sredstvami ocenki kak komponent regional'nogo lingvisticheskogo obrazovaniya : monografiya* [Enriching students' speech with assessment tools as a component of regional linguistic education: monograph.]. Orenburg : Orenburg state univ., 2005. 154 p. (In Russ.).
10. 52 Places to Go in 2020 // *The New York Times*. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/travel/places-to-visit.html> (accessed: 18.08.2022).
11. 52 Places to Love in 2021 // *The New York Times*. 2021. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2021/travel/places-to-visit-vacation.html> (accessed:18.08.2022)
12. Barhudarov L.S. *Yazyk i perevod* [Language and translation]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 239 p. (In Russ.).
13. Shemchuk Yu.M., Maksimova M.A. Konnotativnye znacheniya leksem v hudozhestvennyh tekstah i ih perevodah [Connotative meanings of lexemes in literary texts and their translations] // *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. Tambov : Gramota. 2016. № 1(55). In 2 parts. Part. 2. P. 193–195. (In Russ.).
14. Google translate. URL: <https://www.translate.google.com/> (accessed: 18.08.2022).
15. Yandex translate. URL: <https://translate.yandex.ru> (accessed: 18.08.2022).
16. DeepL translate. URL: <https://www.deepl.com/ru/translator> (accessed: 18.08.2022).
17. Мяхлов В. Обзор функционала переводчика DeepL // VC.ru. 2022. 12 June. URL: <https://vc.ru/u/87686-vlad-myahlov/441331-obzor-funktionala-perevodchika-deepl> (accessed: 28.08.2022). (In Russ.).
18. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow : Higher school, 1990. 256 p. (In Russ.).
19. Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed: 05.09. 2022).
20. Akademik. Slovarei. URL: <https://dis/academic.ru/dis.nsf/3026> (accessed: 05.09.2022). (In Russ.).

Информация об авторах

Г.А. Шушарина – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Лингвистика и межкультурная коммуникация»;
Ж.В. Петрунина – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История и культурология».

Information about the authors

G.A. Shusharina – Candidate of Philology, Chair, Department of Linguistics and Intercultural Communication;
Zh.V. Petrunina – Doctor of History (Habil.), Chair, Department of History and Culture Studies.

Статья поступила в редакцию 20.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 20.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья
УДК 811.11-112
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-55-60

ВОКАТИВЫ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ПЕРЕНОСА

Светлана Михайловна Пак

Хабаровский государственный университет экономики и права, г. Хабаровск, Россия, pak_sm@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6729-3130>

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные лингвокультурологические проблемы неизбежного прагматического переноса в транслингвальной художественной литературе, а именно типичные для русского речевого этикета формы обращения и референции. Культурно-языковой перенос в статье анализируется на материале произведений писательницы-эмигрантки Э. Литман (сборник рассказов «The Last Chicken in America» и роман «Mannequin Girl»). Автор последовательно раскрывает такие ключевые понятия языка социального взаимодействия, как социальный дейксис, вокатив, знак референции; выделяет наиболее частотные для анализируемых текстов формы вокативов и референции с точки зрения их социокультурных коннотаций («воплощенной культуры»), а также их роли в передаче идейно-художественного содержания произведения контактной литературы.

Ключевые слова: вокатив, социальный дейксис, прагматический перенос, речевой этикет, диминутив

Original article

VOCATIVES AS THE FACTOR OF LINGUACULTURAL TRANSFER

Svetlana M. Pak

Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia, pak_sm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6729-3130>

Abstract. The article considers urgent linguacultural issues of inevitable pragmatic transfer in translingual literature, and namely, forms of speech etiquette typical of Russian addressing and referring. In the article, linguacultural transfer is analyzed on the material of books written by the emigrant writer E. Litman (collection of short stories ‘The Last Chicken in America’ and the novel ‘Mannequin Girl’). The article discloses such key concepts of the language of social interaction as social deixis, vocative, reference sign, and singles out forms of vocatives and reference, which are most common for the texts under study from the viewpoint of their socio-cultural connotations (embodied culture) as well as their role in transferring the purport of works of translingual literature.

Keywords: vocative, social deixis, pragmatic transfer, speech etiquette, diminutive

Использование иностранного языка вовсе не эквивалентно инокультурации в эту языковую культуру, не является знаком идентификации первичной и вторичной языковой личности, за исключением, очевидно, случаев естественного билингвизма. В подавляющем большинстве неносители английского языка, а его активные пользователи представляют собой ограниченных билингвов, неизбежно экстраполирующих родное исконное содержание в иноязычную (английскую) форму либо делающих это намеренно. В любом случае мы имеем дело с английским языком как вторичным средством культурно-языковой идентичности, коммуникативным *alter ego* всех неанглоязычных народов [1].

Специфическая вариантная природа английского языка в «расширяющемся круге» (Б. Качру) про-

является в особенностях концептуального наполнения слов, в различиях когнитивных сценариев, речевых моделей, в коммуникативных стратегиях. В научной литературе следы переноса черт родного для говорящего языка, своей культурной идентичности в процессе межкультурной коммуникации описываются в терминах прагматических уровней понимания в соответствии с теорией Л. Смита [2: с. 112–113]:

- уровня формы (умение вычленять слова в потоке речи, самый простой уровень);
- уровня семантики (локутивная сила, т.е. умение понять актуальное значение слов);
- уровня прагматики (иллокутивная сила, т.е. умение интерпретировать речевой акт с точки зрения значения говорящего, самый сложный уровень, требующий межкультурной компетенции).

На уровне семантики трудности понимания связаны, как правило, с русскими заимствованиями, причем чем выше степень языкового освоения русизмов в английском языке (например, экзотизмы и слова, зафиксированные в словарях, частотные и узусальные в дискурсе, как правило, описывающие исторические реалии), тем они понятней, например *steppe, babushka, sarafan, cossak, sputnik, perestroika*.

Прагматический уровень является ядром коммуникации; именно здесь происходит большинство коммуникативных ошибок и неудач в понимании. Сложность этого уровня понимания связана с тем, что требуется не только правильная интерпретация намерений говорящего, но и фоновые знания, включающие знания явлений прецедентности, стандартных для культуры когнитивных сценариев, речевых моделей, в том числе устойчивых, шаблонных фраз, частотных коммуникативных структур.

Кросс-культурная, или контактная литература, созданная на неродном языке и характеризующаяся «симбиозом двух языков и двух культур» [2: с. 126], предоставляет богатейший материал для изучения культурно-языкового переноса. Писатели-эмигранты переносят на страницы своих произведений свой «русский мир», то, что американская писательница русского происхождения Ольга Грушина назвала «русским ритмом в предложениях, русским ощущением, русским чувством» [2: с. 126].

Как «сделаны» эти тексты в языковом отношении?

Рассмотрим аспекты культурно-языкового переноса в текстах произведений писательницы-эмигрантки Э. Литман (сборник рассказов «The Last Chicken in America» и роман «Mannequin Girl»). Центральная, сквозная идея всех рассказов сборника – размышления о жизни российских иммигрантов, в основном этнических евреев, в США (*the immigrant mentality*, по словам героини ряда рассказов Маши – прообраз самого автора), то глубинное личностное начало, которое при различиях биографий, характеров, целей объединяет всех жителей Сквирел Хилл (Squirrel Hill) – еврейского района Питсбурга, штат Пенсильвания – и создает невидимую преграду, препятствующую их интеграции в американскую культуру.

Маша, вопреки воле родителей, уезжает в Нью-Йорк, встречается с американским парнем, страдающим от ее «русскости», учится в Гарварде, читает американские книги, смотрит CNN, не ест дома (все атрибуты американской жизни!), но понимает, что ей не хватает смелости, беглости, беспечного сопротивления унынию, американского оптимиз-

ма, уверенности в себе, кардинально отличающих американцев от вечно рефлексирующих русских.

And what if my father guessed the truth? What if there was something faulty in me that made Tom reluctant? I watched CNN, I ate out, I read American books. I'd quit my job and gone back to school, which was something most Americans admired. But I lacked their boldness and fluency, their flippant resistance to gloom. My father said I'd never be quite like them [3: с. 229].

В этом – конфликт культур и непреодолимая преграда.

На последних страницах книги в рассказе с символическим названием «Home» героиня признается себе в фиаско: она вернулась в Питсбург, чувствуя себя «у разбитого корыта»:

I felt emptied and beaten and left with an old broken through [3: с. 229].

Роман «Mannequin Girl» описывает жизнь героини, Кэт Кнопман, на фоне реалий Советской России 80–90-х гг. XX в. Русский речевой этикет, эксплицируемый в романе, для англоязычного американского читателя во многом непонятен и чужд, поэтому англоязычный дискурс Э. Литман именно в силу идейно-художественного содержания дает богатый материал для исследования аспектов переноса русской ментальности в англоязычную форму.

Анализ позволил выделить следующие аспекты:

- 1) прецедентные явления;
- 2) заимствования из русского языка/русизмы, в том числе заимствованная лексика и заимствованные устойчивые языковые обороты (фразеологизмы, поговорки, речевые штампы);
- 3) имена/формы обращения / речевой этикет;
- 4) специфику когнитивной базы / разную концептуализацию абстрактных имен;
- 5) специфику номинативных и коммуникативных стратегий и нарративную экспликацию российской/советской действительности.

В предыдущих работах автор последовательно рассматривал первые два из заявленных аспектов на материале рассказов Э. Литман [4; 5]. В настоящей работе рассматривается такой аспект прагматического переноса в англоязычной контактной литературе, как типичные для русского речевого этикета формы обращения (вокативы) и референции.

Ключевыми понятиями для анализа означенного объекта исследования являются *речевой этикет, вокатив и референция*.

Под речевым этикетом понимается принятая в данной культуре совокупность требований к форме, содержанию, порядку, характеру и ситуативной уместности высказываний, регулирующих правила речевого поведения; система национально специ-

фичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности [6]. К речевому этикету, в частности, относятся слова и выражения, употребляемые людьми для прощания, просьбы, извинения, принятые в различных ситуациях формы обращения, интонационные особенности, характеризующие вежливую речь, и т.д. Речевой этикет в широком смысле сопрягается с общей проблематикой лингвистической прагматики и должен рассматриваться в русле прагмалингвистических исследований. Акт языковой коммуникации рассматривается прагматикой с точки зрения достижения участниками коммуникации тех или иных целей.

Язык социального взаимодействия максимально «нагружен» культурными факторами. По словам А. Вежицкой, «культурные скрипты есть репрезентации культурных норм, которых широко придерживается данное общество и которые отражены в языке (в культурно-обусловленных "ключевых словах", фразах, разговорных практиках и т.д.)» ('cultural scripts are representations of cultural norms that are widely held in a given society and that are reflected in language (in culture-specific 'keywords', phrases, conversational routines, and so on') [7: с. 401].

Анализ показывает, что ономастические единицы национальной языковой системы функционируют как культурные символы, обобщая национально-исторический опыт и выступая как «метатексты». Другими словами, имена есть средства глобальной концептуализации определенных участков картины мира (события, оценки, характеристики) в силу «высокой плотности памяти» [8: с. 132]. В собственных именах особенно ярко проявляется «организующая и упрочиная роль языка в самом членении и восприятии мира, в активизации сознания на те или иные аспекты и детали действительности» [7: с. 170].

Речевой этикет изучается в аспекте лингвистической прагматики в терминах речевых актов, т.е. действий, осуществляемых говорящим при произнесении определенной фразы как реализации определенного намерения (значения говорящего), принятого в культурно-языковом сообществе как социально приемлемого. В терминах лингвопрагматики, этикетные формы обладают иллюкутивной силой и оказывают перлюкутивный эффект. Наиболее частотным речевым актом является личное обращение, в котором вокативы (языковые формы обращения) функционируют как знаки социального дейксиса, т.е. указание на социальный статус гово-

рящих, степень интимности/дистанции и другие факторы, структурирующие социальное пространство коммуникации. К наиболее распространенным средствам выражения вокативных высказываний относятся антропонимы; статусные вокативы; наименования по гендерно-возрастному признаку; термины родства; мелиоративы и пейоративы; зоонимы; личные местоимения.

Таким образом, анализ вокативов предполагает учет действительных элементов при рассмотрении личных имен (антропонимов) и нарицательных форм обращения, а также референции (номинации субъектов).

В проведенном ранее исследовании [9] автор рассматривает когнитивные основания антропонимов как знаков референции (формы личных имен). Рассмотрение антропонимов как вокативов в составе речевых актов обращения выводит исследование в культурологическую и лингвопрагматическую проблематику, поскольку в основе употребления личных имен лежит большой массив социально-психических детерминаторов.

Известный семантико-психологический закон, согласно которому степень лексической дифференциации внутри определенного семантического поля растет с повышением значимости этого поля для данного общества, преломляется в системе личных имен следующим образом. Для русской культуры значимой является степень интимности личных отношений, отсюда – широкая распространенность различных экспрессивных дериватов личных имен (Катя, Катенька, Катюша, Катюшечка, Катюха и т.п.) [10: с. 133]. А. Вежицкая, анализируя русские имена, приходит к выводу о «нравственном экстремизме» и эмоциональной насыщенности такой категоризации имен, типичной для русского языка: «русские считают крайне важным передать все оттенки возникающих между людьми чувств и все перемены и колебания в отношениях между ними» [10: с. 50].

В текстах Э. Литман находим различные формы личных имен – полные личные имена (Tatyana, Marina), полное имя плюс отчество (Zoia Moiseevna, Anna Aleksandrovna), нейтральные диминутивы, или уменьшительные имена (Petya, Senya, Kostya, Alyosha, Seryozha), «теплые» формы диминутивов (термин А. Вежицкой) (Tolik, Vadik, Ksyusha, Zhenechka, Galochka, Anechka), фамильные диминутивы (Verka, Mashka, Lariska, Zoika, Mishka), а также обращение по фамилии (Mironov, Zotov).

Наблюдаются следующие тенденции использования различных форм вокативов в изученных произведениях.

1. В рассказах, описывающих мир эмигрантского круга, преобладают *нейтральные и фамильные*

дими́нутивы, отражая пространство русско-еврейской диаспоры, имплицитно ровные приятельские или семейные отношения (*Misha, Vlad, Sveta, Seryozha, etc.*)

2. Полные личные имена маркируют большую дистанцированность, иногда ноту упрека, например, из разговора отца с дочерью:

“I’m talking to you, Tatyana.” [3: с. 198].

3. «Теплые» формы дими́нутивов часто имплицитно не чувство нежной привязанности, а, напротив, пренебрежение, даже презрение; эти коннотации возникают при использовании данных форм, типичных в отношении детей, в адрес взрослых людей, например, несостоявшийся муж подруги Маши (*Lariska* – единственная форма референции и обращения в тексте) носит имя *Zhenechka*:

“Lariska talks about her Zhenechka” [3: с. 18].

“She has recently given up on her unresponsive Zhenechka...” [3: с. 27]. Показателен эпизод (рассказ “Among the Lilacs and the Girls”), когда герой комментирует зимний занос на дорогах:

“He has to...drive Lina to the hospital in this snowy mess, he will still be okay.

“Americhka,” he says. “Just think, they declare a state of emergency over this” [3: с. 170].

Словообразовательная модель топонима аналогична «детскому» антропологическому дими́нутиву с той же коннотацией пренебрежения.

Интересно проследить, как «работает» форма обращения и референции матери героини романа «Mannequin Girl». На всем протяжении романа используется единственная форма референции – *Anechka*, резко диссонирующая со стилем общения с дочерью. В сцене, когда накануне первого сентября Кэт в ожидании новой школьной жизни первоклассницы узнает о своем тяжелом диагнозе – прогрессирующий сколиоз – и о том, что родители определили ее в спецшколу – интернат для больных детей, мать (*Anechka*) отстранена и холодна:

“At least you could have helped,” says Kat. But she knows it’s useless: Anechka doesn’t help. ...

“You’re a disgrace, Anechka grumbles. ...

Don’t be a nudnik,” Anechka says, which is what she says when she runs out of arguments – which, truth be told, doesn’t happen very often. The problem is, she has no patience” [11: с. 14–15].

Для русскоязычного читателя *Anechka* – дими́нутив, который в контексте романа сводится к знаку референции, лишённому прагматического значения уменьшительно-ласкательной формы.

В отчаянии и страхе от предстоящего одиночества, глядя вслед уходящим родителям, Кэт чувствует собственную неполноценность:

“They have their work ahead of them, the work they love and are good at. And she? Trained under their command, she turns out imperfect. Deficient” [11: с. 42].

Высокая вариативность русских именных обращений, тем не менее, не отражается в тексте, и, как следствие, диалоги часто звучат искусственно. Например, в беседе приятелей, обсуждающих интимную сторону своей жизни, реплика звучит так:

“You know me, Seryozha. Marina’s everything to me” [3: с. 197].

В реальном разговоре использовались бы такие фамильярные формы, как «Серый», «Серега», «Сергей». «Сережа» в русском речевом этикете скорее воспринимается как «детское» имя, не типичное для общения мужчин.

Коннотативный потенциал форм вокативов, однако, проявляется в тексте (рассказ “The Last Chicken in America”). Отрицательная характеристика героя – молодого амбициозного иммигранта Алика – «высвечивается» в следующем фрагменте разговора с Машей:

“So, Manya,” he says, and I cringe at this unwelcome variation on my name, what are you going to study at the university?”

“It’s Masha. I hate it when people call me Manya.”

“Come on, Manya is cute. My best friend in Moscow is Manya” [3: с. 6].

Известно, что игнорировать предпочтительную для человека форму имени – верх неприличия в США, и для читателя, в особенности американского, создается отрицательный образ персонажа.

Аналогичный пример находим в романе “Mannequin Girl”. В сцене знакомства Кэт с новым классом учительница представляет девочку как *Катя*, она исправляет – *Кэт*, что вызывает отрицательную реакцию:

“Children, this is Katya Knopman.”

“Kat”, she corrects, and sees a quick exchange of glances in the back row. A smirk elsewhere, as if to say, What a poser!” [11: с. 44].

4. *Нарицательные формы вокативов и знаков референции, в том числе прозвища.*

Мир романов Э. Литман можно отнести к жанру «романа воспитания», поскольку прослеживается становление героини на фоне до- и послеперестроечной России на протяжении шести лет от семилетней девочки-первоклассницы до подростка, переживающего первую любовь (*Mannequin Girl*); интеграция героини в новую, американскую реальность (*Last Chicken in America*). Этим объясняется большое количество *прозвищ*, что типично для детской, подростковой коммуникации.

Прозвища представляют собой экспрессивный слой языка, находящийся на периферии антропимической системы, совмещающий в себе признаки апеллятивов (характеризующая функция) и онимов (соотнесенность с конкретным индивиду) [12: с. 549]. Прозвища рассматриваются в научной литературе как результат неконвенциональных номинативных практик, в частности, при попытках концептуализировать такие субъективные и неконкретные проявления человека, как характер и поведение [13]. Словарь русской ономастической терминологии трактует прозвище как «дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии» [14: с. 111].

Распространенное в русской лингвокультуре фамильярное обращение «старушка», адресованное близким молодым женщинам, «обыгрывается» в транскрибированной форме ‘starushka’, а также в английских семантических аналогах ‘little old lady’, ‘grandma’, ‘old lady’. Приведенные ниже примеры взяты из одного коммуникативного контекста – общение молодых людей, состоящих в близких отношениях.

“Don’t you panic, *starushka*,” said Petya. He called her that sometimes, *starushka*, a little old lady. She had recently turned twenty-six” [3: с. 108].

“...But hey, grandma, this crosses all the boundaries. This is simply insulting” [3: с. 122].

“Are you ready, old lady?” Seryozha comes over, takes her hand, reaches for a kiss...” [3: с. 205].

Используется также оборот ‘*my sunlight*’ – семантический эквивалент-калька распространенной формы интимного обращения «солнышко мое». В контексте рассказа “*When the Neighbors Love You*” это форма обращения матери к взрослой дочери на обеде у соседей, которая уже вполне по-американски не воспринимает сентиментальной нежности в сочетании с контролем в обращении с детьми в любом возрасте, типичной в среде русскоязычных иммигрантов:

“Anechka, my sunlight, are you hungry?” She is looking all melted and flushed, lolling at the table, with her shoes slipped off. Next to her, your father is perfectly composed... You kiss them on the cheek. ...You gulp a whole glass of champagne. They look at you. You tell them you were thirsty” [3: с. 140].

Таким образом, анализ показывает, что система вокативов, типичная для русского языкового сознания, переносится на страницы англоязычной эмигрантской литературы, «высвечивая» культуру «страны исхода» и создавая неповторимый колорит произведений.

Список источников

1. Кабакчи В.В. Введение а интерлингвокультурологию // *Язык и межкультурная коммуникация* : материалы Второй Международной науч.-практ. конф. (Великий Новгород, 19–20 мая 2011 г.). В 2 т. Т. 1. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. С. 11–19.
2. Прошина З.Г. *Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. World Englishes Paradigm* : учебное пособие. Москва : ФЛИНТА: Наука, 2017. 208 с.
3. Litman E. *The Last Chicken in America*. New York, London : W.W.Norton & Company, 2007. 236 с.
4. Пак С.М. Экспликация российской действительности в транслингвальной художественной литературе на английском языке // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. – Proceedings of the International Scientific Conference (AmurCon 2020), 15 December 2020, Sholom-Aleichem Priamursky State University, Russian Federation. 2020. С. 693–701. URL: <https://www.europeanproceedings.com/book-series/EpSBS/books/vol111-amurcon-2020> (дата обращения: 16.01.2023).
5. Пак С.М. Заимствования как аспект культурно-языкового переноса в контактной литературе на английском языке // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2021. Т. XVIII, Вып. 1. С. 176–182.
6. Формановская Н.И. *Русский речевой этикет. Лингвистический и методический аспекты*. Москва : Ленанд, 2020. 160 с.
7. Wierzbicka A. Human emotions: universal or culture specific? // *American Anthropologist, New Series*. 1986. Vol. 88, No. 3 (Sep.). P. 584–594.
8. Барт Р. *Мифологии*. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 351 с.
9. Пак С.М. Имя собственное в американском культурном пространстве: опыт исследования когнитивных оснований ономастической лексики. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. 172 с.
10. Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. Москва : Русские словари, 1996. 416 с.
11. Litman E. *Mannequin Girl*. New York, London : W.W.Norton & Company, 2014. 350 с.
12. Гасимова С.И. Историко-лингвистический анализ татарских прозвищ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 28 с.
13. Уразметова А.В. Школьные прозвища в системе номинативных средств английского языка // *Доклады Башкирского университета*. 2019. Т. 4, № 5. С. 548–553.
14. Подольская Н.В. *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва : Наука, 1988. 192 с.

References

1. Kabakchi V. V. Vvedeniye v interlingvokulturologiyu [Introduction into interlinguoculturology] // *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikaciya*. Proceedings of the 2nd international conference (Velikiy Novgorod, May 19–20, 2011). V. 1. Velikiy Novgorod : NovGU, 2011. P. 11–19 (in Russ.).
2. Proshina Z.G. *Kontaktnaya variantologiya angliyskogo yazyka. Problemy teorii*. [World Englishes Paradigm]. Moscow : FLINTA : Nauka, 2017. 208 p. (in Russ.).
3. Litman E. *The Last Chicken in America*. New York, London : W.W.Norton & Company, 2007. 236 p.
4. Pak S.M. Eksplikatsiya rossiyskoi deistvitelnosti v proizvedeniyakh translingvalnoi literatury na angliyskom yazyke [Explication of Russian Reality in Works of Translingual Fiction in English] // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Proceedings of the International Scientific Conference (AmurCon 2020), 15 December 2020, Sholom-Aleichem Priamursky State University, Russian Federation, 2020. P. 693–701. URL: <https://www.europeanproceedings.com/book-series/EpSBS/books/vol111-amurcon-2020> (accessed: 16.01.2023).
5. Pak S.M. Zaimstvovaniya kak aspekt kulturno-yazykovogo perenosa v kontaktnoy literature na angliyskom yazike [Borrowings as an aspect of culture bound language transfer in contact literature in English] // *Socialniye i gumanitarniye nauky na Dalnem Vostoke*. 2021. Vol. XVIII, No. 1. P. 176–182 (in Russ.).
6. Formanovskaya N.I. *Russkiy yazykovoi etiket. Lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty* [Russian speech etiquette. Linguistic and methodological aspects]. Moscow : Lenand, 2020. 160 p. (in Russ.).
7. Wierzbicka A. Human emotions: universal or culture specific? // *American Anthropologist*, New Series. 1986. Vol. 88, No. 3. (Sep.). P. 584–594.
8. Barthes R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow : Sabashnikovich Publishing House, 2000. 351 p. (in Russ.).
9. Pak S.M. *Imya sobstvennoye v amerikanskom kulturnom prostranstve. Opyt issledovaniya kognitivnykh osnovaniy onomasticheskoy leksiki* [Proper name in American cultural space. Research of cognitive foundations of onomastic vocabulary]. Vladivostok : Vladivostok University, 2004. 172 p. (in Russ.).
10. Wierzbicka A. *Yazyk. Kultura. Poznaniye* [Language. Culture. Cognition]. / Transl. from English. Moscow : Russkiye slovari, 1996. 416 p. (in Russ.).
11. Litman E. *Mannequin Girl*. New York, London : W.W.Norton & Company, 2014. 350 p.
12. Gasimova S.I. Istoriko-lingvisticheskiy analiz tatarskikh prozvisch [Historical and linguistic analysis of Tatar nicknames] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan, 2006. 28 p. (in Russ.).
13. Urazmetova A.V. Shkolniye prozvischa v sisteme nominativnykh sredstv angliyskogo yazyka [School nicknames in the system of nomination means of English] // *Doklady Bashkirskogo universiteta*. 2019. Vol. 4, No. 5. P. 548–553. (in Russ.).
14. Podolskaya N.V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [The dictionary of Russian onomastic terminology]. Moscow : Nauka, 1988. 192 p. (in Russ.).

Информация об авторе

C.M. Пак – доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

S.M. Pak is Doctor of Philology (Habil.), Assistant Professor.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 01.12.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 81`1

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-61-65

ПЕРЕВОД РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОЛЬГИ ГРУШИНОЙ)

Екатерина Сергеевна Лебедева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, lebkaterina@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вопросам перевода личных имен собственных с русского языка на английский язык. Личные имена являются культурно значимым элементом и очень часто вызывают вопросы и трудности при переводе с одного языка на другой. Несмотря на развитую систему транслитерации и транскрипции и владение всеми навыками перевода переводчик всегда сталкивается с проблемой культурной специфики имени собственного и имени личного как его разновидности. Романы англоязычной русской писательницы Ольги Грушиной предлагают варианты внутреннего перевода личных имен, т.е. они выполнены самим автором-билингвом.

Ключевые слова: транслингвальная литература, личные имена, внутренний перевод

Original article

TRANSLATING RUSSIAN CULTURE INTO ENGLISH: A STUDY OF PROPER NAMES IN OLGA GRUSHIN'S FICTION

Ekaterina S. Lebedeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, lebkaterina@gmail.com

Abstract. The article deals with personal proper names translation from Russian into English. Personal names are culturally significant elements and very often raise questions and present difficulties in translating from one language to another. Despite the developed system of transliteration and transcription, translators always face the problem of the cultural specificity of the proper name and the personal name as its variety. The novels of the English-writing Russian author Olga Grushin offer the internal translation of personal names, those done by the bilingual author herself.

Keywords: translingual literature, personal names, internal translation

Культурологические аспекты и проблемы являются для отрасли перевода гораздо более серьезными, чем проблемы чисто лингвистического характера, что признают как практикующие переводчики, так и теоретики перевода. Особенно ярко ощущается потребность «перевода культуры» при передаче на иностранный язык художественной литературы. В основе самого выражения «перевод культуры» лежит понимание художественного перевода как проводника духовных ценностей другого народа [1: с. 260]. Интерес к духовным ценностям русского народа не угасает, даже с учетом вспыхнувшей в 2022 г. волны открытой русофобии. Запад всегда увлекался русскими классиками: «Хемингуэй учился у Льва Толстого, Фолкнер – у Достоевского, Юджин О’Нил и Артур Миллер – у Чехова. Филип Рот говорил мне, что написал свою повесть “Грудь”, вдохновленный гоголевским “Носом”» [2]. С 2012 г. ведет свою деятельность не-

коммерческий проект “Read Russia” (Читай Россию), под эгидой которого в 2017 г. в Нью-Йорке прошла Неделя русской литературы и фестиваль переводов русской литературы, а ежегодно на крупнейших книжных выставках США и Великобритании “Read Russia” знакомит англоязычных читателей с русскими классиками и молодыми авторами, как в переводе на английский, так и на русском языке.

Интерес к книгам русских авторов на английском языке отмечают не только публицисты, но и ученые. Так, в своем исследовании В.В. Козлова в синхроническом и диахроническом срезе рассматривает востребованность английских переводов произведений русских авторов в англоязычных странах (Великобритании и США) на протяжении XX–XXI вв. и приходит к выводу о том, что русская культура через переводы произведений русских писателей оказывает значительное влияние на развитие других государств, в том числе и англоговорящих [3].

Однако XXI в. и происходящие в нем глобальные процессы мировой интеграции внесли свои коррективы как в развитие художественной литературы, так и в лингвистические и литературоведческие исследования. И сегодня мы все чаще говорим не о переводах русской литературы, а о транслингвальной литературе (термин введен С. Келлманом и используется для обозначения произведений тех авторов, которые «пишут на нескольких языках, либо как минимум на одном, но неродном» [4: с. 16]) русских авторов. Современная транслингвальная литература в языковой и культурной паре РУССКИЙ–АНГЛИЙСКИЙ представлена произведениями Лары Вапняр, Ани Улинич, Ольги Грушиной, Ирины Рейн, Саны Красиков, Гарри Штейнгарта и др. В этом ряду Ольга Грушина занимает особое место, так как позиционирует себя как русского автора, который в своих произведениях создает сплав русского и английского языка, русской и американской культуры [5].

Именно такой сплав: аутентичный англоязычный текст, пронизанный русской культурой, – является собой кладезь способов и инструментов перевода русской культуры на английский язык, причем перевода внутреннего (термин введен и описан В.В. Кабакчи и обозначает комплекс разнообразных языковых адаптаций языка в рамках прямого межкультурного диалога при описании внешней (иноязычной) культуры [6]). Внутренний перевод – это особый вид переводческой деятельности: в этом случае у автора нет оригинального текста, стилистические особенности которого необходимо сохранять и передавать средствами другого языка, и это значит, что все необходимые языковые операции, связанные с передачей специфики иноязычной культуры, автор осуществляет сам [7: с. 60].

Изучению примеров внутреннего перевода русской культуры посвящено наше исследование 2018 г., где подробно рассматриваются примеры перевода реалий русской культуры и делаются выводы о способах их передачи на английский язык [8]. Целью данного исследования является изучение способов передачи русских личных имен на английский язык, которые использует Ольга Грушина в своих произведениях.

«Имена людей – это часть истории народов, в них отражаются быт, верование, чаяние, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты. Многие личные имена несут яркий отпечаток своей эпохи, поэтому обращение к именослову поможет нам глубже познать историю Отечества. История именика связана с этнографией, эстетикой, государственным правом» [9: с. 190].

В данном исследовании личные имена собственные мы рассматриваем в категории антропонимов, объединяющей любые собственные имена, которые может иметь человек, в том числе личное имя, отчество, фамилию, прозвище, псевдоним и т.д. На наш взгляд, тема перевода русских личных имен на английский язык, несмотря на множество сопоставительных исследований и публикаций (Д.И. Ермолович, Л.И. Зубкова, И.К. Зуева, И.К. Воронцова, С.Г. Чаплин и др.), до сих пор представляет сложность и особенный интерес, ведь имена собственные образуют комплексные системы внутри языка со своими правилами словообразования и наименования, которые существенно отличаются от систем других языков и культур.

Личные имена собственные в романах Ольги Грушиной представлены во всем своем богатстве и разнообразии: имя-фамилия-отчество, фамилия, имя-фамилия, имя-отчество, полное имя, уменьшительно-ласкательные и фамильярно-разговорные формы.

Главного героя романа «Жизнь Суханова в сновидениях» автор представляет на первой странице полным (трехкомпонентным) именем: “Stop here,” said **Anatoly Pavlovich Sukhanov** from the backseat, addressing the pair of suede gloves on the steering wheel [10: с. 1]. Трехкомпонентную модель полного имени Грушина использует только в третьем лице, называя главного героя: **Anatoly Pavlovich Sukhanov** methodically smoothed out the pages, slipped them back into the envelope, placed it on the desk, and looked at it in silence [10: с. 218] или называя других персонажей с целью добавить удельного веса в их портрет: The Sukhanovs shared their table with **Zoya Vladimirovna Vienberg**, a dowdy music teacher of indeterminate years with a shadow of a mustache above her upper lip [10: с. 76]. Важно отметить, что трехкомпонентная модель встречается в этом романе только в последовательности ИОФ (имя-отчество-фамилия), которая являлась традиционной для России до начала 30–40-х гг. XX в., когда начался переход к новой последовательности (фамилия-имя-отчество) [11: с. 74]. В настоящее время в русском языке официально закреплены и используются оба варианта последовательности элементов, однако некоторые исследования дают возможность полагать, что ФИО считается канцеляризмом, а ИОФ используется при уважительном обращении [11: с. 80].

При анализе передачи русского личного имени в романах Грушиной особую культурную значимость имеет функция патронима как в трехкомпонентной модели, так и в двухкомпонентной модели (имя-

отчество). Некоторые исследователи (Б.Ю. Норман, Н. Райнохова) выделяют ряд семиотических и символических функций русского отчества, среди которых есть национально идентифицирующая: «Прежде всего отчество – знак исконной или приобретенной “русскости”. Именно этим оно выделяется в ряду других – нерусских – имен» [12: с. 325]. Употребляя отчество в названии имени героев, автор рисует русскоязычный контекст романов, в которых действие происходит в Советском Союзе: **Anatoly Pavlovich** saw the room with astonishing clarity. [10: с. 235], или еще один пример из романа «Очередь»: ...she overheard **Tatyana Alekseyevna** say in an agitated undertone, “It appeared out of nowhere not long ago, and no one at all, knows what they are selling!” “But doesn’t it have a sign?” **Emilia Khristianovna** asked [13: с. 9]. Автор использует прием транскрибирования для передачи специфики звучания русского имени. В ситуации знакомства главного героя с мальчиком, стоящим в очереди, Сергей представляется, называя свое имя-отчество: a pale little boy behind him, who looked at him levelly and asked, “And who are you?” “**I’m Sergei Vasilievich,**” Sergei said, “and what’s your name?” [13: с. 226]. Таким образом модель И-О выполняет матурационную функцию [12: с. 326], где отчество – неотъемлемый признак взросления.

Среди других функций отчества выделяется статусная, которая в русском обществе сохраняется до сих пор (отчество служит признаком социального статуса его носителя): “Good evening, **Anatoly Pavlovich,**” she said solemnly [10: с. 13] – по имени-отчеству обращается журналистка к Суханову, редактору художественного издания. Водитель Суханова, Вадим, также учитывает статус своего руководителя: “Are you ill, **Anatoly Pavlovich?**” the man repeated. “Do you need an ambulance?” [10: с. 270]. Статусная функция отчества прослеживается и в примерах деловых взаимоотношений и обращений героев друг к другу на службе: ...he walked to the far end, toward a recess presided over by **Liubov Markovna**, his personal secretary, a marvelously efficient woman of indeterminate [10: с. 154] – своего секретаря Суханов называет по имени-отчеству, так же как и та – своего руководителя: “**Anatoly Palych, Anatoly Palych,** wait a second!” [10: с. 154]. Интересно отметить, что секретарь использует стяженную форму отчества «Палыч», которую русская литературная норма допускает в устной речи [14: с. 376]. А в романе «Очередь» по имени-отчеству обращаются к друг другу коллеги-учителя: “Listen, **Anna Andreyevna.**” As the physics teacher looked away, her umbrella nudged the top of Anna’s head [13: с. 213].

Отчество в русской речи может сознательно опускаться по разным социолингвистическим при-

чинам. Например, в художественной сфере, где ценятся способности, талант и оригинальность, происхождение человека отходит на второй план [12: с. 329]. Так, музыканты, писатели, артисты, художники ограничивают свое именование двумя компонентами (именем и фамилией). Так, в романе «Очередь» речь идет о музыканте-композиторе Игоре Селинском: brilliant life of the mysterious genius Igor **Selinsky**, who was alive, of course... [13: с. 243]. Интересен еще один пример из романа «Жизнь Суханова в сновидениях»: “**Ivan Svechkin,**” Nina whispered back. “You know, the composer who lives downstairs [10: с. 60].

Несмотря на то, что двух- и трехкомпонентные модели личного имени представлены в достаточном количестве, наиболее частотными по количеству употреблений в романах «Очередь» и «Жизнь Суханова в сновидениях» являются краткие формы имени. **Nina** and **Ksenya** were following the quick movements of his hand with interest; Vasily sat frowning, tapping his spoon against a saucer [10: с. 83]. Интересно заметить, что за детьми Суханова (Ксеньей и Василием) закреплены определенные формы на протяжении всего произведения: **Ksenya** had already left for *Komsomolskaya Pravda*, where she was interning for the summer. [10: с. 68]. Ксения – всегда в краткой форме, за исключением одного употребления в разговорно-фамильярной, а Василий – всегда в полной: “**Vasily,**” said Sukhanov slowly [10: с. 107]. Краткая форма имени – самая распространенная форма обращения в обоих романах: “Please, **Tolya**” – she spoke in a rush – “there must be some explanation...” [10: с. 70]. В некоторых ситуациях автор добавляет типичное для русской формулы обращения к даме по имени «тетя»: “**Aunt Nadya,**” he said haltingly, “I think I’d better be going, I don’t want to upset anyone.” [10: с. 312]. В русскоязычном мире так принято обращаться к родственникам, однако в советское время очень распространено было обращение «тетя» и «дядя» к неродным взрослым, друзьям и знакомым родителей. Пример такого обращения к дальней родственнице («тетя Надя») мы находим только в романе «Жизнь Суханова в сновидениях». В романе «Очередь» герои в основном называют друг друга сокращенными формами имени: “Oh, **Serezha,** you didn’t have to, it’s just four of us, nothing fancy...” [13: с. 25] или “Oh, **Anya,** you wouldn’t believe what just–” [13: с. 37]. Помимо обращения, диминутивную форму имени используют герои романов для наименования своих знакомых и родственников в третьем лице: “Hey, someone, go get **Borya!** She says this old fogey passed out on the floor here is her father!” [10: с. 200]

или “Please tell me you aren’t talking about Valya,” said Nina slowly [10: с. 69].

Отдельного внимания заслуживают уменьшительно-ласкательные и разговорно-фамильярные формы, которые имеют свои эмоциональные оттенки. Так, в письме влюбленного в нее мужчины жена Суханова Нина становится «Нинусей»: *Darling Ninusya*, he would read as his hands shook and his damned soul fell, *it was so unlike me to ask you to come on such short notice*. [10: с. 216], главная героиня «Очереди» Анна – Аннушкой: “Oh, **Annushka**, you’re so lucky.” [13: с. 111], ее сын Александр – Сашенькой: “**Sashenka**, just what do you do to get it so wrinkled?” [13: с. 126], а муж Сергей – Серезенькой: “**Serezhenka**, sunshine, come inside, Katya has served the pastries and your tea’s getting cold!” [13: с. 154]. Анатолия Суханова мама тоже называет уменьшительно-ласкательно: “You don’t know what I went through with your father, **Tolenka**,” she whispered [10: с. 321]. Стилистическую окраску образам героев, несомненно, придают разговорно-фамильярные формы имени: His wife, well, she’s kind of a youthful mistake, never even comes to his concerts, but **Ksiushka – Ksiushka** is a different story altogether [10: с. 189]. Ксеню называет Ксюшкой ее женатый друг, сама Ксения, разозлившись на приятеля, кричит и называет его Гришкой: then Ksenya shouting, “**Grishka**, how could you, you bastard!” and a multitude of other voices rising like mist from the edges of the room... [10: с. 201]. В романе «Очередь» Александра ругают и проклинают, называя Сашкой: ...past the drunks splattered over the sidewalk dealing

cards, spitting on the ground, cursing some **Sashka** who had skipped out on them for the second week running [13: с. 151]. С помощью фонетической адаптации Ольга Грушина сохраняет звуковую форму русского личного имени, которая отвечает за его национально-культурное своеобразие. Помимо звуковой формы, «русскость» имен прослеживается и в деривационных формах, образованных по фонетическим и грамматическим законам русского языка при помощи большого числа антропонимических суффиксов, например: “**Pashka**, my younger brother,” Liubov Dmitriyevna said [13: с. 183].

Таким образом, романы Ольги Грушиной предлагают англоязычному читателю всю палитру вариаций русского личного имени: полное трехкомпонентное (имя-отчество-фамилия), двухкомпонентное (имя-фамилия), краткую форму, уменьшительно-ласкательные и разговорно-фамильярные. Все имена и их дериваты передаются на английский язык путем транскрибирования. Англоязычный читатель знакомится с героями романов и через повествование, и контекст приводит к пониманию, что Ksenya и Ksiushka – это одна и та же девушка, а Anatoly Pavlovich Sukhanov – и Tolya, и Anatoly Palych, и Tolenska. Перевод и употребление русского отчества и образование дериватов с помощью русских суффиксов являются примерами перевода русской культуры на английский язык, а полный список русских имен собственных и их дериватов, используемых автором, может служить справочным пособием для переводчиков с русского на английский.

Список источников

1. Герасимова М.П. Культура перевода // *Ежегодник Японии*. 2009. № 38. С. 260–270.
2. Волков С. Русская литература и американская культура // *Известия*. 2017. 16 мая. URL: <https://iz.ru/news/705671> (дата обращения: 03.09.2022).
3. Козлова В.В. Интерес к книгам русских авторов в переводе на английский язык: вчера и сегодня // *Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*. 2019. № 1(41). С. 162–175.
4. Kellman S. *The Translingual Imagination*. Lincoln : University of Nebraska Press, 2000. 134 p.
5. Барякина Э. Русско-американский писатель Ольга Грушина // *Справочник писателя*. 2021. URL: <https://avtoram.com/russko-amerikanskij-pisatel-olga-g/> (дата обращения: 24.10.2022).
6. Кабакчи В.В. Неисследованный вид переводческой деятельности: «Внутренний перевод» // *Studia Linguistica 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка*. Санкт-Петербург : Тригон, 2000. С. 65–75.
7. Кабакчи В.В. *Введение в интерлингвокультурологию* : учебное пособие для вузов. Москва : Юрайт, 2017. 253 с.
8. Лебедева Е.С. Внутренний перевод: сопоставительный анализ произведений Ольги Грушиной и их переводов с английского на русский // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2018. Т. XV, Вып. 1. С. 60–63.
9. Совершаева Л.Г. Из истории языческих личных имен // *Роль науки в развитии общества* : сборник статей Международной научно-практической конференции (20 декабря 2015, г. Казань). Ч. 3. Уфа : Аэтерна, 2015. С. 190–192.
10. Grushin O. *The Dream Life of Sukhanov*. New York : Penguin, 2007. 368 p.
11. Байбурин А. К. Последовательность элементов именной формулы в русской традиции // *Вопросы ономастики*. 2019. Т. 16, № 4. С. 74–82.
12. Норман Б. Ю., Райнохова Н. Отчество как один из символов русской культуры // *Вопросы ономастики*. 2020 Т. 17, № 2. С. 323–336.
13. Grushin O. *The Line*. New York : Penguin, 2010. 336 p.
14. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. *Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию*. Москва : Московская Международная школа переводчиков, 1994. 400 с.

References

1. Gerasimova M.P. Kultura perevoda [The Culture of Translation (in Russ.)] // *Ezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan (in Russ.)]*. 2009. No 38. P. 260–270.
2. Volkov S. Russkaya literatura i amerikanskaya kultura [Russian literature and American culture (in Russ.)] // *Izvestiya*. 2017. 16 May. URL: <https://iz.ru/news/705671> (accessed: 03.09.2022).
3. Kozlova V.V. Interes k knigam russkikh avrotov v perevode na angliiskii yazyk: vchera i segodnya [Interest to the books of Russian authors translated into English: yesterday and today (in Russ.)] // *Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya [Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Research (in Russ.)]*. 2019. No 1(41). P. 162–175. DOI 10.25987/VSTU.2019.41.1.025.
4. Kellman S. *The Translingual Imagination*. Lincoln : University of Nebraska Press, 2000. 134 p.
5. Baryakina E. Russko-amerikanskii pisatel Olga Grushina [Russian-American writer – Olga Grushin (in Russ.)]. URL: <https://avtoram.com/russko-amerikanskij-pisatel-olga-g/> (accessed: 24.10.2022).
6. Kabakchi V.V. Neissledovanniy vid perevodcheskoy deyatel'nosti: "Vnutrennii perevod" [Unexplored type of translation: "Inner translation" (in Russ.)] // *Studia Linguistica 9.Kognitivno-pragmaticheskie i hudozhestvennye funktsii yazyka [Cognitive, pragmatic and expressive functions of language]*. Saint Petersburg : Trigon, 2000. P. 65–75.
7. Kabakchi V.V. *Vvedenie v interlingvokulturologiyu: uchebnoe posobie dlya vuzov [Introduction into interlinguacultural studies: textbook for college students (in Russ.)]*. Moscow : Urait, 2017. 253 p.
8. Lebedeva E.S. Vnutrennii perevod: sopostavitel'nyi analiz proizvedenii olgi Grushinoy i ih perevodov s angliiskogo na russkiy [Inner translation: comparative analysis of Olga Grushin's novels and their translations from English into Russian (in Russ.)] // *Humanities and Social Studies in the Far East*. 2018. Vol. 15, No 1. P. 60–63.
9. Sovershaeva L.G. Iz istorii yazy'cheskikh lichny'kh imen [From the history of pagan personal names (in Russ.)] // *Rol' nauki v razvitiy obshchestva [Science Role in Community Development (in Russ.)]*: sbornik statej mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (20 dekabrya 2015, Kazan'). Ufa : Aeterna, 2015. P. 190–192.
10. Grushin O. *The Dream Life of Sukhanov*. New York : Penguin, 2007. 368 p.
11. Bajburin A. K. Posledovatel'nost' e'lementov imennoj formuly' v russkoj traditsii [The sequence of elements of the nominal formula in the Russian tradition (in Russ.)] // *Voprosy' onomastiki*. 2019. Vol. 16, No 4. P. 74–82.
12. Norman B.Yu., Rajnoxova N. Otchestvo kak odin iz simvolov russkoj kul'tury' [Russian patronymic as a symbol of the Russian culture (in Russ.)] // *Voprosy' onomastiki*. 2020. Vol. 17, No 2. P. 323–336.
13. Grushin O. *The Line*. New York : Penguin, 2010. 336 p.
14. Rozental' D.E., Dzhandzhakova E.V., Kabanova N.P. *Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu* [A guide to spelling, pronunciation, literary editing (in Russ.)]. Moscow : Moskovskaya Mezhdunarodnaya shkola perevodchikov, 1994. 400 p.

Информация об авторе

Е.С. Лебедева – старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения.

Information about the author

E.S. Lebedeva is Senior Teacher, Faculty of Foreign Languages and Area Studies.

Статья поступила в редакцию 17.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 17.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 82-7

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-66-72

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АНЕКДОТОВ

Сергей Юрьевич Щербина

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия, sjus60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8595-0141>

Аннотация. Известно, что все тексты являются культурно обусловленными. При переводе анекдота необходимо не только передать его культурную специфику, но и прагматику. Для этого необходимо понять механизм создания комического эффекта и средства его реализации. Помочь в этом могли бы классификации анекдотов. Однако типологии на основе тематики, а также деление на «референциальные» и «лингвистические» анекдоты фокусируют внимание только на одном критерии. На практике для создания комического эффекта нередко одновременно используются разные средства. В этом плане автору статьи близка концепция построения комических текстов, которую предложил В.И. Карасик. В статье предпринимается анализ трудностей перевода разноуровневых культурно окрашенных средств с немецкого языка на русский.

Ключевые слова: анекдот, классификация, культурная обусловленность, общекультурный контекст, перевод

Original article

PROBLEMS IN TRANSLATING JOKES

Sergei J. Shcherbina

Pacific State University, Khabarovsk, Russia, sjus60@mail.ru

Abstract. It is a well-known fact that all texts are culture-bound. When you translate jokes from one language into another, you have to render not only their cultural features, but their pragmatics as well. To do this, you have to understand the mechanism of creating a comic effect and the means of its implementation. Classifying jokes could help do this. But typological classification of jokes according to thematic principle, or their division into “referential” and “linguistic” ones, make us focus our attention on one criterion only. In real practice, several means of creating a comic effect are frequently used simultaneously. In this respect, the author accepts Karasik’s conception of creating comic texts. This article mostly deals with difficulties the translator encounters when translating culture-bound language-units of various levels from German into Russian.

Keywords: joke, classification, cultural conditioning, culture-bound, cultural context, translation

Введение

В современной лингвистике текста культурная окрашенность любого текста признается a priori. Понятно, что она может проявляться в разной степени применительно к конкретной паре языков. Не стоит забывать также о межкультурном взаимодействии, которое способствует частичному преодолению культурно обусловленных различий в некоторых типах текстов, например в деловой корреспонденции или обиходных текстах (кулинарный рецепт, вкладыш в медикамент, инструкция).

Существуют, однако, типы текстов, в которых культурная специфика проявляется особенно ярко. Не в последнюю очередь она выражена в анекдоте, который выступает мгновенным и одновременно динамичным «слепком» истории общества. Следует учитывать и тот факт, что юмористическая интенция в меньшей степени определяется линг-

вокультурной спецификой, так как желание шутить интернационально и зависит от индивидуума, а понимание комических текстов вплетено в общий контекст культуры [1: с. 900].

Именно интеграция анекдота в общекультурный контекст конкретного социума нередко делает его перевод трудноразрешимой задачей. В специальной литературе представлены разные оценки переводимости или непереводимости анекдота. При этом все авторы фокусируют внимание на переводе анекдотов в письменной форме (письменно зафиксированных анекдотов).

Во всяком случае, нам не удалось обнаружить публикаций о специфике устного перевода анекдотов, который вполне возможен и иногда встречается в переводческой практике. Видимо, сложность или невозможность фиксации (в том числе аудио- или видеозаписи) ситуации, в которой осуществляется

устный перевод, является тому причиной. Представляется, что потенциальные переводческие сложности в таком случае только возрастают в связи с ограниченностью времени на обдумывание перевода и невозможностью использовать справочники.

Типы анекдотов

Иногда по смысловым сферам пародирования выделяют политические, национальные и социально-бытовые анекдоты, но, пожалуй, только первую группу достаточно легко отграничить, в то время как границы двух других достаточно размыты, так как их выделение достаточно произвольно.

Применительно к национальным или этническим анекдотам сложно согласиться с замечанием, что едва ли можно признать национальными большинство анекдотов «про чукчу» [2]. Ведь это культурно-национальный типаж в русских анекдотах, который изображается глупым или наивным. Разумеется, образ глупца, а также этнические или социальные группы, которым приписывают такое качество, присутствуют во всех культурах. Видимо, «наднациональным» все же можно считать восприятие блондинки в разных культурах, что является следствием межкультурного взаимодействия [3: с. 104].

Но в остальном в разных культурах высмеивают разные этнические группы и национальности, что связано с существованием культурно обусловленных этностереотипов. Поэтому, как минимум, некоторые типажы анекдотов имеют выраженную национальную окрашенность. Попутно заметим, что национально специфичная номинация «чукча», скорее всего, неизвестна представителям других культур.

Другой возможностью является классификация по типажам (действующим лицам) анекдотов, так как набор персонажей анекдотов относительно постоянный [4: с. 23], сами персонажи стереотипны, наделены определенными клишированными качествами, легко узнаваемы в пределах своей культуры и поэтому можно говорить об их прецедентном характере.

Модификацией двух предшествующих классификаций можно считать разграничение анекдотов по сфере действия (политические, медицинские, армейские и др.), национальным признакам, затронутым в анекдоте, и действующим персонажам [5].

Нередко даже в письменных анекдотах передаются характерные речевые особенности персонажей: картавость, акцент, интонация, дефекты или неточности произношения, характерные словечки, например, маркеры («однако», «да?», «таки»), приписываемые другим этносам, которые говорят по-русски. Они помогают реципиенту быстро включиться в ситуацию и узнать типаж, т.е. настроиться должным образом на восприятие текста.

Четвертый подход заключается в выделении уже с античных времен «лингвистических» (нем. „Wortwitz“) и «нелингвистических» (нем. „Sachwitz“ лат. “in rebus“) анекдотов [6: с. 41]. Первый термин подчеркивает использование разных типов каламбура на основе двусмысленности или амбивалентности вследствие многозначности, омонимии, паронимии, созвучий и других средств. А второй акцентирует внимание на нелепости ситуации, которая лежит в основе анекдота. Некоторые исследователи даже считают возможным выделить в последнем случае «анекдот-картинку» („Bild-Witz“), или «карикатуру» („Karikatur“), и «анекдот-действие» („Handlungswitz“), или «клоунаду» („Clownerie“) [7: с. 162]. Иногда «нелингвистические» анекдоты называют референциальными, чтобы подчеркнуть отличный от обыгрывания языкового явления способ создания комического эффекта.

Несмотря на многовековые традиции использования терминов «лингвистический» или «языковой» [8: с. 5] и «нелингвистический» («референциальный») анекдот и определенную логику такой классификации, представляется, что подобную терминологию нельзя считать удачной по следующим причинам. Во-первых, термин «лингвистический» фокусирует внимание только на некоторых языковых средствах, которые предпочтительно используются для создания комического эффекта [9]. Другими словами, в указанном контексте происходит произвольное или осознанное сужение значения термина. Во-вторых, получается, что все остальные средства и элементы языковой системы в принципе не могут создавать комический эффект. На самом деле, любой элемент языковой системы имеет такой потенциал. В-третьих, термин «нелингвистический анекдот» в буквальном понимании означает, что он создан при помощи невербальных средств. И, в-четвертых, правомерен вопрос о возможности смешения или совмещения языковой игры и нелепости ситуации.

Ответ на него становится очевидным при рассмотрении одного примера: *Девушка на улице, заикаясь, спрашивает у парня: «С-с-скажите, СС-сколько времмм-ммм-мя?». Он молчит. Она спросила еще раз – ноль реакции. Она обиделась и ушла. – Женщина, стоявшая рядом: «Почему Вы не ответили? У Вас же часы на руке!». – «А з-з-зачем? Чтобы по-по-получить по мм-м-мморде!».*

Нереальность ситуации заключается в том, что именно два человека, которые заикаются, случайно встретились на улице. Девушка не знает, что молодой человек тоже заикается. А он понимает, что в такой ситуации при любом ответе получит по

физиономии, так как дама сочтет, что он над ней насмехается. Заикание отражено графическими средствами: повтором, удвоением или даже утроением звуков или слогов. Таким образом, налицо анекдот, который не вписывается в упрощенные классификации.

Применительно к теории и практике перевода следует констатировать, что перечисленные типологии не дают ответа на вопрос, на что же переводчик должен обращать внимание в первую очередь и с какими сложностями он может столкнуться. Интерес представляет, однако, разделение на «диктальное» и «модусное» осмысление факта, который вызывает смех. Диктальная модель включает комическое повторение, противопоставление или «переворачивание» позиций персонажей, а модусная – шутливые перифразы, пародирование прецедентных текстов и комические аллюзии [1: с. 895]. Подобное осмысление механизмов порождения комического может быть полезным для переводчика в процессе преодоления переводческих трудностей.

Переводческие трудности

Конечно, классификация не является самоцелью исследователя, а служит лишь вспомогательным элементом и отправной точкой. Наблюдения показывают, что многие анекдоты можно перевести с немецкого языка на русский и сохранить тот же прагматический эффект, что и в оригинале. Это объясняется схожестью ситуаций или сценариев и в определенной мере типажей. Вместе с тем различный культурный фон и особенности языковых систем, которые также называют межкультурной и межъязыковой асимметрией [10: с. 130], могут затруднять воссоздание комического эффекта средствами другого языка.

Думается, что именно такие случаи заслуживают изучения. Поэтому в статье сознательно предпринята попытка обозначить некоторые возможные переводческие проблемы в паре языков *немецкий–русский*. Поскольку перевод рассматривают как акт межкультурной коммуникации, представляется, что основные переводческие проблемы анекдота как типа текста могут быть связаны именно с его культурной спецификой вследствие особенностей языковой системы. Чем более существенны различия в системе на всех языковых уровнях (фонетическом морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом, а также в графике), тем больше потенциальных переводческих проблем они порождают.

Среди них можно выделить следующие:

1. Культурно окрашенную лексику, к которой относятся лакуны, реалии разных типов, некоторые

культурно специфические типажы (политики, герои книжных произведений, кинематографа и мультфильмов, представители разных этносов и наций).

2. Погруженность сценария анекдота в конкретную культурно-историческую среду, когда при кажущемся сходстве комичных ситуаций в разных социумах (муж-жена, алкоголь, армия, полиция, студент-преподаватель) эксплицитно или имплицитно присутствует культурный подтекст.

3. Разноуровневые лингвистические (графические, синтаксические лексические и фразеологические) средства для создания комического эффекта.

Именно последний тип трудностей исследователи соотносят с так называемыми лингвистическими анекдотами либо «модусной» моделью их построения.

Обратимся теперь к конкретным примерам, чтобы эксплицитно отметить некоторые приемы создания культурной специфики в паре языков *немецкий* и *русский*. Практически все примеры извлечены из двух сборников анекдотов на немецком языке, которые приведены в списке использованных источников [11; 12].

Перейдем теперь к анализу примеров с проблемными случаями.

(1) *Meyer bekommt seine Steuererklärung vom Finanzamt zurück. Der zuständige Beamte hat einen Zettel angeheftet: „Bitte ergänzen! Wir vermissen die Einkünfte Ihrer Frau.“*

Meyer schreibt zurück: „ich auch.“

В анекдоте встречаются культурно окрашенные лексемы „Steuererklärung“ (налоговая декларация) „Finanzamt“ (налоговый орган), „Beamte“ (госслужащий: в Германии этот статус не всегда совпадает с аналогичными должностями в России), которые, на первый взгляд, не должны представлять сложностей при переводе. В Германии, однако, налоговую декларацию самостоятельно заполняют и подают как физические, так и юридические лица. В России это делают только юридические лица, а физические просто получают от налоговой службы сумму, начисленную к оплате налога. Поэтому в нашей стране в декларации физического лица не могут одновременно фиксироваться налоги мужа и жены. Перевод «нам не хватает доходов Вашей жены» в контексте остроумного ответа мужа «мне тоже», по видимому, заставит реципиента рассмеяться, но у более дотошного адресата может возникнуть недоумение по поводу единой декларации о доходах.

(2) *Treffen sich zwei katholische Priester: „Wir werden das wohl nicht mehr erleben, dass wir mal heiraten können...“*

„Nein,“ sagt der andere, „aber unsere Kinder...“

Пресуппозиция анекдота заключается в том, что католические священники не имеют права жениться и иметь детей: они дают обет безбрачия. Оба священника уже потеряли надежду, что смогут когда-нибудь заключить брак. Пикантность ситуации проявляется в реплике второго священника, который надеется, что это смогут осуществить их дети. Понять перевод на русский смог бы только реципиент, обладающий фоновыми знаниями, так как православные священнослужители могут жениться и иметь детей. Рассмотренный анекдот в обобщенном виде описывает результат сожительства католических священнослужителей, обычно со своими домохозяйками. Кстати, иногда подобные «скандалы» освещаются в немецких СМИ.

(3) *Der Zollbeamte beugt sich in das geöffnete Fenster des Wagens und fragt: „Alkohol, Zigaretten?“. Der Fahrer winkt ab: „nein, bitte zwei Kaffee...“*

Культурная специфика анекдота заключается в подоплеке вопроса служащего таможи, который заглядывает в открытое окно автомашины: «Алкоголь, сигареты?». Для понимания необходимо знать правила ограниченного беспошлинного провоза некоторых товаров. Ведь при въезде в Германию разрешается провезти без уплаты пошлины только один литр крепких напитков и один блок сигарет. Таможенник хочет знать, ввозит ли водитель алкоголь и сигареты и в каком количестве. Вопрос в форме эллипсиса в принципе допускает двусмысленность. Водитель «понимает» вопрос таможенника как предложение «(Может) алкоголь или сигареты?». И расслабленно произносит: «Нет, пожалуйста, два кофе». Амбивалентность формулировки и столкновение двух взаимоисключающих сценариев – контроля и предложения (услуги) – создают комический эффект.

(4) *Die Mutter zu Fritzchen: „Zünde doch mal den Adventskranz an.“*

Gesagt, getan. Fünf Minuten später kommt Fritzchen wieder und fragt. „Die Kerzen auch?“

В основе анекдота лежит метонимический перенос, где пред рождественский венок – целое, а свечи на нем – часть целого. Фрицхен (уменьшительно-ласкательный суффикс „-chen“ эксплицирует юный возраст) получает задание от матери зажечь пред рождественский венок. Мать подразумевает первую свечу: каждое воскресенье за четыре недели до сочельника на венке зажигают по одной свече, которых всего четыре. Мальчик понимает указание буквально, а через пять минут спрашивает мать, нужно ли зажечь еще и свечи. Фрицхен как наивный, несмышленный или наглавый персонаж, конечно, неизвестен в России и тре-

бует комментария. Кстати, в русских анекдотах в этой роли обычно выступает Вовочка. Но такой дополнительный возможный комментарий при переводе снижает эффект комизма.

(5) *Fritzchen fragt seine Mutter: „Können Herrenregenschirme und Damenregenschirme Kinder kriegen?“*

„Nein!“

„Und wo kommen dann die Knirpse her?“

В этом анекдоте уже известный нам Фрицхен интересуется, могут ли мужские и женские зонты иметь детей. Получив от матери отрицательный ответ, он спрашивает: «Откуда тогда берутся „Knirpse“ (букв.: разг. «карапуз»; перен.: «складной зонтик»). Здесь мы наблюдаем комбинацию реалий и каламбура (амбивалентность вследствие полисемии), для которой, пожалуй, невозможно предложить адекватный перевод. Под каламбуром (игрой слов) понимают фигуру речи, которая содержит нарочитую или невольную двусмысленность вследствие использования сходно звучащих, но различных по значению слов или разных значений одного слова для создания комического эффекта [13: с. 125; 14].

(6) *Warum nennen Männer ihre Frauen so oft „Schatzi“?*

Weil sie sich nicht entscheiden können, ob sie Schatz oder Ziege sagen sollen.

Анекдот в форме вопроса об обращении мужа к жене, видимо, невозможно перевести, так как в русском отсутствует удачный эквивалент для немецкого „Schatzi“ (разговорный уменьшительно-ласкательный суффикс „-i“, который может придавать оттенок фамильярности, к лексеме „Schatz“ – «сокровище»).

Во-первых, в русском в таком случае узуальным обращением выступает «дорогая», «милая». «Милочка» или «душечка» говорят вне семьи. Варианты типа «киса/киска», «зая/зайка», «мышка» действительно фамильярные, но, в отличие от немецкого „Schatzi“, не входят в узус.

Во-вторых, ответ в оригинале просто провокационный, так как „Schatzi“ в ответной реплике намеренно толкуют как контаминацию „Schatz“ и „Ziege“ (последнее означает дословно «коза», а в переносном значении «дура/избалованная»), и это слово якобы эксплицирует сомнения мужчины, как ему назвать жену. Понятно, что и возможный, семантически и стилистически близкий перевод немецкой лексемы „Schatz“ «золотце» не передает комического эффекта немецкой контаминации как одного из вариантов игры слов.

(7) *Eine Frau kommt in die Küche und sieht ihren Mann mit einer Fliegenklappe.*

„Was machst du da?“

Er antwortet „Fliegen töten.“

„Und hast du welche getötet?“

„Ja, drei Männchen und zwei Weibchen.“

Stutzig fragt sie ihn: „wie erkennst du den Unterschied zwischen Männchen und Weibchen?“

Er antwortet: „Drei saßen auf dem Bierglas und zwei auf dem Telefontörer.“

На первый взгляд, этот анекдот, в котором муж на кухне убивает мух мухобойкой, перевести совсем несложно. Однако при более детальном рассмотрении непонятно, как следует передать немецкие лексемы „Männchen“ (букв.: самец, мужская особь) и „Weibchen“ (букв.: самочка/самка, женская особь). Буквальный перевод не «звучит», а его замена на «мужик» и «баба» имеет сниженную стилистическую окраску. Хотя, за неимением лучшего, видимо, именно этот вариант стоит предпочесть.

На удивленный вопрос жены, как он отличает одних от других, муж поясняет, что одних (якобы мужские особи) он убил на пивном бокале, а других (якобы женские особи) на телефонной трубке. Налицо метонимический перенос с людей на насекомых: мужчины в Германии любят пиво, а женщины не прочь поболтать по телефону. В русском контексте пивной бокал, видимо, можно было бы поменять на стакан водки, но в целом ассоциация мужчины с алкоголем и так достаточно прозрачна.

(8) *Zwei sächsische Polizisten sehen ein falsch geparktes Auto mit einem Aufkleber mit der Aufschrift „GB“. Der eine will gerade den Strafzettel zücken, aber der andere warnt ihn: „Nee, lass mal, der is von der Grimminalbolizei!“*

В Германии машины не увозят на арестплощадки за нарушение правил парковки, а оставляют квитанцию под «дворником» автомобиля, которую дисциплинированные немцы оплачивают во избежание большего штрафа. Поэтому, когда два полицейских в федеральной земле Саксония видят неправильно припаркованный автомобиль, один из них сразу собирается достать квитанцию на штраф: „den Strafzettel zücken“. В этот момент напарник отговаривает его: «Брось/оставь это занятие», так как символ „GB“ означает, по его мнению, „Grimminalbolizei“ («криминальная полиция», «уголовный розыск» на саксонском диалекте).

В анекдоте обыгрывается переход в саксонском диалекте глухих согласных в звонкие: из общегерманского „Kriminalpolizei“ получилось „Grimminalbolizei“ (переход „k-g“ и „p-b“). Но поскольку сокращения (символы) регионов на автомобилях

действуют на территории всей Германии и пишутся в соответствии с общенемецкими языковыми нормами, анекдот высмеивает глупость саксонцев вообще и полицейских в частности. Следует заметить, что исторически обусловленное неприятие одних немецких регионов (а ранее германских племен) другими в несколько завуалированном виде наблюдается и в современной Германии. В подобных случаях перевод представляется невозможным, так как в русскоязычном социуме диалекты утратили свою значимость и имеют в лучшем случае ограниченную известность. Попытка перевода с элементами какого-то акцента или говора для придания территориального или этнического колорита (грузинского, армянского, еврейского и др.) будет неуместной.

(9) *Warum kommt ein Chinese vom Bäcker mit zwei Blondinen im Arm? – Er wollte zwei Blötchen haben.*

Еще один интересный и, пожалуй, непереводаемый случай каламбура, при котором тесно переплетены семантика и переданные графическими средствами особенности произношения (фонетика) китайцев. Как известно, китаец вместо немецкого звука /r/ произносит /l/. Схожие проблемы произношения у китайцев и в русском языке. Стереотип о глупых или наивных блондинках также совпадает в обеих культурах. Но перевод невозможен, так как китаец просит две булочки „zwei Brötchen“, а получает „Blödchen“ («тупых») от нем. „blöd“), потому что в немецком языке ассимиляция по глухости /d-/t/ „Blötchen“ наслаивается на дефект китайского произношения.

Этот пример показывает, что даже похожий культурный фон (совпадение стереотипа о глупых блондинках), одинаковые проблемы произношения китайцев и совпадение некоторых фонетических явлений (ассимиляция по глухости) в немецком и русском языках не позволяют передать комизм ситуации в переводе.

(10) *Wie heißen die Brüder von Osama bin Laden? –*

Der kleine Osama bin Kiosk und der große Osama bin Supermarkt.

На шуточный вопрос об именах братьев Осамы Бен Ладена (нем.: bin Laden) предлагается ответ – младший „Kiosk“, а старший „Supermarkt“. Имя террориста бен Ладена созвучно с немецким словом „Laden“ (магазин), который встраивается в анекдоте в центр семантической цепочки «младший/маленький» – „Kiosk“ (киоск), «средний» – „Laden“ (магазин), «большой / старший» – „Supermarkt“ (супермаркет). Текст построен на каламбуре, перевод которого невозможен, так как в его основе лежит омофония имени и лексемы „Laden“ (магазин).

(11) „Papa, ich muss dich mal unter drei Augen sprechen.“

„Du meinst wohl unter vier?“

„Nein, du musst mal wieder ein Auge zudrücken.“

Практически неразрешимой переводческой проблемой выступает здесь обыгрывание фразеологизмов с компонентом-числительным. Сын предлагает отцу поговорить „unter drei Augen“, а тот поправляет его: „unter vier“. Известно, что немецкому фразеологизму „unter vier Augen“ (букв.: среди четырех глаз, так как у каждого человека два глаза) соответствует русское выражение «с глазу на глаз». Но ребенок хочет не только поговорить с отцом наедине, но и просит того в надежде на снисхождение или прощение „ein Auge zudrücken“ (букв.: закрыть один глаз; русск.: закрыть глаза на что-то, не судить строго). Математическая логика немецкого ребенка понятна и строится на амбивалентности фразеологизмов, которая допускает их двойственную трактовку, когда переносное значение дефразеологизируется. Таким образом, каламбур построен на идиоматическом переосмыслении.

(12) *Essen zwei Kannibalen einen Clown. Sagt der eine zum anderen: „Schmeckt irgendwie komisch!“*

Последний пример иллюстрирует возможности игры слов вследствие полисемии, так как один из каннибалов говорит, что клоун, которого они едят, какой-то странный на вкус. Лексема „komisch“ означает в немецком «комичный» или «странный». При переводе анекдота на русский язык посредством «странный» исчезает двусмысленность, которая создает комический эффект в оригинале.

Выводы

1. Большинство имеющихся классификаций анекдотов не позволяют выявить специфику этого типа текста, так как берут за основу отдельные критерии. При этом механизм или алгоритм создания культурно обусловленного комического эффекта остается за кадром.

2. Перспективной поэтому представляется типология анекдота при помощи выделения моделей

смехового поведения или алгоритмов построения комических текстов, которую предложил В.И. Карасик и которая допускает смешение разных техник создания комического эффекта.

3. Культурная специфика анекдота может проявляться на уровне реалий, типичных для конкретного социума персонажей, в погруженности ситуации в определенный культурно-исторический контекст, предпочтительном использовании для создания комизма разноуровневых стилистических средств.

4. Перевод могут затруднять как отдельные культурно-специфические средства, так и их комбинация.

5. Наибольшие трудности возникают при попытке перевода каламбуров разных типов. Но и перевод (кажущихся) культурных совпадений (например, о налоговой декларации, штрафе за неправильную парковку и некоторых других реалиях) является непростой задачей, так как комментирование как один из способов перевода не вписывается в жанр анекдота.

6. Для решения комплексной задачи перевода необходимо обладать не только лингвистическими, но и культурными компетенциями, в том числе обширными фоновыми знаниями.

7. Многие отечественные лингвисты утверждают, что языковая игра может быть компенсирована обыгрыванием отличных от оригинала лингвистических средств [15: с. 253; 10 : с. 130] и что перевод может быть не только адекватным, но и в разной степени эквивалентным с сохранением прагматического эффекта в целом [16: с. 10].

8. Вслед за В. Коллером, который одним из первых разработал концепцию эквивалентности на разных уровнях, мы считаем, что некоторые тексты невозможно перевести без частичной потери прагматического эффекта, как, например, при компенсирующем комментарии, и что иногда переводчик стоит перед неразрешимой проблемой [17: с. 258].

Список источников

1. Карасик В.И. Алгоритмы построения комических текстов // *Вестник РУДН*. 2018. Т. 22, № 4. С. 895–918. (Серия: Лингвистика).
2. Химик В.В. Анекдот как феномен культуры. URL: https://www.studmed.ru/himik-vv-anekdod-kak-unikalnoe-yavlenie-russkoy-rechevoy-kultury_7867db6f652.html (дата обращения: 13.11.2022).
3. Щербина С.Ю. Блондинки в анекдоте разных культур // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2022. Т. XIX, Вып. 1. С. 99–104.
4. Шмелева Е.А., Шмелев А.Д. *Русский анекдот: текст и речевой жанр*. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 144 с.
5. Лутовинова О.И. Анекдот в смеховом мире интернета // *CyberLeninka. Аналитика культурологии*. 2007. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anekdod-v-smehovom-mire-interneta> (дата обращения: 13.11.2022).
6. Röhrich L. *Der Witz. Figuren, Formen, Funktionen*. Stuttgart : Metzler, 1977. 342 S.
7. Bürgel P. *Literarische Kleinprosa: eine Einführung*. Tübingen : Gunter Narr, 1983. 268 S.

8. Александрова Е.М. Лингвистическая обусловленность создания «языковых анекдотов» // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. Вып. 76, № 10. С. 5–9. (Серия: Филология. Искусствоведение).
9. Терентьева И.А. Типы лингвистических анекдотов // *Вестник Воронеж. ГУ*. 2014. № 3. С. 36–38. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация).
10. Тарасенко Т.В. Анекдот и перевод (на примере языковой игры) // *Вестник Иркутского лингвистического университета*. 2009. № 4. С. 126–130.
11. *Das große Witze-Feuerwerk* / D.Wackel (Hrs.g). München : Knauer; 2011. 318 S.
12. *Die besten Witze von BILD* / J. Schumacher, Th. Rosin (Hrsg). Hamburg : Ullstein, 2004. 128 S.
13. Приходько В.К. *Приемы и средства создания словесной образности*. Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2006. 243 с.
14. Ефремова Т.Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва : Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info>. (дата обращения: 13.11.2022).
15. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика. Санкт-Петербург : Союз, 2003. 288 с.
16. Александрова Е.М. Перевод анекдота: проблемы адекватности и эквивалентности (на материале французских и русских анекдотов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. 26 с.
17. Koller H. *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Wiesbaden : Quelle und Meyer, 1997. 344 S.

References

1. Karasik V.I. Algoritmy` postroeniya komicheskix tekstov [Algorithms of constructing comic texts (in Russ.)] // *Vestnik RUDN*. 2018. Vol. 22, No.4. P. 895–918. (Ser.: Lingvistika).
2. Ximik V.V. Anekdot kak fenomen kul`tury`. [Joke as a cultural phenomenon (in Russ.)]. URL: https://www.studmed.ru/himik-vv-anekdoto-kak-unikalnoe-yavlenie-russkoy-rechevoy-kultury_7867db6f652.html (accessed: 13.11.2022).
3. Shcherbina S.Yu. Blondinki v anekdote razny`x kul`tur [Blond females in jokes of different cultures (in Russ.)] // *The Humanities and Social Studies in the Far East*. Vol. XIX, No. 1, 2022. P. 99–104.
4. Shmeleva E.A., Shmelev A. D. *Russkij anekdot: tekst i rechevoj zhanr* [Russian joke: text and speech genre (in Russ.)]. Moscow : Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`, 2002. 144 p.
5. Lutovinova O.I. Anekdot v smexovom mire interneta [Joke in the laugh worldnet (in Russ.)] // *CyberLeninka. Analitika kul`turologii*. 2007. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anekdoto-v-smehovom-mire-interneta> (accessed: 13.11.2022).
6. Röhrich L. *Der Witz. Figuren, Formen, Funktionen*. Stuttgart : Metzler, 1977. 342 S.
7. Bürgel P. *Literarische Kleinprosa: eine Einführung*. Tübingen : Gunter Narr, 1983. 268 S.
8. Aleksandrova E.M. Lingvisticheskaya obuslovlennost` sozdaniya «yazy`kovy`x anekdotov» [Linguistic grounds of “language jokes”] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. Vol. 76, № 10. P. 5–9. (Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie).
9. Terent`eva I.A. Tipy` lingvisticheskix anekdotov [Linguistic-based joke types] // *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhhul`turnaya kommunikaciya*. 2014. № 3. P. 36–38.
10. Tarasenko T.V. Anekdot i perevod (na primere yazy`kovoj igry`) [A joke and its translation (based on language pun)] // *Vestnik Irkutskogo lingvisticheskogo universiteta*. 2009. № 4. P. 126–130.
11. *Das große Witze-Feuerwerk* / D.Wackel (Hrs.g). München : Knauer; 2011. 318 S.
12. *Die besten Witze von BILD* / J. Schumacher, Th. Rosin (Hrsg). Hamburg : Ullstein, 2004. 128 S.
13. Prihod`ko V.K. *Priemy` i sredstva sozdaniya slovesnoj obraznosti* [Ways and means to create language image (in Russ.)]. Xabarovsk : DVGGU Press, 2006. 243 p.
14. Efremova T.F. *Novy`j slovar` russkogo yazy`ka. Tolkovo-slovoobrazovatel`ny`j* [New Russian Dictionary. Word Formation.] Moscow : Russkij yazy`k, 2000. URL: <http://www.efremova.info> (accessed: 13.11.2022).
15. Alekseeva I.S. Professional`ny`j trening perevodchika [Training professional translators (in Russ.)]. SPb : Soyuz, 2003. 288 p.
16. Aleksandrova E.M. *Perevod anekdota: problemy` adekvatnosti i e`kvivalentnosti (na materiale francuzskix i russkix anekdotov)* [Translating a joke: problems of adequacy and equivalence (based on French and Russian jokes) (in Russ.)]: PhD thesis. Moscow : Lomonosov Moscow State University, 2006. 26 p.
17. Koller H. *Einführung in die Übersetzungswissenschaft*. Wiesbaden : Quelle und Meyer, 1997. 344 s.

Информация об авторе

С.Ю. Щербина – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации.

Information about the author

S.Yu. Scherbina is Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Romanic and Germanic Philology and Intercultural Communication.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023. The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 82-84

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-73-79

ПЕРЕВОД АФОРИЗМОВ Г. К. ЛИХТЕНБЕРГА

Лариса Юрьевна Кульпина¹, Сергей Юрьевич Щербина²

^{1, 2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия,

¹lkulpina@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-0432-9722>

²sjus60@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-8595-0141>

Аннотация. Существуют лишь отдельные публикации, посвященные переводу малоформатных текстов, в частности афоризмов. Данная статья стремится в определенной мере восполнить этот пробел. Перевод афоризмов имеет свою специфику, которая в значительной степени обусловлена краткостью таких мини-текстов. Переводчик не имеет возможности комментировать свои решения, чтобы не нарушить канон жанра. Реализация прагматического эффекта осложняется также различиями языковых систем. Заметки Г. К. Лихтенберга „Sudelbücher“ объединяют малоформатные тексты разных жанров, среди которых можно выделить и афоризмы. Поэтому переводчик должен самостоятельно выбрать подходящие тексты. В статье проанализированы переводы заметок афористического характера на русский язык, извлеченные из антологии «Афоризмы».

Ключевые слова: перевод, малоформатный текст, афоризм, критерии афоризмов, прагматический эффект

Original article

TRANSLATING LICHTENBERG'S APHORISMS

Larisa J. Kulpina¹, Sergei J. Shcherbina²

^{1, 2}Pacific State University, Khabarovsk, Russia

¹lkulpina@yandex.ru <https://orcid.org/0000-0002-0432-9722>

²sjus60@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-8595-0141>

Abstract. There are, but few, publications discussing the translation of small format texts. This article aims to fill this niche. The translation of aphorisms has its own specifics, which is to a great extent explained by their format – they are very short texts. The translator has no chance to comment on his/her choice in order not to break the laws of the genre. The actualization of the pragmatic effect is also handicapped by differences in language systems. Lichtenberg's „Sudelbücher“ contains small format texts of various genres, some of which are aphorisms. Thus the translator must independently choose suitable texts. In the article below the authors analyse the translations of aphoristic texts from the anthology “Aphorisms”.

Keywords: translation, aphorism, small format text, criteria of aphorism, pragmatic effect

Введение

Литературная сторона творчества Г. К. Лихтенберга известна, пожалуй, лишь тем германистам, которые занимаются малоформатными текстами. Ведь он прославился в первую очередь как физик. Попутно он вел свои заметки, которые не предназначались для публикации – „Sudelbücher“ («черновые заметки») [1].

Выбор заметок этого автора в качестве переводческого материала проблематичен, поскольку в то время, как одни исследователи считают Г. К. Лихтенберга основоположником немецкой афористики, другие утверждают, что он не писал афоризмы [2: с. 96]. Текстологический анализ показывает, что заметки относятся к малоформатным текстам раз-

ных жанров. К тому же термин «афоризм» для описания жанра или типа текста утвердился в Германии только на рубеже XX в. [3: с. 109–110].

Как уже было замечено, наброски, заметки, записи в дневниках Г. К. Лихтенберга не предназначались для публикации. Тем удивительнее тот факт, что они были известны современникам, оказали серьезное влияние на формирование немецкой афористики, а также получили высокую оценку таких философов, как И. Кант, А. Шопенгауэр и Ф. Ницше. Широкой публике они стали известны после выхода в свет первого сборника записок, который редактор А. Лейцман озаглавил как «Афоризмы». Полное издание в пяти томах вышло в свет только в 1902–1908 гг. [4: с. 76].

В контексте вышеизложенного становится понятно, что переводческий анализ текстов из заметок должен учитывать признаки афоризма. В этом заключается дополнительная сложность оценки перевода, так как не существует единого мнения о границах этого жанра.

Несмотря на представление о наличии прототипической модели афоризма, исследователи говорят об отсутствии четких границ между афоризмом и некоторыми родственными жанрами [5: с. 26; 6: с. 74; 7: с. 49; 8: с. 194]. Наиболее взвешенной представляется концепция Х. Фрике. Немецкий литературовед определяет афоризм как самостоятельный элемент в цепочке похожих прозаических текстов, который состоит как минимум из одного предложения, краток и содержит пуант. Для наглядности Х. Фрике приводит следующую таблицу [4: с. 14].

Таблица

Признаки афоризма (по [9])

Обязательные признаки афоризма (всегда присутствуют)	Факультативные признаки афоризма (присутствует хотя бы один из признаков)
• Внеконтекстность (изолированность) • Прозаическая форма • Нефикциональность	• Отдельное предложение и/или • Краткость и/или • Языковой пуант и/или • Смысловой пуант

Из таблицы следует, что афоризм характеризует наличие трех обязательных и хотя бы одного из трех факультативных признаков. Концепция Х. Фрике служит в последующем анализе основанием для отграничения афоризмов. Даже беглый просмотр заметок Г. К. Лихтенберга показывает, что значительная их часть не удовлетворяет в полной мере требуемому набору признаков. Тем больший интерес представляет анализ текстов, которые были переведены и включены в антологию.

Представляется, что при анализе можно попытаться объединить переводческий и текстологический подход, чтобы ответить на вопросы:

1. Какие тексты Г. К. Лихтенберга вошли в антологию «Афоризмы»?
2. Удалось ли переводчику решить лингвистические, культурологические и прагматические проблемы?
3. Содержит ли антология перевод оригинального текста в полном объеме или частично? В последнем случае интересно выявить, что именно и почему было «отсечено».

Переводческие решения

Перед началом анализа хотелось бы сделать одно замечание. К сожалению, имеются только отдельные публикации о проблемах перевода афоризмов с польского языка на немецкий [7; 9; 10] и с английского языка на русский [11; 12], что удивляет в контексте большого количества публикаций об афоризмах в последние десятилетия. Незаработанность переводческого направления в афористике связана, по-видимому, с его многоаспектностью.

Нам неизвестны публикации о переводе афоризмов на материале пары языков *немецкой* и *русской*. Поэтому наша статья, по-видимому, является первой попыткой подобного анализа, который построен по следующему алгоритму. Сначала приводится текст немецкого оригинала с сохранением орфографии и пунктуации Г. К. Лихтенберга, затем перевод на русский из антологии «Афоризмы» [13] и в заключение – обратный дословный (собственный) перевод на немецкий. Такой алгоритм позволяет ответить на три вопроса, которые были сформулированы ранее. Где возможно, расхождения между оригиналом и переводом выделены курсивом.

(1) Schwachheiten schaden uns nicht mehr sobald wir sie kennen.

Наши слабости, когда мы их знаем, не вредят нам. (Unsere Schwachheiten, wenn/sobald wir sie kennen, schaden uns nicht.)

В русском переводе наблюдаем синтаксическую трансформацию всего предложения. В оригинале придаточное предложение стоит после главного, в то время как в переводе придаточное «когда мы их знаем» является вставной конструкцией и отделяется от главного предложения запятыми. (Попутно заметим, что в немецком языке орфография и пунктуация вплоть до 1900 г. не были нормативно закреплены.) В немецком и в русском языках были возможны и другие решения. Так, немецкое предложение могло бы иметь такую же структуру, как и перевод на русский: „Schwachheiten, sobald wir sie kennen, schaden uns nicht mehr“.

Но это привело бы к изменению просодии и эстетики высказывания вследствие увеличения пауз с одной до двух и ослабления эффекта аллитерации *sch-* из-за дистантного, а не последовательного разнесения. Кроме того, синтаксический вариант, избранный Г. К. Лихтенбергом, поддерживает напряжение в предложении до конца. Поэтому переводчику следовало бы сохранить синтаксис оригинала с целью сохранения прагматики оригинала, например: «*Собственные слабости не вредят, когда о них знаешь*», чтобы избежать тавтологического «наши» и «нам».

(2) Was auf Shakespearisch *in der Welt* zu tun war hat Shakespeare größtenteils getan.

Все, что следовало сделать в *литературе* по-шекспировски, в основном сделал уже Шекспир.

(Alles, was in der *Literatur* auf Shakespearisch zu tun war, hat Shakespeare *schon* größtenteils getan.)

Отклонениями в переводе являются „was... – alles, was...“, „getan – schon getan“, „in der Welt – in der Literatur“. Два первых решения переводчика весьма удачны: он вводит в перевод дополнительные слова для более точной передачи модальности высказывания. Семантическое сужение «в литературе» вместо «в мире» объясняется желанием следовать коллокациям русского языка. Безусловно, «в мире» звучит слишком глобально по отношению к литератору. Но, возможно, стоило предпочесть «для человечества / общества» („für die Menschheit / Gesellschaft“). Очевидно, что ключевая переводческая проблема обусловлена авторским неологизмом „(etwas) auf Shakespearisch tun“.

(3) Es lässt sich ohne sonderlich viel Witz so schreiben, dass ein anderer sehr viel haben muss es zu verstehen.

Можно без особо большого остроумия писать так, что другому потребуется *много остроумия*, чтобы понять.

(Man kann ohne sonderlich viel Witz so schreiben, dass ein anderer viel *Witz* brauchen wird, um zu verstehen.)

Переводчик использовал подходящие по смыслу эквиваленты «можно писать» (нем. „man kann schreiben“ синонимично „es lässt sich schreiben“) и «потребуется» (нем. „brauchen wird“ эквивалентно „haben muss“: «должен иметь»), а «очень много» сократил до «много» („sehr viel“ – „viel“). Тем не менее перевод более громоздкий, чем исходный текст, так как лексема «остроумие» (нем. „Witz“) в отличие от оригинала – сложносоставное (более длинное) слово, которое к тому же повторяется. Многословность изменяет просодию и в определенной мере прагматический эффект. Видимо, можно было бы предложить вариант «Даже не очень остроумный текст требует вдумчивого читателя».

(4) Die *feinste* Satire ist unstreitig die, *deren Spott mit* so weniger Bosheit und so vieler Überzeugung verbunden ist, dass er selbst diejenigen zum Lächeln nötigt, die er trifft. So sprach Lord Chesterfield im Oberhause. Dr. Maty sagt von diesem großen Redner: „He reasoned best, when he appeared not witty; and while he gained the affections of his hearers, he turned the laugh on his opposers, and often forced them to join in it.“

Лучшая сатира, бесспорно, та, в которой столь мало злобы и столь много убедительности, что она вызывает улыбку даже у тех, по ком бьет.

(Die *beste* Satire ist unstrittig die, welche so wenig Bosheit und so viel Überzeugung enthält, dass sie selbst diejenigen zum Lächeln bringt, die sie trifft.)

Перед нами пример того, как переводчик превращает в афоризм неафористический текст. При переводе отсекаются второе и третье предложения – комментарий и цитата на английском языке, которая послужила толчком для афористически сформулированного первого предложения.

В переводе первого предложения вместо «самая тонкая» („die feinste“) наблюдаем «самая лучшая» („die beste“) и более компактную синтаксическую структуру, так как опущена лексема „Spott“ («насмешка, ирония») и определительное местоимение «самая». Более точный вариант перевода звучит «самая тонкая... сатира..., ирония которой/чья ироничность...». Тем самым получается более лаконичное предложение со всеми признаками афоризма.

Таким образом, из обычной заметки с первым предложением с афористическим потенциалом переводчик создает афоризм, но при этом игнорирует культурно-исторический фон. К тому же первое предложение является фактически несколько видоизмененной цитатой сентенциального плана. Одним из признаков цитаты считается лексикализация и воспроизводимость, т.е. фиксация в справочниках крылатых слов и выражений и цитируемость в определенных ситуациях.

(5) Die Fliege, die nicht *geklappt* sein will, setzt sich *am sichersten* auf die Klappe *selbst*.

Муха, которая не хочет быть *убитой*, садится *для безопасности* на мухобойку.

(Die Fliege, die nicht getötet werden will, setzt sich der Sicherheit wegen auf die Klappe.)

Перевод достаточно тонко передает структуру и прагматику исходного текста. Замены «прихлопнутой» („geklappt“) на «убитой» и «безопаснее всего» („am sichersten“) на «для безопасности» („der Sicherheit wegen“) вполне оправданы и связаны с разными коллокациями и грамматическим строем двух языков. Однокорневые лексемы «убитый» и «мухобойка» почти зеркально отражают пару немецких слов „klappen“ – „Klappe“ (сокр. от „Fliegenklappe“) («прихлопнуть» – «мухобойка»). Лаконичность перевода достигнута также опущением избыточной для реципиента лексемы „selbst“ («сама»).

(6) Sie setzte, wie glaube ich Crébillon sagt, die Tugend mehr im Bereuen der Fehler als im Vermeiden.

Многие считают добродетелью скорее раскаяние в ошибках, чем старание их избежать.

(Viele halten für die Tugend eher das Bereuen der Fehler als das Bemühen, diese zu vermeiden.)

Заметка Г. К. Лихтенберга приводится в усеченном виде, чтобы придать ей форму афоризма. Для этого используются некоторые приемы, которые свидетельствуют о том, что переводчику хорошо известны ключевые признаки «классического» афоризма. Так, из цитаты исчезает ссылка на автора К.П. де Кребийона (C.P. de Crébillon, 1707–1777). Личное местоимение „sie“ («она») заменяется на местоимение „viele“ («многие») с обобщающим значением, которое типично для афоризма. Анти-теза высказывания, однако, передана точно.

В примечании немецкого издания читаем, что К.П. де Кребийон писал остроумные рассказы эротического содержания. Заметка Г. К. Лихтенберга есть не что иное, как аллюзия на самый известный рассказ „Le sophia“ [1: с. 642]. Поскольку для русскоязычного реципиента этот культурно-исторический контекст является чуждым, то он, скорее всего, не поймет намек на эротику или мораль. Следовательно, прагматически данное опущение оправдано и логично.

(7) Der Witz ist der Finder und der Verstand der Beobachter.

Острый ум – изобретатель, а рассудок – наблюдатель. (Der Witz/Scharfsinn ist der Erfinder und der Verstand der Beobachter.)

Точность перевода обусловлена в этом примере аналогичными синтаксисом (двучленностью) и просодией, в том числе рифмой („Finder – Beobachter“, „изобретатель – наблюдатель“) и эквивалентными суффиксами деятеля (производителя действия) „-er“ и «-тель-». Кстати, в немецком оригинале рифма поддерживается аллитерацией, которой нет в переводе. Переводчику удалось, однако, компенсировать это подбором более точной рифмы, чем в оригинале.

Заметим также, что в семантическом плане рифмующиеся понятия противопоставлены друг другу: антитеза является в афористике одним из излюбленных стилистических средств. В связи с отсутствием (ненужностью / нормативной элиминацией) в русском глагола-связки «быть» в настоящем времени („ist“ = «есть») перевод звучит даже более ритмично и лаконично, чем оригинал. Заметим также, что такой тип афоризма в современной афористике называют квазидефиницией [14: с. 68–69].

(8) Die buntesten Vögel singen am schlechtesten, gilt auch von Menschen, und wo Prachtstil ist wie bei Zimmermann, da muss man nie tiefe Gedanken suchen

Красивые птицы поют хуже других. То же относится и к людям. В вычурном стиле не следует искать глубокую мысль.

(Die schönen Vögel singen schlechter als die anderen. Das gilt auch für Menschen. Im Prachtstil sollte man nicht tiefe Gedanken suchen.)

После синтаксической трансформации из одного предложения оригинала в переводе получилось целых три, просодия которых, пожалуй, даже больше соответствует афоризму. Превосходная степень имен прилагательных передана положительной („die buntesten“ – „die schönen“) и сравнительной („am schlechtesten“ – „schlechter als die anderen“), что снижает изначальную полемическую направленность.

Кроме того, переводчик сознательно опускает упоминание имени Циммерман, чтобы придать высказыванию обобщенность и афористическую направленность. Сарказм и полемика были принципиальными для Г. К. Лихтенберга, который не переносил Й.Г. Циммермана (1728–1795) из-за его тщеславия, грубости и помпезности литературного стиля [1: с. 635]. Как и в примере (6), опущение в переводе узконаправленной лингвокультурной специфики представляется прагматически оправданным.

(9) Ich glaube, es ist ein großer Unterschied zwischen Vernunft lehren und vernünftig sein. Es kann Leute geben, die nichts weniger als eigentlich gesunden Verstand besitzen, und doch vortrefflich über die Regeln nachdenken, die er befolgen muss; so wie ein Physiologe den Bau des Körpers kennen, und selbst sehr ungesund sein kann. Die großen Analytisten des menschlichen Kopfs waren nicht immer die Praktisch-Vernünftigen. Ich rede hier nicht von Moral, sondern von Logik.

Учить уму и быть разумным – совсем разные вещи.

(Vernunft lehren und vernünftig sein sind ganz verschiedene Sachen.)

Для придания тексту заметки-рассуждения афористичности переводчик его сократил до одного предложения и трансформировал. Рема „Vernunft lehren“ («учить уму»), которая, кстати, в немецком издании выделена курсивом, при этом вынесена в начальную позицию. Антитеза сохранена в переводе, хотя вместо «ум» следовало бы предпочесть «разум». Ведь русский фразеологизм звучит «учить уму-разуму».

В полностью опущенном комментарии, который недоступен русскоязычному адресату, Г. К. Лихтенберг использует распространенный в афористике прием аналогии. Стратегия переводчика в данном случае вызывает вопросы.

(10) Die gefährlichsten *Unwahrheiten* sind Wahrheiten mäßig entstellt.

Самая опасная *ложь* – это слегка извращенная правда.

(Die gefährlichste *Lüge* ist eine mäßig entstellte Wahrheit.)

Оригинал и перевод являются квазидефинициями, построенными на антитезе. При этом в немецком языке при помощи приставки „un-“ с отрицательным значением противопоставлены однокоренные слова „Unwahrheiten“ («неправда») и „Wahrheiten“ («правда») во множественном числе. В русском переводе они удачно переданы при помощи антонимов «ложь» и «неправда» в единственном числе, причем «ложь» однозначно имеет выраженную пейоративную окраску в отличие от немецкого „Unwahrheiten“ («неправда»). Хотя перевод звучит более категорично, подобное решение представляется оправданным, так как в целом соответствует интенции Г. К. Лихтенберга и связано с различиями в языковых системах. Вариант с «неправда»–«правда» был бы эстетически неприемлем. К тому же перевод без глагола-связки лаконичнее и звучит более остро и пуантировано.

(11) Ein Buch ist ein Spiegel, wenn ein Affe hineinguckt, so kann freilich kein Apostel heraus sehen. Wir haben keine Worte mit dem Dummen von Weisheit zu sprechen. Der ist schon weise der den Weisen versteht.

(12) Ein Buch ist ein Spiegel, wenn ein Affe hineinsieht, so kann kein Apostel herausgucken.

Если в зеркало смотрит обезьяна, из него не выглянет апостол.

(Wenn ein Affe in den Spiegel hineinsieht, so wird daraus kein Apostel heraus sehen.)

Последовательность текстов (11) и (12) в записках подтверждает тот факт, что Г. К. Лихтенберг иногда перерабатывал и правил их. Так, в примере (11) первое предложение фактически является афоризмом, но из-за последующего комментария или включения в контекст не может считаться таковым, в отличие от примера (12), который, по-видимому, и послужил основой для перевода. Поэтому сделан обратный перевод только этого текста. Интересно, что по сравнению с примером (11) из текста (12) исчезло модальное слово „freilich“ («конечно»; «однако») и изменилась последова-

тельность глаголов „(hinein)gucken“ (разг.) «смотреть» „(heraus)sehen“ (лит.). Второй вариант вследствие аллитерации более благозвучен: „kann“ – „kein“ – „herausgucken“ – и лаконичен. В русском переводе лексическая вариативность достигается при помощи синонимичных глаголов «смотрит» (лит.) и «выглянет» (общеупотр. разг.), которые относятся к разным подстилям. Альтернативный глагол «высунуться» с пейоративной коннотацией для передачи разговорной прагматики немецкого „(hinein)gucken“ звучал бы просторечно и, пожалуй, справедливо отвергнут.

Лаконичность перевода, однако, достигнута вследствие опущения сравнения «книга как зеркало / книга подобна зеркалу» („Ein Buch ist ein Spiegel“). Поэтому ассоциативная связь между книгой и зеркалом недоступна для русскоязычного адресата. В принципе возможен и другой перевод: «Книга подобна зеркалу: если в него смотрит обезьяна, оттуда не выглянет апостол».

(13) Die geschnitzten Heiligen haben in der Welt mehr ausgerichtet, als die lebendigen.

Резные изображения святых сотворили в мире больше, чем они сами.

(Die geschnitzten Heiligen haben in der Welt mehr ausgerichtet, als sie selbst.)

Перевод при всей краткости очень точно раскрывает прагматику оригинала. Максимальная лаконичность достигнута вследствие замены прилагательного „die lebendigen“ («живые») на сочетание личного и указательного местоимения „sie selbst“ («они сами»). Грамматика немецкого языка позволяет в некоторых конструкциях опускать второе подлежащее („Heilige“) при однородных членах („die geschnitzten“ и „die lebendigen“). Чтобы избежать громоздкой структуры вследствие простого повтора «резные изображения святых» и «живые святые», переводчик оправданно предлагает лаконичное решение «они сами».

(14) Gott schuf den Menschen nach seinem Bilde, das heißt vermutlich der Mensch schuf Gott nach dem seinigen.

Бог создал *людей* по своему подобию, это означает, по-видимому, что человек создал бога по своему подобию.

(Gott schuf *die* Menschen nach seinem Bilde, das heißt vermutlich, dass der Mensch Gott nach seinem Bilde schuf.)

В оригинале дважды использовано существительное „der Mensch“ («человек») с определенным артиклем в единственном числе с обобщающим значением «люди». В принципе эту грамматиче-

скую форму можно было бы ожидать и в переводе, но переводчик, видимо, в целях варьирования решил употребить по одному разу множественное и единственное число. В противном случае помимо повтора словосочетания «по своему подобию», который обусловлен языковой системой, в переводном тексте повторилось бы и слово «человек».

Тем самым переводчик избегает некоторой монотонности, но отчасти нарушает стройную хиастическую конструкцию оригинала. Точный перевод модального слова „vermutlich“ посредством «повидимому» позволяет сохранить некатегоричность исходного текста. Последнее особенно важно, так как Г. К. Лихтенберг обычно избегал резких оценок и часто использовал в своих записках модальное слово „vielleicht“.

Выводы

Отвечая на вопросы, сформулированные в начале исследования, можно сделать следующие выводы.

Только две трети текстов Г. К. Лихтенберга, опубликованных в антологии «Афоризмы», изначально можно считать афоризмами. Хотя, согласно статистике, в полном немецком издании сочинений в пяти томах только порядка трехсот из 5500 текстов являются афоризмами.

Название русской антологии предполагает, что в ней собраны исключительно афоризмы. Если заметки Г. К. Лихтенберга не соответствуют прототипическому афоризму, в частности критерию изолированности (отсутствия контекста), переводчик выступает «соавтором». Эти наблюдения показывают, что из неафористического текста с сентенциальными элементами переводчик элиминирует «лишнее». Другими словами, в сознании переводчика существует некое обобщенное представление о типичных чертах афоризма.

Основными специфическими приемами при этом с учетом жанровых характеристик являются сокращение текста, элиминация лексико-грамматических форм, отказ от ссылок на культурно-исторический контекст, использование цитат без упоминания автора и их трансформация в высказывания обобщающего характера. Сокращения призваны минимизировать авторский текст обычно до одного предложения, хотя формально такой нижней границы для афоризма не существует. Но именно предложение, а не слово или словосочетание (а таких примеров в «Заметках» тоже достаточно) характеризуется предикацией – выражением относительно законченной мысли. Верхней границы также формально не существует, но некоторые исследователи полагают, что афоризм обычно состоит из одного-трех предложений.

На материале примеров (11) и (12) реципиент имеет уникальную возможность наблюдать за собственноручной правкой Г. К. Лихтенберга, который редактирует первый весьма многословный вариант (пример 11) таким образом, чтобы сформулировать его точнее (пример 12). Очевидно, именно второй афористический вариант и был выбран для перевода.

При переводе собственно афоризмов, т.е. малоформатных текстов сентенциального содержания, признаки которых коррелируют с концепцией Х. Фрике, переводчику удалось достаточно успешно решить все проблемы. В некоторых случаях переводческие решения оказались даже более компактными, чем в исходном тексте. Для оценки перевода с немецкого языка на русский в статье был использован метод обратного перевода на немецкий язык, который, как представляется, позволяет дать более объективную оценку качества перевода в антологии «Афоризмы».

Список источников

1. Lichtenberg G.C. *Sudelbücher*. / Hrsg. von F. Mautner. Frankfurt/M. : Insel Verlag, 1999. 683 S.
2. Spicker F. Vom „Sudelbuch“ zum „Aphorismus“. Lichtenberg und die Geschichte des Gattungsbegriffes // *Lichtenberg-Jahrbuch*. Saarbrücken 1997. S. 96–115.
3. Wildbolz R. Über Lichtenbergs Kurzformen // *Geschichte-Deutung-Kritik*. Bern, 1969. S. 109–133.
4. Fricke H. *Aphorismus*. Stuttgart : Metzler, 1984. 184 S.
5. Stölzel T. *Rohe und polierte Gedanken. Studien zur Wirkungsweise aphoristischer Texte*. Freiburg im Breisgau : Rombach Wissenschaften, 1998. 304 S.
6. Stern J.P. Lichtenbergs Sprachspiele // *Aufklärung über Lichtenberg*. Göttingen, 1974. S. 60–74.
7. Krupka P. *Der polnische Aphorismus*. Die „Unfrisierten Gedanken“ von S. J. Lec und ihr Platz in der polnischen Aphoristik. München : Otto Sager, 1976. 200 S.
8. Bürgel P. *Literarische Kleinprosa*. Tübinge : Hirt, 1983. 350 S.
9. Bak P., Kania W. und Lipinski K. Oder: wie der polnische Aphorismus übersetzt wird. URL: <https://researchgate.net/publication/296195939> (accessed: 09.12.2022).
10. Barańczak S., Karl Dedecius als Übersetzer der Aphorismen von Stanisław Jerzy Lec // *Suche die Meinung*. Karl Dedecius, dem Übersetzer und Mittler, zum 65. Geburtstag. Hrsg. von E. Grözinger und A. Lawaty. Wiesbaden. 1986. S. 27–36.

11. Стихина М.А. Особенности применения переводческих трансформаций при переводе афоризмов (на материале произведений М.М. Жванецкого и С. Фрая) // *Актуальные вопросы филологической науки XXI века* : сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 1. Екатеринбург : УрФУ, 2013. С. 324–329.

12. Артемова А.Ф., Леонович Е.О. Особенности перевода афоризмов. URL: https://pgu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=2969&ELEMENT_ID=12526 (дата обращения: 20.01.2023).

13. *Афоризмы по иностранным источникам* / под ред. А. Мельниковой. Москва : Прогресс, 1972. 480 с.

14. Щербина С.Ю. *Размышления об афоризме: на материале немецкой афористики*. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2013. 96 s.

References

1. Lichtenberg G.C. *Sudelbücher* / Hrsg. von F. Mautner. Frankfurt/M. : Insel Verlag, 1999. 683 S.
2. Spicker F. Vom „Sudelbuch“ zum „Aphorismus“. Lichtenberg und die Geschichte des Gattungsbegriffes // *Lichtenberg-Jahrbuch*. Saarbrücken, 1997. S. 96–115.

3. Wildbolz R. Über Lichtenbergs Kurzformen // *Geschichte-Deutung-Kritik*. Bern, 1969. S. 109–133.

4. Fricke H. *Aphorismus*. Stuttgart : Metzler, 1984. 184 S.

5. Stölzel T. *Rohe und polierte Gedanken. Studien zur Wirkungsweise aphoristischer Texte*. Freiburg im Breisgau : Rombach Wissenschaften, 1998. 304 S.

6. Stern J. P. Lichtenbergs Sprachspiele // *Aufklärung über Lichtenberg*. Göttingen, 1974. S. 60–74.

7. Krupka P. *Der polnische Aphorismus*. Die „Unfrisierten Gedanken“ von S.J. Lec und ihr Platz in der polnischen Aphoristik. München : Otto Sager, 1976. 200 S.

8. Bürgel P. *Literarische Kleinprosa*. Tübinge : Hirt, 1983. 350 S.

9. Bak P., Kania W. und Lipinski K. Oder: wie der polnische Aphorismus übersetzt wird. URL: <https://researchgate.net/publication/296195939> (accessed: 09.12.2022).

10. Barańczak S., Karl Dedecius als Übersetzer der Aphorismen von Stanisław Jerzy Lec // *Suche die Meinung*. Karl Dedecius, dem Übersetzer und Mittler, zum 65. Geburtstag. Hrsg. von E. Grözinger und A. Lawaty. Wiesbaden, 1986. S. 27–36.

11. Stixina M.A. Osobennosti primeneniya perevodcheskix transformacij pri perevode aforizmov (na materiale proizvedenij M.M. Zhvaneczskogo i S. Fraya) [Specificity of using transformations in translating aphorisms (based on the works by M. Zhvanetsky and S. Frei)] // *Aktual'ny'e voprosy` filologicheskoy nauki XXI veka*: sbornik statej po materialam III Vserossijskoj nauchnoj konferencii molody`x ucheny`x s mezhdunarodny`m uchastiem (8 fevralya 2013y g.). [Current issues of philological studies in the 21st century: Proceedings of the 3rd All-Russian conference of young researchers, with international participation. 8 Febr. 2013]. Part 1. Ekaterinburg : UrFU, 2013. P. 324–329. (in Russ.).

12. Artemova A.F., Leonovich E.O. Osobennosti perevoda aforizmov [Specifics of translating aphorisms]. URL: https://pgu.ru/editions/un_reading/detail.php?SECTION_ID=2969&ELEMENT_ID=12526 (accessed: 20.01.2023). (In Russ.).

13. Aforizmy` po inostranny`m istochnikam [Aphorisms in international sources] / Ed. by A. Mel'nikova. Moscow : Progress, 1972. 480 p. (in Russ.).

14. Shcherbina S.Yu. Razmy`shleniya ob aforizme: na materiale nemeczkoy aforistiki [Thoughts on aphorism: based on German aphorism studies]. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2013. 96 p. (in Russ.).

Информация об авторах

Л.Ю. Кульпина – кандидат филологических наук, доцент, завкафедрой романо-германской филологии и межкультурной коммуникации;

С.Ю. Щербина – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации.

Information about the authors

L.Yu. Kulpina is Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Romanic and Germanic Philology and Intercultural Communication;

S.Yu. Scherbina is Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Romanic and Germanic Philology and Intercultural Communication.

Статья поступила в редакцию 13.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 13.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА TRANSLATING FICTION

Научная статья
УДК 808.1
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-80-86

ПЕРЕВОД КУЛЬТУРЫ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ НЕРУССКОГО АВТОРА

Улданай Максutowна Бахтикиреева^{1✉}, Надежда Андреевна Токарева²

^{1, 2}Институт русского языка Российского университета дружбы народов, Москва, Россия

¹uldanai@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-5088-7568>

²tokareva_nadia@mail.ru ; ORCID ID : 0000-0002-2437-5670

Аннотация. В статье подвергается осмыслению особый перевод этнической культуры, осуществляемый нерусским билингвальным писателем в русскоязычном художественном тексте. Авторы выдвигают гипотезу об особом виде перевода культуры, который не рассматривается в рамках академического переводоведения. Этот вид перевода осуществляется нерусским автором-билингвом, создающим художественные тексты на русском языке о культуре народа, которому он принадлежит по праву рождения. Подведены теоретические обоснования, которые, с точки зрения авторов статьи, могут служить в качестве доказательной базы выдвинутой гипотезы. Наиболее релевантными теоретическими основаниями служат труды Ю.М. Лотмана, Г.Д. Гачева, Г.П. Мельникова.

Ключевые слова: перевод культуры, русскоязычный текст, автор-билингв, «качества-стимуляторы»

Original article

TRANSLATION OF CULTURE IN THE RUSSIAN-LANGUAGE WORKS OF FICTION BY A NON-RUSSIAN AUTHOR

Uldanai M. Bakhtikireeva^{1✉}, Nadezhda A. Tokareva²

^{1, 2}Institute of the Russian Language of RUDN University of Russia, Moscow, Russia

¹uldanai@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-5088-7568>

²tokareva_nadia@mail.ru ; ORCID ID : 0000-0002-2437-5670

Abstract. The article examines a special translation of ethnic culture carried out by a non-Russian bilingual writer in a Russian-language fiction text. The authors hypothesize about a special kind of cultural translation that is not considered within the framework of academic translation studies. This type of translation is carried out by a non-Russian bilingual author who creates artistic texts in Russian about the culture of the people to whom s/he belongs by right of birth. Theoretical substantiations are summarized, which, from the point of view of the authors of the article, can serve as an evidence base for the hypothesis put forward. The most relevant theoretical foundations are the works of Y. M. Lotman, G. D. Gachev, G. P. Melnikov.

Keywords: translation of culture, Russian-language text, bilingual author, "quality-stimulators"

Вводная часть

Перевод культуры и культура перевода – это актуальное название тематического номера журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» как нельзя лучше отвечает проблемному полю переводоведения (транслатологии) и позволяет продолжить исследовательский маршрут с целью поиска ответов на два, пожалуй, «вечных» вопроса транслатологии: предстала ли иная / «чужая» культура со своим уникальным своеобразием в переводном тексте и какова культура переводчика, каковы его переводческие тактики?

Богатая научно-исследовательская и методическая литература по теоретическим и практическим проблемам переводоведения свидетельствует о том, что термин *перевод*, как и термин *культура*, имеет множество значений, хотя и уступает последнему в количественном отношении. Например, в первом и пока единственном «Словаре терминов межкультурной коммуникации» 16 страниц посвящено термину «перевод» и его разновидностям (95 словосочетаний) [1: с. 294–309]. Здесь *перевод* определяется как специфическая форма коммуникации, как процесс и результат преобра-

зования текста, как вид языкового посредничества и вторичный акт межъязыковой коммуникации, как вид речевой деятельности и преобразование знаковой системы и др. [1].

Другое авторитетное теоретическое издание – «Толковый переводоведческий словарь» Л.Л. Нелюбина предлагает 33 определения, представляющих перевод как вид речевой деятельности и процесс передачи какого-либо текста или устной речи, как текст или устную речь и результат деятельности переводчика, как передачу мыслей, высказываний и передачу информации, как процесс переработки информации и языковую операцию, как сопоставление двух или нескольких языков и др. [2: с. 138–140].

Отдельное внимание уделено этим ученым толкованию термина *авторский перевод*. По Л.Л. Нелюбину, в случае создания оригинала самим автором – абсолютным амбилингвом перевод на другой язык является идеальным, оптимальным, надежным, совершенным способом и высшей формой воссоздания исходного текста [2: с. 12].

В контексте определений перевода в двух упомянутых изданиях, в частности – толкования термина *авторского перевода* и заданной темы номера журнала, у нас возник вопрос: «Можно ли не переводной, а изначально русскоязычный художественный текст нерусского автора, воссоздающий картину мира, систему образов нерусской этнической культуры, расценивать как перевод – в академическом понимании, и перевод культуры – в частности»? Ответ на этот вопрос у нас однозначный: это перевод в русской «языковой оболочке». Конечно, речь не идет о всех произведениях нерусских авторов, творящих на русском языке, а только о тех, в которых билингвальный автор воссоздает художественную картину мира «своего», а не русского народа.

Цель настоящей статьи состоит в осуществлении попытки доказать существование особого вида перевода – *‘перевода этнической культуры’*, под которым понимается создание художественного текста об этнической культуре на *‘приобретенном’* (в нашем случае – русском) языке нерусского автора.

Итак, по нашему мнению, отсутствие в академических изданиях (словари, справочники, глоссарии) определения особого вида перевода иной культуры, осуществляемого нерусским автором на русском языке, не означает его реального отсутствия. Примеров тому предостаточно¹. К таковым можно

¹ Мы приводим в качестве примеров только те произведения, которые знакомы нам – авторам настоящей статьи.

отнести практически все художественные произведения Ч.Т. Айтматова (1928–2008), за исключением, пожалуй, романа «Тавро Кассандры». Наиболее известными произведениями Ф.И. Искандера (1929–2016), которые, с нашей точки зрения, воссоздают систему образов абхазской культуры на русском языке, являются «Созвездие Козлотура», «Сандро из Чегема» и одно из последних произведений – повесть «Пшада». К такого рода литературе можно отнести русскоязычные рассказы двуязычного чеченского писателя С.С. Яшуркаева (1942–2018) «Напса», «Зина», «Пасха», повесть современного якутского писателя Александра Егорова «Память крови», большое число русскоязычных художественных произведений тувинца Эдуарда Мижита, казаха Бахыта Каирбекова, этнической балкарки Раисы Кучмезовой и ряда других разнорациональных билингвальных творческих личностей.

Собственное прочтение произведений русскоязычных авторов нерусского происхождения, в которых воссозданы художественные образы, не входящие в систему русской культуры, подводит нас к выводу об уникальном способе перевода иной культуры в русской «языковой оболочке». Этот вывод обусловлен еще одной, едва ли не более значимой причиной, а именно – эвристической позицией выдающегося русского интеллектуала – блестящего русского ученого, автора «Системной типологии языков» Геннадия Прокопьевича Мельникова [3].² Говоря об известном романе Ч.Т. Айтматова «Буранный полустанок»³ («И дольше века длится день»), ученый отмечал: «*Сам факт, что писатель, не будучи русским, поднимает тебя выше, чем некоторые кровные русские – это уже само по себе замечательно! <...> особенность Айтматова заключается в том, что он находит из еще не найденных русских средств такие, которые приспособлены <...> для выражения образов тюркской культуры. <...> и мы приобщаемся к образности и переживаниям, мироощущению, который есть у тюрков*» (курсив наш. – У.Б., Н.Т.) [6: с. 11–14].

Как представляется, в этом фрагменте выступления ученого априори поставлена проблема особого вида «перевода культуры», которую целесообразно рассматривать в контексте семиотики

² Подробнее о выдающемся вкладе Г.П. Мельникова в науку о языке изложено в ряде работ У.М. Бахтикиреевой [4; 5].

³ Ч.Т. Айтматов свой путь в литературе начал с рассказов «Ашим», «Газетчик Дзюю» (1952) на русском языке, затем создавал свои произведения на киргизском языке – «Первый учитель» (1962), который перевел на русский. Первый свой роман «Буранный полустанок» создал на русском, а затем уже был авторизованный перевод на киргизский язык.

Ю.М. Лотмана о двойственной роли «интериоризированного образа, от которого требуется, чтобы он был переводим на внутренний язык культуры (т.е. не был 'чужим') и был 'чужим' (т.е. не был бы переводим на внутренний язык культуры). Эту роль ученый отчетливо показал, обосновав проблему «контроверзы Россия–Запад» [7: с. 604]. Русские интеллектуалы интериоризировали образ Запада на «внутреннем» языке – русском, таким образом, делая его «не чужим», но образ оставался не своим – «чужим», не прозрачным.

Следует особо отметить, что в «Семиосфере» Ю.М. Лотман определял амбивалентные полилингвальные границы наиболее чувствительными точками семиотизации и *специфическими переводящими механизмами*, которые подвергают трансформации «чужие» тексты с целью сделать их понятными – «не чужими» в нормативном языке культуры, и в определенной мере оставляя их «чужими». Без подобной трансформации диалог между культурами стал бы бессмысленным, а при абсолютном различии культурный диалог был бы невозможным [7: с. 262].

Логика ученого во многом отвечает культурно-языковой ситуации, сложившейся с особой русскоязычной литературой, созданной нерусскими авторами. В процессе культурно-языкового перевода, происходящего в билингвальном сознании – в творческой речемыслительной деятельности писателя-билингва, интериоризируется образ Востока на «внутреннем», «не чужом» для русского человека языке – русском, но и образ становился своим – «не чужим», прозрачным. Такое возможно только в случае владения двумя языковыми системами. Вероятно, тут мы можем столкнуться с возражением, отсылающим нас к историческому единству – советской общности, объединенной на основе русского языка. Однако мы полагаем, что и в этом случае принцип устройства речемыслительной лаборатории билингвальной творческой личности не изоморфно монологический. Перевод «непереводимого – непрозрачного» билингвальным автором осуществляется благодаря двуязычию, своеобразному «двуголосому слову», которое превосходит переводческое преобразование, осуществляемое профессиональным переводчиком, и описание «чужого» национальным (например, русским) писателем.

В творческой лаборатории билингвальных авторов по созданию произведений, посвященных их этнической культуре – «чужой» по отношению к национальному (русскому) писателю, происходит иной культурно-языковой перевод. Этот «Свой» и одновременно «Другой» становится объектом для

двух субъектов. Национальный же (например, русский) писатель, создавая образ «Другого» – не носителя его культуры, осмысляет его как объект с позиции одного субъекта (S_1). Первый случай – творческую лабораторию билингвального автора условно можно представить схемой: $S_1 + S_2 \rightarrow O$, а во втором – «монологическом» случае: $S_1 \rightarrow O$.

Как мы полагаем, создание «Другого», в нашем случае русским национальным писателем, $S_1 \rightarrow O$ можно соотнести с системой, которую Ю.М. Лотман представил схемой (рис. 1) в статье «Феномен культуры» [8: с. 35].

Рис. 1. Схема создания «текста-фотографии»

Такая система, как отмечал при анализе вышеупомянутой «контроверзы Россия–Запад» Ю.М. Лотман, не способна произвести нового сообщения. Нуждаясь для своего развития в «Другом», культура сама создает «другого», носителя «чужого» сознания, кодирующего мир иначе. Этим объясняется появление «этнографических описаний европейцами 'экзотических' культур (куда в определенные моменты истории попадает и русская) или описание Тацитом быта германцев» [7: с. 610]. Осмысление «фотографом» бытия «Другого» не эквивалентно осмыслению этого бытия самим «Другим». В качестве примера, как мы полагаем, можно обратиться к повести «Черный араб» М.М. Пришвина, созданной им после поездки в «неизвестную» страну, которую он осуществил по заданию журнала «Русское богатство». По мнению критиков, повесть была создана в духе подражания Корану. Книга Бытия заслонила реальное бытие [9: с. 195]. Поездка в Киргизию – «дикую в те годы страну» – напоминало ему «первую библейскую Книгу Бытия с ее кочевниками-пастухами. Пришвин сливался тогда с душой пустынной земли; отдыхал у костров и в юртах; проникался поэзией пустыни и поэзией неба над ней. О нем самом родилась тогда в степи легенда, как о таинственном Черном арабе, едущим в Мекку» [10: с. 227].

Как полагаем, подобные случаи описания «Другого» можно представить следующим образом (рис. 2).

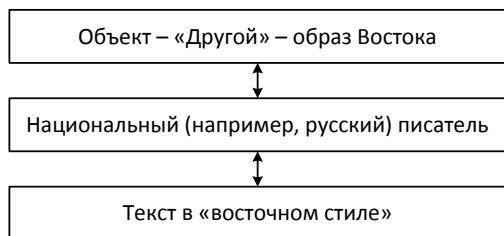

Рис. 2. Схема создания текста в «восточном стиле»

Можно привести ряд других примеров о «Другом» в творчестве русских авторов (например, «Акмаллат-Бек», «Мулла-Нур» А. Бестужева-Марлинского и др.), которые воспроизводили «текст-фотографию», но не «текст-реальное бытие». В них отсутствуют те самые «качества-стимуляторы», о которых писал Ю.М. Лотман. Образ «чужой» культуры, кодирующийся средствами своего языка, неотвратно ведет к утере качеств текста, которые стимулируют его восприятие [7: с. 610–611]; на выходе получается «текст-фотография» иначе кодирующего мир «Другого». Происходил «выброс» текстов в «восточном стиле», но не реальное бытие восточного мира. «Выбросы» текстов о любой другой – иной культуре – необходимое звено в развитии русской культуры⁴, формировании видения, представления об ином, «Другом»; собственно, как и в любой другой культуре процесс порождения текстов о «Другом» – неотъемлемая часть её развития.

«Культурное переживание Россией» граничащих с ней восточных миров обусловило появление «восточного дискурса» в русской литературе⁵. Как отмечал Г.Д. Гачев, немало произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и других русских интеллектуалов наполнены восточными мотивами [11: с. 76]. «Даже Толстой Лев, и тот, до обтесывания на Запад (в «Войне и мире»), ограничился об Восток: Кавказ и Крым («Севастопольские рассказы», «Набег», «Рубка леса», «Казачи» и т.п.), и под конец душа туда же потянулась: «Хаджи Мурат»» [11: с. 77]. Понимание особенностей русскоязычных текстов, созданных нерусскими авторами, о бытии своих народов подводит Г.Д. Гачева⁶ к выводу: «Но оста-

⁴ «Вообще в контакте с Востоком тюркско-кочевым, а затем и исламским, совершалось самоопределение русского духа: Логоса и Психеи» [11: с. 75].

⁵ «Вообще русское касание и восприятие Востока много прояснить может в русском и восточном космосах. Слово «восточный» можно здесь употреблять вполне однозначно, ибо русские не знали Востока, как Индии и Китая, но лишь как арабо-персидский, тюрко-кавказский, среднеазиатский (Пушкин, Лермонтов, Толстой <...>, Есенин ...)» [11: с. 74].

⁶ Г.Д. Гачев значительную часть своих философско-культурологического-литературоведческих исследований посвятил ана-

вим эти слишком родные и заманчивые сюжеты, но вернемся постигать Восток, а не русский миф о нем» (выделено нами. – У.Б., Н.Т.) [11: с. 77].

Как полагаем, косвенным доказательством наличия «русского мифа» о Востоке может служить повесть «Хаджи Мурат» Л.Н. Толстого – значительного элемента в структуре русской культуры и «личного увлечения» великого писателя. Изумляясь критическим отношением Л.Н. Толстого к себе, А.М. Горький удивлялся: «Можно ли написать “Хаджи Мурата” лучше? Нам кажется нельзя, а Толстому казалось можно» [12: с. 13]. По всей вероятности, автор повести осознавал, что реальное бытие «Другого» не постигнуто, как понимал это и другой русский классик. Ф.М. Достоевский в одном из своих писем (от 14 дек. 1856 г.) писал своему молодому казахскому другу и одновременно российскому офицеру Ч.Ч. Валиханову: «Всего лучше б, если вам удалось написать нечто вроде своих записок о степном быте, вашем возрасте там и т.д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а вы, конечно, знали бы что писать. <...> Не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал России, что такое Степь, ее значение и ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине, просвященным ходатайством за нее у русских. <...> Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданиями о судьбе вашей, мой дорогой Валихан. Я так вас люблю, что мечтал о вас и о судьбе вашей по целым дням» (выделено нами. – У.Б., Н.Т.) [13: с. 278–280].

Считаем, что и восторженный отзыв А.С. Пушкина о русскоязычной повести «Долина Ажитугай» этнического ногайца и одновременно российского офицера, дослужившегося до звания генерал-майора⁷, Султана Казы-Гирея можно привести в качестве хотя, возможно, и косвенного, но вполне доказательного примера, поддерживающего нашу точку зрения: «Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становит-

лізу творчества Ч.Т. Айтматова, а также и других писателей тюркского происхождения: Олжаса Сулейменова, Ролана Сейсенбаева и др.

⁷ Султан Казы-Гирей (в православии – Андрей Андреевич Быхты-Гиреевич) (1807/1809 – 11 апреля 1863) – ногайский султан, представитель одной из младших ветвей крымской ханской династии Гиреев (чингизид), генерал-майор российской армии (1859). Известен как писатель и просветитель. Был знаком с А.С. Пушкиным, который и опубликовал его повести «Долина Ажитугай» (1836) и «Персидский анекдот» (1836) в первом номере «Современника». URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Султан_Казы-Гирей,_Андрей_Андреевич (дата обращения: 29 янв. 2023).

ся в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русский офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце ...» (курсив наш. – У.Б., Н.Т.) [14: с. 25].

Приведенные нами доказательства, как мы полагаем, коррелируют с позицией Г.Д. Гачева: «Двуязычие – это диалог мировоззрений, систем мира. При нем получается стереоскопичность зрения, объемность мышления. С другой стороны – на этом уровне появляется плодотворная самокритика мысли и слова. Ибо ‘двуязычник’, живя между двух моделей мира, явственно ощущает недостаточность, относительность каждой из них, чего не видит самоуверенный ‘одноязычник’, на каком бы великом языке он не мыслил» [15: с. 37].

Как представляется, мы привели достаточно аргументов, отвечающих на вопрос: предстала ли иная/«чужая» культура со своим уникальным своеобразием в русскоязычном тексте, а также имеем право настаивать на наличии особого способа перевода культуры, происходящего в русскоязычном творчестве нерусского автора, посвященного воссозданию образов его этнической культуры.

Второй важный вопрос: какова культура переводчика – русскоязычного писателя, каковы его переводческие тактики – требует отдельной статьи. Тем не менее поиски ответа на вопрос Г.П. Мельникова (об особом русском почерке Ч. Айтматова и нахождении им «из еще не найденных русских средств таких, которые приспособлены для выражения статических черт, важных для выражения образов тюркской культуры») отчасти были представлены в ряде работ одного из авторов настоящей статьи [4; 5; 16]. Дальнейшие исследования важны для доказательства или опровержения нашей гипотезы, поэтому поиск «качеств-стимуляторов» текста (термин Ю.М. Лотмана) нами продолжается. Здесь же мы можем определенно говорить о том, что даже такие «качества-стимуляторы», как заимствованная лексика, например – тюркизмы в русскоязычных текстах нерусских авторов, выполняют не только номинативную функцию, как в текстах в «восточном стиле», но и эстетические функции, включая, прежде всего – коммуникативную. Некоторые из них связаны с механизмом создания текста как единого целого, т.е. выполняют как сюжетобразующую, так и текстообра-

зующую функцию. Другие выполняют оценочно-характеристическую функцию и входят в систему произведения как знаки авторской модальности, прием интерпретации и эстетической оценки героя, сюжетной ситуации. Характеризующая функция тюркизмов очевидна при раскрытии доминантных качеств личности того или иного персонажа. Субъективно-познавательная функция тюркизмов выявляется в случаях отражения точки зрения героя в отношении конкретных сюжетных ситуаций или выявления его субъективной эмоционально-экспрессивной оценки других действующих лиц. Также были выявлены и тюркизмы, выполняющие функцию конкретизации, которые используются автором для описания психического и эмоционального состояния того или иного персонажа [16].

Иными словами, понятийное поле тюркизмов в русскоязычном тексте авторов тюркского происхождения часто расширяется в силу тех передаваемых семантических характеристик и тех значений, которые тесно переплетены с формами национальной культуры и практически не могут быть известными этнически другим писателям. Заимствованные из этнического языка билингвального писателя безэквивалентные лексические единицы вносятся им отнюдь не для «экзотического описания». Они обрастают дополнительной информацией и проникают во внеязыковое сознание читателя. Ярким тому примером может служить слово *манкурт*, занявшее особое место в сознании образованных людей второй половины XX в. У внимательного читателя «Буранного полустанка», как нам представляется, во внеязыковом сознании сформировались знания об особом виде предмета и явления в культуре «другого» народа. Особые приемы «позиционирования» предметов и явлений – отличный знак в русском почерке нерусского автора. Например, включение словосочетания *ийрек толкун(ы)*, обозначающего природное явление – на нескольких страницах романа, как нам видится, используется Ч. Айтматовым не ради «экзотического» описания: «Такие волны аральские рыбаки называют *ийрек толкун* кривобокие волны». В следующем случае, добавляя к сущ. *толкун* окончание мн. числа русских сущ. 2 скл. Писатель продолжает: «*Ийрек толкуны* – ранние предвестники грядущего шторма. Но сами по себе они не опасны, и можно было не страшась плыть подальше в море». И далее по тексту Ч. Айтматов пользуется этой формой: «Пошаливали *ийрек толкуны*, крутили лодку, потому они кривобокие, неверные, шаткие волны. <...> Только бы море потерпело малость – что-то уж больно крутят *ийрек толкуны*».

К чему бы это? Нет, шторма не должно быть так скоро. <...> Еще раз убедился Едигей: неспроста возникают предвестники бури – *ийрек толкуну*» (курсив наш. – У.Б., Н.Т.) [17: с. 335, 336, 337, 340].

Перевод культуры осуществляется в этом ро- мане далеко не только (как бы лежащими на по- верхности) тюркизмами, но и на уровне лексико- грамматическом. И отчасти примеры уже приводи- лись в другой работе [16].

Заключение

Как нам представляется, на вопрос, поставлен- ный во вводной части статьи, правильное дать сле- дующий ответ: русскоязычный художественный текст нерусского автора, посвященный культуре, к которой он принадлежит по праву рождения, – можно рассматривать как особый, уникальный вид перевода культуры, но с существенной оговоркой. Безусловно, это перевод культуры, но не перевод в академическом, переводоведческом понимании. Но такой вид перевода не является и авторским или авторизованным.

Логически отсюда вытекает сопутствующий вы- вод: способ воссоздания на приобретенном языке художественных образов этнической культуры не являлся специальным объектом и предметом пе- реводоведения, как, собственно, и *культура тако- го 'перевода'* – переводческий инструментарий, тактики амбилингвального автора. Возможно, опи- сание этого уникального способа перевода культу- ры может служить основанием для расширения проблемного поля переводоведения как специфи- ческой отрасли в науке о языке. И не только. Он может представляться интересным объектом для исследований в разных аспектах и с разных пози- ций, в том числе с точки зрения носителя русской культуры. Считаем, что речетворческая лабора- тория автора-билингва, анализ его художественных произведений (а не переведенных им или пере- водчиком) может представлять интерес не только для лингвокультурологов, но и для этнопсихолинг- вистов, когнитивистов, нейролингвистов.

Список источников

1. *Словарь терминов межкультурной коммуникации* / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедев, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзэфович ; под ред. М.Г. Лебедева, З.Г. Прошиной. Москва : Флинта : Наука, 2013. 632 с.
2. Нелюбин Л.Л. *Толковый переводоведческий словарь*. 3-е изд., перераб. Москва : Флинта : Наука, 2003. С. 138–140.
3. Мельников Г.П. *Системная типология языков: принципы, методы, модели*. Москва : Наука, 2003. 395 с.
4. Бахтикиреева У.М. Художественный билингвизм в свете лингвистической концепции Г.П. Мельникова // *Вестник Рос- сийского университета дружбы народов*. 2004. № 1. С. 89–94. (Серия «Иностранные языки»).
5. Bakhtikireeva U.M., Valentinova O.I. "Language thinking" from the perspective of systemic linguistics // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26, No. 1. P. 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149> (дата обращения: 08.12.2022).
6. Мельников Г.П. *Стенограмма отчета заседания по защите кандидатской диссертации У.М. Бахтикиреевой*. Москва, 1995.
7. Лотман Ю.М. *Семиосфера*. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2000. 704 с.
8. Лотман Ю.М. *Избранные статьи в трех томах*. Т. 1. *Статьи по семиотике и топологии культуры*. Таллин : Алек- сандра, 1992. С. 34–45.
9. Левченко В.Г. *Чингиз Айтматов*. Москва : Советский писатель, 1983. 232 с.
10. Пришвина В.Д. *Наш дом*. [О М.М. Пришвине]. Москва : Молодая гвардия, 1977. 334 с.
11. Гачев Г.Д. *Наука и национальные культуры* / Гуманитарный комментарий к естествознанию. Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1992. 316 с.
12. Ломунов К. Толстой – рассказчик и повествователь. Вступительная статья // Л.Н. Толстой. *Повести и рассказы*. Москва : Худож. лит-ра, 1986. С. 5–13.
13. Достоевский Ф.М. *Повести и рассказы*. В 2 т. Т. 2. Алма-Ата : Жазушы, 1986. 336 с.
14. Пушкин А.С. *Полн. собр. соч. (Большое академическое)*. Изд. АН СССР. 1937–1949. В 16 т. Т. 12. 576 с.
15. Гачев Г.Д. *Национальные образы мира*. Москва : Советский писатель, 1988. 448 с.
16. Бахтикиреева У.М. *Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского проис- хождения)* : монография. Изд. второе, доп. Астана : ЦБО и МИ, 2009. 282 с.
17. Айтматов Ч.Т. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. 3. Москва : Туркестан, 1998. 504 с.

References

1. Zhukova I.N., Lebed'ko M.G. (ed.), Proshina Z. G. (ed.), Yuzefovich N.G. *Slovar` terminov mezhkul'turnoj kommunikacii*. [Dic- tionary of Intercultural Communication Terms (in Russ.)]. Moscow : Flinta : Nauka, 2013. 632 p.
2. Nelyubin L.L. *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar` [Dictionary of Translation Study Terms (in Russ.)]*. 3rd edn, revised. Mos- cow : Flinta : Nauka, 2003. P. 138–140.
3. Mel'nikov G.P. *Sistemnaya tipologiya yazy'kov: principy, metody, modeli*. [Systematic typology of languages: principles, methods, and models (in Russ.)]. Moscow : Nauka, 2003. 395 p.

4. Bakhtikireeva U.M. Xudozhestvenny`j bilingvizm v svete lingvisticheskoj koncepcii G.P. Mel`nikova [Creative bilingualism in the light of G.P. Melnikov's conception (in Russ.)] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya «Inostranny`e yazy`ki»*. 2004. № 1. P. 89–94.
5. Bakhtikireeva U.M., Valentinova O. I. "Language thinking" from the perspective of systemic linguistics // *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26, No. 1. P. 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149> (accessed: 08.12.2022).
6. Mel`nikov G.P. *Stenogramma otcheta zasedaniya po zashhite kandidatskoj dissertacii* [Shorthand report of the session for Candidate dissertation defence]. Moscow, 1995. P. 11–14.
7. Lotman Yu.M. *Semiosfera [Semiosphere (in Russ.)]*. S.-Petersburg : Iskusstvo-SPb, 2000. 704 p.
8. Lotman Yu.M. *Izbranny`e stat`i v trex tomax [Selected works in 3 volumes]*. Vol. I. Stat`i po semiotike i topologii kul`tury` [Articles on semiotics and culture typology (in Russ.)]. Tallin : Aleksandra, 1992. P. 34–45.
9. Levchenko V.G. *Chingiz Ajtmatov*. Moscow : Sovetskij pisatel`, 1983. 232 p.
10. Prishvina V.D. *Nash dom [Our home (in Russ.)]* : [O M.M. Prishvine (About M. M. Prishvin)]. Moscow : Molodaya gvardiya, 1977. 334 p.
11. Gachev G.D. *Nauka i nacional`ny`e kul`tury` [Science and national cultures (in Russ.)]* / Gumanitarny`j kommentarij k estestvoznaniyu. Rostov-na-Donu : RGU Press, 1992. 316 p.
12. Lomunov K. Tolstoj – rasskazchik i povestvovatel`: Vstupitel`naya stat`ya // L. N. Tolstoj. *Povesti i rasskazy`*. Moscow : Xudozh. lit-ra, 1986. P. 5–13.
13. Dostoevskij F.M. *Povesti i rasskazy`*. V dvux tomax. [lu. In 2 volumes (in Russ.)]. Alma-Ata : Zhazushy`. Vol. 2 1986. 336 p.
14. Pushkin A.S. *Poln. sobr. soch. (Bol`shoe akademicheskoe)*. [Complete works. (in Russ.)]. Moscow : Izd. AN SSSR. 1937–1949: In 16 volumes. Vol. 12. 567 p.
15. Gachev G.D. *Nacional`ny`e obrazy` mira [National images of the world (in Russ.)]*. Moscow : Sovetskij pisatel`, 1988. 448 p.
16. Bakhtikireeva U.M. *Tvorcheskaya bilingval`naya lichnost` (osobennosti russkogo teksta avtora tyurkskogo proisxozhdeniya) [Creative bilingual personality (features of the Russian text by an author of Turkic origin) (in Russ.)]* : monograph. 2nd edn. revised. Astana : CzBO i MI, 2009. 282 p.
17. Ajtmatov Ch.T. *Sobranie sochinenij v semi tomax [Collection of works in 7 volumes]*. Vol. 3. Moscow : Turkestan, 1998. 504 p.

Информация об авторах

U.M. Бахтикиреева – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации;

Н.А. Токарева – преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, соискатель ученой степени кандидата филологических наук.

Information about the authors

U.M. Bakhtikireeva is Doctor of Philology (Habil.), Professor, Department of the Russian Language and Intercultural Communication;

N.A. Tokareva is Lecturer, Department of the Russian Language and Intercultural Communication.

Статья поступила в редакцию 19.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 19.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 811

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-87-91

ФЕНОМЕН АВТОПЕРЕВОДА В РУССКО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРОЗЕ (РОМАН М. ИДОВА «КОФЕМОЛКА»)

Евгения Михайловна Бутенина¹, Елизавета Сергеевна Сошникова²

^{1,2}Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹butenina.em@dvvfu.ru, [https:// orcid.org/0000-0003-0573-9632](https://orcid.org/0000-0003-0573-9632)

²soshnikova.es@dvvfu.ru

Аннотация. В статье анализируется перевод романа *Ground Up* (2009) на русский язык, выполненный автором, Михаилом Идовым, и изданный под названием «Кофемолка» в 2010 г. Поскольку это первый после Набокова пример автоперевода в русско-американской прозе, что отмечал и сам М. Идов, в работе сопоставляются подходы двух писателей. Делается вывод о намеренном сочетании доместикации и форинизации, которое отражает эмигрантскую историю существования между двумя культурами и двумя языками, во многом рассчитанную на билингвального читателя. При этом для обоих писателей значимо игровое начало (псевдокомментарии, каламбуры, иронические аллюзии), во многом определяющее их переводческие решения.

Ключевые слова: автоперевод, Набоков, Идов, русско-американская проза

Original article

SELF-TRANSLATION IN RUSSIAN-AMERICAN FICTION (MIKHAIL IDOV'S NOVEL *GROUND UP*)

Evgeniya M. Butenina¹, Elizaveta S. Soshnikova²

^{1,2}Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

¹butenina.em@dvvfu.ru, [https:// orcid.org/0000-0003-0573-9632](https://orcid.org/0000-0003-0573-9632)

²soshnikova.es@dvvfu.ru

Abstract. The paper discusses the translation of the novel *Ground Up* (2009) into Russian made by the author, Mikhail Iдов, and published as *Kofemolka* (*Coffee Grinder*) in 2010. Since this has been the first example of self-translation in Russian-American prose since Nabokov, which M. Iдов himself admitted, the approaches of the two writers are compared. The paper notes a deliberate combination of domestication and foreignization, which reflects the emigrant history of existence between two cultures and two languages mostly addressed to a bilingual reader. At the same time, the ludic principle is significant for both writers (verbalized in pseudo-comments, puns, ironic allusions) and it often determines their translation decisions.

Keywords: self-translation, Nabokov, Iдов, Russian-American fiction

Автоперевод, т.е. перевод автором своего произведения на другой язык, – достаточно редкий вид художественного творчества. В русско-американской прозе до недавнего времени единственным примером феномена были переводы Набокова, который сравнил этот процесс с выворачиванием внутренностей и попыткой надеть их, словно пару перчаток [1: с. 51]. Самый известный набоковский автоперевод с английского языка на русский – роман «Лолита» – был опубликован в 1967 г.

Лишь несколько десятилетий спустя, в 2005 г., эмигрантка Ольга Грушина, пишущая на английском языке, отметила в интервью, что свои первые рассказы переводила с русского языка на англий-

ский [2].¹ А в 2009 г. Михаил Идов² выпустил дебютный роман *Ground Up*, менее года спустя изданный в авторском переводе под названием «Кофемолка» и в 2010 г. отмеченный премией «Писатель года» журнала GQ [4]. Роман был с большим интересом встречен многими читателями: как заметила в своей рецензии В. Бабицкая, русский язык

¹ О набоковском наследии в англоязычных текстах Грушиной см.: [3].

² Родился в 1976 г. в Риге, в 1992 г., во время четвертой волны русской эмиграции, переехал с родителями в Кливленд, получил высшее киноведческое и сценарное образование в Мичиганском университете, работал в журнале «Нью-Йоркер», с 2012 г. живет в США, Москве и Берлине.

Идова оказался близок «людям, называющим себя *global Russians*» [5]. В статье анализируются стратегии этого авторского перевода и проводится их сравнение с набоковским подходом.

Проблема автоперевода занимает исследователей начиная со второй половины XX в. Так, А.М. Финкель еще в работе 1962 г. отмечал, что автоперевод выступает определенным «пересочинением» исходного текста, цель которого – «переосмыслить свое произведение, адресуя его иной читательской среде» [6: с. 124]. Ян Хокенсон и Марселла Мансон в монографии «Двуязычный текст: История и теория литературного автоперевода» (2007) подчеркивают, что авторские переводы исключают бинарные текстовые категории, поскольку перевод является в то же время оригиналом [7: с. 161]. Американский славист Адриан Ваннер полагает, что подобное стирание традиционных ролей автора и переводчика дает автору большую свободу и при этом повышает статус автоперевода в глазах читателя [8: с. 450].

Сознавая, что продолжает набоковскую традицию автоперевода в истории русско-американской литературы [9]³, Михаил Идов ведет неявный самоироничный диалог с маститым предшественником. Предисловие к «Кофемолке» писатель начинает сравнением перевода с пересадкой лица, а автоперевода – с дополнительной косметической операцией. Однако несмотря на сохранение медицинской метафоры, болезненность описываемой процедуры сильно отличается от набоковской, и монолог Идова выдержан в легкой ироничной интонации: «В том, что вы прочтете, по моим подсчетам, осталось процентов семьдесят пять от оригинала. Пересадки не пережила масса дорогих мне каламбуров. Организм пациента отторгнул все попытки перевести рэп во второй главе» [10: с. 11–12].

Некоторые изменения смысла оригинала начинаются с заглавия: причастие *ground up* («перемолотый») относится к герою, которому не удалось покорить Нью-Йорк своей кофейней. В русском переводе метафорический акцент переносится с героя на город, «перемалывающий» многих молодых честолюбцев. Как заметил автор, название было изменено ради «необходимого каламбура в русском языке» [11]. Кроме того, в слове «кофемолка» есть некоторое созвучие со словом «Молох», и, возможно, русское название содержит аллюзию на повесть А. Куприна о заводе, отнимающем у людей жизни.

³А. Ваннер обращает также внимание на то, что обоим писателям помогли в переводе их супруги, но Идов указывает свою жену Лилию в качестве соавтора, а у Набокова этот факт остается фигурой умолчания и известен только благодаря его биографу Б. Бойду [8: с. 451].

В монографии «Билингвальная муза» (2020) Адриан Ваннер анализирует различные подходы к автопереводу у Марины Цветаевой, Иосифа Бродского, Владимира Набокова и некоторых менее известных русских поэтов. В главе о Набокове исследователь напоминает о его глубоко скептических взглядах на переводимость поэзии, что порождало громоздкие комментарии и примечания, которые порой, «как небоскребы, возвышались до верхнего края страницы», по выражению американского лингвиста Дугласа Робинсона [12: с. 127]. Ваннер называет такие комментарии Набокова «гаргантюанскими» и отмечает их субъективный характер и ироничный стиль [12: с. 127].

Набоковские сноски можно назвать псевдокомментариями, поскольку, как правило, они ничего не поясняют, а лишь передают отношение автора к предмету пояснения. Этот прием характерен не только для переводов Набокова, но и для его стиля в целом. Например, в поэме «Бледный огонь» писатель делает следующую снисходительную ремарку о Шерлоке Холмсе: «*Sherlock Holmes. A hawk-nosed, lanky, rather likable private detective, the main character in various stories by Conan Doyle. I have no means to ascertain at the present time which of these is referred to here but suspect that our poet simply made up this Case of the Reversed Footprints*» [13: с. 61]. В переводе Сергея Ильина этот комментарий звучит так: «Горбоносый, долговязый, довольно симпатичный частный сыщик, главный герой многочисленных рассказов Конан Дойла. Я сейчас не имею возможности выяснить, на который из них ссылается Шейд, но подозреваю, что поэт попросту выдумал "Дело о попятных следах"» [14].

Михаил Идов продолжает набоковскую традицию псевдокомментариев. Например, он делает ненужную для американского читателя сноску о вечеринке для будущей мамы и сохраняет свои насмешливые пояснения без изменений в русскоязычной версии книги:

Baby shower – a 'party for a future mom,' usually taking place in female company a month or two before the baby's birth. It combines the worst features of a children's party (fruit drinks, balloons) and of a bachelorette party (conversation that makes a majority of husbands blush) [15: с. 196].

Baby shower – "вечер для будущей мамы", как правило, справляемый в женской компании за месяц-другой до рождения ребенка. Соединяет в себе худшие черты детского праздника (морс, воздушные шары) и девичника (разговоры, способные возмутить в краску большинство мужей) [10: с. 285].

Как и Набоков, Идов считает необходимым адаптировать некоторые американские реалии для русского читателя. В частности, оба писателя генерализовали различные брендовые названия: например, у Набокова супермаркет *Safeway* становится просто «гастрономическим магазином» [16: с. 251], у Идова кафе быстрого питания *Taco Bell* становится «сосисочной» [15: с. 214; 10: с. 312], а *Olive Garden* – «итальянским рестораном» [15: с. 19; 10: с. 40].

В романе «Кофемолка» генерализации подвергается и название знаменитого американского фильма «Двойная страховка» (*Double Indemnity*, 1944):

That's some Double Indemnity stuff [15: с. 248].

Ну, это уже нуарное кино какое-то. [10: с. 360].

В данном случае этот прием лишает перевод аллюзивной игры оригинала, где Идов проводит параллель между характером Ки – властной и обеспеченной матери жены протагониста, долгое время тайно содержавшей убыточную кофейню семейной пары, – и героиней фильма Филлис Дитрихсон, которая чужими руками избавилась от мужа и собиралась расправиться с сообщником. При всем различии сюжетных перипетий, по мнению героя Идова Марка, Ки – такой же манипулятор и виновница всех их бед.

Однако для сохранения комического эффекта Идов не упрощает, а усложняет свой текст. Так, он старается подобрать эквиваленты, актуализирующие у русского читателя юмористические ассоциации в национальной культуре. Например, издевательское название нового кофе, которое придумывает недоброжелательный знакомый героев, в оригинале просто пародирует наименования напитков, а в переводе обретает отсылки к комедиям «Мимино» («чито гврито») и «Свадьба в Малиновке» («битте-дритте, фрау мадам»):

Cappu-frappu-mocha-chino [15: с. 72].

Каппу-мокка-чита-дрита [10: с. 114].

При описании произносительной ошибки иммигрантки в русской версии появляется каламбур, основанный на сходстве графического облика английского слова *half* и русского «халва»:

"You get nossing," said the charming woman after a charming pause. "You pay four hundred. Is that okay for you? For half a page?" Her half was halved by an audible I [15: с. 248].

– Вы не получаете насинг, – сказала очаровательная женщина после очаровательной паузы. – Четыреста долларов с вас. Это вам о'кей? За половину страницы? – Ее «половину» располовило лишнее «л», превратив *half* в халву [10: с. 173]

Для усиления графической и фонетической игры Идов заменяет имя второстепенного персонажа, чтобы создать комическую рифму в переводе:

Nina had shot Galya, the shifty fur-shop proprietor next door [15: с. 123].

Нина успела снять Зину, вертлявую владелицу мехового магазина поодаль... [10: с. 185].

Подобные случаи можно отнести к стратегии доместикации, т.е. приближения текста к читателю перевода. Набоков в переводе «Лолиты» прибегал к этой стратегии не раз, например добавляя аллюзии к «Евгению Онегину» и «Анне Карениной» [17: с. 238]. Однако в его переводческий инструментарий входила и противоположная стратегия «очуждения», или форинизации. Так, он буквально передавал некоторые английские идиомы, постоянно напоминая читателю о языке оригинала.

Подобное смешение переводческих подходов использует и Михаил Идов. Приведенные выше примеры призваны приблизить его роман к русскому читателю, однако исключение из перевода некоторых отсылок к русской культуре выполняет противоположную функцию. Например, в «Кофемолке» нет следующей литературно-музыкальной аллюзии англоязычного оригинала: *"Dead," I said with all the gravity of Zaretsky, the bass, singing the same line in Eugene Onegin over Lensky's body* [15: с. 109].

Соединение доместикации и форинизации в романе Идова встречается даже в пределах одного предложения. Так, он заменяет швейцарский бренд часов «Омега» на французский «Картье», более известный в России, и в то же время «проститутка-наркоманка» становится «гарлемской проституткой», тогда как название «Гарлем» вряд ли можно считать общим знанием любого русского читателя:

There were a couple of topical costumes, too – a Laura Bush, a white-lipped "crack whore" who had forgotten to take off her Omega watch for the occasion... [14: с. 251].

Были и пара более актуальных костюмов – Лора Буш, «гарлемская проститутка», забывшая ради случая снять часы «Картье»... [10: с. 365].

Подобное соединение переводческих стратегий, на наш взгляд, является осознанным выбором Михаила Идова, которому, как и Набокову, важно было отразить свою историю между двумя культурами и двумя языками, во многом рассчитанную на билингвального читателя. При этом для обоих писателей значимо игровое начало (псевдокомментарии, каламбуры, иронические аллюзии), которое во многом определяет их переводческие решения.

В данной статье мы не затрагиваем вопрос перевода поэтических текстов в романе Идова и лишь приведем наблюдение Адриана Ваннера о приеме, который можно назвать аллюзивной межкультурной трансформацией. Американский славист полагает, что в оригинале поэма протагониста «напоминает второсортный пастиш шекспировского сонета», а в переводе «ее какофоническая звуковая структура комически подражает Маяковскому»:

*Good times don't last, and bad ones take their time;
Good places close, and bad ones take their place.
If goodness fails, then failure's good, and I'm
The best: I place dead last in every race* [14: с. 244].

*Зло избегает кары,
Добро получает по шею.
Злодеи заводят бары
И пьют в них за все хорошее.
Но если добру идти прахом,*

*А зло ждет успех,
То нет ничего круче краха,
А я круче всех* [10: с. 354].

Ваннер заключает свое исследование автопереводов Набокова и Идова рекомендацией читать их произведения по-английски, чтобы ощутить «американскость оригинала» [8: с. 455]. Признавая резонность этого наблюдения, все же отметим, что, на наш взгляд, к «Кофемолке» применимы слова знаменитого набоковеда А. Долинина, считавшего русскую «Лолиту» «примером автоперевода как мощного инструмента самоинтерпретации» [18: с. 324]. Поэтому прочтение оригинала и авторского перевода дает уникальную возможность ощутить эффект «стереотекстуальности», который М. Эпштейн описал как «наложение разноязыких текстов для более рельефного, "слоисто-глубинного" представления одного комплекса идей» [19].

Список источников

1. Beaujour E.K. *Alien Tongues: Bilingual Russian Writers of the 'First' Emigration*. New York : Cornell University Press, 1989. 263 p.
2. Hoffert B. Olga Grushin // *Library Journal*, January 11, 2005. URL: www.libraryjournal.com/article/CA6277387.html (accessed: 10.12.2022).
3. Бутенина Е.М. Набоковский код в русско-американском романе Ольги Грушиной // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2010. № 5(11). С. 189–193.
4. Усков Н. Писатель года 2010: Михаил Идов // *GQ*. URL: <https://www.gq.ru/heroes/pisatel-goda-gq-mikhail-idov> (дата обращения: 10.12.2022).
5. Бабицкая В. Михаил Идов: Кофемолка. Рецензия // *OpenSpace-ru архив*. 02.12.2009. URL: <https://os.colta.ru/literature/events/details/14434> (дата обращения: 10.12.2022).
6. Финкель А.М. Об автопереводе // *Теория и критика перевода* / под ред. Б.А. Ларина. Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. С. 104–125.
7. Hokenson J. W., Munson M. *The Bilingual Text: History and Theory of Literary Self-Translation*. New York : St. Jerome Publishing, 2007. 246 p.
8. Wanner A. Lolita and Kofemolka: Vladimir Nabokov's and Michael Idov's self-translations from English into Russian // *Slavic and East European Journal*. 2013. Vol. 57, № 3. P. 450–464.
9. Idov M. The Act of Self-Translation: Essay // *JewishBookCouncil*. December 14, 2009. URL: <https://www.jewishbookcouncil.org/pb-daily/the-act-of-self-translation> (accessed: 10.12.2022).
10. Идов М. *Кофемолка* / пер. с англ. Л. Идова, М. Идов. Москва : Corpus, Астрель, 2010. 415 с.
11. Idov M. My Two Days as a Russian Tabloid Sensation // *The Awl*, May 4, 2011. URL: <https://www.theawl.com/2011/05/my-two-days-as-a-russian-tabloid-sensation/> (accessed: 10.12.2022).
12. Wanner A. *The Bilingual Muse: Self-Translation among Russian Poets*. Evanston : Northwestern University Press, 2020. 248 p.
13. Nabokov V. *Pale Fire*. David Campbell, 1992. 315 p.
14. Набоков В.В. *Бледное пламя*. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/blednoe-plamya/blednoe-plamya-1.htm> (дата обращения: 10.12.2022).
15. Idov M. *Ground Up*. New York : Farrar, Straus & Giroux. 290 p.
16. Proffer C.R. Nabokov's Russian Lolita // *Russian Literature and American Critics* / Ed. K.N. Brostrom. Ann Arbor: Department of Slavic Languages and Literatures, University of Michigan, 1984. P. 249–263.
17. Barabtarlo G. Onus Probandi: On the Russian Lolita // *The Russian Review*. 1988. № 47(3). P. 237–252.
18. Dolinin A. Lolita in Russian // *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* / ed. V.E. Alexandrov. New York/London : Garland, NY, 1995. P. 321–330.
19. Эпштейн М. Амероссия. Двукультурие и свобода. Речь при получении премии "Liberty" // *Звезда*. 2001. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/7/epsh.html> (дата обращения: 10.12.2022).

References

1. Beaujour E.K. *Alien Tongues: Bilingual Russian Writers of the 'First' Emigration*. New York : Cornell University Press, 1989. 263 p.
2. Hoffert B. Olga Grushin // *Library Journal*, January 11, 2005. URL: www.libraryjournal.com/article/CA6277387.html (accessed: 10.12.2022).

3. Butenina E.M. Nabokovskij kod v rusko-amerikanskom romane Ol'gi Grushinnoj. [Nabokovian code in Olga Grushin's Russian American novel] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2010. № 5(11). S. 189–193.
4. Uskov N. Pisatel' goda 2010: Mikhail Idov [The Author of the Year 2010: Mikhail Idov] // *GQ*. URL: <https://www.gq.ru/heroes/pisatel-goda-gq-mihail-idov> (accessed: 10.12.2022).
5. Babiczkaya V. Mixail Idov: Kofemolka. Recenziya [Mikhail Idov's novel *Ground Up*/ Review]. 02.12.2009. URL: <https://os.colta.ru/literature/events/details/14434> (accessed: 10.12.2022).
6. Finkel' A.M. Ob avtoperevode [On self-translation] // *Teoriya i kritika perevoda* / pod red. B.A. Larina. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1962. S. 104–125.
7. Hokenson J.W., Munson M. *The Bilingual Text: History and Theory of Literary Self-Translation*. New York: St. Jerome Publishing, 2007. 246 p.
8. Wanner A. Lolita and Kofemolka: Vladimir Nabokov's and Michael Idov's self-translations from English into Russian // *Slavic and East European Journal*. 2013. Vol. 57, № 3. P. 450–464.
9. Idov M. The Act of Self-Translation. Essay // *JewishBookCouncil* December 14, 2009, URL: <https://www.jewishbookcouncil.org/pb-daily/the-act-of-self-translation> (accessed: 10.12.2022).
10. Idov M. *Kofemolka [Coffee Grinder]* / per. s angl. L. Idova, M. Idov. Moscow : Corpus, Astrel', 2010. 415 s.
11. Idov M. My Two Days as a Russian Tabloid Sensation // *The Awl*, May 4, 2011. URL: <https://www.theawl.com/2011/05/my-two-days-as-a-russian-tabloid-sensation/> (accessed: 10.12.2022).
12. Wanner A. *The Bilingual Muse: Self-Translation among Russian Poets*. Evanston: Northwestern University Press, 2020. 248 p.
13. Nabokov V. *Pale Fire*. David Campbell, 1992. 315 p.
14. Nabokov V.V. *Blednoye Plamya* [Pale Fire]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/blednoe-plamya/blednoe-plamya-1.htm> (accessed: 10.12.2022).
15. Idov M. *Ground Up*. New York : Farrar, Straus & Giroux. 290 p.
16. Proffer C.R. Nabokov's Russian Lolita // *Russian Literature and American Critics* / ed. K. N. Brostrom. Ann Arbor: Department of Slavic Languages and Literatures, U of Michigan, 1984. P. 249–263.
17. Barabtarlo G. Onus Probandi: On the Russian Lolita // *The Russian Review*. 1988. № 47(3). P. 237–252.
18. Dolinin A. Lolita in Russian // *The Garland Companion to Vladimir Nabokov* / ed. V. E. Alexandrov. New York/London: Garland, NY, 1995. P. 321–330.
19. E'pshtejn M. Amerossiya. Dvukul'turie i svoboda. Rech' pri poluchenii premii "Liberty" [Amerussia. Biculturalism and freedom. Speech made at the Liberty Award ceremony]// *Zvezda*. 2001. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/7/epsh.html> (accessed: 10.12.2022).

Информация об авторах

Е.М. Бутенина – доктор филологических наук, доцент;
Е.С. Сошникова – магистр филологии.

Information about the authors

E.M. Butenina – Doctor of Philology (Habil.);
E.S. Soshnikova – Master of Philology.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 811.11-112

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-192-100

НЕОТКРЫТЫЕ ТЕКСТЫ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗГНАНИЯ: ТРАНСЛИНГВИЗМ И ВНУТРЕННИЙ ПЕРЕВОД НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА РОБЕРТА НОЙМАНА “CHILDREN OF VIENNA”

Анна Михайловна Витошнова

Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Москва, Россия, annafox@inbox.ru

Аннотация. В эпоху возрастающего интереса исследователей к явлению транслингвальной литературы и возникшей не так давно теории внутреннего перевода незаслуженно мало внимания уделяется явлению немецкой литературы изгнания (нем. Exilliteratur) – произведениям, написанным писателями-беженцами в период 1933–1945 гг. В статье анализируется произведение “Children of Vienna” Р. Ноймана, одного из немногих австрийских авторов, бежавших из нацистской Германии, которому ещё при жизни удалось завоевать признание критиков и читателей. В статье проводится оценка внутреннего перевода, осуществлённого автором с родного немецкого на английский язык. В заключение автор статьи доказывает ценность литературы изгнания для различных направлений лингвистических исследований.

Ключевые слова: литература изгнания, Exilliteratur, транслингвизм, внутренний перевод, ксенонимы, лингвокультура, интерлингвокультурология, немецкий язык, английский язык

Original article

UNDISCOVERED TEXTS OF EXILE LITERATURE (TRANSLINGUALISM AND INTERNAL TRANSLATION BASED ON THE NOVEL “CHILDREN OF VIENNA” BY ROBERT NEUMANN)

Anna M. Vitoshnova

The National University of Science and Technology “MISIS”, Moscow, Russia, annafox@inbox.ru

Abstract. In the era of scholars’ growing interest in the phenomenon of translingual literature and recently emerged theory of inner translation, unfairly little attention is paid to the phenomenon of German exile literature, which is literature created by exiled authors in 1933–1945. This article analyses the novel “Children of Vienna” by R. Neumann, one of a few Austrian authors who fled fascist Germany. He managed to win recognition among critics and readers during his lifetime. The article evaluates the author’s internal translation from his mother German language into English. In conclusion the author of the article claims the value of Exilliteratur for diverse linguistic investigations.

Keywords: exile literature, Exilliteratur, translanguism, internal translation, xenonyms, cultural linguistics, interlinguoculturology, German, English

Введение

Распространение по всему миру английского языка, «фактическая глобанглизация» [1: с. 13] привела к возникновению множества вариантов этого языка – World Englishes. Первым системным описанием вариантов английского языка в современном мире мы обязаны Брэджу Качру, работы которого послужили основой для многочисленных исследований различных вариантов английского языка [2–4], в том числе варианта, возникшего в результате контакта английского языка с русским [5].

Исследовательская проблема состоит в изменении расстановки сил языков, в частности, в новых функциях, которые стали возлагаться на английский язык, и в возникновении в связи с этим новых, ещё не исследованных явлений.

На сегодняшний день особенно остро стоит вопрос оценки отношений вариантов английского языка с британским «стандартным» вариантом (British Standard). Глобализация, происходящая в условиях «глобанглизации» буквально на наших глазах, затрагивает практически все сферы нашей жизни. Помимо прочих причин, способствующих распространению английского языка, достаточно упомянуть информационные: это использование языка в науке (около 2/3 научных публикаций в мире осуществляется на английском языке); интернете (английский «охватил» около 80 % просторов мировой сети), а также обусловленность необходимости распространения этнических культур. Сюда входит стремление этносов передать другим народам информацию о своей культуре [6].

Целью исследования является восполнение значительного пробела в уже накопленной базе и анализ немецко-английской литературы сквозь призму транслингвизма, интерлингвокультурологии и новой лингвистической парадигмы World Englishes.

Теоретические основания исследования

В нашем исследовании мы опираемся на теорию интерлингвокультурологии, в основе методологии которой лежит концепция внутреннего перевода (термин впервые был предложен В.В. Кабакчи [1]). Принципиальным для нас также является положение интерлингвокультурологии, постулирующее специфичность разновидности английского языка, которая формируется в результате его ориентации в область внешней культуры.

Иноязычное описание культуры – это самостоятельная область языкового общения, поскольку любая внешняя культура для рядового носителя языка общения – это специальная область знаний [1]. Особый статус этой разновидности языка обусловлен различными способами стилизации текста, его своеобразной грамматической структурой, специфической лексикой – всем тем, что призвано передать идентичность описываемой культуры. Как отмечают В.В. Кабакчи и Е.В. Белоглазова [1], основной смысл обращения к английскому языку как вторичному средству национально-культурного самовыражения заключается в доступности иноязычного описания культуры максимальному числу носителей языка описания. Это становится возможным лишь при использовании нормативной разновидности языка описания: в этом случае в большей или меньшей степени достигается межъязыковая симметрия, что, в свою очередь, обуславливает адекватность данного иноязычного описания. Следование принципам интерлингвокультурологии при анализе выбранного для исследования произведения позволяет понять лингвистические механизмы, лежащие в основе текста и всего рассматриваемого явления в целом.

По словам А.А. Ривлиной, в современной контактной лингвистике особого внимания заслуживают «промежуточные» явления, которые ставят под сомнение чёткие границы между языками [7]. Можно предположить, что нарушение межъязыковой симметрии (при допустимых отклонениях, не препятствующих адекватному восприятию) не является интерференцией в традиционном смысле этого слова. Скорее речь в данном случае будет идти о транслингвальном подходе, который позволяет воспринять отклонения от языковой нормы не как собственно отклонения, а как маркеры нового, отличного от традиционных представлений дис-

курса. Согласно Н.Г. Юзефович, положительный эффект от взаимодействия двух или нескольких языков способствует креативному, оригинальному языковому творчеству [8].

Разделяя данный подход, мы придерживаемся концепции транслингвизма, согласно которой переход от одной лингвокультуры к другой происходит достаточно плавно, в результате чего наблюдается их некоторое слияние, но лишь до определённой степени [9]. Как отмечает М.В. Тлостанова, полной ассимиляции при этом не происходит, и культуры сохраняют свою непрозрачность, рождая новый, смешанный дискурс [10]. Контакт взаимодействующих языков, смешение их в условиях транслингвального текста рассматривается как ресурс, придающий языку новые силы [11]. При этом сохраняется лингвокультурная идентичность автора, что подтверждает гипотезу о влиянии родного языка на другие языки, которые осваиваются индивидом позже. В предлагаемом исследовании мы проанализируем, какие лингвистические маркеры (подчас почти незаметные) «вскрывают», выводят на поверхность первичную идентичность автора.

Как отмечает З.Г. Прошина, транслингвальную литературу не следует ассоциировать с переводной литературой [9]. Однако стоит добавить – не стоит ассоциировать с переводной литературой в традиционном смысле, потому что транслингвизм почти всегда идёт бок о бок с особой разновидностью перевода – внутренним переводом, который также имеет долгую историю: описания иноязычных культур известны ещё с античности.

Термин «внутренний перевод» означает разновидность переводческой деятельности, в ходе которой человек создаёт оригинальный текст описания иноязычной культуры, осуществляя сам в соответствии с возникающими при этом языковыми проблемами необходимые «переводческие» преобразования текста [1]. По наблюдениям Е.С. Лебедевой, диапазон жанров, в которых осуществляется внутренний перевод, очень широк: от научного и научно-популярного до статей в СМИ [12].

В рамках данной работы нас интересует художественная литература, где автор-транслингв, создавая текст на английском языке, осуществляет внутренний перевод, создавая тем самым оригинальный текст, адресованный англоязычному читателю. Опираясь на концепцию внутреннего перевода, мы рассмотрим, что обуславливает специфичность языка романа, а также при помощи каких приёмов достигается эффект «инокультурности».

Как отмечает О.В. Лазаретная, лексика является основным маркером родной лингвокультуры и вы-

ступает средством передачи национальной идентичности [13]. Именно внутренний перевод даёт возможность восполнить «лексический дефицит», который неизбежно возникает при отсутствии симметрии между контактирующими языками [1].

«Литература изгнания»: лингвопоэтические особенности

Литература изгнания – произведения, созданные авторами, которые по тем или иным причинам находятся в изгнании за пределами своей родной страны; это явление известно человечеству очень давно. В данном исследовании под литературой изгнания мы будем понимать произведения немецких писателей, бежавших из нацистской Германии, Австрии и оккупированных стран в период 1933–1945 гг.

Среди транслингвальных авторов изгнания несколько особняком стоит фигура Роберта Ноймана: ему, одному из немногих, ещё при жизни почти удалось избежать маргинализации, старательно культивируемой германским литературоведением в отношении ему подобных.

Р. Нойман родился в Вене в 1879 г. Он стал известен на родине до войны, прославившись своими работами пародийного жанра. Они по достоинству ценились критиками и читателями, что позволяло говорить о состоявшейся литературной карьере на родине. В 30-х гг. его книги были, в числе многих, сожжены нацистами и запрещены Третьим рейхом. В 1934 г., после жестокого подавления восстания рабочих в Австрии, Нойман бежал в Лондон, где шесть лет спустя начал писать на английском языке.

“Children of Vienna” («Дети Вены») – третий по счёту англоязычный роман автора и прекрасный образец литературы изгнания. Данное произведение представляет интерес не только благодаря художественной ценности, которая достаточно велика, но и ввиду многоаспектности анализа. Его можно анализировать как добротный образец транслингвального текста, а вместе с ним и внутреннего перевода; позже, когда появился авторский перевод текста на немецкий, – еще и как весьма интересный пример автоперевода. Помимо перечисленных причин, подтолкнувших нас к исследованию данного произведения, хотелось бы остановиться также на мотивах, которые привели нас к такой мало изученной области, как литература изгнания.

Материал для исследований транскультуры и транслингвизма на сегодняшний день достаточно объёмен и характеризуется постоянным притоком. Если присмотреться, писатели, чьи произведения попадают в фокус интересов лингвистов,

представляют собой вполне сформированный ряд. Вслед за признанными мэтрами – блестящими образцами транслингвальной прозы – В. Набоковым, Дж. Конрадом, С. Беккетом, творчество которых проанализировано, кажется, до последней возможности, тянется ряд других выдающихся авторов. Все они, по большей части, являются выходцами из бывших британских колоний и вполне предсказуемо попадают в центр транскультурных исследований. И в то время как постколониальная литература активно осваивается, некоторые писатели-транслингвы незаслуженно игнорируются критиками, читателями и исследователями. Они находятся в тени своих более известных собратьев по перу, на периферии исследовательских интересов, а, между тем, ценнейшие по своему замыслу и воплощению их произведения грозят пропасть в безмолвии. В частности, такова судьба немецкой транслингвальной литературы изгнания.

В исследованиях по немецкому литературоведению писательство на родном языке всегда считалось единственной нормой – настолько, что работы писателей, вынужденных покинуть свою родину и выбравших для творчества другой язык, естественным образом исключались из культурного наследия Германии или Австрии. Национально-филологическое понимание этими странами своей литературной истории способствовало лишь маргинализации и дальнейшему игнорированию произведений, созданных немцоговорящими на английском [14].

Конечно, писатели с устоявшейся литературной репутацией менее охотно принимали чужой язык. Многие из них считали себя хранителями немецкой литературной традиции и продолжали выполнять свою культурную миссию. Братья Томас и Генрих Манны, Л. Фейхтвангер, Б. Брехт, имея довольно на тот момент твёрдую почву под ногами в виде международного признания, могли себе позволить продолжать немецкую тематику, хотя и вынуждены были писать «для переводчика». Их книги были запрещены на родине.

Особой группой – а именно она и формирует объект данного исследования – стоит категория авторов, после бегства из родной страны выбравших для творчества английский язык. Среди них романистов, сумевших выжить на поприще литературы, набирается едва ли с десяток.

Интерес литературоведов, лингвистов и переводчиков к этому тёмному пятну в истории художественной литературы долгое время себя никак не проявлял. В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова приводят высказывание Ш. Балли о не подлежащем сомне-

нию единстве современной европейской культуры, о некоей общности, которую он называет европейским психическим складом [1]. Возможно, именно эта общность является одним из основных факторов, снижающих интерес к немецко-английским писателям. Куда интереснее исследовать иные, гораздо более «экзотические» тексты – образцы постколониальной прозы, потому что в ней смешиваются и взаимодействуют восток и запад. При этом этническая и лингвокультурная принадлежность авторов является неотъемлемой частью таких текстов и выражается в них в прямом смысле буквально, что и является питательной, богатой почвой для исследований World Englishes, для отечественной контактной вариантологии.

Нет смысла говорить, насколько азиатские страны отличаются от европейских: на ярком контрасте языков и культур сразу проявляются отличительные черты когнитивных, языковых картин мира, лингвокультурных особенностей.

Р. Бромли в своём исследовании прозы эмигрантов рассуждает о том, что этническая идентичность, «вырванная с корнями, трансплантированная в чужую культуру» [15: с. 20], во многих случаях становится коммерческим продуктом, который успешно продаётся.

Становится понятным, почему на фоне этих национально-этнических, этнолингвистических и (нередко) социально-политических вопросов в тень уходит литература изгнания, которая поначалу может казаться скучной. В немецко-английской литературе в силу существенной близости как языков, так и мировоззрений мы не найдем экзотики. Между тем в подобной литературе есть своя специфика. Текст, созданный немецкоговорящим автором на английском языке, можно сравнить с палимпсестом [16], в том смысле, что сквозь английский язык, более или менее отчётливо, проступают следы чисто немецкой лингвокультуры.

Первыми исследователями, бросившимися спасать этот пласт культурного наследия, являются Ричард Дав (Richard Dove), Николь Бруннхубер (Nicole Brunnhuber), Тамар Штайниц (Tamar Steinitz), Сара Пайниц (Sarah Painitz). Например, Николь Бруннхубер исследует творчество пяти авторов-изгнанников, не получивших должного признания [17].

Несмотря на то что романы, написанные этими писателями, в своё время получили высокую оценку критиков, их неопределённое положение в плане национальной категоризации, положение между языками и культурами, спавший долгое время интерес исследователей к данной тематике подвергают этот пласт литературы риску забвения [14; 18].

О ценности романа “Children of Vienna” лучше всего сообщает аннотация к изданию 2021 г.:

«Это произведение было отмечено учёными как культурно значимое; оно является частью накопленных знаний нашей цивилизации в том виде, в котором мы её знаем.»

Исследователи считают... что это произведение нужно хранить, распространять и делать доступным широкому кругу читателей...» [19].

Произведение было создано в 1945 г. всего за три месяца. Автор написал его «ради детей Европы»: главной целью было привлечь внимание общественности к тому, что он назвал «кризисом гуманности», к условиям, в которых оказываются невинные жертвы войны в случае как поражения их страны, так и победы.

В общем и целом роман был принят и понят именно так, как задумывал автор. Один из американских литературных обозревателей назвал произведение «жестоким обвинением безнаказанным ужасам войны и глупости стран-победителей» [14: с. 188].

Однако вышедшая в немецком переводе всего двумя годами позже, книга вызвала массу негативных отзывов. Немецкоговорящие критики – в частности в Австрии, раскритиковали роман за «отвратительный, извращённый язык». Любопытно отметить, что это не единичное обвинение в адрес транслингвальной литературы [20]. Роман также подвергся критике за предположительные исторические несовпадения. Стоит сразу сказать, что Нойман не задумывал свой роман как документальную хронику послевоенной Вены, и об этом он предупреждает читателя сразу, в предисловии к первому англоязычному изданию:

«Эта книга – вымысел, герои являются вымышленными, как и местность, которую я назвал Вена, но которая на самом деле могла оказаться любым другим местом восточнее Меридиана Отчаяния... Она написана ради детей Европы, в период их мучений зимой 1945–46 гг.» [19: с. 5].

Некоторые из первых обозревателей были сбиты с толку непривычно радикальным использованием языка, которое включало в себя уличную, разговорную речь, игнорирование правил синтаксиса и пунктуации, переключение языковых кодов.

“There was a Kamerad saw him bail out and killed him” [19: с. 110].

“I just kicked him in the ass, so he went for me, and me kicking his hand cart so it overturned, and Skinny picking up what he could ... and he after Skinny, and Skinny back to the canal. Marvellous” [19: с. 35].

Всё это ошибочно заставило критиков принять роман за репортаж, вслед за чем последовали об-

винения в неточном воспроизведении исторических фактов. Это неверное истолкование романа характеризует одно из его фундаментальных противоречий: гиперреализм, эффект которого достигается при помощи языка и специфического выбора языковых средств, вкупе с легко узнаваемыми географическими номинациями и указаниями конкретного периода времени настраивает читателя на документальный отчёт о жизни послевоенного времени. Между тем, при помощи этого противоречия и дальнейшем акцентировании реализма автор пытается добиться поставленной цели. В этом и состояла задумка романа: воззвать к помощи из гущи реально случившегося кризиса гуманности – через детей с покалеченными судьбами, вымышленных, но от этого не менее реальных.

В романе шесть главных героев – осиротевших детей в возрасте предположительно от двух до 15 лет. Они живут, а точнее, пытаются выжить в обломках дома, разрушенного в результате бомбардировок.

С самого начала автор создаёт эффект присутствия, он намеренно избегает указания конкретного возраста детей:

"The boy he talked to was seven years old, or nine, or six" [19: с. 11].

Отсутствие определённости в описаниях предметов и действий и предполагаемая вариативность играют на руку гиперреализму текста.

"A woman was howling, or a dog" [19: с. 25].

"Goy came in five minutes later, or ten, or half an hour, noisy, through the window" [19: с. 34].

Даже имена друг друга дети едва ли знают:

"Golochowski was his name; Golubinski; something like that" [19: с. 35].

"Eve's friend was called Adeltraut or something Germanic of the sort, but she wouldn't use that name for a million smokes" [19: с. 40].

В своей статье «Литература в транслингвальной ситуации» Джули Хансен приводит цитату В. Шкловского, в которой он называет эту авторскую тактику «эффектом остранения». Любопытно, что объяснение приёма остранения Д. Хансен приводит, когда речь также заходит о назывании имён героев произведения [21].

Помимо этого, эффект гиперреализма усиливается тем, что в назывании географических мест автор совершенно точен, что позволяет говорить о преднамеренной конкретизации: помещая свою историю в определённую географическую локацию, автор укореняет в ней все происходящие события. Если рассматривать эти явления (остранения, но вместе с ним и конкретизации) в аспекте

транслингвальности, то можно предположить, что единственное, в чём уверен автор, – в реалиях описываемой им культуры. Они не искажаются никакими иноязыковыми призмами, на них не влияет иноязычность номинаций, в то время как во всём остальном автор намеренно неточен.

Одну из ключевых ролей в произведении играет сам язык. Короткие или обрывочные, часто односложные предложения, задающие всему повествованию достаточно грубый ритм; коллоквиализмы, несвязные диалоги, в которых каждый из участников как бы продолжает свой собственный нехитрый монолог, – весь нарратив лишён лоска художественной красоты, не отполирован нормами литературного стиля.

"He's got a basement shelter probably», said Ate.

"He's got a garden", Eve said.

"Trees", said Goy.

Ate asked: "Have you got apple trees?"

"I've got an apple tree", said the man.

"One?" said Ate.

Goy said: "With apples?"

"I like pears best", said Ate [19: с. 91].

Можно с уверенностью сказать, что автор хорошо знаком с правилами английской грамматики: на протяжении всего текста он следует им, академически точно используя различные времена, наклонения, пассивные конструкции и т.д. Однако в прямой речи героев автор позволяет себе игнорировать правила; время от времени прямая речь вплетается в нарратив, и этот явно намеренный приём выдаёт взаимодействие или, осмелимся предположить – борьбу двух языков и культур в рамках одного сознания. Всё это придаёт языку повествования некую нестандартную однородность.

Maybe it was being in his underpants what threw the fellow off his balance; maybe all the same he was still groggy; or he was just mistrusting himself. I'm seeing things. Who knows? I'm soaked with booze. "Hi", he said, expostulating, voiceless. "What d'ye mean hollering at me?" [19: с. 101].

По словам В.В. Кабакчи, ощущение негладкости, некогерентности текста является нормой для внутреннего перевода, призванного свести вместе два языка и две культуры; в этом случае неизбежно появление инолингвокультурного субстрата, в первую очередь – ксенонимов [1].

Осуществляя внутренний перевод, Нойман использует приём трансплантации, т.е. вводит в повествование неассимилированные германизмы, а также разбрасывает по всему тексту отсылки к австрийским реалиям.

"My mother was married to a *Luftwaffe* sergeant there" [19: с. 126].

"I have got a requisitioning order, and every Austrian *Volksgeosse*..." [19: с. 23].

Оставшиеся без перевода лексемы немецкого языка едва ли затрудняют прочтение текста; к тому же нельзя не признать, что без них текст несколько потерял бы свою инокультурную окраску. А это нарушило бы главный замысел автора.

Нойман не просто вводит в свой текст ряд ксенонимов, но выбирает один из наиболее форенизирующих способов их передачи – трансплантацию, и дополнительно «выпячивает» их графическим маркированием при помощи курсива или прописной буквы.

Некоторые из ксенонимов можно назвать базовыми, не нуждающимися в пояснениях. В условиях Второй мировой войны и послевоенного времени во всём цивилизованном мире вряд ли нашёлся бы человек, не знакомый с понятиями "Führer", "Oswiecim", "Wehrmacht", "Kommandatura".

Однако справедливости ради стоит отметить, что в некоторых эпизодах полное понимание происходящего невозможно, если читатель не владеет в известной мере представлениями о культуре Германии, а также о некоторых особенностях нацистского режима.

"Ate said: "I know a poem. *Über allen Gipfeln ist Ruh, in allen Wipfeln spürest du die reihen fest geschlossen, S.A. marschirt mit stolzem festem Tritt, die toten Brüder die Rotfront und Reaktion in unsern Reihen mit*" [19: с. 95].

Человек, не знакомый с литературным наследием Гёте, может не распознать здесь одно из самых узнаваемых его стихотворений «Над горной высью» (*Über allen Gipfeln*). Но в этом «стихотворении» показательно другое: вторая его часть – это не что иное как «Хорст Вессель» – гимн нацистской партии. С точки зрения лингвистики и герменевтики мы имеем дело с мощной метафорой, которую среднестатистический читатель, живущий вне Германии, может не суметь интерпретировать.

Однако, как отмечает Вольфганг Изер, стоит проводить различие между читателем реальным и читателем воображаемым, т.е. текстовая структура лишь предвосхищает присутствие адресата, при этом не определяя его [22]. На наш взгляд, это во многом перекликается с теорией М.М. Бахтина о высказывании: любое высказывание всегда имеет адресата, ответное понимание которого автор ищет и предвосхищает. По мысли Бахтина, помимо этого адресата, второго, «другого» в диалогических отношениях, автор с большей или меньшей осо-

знанностью предполагает «третьего» – высшего наадресата, абсолютное ответное понимание которого предполагается «либо в метафизической дали, либо в далёком историческом времени» [23: с. 323].

Неоднократно в романе фигурирует мелодия "Blue Danube", этот повторяющийся мотив часто можно слышать на улицах разрушенной Вены:

"A barrel organ was outside somewhere. "Listen", Yid said. "Blue Danube. They played it at Oswiecim, on loudspeakers, to drown the racket when there was a gassing... They yelled; you couldn't hear them. But you could see them yell" [19: с. 94].

Возникшая в воображении картина, когда крики людей в газовой камере заглушаются звуками вальса «На прекрасном голубом Дунае», становится ещё более жуткой, если знать, что этот вальс – один из самых известных произведений Иоганна Штрауса (сына). "An der schönen blauen Donau" почти со времени написания считается неофициальным гимном Австрии и Вены, к которому был даже когда-то написан патриотический текст. И если в случае с лексемой значение можно вывести из контекста, в случае с культурной реалией это не работает. Таким образом, текст, ориентированный в первую очередь на англоязычного читателя, несколько теряет краску.

Однако в свете бахтинской теории о диалогической природе текста эти моменты нельзя рассматривать как упущение, недосмотр автора: «слово... не останавливается на понимании *ближайшем*, а пробивается дальше – неограниченно» [23: с. 323]. По словам В. Изера, общий «репертуар текста... может иметь форму ссылок на социальные и исторические нормы, или же на всю культуру, породившую текст» [22: с. 69]. Уделяли достаточного внимания и вопросу о том, как языковой контекст читателей влияет на их восприятие транслингвальных текстов [21].

Тут и там в романе отчётливо виднеются следы немецкой лингвокультуры, что возвращает нас к сравнению англоязычной версии «Детей» с палимпсестом.

Одна из девочек часто повторяет, что она "healthy as a fish". О значении оборота нетрудно догадаться из контекста (девочка совершенно здорова), хотя в английском языке не находим устойчивого выражения "be healthy as a fish" в значении «быть здоровым». А вот в немецком существует выражение "gesund als Fisch im Wasser sein", что в русском языке эквивалентно выражению «здоров как бык/лошадь». Нойман просто перевёл знакомую ему идиому на английский язык.

Описывая сцену, где один из мальчиков убегает от представителя власти, автор посредством внутреннего перевода создаёт игру слов:

"...He was not given to physical exercise probably; half starved too; and his heart and the kidneys they had kicked him in at the camp" [19: с. 129].

Однако эту игру слов человек, не знакомый с немецкой фразеологией, скорее всего, не поймёт. Выражение *"auf Herz und Nieren"* (heart and kidneys) означает «тщательно, как следует». Обычный англоязычный читатель скорее подумает, что мальчика били в концлагере по сердцу и почкам, а не «как следует, от души».

В эпизоде со «стихотворением» (*Über allen Gipfeln*) один из детей говорит, что для него настоящая поэма – это Атлантическая хартия. Он зачитывает наизусть строчки, но в конце задумчиво произносит: *"But you're right. It doesn't rhyme"* [19: с. 97]. Здесь – отсылка к немецкому выражению *"einen Reim auf etwas machen"*, что примерно можно перевести как «понять что к чему, разобраться». Учитывая несоответствие данных хартией обещаний относительно пострадавших в войне стран и условий, в которых живут дети, фраза *"It doesn't rhyme"* имеет явный подтекст. И снова – для человека, не знакомого с немецкой фразеологией, этот намёк становится недоступным.

Заключение

Анализируя направления переводоведения в Германии, В.Н. Комиссаров приводит два принципа перевода И.В. Гёте. Один из них требует переселения иностранного автора к читателям перевода, так, чтобы они могли увидеть в нём соотечественника. Другой требует, чтобы читатели перевода отправились к этому чужеземцу и применились к его условиям жизни, складу его языка, его особенностям [24]. В случае с романом Роберта Ноймана можно сказать, что эти два принципа сочетаются очень органично и успешно.

Согласно теории интерлингвокультурологии восприятие текста зависит от множества факторов, среди них эрудиция автора и адресата, баланс доступности текста и его точности, влияние стереотипа описываемой культуры на адресата [1]. При анализе текста *"Children of Vienna"* мы приходим к выводу, что баланс соблюден в достаточной мере. Ксенонимы, формирующие ощущение «инокультурности»,

придающие повествованию локальный колорит, выделяются в тексте курсивом и прописной буквой. Наличие их в тексте не затрудняет восприятия (так как смысл выводится из контекста или неполное понимание именно этих, оставшихся без перевода лексем, некритично), а лишь играет на руку инокультурности, помогая воплотить замысел автора.

Несколько иначе обстоит дело с таким фактором, как эрудиция автора и адресата. Возможно, в некоторых местах уместно было бы дать затекстовое пояснение. И опять же – нераскрытая игра слов и оставшиеся без разгадки аллюзии не затрудняют восприятия текста, хотя и обесцвечивают его сильные художественные штрихи.

Нельзя не признать, что благодаря (в том числе) отсутствию пояснений со стороны автора текст представляет большой интерес с позиции транслингвальности. При анализе текста всплывает немецко-австрийская лингвокультура, так надёжно упрятанная за английским языком. Таким образом, подтверждается гипотеза о сохранении лингвокультурной идентичности автора, когда он перемешивает две культуры, два языка, создаёт транслингвальный текст, а вместе с ним новый дискурс.

В свете общности индоевропейской культуры немецко-английская литература выглядит пресной лишь на первый взгляд. Здесь нет экзотизмов, на которые так падки читатели и издатели, две диаметрально противоположные культуры (как в произведениях постколониальной литературы) не сходятся в тексте, образуя нечто яркое и новое. Смыслы, скрытые в транслингвальных текстах *Exilliteratur*, не лежат на поверхности, они лишь создают мерцание, в котором угадываются и метафоры, и аллюзии, и игра слов. Можно было бы сказать, что литература изгнания – это материал для гурманов, способных распознать и уловить тончайшие оттенки смыслов.

Большим упущением кажется то, что эта часть всемирного культурного наследия до сих пор игнорировалась отечественным языкознанием, литературоведением, переводоведением.

Роман «Дети Вены», как и многие произведения *Exilliteratur*, не был переведён на русский язык. Вскрывая этот неисследованный пласт литературы, мы получаем богатейший материал для лингвистических и гуманитарных исследований в целом.

Список источников

1. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. *Введение в интерлингвокультурологию*. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов, 2012. 252 с.
2. Kachru B.V. *Asian Englishes Beyond the Canon*. Hong Kong : Hong Kong University Press, 2005. 333p.
3. Kachru B.V. *World Englishes: Agony and ecstasy // Journal of Aesthetic Education*. 1996. Vol. 30, No. 2. P. 135–155.

4. Kachru B.B. Models for non-native Englishes // *Readings in English as an International Language* / L. Smith (ed.). Oxford : Pergamon Press, 1983. P. 69–86.
5. *Russian English: History, Functions, and Features* / Z.G. Proshina, A.A. Eddy (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 309 p.
6. Прошина З.Г. *Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. World Englishes Paradigm* : учебное пособие. Москва : ФЛИНТА : Наука, 2017. 205 с.
7. Ривлина А.А. Формирование глобального англо-местного билингвизма и усиление транслингвальной практики // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2016. № 2 (50). С. 26–34.
8. Юзефович Н.Г. Инолингвокультурный субстрат в транслингвальной литературе: постановка проблемы // *Speech and Context*. 2011. No. 2 (3). С. 235–245.
9. Прошина З.Г. Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2016. № 2 (50). С. 10–13.
10. Тлостанова М.В. *ДекOLONиальность бытия, знания и ощущения* : сборник статей. Алматы : Центр современной культуры "Целинный", 2020. 191 с.
11. Horner B. Language difference in writing: Toward a translingual approach // *College English*. 2011. Vol. 73, No. 3. P. 299–317.
12. Лебедева Е.С. Использование оригинальной художественной литературы для передачи русской культуры средствами английского языка (на материале романов Ольги Грушиной) // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2019. № 1(61). С. 127–131.
13. Лазаретная О.В. Лингвокультурный компонент английского языка как средства международного общения // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2016. № 2 (50). С. 56–62.
14. Painitz S. Children of Vienna: Translation, Rewriting, and Robert Neumann's Legacy // *Colloquia Germanica*. 2017. Vol. 50, No. 2. P. 185–204.
15. Bromley R. *Narratives for a new belonging: Diasporic cultural fictions*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2000. 182 p.
16. Florczyk P. The Palimpsest of Language: On Steven G. Kellman's "Nimble Tongues: Studies in Literary Translingualism" // *LARB. Los Angeles Review of Books*. 2020. April 10. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/the-palimpsest-of-language-on-steven-g-kellmans-nimble-tongues-studies-in-literary-translingualism/> (accessed: 08.09.2022).
17. Brunnhuber N., Ritchie J. M. *The Faces of Janus: English-language Fiction by German-speaking Exiles in Great Britain, 1933–1945*. Oxford : Peter Lang, 2005. 240 p.
18. Steinitz T. *Translingual Identities : Language and the Self in Stefan Heym and Jakov Lind*. Rochester, N.Y. : Camden House, 2013. 213 p.
19. Neumann R. *Children of Vienna*: a novel. New York : E.P. Dutton, 1947. 227 p.
20. Ayoub D. Multilingual others: Transliteration as resistant translation // *Multilingual Literature as World Literature* / J. Hidleston, W. Ouyang (eds.). New York : Bloomsbury Academic, 2021. P. 184–200.
21. Хансен Д. Как понимать трансязыковой текст: русские имена, культурные аллюзии и игра слов в романе «Жизнь Суханова в сновидениях» Ольги Грушиной // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2016. No. 2 (50). С. 62–73.
22. Iser W. *The act of reading: A Theory of Aesthetic Response*. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1978. 224 p.
23. Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. 2-е изд. Москва : Искусство, 1986. 444 с.
24. Комиссаров В.Н. *Общая теория перевода: Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых*. Москва : Юрайт, 2000. 132 с.

References

1. Kabakchi V.V., Beloglazova E.V. *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu*. [Introduction to Interlinguoculturology]. St. Petersburg : St. Petersburg State University of Economics and Finance Press, 2012. 252 p. (in Russ.)
2. Kachru B.B. *Asian Englishes Beyond the Canon*. Hong Kong : Hong Kong University Press, 2005. 333 p.
3. Kachru B.B. World Englishes: Agony and ecstasy // *Journal of Aesthetic Education*. 1996. Vol. 30(2). P. 135–55.
4. Kachru B.B. Models for non-native Englishes // *Readings in English as an International Language* / L. Smith (ed). Oxford : Pergamon Press, 1983. P. 69–86
5. *Russian English: History, Functions, and Features* / Z.G. Proshina, A.A. Eddy (eds.). Cambridge : Cambridge University Press. 2018. 309 p.
6. Proshina Z.G. *Kontaktnaya variantologiya anglijskogo yazy'ka. Problemy` teorii* [World Englishes Paradigm. Problems of theory]. Moscow : Flinta, 2017. 205 p. (in Russ.).
7. Rivlina A.A. Formirovanie global'nogo anglo-mestnogo bilingvizma i usilenie translingval'no praktiki [Forming of global English-local bilingualism and enhancement of translingual practices] // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East]. 2016. № 2 (50). P. 26–34. (in Russ.).
8. Yuzefovich, N. Inolingvokul'turny`j substrat v translingval'noj literature: postanovka problemy [Foreign linguocultural substratum in translingual literature] // *Speech and Context*. 2011. № 2 (3). P. 235–245.
9. Proshina Z.G. Problemy` i perspektivy` translingval'ny`x i transkul'turny`x kontaktov [Problems and prospects of translingual and transcultural contacts] // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East]. 2016. No 2 (50). P. 10–13. (in Russ.).
10. Tlostanova M.V. *Dekolonial'nost` by'tiya, znaniya i oshhushheniya: sbornik statej*. [Decoloniality of being, knowledge and feeling: collected papers]. Almaty, 2020. 191 p. (in Russ.).
11. Horner B. Language Difference in Writing: Toward a Translingual Approach // *College English*. 2011. No.3 (73). P. 299–317.

12. Lebedeva E.S. Ispol'zovanie original'noj xudozhestvennoj literatury` dlya peredachi russkoj kul'tury` sredstvami anglijskogo yazy`ka [Using original fiction texts for transmitting Russian culture by means of the English language] // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East]. 2019. № 1(61). P. 127–131. (in Russ.).
13. Lazaretnaya O.V. Lingvokul'turny`j komponent anglijskogo yazy`ka kak sredstva mezhdunarodnogo obshheniya [Linguacultural component of the English language as a means of international communication] // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East]. 2016. No 2 (50). P. 56–62. (in Russ.).
14. Painitz S. Children of Vienna: Translation, Rewriting, and Robert Neumann's Legacy // *Colloquia Germanica*. 2017. Vol. 50, No. 2. P. 185–204.
15. Bromley R. *Narratives for a new belonging: Diasporic cultural fictions*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2000. 182 p.
16. Florczyk P. The Palimpsest of Language: On Steven G. Kellman's "Nimble Tongues: Studies in Literary Translingualism" // *LARB. Los Angeles Review of Books*. 2020. April 10. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/the-palimpsest-of-language-on-steven-g-kellmans-nimble-tongues-studies-in-literary-translingualism/> (accessed 08.09.2022).
17. Brunnhuber N., Ritchie J. M. *The Faces of Janus: English-language Fiction by German-speaking Exiles in Great Britain, 1933–1945*. Oxford : Peter Lang, 2005. 240 p.
18. Steinitz T. *Translingual Identities : Language and the Self in Stefan Heym and Jakov Lind*. Rochester, N.Y. : Camden House, 2013. 213 p.
19. Neumann R. *Children of Vienna: a novel*. New York : E.P. Dutton, 1947. 227 p.
20. Ayoub D. Multilingual others: Transliteration as resistant translation // *Multilingual Literature as World Literature*. / J. Hiddleston, W. Ouyang (eds.). New York : Bloomsbury Academic, 2021. P. 184–200.
21. Hansen J. Kak ponimat' trans`yazy`kovoj tekst: russkie imena, kul'turny'e allyuzii i igra slov v romane «Zhizn` Suxanova v snovideniyax» by Ol'ga Grushin [Making Sense of the Translingual Text: Russian Wordplay, Names and Cultural Allusions in Olga Grushin's the Dream Life of Sukhanov] // *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East]. 2016. No 2 (50). P. 62–73. (in Russ.).
22. Iser, W. *The act of reading: A Theory of Aesthetic Response*. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1978. 224 p.
23. Baxtin M.M. *E`stetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity] Moscow, 1986. 444 p. (in Russ.).
24. Komissarov V.N. *Obshhaya teoriya perevoda: Problemy` perevodovedeniya v osveshhenii zarubezhny`x ucheny`x* [The General Theory of Translation: issues of translation studies in foreign scholars' works]. Moscow, 2000. 132 p. (in Russ.).

Информация об авторе

A.M. Витошнова – аспирант РГПУ им. А.И. Герцена, старший преподаватель НИТУ «МИСиС».

Information about the author

A.M. Vitoshnova, postgraduate student (Herzen State Pedagogical University of Russia); Senior Lecturer (NUST "MISIS").

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 01.12.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Original article
UDC 808.1
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-101-107

INTERNAL TRANSLATION OF SLAVIC LINGUACULTURE IN NICHOLAS KOTAR'S NOVEL *THE SONG OF THE SIRIN*

Sofiya Mariya V. Tchemodanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Sophie.t3@gmail.com

Abstract. This article examines elements of Slavic linguaculture present in contemporary American literature in the English-language novel written by Nicholas Kotar, an American bilingual author of Russian ancestry from the first-wave of émigrés. In the novel *The Song of the Sirin*, the writer uses internal translation in portraying medieval East Slavic culturonyms mythopoetically transformed for English-speaking readers.

Keywords: internal translation, bilingual writer, heritage language speaker of Russian, linguaculture, syncretism, transcultural literature, mythopoetic literature

Научная статья

ВНУТРЕННИЙ ПЕРЕВОД СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ В КНИГЕ «ПЕСНЯ СИРИНА» НИКОЛАЯ КОТАРА

София Мария Викторовна Чемоданова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, Sophie.t3@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются элементы славянской лингвокультуры, представленные в современной американской художественной литературе у американского писателя-билингва русского происхождения первой волны эмиграции Николая Котара. В произведении «Песня Сирина» Николай Котар применяет внутренний перевод в передаче средневековых восточно-славянских культуронимов, трансформированных в мифопоэтическом стиле для англоязычных читателей.

Ключевые слова: внутренний перевод, писатель-билингв, наследник русского языка, лингвокультура, синкретизм, транскультурная литература, мифопоэтическая литература

Slavic Linguaculture in Contemporary American Fiction

Over the past decades, there has been a gradually developing representation of Slavic and Russian linguaculture in American fiction [1]. This is seen mostly in literary works of American authors of Slavic background, and in particular of Russian ancestry, although creators with no Eastern European roots have also incorporated elements of East Slavic culture into their works. However, the latter example is seen as embellishment rather than a transcultural phenomenon of the former example. It is worth noting how bilingual authors who are also bicultural are able to use their languages and cultures in the literary space, becoming representatives of both linguacultures. As a result, these writers develop transculturalism and translingualism within themselves. Language and culture contact results in the rapidly evolving transcultural literary genres [2]. This phenomenon increases interest in studying how languages and cultures intermix in bilingual authors.

For instance, the continuously evolving Russian-American transcultural literary works of classic, e.g., Vladimir Nabokov and Joseph Brodsky, and contemporary bilingual authors, such as Nicholas Kotar, have been valuable in tracing the perpetually changing language and culture and what influences these changes expressed in literary discourse.

This article examines several of the numerous culturonyms from East Slavic linguaculture found in Nicholas Kotar's novel *The Song of the Sirin*, imbued with medieval Rus' folklore and fairy tales. Nicholas Kotar uses in his literary works internal translation in portraying Slavic culturonyms in contemporary American fiction.

Internal Translation of Exoticisms (Slavicisms) and Borrowings

Internal translation is a term in translation studies that was introduced by Doctor of Philology, Professor Victor V. Kabakchi. This type of translation is done by bilingual individuals and is utilized when authors create original texts that incorporate culturonyms

from multiple cultures harmoniously; it requires decision making on the part of the author about how to bridge cultural and linguistic gaps which arise in the course of text creation. More specifically, internal translation is defined as the usage of language actions in intercultural communication to describe a foreign linguaculture [3: p. 296]. When depicting a foreign culture, for example Russian, in the English language, culturonyms are separated into idioculturonyms and xenonyms. Idioculturonyms are lexical units of an inner culture (i.e. familiar, domestic culture), resulting from primary cultural verbalization. [4: p. 29] Xenonyms, on the other hand, are lexical units of an outer culture that is perceived as exotic and foreign. Xenonyms are also called non-equivalent vocabulary or lacunae that in the process of lexical borrowing become exoticisms. [4: p. 29] A linguistic lacuna is when there is no one-word name for a certain concept in the target language [5: p. 312]. A cultural lacuna is when a certain concept or an object from a specific culture does not exist in a different culture [5: p. 312]. This leads to loan words and lexical borrowing.

Internal Translation of Slavicisms in *The Song of The Sirin*

Nicholas Kotar uses internal translation throughout his English-language novel *The Song of The Sirin* conveying Slavicisms and Russianisms to readers to whom these lexical units may be largely unfamiliar. The following examples, accompanied by their Russian translation, of Slavicisms found in the novel illustrate the author's use of internal translation. The Russian translation is provided to demonstrate the mythopoetic transformation, which these Slavicisms underwent.

In Russian, *sudar* (сударь) is an archaic honorific title equivalent to "sir" or "lord" in English. In the Russian Empire, the honorific title *sudar* was used to address a member of the middle or upper class. In the novel *The Song of the Sirin*, 'сударь' is used as an honorific title for someone from an unspecified social class. The Russianism *sudar* is followed by an explanatory translation in the novel. In the Russian translation* the word 'сударь' sounds outdated, yet comprehensible and quaint to the modern day Russian speaker.

- "‘Sudar,’ said the merchant, using the honorific of respect for a person of indeterminate social class, ‘may I ask what you intend...’ All the ladies gasped in unison as the Pilgrim dropped both urns to the ground.” [6: p. 33]
- «Сударь, – обратился купец, используя уважительную форму обращения к лицу неопределённого социального положения, – могу ли я спросить, что вы намерены... – Все дамы од-

новременно ахнули, когда Странник бросил оба сосуда на землю».

In medieval Rus, *voyevoda* (воевода) was a military leader [7]. In *The Song of the Sirin* this Slavicism is used similarly in the following two examples, testifying to the foreignization strategy and without an explanatory translation, allowing the readers to decipher the meaning of the word "voyevoda" from the context of the storyline. The foreignization strategy retains the exotic element for English-speaking readers in comparison to the Russian translation in which voyevoda is familiar to Russian-speaking readers.

- "Suffice it to say that had I not been Voyevoda, had I not seen death and torture firsthand, I would have done as they wanted and run screaming for the hills, whipping up the populace with the nameless fear." [6: p. 271]
- «Достаточно сказать, что если бы я не был воеводой, если бы я не видел смерти и пыток воочию, я бы сделал, как они хотели, и побежал бы с криком в горы, подгоняя народ безымянным страхом».
- "Acolytes lit and scented censers, and the smoke rose to accompany the chant offered on behalf of the fallen Voyevoda of Vasyllia..." [6: p. 322]
- «Аколиты зажгли и воскурили кадильницы, и поднялся дым в сопровождении пения, возносимого за павшего воеводу государства Василии...».

In medieval Rus, *kaftan* (кафтан) was a coat worn by men, which comes from the Persian word *khafṭān*. In the novel, the author incorporates this article of clothing in one of its varieties as seen in the subsequent quote along with the Russian translation. The exoticism "kaftan" is followed by explanatory translation given by the writer as follows.

- "Vorán put on his finest kaftan—sleeveless, the collar and shoulders tipped with rabbit fur—and tried to brush the dirt off his boots." [6: p. 108]
- «Воран надел свой лучший кафтан без рукавов, с воротником и плечами, отороченными кроличьим мехом, и попытался стряхнуть грязь со своих сапог».

In the following sentence, the writer opted for the domestication strategy and generalization *mead*, an alcoholic beverage produced from fermented honey [8], instead of using the transliteration *medovukha* (медовуха), stemming from the word *myod* (мёд) –'honey'.

- "The eldest son carried a frothing tankard of mead carved in the shape of a mallard." [6: p. 37]
- «Старший сын нёс пенящуюся кружку медовухи, вырезанную в форме кряквы».

* All translations are done by the article author.

The next example is the altered usage of the noun *swanling*. In English, the word *swanling* denotes a baby swan, containing the diminutive suffix *-ling*. However, in this case the suffix *-ling* indicates the quality of a swan, i.e. “swanlike” in mannerisms from the Russian meaning of *swanling* (лебёдушка) used to address a poised young lady. In this case, the author uses the domestication strategy and internal translation in retaining the Russian linguacultural meaning for the word *swanling*.

- “The entire village will take care of our swanling.” [6: p. 301]
- «Вся деревня будет заботиться о нашей лебёдушке».

Often peasants wore shoes made of birch tree bark—*lapti* (лапти) in Russian. Explanatory translation and generalization are used for clarity to describe this cultronym by omitting the Russian loan word *lapti* for English-speaking readers. In the Russian translation the description indicates that these bast shoes are *lapti*.

- “He wore a nondescript grey robe, and rough shoes woven from tree bark peeked out from the tattered hem.” [6: p. 192]
- «На нём было невзрачное одеяние, а из рваного подола выглядывала грубая обувь, сплетённая из древесной коры».

In various Slavic cultures, hosts would greet honorable guests with a loaf of bread, called *karavai* in Russian (каравай), with salt wrapped in a towel called *rushnik* (рушник). The guests would be expected to dip a piece of bread into salt and eat the piece. In the following example from the novel, the author provides a description of this ancient ritual by using explanatory translation.

- “Five longboats waited on the shore, and a small group of Vasylli—or so they seemed by their dress, even if it was a little outmoded—greeted us. Svetlomiř was at their head, carrying a loaf of bread in an embroidered white towel, with a wooden cup of salt in the middle.” [6: p. 153]
- «На берегу ждали пять баркасов, и нас встретила небольшая группа из Василии – так они казались по одежде, хотя и немного старомодной. Во главе шёл Светломир, неся буханку хлеба на вышитом белом платке, с деревянной солонкой посередине».

Another example of internal translation of a Slavicism present in the novel would be the word *borzoi*, which is a Russian dog breed often kept by the gentry for hunting. Here, Nicholas Kotar uses the Slavic word directly, as an exoticism, yet adds ‘hunter-’ prior to include an explanation of this breed’s characteristic.

- “He lay by the hearth in the sleeping embrace of three hunter-borzoi.” [6: p. 366]
- «Он лежал у очага в спящих объятиях трёх охотничьих-борзых».

Internal Translation of East Slavic Mythology

In East Slavic folklore, a *srin* (сирин) is a supernatural being of happiness unlike the malicious siren of Greek myths. In Nicholas Kotar’s novel, the sirins are benevolent mythical creatures, aiding the protagonists with their heavenly songs and apt guidance. The author applies explanatory translation when describing the *srin*.

- “The creature had a woman’s face and torso, seamlessly blending with the wings and eagle body. Her head was adorned in golden-brown curls, and each feather shone like a living gem. A Sirin. She opened her mouth and sang...” [6: p. 11]
- «Существо имело женский лик и туловище, плавно сливаясь с крыльями и туловищем орла. Её голову украшали золотисто-русые локоны, и каждое перышко сияло, как живой драгоценный камень. Это была птица-Сирин. Она открыла свои уста и запела...»
- “The song of the Sirin stopped, and life lost all meaning. It was all grey, ugly, useless without her song.” [6: p. 12]
- «Песня Сирина прекратилась, и жизнь потеряла всякий смысл. Все было серо, уродливо, бесполезно без её песни».

In Russian fairy tales, a *firebird* (жар-птица) is a mythical creature with glowing feathers. This type of bird was sought after on a heroic quest and served as plot development, initiating the hero’s journey [9]. In the example as follows the writer uses explanatory translation.

- “The sky above them shimmered with red gold. Hundreds of firebirds circled the tree.” [6: p. 395]
- «Небо над ними переливалось красным золотом. Над деревом кружили сотни жар-птиц».

The *gamayun* (гамаюн) is a prophetic half-bird, half-woman, an oracle in Slavic folklore. This being has the same attributes by using explanatory translation in Nicholas Kotar’s novels.

- “Gamayun sings all possible futures, and Gamayun sings invariably of one thing concerning your future.” [6: p. 252]
- «Гамаюн воспеваает все возможные варианты будущего, и при этом Гамаюн поёт неизменно об одном, касательно твоего будущего».

In East Slavic mythology, a *rusalka* (русалка) is the malicious spirit of a young woman that drowned [10]. In *The Song of the Sirin*, this entity is ill-natured, yet feigns innocence. Explanatory translation is used to describe the characteristics of a *rusalka*.

- “Rusalka: the unquiet soul of a drowned girl. Likes to tickle young men to death.” [6: p. 189]
- «Русалка – неугомонная душа утонувшей девушки, любящий щекотать молодцев до смерти».
- “Something laughed in the trees. It was a girlish laugh, uninhabited and slightly insane. She had thick, waving blond hair reaching to her heels. It dripped wet, but still covered her body.” [6: p. 194]
- «Раздался смех в деревьях. Это был девичий смех, неживой и немного безумный. У неё были густые волнистые белокурые волосы до пят. Они спадали влажными прядями, всё ещё покрывая её тело».

In myths, a *leshy* (леший) is a forest spirit and the protector of the woods, often being a trickster to humans who wander too deep into the wild woodland. In the novel, Leshy for the most part retains these qualities. The author also calls Leshy a *lesnik* (лесник), which literally translates as “forest dweller” [10]. In modern Russian, *lesnik* is a forester, also called a forest ranger—the caretaker of the woods and its inhabitants. In *The Song of the Sirin*, Leshy has the ability to shrink or grow in size and unexpectedly aids the struggling protagonist.

- “Leshy: a spirit of the forest. Sometimes goes by the name ‘Lesnik’.” [6: p. 189]
- «Леший – дух леса, а иногда называется “Лесник”».
- “It was a giant, covered with matted hair and green moss, with acorns and pinecones sticking out of his long beard.” [6: p. 193]
- «Это был великан, заросший зеленым мхом и со спутанными волосами, из его длинной бороды торчали желуди и сосновые шишки».

In the novel, the generalization *hag* (an old witch) is in lieu of the transliteration *Baba Yaga* (Баба-Яга), who is an ominous entity in many Slavic legends. In some legends *Baba Yaga* is an antagonist, and in others she unpredictably lends a helping hand in a dire situation [11]. Probably, the author avoids the Slavicism “*Baba Yaga*” to avoid the overused stereotype among English-speakers hence he opts for the generalization “*hag*”.

- “Hag: a shape-shifter of dubious loyalties. She may or may not be immortal.” [6: p. 189]
- «Ведьма – оборотень с сомнительными намерениями. Она может быть или не быть бессмертной».

The aforementioned hag (*Baba Yaga*) dwells in a mobile *hut standing on chicken feet* (избушка на куриных ножках). This magical hut is sentient and responds to commands, which is illustrated in the following quote from the novel succeeded by its

translation to Russian. The bidding “Turn your back to the forest, with your front to me” («Повернись к лесу задом, ко мне передом») is an allusion to Russian fairy tales in which the hero would utter the corresponding phrase. [11]

- “The warrior came to the edge of a forest. There, in a clearing, he saw the hut standing on chicken feet. ‘Hut, hut! Turn your back to the forest, with your front to me.’ It turned.” [6: p. 327]
- «Воин подошел к опушке леса. Там, на полянке, он увидел избушку, стоящую на куриных ножках – Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, ко мне передом» – Она повернулась».

Internal Translation of Anthroponyms

In the novel, the main character’s rank is *vohin* (воин), a warrior title in Russian, which is denoted by using the foreignization strategy.

- “‘Vohin Voran,’ said Mirnían, ‘son of Otchigen, the former Voyevoda of Vasyllia, you are charged with dereliction of duty.’” [6: p. 103]
- «Воин Воран, – молвил Мирниан, – сын Очигена, бывшего воеводы Василии, вы обвиняетесь в неисполнении служебных обязанностей».

Voran is the name of the story’s protagonist, and is a transcribed homophone with the Russian word *voron* (ворон), which means “raven”. However, in the story “*Voran* means stone in Old Vasylli.” [6: p. 73] This is a mythopoetic transformation done by the writer. Notably, the novel’s main antagonist is the soul-devouring *Raven*, an ancient malign spirit.

- “It seems the Raven has a habit of possessing human bodies, though this vessel was hardly human by then. The Raven had consumed most of him already.” [6: p. 272]
- «Кажется, Ворон имеет особенность вселяться в человеческие тела, хотя к тому времени этот сосуд вряд ли уже был человеческим. Ворон поглотил большую часть его тела».

The name *Lebia* (Лебия) sounds close to the word *lebed* (лебедь), which means *swan* in Russian. All through the novel *Lebia*’s diminutive term of endearment is *swanling*, which is denoted by applying the domestication strategy.

- “Lebia danced, arms outstretched. The setting sun lit up three singing firebirds on her shoulders and arms.”
- «Лебия танцевала, раскинув руки. Заходящее солнце осветило на её плечах и руках трёх поющих жар-птиц». [6: p. 28]
- “Oh, swanling. Sometimes I forget about the weight of pain on your sixteen years.” [6: p. 78]
- «–Ох, лебёдушка. Иногда я забываю о тяжести боли, которую ты испытала в твои шестнадцать лет».

Aglaia is originally a Greek name. However, *Aglaia* (Аглая) is a widespread name in Russian linguaculture and is often found in Russian-language literature. In the following example *Aglaia* decides to pick *rowan berries* (рябина), a common berry in East Slavic tradition.

- “*Aglaia* stood in the doorway, wrapped up against the cold, stopping for a moment before going out to pick the last of the rowan berries before winter.” [6: p. 367]

- «Аглая стояла в дверях, укутанная от холода. Она остановилась на мгновение, прежде чем выйти, чтобы собрать последние ягоды рябины перед приходом зимы».

Another common name in East Slavic linguaculture is *Gleb*. Saint *Gleb* was one of the first Orthodox Christian canonized martyrs who lived in the 11th century [12]. In the novel, *Otar Gleb* is a clergyman. “*Otar*” is an honorific title for the clerics in the story. The title “*otar*” sounds similar to the Russian word *otets* (отец), meaning “father”. Possibly, the author transformed the cultural title “*otets*” to “*otar*”, which highlights the ecclesiastic role of the character, and emphasizes the respect to the father figure in patriarchal society.

- ““*Otar Gleb*! We only needed you to make this evening perfect. Come, come! The newcomer was a young priest whom *Voran* didn’t know. He was dressed in a linen cassock with no adornment other than a red embroidered belt...When he smiled, he was beautiful.” [6: p. 42]

- «*Отар Глеб*! Ты как раз нам нужен, и тогда вечер станет идеальным. Заходи, заходи! – Новоприбывший был молодым священником, которого *Воран* не знал. Он был одет в льняную рясу без какого-либо убранства, кроме красного вышитого пояса... Когда он улыбался, он был красив».

Dar Antomir is the ruler of *Vasillia* (Дар Антомир правитель государства *Vasillia*). In the novel *The Song of the Sirin*, *Dar* is a title such as “king” or “tsar”. The word *dar* means “gift” in Russian.

- “*Dar Antomir* sat in a simple throne of white marble under the fresco of the aspen sapling.” [6: p. 102]

- «*Дар Антомир* восседал на простом троне из белого мрамора под фреской с изображением саженца осины».

A minor yet key character in the story is *Bayan the Bard* (Баян-певец, сказатель). The bard’s name *Bayan* is an allusion to East Slavic linguaculture. *Bayan* is a Russian accordion, which in turn was named after the eleventh-century bard *Boyan* [13].

- “Every *Dar* has had his own chosen bard. The last, and most brilliant of all, was blind *Bayan*, who outlived two *Dars* and died on the eve of the great battle for *Vasyllia*.” [6: p. 339]

- «У каждого *Дара* был свой избранный певец-сказитель. Последним и самым блестящим из всех был слепой *Баян*, переживший двух правителей и почивший накануне великой битвы за *Василию*».

In medieval history there were khans, such as *Genghis Khan*, who were rulers of nomadic warriors from Central Asia. *Ghan Magai* (Ган-Магай) is a fictional character, and alludes to the real-life historical figure *Mamai* (Мамай), a medieval Golden Horde warlord [14]. The writer transforms the title *khan* to *ghan* in his mythopoetic literary works. In the word “*khan*” (хан), the letter “*k*” is unvoiced while in the fictional title “*ghan*” (ган) the letter “*g*” is voiced, altering the pronunciation. This change is done intentionally on account of the writer’s use of the standard form of “*khan*” in his nonfiction work *Heroes for All Time: Stories of Inspiring Heroism from Russian History* describing the historical events of Medieval Rus and the Golden Horde [7].

- ““*Ghan* speak now, yes?” said the *Ghan*. “My name—*Magai*. *Ghan Magai*. You, I know.” [6: p. 267]

- «Ган говорит сейчас, да?» – спросил Ган. – Мое имя – Магай. Ган-Магай. Тебя я знаю».

Internal Translation of Charactonyms

The name *Yadovir* (Ядовир) is a charactonym, and the root of the name comes from the Russian word *yad* (яд), which means “poison”. Russian-speaking readers will immediately know that this is a negative character, unlike English-speaking readers who learn *Yadovir*’s true nature through his noxious actions revealed in the plot.

- “*Yadovir* wanted power, absolute power, and he was even willing to speak with the *Ghan*, to give up his own city on the enemy’s terms, if only it meant a chance at that power.” [6: p. 235]

- «*Ядовир* жаждал власти, абсолютной власти. Он даже был готов договориться с *Ганом*, сдать свой город на условиях врага, лишь бы это означало шанс на такую власть».

Svetlomir (Светломир) is another charactonym. The name consists of two roots. The first root comes from the word *svet* (свет), which means “light” in Russian. The second root comes from the word *mir* (мир) inferring “world” or “peace”. The meaning of *Svetlomir* is *Light World* or *Light Peace*, implying that “*Light World*” or “*Light Peace*” are the virtuous nature of the character bearing this name. English-speaking readers learn *Svetlomir*’s compassionate disposition in

the storyline by his deeds. Svetlormír's title is "Otar", making him a cleric in the story.

- "Otar Svetlormír was the first to embrace him with tears in his eyes, then every other member of the village followed suit." [6: p. 206]
- «Отар Светломир первым обнял его со слезами на глазах, за ним последовали все остальные жители села».
- "His smile smoothed out the furrows in his forehead, making him look twenty years younger. His young smile had been the first thing Lebía saw when the pilgrims arrived on Ghavan Isle" [6: p. 151]
- «Его улыбка разгладила морщины на лбу, и он как-бы помолодел на двадцать лет. Его молодая улыбка была первой, что увидела Лебия, когда паломники прибыли на Остров-Гавань».

Internal Translation of Toponyms

The placename *Ghavan Isle* (Остров-Гавань) comes from the Russian word *ghavan* (гавань), which translates as "harbor". In Russian linguaculture, "ghavan" has a positive connotation of home and safety.

- "They welcomed us like family, and before we knew it we were all on the boats. We sailed to a dim dot on the horizon. Ghavan Isle, they call it." [6: p. 153]
- «Они встретили нас как родных, и, прежде чем мы опомнились, мы все оказались в лодках. Мы плыли в сторону тусклой точки на горизонте. Остров-Гавань, как они его называют».
- The first settlers, it is said, were led here by the Sirin directly." [6: p. 153]
- «Говорят, что первых поселенцев привела сюда непосредственно птица-Сирин».

The *steppe/steppeland* is mentioned several times, which is a Eurasian geographical region. The steppe (степь) is similar in climate to the prairie in North America. In the story, nomadic tribes live in the steppe. This is an allusion to the historical nomadic Golden Horde. In *The Song of the Sirin*, the author adds the root *-land*, extending the geographical zone for poetic purposes. Yet, the words *steppe* and *steppelands* are used interchangeably throughout the story.

- "In the back of his mind he remembered an old rumor, from about ten years ago, that nomad armies were assembling in the far Steppelands." [6: p.93]
- «В глубине души он вспомнил старый слух десятилетней давности о том, что армии кочевников собираются в далеких степных землях».
- "The Sirin reveled in the delights of mountain and steppe, lake and river, basking in the simple company of the beasts who adored them." [6: p. 196–197]

- «Сирин упивалась прелестями гор и степей, озер и рек, наслаждаясь в простой компании зверей, обожавших эти места».

In the novel, *Vasyllia* is the principal city. The name of the city comes from the Russian male name *Vasili* that in turn derived from the Greek name *Vassilios* (*Basil*), meaning "kingly".

- "The song of the Sirin can overthrow kingdoms. I know. I have seen it. I have seen the song make gods of men. The song carved the eternal city of Vasyllia out of the mountains." [6: p. v]
- «Песня Сирин может ниспровергнуть царства. Я знаю. Я видел это. Я видел, как песня превращала людей в богов. Песня создала из гор вечный город Василию».

The place names from the novel *Tiverna* (Тиверна), *Bskova* (Бскова), and *Charnigal* (Чарнигал) bring to mind historical city-states in medieval Rus: *Tver* (Тверь), *Pskov* (Псков), and *Chernigov* (Чернигов). In Medieval Rus, during the feudal fragmentation, smaller principalities were under the authority of bigger city-states that collected tribute for protection and security [12]. Probably, the phonetic transformation of existing toponyms is done for mythopoetic purposes, retaining an allusion to Ancient Rus.

- "Tiverna, Bskova, and Charnigal pay tribute to Karila." [6: p. 179]
- «Тиверна, Бскова и Чарнигал платят дань Кариле».

Linguistic and Cultural Worldview of a Bilingual Writer

The examples provided prior alongside Russian translation show the natural and free-flowing transition between the two linguacultures of the bilingual writer. Bilingual creativity demonstrates combined linguacultures presented in the literary works. The ability to blend one's cultures and languages is a well-developed linguacultural skill that not all bilingual and bicultural authors are able to develop in creative writing when expressing their ideas. The linguistic and cultural worldview is formed from experiences which are reflected in the literary space of bilingual and/or bicultural authors. The linguistic and literary analyses of bilingual writers' linguacultural skills find their representation in contemporary literary genres. Internal translation found in Nicholas Kotar's novel *The Song of the Sirin* guides English-speaking readers into a new linguacultural setting and evokes readers with an East Slavic background to a reimagined mythopoetic linguaculture of medieval Rus, and further expands transcultural literature in present-day American fiction.

References

1. Proshina Z.G. and Eddy A.A. (eds.). *Russian English: History, functions, and features*. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 312 p.
2. Proshina Z.G. *Kontaktnaya variantologiya anglijskogoazyka. Problemy` teorii. World Englishes Paradigm [Contact variantology of the English language. Theory matters. World Englishes Paradigm]*. Moscow : FLINTA: NAUKA, 2020. 205 p. (In Russ.)
3. Zhukova I. N., Lebedko M. G., Proshina Z. G., Yuzefovich N. G. *Slovar` terminov mezhkul`turnoj kommunikaci. [Terms Glossary of Intercultural Communication]*. Moscow : FLINTA, 2013. 632 p. (In Russ.).
4. Kabakchi V.V., Beloglazova E.V. *Vvedenie v interlingvokul`turologiyu [Introduction to interlinguaculturology]*. 2nd edition. Moscow : Urait, 2022. 250 p. (In Russ.).
5. Proshina Z. G. *Teoriya perevoda. [Theory of Translation]*. Moscow : Urait, 2019. 320 p. (In Russ.).
6. Kotar N. *Song of the Sirin*. Las Vegas, NV : Waystone Press, 2017. 420 p.
7. Kotar N. *Heroes for All Time: Stories of Inspiring Heroism from Russian History*. Las Vegas, NV : Waystone Press, 2020. 120 p.
8. Mead // *Encyclopedia Britannica*, edited by Kara Rogers. 2022. URL: <https://www.britannica.com/topic/mead> (accessed: 22.12.2022).
9. Kotar N. *In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia / Transl. and retold by Nicholas Kotar*. Las Vegas, NV : Waystone Press, 2021. 82 p.
10. Sviridova L., Kravchenko M. *Russkij fol`klor [Russian Folklore]*. Vladivostok : Far East State University Press, 2001. 368 p. (In Russ.).
11. Kotar N. *How to Survive a Russian Fairy Tale: or How to Avoid Getting Eaten, Chopped into Little Pieces, or Turned into a Goat*. Las Vegas, NV : Waystone Press, 2019. 80 p.
12. Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G. Sivokhina T.A. *Istoriya Rossii. [History of Russia]*. 2-nd edition. Moscow : Prospekt, 2015. 680 p. (in Russ.).
13. Boyan. [Boyan] // *Academic.ru*. 2022. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/38796> (accessed: 11.12.2022). (In Russ.).
14. Golden Horde // *Encyclopedia Britannica / Ed. by John M. Cunningham*. 2022. URL: <https://www.britannica.com/place/Golden-Horde> (accessed: 11.12.2022).

Список литературы

1. *Russian English: History, functions, and features / Z.G. Proshina, A.A. Eddy (eds.)*. Cambridge : Cambridge University Press. 2016. 312 p.
2. Прошина З.Г. *Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. World Englishes Paradigm*. Москва : Флинта, 2020. 205 с.
3. *Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович ; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной*. Москва : Флинта : Наука, 2013. 632 с.
4. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. *Введение в интерлингвокультурологию*. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2022. 250 с.
5. Прошина З.Г. *Теория перевода*. 4-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2019. 320 с.
6. Kotar N. *Song of the Sirin*. Las Vegas, NV : Waystone Press, 2017. 420 p.
7. Kotar N. *Heroes for All Time: Stories of Inspiring Heroism from Russian History*. Las Vegas, NV : Waystone Press, 2020. 120 p.
8. Mead // *Encyclopedia Britannica / Ed. by Kara Rogers*. 2022. URL: <https://www.britannica.com/topic/mead> (accessed: 22.12.2022).
9. Kotar N. *In a Certain Kingdom: Fairy Tales of Old Russia / Transl. and retold by Nicholas Kotar*. Las Vegas, NV : Waystone Press, 2021. 82 p.
10. Свиридова Л., Кравченко М. *Русский фольклор*. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 368 с.
11. Kotar N. *How to Survive a Russian Fairy Tale: or How to Avoid Getting Eaten, Chopped into Little Pieces, or Turned into a Goat*. Las Vegas, NV : Waystone Press, 2019. 80 p.
12. *История России / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2015. 680 с.
13. Боян // *Academic.ru*. 2022. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/38796>. (дата обращения: 22.12.2022).
14. Golden Horde // *Encyclopedia Britannica / Ed. by John M. Cunningham*. 2022. URL: <https://www.britannica.com/place/Golden-Horde>. (accessed: 22.12.2022).

Information about the author

S.M.V. Tchomodanova is a postgraduate student, Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies.

Информация об авторе

С.М.В. Чемоданова – аспирант кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения.

The article was submitted 18.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Статья поступила в редакцию 18.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.

Научная статья

УДК 811.111 : 82-312.9

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-108-115

СОЗДАНИЕ ОПОСРЕДОВАННОЙ КАРТИНЫ МИРА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДИНИЙ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ Д. ЕМЦА О ТАНЕ ГРОТТЕР)

Екатерина Константиновна Караванова¹, Людмила Сергеевна Торопова², Юлия Сергеевна Максимова³

^{1, 2, 3} Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹karavanova2003@mail.ru

²lyuda_b2004@mail.ru

³juliamaxprof@gmail.com

Аннотация. Данная статья обращается к опыту создания опосредованной через перевод на английский язык картины мира на примере произведений жанра фэнтези Д. Емца о Тане Гроттер. Основное внимание авторов направлено на исследование лингвокультурологических особенностей такой картины мира через сравнительный анализ антропонимов как культурных маркеров создаваемого переводчиком особого языкового пространства в контексте английского как языка перевода, а также на интеракциональность как составляющую часть культуры, переводческого процесса, восприятия читателями художественного текста фэнтези. Авторы приходят к выводам о том, что специфика опосредованности картины мира рассматриваемого цикла произведений определяется общим для читателей концептуальным пространством волшебного мира (субкультурой «Поттерианы»), созданного Дж. К. Роулинг. Рассматриваемые примеры перевода на английский язык отражают своеобразие и глубину русскоязычных мифологических, фольклорных, исторических истоков, закрепленных в антропонимах как языковых культурных кодах, передача которых представляет определенную переводческую трудность. Полученные результаты имеют дискуссионный характер и предполагают дальнейшее изучение.

Ключевые слова: культура, перевод, фэнтези, опосредованная картина мира, интеракциональность, антропонимы

Original article

CREATING A TERTIARY WORLDVIEW OF FANTASY FICTION BOOKS THROUGH TRANSLATING INTO ENGLISH (BASED ON NOVELS ABOUT TANYA GROTTOR BY D. EMETS)

Ekaterina K. Karavanova¹, Lyudmila S. Toropova², Yulia S. Maximova³

^{1, 2, 3} Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹karavanova2003@mail.ru

²lyuda_b2004@mail.ru

³juliamaxprof@gmail.com

Abstract. The paper addresses the question of creating a tertiary worldview through translation into English. The analysis presented is based on fantasy fiction books by D. Emets about Tanya Grotter. The authors focus on analysing linguistic-cultural peculiarities of such a process in which the tertiary worldview is formed by means of translating names of people and places (anthroponyms) in the books under analysis. They are regarded as cultural markers of the specific language environment created by the translator in English as a target language compared with the original units in Russian. Such analysis can highlight interactivity as an integral part of culture, translation as a process and readers' apprehension of the fiction text. The authors of this paper suggest an idea that the worldview mediation in such texts is constructed through employing concepts of another fantasy fictional world of Harry Potter by J.K. Rowling, awareness of which is required at the background of readers' perception – one has to know about the Potterian world. The units translated from Russian into English, selected for analysis lexical, are regarded as language elements loaded with deep mythological, folklore, historical Russian-speaking bedrocks and rooted in names as linguistic-cultural patterns. The results achieved provide food for thought and further research.

Keywords: culture, translation, fantasy fiction, the tertiary worldview, interactivity, anthroponyms

Введение

В современных гуманитарных научных направлениях известная метафора о межкультурной коммуникации как «перекрестке культур» продолжает оставаться актуальной. Переводоведческие направления,

ориентированные на изучение многогранного феномена перевода, в котором происходит встреча культур, все больше привлекают внимание исследователей в разных отраслях и жанрах. Одним из объектов пристального изучения являются произведения рос-

сийских авторов в жанре фэнтези и их трансляция в англоязычное культурное пространство.

В свете поливариантной реализации культуры (термин Гришаевой Л.И. [1: с. 18]) происходит расширение сфер её манифестации в силу определенных систем ценностей, создаваемых носителями одной культуры и передаваемых в процессе взаимодействия с другими культурами. Нужно отметить, что важнейшая роль перевода, по справедливому замечанию А.Д. Швейцера, «позволяет "пересекать" не только границы языков, но и границы культур, а создаваемый в ходе этого процесса текст транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры» [2: с. 37]. Это дает основание считать перевод не только лингвистическим, но и культурным процессом, важнейшим средством межкультурной коммуникации [3: с. 5].

Данная работа посвящена изучению лингвокультурологических особенностей перевода русских антропонимов произведений жанра фэнтези Д. Емца о Тане Гроттер в контексте опосредованной художественной картины мира, отраженной в переведенном на английский язык тексте [4].

Объектом исследования выбраны английские варианты передачи русских антропонимов (имен собственных) как культурных маркеров; языковых единиц, закрепляющих в себе определенные культурные коды, культурно значимые смыслы. Они рассматриваются нами, вслед за В.Н. Комиссаровым, как средство «автоматического» привнесения в текст культурных коннотаций, «перевод которых с языка на язык почти всегда в той или иной мере предполагает и «перевод» из одной культуры в другую» [5: с. 127].

Деятельностный аспект перевода

Интеракциональность есть одна из важнейших составляющих культуры, культурологического аспекта реализации переводческой деятельности и межкультурной коммуникации в целом.

Действительно, интеракциональная (деятельностная) составляющая культуры представляет собой совокупность способов организации взаимодействия [3: с. 13; 1: с. 19]. Вся культурная среда имеет деятельностную природу, и это положение справедливо для переводоведческих изысканий определения перевода, специфики взаимодействия читателей и переводного текста, вопросов рецепции художественного произведения в переводе на другие языки.

Деятельность перевода, в частности, проявляется в следующем. По мнению А.Т. Хроленко, «перевод остаётся чрезвычайно важным элемен-

том сотрудничества культур и развития каждой из них» [6: с. 106], поэтому, благодаря переводу, культуры могут обмениваться художественными ценностями [7: с. 47]. При этом передача элементов разных культур, как нам кажется, не всегда находится в узком бинарном соотношении, т.е. может происходить не однонаправленное переключение с одного языка на другой, что на практике подразумевается под переводом. То, как происходит реконструкция дискурса в переводе, наглядно показано в исследовании лингвиста Е.Е. Калиш, которая анализирует те процессы, которые имеют место при переводе [8: с. 82–87]. Сам процесс передачи какого-либо элемента культуры с одного языка на другой может проявлять лексико-семантическую относительность и адаптивность в переводе. При таком переключении происходит формирование особого лингвистического пространства – опосредованной языковой картины мира, возникающей при использовании языка-посредника, в качестве которого, в частности, выступает английский язык [9: с. 309]. В этом случае взаимодействуют коммуниканты, не пользующиеся своими родными языками, и язык-посредник не является родным ни для одного из них. С помощью этого языка происходит отражение наиболее значительных черт, типичных для другой этнической культуры. Так реконструируется картина мира, через образы, отражённые иноязычной культурой [9]. Особо следует отметить, что для процесса понимания аутентичного иноязычного текста, который, будучи продуктом своей культуры, является хранителем культурно значимых событий и фактов, для создания адекватного перевода также необходимо это знание. Другими словами, происходит реконструкция дискурса, для релевантного понимания которого требуется не только осмысление исходного сообщения, но и наличие фоновых знаний оригинала в целях улучшения качества перевода [8: с. 7].

Через перевод происходит лингвокультурная трансляция, в процессе которой наблюдаем «взаимодействие социоментальных картин мира при опосредованном общении участников межкультурной коммуникации через текст» [3: с. 41]. Таким образом, интеракциональность, проявляемая в прагматическом воздействии переводного текста на читателя как получателя информации, предполагает проявление им определенной специфики восприятия.

Опосредованность языковой картины мира в переводе

В наших рассуждениях исходим из определения И.А. Стернина и З.Д. Поповой опосредованной картины мира как результата фиксации концептосферы

вторичными, знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира [10: с. 7]. Мы полагаем, что через английский как язык перевода создается третичное медиальное пространство (в концепции З.Г. Прошиной [9: с. 309]), которое опосредует художественную картину мира фэнтези.

Описание и выражение элементов внешней, иной культуры теми средствами, которыми располагает внутренняя культура, тесно связано с историческим развитием языка последней. Этому способствует «функциональный дуализм языка», по В.В. Кабакчи [11], который позволяет языку переключаться с мира внутренней культуры на мир внешних культур в зависимости от коммуникативной ситуации [12: с. 168].

Принимая во внимание вышеизложенное, отметим, что используемый в названной функции английский язык уже не может принадлежать какой-либо одной культурной идентичности. Он создаёт третичное, или медиальное, пространство для межкультурной коммуникации [9: с. 309]. Более того, мы считаем, что использование английского языка в таком качестве подкрепляет требование «репрезентативности перевода», по С.В. Тюленеву [13: с. 138–150], включающее следующие критерии: правильное отражение темы и цели оригинала, правильное представление тона повествования и правильное представление авторского отношения к описываемому [13].

Опосредованность языковой картины мира в жанре фэнтези

Применительно к объекту исследования данной статьи имеется в виду художественная картина мира русского фэнтези Д. Емца, вербализующая непосредственное авторское пространство, опосредованное концептуальным миром фэнтези Дж. К. Роулинг и «овнешненное» в переводе средствами английского языка.

По мнению исследователей, фэнтези стало значительной частью массовой литературы, а следовательно, и культуры. Отметим важную деталь – отечественное фэнтези изначально вторично по отношению к западно-европейскому жанру, черты которого оно унаследовало и воспроизводит в «пародийно-сниженном варианте», обладая большой валентностью, т.е. способностью присоединять к себе другие тексты массовой культуры [14: с. 3]. Происходит заимствование, перенос некоторой традиции на другую почву, требующий адаптации, перекодировки, «смысловой интерпретации "чужого", направленной на то, чтобы сделать его "своим"» [15: с. 111]. Такова в общих чертах специ-

фика произведения Д. Емца о Тане Гроттер. Автор создал свой художественный оригинал на русском языке в проекции на волшебный мир произведений о Гарри Поттере Дж. К. Роулинг и признал его литературной пародией [4].

Таким образом, концептуальное пространство «Поттерианы» является культурологической основой, манифестируемой в определенной субкультуре, ценности которой разделяются ее носителями – читателями и поклонниками во всем многоязычном мире. Высокая узнаваемость художественных параллелей в «Тане Гроттер» объясняется тем, что фэнтези формирует особое смысловое пространство, создает «неомифологическую реальность, начинающую жить как суверенная форма в среде поклонников фэнтези, переносящих образцы вымышленного мира в повседневную реальность, придумывающих свои собственные продолжения любимого сюжета» [16: с. 41–42].

В настоящее время в жанре фэнтези работает большое количество писателей. Он привлекает внимание мифологическими и сказочными мотивами, которые творчески перерабатываются авторами. Писатели привносят в свои вымышленные миры фольклор и культуру своих стран, используя и расширяя возможности своего родного языка, которым нередко является английский язык.

То, что создаваемый мир книг существует гипотетически, дает невероятный простор для фантазии, так как не обязывает ни к какой точности или правдоподобию.

Значительная часть вымышленных вселенных построена на архетипах – стереотипах предшествующей культуры. В них фигурируют мифологические существа: драконы, единороги, русалки, химеры, минотавры. Основой сюжета в них является противостояние Добра и Зла, Тьмы и Света.

Мы обратились к циклу романов Д. Емца о Тане Гроттер. Серия имела сравнительно большой коммерческий успех в России и насчитывает 14 книг, выдержав несколько переизданий [4]. Автор цикла Дмитрий Емец утверждает, что книги о Тане Гроттер являются исключительно русскоязычными по духу выражаемых культурных концепций. Однако, ввиду внешней схожести общей канвы повествования и языковых средств создания произведений, цикл о Тане Гроттер неоднократно обвинялся в плагиате серии о Гарри Поттере английской писательницы Дж. К. Роулинг. Несмотря на то что у книг о Тане Гроттер возникли проблемы с распространением за рубежом, на официальном сайте автора представлен английский перевод первых четырех книг, выполненный Джейн Бакингам (Jane H. Buckingham), а

именно: «Таня Гроттер и магический контрабас», «Таня Гроттер и Исчезающий Этаж», «Таня Гроттер и трон Древнира», «Таня Гроттер и посох волхвов» [17].

В анализируемых нами русскоязычных текстах оригинала названных книг фэнтези и их переводах привлекают внимание способы передачи русских антропонимов на английский язык.

Прежде всего отметим, что имена собственные (онимы) являются важной частью лексики любого произведения художественной литературы. Центральное место в ономастическом пространстве занимают антропонимы, которые определённым образом сближают литературное произведение с реальностью. В романах о Тане Гроттер созданные писателем имена собственные образованы по уже существующим словообразовательным моделям русского языка либо являются окказиональными. По структуре выделяются простые (однословные) и составные (двухсловные, трехсловные) антропонимические модели, например:

- 1) личные имена: Шурасик (Александр);
- 2) прозвищные: Семь-Пень-Дыр (настоящее имя – Семён Пеньедырьев);
- 3) личное имя + фамилия.

По двухсоставной модели создавались имена учащихся школы: Таня Гроттер, Ванька Валялкин, Гуня Гломов (сильный, но не очень умный), Жора Жикин, Демьян Горьянов (при его появлении всё киснет), Дуся Пупсикова (невероятная сладкоежка), Верка Попугаева (первая сплетница). В данной модели имя является антропонимом из реального мира, а фамилии являются говорящими, но созданы по привычным грамматическим моделям:

- 1) имя + отчество: Поклеп Поклепыч (завуч), который всегда оказывается там, где надо и когда надо;
- 2) апеллятивная номинация + фамилия: Поручик Ржевский (приведение с семью ножиками в спине);
- 3) имя + характеристика: Рита Шито-Крыто, Юра Идиотсюдов (невероятно вспыльчив). В данном случае фамилия содержит определённую характеристику персонажа;
- 4) имя + отчество + фамилия: Медузия Зевсовна Горгонова, Соловей О. Разбойник.

В случае с Медузией имеет место аллюзия на Горгону Медузу – наиболее известную из трёх сестёр Горгон, чудовище с женским лицом и змеями вместо волос. Взгляд на её лицо обращал человека в камень [18]. В книге она заместитель директора школы и очень строгий преподаватель, с которым шутки плохи.

Соловей О. Разбойник (Одихмантьев сын) – это аллюзия на славянскую мифологию. В восточнославянском былинном эпосе это антропоморфный

чудовищный противник героя, поражающий врагов страшным повистом [19].

Кроме этого, исследователи литературной ономастики выделяют в произведениях реальные и вымышленные антропонимы; к последним можно отнести такие примеры, как: Ягге и Баб-Ягун (бабушка, у которой есть избушка на курьих ножках, и внук), Гробыня Склепова (тяготеет к готтам), Зубодериха (Великая Зуби – преподаватель), Тарарах (пятикантроп), Сарданапал Черноморов (бессменный глава Тибидохса), Безглазый ужас (приведение), Бессмертник Кошечев (глава Магчества Продрыглых Магций), Графин Калиостров (председатель спортивного комитета).

Необходимо отдельно сказать о Сарданапале Черноморове – бессменном главе Тибидохса. Сарданапал – это мифический царь Ассирии, тридцать третий потомок Нина, правил за 64 года до основания Рима [20], а Черномор – персонаж поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», злой колдун. «Дядька Черномор» упоминается также в «Сказке о царе Салтане» [21].

При переводе имён собственных на английский язык, по нашим наблюдениям, мы можем отметить некоторые приёмы. Прежде всего, это транслитерация, которая применяется при переводе большинства имён учеников и преподавателей: Vanka Valyalkin, Bab-Yagun, Genka Bulonov, Liza Zalizina, Gunya Glomov, Shurasik, Zhora Zhikin, Damien Goryanov, Yura Idiotsyudov, Sardanapal Chernomorov, Medusa Gorgonova, Tararakh [22]. Однако можно предположить, что если Медуза Горгона знакома англоговорящей аудитории, то культурный компонент, связанный с Сарданапалом Черноморовым, остаётся при транслитерации нераскрытым.

Далее используется приём семантического перевода, с помощью которого переводчик старался максимально точно передать смысл имени собственного, отражающего основную особенность персонажа:

- Гробыня Склепова – Coffinia Cryptova;
- Семь-Пень-Дыр – Seven-Stump-Holes;
- Рита Шито-Крыто – Rita On-The-Sly;
- Зубодериха – Dentistikha;
- Поклеп Поклепыч – Slander Slanderych;
- Соловей О. Разбойник – Nightingale O. Robber.

В приведенных примерах через перевод раскрывается не только суть персонажа, но и возникает определённый юмористический эффект, который был заложен в тексте оригинала. Так, имя и отчество завуча школы передаются через разговорное слово slander (клевета, злословие, поклёп), что по сюжету контрастирует с официальной позицией этого человека и его личностными качествами.

В другом случае переводчик передаёт семантическое значение имени Соловья Разбойника (*Nightingale O. Robber*), которое англоговорящему может показаться противоречивым, поскольку в одной номинативной единице объединены образы маленькой птички соловья и разбойника, тренирующего сборную команду школы.

В примере с Ритой Шито-Крыто (*Rita On-The-Sly*) разговорная фраза *on the sly* имеет значение «втихаря, скрытно», что в достаточной мере раскрывает суть персонажа.

Интерес представляет перевод фамилий Дуси Пупсиковой и Верки Попугаевой – *Dusya Dollova*, *Verka Parroteva*. Это переведённые фамилии, но к ним присоединены русские окончания, что является определённым компромиссом между русским и английским языками [22].

Таким образом, мы видим, что антропонимы выступают в качестве номинативных единиц, обладающих грамматическим значением субстантивности. При переводе имён собственных автор применяет различные приёмы (транслитерация, перевод с сохранением смысла), но в некоторых случаях мы наблюдаем потерю части культурной информации, которая необходима для понимания текста и особенностей характеров персонажей. Также в переводе в ряде случаев уходит юмористический эф-

фект, который возникает у русскоговорящих при восприятии этих антропонимов. Однако можно сказать, что при учете экстралингвистического фактора перевод литературных антропонимов бывает зависим от объёма фоновых знаний читателя.

В анализируемых текстах обращает на себя внимание подгруппа антропонимов – топонимы. В художественной литературе чаще всего встречаются говорящие топонимы, которые являются одним из стилистических приёмов. Помимо основной номинативной функции они выполняют общую для всех топонимов функцию – локализирующую. Они ограничивают и конкретизируют пространство. Литературные топонимы в произведениях для детей делятся на реальные и вымышленные. В романах о Тане Гроттер есть реальный мир, так как семья её родственников живёт в Москве. Однако особый интерес представляют топонимы, созданные автором, которые образуют волшебный мир. Они чаще всего созданы по известным в русском языке словообразовательным моделям (таблица). По структуре они бывают однословные и двухсловные, а именно:

- 1) имя прилагательное + имя существительное;
- 2) имя существительное / вымышленное имя собственное + имя существительное / вымышленное имя собственное.

Таблица

Топонимы, созданные автором

Топоним	Английский перевод	Примечание
Тибидох (название школы)	Tibidox	Повесть-сказка Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч». Знаменитое заклинание появилось в радиосказке «Старик Хоттабыч» в инсценировке С. Богомазова. Заклинание «трах-тибидох» вошло в народ [23]
Остров Буян (на нём расположена школа)	Buyan Island	Остров, на который выбросило бочку царя Гвидона в сказке Пушкина о царе Салтане, находится на западе, в полном соответствии с многочисленными мифологическими традициями. Остров Буян – это мотив не из народных сказок, а из заговоров, в которых он выступает как «центр мира» [24]
Лукоморский дуб	Cove Oak Cove – небольшая бухта	Слово «лукоморье», равно как и словосочетание «лука моря», часто встречается в древнерусских источниках, начиная с рассказа о происхождении кочевых народов в «Повести временных лет» (1096). В «Слове о полку Игореве» лука моря фигурирует в связи с победой киевского князя Святослава Всеволодовича в битве на реке Орели в 1184 г., когда был захвачен в плен хан лукоморских половцев Кобяк. В 1193 г. дуумвир Святослава, великий князь Рюрик Ростиславич, приглашал лукоморских ханов Тоглыя и Акуша на переговоры в Канев [25]
Дракон Гоярын	Dragon Goyaryn	Змей Горыныч – мифическое существо, крылатое чудовище с туловищем змеи, являющееся воплощением зла и насилия (в русских народных сказках) [26]
Лысая гора (место, где находится министерство магии)	Bald Mountain	Лысая гора – элемент восточно-славянского фольклора, связанный с колдовством и сверхъестественными силами. Согласно легендам ведьмы и другие сказочные существа регулярно собирались на «лысых горах», где устраивали шабаши [27]
Жуткие врата	The Sinister Gates	Огромные медные ворота. За ними начинаются темницы, в которых замурованы души хаоса и древние боги [28]

Таким образом, сравнительный анализ иллюстративного материала показывает, что топонимы произведений Д. Емца имеют глубокую культурологическую составляющую. Они рассчитаны на людей, которые знают русскую культуру и литературу, в частности, творчество А.С. Пушкина («мимо острова Буяна, в царство славного Салтана») [24].

Русскоговорящие чётко представляют себе Лукоморский дуб. Он предполагает золотую цепь, ходящего по цепи кота учёного, русалку на ветвях. Этот культурный подтекст сразу всплывает в голове у тех, кто ходил в школу и читал пролог к поэме «Руслан и Людмила». В английском переводе это *Cove Oak* (*cove* означает «бухта»), т.е. дуб, который стоит около берега. Аналогичным образом воспринимается название вымышленного объекта Лысая гора (*Bald Mountain*), которая является элементом восточного фольклора. Это одно из значимых и узнаваемых мест в книге, где расположено министерство магии. Однако без учета экстралингвистической основы русскоязычных топонимов последние теряют ту культурную составляющую, которая заложена в тексте оригинала. Большая часть топонимов и ряд антропонимов требуют дополнительного культурологического переводческого комментария.

Выводы

Как показал проведенный сравнительный переводческий анализ, перевод антропонимов из произведений жанра фэнтези на английский язык создает определенные трудности. В частности, русскоязычные антропонимы призваны:

- создать и отразить в художественном тексте определенную культурную среду;
- идентифицировать и локализовать пространство этого текста;
- номинировать национально-культурные особенности русской культуры, не имеющие аналогов в языке перевода.

В ходе исследования было выявлено, что при переводе антропонимов используются следующие приемы перевода: транслитерация, семантический перевод с сохранением исходного смысла, соединение грамматических элементов языка оригинала и языка перевода.

При этом важно подчеркнуть, что большая часть фоновых знаний, заложенных в книгах о Тане Гроттер, ускользает от читателей англоязычной версии перевода по нескольким причинам, а именно: часть антропонимов являются окказиональными и создают в тексте юмористический эффект, понятный только русскоговорящим. Можно также отметить, что ряд антропонимов отсылают нас к своеобразному «культурному коду нации», так как являются аллюзиями на программные произведения русских классиков, например, А.С. Пушкина. Из этого следует, что для адекватного понимания англоязычного переводного текста и роли антропонимов в нём необходим развёрнутый культурологический комментарий, который позволит англоязычному читателю раскодировать русскоязычную картину мира, опосредованную переводом.

Представленное исследование является первым этапом в изучении данного аспекта перевода и предполагает дальнейшее развитие.

Список источников

1. Гришаева Л.И., Цирикова Л.В. *Введение в теорию межкультурной коммуникации*. Москва : Академия, 2008. 352 с.
2. Швейцер А.Д. *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты*. Москва : Наука, 1998. 215 с. URL: <https://studfile.net/preview/9927689/page:9/> (дата обращения: 08.12.2022).
3. Тимко Н.В. *Фактор «культура» в переводе*. 2-е изд., доп. Курск : Курский гос. ун-т, 2007. 154 с.
4. Русь.ру : Персональная страница Дмитрия Емца. URL: <http://emets.olmer.ru/> (дата обращения: 12.12.2022).
5. Комиссаров В.Н. *Современное переводоведение* : курс лекций. Москва : ЭТС, 1999. 224 с.
6. Хроленко А.Т. *Основы лингвокультурологии* / под ред. В.Д. Бондалетова. Москва : Флинта : Наука, 2005. 184 с.
7. Снитко Т.Н. Встреча культур и языков в переводе // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2009. № 1. С. 37–47.
8. Калиш Е.Е. *Реконструкция дискурса в целях перевода. Теоретические проблемы* : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 151 с.
9. Прошина З.Г. *Английский язык и культура Восточной Азии*. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 476 с.
10. *Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии* : научное издание / под ред. З.Д. Поповой, И.А. Стернина. Воронеж : Воронежский МИОН, 2002. 151 с.
11. Кабакчи В.В. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) // *Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация*. Ч. 2. *Текст и перевод в когнитивном аспекте* : сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной / отв. ред. Н.А. Абиева, Е.А. Беличенко. Санкт-Петербург : Тригон, 2005. С. 164–175.
12. Кабакчи В.В., Прошина З.Г. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25, № 1. С. 165–193. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193
13. Тюленев С.В. *Теория перевода*. Москва : Гардарики, 2004. 336 с.

14. Хоруженко Т.И. *Русское фэнтези: на пути к метажанру* : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Екатеринбург, 2015. 24 с.
15. Лебедев И.В. Генезис современного российского фэнтези // *Вестник Костромского ГУ им. Н.А. Некрасова*. 2015. № 3. С. 111–114.
16. Галанина Е.В., Батурич Д.А. Фэнтези как неомифологическая реальность // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2016. № 3 (385), Вып. 39. С. 41–45. (*Философские науки*).
17. ЛитРес.ру [Litres.ru]. Tanya Grotter And The Magic Double Bass. 2016. URL: <https://www.litres.ru/dmitriy-emec/tanya-grotter-and-the-magic-double-bass/> (дата обращения: 12.12.2022).
18. Горгона Медуза // *Википедия*. 2022. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Горгона_Медуза#:~:text=Горгóна (дата обращения: 12.12.2022).
19. Соловей-разбойник // *Википедия*. 2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Соловей-разбойник> (дата обращения: 12.12.2022).
20. Сарданал // *Википедия*. 2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сарданал#:~:tex1> (дата обращения: 12.12.2022).
21. Неверов А. Черномор : история персонажа // 24СМИ. 2022. URL: <https://24smi.org/person/1975-chernomor.html> (дата обращения: 12.12.2022).
22. Книги автора Дмитрий Емец // *Ikni.net*. 2022. URL: <https://ikni.net/avtor-dmitriy-emec/> (дата обращения: 12.12.2022).
23. Откуда появился тибидох в Старике Хоттабыче? // *Завтра: Блоги и сообщества*. 2020. URL: https://zavtra.ru/blogs/otkuda_royavilsya_trah-tibidoh_v_starike_hottabiche (дата обращения: 12.12.2022).
24. Остров Буян // *Википедия*. 2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Буян> (дата обращения: 12.12.2022).
25. Лукоморье // *Википедия*. 2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Лукоморье#Этимология> (дата обращения: 12.12.2022).
26. Дракон // *Википедия*. 2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Дракон> (дата обращения: 12.12.2022).
27. Лысая Гора // *Википедия*. 2022. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Лысая_гора_\(мифология\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Лысая_гора_(мифология)) (дата обращения: 12.12.2022).
28. Жуткие врата // *Fandom: Таня Гроттер вики*. Б. г. URL: https://grotter-buslaev.fandom.com/ru/wiki/Жуткие_Ворота (дата обращения: 12.12.2022).

References

1. Grishaeva L.I. *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoj kommunikacii*. [Introduction to Intercultural Communication Theory]. Moscow : Akademiya, 2008. 352 p. (in Russ.).
2. Shvejser A.D. *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty*. [Theory of Translation: Status, problems, aspects]. Moscow : Nauka, 1998. 215 p. URL: <https://studfile.net/preview/9927689/page:9/> (accessed on 08.12.2022) (in Russ.).
3. Timko N.V. *Faktor «kul'tura» v perevode*. [Factor of “culture” in translation]. 2nd edn., revised. Kursk : Kursk. gos. un-t, 2007. 154 p. (in Russ.).
4. Rus'.ru – Personal'naya stranica Dmitriya Emca [Personal site of Dmitry Emets]. URL: <http://emets.olmer.ru/> (accessed on 12.12.2022) (in Russ.).
5. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie: Kurs lekcij*. [Translation Studies Today]. Moscow : EHTS, 1999. 224 p. (in Russ.).
6. Hrolenko A.T. *Osnovy lingvokul'turologii [Fundamental of Linguaculturology]* / Ed. by V. D. Bondaletov. Moscow : Flinta : Nauka, 2005. 184 p. (in Russ.).
7. Snitko T.N. *Vstrecha kul'tur i yazykov v perevode (Language and culture encounter in translation)* // *The Humanities and Social Studies in the Far East*. 2009. № 1. P. 37–47. (in Russ.).
8. Kalish E.E. *Rekonstrukcija diskursa v celyakh perevoda. Teoreticheskie problemy [Discourse reconstruction for translation. Theoretical problems (in Russ.)]* : monografiya. Irkutsk : IGU Press, 2018. 151 p.
9. Proshina Z.G. *Anglijskij yazyk i kul'tura Vostochnoj Azii [The English Language and Culture of East Asia]*. Vladivostok : Far Eastern Univ. Press, 2001. 476 p. (in Russ.).
10. *Yazyk i nacional'noe soznanie. Voprosy teorii i metodologii [Language and national mindset: Issues of theory and methodology]*: Nauchnoe izdanie / Ed. by Z. D. Popova, I. A. Sternin. Voronezh : Voronezh MION, 2002. 151 p. (in Russ.).
11. Kabakchi V.V. *Funkcional'nyj dualizm yazyka i yazykovaya konvergenciya (opyt modelirovaniya yazykovoj kartiny zemnoj civilizacii) [Functional dualism of language and linguistic convergence (experience of modelling linguistic worldview of earth civilization)] // Kognitivnaya lingvistika: mental'nye osnovy i yazykovaya realizaciya [Cognitive linguistics: Mental foundation and linguistic implementation]*. Part 2: *Tekst i perevod v kognitivnom*. Sb. statej k yubileyu professora N.A. Kobrin. *aspekty* [Text and translation in the cognitive aspect; Collection of articles to commemorate the jubilee of Prof. N&A Kobrina] / Ed. by N.A. Abieva, E. A. Belichenko. St. Petersburg : Trigon, 2005. P. 164–175.
12. Kabakchi V.V., Proshina Z.G. *Leksiko-semanticheskaya otnositel'nost' i adaptivnost' v perevode i mezhkul'turnoj kommunikacii [Lexical and semantic relativity and adaptivity in translation and intercultural communication]* // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. T. 25. № 1. С. 165–193. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-165-193 (in Russ.).
13. Tyulenev S.V. *Teoriya perevoda [Theory of translation]*. Moscow : Gardariki, 2004. 336 p. (in Russ.).
14. Horuzhenko T.I. *Russkoe fehntezi: na puti k metazhanru* [Russian fantasy: on the way to a metagenre] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: Special'nost' 10.01.01 Russkaya literatura. (PhD dissertation thesis). Ekaterinburg, 2015. 24 p. (in Russ.).

15. Lebedev I.V. Genesis sovremennogo rossijskogo fehntezi [Modern Russian fantasy genesis] // *Vestnik Nekrasov Kostromskoy University*. 2015. № 3. P. 111–114. (in Russ.).
16. Galanina E.V., Baturin D.A. Fehntezi kak neomifologicheskaya real'nost' [Fantasy as a neomythological reality] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. № 3 (385). *Filosofskie nauki*. Vyp. 39. P. 41–45. (in Russ.).
17. Litres.ru [Litres.ru]: Tanya Grotter And The Magic Double Bass. 2016. URL: <https://www.litres.ru/dmitriy-emec/tanya-grotter-and-the-magic-double-bass/> (accessed: 12.12.2022)
18. Gorgona Meduza // *Wikipedia*. 2022. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Gorgona_Meduza#:~:text=Горгона (accessed: 12.12.2022) (in Russ.).
19. Solovej-razbojnik // *Wikipedia*. 2022. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Solovej_razbojnik (accessed: 12.12.2022). (in Russ.).
20. Sardanapal // *Wikipedia*. 2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Sardanapal#:~:tex1>. (accessed: 12.12.2022) (in Russ.).
21. Neverov A. *Chernomor: istoriya personazha* // 24SMI. 2022. URL: <https://24smi.org/person/1975-chernomor.html> (accessed: 12.12.2022) (in Russ.).
22. Knigi avtora Dmitriy Emec [Books by Dmitry Emets] // *Ikni.net*. 2022. URL: <https://ikni.net/avtor-dmitriy-emec/> (accessed: 12.12.2022) (in Russ.).
23. Otkuda poyavilsya tibidokh v Starike Khottabyche? [Where did *tibidox* in *Starik Xotabych* emerge from?] // *Zavtra: Blogs and communities*. 2020. URL: https://zavtra.ru/blogs/otkuda_poyavilsya_trah-tibidoh_v_starike_hotabiche (accessed: 12.12.2022) (in Russ.).
24. Ostrov Buyan // *Wikipedia*. 2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Buyan> (accessed: 12.12.2022) (in Russ.).
25. Lukomor'e // *Wikipedia*. 2022. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Lukomor'e#Ehtimologiya> (accessed: 12.12.2022) (in Russ.).
26. Drakon // *Wikipedia*. 2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Drakon> (accessed: 12.12.2022) (in Russ.).
27. Lysaya Gora // *Wikipedia*. 2022. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Lysaya_Gora_\(mifologiya\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Lysaya_Gora_(mifologiya)) (accessed: 12.12.2022) (in Russ.).
28. Zhutkie vrata // *Fandom: Tanya Grotter wiki*. S. a. URL: https://grotter-buslaev.fandom.com/ru/wiki/Zhutkie_Vorota (accessed: 12.12.2022) (in Russ.).

Информация об авторах

Е.К. Караванова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация»;

Л.С. Торопова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация»;

Ю.С. Максимова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация».

Information about the authors

E.K. Karavanova – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication;

L.S. Toropova – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication;

Y.S. Maximova – Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.

The article was submitted 23.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья
УДК 811.11–12
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-116-122

РОЛЬ И СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОГО СУБСТРАТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Светлана Михайловна Пак¹, Галина Александровна Ефремова²

¹Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск, Россия, pak_sm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6729-3130>

²Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 010792@pnu.edu.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается функционирование английского языка в его вторичной культурной ориентации. На материале художественных произведений (R. DeWoskin “Foreign Babes in Beijing: Behind the Scenes of a New China” и G. Shteyngart “The Russian Debutante’s Handbook”) выявляются примеры иноязычного субстрата, рассматривается их роль, а также способы адаптации для реципиента. Анализ показывает, что передача всех выявленных примеров осуществляется писателями посредством внутреннего перевода, который представляет собой комплекс различных языковых адаптаций: практическую транскрипцию, описательный перевод, буквальный перевод, подбор вариантного соответствия, широкий контекст. Используемые субстратные единицы придают произведениям особый колорит, помогают узнать больше о культуре описываемого народа и его менталитете.

Ключевые слова: писатель-билингв, внутренний перевод, иноязычный субстрат, описание культуры

Original article

THE ROLE AND WAYS OF ADAPTATION OF FOREIGN SUBSTRATUM IN LITERARY WORK OF FICTION

Svetlana M. Pak¹, Galina A. Efremova²

¹Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk city, Russia, pak_sm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6729-3130>

²Pacific National University, Khabarovsk city, Russia, 010792@pnu.edu.ru

Abstract. This article considers the functioning of the English language in its secondary cultural orientation. Examples of a foreign language substratum are identified in literary works of fiction (R. DeWoskin “Foreign Babes in Beijing: Behind the Scenes of a New China” and G. Shteyngart “The Russian Debutante’s Handbook”), their role and ways of adaptation for a recipient are described. The analysis shows that adaptation of all identified examples is carried out by the writers through internal translation, which is presented by a complex of various language techniques: practical transcription, descriptive translation, literal translation, selection of optional match, the use of wide context. The used substratum units create a special atmosphere in the text, help learn more about the described culture and its people’s mentality.

Keywords: bilingual writer, internal translation, foreign substratum, description of culture

В силу интенсивного развития процесса глобализации, начавшегося в мировом сообществе в конце XX в., активное развитие получили сферы межкультурных контактов, делая вопросы межкультурного взаимодействия актуальными и в наши дни. Язык аккумулирует культурный опыт «своего» народа и в ходе межкультурных контактов (будь то прямые контакты носителей разных языков или общение через письменные источники) помогает транслировать эти знания в мир. Однако знакомство с другими лингвокультурами далеко не всегда происходит посредством языка этих же культур.

Выстраивая данное исследование в русле интерлингвокультурологии, укажем, что краеуголь-

ным положением данной дисциплины является двойственный характер языка, который, с одной стороны, используется как средство общения людей вообще, с другой стороны, как средство общения определенной лингвокультурной общности. В процессе межкультурного взаимодействия коммуниканты используют язык-посредник, осуществляя тем самым «беспереводную» межкультурную коммуникацию. Учитывая, что глобализация совпала с «глобанглизацией» (глобальным доминированием английского языка) [1: с. 12], именно английский язык в большинстве случаев и используется в качестве языка-посредника.

В ходе «беспереводной» межкультурной коммуникации потребность в перевыражении или перекодировании текста на языке А знаками другой языковой системы не появляется. Происходит прямой межкультурный диалог. В рамках такого взаимодействия выбранный язык общения, в нашем случае английский, используется «в ориентации на внешний мир, т.е. в области "внешних" (external), иноязычных культур» [1: с. 12].

Вторичная культурная ориентация английского языка (Foreign-Culture-Oriented English, FCOE) (термин В.В. Кабакчи) изучается в рамках новой лингвистической парадигмы – интерлингвокультурологии и представляет собой наибольший интерес в эпоху «глобанглизации», что подчеркивает актуальность исследуемого вопроса.

Несмотря на то что в ходе прямого межкультурного диалога один из его участников сам осуществляет нужные языковые операции, создавая оригинальный текст иноязычного описания культуры, данный процесс относится к одному из видов переводческой деятельности. В.В. Кабакчи и Е.В. Белоглазова отмечают, что сфера переводческой деятельности расширяется и, помимо традиционного перевода и создания двуязычных словарей, выделяется третий вид переводческой деятельности, а именно прямой межкультурный диалог [2: с. 5]. Данный феномен также получил название «внутренний перевод» и впервые был описан В.В. Кабакчи в статье «Неисследованный вид переводческой деятельности: "Внутренний перевод"» в 2000 г. [3].

Выделим, что в процессе традиционного перевода создается устный либо письменный оригинальный текст, который и подлежит дальнейшему воспроизведению переводчиком средствами другого языка. Создание двуязычных словарей как своеобразный вид переводческой деятельности связан с установлением лексикографами соответствий между словником словаря одного языка и единицами другого языка, с указанием на наличие межъязыковых переводческих бинаров (лексикографический перевод). В данном случае отсутствует как триада, которая образуется в рамках традиционного перевода, так и какой-либо переводной текст [2: с. 57–58].

В ходе прямого межкультурного диалога (внутреннего перевода), который выделяется как третий вид переводческой деятельности, один из его участников сам осуществляет нужные языковые операции, создавая оригинальный текст иноязычного описания культуры. Внутренний перевод происходит как в рамках устного общения, так и в ходе создания письменных источников, например

аутентичных текстов описания культуры. Под внутренним переводом В.В. Кабакчи предлагает понимать «комплекс разнообразных языковых адаптаций в рамках прямого межкультурного диалога при описании внешней (иноязычной) культуры [3: с. 72], в результате чего создается не вторичный, а аутентичный текст, "обращенный в область иноязычной культуры"».

Внутренний перевод представляется как особая переводческая деятельность, в ходе которой у автора не возникают проблемы, стоящие в центре внимания традиционного перевода, поскольку нет текста, который подлежит переводу. Автор сам осуществляет необходимые (схожие с переводческими) преобразования текста описания иноязычной культуры [3: с. 58], не имея при этом ни заказчика, ни оригинала текста. Преобразования текста могут быть представлены такими приемами, как практическая транскрипция, калькирование, подбор вариантного соответствия, описательный перевод, буквальный перевод, широкий контекст (языковое окружение той или иной единицы, выходящее за рамки предложения). В случае внутреннего перевода, который по своей сути является выборочным, за единицу перевода берется отдельный иноязычный элемент одного языка (условно ИЯ), которому необходимо подобрать соответствие в другом языке, языке описания (условно ПЯ), для которого культура ИЯ является внешней.

Национально-специфические элементы есть в составе любого языка. Их А. Вежицкая относит к такой группе языковых элементов, на адекватную передачу смысла которых и направлен внутренний перевод. В лингвистике такие элементы называются реалиями, а характеризуются они как семантически неэлементарные, отражающие уникальный менталитет народа – носителя конкретного языка. Эта категория языковых элементов чаще всего вызывает переводческие трудности, так как они не имеют однозначных соответствий с элементами других языков [4]. В роли таких элементов выступают иноязычные наименования реалий: ксенонимы (вслед за В.В. Кабакчи мы понимаем их как языковые реалии «внешних» культур) и идионимы (языковая реалья «внутренней», «своей» культуры) [2: с. 26].

Смыслы, содержащиеся в иноязычных элементах, очевидны для автора, но могут остаться «закрытыми для представителей другой культуры», если они не эксплицированы в произведении. Соответственно для лингвокультурной и стилистической адаптации английского языка писатель-билингв должен использовать разнообразные авторские средства и межъязыковые трансформации,

реализуя коммуникативные интенции по выражению инолингвокультурной идентичности [5].

Внутренний перевод осуществляют авторы, которые описывают иноязычную культуру средствами родного языка (например, роман «Ким» Редьярда Киплинга), или же авторы, которые используют второй язык для описания родной культуры (например, британский писатель индийского происхождения Салман Рушди и его романы «Дети полуночи», 1981, «Сатанинские стихи», 1988). «Результатом такой деятельности является текст на стыке языков и культур, т.е. текст неоднородный в кодовом отношении, гибридный» [6: с. 113].

В данной работе для репрезентации роли и способов адаптации иноязычного субстрата было проанализировано два произведения: мемуары Рейчел Девоскин "*Foreign Babes in Beijing: behind the scenes of a new China*" и роман Гари Штейнгарта "*The Russian Debutante's Handbook*".

Рейчел Девоскин (*Rachel DeWoskin*) – известная американская писательница, дочь Кеннета Девоскина, профессора китаеведения Мичиганского университета. Она специализировалась на английском и изучала китайский язык в Колумбийском университете. Интерес к китайской лингвокультуре, как говорит Рейчел в интервью, она унаследовала от своего отца [7]. В 1994 г. она отправилась в Пекин, где продолжила изучать китайский язык, лингвокультуру, но только уже в ситуации непосредственного контакта, «погружения». Она вела дневники, в которых описывала различные ситуации межкультурного общения. Через два месяца после приезда в Пекин Р. Девоскин начала сниматься в успешном китайском телесериале "*Foreign Babes in Beijing*", название которого впоследствии стало частью названия ее мемуаров. По возвращении в Америку в 1999 г. Р. Девоскин приступает к написанию своей будущей книги мемуаров "*Foreign Babes in Beijing: Behind the Scenes of a New China*" [8], в которой читатель встречает немало примеров реалий китайской культуры, представленных как на английском, так и на пиньинь.

Отличительной чертой мемуаров Р. Девоскин является отображение окружавшей ее исторической действительности, внешних событий – общественно-политических, культурных и т.д., к которым она так или иначе была причастна. Несмотря на то, что в целом текст мемуаров характеризуется некоторой субъективностью изложения (Рейчел Девоскин описывает свой личный взгляд на окружавшую ее китайскую действительность), приведенные в анализируемом произведении исторические события, имена известных политических дея-

телей, названия культурных памятников и т.п. позволяют утверждать, что текст мемуаров обладает достоверностью и информативностью. Таким образом автору удастся приблизить читателя к специфике этой культуры, подчеркнуть ее неповторимость и уникальность.

Проанализируем ряд примеров иноязычного субстрата, обращая внимание на их роль и способы адаптации для англоязычного реципиента.

В следующем примере автор раскрывает смысл иноязычного вкрапления, вводя в предложение вариантное соответствие. Описывается ситуация, в которой Рейчел видит на могиле друга фотографию и понимает, что это лишь часть фото, а на полном фото ее друг держит напиток (*holding a drink*).

(1) "There's a picture of him on the tombstone," she offered. <...>

I know the picture, too. It's cropped on the grave, but in the original, he was holding a drink, *gan bei'ing*. "Bottoms upping."

Из примера видно, что параллельное подключение английской фразы *Bottoms upping*, смысл которой понятен англоязычному читателю, используется для раскрытия смысла номинации на китайском языке (*gan bei'ing*). Сопоставить эти две фразы также помогает общая морфема -ing. Таким образом читатель узнает, что и в китайской культуре есть особое выражение при произнесении тостов.

Рассмотрим, как автор называет одно из наиболее культурно значимых строений в Китае:

(2) A part of this system is the penchant in public culture for classification and counting: "one country, two systems," <...> the Confucian "five relationships," and so on, up to the wanli changcheng, the ten-thousand-li Great Wall.

Смысл номинации *wanli changcheng* (в переводе на русский «великая стена в 10 тысяч ли») раскрывается далее в предложении через калькирование *the ten-thousand-li Great Wall*. Данный прием использован Р. Девоскин при осуществлении внутреннего перевода, вероятно, с целью указать на величественность и значимость данного культурного памятника для представителей китайской культуры, а также с целью подчеркнуть склонность представителей китайской культуры к классифицированию и счету, которая раскрывается в более широком контексте произведения. Стоит отметить, что адаптированное к восприятию англоязычного читателя и закрепленное в англоязычных словарях название *the Great Wall* не обладает той дополнительной семантикой, устойчиво связанной с основным значением в сознании носителей языка.

В качестве следующего примера приведем номинацию на пиньинь *bu xie*, смысл которой также скрыт от англоязычного реципиента.

(3) Louisa wears a red padded Chinese jacket and *bu xie*, cloth shoes worn primarily by old Chinese men. / На Луизе был надет красный стеганый китайский пиджак и *bu xie*, тряпичная обувь, которую носят, как правило, пожилые китайские мужчины (перевод мой. – Г.Е.).

Объясняя значение иноязычного вкрапления *bu xie*, Рэйчел Девоскин использует описательный перевод, что позволяет передать максимальный объем содержания, заключенный в лингвокультурной номинации. Описание, данное на английском – *cloth shoes worn primarily by old Chinese men*, помогает англоязычному реципиенту понять смысл иноязычной лексической единицы *bu xie*, а также представить себе этот предмет одежды, тем самым сформировать в сознании определенный образ.

При кодировке номинации *qipao* в примере 4 Рейчел Девоскин начинает раскрывать смысл этого иноязычного вкрапления еще до его использования. Обратимся к примеру:

(4) Finally, she puts on the outfit meant to represent the height of true beauty and the realization of her preparation for the Spring Festival. It is an ankle-length, long-sleeved *qipao*, a traditional high-collared Chinese dress, red with gold trim. She wears red dress shoes. In the full-page, glossy final photo of the spread, her hair is completely straightened, darkened, and slicked back, her skin is powder white, and her lips are small and painted bright red.

Создание образа иноязычной номинации начинается со словосочетаний *puts on the outfit, the height of true beauty* и *for the Spring Festival*. Так автор указывает на то, что это предмет одежды, который надевают по особому случаю – для празднования китайского Нового года. Описательные прилагательные *an ankle-length, long-sleeved* помогают читателю понять, что речь будет идти о предмете одежды длиной во весь рост человека и с длинными рукавами. Далее, уже непосредственно после иноязычного вкрапления *qipao*, автор завершает создание образа с помощью фразы *a traditional high-collared Chinese dress, red with gold trim*. Описательный перевод и широкий контекст способствуют созданию правильного образа описываемой культурно-специфичной единицы.

В следующем примере имеет место использование иноязычной номинации *disanzhe*, с помощью которой в китайском языке обозначают статус женщины как любовницы (примечание автора мемуаров: «в отношении мужчин данная номинация также используется, но гораздо реже»).

(5) “In the beginning, she has problems with love,” he said, “she is a *disanzhe*. But her love is true, so she turns out to be a beautiful person. This show is the story of man’s common search for truth and beauty.” *Disanzhe* means “the third,” the mistress, the lover. This should have been a warning to me, but I smiled and agreed.

Р. Девоскин раскрывает смысл иноязычного вкрапления поэтапно: сначала использует фразу *the third*, затем приводит словарные соответствия *the mistress, the lover*, которые до конца раскрывают смысл номинации на пиньинь. Несмотря на традиционность китайской культуры и строгость брачного закона, можно предположить, что «любовница» – это был некий социальный статус в Китае. Подтверждение этому можно найти в тексте мемуаров: *In Shenzhen anernaicun or “second wife village,” had blossomed*. Возможно, это отголоски истории, когда существовал обычай среди обладающих властью мужчин иметь наложниц.

Помимо использования отдельных слов или фраз Рейчел Девоскин также приводит примеры целых предложений. Одним из таких примеров служит традиционное китайское приветствие, имеющее глубокий культурный смысл:

(6) I decided I would talk primarily about food, since it seemed a safe and compelling topic. I knew, for example, that instead of “How are you?” people asked, “*Chi fan le mei you?*” Have you eaten or not eaten? And “*Chi bao le mei you?*” Are you full or not full? Food was a concrete sign of abstract values. What one chose to eat was a fairly reliable indicator of wealth and cultural and personal leanings.

В примере автор указывает, что повседневную фразу приветствия «Как дела?» в Китае заменяют на *Chi fan le mei you?* или *Chi bao le mei you?* («Ты поел или не поел?»). Расхождение в этикетных формулировках подчеркивает, что китайцы придают большую важность процессу принятия пищи. Такое отношение к еде может быть обусловлено периодом крайней бедности в Китае и массовым голодом 1956–1961 гг. Как видно из примера, Р. Девоскин не только подбирает эквивалентную фразу к китайской номинации, но и дает более широкий культурный контекст, тем самым добиваясь большего понимания у читателя.

Благодаря тому, что Р. Девоскин обладает сформированной интерлингвокультурной картиной мира, владеет навыками кодового переключения и актуализации инолингвокультурных лексических единиц средствами английского языка, смысл всех проанализированных иноязычных элементов передается достаточно полно.

Далее обратимся к роману Гари Штейнгарта "*The Russian Debutante's Handbook*" [9], в котором автор описывает жизнь русского эмигранта в Америке 90-х гг. XX в. Г. Штейнгарт принадлежит к новому типу билингвальных писателей, которые обращаются в своем творчестве к иностранному языку, тем самым значительно расширяя читательскую аудиторию, сохраняя в то же время родную культуру. В тексте романа автор приводит большое количество лексем, представленных практической транскрипцией, которые не являются языковыми реалиями. Однако такие лексические единицы относятся к русскокультурному субстрату, использование которого мы видим в описании образов, предметов, черт личности и т.п. Интерпретация их смысла может оказаться затруднительной для носителей не русской, а какой-либо другой культуры. Понимая это, Г. Штейнгарт практически всегда использует графический маркер (курсив), что может быть обусловлено желанием автора привлечь внимание читателя к этим номинациям; а также он применяет дополнительные средства адаптации, сопровождая иноязычные вкрапления внутренним переводом.

Рассмотрим пример, в котором читатель сталкивается с русским вкраплением *sinotchek*.

(7) Mother kissed both his cheeks and rubbed his shoulders, poking with her index finger at his spine. "Straighten up, *sinotchek*," she said. My little son.

Введенная в текст с помощью практической транскрипции номинация *sinotchek* представляет собой ласковое обращение к сыну в русском языке, которое без дополнительного пояснения не может быть понято англоязычным читателем. Следующее за ним словосочетание *My little son*, представляющее собой внутренний перевод, позволяет понять лексему *sinotchek*. Использование вкрапления *sinotchek* можно объяснить национальностью персонажей, а также желанием автора индивидуализировать их речь. Также такое использование может говорить об ориентации автора на русскую культуру и русскоязычного читателя.

Со схожими вкраплениями мы сталкиваемся на протяжении всего романа. Они не несут серьезной культурной (т.е. информативной) нагрузки, какую несут в себе слова реалии. Однако с их помощью автор создает особый колорит произведения и обращает внимание читателя на то, что хотя текст и написан на английском языке, этот язык не является родным языком некоторых его персонажей.

В следующем примере Г. Штейнгарт проводит параллель между американским словом *Dad* и русским «папа» (*papa*):

(8) "Leave him alone, Dad," Francesca said, and Vladimir smiled inwardly at this happy American word: Dad. There was something awkward and demanding, he had always felt, in the Russian *papa*.

Рассматривая роль иноязычного вкрапления, можно отметить, что русизм *papa* приводится в сопровождении прилагательных *awkward* (перевод: нелепый) и *demanding* (перевод: требовательный), для которых характерна отрицательная эмоциональная окраска. Английское же слово *Dad* воспринимается положительно благодаря словосочетанию *happy American word*, определяющему его. Из примера также видно, что автор использует капитализацию применительно к слову *Dad*, что, вероятно, может указывать на иной статус отца в американской культуре.

Обратимся к примеру, в котором автор описывает один из увеселительных вечеров с выпивкой, когда Владимир настолько много выпил, что стал походить на пьяницу:

(9) Another hour of this, and Vladimir was genuinely debilitated. Nothing could be said in his favor. His image, as seen in a nearby martini decanter, showed a Russian *pyanitsa*, a drunken lout with his thinning hair slicked down by sweat, the buttons of his shirt opened beyond what was desirable.

В этом примере для адаптации иноязычной субстратной единицы *pyanitsa* автор использует описательный прием. Изрядно выпившего Владимира автор описывает через словосочетания *drunken lout* (пьяный мужик), *sweaty hair* (немытая голова), *unbuttoned shirt* (расстегнутая рубашка), создавая тем самым более четкую картинку в сознании англоязычного читателя. Вкрапление русизма *pyanitsa* с указанием на национальность (a Russian), вероятно, проводит параллель между образом героя в тот день и существовавшим в те годы в России особым типажом сильно пьющих людей, когда потребление спиртного резко возросло после распада Советского Союза.

В приведенном ниже примере рассматривается следующее вкрапление русизма:

(10) "*Molodets!*" said Frank, meaning "good fellow," a term often used by older men to congratulate those younger.

Номинация *Molodets!*, адресованная главному герою романа, вероятно, указывает на то, что в его окружении могли находиться как русские, так и иностранные граждане, владеющие русским языком. Наряду с калькированием номинации *Molodets!* фразой "good fellow" автор также акцентирует внимание читателя на цели использования

данной лексемы героем романа – to congratulate («поздравить»).

Следующий пример из романа, на наш взгляд, передает особое толкование характера русского человека – «тонкость русской души»:

(11) After ignoring Baobab's phone calls for nearly two months, Vladimir felt an ache in his heart, a subtle reminder of his *tonkost*, the Russian word signifying empathy, quiet compassion, a generosity of spirit.

Можно предположить, что использованное вкрапление русизма *tonkost* в данном примере указывает на невозможность легкого понимания того, что движет русским человеком в некоторых ситуациях. Информативная нагрузка в данном примере сосредоточена именно в описании (внутреннем переводе), следующем за субстратной единицей. Тонкость русской души описана автором описательным переводом с помощью таких абстрактных понятий, как сочувствие (empathy), сострадание (compassion) и великодушие (generosity).

Подводя итог, отметим, что в рамках данной работы была рассмотрена роль и способы адаптации иноязычного субстрата на материале художественных произведений авторов-билингвов.

В первом проанализированном произведении каждый из выделенных примеров вербализации элементов китайской культуры представляет собой номинативный комплекс: сочетание пиньинь с дополнительными средствами адаптации. Используемые автором инолингвокультурные номинации не только способствуют сохранению китайской культурной идентичности в мемуарах Р. Девоскин, но и, вероятно, показывают путь познания культуры автором текста.

Анализ романа Г. Штейнгарта обнаруживает присутствие русскокультурного субстрата (термин В.В. Кабакчи). Смысловая нагрузка субстратных единиц, раскрываемых в романе с помощью внутреннего перевода, представлена номинациями людей, обращениями, восклицаниями и абстрактными характеристиками, присущим и русскому человеку. Иноязычный субстрат придает особую атмосферу повествованию, способствует формированию образа России в иноязычном коммуникативном пространстве.

Адаптация иноязычного субстрата осуществлялась посредством внутреннего перевода, в ходе которого авторы использовали практическую транскрипцию, калькирование, описательный перевод, буквальный перевод и широкий контекст. Проанализированные произведения билингвальных писателей представляют собой «оригинальный» текст, являющийся первоисточником. Стоит отметить, что оба произведения отличает наличие особого графического оформления. Для текстов характерна кодовая неоднородность в шрифтовом отношении: иноязычные номинации неизменно выделены курсивом, что помогает привлечь к ним дополнительное внимание реципиента. Восприятие, изучение и трактовка текстов, содержащих иноязычные элементы, играет большую роль в сохранении и формировании образа описываемых внешних культур, а важность адаптации иноязычного субстрата неоспорима для успешной коммуникации между автором и реципиентом. Используемые авторами-билингвами субстратные единицы несут в себе национальный колорит, а в сопровождении с внутренним переводом помогают узнать больше о культуре описываемого народа и его менталитете.

Список источников

1. Кабакчи В.В. Реалии русской культуры в Большом Оксфордском словаре // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2015. № 1 (45). С. 12–18.
2. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. *Введение в интерлингвокультурологию*. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2017. 253 с.
3. Кабакчи В.В. Неисследованный вид переводческой деятельности: «Внутренний перевод» // *Studia Linguistica 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка*. Санкт-Петербург : Тригон, 2000. С. 65–75.
4. Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание* / пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. Москва : Русские словари, 1996. 416 с.
5. Серова Т.С. Сбалансированный билингвизм и механизм языкового переключения в устной переводческой деятельности в условиях диалога языков и культур // *Язык и культура*. 2010. № 4 (12). С. 44–46.
6. Белоглазова Е.В. Язык как личный выбор: о мультилингвальной языковой личности в литературе и политике // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2022. Т. XIX, Вып. 1. С. 112–119.
7. Ludden J. "Foreign Babes" on TV in Beijing // *NPR*. 2005. July 17. URL: <https://www.npr.org/2005/07/17/4758137/foreign-babes-on-tv-in-beijing> (accessed: 17.11.2020).
8. DeWoskin R. *Foreign Babes in Beijing: Behind the Scenes of a New China*. New York (U.S.A.) : W.W. Norton & Co, 2005. 335 p.
9. Shteyngart G. *The Russian Debutante's Handbook*. London : Penguin Books, 2002. 476 p.

References

1. Kabakchi V.V. Realii russkoi kultury v Bolshom Oksfordskom slovare [The realia of Russian culture in the Oxford Learner's Dictionary] // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2015. No. 1 (45). P. 12–18. (in Russ.).

2. Kabakchi V.V., Beloglazova E. V. *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu [Introduction to interlinguoculturology]*. Moscow : Yurait, 2017. 253 p. (in Russ.).

3. Kabakchi V.V. Neissledovannyj vid perevodcheskoj deyatel'nosti: vnutrennij perevod [Unexplored type of translation process: "Internal translation"] // *Studia Linguistica 9. Kognitivno-pragmaticheskie i hudozhestvennye funkcii yazyka. [Cognitive and pragmatic, as well as belle-lettre functionsof language]*. Saint Petersburg : Trigon, 2000. P. 65–75. (in Russ.).

4. Wierzbicka A. *Yazyk. Kultura. Poznaniye. [Language. Culture. Cognition]* / Transl. from English, ed. by M.A. Krongauz, introduction by. E.V. Paducheva. Moscow : Russkie slovari, 1996. 416 p.

5. Serova T.S. Sbalansirovannij bilingvizm i mekhanizm yazykovogo pereklyuchenija v ustnoj perevodcheskoj deyatel'nosti v usloviyah dialoga yazykov i kul'tur [Balanced bilingualism and the mechanism of language switching in oral translation process in the context of the dialogue of languages and cultures] // *Yazyk i kul'tura*. 2010. No. 4 (12). P. 44–46. (in Russ.).

6. Beloglazova E.V. Yazyk kak lichnyj vybor: o mul'tilingval'noj yazykovoj lichnosti v literature i politike [Language as a personal choice: about a multilingual linguistic personality in literature and politics] // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2022. Vol. XIX, Issue. 1. P. 112–119. (in Russ.).

7. Ludden J. "Foreign Babes" on TV in Beijing // *NPR*. 2005. July 17. URL: <https://www.npr.org/2005/07/17/4758137/foreign-babes-on-tv-in-beijing> (accessed: 17.11.2020).

8. DeWoskin R. *Foreign Babes in Beijing: behind the scenes of a new China*. New York (U.S.A.) : W.W. Norton & Co. 2005. 335 p.

9. Shteyngart G. *The Russian Debutante's Handbook*. London : Penguin Books, 2002. 476 p.

Информация об авторах

С.М. Пак – доктор филологических наук, доцент;

Г.А. Ефремова – старший преподаватель Высшей школы международных исследований и дипломатии.

Information about the authors

S.M. Pak is Doctor of Philology (Habil.), Assistant Professor;

G.A. Efremova is Senior Lecturer, the School of International Studies and Diplomacy.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.

The article was submitted 28.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 81'25

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-123-129

ТИПОЛОГИИ «ПЕРЕВОДНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ» И «ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДИСПЕРСИИ» КАК ЯВЛЕНИЯ ПЕРЕВОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Василий Викторович Сысоев¹, Зоя Григорьевна Прошина²

^{1, 2}Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹sysoevspb@mail.ru

²proshinazoya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются и уточняются термины «переводная множественность» и «переводческая дисперсия» как явления переводной художественной литературы. Выстраивается их типология. На основе анализа переводов названия поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» на английский язык вводятся термины «высокая переводческая дисперсия» и «низкая переводческая дисперсия». Предлагается новый вариант перевода названия поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» на английский язык с учетом авторской концепции и особенностей «реалий» русской культуры XIX в. Делаются выводы о соотношении и взаимодействии понятий «переводная множественность» и «переводческая дисперсия».

Ключевые слова: переводная множественность, переводческая дисперсия, «Мертвые души», перевод художественной литературы, адекватность перевода

Original article

TRANSLATION MULTIPLICITY AND TRANSLATION DISPERSION AS PHENOMENA OF TRANSLATING FICTION

Vasiliy V. Sysoev¹, Zoya G. Proshina²

^{1, 2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹sysoevspb@mail.ru

²proshinazoya@yandex.ru

Abstract. The article specifies the terms of *translation multiplicity* and *translation dispersion* used in analysing fiction translations. Their typologies are offered. Based on the analysis of *Dead Souls*, Gogol's poem, into English, the new terms of *high translation dispersion* and *low translation dispersion* are introduced. A new variant of translating the Gogol's poem into English is offered. It accommodates the author's conception and the specifics of culture-loaded phenomena of the 19th century Russia. Conclusions are drawn on interrelations of the *translation multiplicity* and *translation dispersion* terms.

Keywords: translation multiplicity, translation dispersion, "Dead Souls", fiction translation, translation adequacy

Явления «переводная множественность» и «переводческая дисперсия» в переводной художественной литературе не оставляют равнодушными исследователей-переводчиков, так как им приходится сталкиваться с новыми переводами исходного художественного произведения, возможно, создавать свой собственный перевод этого же произведения и изучать данные явления в переводной литературе [1–3]. Именно художественная литература, которая «рисует образы», требует от переводчика данной области быть предельно креативным, уметь читать и писать между строк, вживаться в роль творца исходного текста.

Цель данной статьи – рассмотреть соотношение переводческой дисперсии и переводной множественности и выяснить, как переводческая дисперсия влияет на качество перевода. Чтобы достичь поставленной цели, нам необходимо выполнить ряд задач: сопоставить явления «переводная множественность» и «переводческая дисперсия», систематизировать типологию переводной множественности, предложить типологию переводческой дисперсии.

Художественный перевод – это особый вид деятельности переводчика, так как переводчик становится в этом процессе (в процессе перевода) не только соавтором, но и выступает в функции само-

го творца, так как воссоздает новое произведение с авторской интенцией исходного текста (ИТ), учитывая идиостиль ИТ. Переводчик должен вжиться в стиль художественного произведения, передать его замысел, в этом случае соавтор должен обладать не только знаниями языков и культур, но и знаниями в области литературы и литературоведения, быть филологом, писателем, поэтом, чтобы «вписать» художественное произведение (свой перевод) в переводную литературу. Можно с уверенностью заявить, что именно переводная художественная литература, в отличие от других жанров (научных, публицистических, технических и т.д.), имеет свою образность, где культура и традиции народа переводного языка превыше всего для понимания идеи, концепции творца исходного произведения. На наш взгляд, «доместикация перевода» – это единственное условие для понимания авторской картины мира и культурных реалий, которые чужды другой культуре. Иногда авторские отступления (образ автора) занимают ведущую роль в произведении, чтобы создать культурный пласт, показывающий самобытность народа (ср. «Мертвые души» Н.В. Гоголя), именно поэтому возникает переводная множественность, а порой и переводческая дисперсия в переводной художественной литературе, для того чтобы «вписать» одну культуру в другую, чтобы исходная культура стала понятна носителю переводного языка.

Рассмотрим понятие переводной множественности и ее типологию. Переводная множественность в отечественном переводоведении стала известна в тридцатых годах прошлого столетия благодаря А.В. Федорову, который писал в своих исследованиях, что «одно и то же произведение может существовать в нескольких переводах, хотя бы и равного художественного достоинства, но все же различных, и каждый из этих переводов может быть по-своему законным» [4: с. 227].

Что же делает художественный перевод «законным»? «Гравитация исходного текста» [5: с. 134]? На наш взгляд, законным делает любой перевод его адекватность.

Как известно, переводческий термин «адекватность» имеет весьма неоднозначную интерпретацию. Л.Л. Нелюбин определяет адекватность перевода как «воссоздание единства формы и содержания оригинала средствами другого языка» [6: с. 8], тем самым приравнивая понятие *адекватности* понятию *эквивалентности*. С другой стороны, эквивалентность исходного и переводного текста (ПТ) определяется им как их равноценность, «которая достигается при соблюдении трех условий: (1) ПТ

должен обладать по отношению к своим адресатам тем же самым потенциальным воздействием, что и ИТ по отношению к своим адресатам; (2) ПТ должен быть в максимально возможной мере текстуальным аналогом ИТ; (3) ПТ не должен содержать отклонений от ИТ, выходящих за рамки трансформаций, допустимых в переводе» [6: с. 124]. На наш взгляд, первые два условия являются функциональными, как и понятие динамической эквивалентности, введенное Юджином Найдой [7], а потому их надо скорее соотнести с термином «адекватность», в то время как эквивалентность – концепт семантический, содержательный (по другому определению Л.Л. Нелюбина эквивалентность – это «максимальная идентичность всех уровней содержания текстов оригинала и перевода» [6: с. 124]). Адекватностью же мы называем «семантическую и прагматическую близость исходного и переводного текстов» [8: с. 295], т.е. об адекватности ПТ можно говорить в случае, когда он передает то же смысловое содержание и оказывает такое же впечатление, что и ИТ. Таким образом, адекватность – это понятие функционального переводоведения, что подтверждается также зарубежными авторами [9: с. 8] и рядом отечественных переводоведов, которые отмечают, что адекватность предполагает соответствие ожиданиям участников коммуникации и условиям, в которых осуществляется перевод [10: с. 9].

Если одно художественное произведение имеет несколько адекватных переводов, тогда возникает переводная множественность. В.Е. Шор впервые употребил слово «множественность» как переводческий термин [11: с. 448].

Переводная множественность, как любое явление, имеет свою типологию. Безусловно, многие согласятся с тем, что переводную множественность можно разделить на *синхроническую* и *диахроническую*. Синхронической переводной множественностью можно считать несколько переводов исходного художественного произведения, которые возникли одновременно или максимально близко друг к другу, фактически переводы возникают в одно и то же время (или период), т.е. синхронно. Диахронической переводной множественностью принято считать, адекватные (законные) переводы, которые появились последовательно, друг за другом, или же с интервалом, данный интервал между переводами может быть абсолютно различным. В свою очередь синхроническую и диахроническую переводную множественность можно представить, объединив типологии переводной множественности, разработанные Р.Р. Чайковским и Е.Л. Лысенковой [1; 2]. Р.Р. Чайковский выделяет *конкурирую-*

щую переводную множественность, которую можно отнести к синхронической, так как переводы художественного произведения создаются практически одновременно и функционируют – «конкурируют» между собой. Р.Р. Чайковский приводит примеры переводов романов Стивена Кинга [1: с. 143].

Все остальные типы переводной множественности следует отнести к диахронической переводной множественности. Это *активная* переводная множественность – несколько переводов, созданных в разные периоды, но существующих на равных в переводной литературе. Например, переводы А. Биска, К. Богатырева, Б. Летучего стихотворения «Пантера» Р.М. Рильке существуют на равных в переводной литературе [2]. *Пассивную* переводную множественность создают переводы, которые появились в разное время, один перевод доминирует над другим, второй перевод «вытесняется» и уходит в пассив. Так, перевод Ю. Афонькина «На западном фронте без перемен» (1959) вытесняет перевод А. Коссовича (1929) [1: с.144]. Четвертый тип переводной множественности, который упоминается Е.Л. Лысенковой [12], – *вариативная* переводная множественность. Это несколько переводов одного произведения, созданные одним и тем же переводчиком в разное время.

Итак, типологию переводной множественности можно представить следующим образом (рисунок).

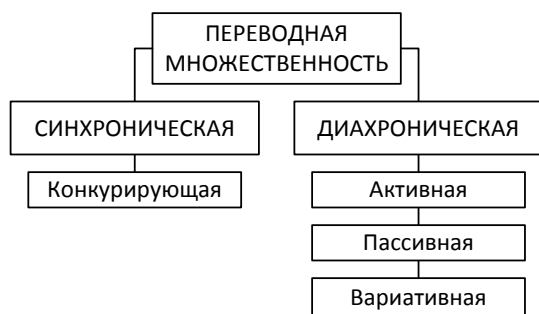

Рисунок. Типология переводной множественности

Переводная множественность в отличие от переводческой дисперсии возникает из-за богатства переводного языка, из-за его возможностей. Богатство синонимов переводного языка и точное чувство переводчиком стиля исходного художественного текста, ритма исходного поэтического произведения, адекватная передача образов, игры слов – все это порождает законные переводы. Именно адекватные переводы, которые максимально ясно и четко передают интенцию автора, его идиостиль, вписывают исходную культуру в переводную, т.е. адаптируют смысл и смягчают форинизированность реалий

одной культуры (исходной) для представителей другой культуры (переводной), используя все возможности переводного языка, порождают переводную множественность. В свою очередь ограниченность переводного языка и неточности при переводе создают переводческую дисперсию.

Переводческая дисперсия – термин относительно недавний в переводоведении. Термин «дисперсия» широко используется в математике, в физике, экономике, в теории вероятностей. Е.Л. Лысенкова использует данный термин в переводоведении как «меру отклонения от средних величин» по аналогии с вышеперечисленными областями, с другими науками [5: с. 133]. Некоторые ученые употребляют термин и «переводная дисперсия», и «переводческая дисперсия». Мы предлагаем разграничить термины «переводческая дисперсия» и «переводная дисперсия». Если в фокусе внимания оказывается переводчик, допускающий дисперсию, мы говорим о *переводческой дисперсии*. В этом случае переводчик является субъектом переводческого процесса, и он ответствен за перевод. Термин *переводная дисперсия* [5] соотносится с текстами перевода как результативными объектами перевода, создающими переводную множественность.

Дисперсию, как нам кажется, в переводоведении можно определить как меру отклонения перевода от оригинала на разных уровнях эквивалентности перевода. Уровни эквивалентности В.Н. Комиссарова [13], а именно: функционально-прагматический (целевой), ситуативный, семантико-компонентный, грамматический и структурно-формальный (уровень языковых знаков) – Д.И. Ермолович [14] назвал неким *check list* для переводчиков. Чтобы избежать дисперсии – отклонения или неточности при переводе – переводчику необходимо ссылаться на данный *check list*, а не прибегать к «гравитации текста» [5: с. 134]. Теория эквивалентности Комиссарова необходима, чтобы создать адекватный перевод, в котором прослеживается прагматика и функциональность исходного текста.

Многие ученые, которые изучают переводческую дисперсию как явление переводной литературы, говорят о том, что это явление нечастое в заглавиях книг и в названиях произведений [15]. Однако если мы возьмем русскую классику и проанализируем переводы, например, такого масштабного произведения, как «Мертвые души» Н.В. Гоголя, то в переводе на английский язык найдем дисперсию в даже в его коротком заглавии, несмотря на достаточно единообразные переводы названия этого произведения. Многие англоязычные переводчики перевели название поэмы Н.В. Гоголя как

«Dead Souls». Такой перевод мы встречаем у Изабель Флоренс Хэпгуд (1886), Стивена Грэма (1915), Чарльза Хогарта (1915), Констанса Гарнетт (1922), Бернарда Гилберта Герни (1944), Джорджа Ревы (1957), Тома Коула (1980), Лоуренса Снелика (1984), Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской (1996), Р. Магвайера (2004). Перечисленные переводчики не учли несколько немаловажных деталей, в частности культурные особенности России. Во-первых, «мертвые души» – это реалия периода крепостного права. Во-вторых, душа в русской православной традиции не может быть мертвой, она всегда связана с вечностью. В «Библейской энциклопедии» 1991 г. [16: с. 205] мы находим определение: «Душа человеческая – Сотворивь первого человекъ Адама изъ земли, Богъ вдунулъ в него *дыхание жизни*, т.е. *душу, существо духовное и бессмертное* (Быт. I, 25, 27). По смерти человекъ душа возвращается къ Богу, Который даль ее (Еккл. XIII, 7)». Также в названии поэмы обнаруживается языковая игра. Проанализировав семантическую структуру слова «душа» в словарях В.И. Даля и С.И. Ожегова, мы находим семему ‘крепостной крестьянин’ [17; 18]. Для слова *soul* толковый словарь английского языка такую семему нам не дает. Возникает переводческая дисперсия и вместе с ней – неточный перевод. В этом случае название «Мертвые души» следовало бы перевести как «Dead Serfs», где слово *serf* в толковом словаре английского языка имеет одну семему – ‘in the past, someone who lived and worked on land belonging to another person and who could not leave without that person’s permission’ [19]. Однако в этом случае при переводе теряется оксюморон.

Известно, что Н.В. Гоголь имел особый замысел – создать «Мертвые души» по аналогии с «Божественной комедией» Данте Алигьери, создать три тома: ад, чистилище, рай. Художник в первом томе изобразил ад, где души помещиков очерствели, но по определению не могут умереть – они должны очиститься во втором томе и возродиться в третьем. К сожалению, достоянием русской классической литературы стал только первый том. Итак, как же следует перевести название «Мертвые души», чтобы передать прагматику произведения, сохранить игру слов – оксюморон, сочетание несочетаемого, чтобы представитель английской культуры воспринял концепцию автора (Гоголя) максимально точно и чтобы переводчику не допустить искажения смысла при переводе? Чтобы ответить на этот вопрос, на наш взгляд, мало знать замысел произведения, необходимо обратиться и к критическим статьям по этому произведению. Многие критики, в частности Д.С. Мережковский, видели в

поэме Н.В. Гоголя намек на бесовщину. Критическая статья Д.С. Мережковского «Гоголь и Черт» (1906) этому подтверждение [20]. Борьба добра и зла, света и тьмы, божественного и бесовского, которая прослеживается в поэме, заставила нас обратиться к церковнославянскому словарю, где слово *душа* в своем первом значении обозначает ‘жизнь’ [21: с. 159]. Чтобы воссоздать замысел автора и сохранить игру слов и при этом дать точный перевод, мы предлагаем перевести название «Мертвые души» как «Dead Lives». Согласно теории эквивалентности В.Н. Комиссарова процесс перевода названия поэмы «Мертвые души» можно было бы изобразить следующим образом:

5-й уровень – уровень цели коммуникации “Dead Lives”;

4-й уровень – уровень описания ситуации “Dead Serfs”;

3-й уровень – уровень семантики сообщения;

2-й уровень – уровень грамматики высказывания;

1-й уровень – уровень языковых знаков “Dead Souls”.

Из предложенной шкалы эквивалентности В.Н. Комиссарова мы видим, что перевод названия «Мертвые души» претерпевает изменения. На наш взгляд, перевод на английский язык «Dead Lives» передает полную картину мира произведения Н.В. Гоголя, в этом переводе воспроизведена не только историческая реалия жизни России, описанная автором, не только сам замысел поэмы, но и выразительный стилистический контраст – мертвые души. Возник адекватный перевод, который является функциональным, отражающим концепцию автора, а также языковую игру – оксюморон, что позволяет максимально точно воспринять носителем англоязычной культуры идею всего произведения.

Перевод “Dead Serfs” учитывает только одну сторону произведения, называет саму реалию, а точнее приближает читателя к ней, но за этим переводом не стоит замысел, предполагаемый Гоголем, и, скорее всего, представитель англоязычной культуры, как мы смеем предположить, не будет воспринимать в полной мере данное название, как его воспринял бы представитель русской культуры, поэтому в данном случае этот перевод можно отнести к низкой переводческой дисперсии, где нет грубых нарушений при переводе, но все-таки в этом переводе неполно отражена концепция автора.

Перевод “Dead Souls”, на наш взгляд, относится к высокой переводческой дисперсии, так как он выполнен лишь на лексическом уровне без учета традиций России, без учета авторской интенции, без намека даже на то, чтобы читатель как-то соприкоснулся с русской культурой, с реалией.

Таким образом, мы предлагаем выделять два типа переводческой дисперсии: высокую и низкую дисперсию. В связи с такой типологией может возникнуть вопрос о выборе терминов: почему именно «высокая дисперсия» и «низкая дисперсия», а не «узкая дисперсия» и «широкая дисперсия» или «слабая» и «сильная». Объяснение этому выбору можно дать через процесс межатраслевого заимствования терминологии: так как сам термин «дисперсия» был привнесен в переводоведение из других наук, по аналогии мы из этих же наук привносим и типологию дисперсии в переводоведение.

Конечно, невозможно не согласиться с Р.Р. Чайковским, который утверждал, что дисперсия возникает, если невозможно передать художественный текст на переводной язык [1]. На наш взгляд, дисперсия бывает разной: низкой и высокой. Низкая переводческая дисперсия – это максимально приближенный перевод без серьезных отклонений от оригинала (возможно, не учтена коннотация лексемы при переводе). Высокая переводческая дисперсия – очевидная неточность при переводе, как, например, «баранки» у Н.В. Гоголя в тех же «Мертвых душах» перевели как «bread-rings» (Констанс Гарнетт, 1922), «brittle cookies» (Бернард Герни, 1942) «pretzels» (Ричард Пивер / Лариса Вологодская, 1996). Своих читателей переводчики «Мертвых душ» «кормили» баранками, которые Н.В. Гоголь расположил среди хомутов и веревок, пока в 2008 г. Дональд Рейфильд не задался вопросом, почему среди конной утвари обнаруживаются именно «баранки». Переводчик обратился к словарю В.И. Даля и выяснил, что «баранки» – это деревянные шарики, которые надевались на веревку, чтобы она не терлась [22].

Предпосылкой для переводческой дисперсии становятся синонимические отношения между лексемами, о чем справедливо пишет Е.Л. Лысенкова: «...именно языковая синонимия предоставляет переводчику широкие возможности выбора вариантов для передачи значения лексемы исходного текста» [15]. В свою очередь, синонимичность – одно из проявлений лексической системы. В разобранном нами случае надо учитывать также и другие системно-структурные взаимоотношения между словами, составляющими дисперсию: семантические структуры слов, их компонентный состав, а также контекстную поддержку и стилистическую игру.

Итак, переводческая дисперсия – это чаще всего своего рода искажение исходного текста, отклонение от ИТ, свойственное переводной множественности. Переводческая дисперсия вызвана рядом условий: а) очевидной неточностью при переводе; б) невозможностью переводного языка передать исходный текст. Для переводческой дисперсии мы предлагаем уточнение: а) высокая переводческая дисперсия – значительное отклонение от перевода; б) низкая переводческая дисперсия – минимальное искажение смысла при переводе. В связи с этим следует еще раз обратить внимание на разграничение переводческой и переводной дисперсии. Если переводная дисперсия, характеризующая сами переводные тексты, может проявляться по-разному: «одно слово может иметь высокую степень рассеивания в разных переводах, но низкую степень рассеивания в одном переводе» [15], то переводческая дисперсия характеризует качество работы самого переводчика, который призван минимизировать действие закона дисперсии для создания качественной репрезентации текста.

Список источников

1. Чайковский Р.Р. *Основы художественного перевода*. Магадан : Изд-во СВГУ, 2008. 182 с.
2. Лысенкова Е.Л. Поэзия и проза Р.М. Рильке в русских переводах (исторические, стилистико-сопоставительные и переводоведческие аспекты) дис. ... д-ра филол. наук. Магадан, 2007. 512 с.
3. Лысенкова Е.Л. О законе переводной дисперсии // *Вестник Московского ун-та*. 2006. № 1. С. 111–118. (Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).
4. Федоров А.В. *Введение в теорию перевода*. Москва : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. 335 с.
5. Лысенкова Е.Л. Реализация закона переводной дисперсии // *Культурные коды мировой литературы* : сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 19 ноября 2021 г.) / отв. ред. Г.Г. Ишимбаева. Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. С. 132–137.
6. Нелюбин Л.Л. *Переводоведческий словарь*. Москва : Изд-во МПУ «Сигнал», 1999. 137 с.
7. Nida E.A. *Towards a Science of Translating*. Shanghai : Shanghai Foreign Language Education Press, 2004. 331 p.
8. *Словарь терминов межкультурной коммуникации* / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедев (ред.), З.Г. Прошина (ред.) и др. Москва : ФЛИНТА : Наука, 2013. 632 с.
9. Palumbo G. *Key Terms in Translation Studies*. London, New York : Continuum, 2009. 212 p.

* Понятие репрезентации перевода было введено С.В. Тюленевым [23] и означает сохранение семантико-прагматической составляющей ИТ на другом языке с учетом неизбежных потерь информации, которые, тем не менее, должны быть максимально минимизированы.

10. Базылев В.Н. Адекватный перевод // *Основные понятия переводоведения. Отечественный опыт: Терминологический словарь-справочник* / Отд. языкознания; отв. ред. М.Б. Раренко. Москва : ИНИОН, 2010. 260 с.
11. Шор В.Е. Опыт многообразного решения одной переводческой задачи // *Мастерство перевода*. Москва, 1963. С. 447–484.
12. Лысенкова Е.Л. К обоснованию идиостилистики перевода // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2006. № 2. С. 82–90. (Сер. Лингвистика).
13. Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва : Высшая школа, 1990. 251 с.
14. Ермолович Д.И. Теория Комиссарова для «чайников». 2020. URL: <https://youtu.be/qw5ZW68mDbo> (дата обращения: 9.01.2023).
15. Лысенкова Е.Л. О законе переводческой дисперсии. Часть 3 // *Экспресс*. 2022. 18 октября. URL: https://bues.ru/articles/perevodcheskaya_dispersiya2.php (дата обращения: 9.01.2023).
16. *Библейская энциклопедия*. В 2 т. Кн. 1: А-Н. Москва : NB-press, Центурион, АПС, 1991. 496 с.
17. Даль В.И. *Толковый словарь Живаго Великорусского языка*. В 4 т. Т. 1. Санкт-Петербург–Москва : Тип. М.О. Вольфа, 1880. 723 с.
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. Москва : Азъ, 1992. 907 с.
19. *Macmillan Dictionary*. 2023. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/serf> (accessed: 9.01.2023).
20. Мережковский Д.С. *Гоголь и черт*. 1906. URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/27_Merezhkovsky.pdf (дата обращения: 9.01.2023).
21. *Полный православный церковнославянский словарь* / сост. Г. Дьяченко. 1900. 863 с. URL: <http://www.slavdict.ru/> (дата обращения: 9.01.2023).
22. Zakharyan A. Как «Мертвые Души» Гоголя переводили на английский язык – и что из этого получится? Переводы. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=F6thCyertF> (дата обращения: 9.01.2023).
23. Тюленев С.В. *Теория перевода*. Москва : Гардарики, 2004. 336 с.

References

1. Chajkovskij R.R. *Osnovy` xudozhestvennogo perevoda* [*Fundamentals of fiction translation* (in Russ.)]. Magadan : SVGU Publ., 2008. 182 p.
2. Ly`senkova E.L. Poe`ziya i proza R.M. Ril`ke v russkix perevodax (istoricheskie, stilistiko-sopostavitel`ny`e i perevodovedcheskie aspekty`) [Poetry and fiction by R. M. Rilke in Russian translations (historical, stylistic-comparative and translation aspects) (in Russ.)]: Doctoral (Habil.) diss. Magadan, 2007. 512 p.
3. Ly`senkova E.L. O zakone perevodnoj dispersii [On the law of translation dispersion (in Russ.)] // *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul`turnaya kommunikaciya*. 2006. № 1. P. 111–118.
4. Fedorov A.V. *Vvedenie v teoriyu perevoda* [*Introduction to Translation Studies* (in Russ.)]. Moscow : Foreign Literature Publ., 1953. 335 p.
5. Ly`senkova E.L. Realizaciya zakona perevodnoj dispersii. [Implementation of the translation dispersion law (in Russ.)] // *Kul`turny`e kody` mirovoj literatury`*: sbornik statej V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Ufa, 19 noyabrya 2021 g.) / Ed. by G.G. Ishimbaeva [Cultural codes of world literature : Proceedings of the 5th All-Russia research conference. Ufa City. 19 Nov. 2021]. Ufa : RICz BashGU, 2021. P. 132–137.
6. Nelyubin L.L. *Perevodovedcheskij slovar`* [*Translation Studies Dictionary* (in Russ.)]. Moscow : IZD-VO MPU «Signal», 1999. 137 p.
7. Nida E.A. *Towards a Science of Translating*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2004. 331 p.
8. *Slovar` terminov mezhkul`turnoj kommunikacii*. [Dictionary of Intercultural Communication Terms (in Russ.)] / I.N. Zhukova, M.G. Lebed`ko (ed.), Z. G. Proshina (ed.) a.o. Moscow : FLINTA : Nauka, 2013. 632 p.
9. Palumbo G. *Key Terms in Translation Studies*. London, New York : Continuum, 2009. 212 p.
10. Bazy`lev V.N. Aдекватny`j perevod [Adequate translation (in Russ.)] // *Osnovny`e ponyatiya perevodovedeniya. Otechestvenny`j opy`t: Terminologicheskij slovar`-spravochnik*. [Key Concepts of Russian Translation Studies : Dictionary of terms] / Department of Linguistics; ed. by M. B. Rarenko. Moscow : INION, 2010. 260 p.
11. Shor V.E. Opy`t mnogoobraznogo resheniya odnoj perevodcheskoj zadachi [The experience of diverse solutions of a translation problem (in Russ.)] // *Masterstvo perevoda* [*Mastership of Translation*]. Moscow, 1963. P. 447–484.
12. Ly`senkova E.L. K obosnovaniyu idiostilistiki perevoda [Reasons for translation idiostylistics (in Russ.)] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Linguistics*. 2006. № 2. P. 82–90.
13. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty`)* [*Translation Theory (Linguistic Aspects)*] (in Russ.)]. Moscow : Vysshaya shkola, 1990. 251 p.
14. Ermolovich D.I. Teoriya Komissarova dlya «chajnikov» [Komissarov's theory for “dummies”]. 2020. URL: <https://youtu.be/qw5ZW68mDbo> (accessed: 09.01.2023).
15. Ly`senkova E.L. O zakone perevodcheskoj dispersii. Chast` 3 [On the law of translation dispersion. Part 3] // *E`kspress*. 2022. 18 Oct. URL: https://bues.ru/articles/perevodcheskaya_dispersiya2.php (accessed: 09.01.2023).
16. *Biblejskaya e`nciklopediya v 2 T. Kniga 1: A-N*. [The Bible Encyclopedia in 2 vol. Book 1] (In Russian)]. Moscow : NB-press, Centurion, APS, 1991. 496 p.
17. Dal` V.I. *Tolkovy`j slovar` Zhivago Velikoruskago yazy`ka*. V 4-x t. Tom 1. [Great Live Russian Dictionary in 4 vol. Vol. 1 (in Russ.)]. St. Petersburg – Moscow : Typography of M.O. Vol'f, 1880. 723 p.
18. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka* [*Russian Dictionary*]. Moscow : Az, 1992. 907 p.
19. *Macmillan Dictionary*. 2023. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/serf> (accessed: 09.01.2023).

20. Merezhkovskij D.S. *Gogol` i chert*. [*Gogol and the devil* (in Russ.)]. 1906. URL: http://russianway.rhga.ru/upload/main/27_Merezhkovsky.pdf (accessed: 09.01.2023).

21. *Polny`j pravoslavny`j cerkovnoslavyanskij slovar`* [*Complete Orthodox Church Slavonic Dictionary*] / Compiled by G. D`yachenko. 1900. 863 p. URL: <http://www.slavdict.ru/> (accessed: 09.01.2023).

22. Zakharyan A. Kak «Mertvy`e Dushi» Gogolya perevodili na anglijskij yazy`k – i chto iz e`togo poluchis`? Perevody` [*How Dead Souls by Gogol were translated to English – and what resulted from this? Translations*]. 2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=F6thCyertF> (accessed: 09.01.2023).

23. Tyulenev S. V. *Teoriya perevoda* [*Translation Studies* (in Russ.)]. Moscow : Gardariki, 2004. 336 p.

Информация об авторах

В.В. Сысоев – магистрант, факультет иностранных языков и регионоведения;

З.Г. Прошина – доктор филологических наук, профессор, кафедра теории преподавания иностранных языков.

Information about the authors

V.V. Sysoev is a Master program student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies;

Z.G. Proshina is Doctor of Philology (Habil.), Professor, Department for Theory of Foreign Language Teaching.

Статья поступила в редакцию 16.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.

The article was submitted 16.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья
УДК 82.091
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-130-139

КОНЦЕПТ «СЧАСТЬЕ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ: А.П. ЧЕХОВ «СЧАСТЬЕ» – ЛУ СИНЬ «МОЛЕНИЕ О СЧАСТЬЕ»

Татьяна Фёдоровна Панченко

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, panchenko.tf @dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественной реализации концепта «счастье» на основе сопоставительного анализа «Счастья» А.П. Чехова и разных переводов рассказа Лу Синя «Моление о счастье». Счастье рассматривается как национальная доминанта русского и китайского художественного сознания. Актуальность статьи связана с малым количеством исследований поэтики писателей в сопоставительном аспекте. Рассматривая основные особенности поэтики А.П. Чехова и Лу Синя: хронотоп пути, смену повествователя, центрированное развитие сюжета, притчевость, рефлектирующего героя, мотивную организацию, – мы установили, что разные переводы названий рассказа Лу Синя вызваны сложностью изучаемого концепта. Параллелизм в художественной репрезентации основных особенностей китайского и русского представлений о счастье заключается в следующих выводах: оно должно быть всеобщим, дорога к нему закрыта или ведома только избранным, оно обладает двойственностью (внешней и внутренней стороной), основано на народных представлениях о тайных и явных сторонах жизни. Двойственностью концепта «счастье» объясняются разные переводческие рецепции.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Лу Синь, «Счастье», «Моление о счастье», концепт, хронотоп пути, сюжет, мотив, притчевость, переводческие рецепции

Original article

THE CONCEPT OF HAPPINESS IN RUSSIAN AND CHINESE ARTISTIC CONSCIOUSNESS: A.P. CHEKHOV "HAPPINESS" AND LU XUN "BEGGING ABOUT HAPPINESS"

Tatiana F. Panchenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, panchenko.tf @dvfu.ru

Abstract. The article deals with the study of the artistic realization of the concept of "happiness" on the basis of a comparative analysis of A.P. Chekhov's "Happiness" and various translations of Lu Xun's story "Prayer for Happiness". Happiness is considered as the national dominant of Russian and Chinese artistic consciousness. The relevance of the article is associated with a small number of studies of the poetics of writers in a comparative aspect. Considering the main features of the poetics of A.P. Chekhov and Lu Xun: the chronotope of the path, change of the narrator, centripetal development of the plot, parable, reflecting hero, motivic organization, it is established that different translations of the titles of Lu Xun's story are caused by the complexity of the concept under study. The parallelism in the artistic representation of the main features of the Chinese and Russian ideas about happiness consists in the following conclusions: it must be universal, the road to it is closed or known only to the elect, it has a duality (external and internal sides), is based on popular ideas about the secret and explicit sides of life. The duality of the concept of "happiness" explains the different translation receptions.

Keywords: A.P. Chekhov, Lu Xun, "Happiness", "Prayer for happiness", concept, chronotope of the path, plot, motive, parable, translation receptions

Введение

Понятие «счастье» – одно из самых значительных в языковой картине мира разных народов. Представление о счастье – показатель культурной памяти нации, её ментальности. Это образная ценность, когнитивно значимая для культурной специфичности народа. Это философское ёмкое понятие, осмысляемое социальными научными дисциплинами в триаде «язык–сознание–культура». Содержание категории «счастье» изучается различными

гуманитарными науками: фольклористикой, герменевтикой, философией, психологией, социологией, литературоведением, лингвокультурологией и многими другими. Но особый интерес оно представляет для писателей, художественно осваивающих, постигающих внутренний мир, дух собственного народа и человечества в частности. В значении слова «счастье» присутствуют, по мысли В. Таркевича, два семантически неразложимых признака – «семантических примитива»: «желание» и

«благо». Счастье связано с мечтой, идеалом как духовными составляющими и богатством, достатком как материальным условием осуществления мечты. «Счастье» – понятие гибридное, оно объединяет предметные области «состояний дел» и «состояний духа», т.е. «внутренний» и «внешний миры» человека, микрокосм и макрокосм, душу и тело, и уже в силу этого оно обречено на семантическую нечёткость, отсутствие резких концептуальных границ и дефиниционную неопределенность: «счастье – понятие трудное, для многих неопределенное и туманное» [1: с. 282].

Представления о счастье характерны для развитых национальных культур, они входят в систему ценностных национальных ориентиров наряду с понятиями свободы, «самостояния человека» (А. Пушкин), выбора и ответственности. Они запечатлеваются в художественных образах национальной культуры и остаются в памяти народа. По художественным образцам потомки знакомятся с национальным миропониманием и сознанием предков и в то же время глубже, полнее осознают себя.

Мы, не претендуя на всеохватность выводов, предлагаем результаты литературоведческого исследования поэтики сюжета и жанра произведений с тематически близкими названиями – «Счастье» А.П. Чехова и «Моление о счастье» «祝福» Лу Синя в сопоставительном аспекте. Актуальность темы подтверждается словами Ли Лянь-шу: «...поэтика Чехова и Лу Синя остается в целом вне внимания критиков» [2]. Автор отмечает, что «Чехов – один из самых известных русских авторов, которым китайские писатели следуют в своем творчестве. Китайских читателей привлекает в Чехове сдержанный и уравновешенный характер, который близок китайскому складу ума» [2]. Творчество Лу Синя и Чехова сближает изображение жизни простого народа, образов интеллигентов, некоторые стилистические черты, например ирония. Однако в сопоставительном аспекте указанные произведения анализируются впервые.

Цель нашей статьи – выявление авторского понимания «счастья» на материале тематически близких произведений: рассказа А.П. Чехова «Счастье» и рассказа Лу Синя «Моление о счастье», рассмотренного в переводческой рецепции.

Концепт счастья в рассказе А.П. Чехова

Рассказ «Счастье» создан А.П. Чеховым в 1886–1887 гг., когда писатель начал размышлять «о главном», во второй период его творчества, после периода «юмористического Антоши Чехонте» и «Человека без селезенки». Период самосовершенствования, поиска себя отразился в произведениях

этого времени, в названиях которых доминирует пространственно-временное (хронотопическое) обозначение пути-дороги: «На пути», «В суде», «Накануне поста», «На страстной неделе», «В сарае», «На даче», «На мельнице». Наряду с такими зарисовками, в основе фабул которых – случай, происшествие, создано много произведений, выходящих за пределы реалистичной обыденности, читающихся как символические, философские: «Счастье», «Тайна», «Мечь», «Мечты», «Беда», «Нищий», «Свадьба». Они о смысле жизни, о жалости и сострадании, о добре и зле – тех вечных истинах, что не отпускают человека, не позволяют ему остаться одному. Эти произведения обычно построены как притчи.

По-русски «притча» / «притеча» от «притечь». «Притка» в словаре В.И. Даля – слово многозначное, обозначающее и нечаянность, внезапный, неожиданный, и притом дурной, несчастный случай; и роковую помеху; внезапную болезнь; порчу или сглаз, урок; и иносказание, иносказательный рассказ, нравоученье, поученье в примере, аполог, параболу, басню; или простое изречение, замечательное, мудрое слово [3: с. 452–453]. Притча всегда несёт в себе важную идею, скрытую под внешне незначительным сюжетом. Поэтому в притче два плана: явный и скрытый, видимый и невидимый. Ради второго притча и рассказывается. В ней всегда есть тайна, неоднозначность, недоговорённость. Событийная – рассказанная история – лишь её внешний вид. Тайный, внутренний смысл притчи скрыт от глаза и слуха, открывается лишь немногим. Возник жанр притчи на Востоке, где любили говорить загадками, иносказаниями. Притча имеет бесконечное множество значений и толкований, она тонко отражает непредсказуемость каждой конкретной человеческой жизни и истории всего человечества.

Место действия рассказа А.П. Чехова [4] – «у широкой степной дороги» – обозначено в первом предложении, связано с предполагаемым жанром и проблемой выбора, которая организует сюжет. Пространственное расположение героев очень важно: «...старик лет восьмидесяти, беззубый, с дрожащим лицом, лежал на животе у самой дороги, положив локти на пыльные листья подорожника; ...молодой парень, с густыми чёрными бровями и безусый, одетый в рядно, из которого шьют дешёвые мешки, лежал на спине, положив руки под голову, и глядел вверх на небо, где над самым его лицом тянулся Млечный Путь и дремали звёзды» [4: с. 282]. С первых строк рассказа А.П. Чехов обозначил «верх» и «низ» художественного

пространства произведения как противостояние «земли» и «неба», распахнув хронотоп рассказа «ввысь» и «вглубь». «Широту степи» передал через олицетворённый образ «думающих» овец: «Их мысли, длительные, тягучие, вызываемые представлениями только о широкой степи и небе, о днях и ночах, вероятно, поражали и угнетали их самих до бесчувствия...». Таким образом, автор задал своеобразную композиционную «сетку координат» произведения.

Главных героев трое: старый и молодой пастухи, стерегущие отару овец, и объездчик Пантелей, остановившийся попросить у пастухов огня для трубки. Прямая и неподвижная вначале фигура его позволила автору лаконично нарисовать портрет: «мужчина в больших сапогах и короткой чумарке» (Южн. новорос. чамарка (чемарка), кафтанчик, казакин. – *примеч. А. Чехова*). Судя по его фигуре, прямой и неподвижной, по манерам, по обращению с пастухами, лошадьё, это был «человек серьёзный, рассудительный и знающий себе цену; даже в потёмках были видны в нём следы военной выправки и то величаво-снисходительное выражение, какое приобретается от частого обращения с господами и управляющими». Этот образ задаёт сюжетную динамику произведению, поскольку разговор старика-пастуха с объездчиком является завязкой сюжета.

Старик прервал затянувшееся на время выкуренной трубки молчание, после долгого «обглядыванья» объездчика в приветствии помянул народное выражение: «Не узнал – богатым быть». «К слову» сказанное, случайно произнесённое выражение в произведениях Чехова становится «не случайным», а ведущим психологическим мотивом. Намёк на «богатство» вызвал воспоминания о деревенском скопидоме Ефиме Жмене и определил ход дальнейшей беседы. Произведение из авторского повествования от третьего лица меняет композицию и превращается постепенно в «рассказ в рассказе». Ведущим рассказчиком становится старик, отдельные реплики объездчика и молодого пастуха лишь направляют воспоминания старика. Голос автора-повествователя становится менее заметен, он уподобляется заставочным и попутным ремаркам, если пользоваться драматургической терминологией. Читатель с каждой строкой всё больше поглощён фабульной авантюрной историей, ведь связана она с поиском клада, место которого знал только Жменя. Диапазон оценки героя представлен контрастно, обозначен контекстными антонимами: «бог» – «бесова тварь», «душа» – «нечистая сила», «хорошо» – «плохо»,

«церковь» – «кабак». По представлениям старика, «ежели который человек мужицкого звания всё больше молчит, старушечьими делами занимается да норовит в одиночку жить, то тут хорошего мало» [4: с. 284]. Жменя знался с нечистой силой, в церковь не ходил, поэтому у него на бахче «арбузы и дыни свистели», пойманная щука хохотала, сам он оборотень, мог прикидываться белым волом, напустить на всё село «горловую болезнь». Но старики не позволяли молодым убить этого злого человека: «он знал место, где клады есть. А кроме него ни одна душа не знала» [4: с. 285]. Общая оценка Жмени выражена в речи старика прямо: «стервячий был старик!», «сама собака не ест и другим не даёт», «чёрт лысый». В рассказе о Жмене переданы обобщённые русские народные языческие и христианские представления о возможном соединении в одном человеке противоречивых черт.

Постепенно в речи рассказчика старика проявляется главное слово, таившееся до сих пор в душе, – «счастье», внутренняя /психологическая дума о котором и организовала этот монолог: «Есть счастье, а что с него толку, если оно в земле зарыто?» [4: с. 287]. Мы понимаем, что, согласно старинным народным представлениям, счастье – материально, оно измеряется «пудами» золота, которое хранится в определённой посуде, скорей всего, в «курганах» (могильниках); о нём никто не знает, но все говорят, из поколения в поколение передают сведения о том, что кто-то – обычно «солдат» – видел «ярлыки [4: с. 286]. Но счастье – это «клад заговорённый – не подступиться», для него специальный талисман нужен, дорогу к которому знают немногие.

Горечь старика перерастает в отчаяние: «Так и пропадает добро задаром, без всякой пользы, как полова или овечий помёт!» Ещё один вывод напрашивается: счастье должно быть общим, одно на всех. Вот почему однозначно осуждается Жменя: ни себе, ни людям. В этом же монологе старика «люди» (народ, мужики) противопоставляются «панам» и «казне». Воспоминания старика являются двойным «уроком»: и молодому пастуху на будущее, и в назидание – объездчику, в портретной характеристике которого было подчёркнуто «величаво-снисходительное выражение». Он является посредником между мужиками и панами. Старик демонстрирует и своё бунтарство, несмирительность, нежелание подчиняться «закону», в котором якобы написано, «что ежели который мужик найдёт клад, то чтоб к начальству его представить. Ну, это погоди – не дождёшься!» [4: с. 287]. Поисковый опыт семьи старика не привёл к счастью. Ощущается не-

кое противоречие: если счастье одно на всех, то почему не все его ищут, почему старик раз десять искал счастья, а его отец, брат Илья жизни свои положили, чтобы клад найти, да так и «умерли без счастья»?

Итог рассказа старика подводит объездчик: «...близок локоть, да не укусишь. Есть счастье, да нет ума искать его». Строгое лицо его, отмечает Чехов, было грустно и насмешливо, как у разочарованного [4: с. 288]. Эта деталь возвращает нас к началу произведения, к необходимости проследить партию чувств героя.

Во время рассказа старика объездчик, «зная себе цену», многозначительно трижды комментировал историю о Жмене словами «Это бывает», хотя от первого эпизода до третьего происходило углубление его внутреннего сосредоточения: сначала голос был «беззвучным, глухим», потом говорил он «глубокомысленно и убеждённо». И прежде чем произнёс уверенно, выкурил две трубки: «В этих местах много кладов», «Должны быть клады». «Слушал старика и соглашался, но по выражению его фигуры и по молчанию видно было, что всё, что рассказывал ему старик, было не ново для него, что это он давно уже передумал и знал гораздо больше того, что было известно старику» [4: с. 287]. В нём тоже живёт эта народная вера в чудо, в случайно найденный клад, жажда «открытия» счастья. Он воспринял историю старика как обращение к себе, не противился слушанию, хотя выглядел равнодушным, неподвижно стоявшим. Этот внешний жест свидетельствует о внутреннем сосредоточении, ведь он «встряхнул головой», очнувшись от мыслей. Рассказ старика поверг его в раздумье, замедлил ход жизни, задержал на ночь его путь, опустил на землю, поставив вровень с мужиками-пастухами. Не случайно при первом появлении он на коне (над пастухами), а после разговора долго не решается сесть на лошадь. И всё-таки ирония как общая оценка происходящего возобладала в чувствах объездчика: «Да, так и умрёшь, не повидавши счастья, какое оно такое есть...» Так мог бы сказать восьмидесятилетний, проживший жизнь старик, а говорит человек средних лет, понимающий счастье традиционно народно – как материальное богатство.

«Кто помоложе, может, и дождётся, а нам уж и думать пора бросить» – эта реплика объездчика отделена от его единственного в рассказе монолога пейзажной зарисовкой. Чехов, умеющий «кратко говорить о важном», редко представляет в своих произведениях подробные описания, предпочитая краткие детали целостной картине: «Блестит горлышко разбитой бутылки – и описание лунной ночи

готово...». В этом произведении Чехов использует приём «остранения» и передаёт отношение к степной шире, синеватой дали глазами героя: «...последний видимый холм сливался с туманом, ничто не шевелилось; сторожевые и могильные курганы, которые там и сям высились над горизонтом и безграничной степью, глядели сурово и мёртво; в их неподвижности и беззвучии чувствовались века и полное равнодушие к человеку; пройдёт ещё тысяча лет, умрут миллиарды людей, а они всё ещё будут стоять, как стояли, нимало не сожалея об умерших, не интересуясь живыми, и ни одна душа не будет знать, зачем они стоят и какую степную тайну прячут под собой.

Проснувшиеся грачи, молча и в одиночку, летали над землёй. Ни в ленивом полёте этих долговечных птиц, ни в утре, которое повторяется аккуратно каждые сутки, ни в безграничности степи – ни в чём не видно было смысла» [4: с. 288].

Пейзажная зарисовка передаёт психологическое состояние героя и при этом противопоставляет исторически конкретное человеческое время, время человеческой жизни, даже осложнённое памятью, но всё равно конкретное – вечному и бесконечному природному времени. Художественное время произведения можно восстановить по отдельным временным границам, обозначенным косвенно в рассказе: Ефим Жменя умер в Вознесенье (5 августа – по старому стилю), знал его старик примерно 60 лет, значит, с 1825 г. – года смерти императора Александра I, «который француз гнал». Рассказ читается как современный (1885), хотя примет «сегодняшнего» времени не содержит. Хронотоп приобретает конкретно-обобщающий характер за счёт уточнения исторического времени в монологе объездчика: время строительства первого русского корабля Петром I в Воронеже, война 1812 г. Историческая детальная достоверность не способствует реалистическому жизнеподобию, а, напротив, приводит к символизации – философскому обобщению художественного смысла. Суэта человеческой жизни (злодеяния Ефима Жмени, покупка талисманов, разбойничий грабёж, деятельность донских казаков) противопоставлена природной неподвижности, поиск счастья-клада как смысла человеческого быта контрастирует с природным «бессмысленным» бытием. Этим мы объясняем художественную иронию, использованную автором и как отношение автора к героям, и как способность героя посмеяться над своими наивными представлениями. Объездчик и верит в народные представления, и смеётся над собственной наивностью. Он и оставляет пастухов в

молчании у дороги с «выражением, как будто забыл что-то или не досказал» [4: с. 289].

Вторая пейзажная зарисовка не принадлежит сознанию пастухов. Они не способны выйти за пределы своего видения и увидеть, что «на этом свете, кроме молчаливой степи и вековых курганов, есть другая жизнь, которой нет дела до зарытого счастья и овечьих мыслей» [4: с. 289]. Старик способен лишь подняться с земли, опираясь на свою «герлыгу», длинную палку с крючком на верхнем конце, молодой пастух пребывает в состоянии страха и любопытства под впечатлением от услышанного. Он ждёт продолжения историй, ведь старик собирается продолжать поиск клада в Богатой Балочке. Примечательно, что Чехов рисует новое место «счастья» как путь-перепутье: «...балка, как гусиная лапка, расходится на три балочки». Значит, по-русски, счастье всегда ставит человека перед выбором, по какой дороге пойти. Но концептуальный смысл рассказа в последнем вопросе, заданном молодым Санькой: «Что делать с кладом, когда найдёшь...?» Старик этот вопрос не приходил в голову, вероятно, потому что для него важен сам процесс поиска, потому что счастье не в самом кладе, а в непрерывном его поиске, в движении к нему. Санька же не мог понять, почему счастье ищут только старики, которые в любой момент могут умереть от старости. На что им счастье в земной жизни?

Молодой пастух, который во время стариковых рассказов лежал лицом вверх, глядя на Млечный Путь, интересовался не самим счастьем, «которое было ему не нужно и непонятно», а фантастичностью и сказочностью человеческого счастья. Он на миг слился с овцами, стал одним из их длительных и тягучих мыслей – стал частью необъяснимой Природы и зажил собственной жизнью. Ощущение себя самого пришло к нему только на эмоциональном уровне, сознание героя ещё не развито, в мозгу лишь «копошатся» недоумения, но понимание природы дано как великое открытие и чудо. Не случайно восход солнца описан как величественное вечное шествие: «Окружённое лёгкою мутью, показалось багровое солнце. Широкие полосы света, ещё холодные, купаясь в росистой траве, потягиваясь и с весёлым видом, как будто стараясь показать, что это не надоело им, стали ложиться по земле. Серебристая полынь, голубые цветы свиначей цибульки, жёлтая сурепа, васильки – всё это радостно запестрело, принимая свет солнца за свою собственную улыбку» [4: с. 290]. В этом пейзажном описании автор использует несобственно-прямую речь: народные (Санькины) названия цветов и трав («свиначья цибулька», «сурепа») искусно

вплетены в авторскую речь, изукрашенную эпитетами; народные жесты («потягиваясь поутру», «купаясь в росе») поданы в литературной инверсии; немудрящие эмоциональные ощущения («радостно», «с весёлым видом», «не надоело») так естественно передают народно-поэтическое мироощущение автора, что понимаешь: счастье – мечта, оно не материально, поэтому откроется лишь тем, кто способен чувствовать красоту окружающей природы.

Варианты названий рассказа Лу Синя «Моление о счастье»

«Моление о счастье» (1924) – один из самых загадочных рассказов Лу Синя. (Рассказ был впервые напечатан в журнале «Дунфанцзачжи» («Восток») в марте 1924 г.; в русском переводе Е. Книпович под названием «Благословение» 祝福, как дословно и переводится иероглиф, – в журнале «Интернациональная литература», 1937, № 10; в переводе А.А. Штукина – в кн.: Лу Синь. 1881–1936. Сб. статей и переводов, М.–Л. 1938; в переводе В. Рудмана (под названием «Моление о благоденствии») – в журнале «Сибирские огни», 1940, № 3; в переводе А.П. Рогачёва – в кн.: Лу Синь. Избранное. М., 1952. Текст цитируется по электронному сайту Библиотеки всемирной литературы [5].

Русский перевод рассказа Лу Синя появился через пятьдесят лет после написания Чеховым «Счастья», в 1937 г. Первая загадка содержится в названии: понятие «счастье» не оставалось неизменным во всех переводах, а заменялось синонимичными словами – «благословение» (в пер. Е. Книпович, 1937 г.) и «благоденствие» (в пер. В. Рудмана, 1940 г.). Оба слова многозначные, но «благоденствие» есть осуществленное «благополучие, счастливая жизнь», а «благословение» – интенция, намерение счастливой жизни, обращённая к Богу просьба о благодати, помощи, призывание помощи и милости Божией на людей или предметы (Исх.32:29; Мат.14:19). [По словарю Д.Н. Ушакова: **Благоденствие**, благоденствия, мн. нет, ср. (книжн. устар.). Благополучие, счастливая жизнь. Мир необходим для благоденствия страны; благословение – благословения, мн. нет, ср. (церк.). 1. Действие по гл. благословить благословлять. 2. Религиозно бытовой свадебный обряд у христиан, состоящий в крестообразном осенении иконой и хлебом жениха и невесты их родителями [6]; по словарю Т.Ф. Ефремовой: **Благоденствие** – ср. Полное благополучие; процветание; **Благословение** – I ср. 1. процесс действия по гл. благословлять I 1. отг. Результат такого действия. 2. Религиозно бытовой свадебный обряд у христиан, состоящий в крестообразном осенении

иконой и хлебом жениха и невесты их родителями перед венчанием. Благословение – прославление, превознесение Господа словами (1Пар.29:10; Лук.2:28; 2Кор.11:31; Отк.5:13); призывание помощи и милости Божией на людей или предметы (Исх.32:29; Мат.14:19; Лук.2:34); помощь материальная или духовная (Библия. Ветхий и Новый заветы; Лук.2:34) [7]. Следовательно, переводчики по-разному ощущали авторский смысл, выводя в сильную позицию названия текста то материальную, то духовную сторону понятия. Не случайно и само название рассказа Лу Синя в английской транскрипции передаётся по-разному: «Begging about happiness» / «Prayer for happiness» или «The New Year Sacrifice» (букв.: «Мольба о счастье»/ «Молитва о счастье» или «Новогодняя жертва»), что и подчёркивает обозначенную нами двойственность концепта [8].

Вторая загадка – в указании на процесс обращения к высшему существу – «моление». Эта коннотация отсутствовала в первом переводе Е. Книпович. (Возможно, по идеологическим мотивам. Это предположение нуждается в особом исследовании.) Однако все последующие переводы (А.А. Штукина и А.П. Рогачёва) уже содержали семантический аспект прошения, просьбы, мольбы. Предполагаю, что перевод А.П. Рогачёва, который мы использовали для работы, «Моление о счастье» точнее передает авторский смысл; не случайно переводчик подробно комментирует национальный обряд: «Моление о счастье – обряд, совершаемый в новогодний праздник, когда обращаются к Богу богатства с просьбами ниспослать счастье семье. В каждой китайской семье в ночь под Новый год по лунному календарю совершался обряд проводов Бога очага – покровителя семьи; предполагалось, что, задобрённый жертвоприношениями и молитвами, бог очага в своем докладе верховному владыке небес представит семью, проводившую его должным образом, в наилучшем свете» [5: с. 171, примечания 460–462].

В названии рассказа Лу Синя соединяются внешняя и внутренняя стороны смыслового содержания: обращение к Богу богатства – материальная сторона; представить семью в наилучшем свете – духовная составляющая благополучия. С этим связаны разные переводы произведения. В этом двойственном смысле произведения Лу Синя и Чехова совпадают. Но, в отличие от Чехова, Лу Синь не указывает конкретно-исторического времени, хронологически обозначая лишь переломный момент – канун Нового года, тем самым еще более подчёркивает неопределённость, «вневремен-

ность» рассказа. Начало его, как и в произведении Чехова, соединяет «небо» и «землю», «будни» и «праздник», что передано противоположной цветовой деталью: «пепельно-серые облака» и «огни фейерверка». Лу Синь, как и Чехов, основным способом выражения авторской позиции считает композицию. Но если у Чехова повествование от третьего лица сменяется на «я» рассказчика, то у Лу Синя наоборот: первое лицо сменяется третьим. Отметим разные авторские логики организации композиционного целого: от дедуктивного, характерного европейскому сознанию, к индуктивному, ближе восточному.

Пространство произведения тесно связано с художественным временем: оно расширяется по мере повествования: от рассказа о дяде – к изображению родственников, от истории частной семьи – к традиции празднования проводов Бога очага, от одного дня – ко второму и третьему, от праздника в Лучжэне – косвенно к истории празднования в других местах Китая, от сегодняшнего дня – к дням «всегдашним». Такое расширение художественного пространства произведения тоже способствует символизации, обобщению смысла, что позволяет говорить об элементах притчевого жанра.

Праздник Нового года объединил все семьи, это обозначено повторяющейся деталью места – «в каждом доме» (повсюду) и времени – «из года в год» (так было и в этом году). Времена художественно-конкретное (фабульное) и вечное (символично-философское) не существуют порознь, они перетекают одно в другое, это подготавливает нас к восприятию не развлекательного рассказа, а притчевого, многосмысленного. Контраст белого (пошёл снег) и темного (стало темнеть) коррелирует с иерографическими свитками высказываний мудрецов: «Постигнешь суть дела – успокоишь душу», а цветок мэи – с красным эстампажем с большим иероглифом «тоу» – как цвет радости и общепринятое благопожелание счастья. Связав «дело» (практическую реализацию задуманного) и «душу» (внутреннее состояние), раскрасив контраст красным цветом, автор выразил своё понимание счастья как двойственной сложности.

Все эти детали предшествуют основному сюжетному повороту рассказа – встрече рассказчика с тетюшкой Сян-Линь. Портретное описание выделяет героиню среди всех персонажей произведения. Если до этого эпизода автор очень кратко обозначал детали портрета героев, то тетюшку, напротив, рисует очень подробно. «Пристальный взгляд», «измождённое лицо с землистым оттенком», отсутствие скорби на лице делали её похожей на вы-

сохшее дерево, если бы не глаза. Они были живыми. Портрет представлен в динамике – пять лет назад она только начинала сидеть, а сейчас бела как лунь, а ведь ей всего сорок лет. Указание на возраст обращает к китайской нумерологии, в которой четыре – число материального порядка. Иероглиф числа «четыре» 四 символизирует физический мир, квадратное основание – земля, а круглая крыша – небо. Но при этом цифра четыре очень нелюбима китайцами, и даже считается неблагоприятной цифрой из-за того, что «четыре» по произношению похоже на слово «смерть». 0 (нуль) символизирует ничто, завершённость и Бога. У нуля нет начала и конца, он бесконечность. То есть возраст тётюшки достиг того предела, когда земная жизнь закончена. Эта деталь подготавливает внимательного читателя к мысли о смерти.

Образ тётюшки Сян-Линь часто становился предметом научного анализа. Её сопоставляли с чеховским Ионой из рассказа «Тоска» как «одиноких бездомных тружеников, каждый из которых, потеряв единственного сына, не нашел сочувствия у окружающих» [9: с. 11]. Образ тётюшки относили к типу «маленького человека», расширяя этот литературный тип за счёт изображения внутреннего мира и психологии обездоленного героя, вводя в круг «маленьких людей» не только тех, кто принадлежал к низкому социальному слою, но и «разнообразных "маленьких людей" <...> с их недостатками и слабостями» [10: с. 76, 77]. Обрисовывая образ героя, Лу Синь чаще всего пользовался традиционным методом «чёрно-белого описания» (*бай мяо*), привычного для китайского писателя. По объяснению писателя, метод «чёрно-белого описания» означает: «Поменьше мудрить и изощряться, убрать украшения и говорить правду» [11].

Философский вопрос Сян-Линь о душе, о возможности жизни после смерти поверг рассказчика в изумление: не ожидал он от неё такого. Форма вопроса оказалась тоже «двойственной», содержащей одновременно сомнение и надежду, т.е. рай и ад сознания, фигурально выражаясь, «душу и тело». Надежда какая, на что? На бессмертие души или же на то, что душа смертна? Одинокая, голодная, брошенная, как истрёпанная кукла, неудачница, по мысли всех «весёлых и беспечных людей», тётюшка Сян-Линь заставила задуматься не о сиюминутном, а о вечном – о душе. История её нелёгкой жизни, которую она несла покорно, напоминает жизнь праведников в российской литературной традиции – нетребовательных к быту, непривередливых тружеников, а также юродивых, которые становятся нравственным мериллом правдивости и

истинности. Земное существование таких героев кажется настоящим «адамом» – испытания и тяготы жизни преследуют их на каждом шагу, каждое последующее тяжелее предыдущего: смерть мужа, работа служанкой, возвращение в дом свекрови, второе замужество, рождение сына и его смерть, возвращение в деревню и помешательство, приведшее к изгнанию и одиночеству. Поскольку вопрос задан в канун Нового года, переводчики и делали это событие ведущим и отражали его значимость в названии: “The New Year Sacrifice” – «Новогоднее жертвоприношение».

Судьба Сян-Линь, известная рассказчику во всех подробностях, как не известна жизнь его близких родственников, свидетельствует о значимости этого образа, ставшего символом решения авторской мысли о гуманизме и счастье.

Китайская народная традиция поиска счастья, мечты о счастье, моления о счастье запечатлена во многих фольклорных произведениях, например, в «Сказке про юношу, который искал счастье» [12], «Дай-фу – приносящий счастье» [13], «Сад Нефритовой феи» [14] и др. Счастье, по народным представлениям, – это связь тела и души, это награда за человеческую доброту и работоспособность, это умение видеть красоту в обыденном. Но в реальной жизни счастье невозможно. Оно так и остается мечтой, к которой надо стремиться.

Так и тётюшка Сян-Линь будто бы специально явилась в деревне Лучжэнь, чтобы именно в канун Нового года «всколыхнуть, сдвинуть ситуацию», заставить думать о душе и о смысле пребывания человека на земле. На фоне устойчивой жизни незаметно течение жизни. Чтобы увидеть движение, необходим «сдвиг». Таким сдвигом и явилась смерть Сян-Линь. Её смерть в канун праздника вызвала недовольство: «...нашла время! Угрозило же её ни раньше, ни позже, а именно в этот день! Но «когда боишься предчувствия, оно, как назло, непременно сбудется» [5: с. 174]. Психологическое состояние рассказчика после встречи с Сян-Линь оказывается возбуждённым. Его рефлексия на собственный расплывчатый, неопределённый ответ «Точно сказать не могу» [5: с. 174] показывает интеллигентскую слабость героя, пытающегося оправдать себя. Он взволнован тем, что, возможно, причинил боль или вред тётюшке. Он «упал духом», даже книги мудрецов и комментарии к ним не могли объяснить смутного предчувствия. Однако все попытки оправдать себя не помогли блаженствовать, наслаждаясь покоем: «Успокаивая себя, я всё же ощущал тревогу» [5: с. 174]. Не случайно собственные реплики герой-рассказчик не коммен-

тирует, они представлены непосредственно, как сиюминутная реакция, воздействуя на читателя максимально активно, вызывая к сопереживанию, сочувствию, как в драматургической пьесе.

После известия о кончине тётушки все людские приготовления к празднику стали ему казаться «суеютой», в произведении появляется большое – на фоне краткого повествования – описание природы: «Зимний день короток, особенно когда валит снег. Совсем рано местечко погрузилось во мглу. В домах при тусклых светильниках всё еще суеились люди, но на улице воцарилась такая тишина, что казалось, будто слышен шелест хлопьев снега, которые ложились на толстое белое покрывало, укутавшее землю. И от этого становилось еще тоскливее» [5: с. 175]. Заметим, что и в рассказе А.П. Чехова пейзажные зарисовки тоже появляются в момент психологического напряжения повествования, чтобы внимательный читатель не пропустил их.

Пейзаж становится предельно психологичен к финалу рассказа: «...мне показалось, будто этот грохот, слившись с тяжелыми облаками и порхавшими в воздухе снежными хлопьями, окутал весь городок и меня самого. Я почувствовал некоторое облегчение. Моление о счастье рассеяло тревоги и сомнения, мучившие меня накануне, и мне показалось, будто там, в вышине, шатаются толпы захмелевших богов и мудрецов и Неба и Земли, насладившихся жертвенными яствами, вином и ароматными куреньями и готовых одарить жителей Лучжэня беспредельным счастьем!» [5: с. 185], он соответствует состоянию рассказчика. Повествование от первого лица, как известно, распространилось в китайской «обличительной» литературе только в начале XX в. Это был новый приём, связанный с постепенным пробуждением личности и с заимствованиями из иностранных литератур. Естественно, что Лу Синь наследовал и развил эту традицию. Из общего числа двадцати пяти рассказов в сборниках «Клич» и «Блуждания» двенадцать были построены на повествовании от первого лица.

Авторская позиция у писателей-«обличителей» обнажена и прямолинейна. Авторская оценка у Лу Синя, как и у Чехова, чаще всего вводится в ходе внешне спокойного повествования, содержится в общем психологическом анализе, связанном с сюжетом.

Сюжет лусиневского рассказа – не во внешних событиях, их немного: приехал к дяде на праздник Нового года, случайно встретился с тётушкой, не сумел внятно ответить на её вопрос о душе и возможной встрече с умершим мужем после смерти и на следующий день уехал. Это очень напоминает

ситуацию другого чеховского произведения – пьесы «Вишнёвый сад», когда приезд и отъезд бывшей хозяйки имения Л.А. Раневской не исправляет ситуацию, а лишь усугубляет её, показывая непригодность к жизни, обозначая основной конфликт не между персонажами, а между всеми героями («недотёпами») и течением/смыслом жизни. Так и основное содержание рассказа – в саморефлексии рассказчика после смерти тётушки Сян-Линь. Анализ психологического состояния рассказчика и является основной его тканью. Но решена эта задача опосредованно – через историю героини, которая художественным образом становится известной читателям, волнует их, вовлекает в сопереживание. Рассказывая о Сян-Линь, герой-рассказчик постепенно ищет ответы на собственные вопросы, понимая, что это вопросы общечеловеческие. Что необходимо, чтобы быть счастливым? Дом, семья, любимый муж, сын, работа.

Выводы

Понятие «счастье» осмыслено А.П. Чеховым и Лу Синем как неоднозначное, т.е. имеющее две стороны: и «тело», и «душу», материальный и идеальный смыслы. Этим объясняется их жанровая гибридность, отражённая в переводах (то рассказ, то новелла, то притча). В рассказах русского и китайского писателей представлены обе стороны концепта, но в переводах акцентируется внимание на выявлении именно авторского художественного утверждения внутреннего смысла. Несмотря на разницу переводов, утверждается счастье не как «материальное богатство», возможно обрётённый «клад», а как становление души, сознания. Поэтому хронотоп пути становится ведущим приёмом композиции и в русском произведении, и в китайских переводах, утверждая, что человеку (и шире – человечеству) важно не обретение материального благополучия, а поиск совершенствования. Этот мотив организует художественное время обоих произведений как конкретно-историческое (время фабульное) и вечное (сюжетное). Фабульные истории в обоих произведениях являются лишь внешней формой общения писателя со «своим» читателем: только проникнув за пределы конкретной / частной истории, можно понять авторский смысл. Ведущим в обоих рассказах является обобщённо-философское содержание, которое раскрывается через единичное.

Мысли о счастье будоражат сознание русских и китайских героев, изменяют их: в чеховском произведении молодой пастух после услышанной истории «стоял, весь преображённый», осмысливая её, он сумел по-новому увидеть рассвет и ощутить красо-

ту Божьего мира, а лусиневский герой-повествователь-рассказчик после встречи с тетушкой Сян-линь уже не мог наслаждаться «суестью» и «житейскими хлопотами», как было раньше.

Счастье героями обоих произведений познается «в дороге», «в пути». Оно не приходит в обычной ситуации, для его обретения героям необходимо ощутить временной сдвиг, когда соединяются «земля» и «небо», сиюминутное и «вечное». Та-

кая ситуация требует особой жанровой формы. Мы обозначаем ее как притчевую, которая опосредованно передает авторское мировидение. Оно соединяет индивидуальное (авторское), национальное (фольклорное) и общечеловеческое представление о самых значимых концептах бытия, каким является счастье. Знания о нём помогают решать философские вопросы, к которым обращается человек в течение всей жизни.

Список источников

1. Татаркевич В. *О счастье и совершенстве человека* / пер. с польск. Л.В. Коноваловой. Москва : Прогресс, 1981. 368 с.
2. Ли Лянь-шу. Влияние Чехова на китайских писателей // *Чехов и мировая литература* / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Москва : ИМЛИ РАН, 2005. Кн. 3. С. 52–78. // *Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор*. URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/ml3/ml3-052-.htm> (дата обращения: 15.01.2023).
3. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: Т. 1–4. Т. 3. Москва : Русский язык, 1998. 555 с.
4. Чехов А.П. Счастье // Чехов А.П. *Полное собрание сочинений и писем в 30 томах*. Сочинения. В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Москва : Наука, 1974–1982. Т. 6. [Рассказы], 1887. Москва : Наука, 1976. 733 с.
5. Моление о счастье / пер. А. Рогачева // *Лу Синь. Повести и рассказы* / Вступ. ст. Л. Эйдлина. Сост. и ред. Н. Федоренко. Москва : Художественная литература, 1971. 495 с. Библиотека всемирной литературы. Т. 162. С. 171–185. Примечания С. 460–462. (Серия третья). URL: <http://bse.uaio.ru/333/162.htm?ysclid=ld0r9zk64w409290423> (дата обращения: 17.01.2023).
6. *Толковый словарь Ушакова* // Словарики 2.0. Знание – сила. 2022. URL: <https://slovariki.org/tolkoviy-slovar-usakova/2607?ysclid=lb8r7o3p7n529955687> (дата обращения: 16.01.2023).
7. *Толковый словарь Ефремовой* // Словарики 2.0. Знание-сила. 2022, URL: <https://slovariki.org/tolkoviy-clovar-efremovoj/5517?ysclid=lb8r9yq91s65488382> (дата обращения: 16.01.2023).
8. Сунь Цуйин, Нестерова О. А. Женские коммуникативные практики и традиционный уклад жизни в произведениях Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и Лу Синя «Моление о счастье» // *Изв. Урал. федер. ун-та*. 2019. Т. 21. № 1 (184). С. 181–195. (Сер. 2 : Гуманитар. науки). URL: <https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/69939/1/iurg-2019-184-13.pdf> (дата обращения: 17.01.2023).
9. Чжоу Си-Чан. Мое скромное мнение о рассказах Лу Синя и Чехова // *Наньчун шиюань сюэбао*. 1982. № 3. С. 11. Цит. по : Ли Лянь-шу (США). Влияние Чехова на китайских писателей // *Чехов и мировая литература* / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. Москва : ИМЛИ РАН, 2005. Кн. 3. С. 52–78. *Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор*. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/articles/vliyanie-chehova-na-kitajskih-pisatelej.htm> (дата обращения: 17.01.2023).
10. Ван Дань. О «маленьком человеке» Чехова и Лу Синя // *Антон Чехов*. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/articles/vliyanie-chehova-na-kitajskih-pisatelej.htm> (дата обращения: 17.01.2023).
11. Ван Дань. Чехов и Лу Синь: Историко-генетические и типологические аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1996. 159 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/chekhov-i-lu-sin-ist-genet-i-tipol-aspekty?ysclid=lb8nl9lqva40121749> (дата обращения: 04.12.2022).
12. Дай-фу – приносящий счастье // *Сказки старого Сюня: Обработка З. Задунайской, рис. В. Конашевича*. Ленинград : Гос. изд. дет. лит. 1957. С. 3–6. URL: <https://litvek.com/book-read/431423-kniga-boris-lvovich-riftin-skazki-starogo-syunya-chitat-online> (дата обращения: 16.01.2023).
13. Сказка про юношу, который искал счастье // *Эзотерика, психология, философия*. 2022. URL: <https://mir.omind.ru/posts/49-pritcha-puteshestvie-za-schastem.html?ysclid=lb8p1rh32f925745485> (дата обращения: 16.01.2023).
14. Сад Нефритовой феи / пер. с кит. Б. Рифтина // *Всё для детей*. URL: https://allforchildren.ru/ft/sk_china20.php?ysclid=lb8ouu4ipv140332535 (дата обращения: 16.01.2023).

References

1. Tatarkevich V. *O schast'e isovershenstvecheloveka* [On happiness and human being perfection] / Transl. from Polish by L.V. Konovalova. Moscow : Progress, 1981. 368 p. (in Russ.).
2. Li Lian-Shu. Vliyanie Chexova na kitajskih pisatelej // *Chexov i mirovaya literatura* [Chekhov and world literature (in Russ.)] / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo. Moscow : IMLI RAN, 2005. Kn. 3. S. 52–78. Fundamental'naya e'lektronnaya biblioteka. Russkaya literatura i fol'klor. URL: <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/ml3/ml3-052-.htm> (accessed: 15.01.2023).
3. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka* {Dictionary of great Russian alive}: Vol. 1–4. Moscow : Russkij yazy'k, 1998. Vol. 3. 555 p.
4. Chekhov A. P. Schast'e [Happiness] // Chekhov A.P. *Polnoe sobraniesochinenij i pisemv30 tt*. Sochineniya v 18 tt. / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. Moscow : Nauka, 1974–1982. T. 6. [Rasskazy'], 1887. Moscow : Nauka, 1976. 733 s.

5. Molenie o schast'e. / Per. A. Rogacheva // Lu Xun. Povesti i rasskazy` / Introd. by L.E`jdlna. Ed. by N. Fedorenko. Moscow : Xudozhestvennaya literatura, 1971. 495 p. Biblioteka vseмирnoj literatury`. Ser. 3. Vol.162. P. 171–185. Primechaniya. P. 460–462. URL: <http://bse.uaio.ru/333/162.htm?ysclid=ld0r9zk64w409290423> (accessed: 17.01.2023).

6. *Tolkovyj slovar` Ushakova* // Slovariki 2.0. Znanie – sila. 2022. URL: <https://slovariki.org/tolkovyj-slovar-usakova/2607?ysclid=lb8r7o3p7n529955687> (accessed: 16.01.2023).

7. *Tolkovyj slovar` Efremovoj* // Slovariki 2.0. Znanie-sila. 2022, URL: <https://slovariki.org/tolkovyj-clovar-efremovoj/5517?ysclid=lb8r9yq91s65488382> (accessed: 16.01.2023).

8. Sun Cuiying, Nesterova O. A. Zhenskie kommunikativny`e praktiki i tradicionny`j ukhad zhizni v proizvedeniyax G. Yaxinoj «Zulejxa otkry`vaet glaza» i Lu Sinya «Molenie o schast'e» [Female communicative practice and traditional way of life in the works by G. Yakhina “Zuleikha opens her eyes” and Lu Xun “Begging for happiness” (in Russ.)] // *Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2 : Gumanitar. nauki*. 2019. Vol. 21, № 1 (184). P. 181–195. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/69939/1/iurg-2019-184-13.pdf>

9. Zhou Xichang. Moe skromnoe mnenie o rasskazax Lu Sinya i Chexova [My humble opinion of stories by Lu Xun and Chekhov] // *Nan`chunshiyuan`syuebao*. 1982. № 3. S. 11. Cited by : Li Lian-shu (USA). Vliyanie Chexova na kitajskix pisatelej [Chekhov's impact on Chinese authors] // *Chexov i mirovaya literatura / AN SSSR. In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor`kogo*. Moscow : IMLI RAN, 2005. Kn. 3. S. 52–78. Fundamental'naya e`lektronnaya biblioteka. Russkaya literatura i fol`klor. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/articles/vliyanie-chehova-na-kitajskix-pisatelej.htm> (dat Wang Dan. O «malen`kom cheloveke» Chexova i Lu Sinya [About a “small person” in Chekhov's and Lu Xun's works] // Anton Chekhov. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/articles/vliyanie-chehova-na-kitajskix-pisatelej.htm> (accessed: 17.01.2023).

10. Wang Dan. O «malen`kom cheloveke» Chexova i Lu Sinya [About a “small person” in Chekhov's and Lu Xun's works] // Anton Chekhov. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/articles/vliyanie-chehova-na-kitajskix-pisatelej.htm> (accessed: 17.01.2023).

11. Wang Dan. Chekhov i Lu Xun: Istoriko-geneticheskie i tipologicheskie aspekty` [Chekhov and Lu Xun: Historical and genetic, as well as typological aspects] : dis. ... kand. filol. nauk. [PhD dis.]. Moscow, 1996. 159 p. URL: <https://www.disscat.com/content/chehov-i-lu-sin-ist-genet-i-tipol-aspekty?ysclid=lb8n9lqva40121749> (accessed: 04.12.2022).

12. Dai-fu – prinosyashhij schast'e [Dai Fu – bringing happiness] // *Skazki starogo Syunya* [Fairy tales by old Xun]: Obrabotka Z. Zadunajskoj, ris. V. Konashevicha. Leningrad : Gos. izd-vo det. lit. 1957. P. 3–6. URL: <https://litvek.com/book-read/431423-knigaboris-ivovich-rifitin-skazki-starogo-syunya-chitat-online> (accessed: 16.01.2023)

13. Skazka pro yunoshu, kotoryj iskal schast'e [The fairy tale about a young man who searched for happiness] // *E`zoterika, psixologiya, filosofiya*. 2022. URL: <https://mir.omind.ru/posts/49-pritcha-puteshestvie-za-schastem.html?ysclid=lb8p1rh32f925745485> (accessed: 16.01.2023).

14. Sad Nefritovoj fei [The Garden of Jade Fairy] / Transl. by B. Riftin // *Vsyo dlya detej*. [Everything for children] URL: https://allforchildren.ru/ft/sk_china20.php?ysclid=lb8ouu4ipv140332535 (accessed: 16.01.2023).

Информация об авторе

Т.Ф. Панченко – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института – Школы региональных и международных исследований.

Information about the author

T.F. Panchenko is Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Oriental Institute – School of Regional and International Studies.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 21.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 821.161.1; 81-24; 347.78.034

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-140-146

ЛАТИНСКАЯ ПЕСНЯ В РОМАНЕ И.Т. КАЛАШНИКОВА «КАМЧАДАЛКА»

Владимир Анатольевич Коршунков

Вятский государственный университет, Киров, Россия, vla_kor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6150-8308>

Аннотация. Родившийся в Иркутске литератор и чиновник И.Т. Калашников стал автором нескольких художественных книг из жизни сибиряков. В романе Калашникова «Камчадалка» один из персонажей поет переведенную на латынь русскую народную песню. В этой статье дана краткая характеристика сюжета и образов романа, чтобы разобраться в том контексте, в котором предстает перед читателями такой перевод. Обращено внимание на латинский язык в системе образования русского духовенства в XVIII–XIX вв. Указаны возможные фольклорные источники этой песни. Предложен обратный перевод текста с латыни на русский язык.

Ключевые слова: И.Т. Калашников, Дальний Восток, Сибирь, духовенство, русский фольклор, латинский язык, литературоведение

Original article

LATIN SONG IN THE NOVEL "KAMCHADALKA" BY IVAN T. KALASHNIKOV

Vladimir A. Korshunkov

Vyatka State University, Kirov, Russia, vla_kor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6150-8308>

Abstract. Born in Irkutsk, the writer and official Ivan T. Kalashnikov became an author of several books on the life of the Siberians. In Kalashnikov's novel "Kamchadalka" ("The Girl from Kamchatka"), one of the characters sings a Russian folk song translated into Latin. This article gives a brief description of the plot and images of this novel in order to understand the context in which such translation appears. Attention is drawn to the Latin language in the education system of the Russian clergy in the 18th–19th centuries. Possible folklore sources for this song are indicated. A reverse translation of the text from Latin into Russian is proposed.

Keywords: Ivan T. Kalashnikov, Far East, Siberia, clergy, Russian folklore, Latin language, literary criticism

Иван Тимофеевич Калашников (1797–1863) родился в Иркутске. Перебравшись в Петербург, служил чиновником и вышел в отставку тайным советником, т.е. в генеральском чине¹. Он стал автором нескольких художественных книг из жизни сибиряков. В его романе «Камчадалка» (1833) действие происходит на Камчатке в конце XVIII в., в правление Екатерины II [2].

В этом романе есть примечательный эпизод: один из персонажей, дьячок, поет переведенную на латынь русскую народную песню.

На этот латинский текст из романа Калашникова в 1905 г. обратил внимание известный филолог Е.А. Бобров, который попытался отыскать русский оригинал этого фольклорного произведения. В результате на страницах журнала «Русский филологический вестник» даже произошла небольшая научная дискуссия. К этой теме мне уже приходилось

обращаться – сначала в заметке 2010 г. [3], а затем в книге, посвященной античному наследию в России и за рубежом [4]. Однако русско-латинская песня заслуживает большего: ее следует рассмотреть в контексте сюжета, образов и прочих особенностей как романа «Камчадалка», так и творчества Калашникова вообще. Это необходимо, чтобы разобраться в том контексте, в котором предстает перед читателями перевод с русского фольклора на латынь.

Об этом романе, как и о прочих книгах Калашникова, высказывались разноречивые суждения. Сам Калашников в 1834 г. заявлял, что его высоко ценит некий «почтенный муж», «патриарх нашей словесности». Известно, что он обращался к А.С. Пушкину, поэтому до сих пор встречается утверждение, будто именно Пушкин восторгался его прозой, хотя едва ли это так².

² По суждению М.К. Азадовского, Калашников едва ли мог такими словами описывать Пушкина, он имел в виду мастиго И.И. Дмитриева, которому тогда шел восьмой десяток [5: с. 93–94, прим. 2].

¹ Современные ученые интересуются также его чиновничьей карьерой в столице, см.: [1].

Язвительный В.Г. Белинский в 1835 г. мимоходом награждает Калашникова званием «великого писателя», а когда ему нужно было указать на сомнительность литературной славы, заметил: «...Пушкин на одной доске с гг. Калашниковым, Ушаковым, бароном Розеном!» [6: с. 169, 382]. В 1842 г. Белинский высмеял третье издание романа Калашникова «Дочь купца Жолобова», который предшествовал «Камчадалке»: «Но собственно романтическая часть, повторяем, очень и очень плоха. <...> Вообще, злодеи г. Калашникова так черны, как будто рисованы осеннею уличною грязью, а добродушные люди так белы и светлы, что сквозь них ничего и не видно. Те и другие – образы без лиц. Герой и героиня просто смешны своею идеальностию, почерпнутою из грошовых романов. Гораздо лучше бы поступил г. Калашников, если б, вместо плохого романа, составил что-нибудь вроде записок о Сибири, в которых, удаляясь от всякого ученого и догматического тона, рассказал бы просто, *не мудрствуя лукаво*, все, что видел, слышал и узнал во время своего житья в Сибири, – и о климате, и о местностях, и об обычаях жителей, преданиях, рассказах и пр. и пр.» (курсив автора. – В.К.) [7: с. 441]. Для Белинского Калашников стал одним из тех посредственных литераторов-современников, которых он перечислял списком в разных своих статьях (Булгарин, Греч, Степанов, Масальский, Калашников, Барон Брамбеус...). По-видимому, Белинскому же принадлежит краткий отзыв и о романе «Камчадалка» в «Отечественных записках» в 1843 г.: «...Разные небывалые и невероятные приключения, дурно намалеванные картины сладенькой пряничной любви, мелодраматических злодейств, с детоубийствами, плохими куплетами и тому подобными странностями» [8: с. 164]. Но среди «плохих куплетов» попадает кое-что стоящее внимания...

Н.А. Некрасов в 1843 г. судил не столь строго: «Роман И.Т. Калашникова “Камчадалка” принадлежит к числу тех книг, которые можно прочесть два и три раза с одинаким удовольствием», а «некоторые характеры этого романа обрисованы весьма удачно...». О прочих достоинствах книги Некрасов не распространялся, отмечая экзотичность «простодушного и занимательного» повествования, поскольку речь в нем шла о далеком уголке Сибири. Он выражал надежду, что Калашников представит публике дельную книгу о Сибири, «а пока – советуем прочесть его “Камчадалку”» [9: с. 133]. Этот весьма краткий отзыв был вызван переизданием романа, и похвалы в нем несколько двусмысленны: Некрасов, как и другие критики, похоже, советовал Калашникову создать о хорошо знакомой

тому Сибири не простодушное беллетристическое нечто, а честную обзорную книгу без мелодраматических наворотов. Возможно, Некрасов не был совсем уж беспристрастен в оценке этой книги, поскольку в его собственном романе «Три страны света» (написанном в 1848 г. совместно с А.Я. Панаевой) заметно влияние Калашникова, вплоть до сюжетных линий [10: с. 325].

Да, многие находили у Калашникова шаблонность сюжетов и образов в сочетании с псевдоромантическими «красивостями»³, признавая, однако, что этнографические и краеведческие описания интересны и заслуживают внимания. В.К. Кюхельбекер в забайкальской ссылке в 1841 г. перечитывал «Дочь купца Жолобова», а познакомившись со следующим романом Калашникова, рассудил так: «В “Камчадалке” слишком пересолено: ужасам конца нет. Но все же это роман не без достоинств» [12: с. 276].

По оценке М.К. Азадовского, Калашников «искусно владел сюжетом, его рассказ динамичен, он владел тайной держать в напряжении читателя не хуже, чем авторы современных детективных романов» [5: с. 104].

Все же в наше время «Камчадалка» смотрится как наивно сделанное повествование о нежных чувствах, благородстве, подлости, коварстве (даже с критикой местного руководства!) в экзотическом краю вулканов и метелей. У главной героини феерическое для Камчатки XVIII в. происхождение: ее мать – дочь русского протопопы, а отец – туземец, ставший чиновником. Автор разумно именуется камчадалами коренных обитателей той земли и поначалу не решается называть камчадалкой девушку-героиню, но заголовок роману все же дан в ее честь.

Отдаленность огромного и почти не заселенного края не мешает героям случайно сталкиваться друг с другом на лоне суровой природы, старикам – признавать своих детей, некогда потерянных за тридевять земель оттуда, а храброй девушке, находящейся на пустынном камчатском побережье, спасать моряков терпящего бедствие корабля. Мятежи, землетрясения и извержения, длинный подземный ход из деревянной церквушки куда-то в скалы... Забавно, что необычность и привлекательность природных декораций сочетается с поразительной несуразницей, когда между русскими (казаки, чиновники, ссыльные, духовенство) и камчадалами начисто отсутствует языковой барьер. Все они сходу понимают друг друга, нимало не за-

³ Эти условности, нелепости и вычурности можно расценить как характерные принадлежности особого стиля – литературного барокко, а именно сибирского [11].

ботаясь, чтоб хотя бы говорить по возможности понятнее. Неграмотной туземной старухе по-русски разъясняют основы религиозной философии. Она, конечно, не поймет смысла, но, подобно рязанской или вятской бабе, услышав латинизмы и философизмы, перетолкует их по-своему, на простонародный лад – по созвучию с русскими словами и понятиями! Что ж, и в этом отношении Калашников – вовсе не Фенимор Купер (с которым его сразу стали сравнивать читатели-современники, хотя сам он ориентировался на Вальтера Скотта) и не Майн Рид, которые куда лучше знали «детей природы», «благородных дикарей», чем старательный столичный чиновник.

Один из героев камчатской книги Калашникова – молодой дьячок Клим Степаныч Шайдуров. Это он вел беседы с комической старухой. Шайдуров закончил в Иркутске семинарию, но церковной карьеры не сделал: за чрезмерное вольномыслие его выслали обратно к месту рождения – на Камчатку, где он, хоть и грамотный, прозябает на жалкой должности церковнослужителя, не допущенный к священному сану. Дьячок представлен персонажем нелепым. Он высоко ценит философию и латинскую образованность, при всяком подходящем и неподходящем случае пускается в глубокомысленные рассуждения, постоянно попадая впросак. Мудрствование застилает бедолаге истинную, горячую веру, на что ему не раз пытался указать положительный герой – деятельный протопоп Верещагин.

Крайнее негодование у дьячка Шайдурова вызывало вот, например, что: «Он осмелился насмеяться не только лично надо мною, но и над этим священным языком, на котором говорил Цицерон, Виргилий, Гораций и проповедывал великий Сенека!» [2: ч. 2, с. 38]. Дьячок пересыпает свою речь латинскими сентенциями, причем иной раз довольно редкостными. Утомившись от его болтовни, протопоп вздыхает: «Что за пустой человек!», а тот все продолжает толковать о логических закономерностях – так называемом законе достаточного основания, из которого он, дескать, вывел некое потрясающее богословское наблюдение: «...Поелику каждое действие или произведение должно иметь свою довольную причину, principium rationis sufficientis, а мир есть произведение: ergo...» С философствованием о Боге как причине всех вещей («primus motor») он приставал и к неграмотной старухе-камчадалке. Толкуя о своей любви к прелестной деве – главной героине, он утверждает, что эта любовь «не есть обыкновенная, общая, amor consuetus; нет!» Когда неуправляемая собачья упряжка мчит его к краю пропасти, он успеваешь крикнуть оставшимся позади спутникам: «Valete

omnes!» («Прощайте все!»). Обращаясь к протопопу, дьячок вставляет риторическую реплику: «Deus immortalis!» («Бессмертный Боже!»). Властный чиновник произнес: «...Все идет как нельзя лучше; но конец венчает дело!» – и входивший в то время в комнату Шайдуров тут же поддакнул этой фразой на латыни: «Finis bonus coronat opus». Сам себя он ободряет так: «Macte perge! Смело шествуй!» Протопоп, которому поручено присматривать за дьячком, внушает тому: «...Не худо было бы, говоря твоим любимым языком, как бы хорошенько тебя да дубинорум по спиномум...» (курсив автора. – В.К.). А обиженный Шайдуров отвечает цитатой из первой речи Цицерона против Катилины [2: ч. 1, с. 19, 78, 21, 30–32; ч. 2, с. 22, 30, 79–80]. Кстати, если уж постараться латинизировать это самое «дубиной по спине», то лучше «-орум» заменить на «-арум», потому что предполагаемые новообразования «dubina» и «spina», как и в русском языке, явно были бы женского рода, 1-го склонения. Да и латинский родительный падеж множественного числа («dubinorum / dubinarum», «spinorum / spinarum») уместнее было бы заменить отложительным падежом (аблятивом): «дубинис по спинис». Нарочно ли в романе Калашникова приведена именно такая форма не слишком известного псевдолатинского выражения? Приведена, чтобы показать, что протопоп, в отличие от дьячка, путает падежи и чужд бурсацкой образованности? Или же сам автор не замечал таких тонкостей?..

В итоге, под конец романа бедолага дьячок сошел с ума. Благонамеренный повествователь решил его покарать в назидание читателям – мол, философское латинское многознание ни уму не научает, ни в вере не наставляет⁴.

А в одном эпизоде романа дьячок Шайдуров, крепко выпив, распевал переведенную на латынь русскую народную песню.

«Состояние его духа было самое забавное: бессмысленная веселость и глупое равнодушие ко всему житейскому и к самой жизни наполняли совершенно его душу». Двигался он зигзагами, бормотал что-то. Кое-как добравшись до дому и повалившись на кровать, воскликнул: «...А я и думать не хочу, и не думаю, и думать не стану! Inter querquam et betulam...» [2: ч. 2, с. 39–40].

Далее по тексту романа так:

«Дьячек запел во все горло на латинском языке известную русскую песню: *Между дубом и березой река протекала*.

⁴ О выступлении Калашникова против «падения нравов» (которое он связывал с распространением гедонизма и атеизма), о его борьбе с либеральной журналистикой см.: [13: с. 444].

Inter querqum et betulam
Flumen promanavit;
Flumen, flumen promanavit.
Aqua frigidula.
Nemo potest aqua bibi,
Nec illam hauriri!»

Зашедший в ту минуту знакомый обратился к нему: «Помогай Бог! славно, Клим Степаныч! Нечего сказать: мастерище! да еще и на латинском диалекте...» И тогда латинист-любитель, извинившись, что пьян, продолжил песенку:

«Apud virum seniore
Femina formosa;
Castigari negat uxor,
Neque maculari!
Castigabat una hora
Flevit hebdomade!»

– Что ж это значит, Клим Степаныч?

– Это значит, что *бил жену один час, а плакал неделю*» [2: ч. 2, с. 40–41] (курсив автора. – В.К.).

На эту русскую песню по-латыни обратил внимание философ и литературовед, профессор Евгений Александрович Бобров (1867–1933). До революции он преподавал последовательно в Юрьевском, Казанском, Варшавском университетах. Помимо иных многочисленных публикаций, Бобров на рубеже XIX–XX вв. издал два свода своих работ: первый, в шести выпусках, – о философии в России, а другой, в четырех томах, – о литературе и просвещении в России.

В те годы в Варшаве выходил журнал «Русский филологический вестник», и в нем Бобров поместил публикацию «Мелочи из истории русской литературы». В этой подборке среди шести «мелочей» оказалась заметка, названная автором «Обрывок народной песни в латинском переводе» [14: с. 184–186]. Вот ее начало:

«Латинский язык, как известно, усердно культивировался около двух столетий в наших русских православных духовных школах. Хороший бурсак старого времени, прошедши через такую школу, обыкновенно совершенно осваивался с латынью: он свободно писал и говорил на этом языке. В обладании латинским языком питомцы старой бursы видели свою привилегию, отличавшую их, как ученых, от необразованного плебса.

Чтобы еще более подчеркнуть свою умственную обособленность от плебса, старые бурсаки даже перевели ряд народных песен на язык кухонной латыни, – и эти плебейские простонародные песни распевали на своих пирушках все-таки по-латыни.

Такие переводы народных песен попадались нам неоднократно. Особенно интересно показа-

лась нам одна песня в печатном источнике, а именно в высокоинтересном даже и до сих пор романе И. Калашникова «Камчадалка...» (здесь и далее разрядка автора. – В.К.) [14: с. 184]⁵.

Цитируя песню (по первому изданию 1833 г.), Бобров в 5 и 6-й строках подправил латинский текст: вместо «aqua bibi, // Nec illam hauriri» написал «aquam bibere, // Nec illam haurire», заметив, что у Калашникова «текст неисправный» [14: с. 185]. Это верно, глаголы «bibo» («пью») и «haurio» («черпаю») не являются отложительными, так что здесь самая расхожая конструкция: инфинитив переходного глагола в действительном (а не страдательном) залоге и при нем существительное «aquam» в винительном падеже (аккузативе). Вдобавок, не оговорив этого, Бобров в 4-й строке заменил относящееся к слову «aqua» («вода») прилагательное женского рода с уменьшительно-ласкательным суффиксом «frigidula» («холодноватая, холоденькая») на обычное «frigida» («холодная») [14: с. 185]. Возможно, в последнем случае это недосмотр – описка Боброва либо журнальная опечатка.

У Калашникова сказано, что песня – «известная». Цитируя это место романа, Бобров поставил вопросительный знак и заметил: «Быть может, на Камчатке и в то время (изображается конец XVIII в.) эта песня и считалась известною; но мне она показалась совершенно неизвестною. Желая проверить себя, я обратился к самому новому и полному собранию: «Великорусские песни», изданные А.И. Соболевским. Песни этой я не нашел, но кое-что похожее на начало ее отыскалось» [14: с. 185]. Упомянутый здесь филолог А.И. Соболевский опубликовал самое обширное собрание русских народных песен в семи томах (1895–1902).

Бобров указал на так называемую «уличную» песню из Моршанского уезда Тамбовской губернии, помещенную в четвертом томе фольклорного сборника Соболевского, пометив курсивом слова и выражения, совпадающие или сходные с латинскими у Калашникова:

*Между двух белых березок река протекала,
Течет река невеличка, речка глубокая,
Речка, речка глубокая, вода холодная.
Нельзя, нельзя к этой реке, нельзя подойтити,
Нельзя, нельзя подойтити, воды почерпнути.*

⁵ О сравнительно высоком уровне изучения латинского языка (и греческого тоже) в духовных учебных заведениях России в XVIII–XIX вв. см. разнообразные материалы в главе «Бурса, гимназия, университет» моей книги «Греколатиника» [4: с. 261–333], а также в следующей главе «Русская церковная греколатиника» [4: с. 334–401].

Бобров добавил: «Но далее после этого общего (с латинской песней из романа Калашникова. – В.К.) начала излагается совсем другой мотив – не битие красивой жены старым мужем, – а неудавшееся свидание с возлюбленною». В тамбовской песне далее было о том, как Ванюша подошел к окошку, бросил снежок, вызывая девушку: «Выди, Дуня, догадайся, радость! домекнися!» А та отвечала: сейчас дом полон всякого пришлого народу – гости у батюшки, сестры у матушки, молодцы у братца, «да у меня, младой, подружки!» И Ваня, пригорюнившись, шел восвосяи [14: с. 185–186].

По заключению Боброва, «таким образом, как мы видим, к началу о реке, протекающей между двумя деревьями (между дубом и березой, или между двумя березами), и недоступной для питья, здесь приделано совсем иное содержание. Это – прием, довольно часто встречающийся у народных певцов и сказителей: с одним общим поэтическим началом связывать различные, более или менее подходящие мотивы. Та же песня, которую в латинском переводе приводит в своем романе Калашников, в настоящее время, по-видимому, по крайней мере, в этой редакции утрачена» [14: с. 186].

Действительно, контаминация мотивов в одном и том же фольклорном произведении – обычное дело, особенно когда этими мотивами выражается сходный смысл. Здесь именно такой случай: два разделенных рекой дерева – это обычная для народной лирики метафора, относящаяся к двум влюбленным. Тем более, если в песне из романа Калашникова это дуб (символ мужчины) и березка (женский символ). Кроме того, питье – это еще один традиционный образ народной поэзии, любовно-свадебный: как воду нельзя зачерпнуть и выпить – так нельзя соединиться мужчине и женщине.

Однако утрачена ли песня, переведенная некогда на латынь и сохранившаяся в романе Калашникова?..

Интересно, что в том самом номере «Русского филологического вестника», в конце его, была помещена такая заметка (сейчас она доступна не во всех экземплярах журнала):

«Спешим исправить недосмотр г[осподина] Боброва.

Песня, о которой он говорит, поется еще и теперь. Так, она имеется в нашем издании “Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда” (см. Сборник Отделения русского языка и словесности И[мператорской] А[кадемии] Н[аук], т. LXX, стр. 4, № 20; а также и в отдельном оттиске). У А.И. Соболевского несколько таких песен находится в III томе под № 578–574» [15].

Мещовский уезд находился в Калужской губернии.

В общем ясно, что на латынь был переведен вариант весьма распространенной русской народной песни. Песен с таким зачином (два дерева разделены, меж ними течет река) и с таким продолжением (старый муж и молодая жена) известно очень много, даже и в Соболевского заглядывать необязательно. К примеру, в середине XIX в. в Мологе, уездном городе Ярославской губернии, звучала плясовая с такими словами:

Как на горке дубик, дубик –
Белая береза.
Как подле этой березы
Речка протекала.
Речка, речка глубокая,
Вода холодная.
Мне нельзя воды попити,
Нельзя почерпнути.
Мне нельзя жены побити,
Нельзя поучити.
Уж я бил жену денечек,
Сам плакал недельку.

Правда, затем в этой ярославской песне (как и в тамбовской, на которую указала редакция журнала) следует уже другой фольклорный мотив, а именно: «во новом городе» указы читали: «Кому деньги, кому платье, // Кому красна девка» (цит. по: [16: с. 52]). Этот мотив связан с тем, что песня – плясовая: под такой напев молодцы выбирали себе девушек.

Всякий перевод неточен – и тот семинаристский, с русского на латынь, и обратный, который сделал я. Скажем, в русских народных песнях слово «женщина» не используется. Если «муж», то у него «жена». И если «старый муж», то жена у него, разумеется, – «молодая». Про мужа старого и жену молодую пели в прежние времена много и часто, обычно женщины. В разных вариантах этого сюжета дальше повествовалось или о наказании мужем молодой жены, или о том, что наказывать ее никак нельзя, или о том, как молода жена старого, дряхлого мужа обманет (либо даже убьет). В латинском же тексте, наряду с подобающим словом «ихог» («жена, супруга») есть и «femina» («женщина»). Да еще эта самая femina – «formosa», т.е. «красивая» (вместо более подходящего «молодая»). В переводе приходится ради точности формулировать «женушка красива», хотя в русской песне было бы «жена молодая».

И еще забавен прозвучавший из уст дьячка глагол «propanavit», основная форма которого, стало быть, такова: «propano». Однако в классической

латыни глагол с такой приставкой не употреблялся. Достаточно было глагола «manō» без приставки («теку, льюсь; проистекаю»). Например, говорили: «fons manat» («источник течет»). Латинская приставка «pro-» применительно к пространственной ориентации могла иметь значение «вперед, перед». Так что русское «река текла» не нужно было передавать с помощью латинского «flumen promanavit», лучше так: «flumen manavit». Откуда же взялась излишняя приставка «pro-»? Должно быть, это неосознанный русизм, появившийся под влиянием русского «река протекала». Перелавившие народную песню на латинский язык бурсаки попросту не учли, что русская глагольная приставка «про-» имеет иное значение – не «перед» (как «pro-» в латыни), а «вдоль, по».

Кроме того, глагол «promanavit» стоит в форме прошедшего времени совершенного вида (*perfectum*), хотя можно было бы поставить его в форму прошедшего времени несовершенного вида (*imperfectum*). Но, в конце концов, «употребление латинского перфекта в общем несколько шире, чем русского прошедшего совершенного вида...» [17: с. 81], и такой перевод допустим.

Возможно, некоторые странности латинского текста были обусловлены необходимостью сохранить стихотворный размер, для чего требуется определенное количество слогов в строке. Это мо-

жет относиться к исправленной Бобровым форме глагола «bibi – bibere» и к глаголу «promanavit» вместо обычного «manavit». Надо также иметь в виду, что сам Калашников окончил Главное народное училище в Иркутске (начальное учебное заведение) и затем Иркутскую губернскую гимназию [18]. Латынь он, конечно, знал, но вряд ли мог достичь в ней полного совершенства – видимо, как и те бурсаки, что забавлялись переводами русских песен на язык римлян.

Вот обратный перевод с бурсацкой латыни на русский язык. Стихотворный размер латинского варианта, который почти наверняка следует размеру оригинала, сохранен и здесь. Так что и спеть можно. Хотя бы на мотив «Во саду ли, в огороде».

Между дубом и березой
Речка протекала.
Речка, речка протекала –
Вода холоденька.
Нельзя, нельзя пить из речки,
Нельзя почерпнуть.
А у старого у мужа
Женушка красива.
Нельзя, нельзя жену бить,
Нельзя поучить –
Бил жену единый час,
Плакал всю неделю.

Список источников

1. Воронов И.И. Иван Тимофеевич Калашников (1797–1863): страницы биографии // *Вестник ИргСХА*. 2011. № 46. С. 155–161.
2. Калашников И. *Камчадалка*. 2-е изд. Санкт-Петербург : В тип. А. Иогансона, 1842. Ч. 1–4.
3. Коршунков В.А. «Плебейская» песня «на языке кухонной латыни» // *И вновь продолжается бой... : сб. науч. ст., посвящ. юбилею С.Г. Шулежковой / гл. ред. В.М. Мокиенко*. Магнитогорск : МаГУ, 2010. С. 120–123.
4. Коршунков В.А. *Греколатиника: классика в отражениях*. 2-е изд., перераб. Москва : Неолит, 2022. 536 с.
5. Азадовский М. *Очерки литературы и культуры в Сибири*. Иркутск : ОГИЗ, Иркутск. обл. изд-во, 1947. Вып. 1. 203 с.
6. Белинский В.Г. *Полн. собр. соч.* Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1953. Т. 1. *Статьи и рецензии. Художественные произведения*. 1829–1835. 574 с.
7. Белинский В.Г. *Полн. собр. соч.* Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 6. *Статьи и рецензии*. 1842–1843. 798 с.
8. Белинский В.Г. *Полн. собр. соч.* Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1959. Т. 13. *Dubia. Указатели*. 826 с.
9. Некрасов Н.А. *Полн. собр. соч. и писем*. В 15 т. *Критика, публицистика, письма*. Т. 11–15. Ленинград : Наука, 1989. Т. 11. Кн. 1. *Критика, публицистика, 1840–1846*. 470 с.
10. Комментарии // Некрасов Н.А. *Полн. собр. соч. и писем*. В 15 т. Художественные произведения. Т. 1–10. Ленинград : Наука, 1984. Т. 9. Кн. 2. *Три страны света / подгот. текстов и комм. Б.Л. Бессонова*. С. 305–378.
11. Хомук Н.В. Роман И.Т. Калашникова «Камчадалка» и сибирское барокко // *Сибирский филологический журнал*. 2015. № 4. С. 58–75.
12. *Дневник В.К. Кюхельбекера: Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 годов XIX века / предисл. Ю.Н. Тынянова; ред., введ. и примеч. В.Н. Орлова и С.И. Хмельницкого*. Ленинград : Прибой, 1929. 375 с.
13. Зайцева И.А. Калашников Иван Тимофеевич // *Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь / глав. ред. П.А. Николаев*. Москва : Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 443–444.
14. Бобров Е. Мелочи из истории русской литературы // *Русский филологический вестник*. 1905. Т. 53, № 2. С. 179–198.
15. Чернышев В. Об одной народной песне // *Русский филологический вестник*. 1905. № 2. С. 407.
16. Богданов Г.Ф. Как заморская фигура «шен» стала русской «шиной» // *Живая старина*. 2009. № 3. С. 52–56.
17. Боровский Я.М., Болдырев А.В. Учебник латинского языка для гуманитарных факультетов университетов. Изд. 4-е, доп. Москва : Высшая школа, 1975. 479 с.
18. Губернская мужская гимназия. – URL: http://irkipedia.ru/content/gubernskaya_muzhskaya_gimnaziya_0 (дата обращения: 19.12.2022).

References

1. Voronov I. I. Ivan Timofeevich Kalashnikov (1797–1863): stranicy biografii [Ivan Timofeevich Kalashnikov (1797–1863): biography pages] // *Vestnik IrGSKHA* [Bulletin of the IrGSHA]. 2011. No. 46. P. 155–161. (In Russ.).
2. Kalashnikov I. *Kamchadalka* [The Kamchadalka]. 2nd ed. Saint-Petersburg : V tip. A. Ioganson, 1842. Part 1–4. (In Russ.).
3. Korshunkov V.A. «Plebejskaya» pesnya «na yazyke kuhonnoj latyni» ["Plebeian" song in the "low Latin language"] // *I vnov' prodolzhaetsya boj...: sb. nauch. st., posvyashch. yubileyu S.G. Shulezhkovej* [And the battle continues again...: a collection of scientific articles dedicated to anniversary of S.G. Shulezhkova] / ed. by V.M. Mokienko. Magnitogorsk : MaGU, 2010. P. 120–123. (In Russ.).
4. Korshunkov V.A. *Grecolatinika: klassika v otrazheniyah* [Graecolatinika: the classics as reflected in Russian and Western culture]. 2-nd ed., revised. Moscow : Neolit, 2022. 536 p. (In Russ.).
5. Azadovskij M. *Ocherki literatury i kul'tury v Sibiri* [Sketches of literature and culture in Siberia]. Irkutsk : OGIZ, Irkutsk. obl. izd-vo, 1947. Is. 1. 203 p. (In Russ.).
6. Belinskij V.G. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Moscow : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1953. Vol. 1: *Stat'i i recenzii. Hudozhestvennye proizvedeniya. 1829–1835* [Articles and reviews. Works of art. 1829–1835]. 574 p. (In Russ.).
7. Belinskij V.G. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Moscow : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1955. Vol. 6: *Stat'i i recenzii. 1842–1843* [Articles and reviews. 1842–1843]. 798 p. (In Russ.).
8. Belinskij V.G. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Moscow : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1959. Vol. 13: *Dubia. Ukazateli* [Dubia. Indexes]. 826 p. (In Russ.).
9. Nekrasov N.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 15 t. Kritika, publicistika, pis'ma, tt. 11–15* [Complete works and letters: in 15 vols. vols. 11–15. Criticism, journalism, letters]. Leningrad : Nauka, 1989. Vol. 11, book 1: *Kritika, publicistika, 1840–1846* [Criticism, journalism, 1840–1846]. 470 p. (In Russ.).
10. *Kommentarii* [Comments] // Nekrasov N.A. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 15 t. Hudozhestvennye proizvedeniya, tt. 1–10* [Complete works and letters: in 15 vols. Works of art, vols. 1–10]. Leningrad : Nauka, 1984. Vol. 9, book 2: *Tri strany sveta* [Three sides of the world] / ed. by B.L. Bessonov. P. 305–378. (In Russ.).
11. Homuk N.V. Roman I.T. Kalashnikova «Kamchadalka» i sibirskoe barokko [The novel "Kamchadalka" by I.T. Kalashnikov and Siberian Baroque] // *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2015. No. 4. P. 58–75. (In Russ.).
12. *Dnevnik V.K. Kyuhel'bekera: materialy k istorii russkoj literaturnoj i obshchestvennoj zhizni 10–40 godov XIX veka* [Diary of V.K. Kuchelbeker: Materials for the history of Russian literary and public life in the 1910s–1940s] / introd. by Yu.N. Tynyanov; ed. by V.N. Orlov, S.I. Hmel'nickij. Leningrad : Priboj, 1929. 375 p. (In Russ.).
13. Zajceva I.A. Kalashnikov Ivan Timofeevich [Kalashnikov Ivan Timofeevich] // *Russkie pisateli. 1800–1917: biograficheskij slovar'* [Russian writers. 1800–1917: biographic dictionary] / ed. by P.A. Nikolaev. Moscow : Bol'shaya rossijskaya enciklopediya, 1992. Vol. 2. P. 443–444. (In Russ.).
14. Bobrov E. Melochi iz istorii russkoj literatury [Little things from the history of Russian literature] // *Russkij filologicheskij vestnik* [Russian Philological Bulletin]. 1905. Vol. 53, no. 2. P. 179–198. (In Russ.).
15. Chernyshev V. Ob odnoj narodnoj pesne [About one of the folk songs] // *Russkij filologicheskij vestnik* [Russian Philological Bulletin]. 1905. No. 2. P. 407. (In Russ.).
16. Bogdanov G.F. Kak zamorskaya figura «shen» stala russkoj «shinoj» [How the overseas figure "shen" became the Russian "shina"] // *ZHivaya starina* [The Living Past]. 2009. No. 3. P. 52–56. (In Russ.).
17. Borovskij YA.M., Boldyrev A.V. *Uchebnik latinskogo yazyka dlya gumanitarnyh fakul'tetov universitetov* [Latin tutorial for the humanities departments of universities]. 4th ed., expanded. Moscow : Vysshaya shkola, 1975. 479 p. (In Russ.).
18. Gubernskaya muzhskaya gimnaziya [Provincial gymnasium for men]. URL: http://irkipedia.ru/content/gubernskaya_muzhskaya_gimnaziya_0 (accessed: 19.12.2022). (In Russ.).

Информация об авторе

В.А. Коршунков – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук Института гуманитарных и социальных наук.

Information about the author

V.A. Korshunkov is a Candidate of History, Associate Professor, Department of History and Political Science, Institute of Humanities and Social Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023. The article was submitted 23.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

ПЕРЕВОД СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА

TRANSLATING SPECIAL TEXTS

Научная статья

УДК 81'276.6 – 81'347.78.034

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-147-153

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, LSP И ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ПЕРЕВОДА

Лариса Александровна Манерко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, wordfnew@mail.ru,
<http://orcid.org/0000-0003-4288-1603>

Аннотация. В статье рассматриваются три основных понятия, которые одинаково важны для терминологических исследований, – это специальная (профессиональная) коммуникация, язык для специальных целей и научный перевод. Термин «специальная коммуникация» появился как реакция на разработку кибернетической модели К. Шеннона и Н. Уивера. Само явление опирается на понятия научного текста и научного (академического) дискурса.

Язык для специальных целей появился в зарубежном прикладном языкознании как отдельное понятие на основе понимания функциональности терминологических исследований и как противопоставление быденному языку. Развитие терминоведения и именно современного терминоведения показывает, насколько важно описывать отношения между терминологическими единицами как в языке через описание терминологической системы, так и в дискурсе с указанием на семантику и смысл языковых единиц. Здесь для этого применяются в когнитивно-коммуникативном терминоведении пропозиционно-фреймовые, сценарные, матричные, когнитивной карты и другие модели, простые и сложные форматы знания для фокусировки внимания на отдельных аспектах выделенного научного типа знания.

Что касается научного перевода, то это та область, которая напрямую связана с предыдущими двумя понятиями. Рассмотрение перевода и именно научного перевода связано с пониманием основ речемыслительной деятельности человека и рассмотрением человеческого фактора в языке.

Ключевые слова: коммуникация, специализированная коммуникация, научный текст, терминологическая единица, язык для специальных целей, терминологическая система, концепт, научный перевод

Original article

PROFESSIONAL COMMUNICATION, LSP AND PECULIARITIES OF SCIENTIFIC TRANSLATION AND INTERPRETING

Larissa A. Manerko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, wordfnew@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4288-1603>

Abstract. Three basic notions are described in the article, which are equally essential for terminological research. These are specialized (professional) communication, language for specific purposes and scientific translation and interpreting. The term “specialized communication” appeared as a reaction to the cybernetic model of C. Shannon and N. Weaver. This phenomenon is based on understanding text and scientific (academic) discourse.

Language for specific purposes was introduced in foreign applied linguistics as a separate notion on the basis of understanding functionality in terminological studies and as the opposition to everyday usage. The development of Terminology Science and particularly of modern Terminology Studies demonstrates how important it is to reveal the relationship between terminological units in language through the terminological system description as well as the reflection of terminological units semantics and sense. In Cognitive-Communicative Terminology propositional, framework, scenario, cognitive map, matrix and other models are applied, simple and complex formats of knowledge are used to specify attention on various aspects of scientific knowledge.

As for scientific translation and interpreting, this sphere is linked with two previous notions. Translation studies and scientific translation and interpreting are associated with the understanding of speech and thinking activities and human factor revealed in language.

Keywords: communication, specialized communication, scientific text, terminological unit, language for specific purposes, terminological system, concept, scientific translation and interpreting

Введение

Минуло уже более половины столетия, как ученые разных областей знания начали обсуждать понятие коммуникации. Появившаяся как технократическое явление, в рамках экспериментальной парадигмы середины XX столетия и при непосредственном участии Клода Шеннона и Норберта Винера – специалистов в области теории информации и связи – коммуникация стала основополагающим термином разных областей знания. Она опирается на достижения науки о языке, философии, логики, теории искусственного интеллекта и других наук, но прежде всего терминоведения, где сложился свой терминологический аппарат и своя методология исследований [1].

В статье будут рассмотрены три основных понятия, которые важны как для прикладной лингвистики, так и для терминоведения как отдельной языковедческой дисциплины. Среди них понятия специальной коммуникации, языков для специальных целей и научного перевода.

Специальная коммуникация, текст и научный текст

Европейские ученые относят теорию специальной коммуникации (Specialized Communication Studies), опирающуюся на изучение языков для специальных целей (Languages for Specific Purposes) и переводоведение, к прикладной лингвистике. Они считают, что эти две области связаны друг с другом. Специальная (специализированная) коммуникация включает письменную и устную коммуникацию. Письменная коммуникация в основном понимается как создание разнообразных технических документов (technical writing): составление и редакция технической документации, описание товаров и услуг, в то время как перевод делится на литературный и неспециализированный перевод, с одной стороны, и специализированный перевод, локализацию программного обеспечения и субтитрование, с другой. Подобное деление можно зафиксировать в работе К. Шуберта [2: с. 21]. К устному переводу у К. Шуберта отнесены специализированный и неспециализированный виды переводов. Автор выделяет следующие области деятельности: создание (production), переводческую деятельность (translation and interpreting) и организацию (organization) специализированной коммуникации.

Российские ученые несколько по-другому рассматривают специализированную (специальную) коммуникацию, отталкиваясь от понятия научного текста. Например, А.С. Герд подразделял документы на первичные – монографии, статьи, учебные пособия, учебники и другие научные тексты, и вторичные

тексты – аннотации, инструкции, технические патенты и другая техническая документация [3: с. 68; 4: с. 114].

Наиболее важное понятие, от которого отталкиваются ученые, – это понимание текста как пространственно-временной протяженности, обладающей многомерностью, но ограниченной конкретными пределами. Текст может быть большим, состоящим из нескольких томов, а может быть представлен в виде научной статьи или научно-популярного очерка, представляющих описание какой-либо проблемы, теории или явления. В качестве элементов текста выступают заглавие, предисловие, введение, заключение или выводы, библиография и т.д., а также композиционные характеристики текста [5: с. 5]. Развитие этой концепции в рамках структурного направления лингвистики в описании текста было обогащено вниманием к семиотическим основам текста, определяемого как любой отрезок линейно организованного потока знаков [6: с. 31]. Подобное рассмотрение текста проявилось в привлечении внимания к социокультурным и психологическим аспектам со стороны лингвистов и в дальнейшем поставило вопрос о существовании когнитивных (ментальных) механизмов, напрямую связанных с человеческой мыслительной и дискурсивной деятельностью при создании нового произведения.

Среди рассматриваемых проблем особый интерес был проявлен к коммуникативной ситуации, к описанию ее черт и социального, профессионального или иного статуса участников – данные аспекты выходят на первый план в лингвистических исследованиях последней четверти XX в. Именно тогда дискурсивные явления начинают рассматриваться в зависимости от места и времени и в качественно иной среде: социально-психологическом «человеческом пространстве» (people space) [7: с. 31]. Человеческое пространство конституируется общающимися индивидами, играющими соответствующие коммуникативные, социальные, культурные, межличностные, идеологические, психические роли. Кроме того, обращается внимание на коммуникативно-социальное поле, которое оказывается родственное идее гештальта в психологии и не лишено феноменологических импликаций [8], но помогает выявить социолингвистические и прагматические условия коммуникации.

Понятие пространства в большей степени оказывается применимым к тексту вообще и к художественному тексту в частности, на основании того, что текст содержит множество объектов, между которыми установлены отношения, аналогичные обычным пространственным отношениям типа

расстояния, протяженности, прерывности-непрерывности, последовательности расположения. Филологическое пространство является отражением реалий действительности, пропущенных через авторский дух – тот мыслительный мир, который осуществляет словесное творчество в произведении. Различные подходы к пространственному бытию текста требуют определения того, какую нишу заполняет собой пространство и какие проекции структурируют художественный универсум произведения. Можно говорить как о графическом, так и смысловом пространстве произведения. Автор конструирует текст, и при этом происходит объективация его субъективного мира. Категория автора определяет его гносеологические и когнитивные шаги в художественной деятельности. Авторская гносеология (оценочность текста), установка (психологический характер творчества) определяют авторские мировоззренческие устои, этические, эстетические, политические, религиозные и другие взгляды. Текст представляет собой многомерное языковое пространство, где воплощается психология авторского «Я» (его потребности, целеустановки, намерения, способности), антропоцентрический принцип в понимании единого целого. В нем реализуется в литературной форме замысел-идея задуманного (тема, сюжет, жанр, композиция, система образов). Кроме того, текст не может существовать вне национального культурного пространства, определяемого как информационно-эмоциональное поле, виртуальное и в то же время реальное, в котором человек существует и функционирует и которое становится ощутимым при столкновении с явлениями иной культуры [9: с. 326], множественных форм интерпретации, связанных с конфликтом интерпретаций.

В специальном тексте все несколько по-другому. Тесно связанный с мыслительной (когнитивной) деятельностью человека-исследователя, такой текст представляет «те или иные теории, факты, сведения, рекомендации отдельных наук и отраслей знания. Сюда, прежде всего, относятся научные, технические и деловые тексты» [10: с. 68]. Он определяется более регламентированными рамками стиля, жанра, дискурса специально созданного научного произведения. Для такого текста характерными чертами является отражение научной картины мира, сочетание, а иногда и интеграция чисто специальных, общенаучных и обыденных знаний, в нем мы находим четкие синтаксические последовательности в организации информации, тщательный отбор лексики, терминологичность, строгость и точность в передаче объективной ин-

формации [4: с. 114]. Для такого текста важно, что именно воплощено в пространстве мысли автора-исследователя.

Специализированная коммуникация (specialized communication) предназначена для взаимодействия общающихся в речемыслительной деятельности, для нее характерно наличие специальной по содержанию информации и целенаправленности общения. По мнению К. Шуберта, особенность специализированной коммуникации отражена в ряде характеристик. Специализированная коммуникация:

- 1) отличается от всех других видов коммуникации;
- 2) направлена на постоянное улучшение во взаимодействии участников, что названо оптимизацией (optimization);
- 3) продиктована не только содержанием, особенностями языка для специальных целей, ситуативной обусловленностью, но также и культурными факторами;
- 4) имеет цель разъяснять, передавать и конструировать знания [2: с. 25].

Язык для специальных целей в процессе развития терминоведческой науки

Вторая, взаимосвязанная с предыдущей область – это язык для специальных целей (language for specific purposes, или LSP). Область изучения LSP постоянно расширяется. Исследования начинались с понимания того, чем термин отличается от обычного слова (не-термина). В тот период, обычно отождествляемый как терминологический период (the terminological stage), термин рассматривался изолированно от текста, он фиксировался, изучались его морфологические и лексические свойства. Эти исследования проводились отдельно от функционирования термина в тексте. Затем ракурс постепенно изменяется – становятся очевидными различия между общелитературным языком и языками профессиональной коммуникации. Национальный язык в виде языка общечеловеческого общения (language for general purposes) изучается в соответствии с процессами нормирования и регулирования, а термины и представители языков для специальных целей – как «социально и профессионально ограниченные» феномены [10: с. 17]. Было признано, что стили языка – «это структурно-функциональные варианты языка, обслуживающие различные виды общественной деятельности» человека [10: с. 17]. Они помогли понять, каковы конкретные характеристики функционирования единиц и категорий в рамках определенного стиля. Было признано, что в развитых национальных языках существует некоторое деление, которое может называться стратификацией. Языки для специаль-

ного общения фиксируются в научном, производственно-техническом и деловом стилях общения.

Рассмотрение стилистического анализа помогло осознать, что следует выйти в исследованиях за рамки фразы и предложения, обратившись к LSP как языку науки и техники (Language for Science and Technology), который включает в себя как одну из ветвей язык для академических (Language for Academic Purposes) и язык для медицинских целей (Language for Medical Purposes) [11]. Две другие ветви языка для специальных целей включают язык бизнеса и экономики (Language for Business and Economics) и язык для социальных наук (Language for Social Sciences) [12: с. 17]. Было понято и описано, что в данном случае нужно описывать подобный язык как отдельный подход в рассмотрении разных субстандартных (вариативных, специфических) языков для общего национального языка. Именно такое выделение характерно для понятия регистра в Британской лингвистической школе.

В этот период основой для рассмотрения термина в отечественном языкознании стали описания подсистем в рамках системно-ориентированного подхода. Кроме того, некоторые ученые понемногу начинают учитывать использование терминов в тексте. В своих исследованиях они переходят постепенно от стилистического анализа к текстовому анализу, при этом приходят к осознанию того, что эта проблема может быть связана с межкультурной коммуникацией в международном общении. И тогда в некоторых исследованиях обращается внимание на социолингвистическую и интерлингвистическую проблематику общения. Важную роль в переходе от рассмотрения текста в тексто-ориентированном направлении лингвистики сыграл выход на более широкую проблематику, предложенную в когнитивно-коммуникативный период развития лингвистики и терминоведения [2: с. 25; 1]. Смещение исследовательского интереса было связано с установлением системы парадигмальных координат в развитии историографии и методологии лингвистической науки, относительно которых можно было локализовать тот или иной объект и предмет исследования. Любая сущность идентифицируется и описывается по своему месту в пространстве и времени, внимательно изучаются сущностные свойства и характеристики описываемого явления. Когнитивно-коммуникативное направление исследований подчеркнуло важность понятия «дискурс», дискурсивной деятельности человека, когнитивной и коммуникативной функций языка, где основополагающую роль играют типы человеческого знания.

О типах знания и их репрезентации в языке для специальных целей (LSP) написано в работе В.Ф. Новодрановой. Она отмечает, что знание происходит от греческого *episteme* «умение, знание» и это «достоверное, истинное представление о чем-либо» [13: с. 136]. В статье ученого-терминолога показывается развитие концепции объяснения понятия «знание» со времен античности и до настоящего времени. В когнитивных науках знания об окружающем мире, находящиеся в нем объектах в процессе разнообразной человеческой деятельности подразделяются на декларативные («знания, что...») и «процедуральные» (знания, как...). Иногда их бывает трудно отделить одно от другого. Они также могут отличаться по их предметной отнесенности, по форме их представления, будучи выраженными посредством слов, а иногда относиться к невербальным явлениям.

Кроме того, в наших работах было указано на то, что знания человека могут быть связаны со знаниями о мире, о языке и о конкретной коммуникации [4]. Они опираются на фоновые знания людей, социокультурный и индивидуальный опыт человека. Кроме того, среди всех других видов опыта особенно выделяется профессиональный опыт человека, его умения и навыки.

В.Ф. Новодранова отмечает: «Научные знания формируются в процессе научного познания мира, которое на современном этапе основывается не только на теоретических умозаключениях, но и на технологическом расширении восприятия, вследствие чего оно носит национальный характер и является объективным и истинным по сути» [13: с. 138]. Это знание систематизировано, принадлежит не отдельной личности, а целой группе ученых и специалистов в какой-либо области, а язык для специальных целей используется для создания профессиональной (специализированной) коммуникации. Ученый указывает, что для того, чтобы изучать ту или иную область для специальных целей, представленную в виде языка, нужно быть профессионалом в данной области или привлекать знания специалистов для описания этого специального языка. Чисто лингвистических знаний для понимания той или иной терминологической системы явно недостаточно, исследователь должен понимать взаимоотношения не только между отдельными терминами, их взаимодействие с другими понятиями в той же области знания, уметь детально описывать и объяснять явления категоризации, которые характерны для профессиональной области знания. Существенным является то, что специалист-терминолог должен обладать умением описывать

структуры представляемого им знания как с точки зрения когниции, так и с точки зрения коммуникативной функции языка, в динамике.

Важным является определение языка для специальных целей (LSP), которое предложено В.Ф. Новодрановой: это «система лингвистических средств общенационального языка, которая репрезентирует структуры знания, сложившиеся в определенный период развития науки и демонстрирующие достигнутый в этот период уровень развития в конкретной предметной области знания, важный для социума и обеспечивающий его собственное развитие и прогресс» [13: с. 139].

Язык для специальных целей в научном переводе

В процессе межкультурной коммуникации и перевода речь идет о мультилингвальности и переводе. К. Шуберт считает, что в процессе письменного (translation) и устного (interpreting) перевода происходит сравнение:

- 1) текста оригинала и переведенного текста;
- 2) эквивалентности и выбора ее разновидности как соотношения между текстом-источником и переведенным текстом;
- 3) создания текста как деятельности и уже нового текста;
- 4) совокупности культурных факторов;
- 5) оптимизации, направленной на воплощение цели специальной коммуникации через преднамеренный вывод знания;
- 6) определенных шагов, опирающихся на правила, присутствующие у человека в сознании [2: с. 35–36; 14].

При этом важным, как отмечают отечественные лингвисты, является культурное пространство [15] или социокультурные знания, тесно связанные с человеческим восприятием и опытом индивида, проявляющиеся в коммуникативной ситуации [16]. Знание социокультурных факторов оказывает непосредственное влияние на использование специальных видов знания в той или иной области деятельности человека. П. Фабер и Л.-А. Пилар выделяют динамику понимания специализированного знания в зависимости от системы знания [17: с. 135]. Это не только знание о типе переводимого текста, но и системы знания или «категориальной рубрики» в процессе «выделения элементов науки» и их когнитивные основания [13: с. 140]. От этого может зависеть выбор терминологической единицы (слово или словосочетание, описательная конструкция), т.е. единицы номинации как представителя специальной сферы употребления, которая передает специальное понятие и может быть подчеркнута дефиницией для осмысления места тер-

мина относительно области знания. Представление об организации областей (доменов) системы, например терминологической системы, о перспективе развития науки может предложить когнитивная карта, которая способна охватить основные понятия и концептуальные области знания. Подобное описание построено, как правило, на иерархических отношениях внутри терминосистемы. Если мы хотим отобразить процессы концептуализации профессиональной области знания или показать динамику развития человеческой мысли в научной сфере, то в данном случае мы опираемся на такие простые и сложные форматы знания. На уровне терминологической системы используются такие сложные форматы знания, как фрейм или сценарий, которые показываются графически или схематически через пропозициональные отношения между основными аргументами. П. Фабер и Л.-А. Пилар подчеркивают, что терминоведение не всегда серьезно относится к исследовательским достижениям в когниции и когнитивной нейронауке [17: с. 136]. При этом система описания концептуального знания напоминает то, что используют представители когнитивно-коммуникативного терминоведения в нашей стране начиная с конца 90-х гг. XX в. (фреймо-пропозициональные структуры, сценарные модели, матричные модели и многое другое [18]).

Трансфер знаний из одного языка в другой происходит как порождение людьми (а может быть, и использования) определённых типов знаний «при продуцировании мыслей» [19: с. 40]. На данный процесс оказывает влияние культурное наследие, которое способно выделить «определённые потенции и ограничения человеческой когнитивной системы», при этом наблюдается то, что «культурная репрезентация и когнитивный процесс влияют друг на друга» [19: с. 40–41].

Конечным продуктом переводческой деятельности предполагается создание такого научного текста, который бы соответствовал «характеру мыслительной деятельности по созданию текста перевода... и типу коммуникации» [20: с. 25]. При этом в научном переводе учитываются не адаптационные (от термина «адаптация»), а ассимилятивные процессы, «процессы подведения нового случая под уже имеющиеся» [14: с. 25] и создание новых механизмов и языковых единиц. Оказывается, что в процессе перевода специального (научного, академического) текста следует опираться на понимание воспринятого и особенности осознанности специального смысла средствами другого языка. И хотя Л.М. Алексеева называет концептом «максимально компрессированное знание» [20: с. 34],

оно необходимо человеку для понимания иерархических отношений в системе знания, динамике категоризации, хранения концепта и его вывода из соответствующих знаний и в случае необходимости переработки нового опыта в зависимости от ситуации. Концепт в этом случае участвует в динамике развертывания смысла в понимаемом тексте и его ословливания средствами другого языка. Он приобретает «форму мимолетных восприятий» (take the form of fleeting perceptions) [17: с. 139] в зависимости от «компрессированного» [20: с. 34] человеческого опыта.

Л.М. Алексеева считает, что методика научного перевода должна базироваться на следующих постулатах:

- диалогичности перевода;
- дискурсивной близости;
- сохранении в переводе основных типологических свойств оригинала [20: с. 50].

На занятиях по курсу «Иностранный язык для специальных целей» для магистров-переводчиков считаю необходимым приучать студентов к предпереводческому анализу текста, когда они выстраивают модели понимания смысла текста оригинала на основе стержневых концептов и понятий. Они учатся находить основные терминологические единицы, служащие каркасом для модели, и те пропозициональные связи, которые скрепляют

данный стержень и определяют его детализацию. Кроме того, важным этапом является поиск терминологических единиц и пропозициональных конструкций, определяющих их смысл в переводящем тексте и установлении ассоциированных с понятиями смыслов в зависимости от контекста и ситуации. И оказывается, что не всегда текст, относящийся к научной коммуникации в одном языке, передается такими же номинативными и синтаксическими средствами в другом языке. И многое зависит от человеческого понимания смысла текста-оригинала и умения найти подходящие знаки в соответствии со смыслами в другом языке.

Выводы

В статье было представлено несколько важных понятий прикладной лингвистики, терминоведения и когнитивно-коммуникативного терминоведения. Было доказано, что специальная коммуникация – очень важный вид общения, который оказывается необходим именно сейчас, когда возрастает значимость понимания когнитивных и функциональных основ использования языков для специальных целей и их ассоциативного транспонирования в определенную концептуальную (терминологическую) область на другом языке посредством сопоставления терминов и языков для специального общения в научном переводе.

Список источников

1. Манерко Л.А. Основы когнитивно-коммуникативного терминоведения // *Язык и интеллектуальный мир человека*. Архангельск, 2004. С. 54–57.
2. Schubert K. Specialized Communication Studies: An expanding discipline // *Current Trends in LSP Research: Aims and Methods* / Ed. by M. Petersen and J. Engberg. Bern : Peter Lang, 2011. P. 19–60.
3. Герд А.С. Факторы эволюции специального текста // *Актуальные проблемы стилистики и терминоведения*. Нижний Новгород, 1996. С. 7–21.
4. Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // *Вестник Московского университета*. 2013. № 1. С. 100–118. (Серия 22: Теория перевода). URL: http://esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/vestnik/Teoriya%20perevoda%201-2013.pdf (дата обращения: 07.12.2022).
5. *Диалектика текста* / под ред. А.И. Варшавской. Т. 2. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 219 с.
6. Дридзе Т.М. *Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии*. Москва : Наука, 1984. 272 с.
7. Harre R., Gillett G. *The Discursive Mind*. London : SAGE, Thousand Oaks, 1994. 192 p.
8. Макаров М.Л. *Основы теории дискурса*. Москва : Гнозис, 2003. 280 с.
9. Красных В.В. *Основы психолингвистики и теории коммуникации*. Москва : Гнозис, 2001. 270 с.
10. Авербух К.Я. *Общая теория термина*. Иваново, 2004. 252 с.
11. *Episodes in ESP* / Swales J. (ed.). Oxford : Pergamon, 1985. 217 p.
12. Hutchinson T., Waters A. *English for Specific Purposes*. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 180 p.
13. Новодранова В.Ф. Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей (LSP) // *Когнитивная лингвистика: Новые проблемы познания : сб. науч. тр.* Москва, Рязань, 2007. С. 136–140.
14. Röschhacker F. *Introducing Interpreting studies*. London; New York : Routledge, 2004. 280 p.
15. Фесенко Т.А. *Специфика национального культурного пространства в зеркале перевода*. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 227 с.
16. Манерко Л.А. Социокультурная специфика схематизации пространственного опыта в переводе с английского на русский язык // *Вестник Московского университета*. 2016. № 4. Москва : Изд-во МГУ, 2016. С. 49–66. (Серия: Теория перевода).

17. Faber P., Pilar L.-A. Specialized knowledge dynamics. From cognition to culture-bound terminology // *Dynamics and Terminology: An Interdisciplinary perspective on monolingual and multilingual culture-bound communication* / R. Temmermann, M. van Campenhoudt (eds.). Amsterdam : John Benjamins, 2014. P. 135–158.

18. Манерко Л.А. Фрейм речи Нобелевского лауреата в сценарии события (на примере языка физики) // *Вопросы филологии*. 2004. № 3 (18). С. 6–14.

19. Демьянков В.З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // *Когнитивные исследования языка* / гл. ред. Н.Н. Болдырев. Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике : сб. науч. тр. / отв. ред. В.З. Демьянков. Москва : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Изд. дом. ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 36–45.

20. Алексеева Л.М. *Специфика научного перевода*. Пермь : Пермский гос. нац.-исслед. ун-т, 2013. 189 с.

References

1. Manerko L.A. Osnovy kognitivno-kommunikativnogo terminovedenija // *Jazyk i intellektual'nyj mir cheloveka*. Arhangel'sk, 2004. P. 54–57. [The basis of Cognitive-Communication Terminology // *Language and intellectual world of a man*] (in Russ.).

2. Schubert K. Specialized Communication Studies: An expanding discipline // *Current Trends in LSP Research: Aims and Methods* / Ed. by M. Petersen and J. Engberg. Peter Lang, 2011. P. 19–60.

3. Gerd A. S. Faktoryj evolucii special'nogo teksta // *Aktual'nye problem stilistiki i terminovedenija*. Nizhnij Novgorod, 1996. P. 7–21. [Factors of evolution of a special text // *Actual issues of stylistics and terminology*] (in Russ.).

4. Manerko L. A. Struktury znaniy, predstavlennye v hudozhestvennom i akademicheskom diskursah // *VestnikMoskovskogouniversiteta*. Serija 22: *Teorijaperevoda*. 2013. № 1. P. 100–118. URL: http://esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/vestnik/Teoriya%20perevoda%201-2013.pdf (accessed: 07.12.2022). [Knowledge structure represented in fictional and academic discourses] (in Russ.).

5. *Dialektika teksta* / Ed. by A.I. Varshavskaya. Vol. 2. St. Petersburg : SPb University Press, 1999. 219 p. [*Text dialectics*] (in Russ.).

6. Dridze T.M. *Tekstovaja dejatel'nost' v structure social'noj kommunikaciju Problemy semiosociopsihologii*. Moscow : Nauka, 1984. 272 p. [*Text activity in structure of social communication: problems of semiosocialpsychology*] (in Russ.).

7. Harre R., Gillett G. *The Discursive Mind*. London : SAGE, Thousand Oaks, 1994. 192 p.

8. Makarov M.L. *Osnovy teorii diskursa*. Moscow : Gnozis, 2003. 280 p. [*Foundations of the discourse theory*] (in Russ.).

9. Krasnyh V.V. *Osnovy psiholingvistiki i teorii kommunikacii*. Moscow : Gnozis, 2001. 270 p. [*The basis of psycholinguistics and theory of communication*] (in Russ.).

10. Averbuh K.Ya. *Obshhaja teorija termina*. Ivanovo, 2004. 252 p. [*General theory of the term*] (in Russ.).

11. *Episodes in ESP*. / Swales J. (ed.). Oxford : Pergamon, 1985. 217 p.

12. Hutchinson T., Waters A. *English for Specific Purposes*. Cambridge Univ. Press, 1987. 180 p.

13. Novodranova V.F. Tipy znaniya i ih reprezentacija v jazyke dlja special'nyh celej (LSP) // *Kognitivnaja lingvistika: Noveye problem poznaniya : sb. nauch. trudov*. Moscow, Rjazan', 2007. P. 136–140. [*Knowledge types in language for specific purposes*] (in Russ.).

14. Pöchhacker F. *Introducing Interpreting studies*. London; New York : Routledge, 2004. 280 p.

15. Fesenko T.A. *Specifikanacional'nogokul'turnogoprostranstva v zerkaleperevoda*. Tambov : Derzhavin Tambov University Press, 2002. 227 p. [*Specific features of cultural space in the mirror of translation*].

16. Manerko L.A. Sociokul'turnaja specifika shematizacii prostranstvennogo opyta v perevode s anglijskogo na russkij jazyk // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija: *Teorija perevoda*. 2016. № 4. P. 49–66. [*Sociocultural specific features of schematization of spatial experience in translation from English into Russian*].

17. Faber P., Pilar L.-A. Specialized knowledge dynamics. From cognition to culture-bound terminology // *Dynamics and Terminology: An Interdisciplinary perspective on monolingual and multilingual culture-bound communication* / R. Temmermann, M. van Campenhoudt(eds.). Amsterdam : John Benjamins, 2014. P. 135–158.

18. Манерко Л.А. Фрейм речи Нобелевского лауреата в сценарии события (на примере языка физики) // *Вопросы филологии*, 2004. № 3 (18). P. 6–14. [Frame of speech of a Nobel laureate in the event scenario (on the basis of language of physics)] (in Russ.).

19. Dem'jankov V.Z. Ob antropocentricheskom napravlenii v kognitivnoj lingvistike // *Kognitivnye issledovanija jazyka* / Ed.-in-chief N.N. Boldyrev. Issue XXVII: *Antropocentricheskij podhod v kognitivnoj lingvistike* / Ed. by V.Z. Dem'jankov. Moscow : Linguistics Institute, RAS; Tambov : DerzhavinTGU Press, 2016. P. 36–45. [On anthropocentric direction in Cognitive Linguistics] (in Russ.).

20. Alekseeva L.M. *Specifika nauchnogo perevoda*. Perm': Perm University Press, 2013. 189 p. [*Specific features of scientific translation*] (in Russ.).

Информация об авторе

Л.А. Манерко – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики английского языка факультета «Высшая школа перевода».

Information about the author

L.A. Manerko is Doctor of Philology (Habil.), Professor, Chair of the Theory and Practice of the English Language, Higher School of Translation and Interpreting.

Статья поступила в редакцию 29.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023. The article was submitted 29.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 81`41

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-154-162

ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ КАК ТЕРМИНОПОРОЖДАЮЩИЙ ФАКТОР ПРИ ПЕРЕВОДЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ТЕКСТА

Елена Ивановна Ковалева

Московский государственный педагогический университет, Москва, Россия, ei.kovaleva@mpgu.edu

Аннотация. В статье рассматривается специальный банковский дискурс и его свойства корреляции с другими типами экономического дискурса посредством терминообразования, что значимо для перевода. Специальный текст как способ объективации специального знания рассматривается как объект дискурсивных исследований LSP.

Ключевые слова: специальный банковский дискурс, интердискурсивность, специальный текст, терминообразование, поликодовость, интегративность специального текста

Original article

INTERDISCURSIVE STRUCTURE OF SPECIAL KNOWLEDGE AS A TERM PRODUCTIVE FACTOR IN AN LSP TEXT TRANSLATION

Elena I. Kovaleva

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, ei.kovaleva@mpgu.edu

Abstract. The article focuses on the issues of LSP text, discourse studies, and translation processes. The investigation into special banking discourse and into term production mechanisms overlap with basic functional matters of different linguistic paradigms.

Keywords: text and discourse studies, LSP research, paradigms of special discourse studies, banking term structure and notion

В широкой трактовке дискурс отождествляют с вербализованной деятельностью, соотносенной с целым слоем культуры, социальной общности или даже с определенным историческим периодом [1; 2]. Дискурс понимается исследователями как сложное коммуникативное явление, обладающее дифференциальными особенностями; как продукт речевого действия с присущей ему смысловой однородностью, актуальностью, привязанностью к определенному контексту, жанровой и идеологической принадлежностью [3–5].

В лингвистической теории дискурса сформировалась следующая классификация подходов.

- В соответствии со структурно-синтаксическим подходом дискурс рассматривается как фрагмент текста, т.е. образование выше уровня предложения (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое).

- В русле структурно-стилистического подхода дискурс определяется как нетекстовая организация разговорной речи, характеризующаяся нечеткой делимитацией, преобладанием ассоциативных связей, ситуативностью, спонтанностью, высокой контекстностью, стилистической спецификой.

- В рамках коммуникативного подхода дискурс понимается как вербальное общение (речь, употребление, функционирование языка), как диалог или как беседа, т.е. тип диалогического высказывания; либо дискурс рассматривается как речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции [1].

В современной отечественной лингвистике дискурс часто трактуется с позиций деятельностного подхода, при котором в его структуре текст и дискурс рассматриваются в единстве, так же, как и лингвистические, и социокультурные компоненты. Эта концепция выражена в определении дискурса, данного В.В. Красных, как «вербализованной речемыслительной деятельности», трактуемой в рамках совокупности процесса и результата и обладающей как «собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [2: с. 7].

Когнитивный подход к изучению языка получил в отечественной лингвистике теоретическую основу в виде новой парадигмы лингвистического знания – когнитивно-дискурсивной парадигмы. Суть методологии данной парадигмы сформулирована Е.С. Кубряковой: «...согласно теоретическим пред-

ставлениям в этой новой парадигме, по сути своей парадигме функциональной, при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неизбежно выполняют: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения). Соответственно, каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когнитивности и коммуникации» [6: с. 7].

Изучение нейролингвистических механизмов дискурсивной деятельности человека приводит к пониманию того, что основными когнитивными составляющими дискурсивной деятельности коммуникантов служат:

- превращение говорящими коммуникативно значимого события в смысловую программу будущего сообщения;

- осмысление с последующей реконструкцией интенционального посыла отправителя сообщения реципиентом (читателем или слушателем) [3].

Также в плане обобщения различные подходы к пониманию дискурса в лингвистике могут быть сведены к двум основным типам:

- конкретному коммуникативному событию, фиксируемому в письменных текстах и устной речи, осуществляемому в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве;

- совокупности тематически соотнесенных текстов [4].

Таким образом, можно констатировать существование нескольких различных подходов к изучению дискурса: семиологического, коммуникативного, деятельностного, презентационной теории, философских концепций, а также когнитивного подхода, каждый из которых отражает определенные функционально-прагматические особенности и характеристики данного феномена. Важно отметить, что современные исследования имеют тенденцию дихотомии «текст-дискурс», пришедшей на смену представлениям о единстве понятий. В сочетании с экстралингвистическими факторами текст рассматривается как базовый компонент дискурса.

М. Фуко исследовал реализации определенных дискурсивных практик, которые заключаются в совокупности анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, установленных в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства путем выполнения функции высказывания. [5]. С данных позиций дискурс можно воспринимать как единое внешнее пространство, в

котором размещается сеть различных (временных и пространственных) характеристик, позволяющих выйти за пределы собственно текста.

Различные варианты понимания дискурса в отечественной и зарубежной лингвистике могут быть сведены к нескольким основным подходам на основе установления корреляции «высказывание – текст – дискурс – речь».

Анализируя существующие взгляды на соотношение текста и дискурса, В.Е. Чернявская определяет текст как формальную завершённую структуру, представляющую собой базовый компонент дискурса. В свою очередь, дискурс определяется как языковое выражение «общественной практики в ее различных коммуникативных сферах» [5: с. 17]; упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая «социальная, идеологическая, культурно и исторически обусловленная ментальность» [6: с. 20].

Соотношение LSP (язык для специальных целей)– специальный текст обнаруживает неразрывную онтологическую связь: LSP фиксируется, прежде всего, в первичных специальных текстах. В.М. Лейчик называл такие тексты терминопорождающими [7: с. 5]. Специальные тексты определяются как тексты, содержание которых обусловлено неким профессиональным знанием: «научным, правовым, техническим, деловым, организационно-распорядительным», так же, как и знанием любительских профессий и увлечений (филателия, рыболовство, охота, разные виды игр и занятий) [8: с. 21].

Специальный текст по своей сути предназначен для интерактивного взаимодействия. Специальные цели выявляются тогда, когда в тех или иных группах индивидов или у отдельных ее членов возникает потребность в особом обозначении отдельных понятий, в «выработке целостных понятийных систем, не известных общему языку» [9: с. 2].

В представлении полевой структуры традиционно используется модель центра и периферии и градация уровня специальной направленности текста на LSP в коммуникации:

- специалистов в одной предметной области;
- специалистов в разных предметных областях;
- вне специальной предметной области между специалистами и неспециалистами.

Анализ специального текста целесообразно строить на трех его измерениях – анализе:

- функционального стиля (сферы деятельности);
- подъязыка предметной области;
- ситуации общения (участники коммуникации – специалисты в данной предметной области).

Последнее измерение является константой, в то время как первые два могут варьироваться по степени абстракции и языковым средствам выражения. К ним относятся:

- анализ жанра;
- анализ макроструктуры и суперструктуры текста;
- средства связности текста;
- развитие темы текста;
- стилистические особенности текста;
- взаимосвязь текста и невербальных средств;
- текст и гипертекст (энциклопедические знания) и т.д.

Существуют и другие методологии анализа текста LSP, которые представляют собой попытку интегрировать результаты, полученные при анализе различных уровней текста (слова, словосочетания, предложения, сверхфразовые единства и др.) в рамках так называемого интегративного подхода, а также сопоставить языковые особенности текстов LSP с риторическими функциями в рамках когнитивных и коммуникативных стратегий.

Специальный дискурс характеризуется с позиций:

- определенной тематики и функций общения;
- профессионального статуса отправителя и получателя высказывания, в рамках определенного социального института;
- специфических характеристик ситуации общения;
- канала передачи информации [10].

Продуктивным для исследования специального банковского дискурса и специфики перевода его элементов представляется положение о том, что дискурс формируется как единое целое, в котором каждый знак зафиксирован как момент по отношению к другим знакам.

Банковский дискурс обнаруживает характерные для данного семиотического образования признаки. Его специфику составляют и сферы референции:

- сфера финансово-экономических и правовых отношений и институтов;
- сознание людей, воспринимающих тексты операционно-сервисного банковского дискурса как регулятив и апелляцию к действию;
- сложившиеся нормы дискурсивных практик в сфере операционного сервиса банковского дела.

Классификация специальных дискурсов обусловлена такими критериями, как сфера использования языка и употребляемый набор языковых знаков. Дискурс банковской сферы (банковский дискурс) рассматривается как разновидность институционального узкоспециального дискурса, реализующегося в области банковской деятельности и обеспечивающего специфическую банковскую коммуникацию.

Специальный дискурс является разновидностью специальной коммуникации между специалистами-профессионалами, формирующей и развивающей специальное знание в данной предметной области на различных уровнях абстракции, в отличие от неспециального дискурса, формирующего обыденное знание в различных предметных областях. Особая роль специального знания заключается в осуществлении и понимании дискурса, создание и осмысление которого критическим образом зависит от различных его видов.

Наиболее очевидным фактом в этом плане является использование терминологических единиц в специальном дискурсе, но также значимыми представляются и другие аспекты структуры дискурса: приоритет определенной тематики, единая форма конструирования специального текста, стиля, риторики, модели аргументации, способы доказательства и достоверности, использование таблиц, схем, диаграмм и графов, статистики и других невербальных средств в специальном дискурсе. Важное значение приобретает и межязыковая трансляция специального знания посредством перевода специальных текстов и отдельных его компонентов.

Банковский и, более широко, финансовый дискурс как разновидность экономического дискурса в настоящее время активно исследуется как один из наиболее динамично развивающихся видов дискурса. Он активно формирует новые для России базы знаний в данной предметной области. Экспертное, специальное знание может противоречить обыденному знанию, которое опирается на обыденную картину мира. Иными словами, экспертное специальное знание не является кардинально отличным от знаний, циркулирующих повсеместно в социуме. Но это знание более насыщено, эффективно и рационально.

К примеру, в банковском дискурсе, наряду с абсолютно прозрачными в плане внутренней формы и значения терминами типа *Задолженность на дату Выписки по Кредитной карте (Задолженность льготного периода)*, используются и термины, которые, несмотря на полное понимание семантики отдельных компонентов, тем не менее неясны в смысловом плане: например *закредитованность*. Только дефиниция данного термина проясняет непрофессионалу его смысл: *Закредитованность* – ‘ситуация, при которой, если в течение одного года общий размер платежей по всем имеющимся у Заемщика/Клиента кредитам (займам) превышает пятьдесят процентов его годового дохода, для Заемщика/Клиента возникает риск неисполнения им обязательств по кредитным догово-

рам и применения к нему штрафных санкций со стороны кредиторов' [11].

Таков и термин *Идентификатор дизайна*, который невозможно понять без соответствующей дефиниции: **Идентификатор дизайна** – 'уникальный идентификационный номер, присваиваемый Банком заявке Клиента на индивидуальный дизайн Кредитной карты по окончании процесса создания Клиентом указанной заявки на сайте Банка в сети Интернет' [11].

Еще более сложными представляются полные иностранные заимствования: *Идентификатор IMSI – International Mobile Subscriber Identity*. Дефиниция данного термина и расшифровка аббревиатуры обязательны для клиентов банка.

Идентификатор IMSI – International Mobile Subscriber Identity, 'международный идентификатор мобильного абонента (международный идентификационный номер абонента), ассоциированный с каждым пользователем мобильной связи стандарта GSM, UMTS или CDMA. Информация об идентификаторе IMSI фиксируется в банке автоматически на основании информации, предоставляемой оператором мобильной связи, по номеру мобильного телефона, предоставляемого для получения одноразовых паролей в виде SMS-сообщения, либо при изменении номера мобильного телефона для одноразовых паролей. В случае необходимости (например, при замене sim-карты у оператора мобильной связи) информация о номере идентификатора IMSI может быть изменена по заявлению, предоставленному в подразделение банка либо путем обращения в информационный центр банка' [11].

В указанной дефиниции две аббревиатуры абсолютно незнакомы непрофессионалу: UMTS или CDMA, хотя в дефиниции нет ни расшифровки, ни соответствующего перевода.

Привычные в современном русском языке заимствования – транслиты *Квази-кэш операции* так же вряд ли понятны клиенту без дефиниции.

Квази-кэш операции – 'операции по картам с высоколиквидными активами, которые могут напрямую конвертироваться в наличные денежные средства. К таким операциям, в частности, относятся: пополнение интернет-кошельков (электронных кошельков), оплата дорожных чеков, пополнение счетов в других банках, покупка фишек в казино, лотерейных билетов и другие операции. Банк определяет квази-кэш операции, используя следующие MCC (Merchant Category Code) коды: 4829 Денежные переводы, 6012 Финансовые институты – торговля и услуги, 6050 Финансовые учреждения – квази-кэш, 6051 Нефинансовые учреждения –

квази-кэш, 6211 Ценные бумаги – Брокеры/Дилеры, 6538 Денежные переводы MasterCard MoneySend Funding, 7801,7802,7995 Азартные игры, – и эквайринг которых произведен сторонним банком' [11].

Очевидно, что специальное экспертное знание базируется на группе концептов, принадлежащих узкоспециальным базам знаний и, более того, данные базы знаний отличаются высоким уровнем системной организации, иерархичности.

Данные базы специальных знаний систематически подвергаются метаанализу в плане:

- общей организации языковой и концептуальной репрезентации предметной области;
- структурного анализа аспектов, единиц и параметров базы знаний;
- функционального анализа;
- контекстуального анализа.

Таким образом, необходимо констатировать, что специальное экспертное знание имеет социологическую природу и является продуктом и принадлежностью определенного профессионального сообщества и, как следствие, формируется, систематизируется и функционирует в рамках специального дискурса.

Банковский дискурс также, как и все без исключения разновидности специального дискурса, формирует базу специальных знаний в специальной предметной области банковского дела, которая является в силу определенных причин новым для России.

Дискурсивный подход, который становится одним из ведущих в современной лингвистике при описании дискурсивных практик, применительно к переводческому анализу данного документа обозначает необходимость установить набор вербальных средств текста договора, определить их функции в формировании прагматического потенциала данного типа банковского дискурса, осуществить анализ и систематизацию терминологических единиц при переводе.

Финансовый дискурс как разновидность экономического дискурса представлен в виде интерактивного взаимодействия участников общения в сфере финансово-кредитной, налоговой, коммерческой и предпринимательской деятельности.

Изучив описание когнитивной модели банковского дискурса [12], можно определить вертикальную детерминанту банковской коммуникативной сферы, которая отражает закономерный аспект включенности банковского дискурса в финансовый и экономический; а также сопряженность банковского дискурса с рекламной дискурсивной практикой (рис. 1).

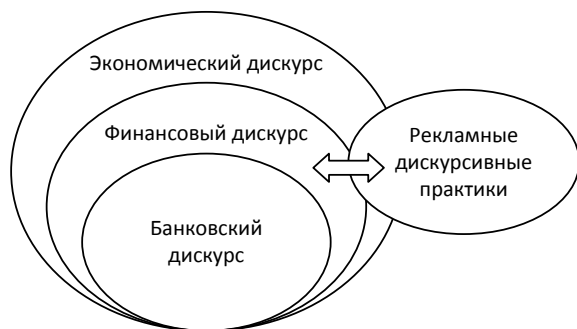

Рис. 1. Вертикальная детерминанта интердискурсивности банковской коммуникативной сферы: иерархия субдискурсов

Договор обслуживания счетов клиентов банка – один из центральных документов обеспечения банковской деятельности – носит гетерогенный характер, объединяя характеристики узкоспециального институционального банковского и правового дискурса. В прагматическом аспекте анализируемый договор представляет собой документ операционно-сервисного и правового обеспечения кредитно-финансовой деятельности банка [11].

Другим фактором интердискурсивности является интеграция дискурсивных практик за счет сопряжения с такими видами дискурса, как:

- официально-деловой, в частности – основной документооборот банка, представленный выписками, справками, договорами, заявлениями;
- информационно-аналитический – отчеты, декларации;
- правовой – учредительные документы, договоры;
- рекламный, пересекающийся с PR-дискурсом – рекламные банковские проспекты и брошюры (рис. 2).

Рис. 2. Горизонтальная детерминанта интердискурсивности банковской коммуникативной сферы: сопряженность субдискурсов

Для достижения коммуникативных целей банковского дискурса участниками специальной коммуникации используются адекватные коммуника-

тивные стратегии: презентационная, воздействующая, просветительская, ориентирующая, организационно-директивная.

Спецификой банковского дискурса являются особые статусные характеристики участников общения, интерпретируемые как соотносительное положение участников общения в социальной системе, включающее права и обязанности, и заданная модель поведения, включающая дискурсивные шаблоны, в соответствии с типичными дискурсивными ситуациями и взаимными ожиданиями участников общения.

Социально-информационное общение банка с коммуникантами представлено следующими вариантами:

- банк ↔ внешняя общественность (общественные и государственные институты, акционеры, инвесторы, СМИ, потенциальные клиенты, потенциальные сотрудники банка и т.д.);
- банк ↔ внутренняя общественность (сотрудники банка).

Статусно-ролевые характеристики участников банковской деятельности устанавливаются на основе их функциональных признаков в различных сферах коммуникации в рамках данного типа дискурсивной практики. Выражение статусно-ролевых характеристик может быть вербальным и невербальным, прямым и косвенным.

Поликодовость [13] банковского дискурса более всего проявляется в таких речевых жанрах, которые формируют группу расчетно-кассовых документов и широко используют математические формулы, исчисления, графики, диаграммы, чертежи. Поликодовость характерна для PR и рекламного жанров, таких как банковский проспект, рекламная брошюра, плакаты, рекламные флайеры.

Исследования банковского дискурса выявляют гетерогенность его структуры, тем не менее очевидно, что ядром полевой структуры банковского дискурса являются банковские документы, среди которых наиболее значимыми группами представляются банковские договоры и расчетно-кассовые и платежные документы, к которым следует отнести:

- платежные поручения;
- векселя;
- квитанции;
- чеки;
- инкассо.

В группе договоров следует выделить:

- договоры кредитования;
- договоры займа;
- договоры банковского счета и вклада;
- факторинг.

К данной группе документов примыкает также и группа информационно-аналитических и расчетных документов, таких как:

- банковская выписка;
- финансовые отчеты;
- справки.

К группе банковских документов следует также отнести учредительные и правоустанавливающие документы:

- лицензию;
- устав;
- учредительный договор;
- свидетельство о государственной регистрации и иные документы, предусмотренные законодательством страны.

В группе документооборота банковского дискурса следует также выделить документы технического обслуживания и технического сопровождения банковской деятельности.

Сайты банка содержат и информационно-аналитические обзоры. Так, сайт Банка Райффайзен представляет **список последних обзоров по экономике и финансовым рынкам**:

- «Экономический индикатор»;
- «Рынок облигаций»;
- «Банковский сектор»;
- «Инфляция»;
- «Ликвидность»;
- «Валютный рынок»;
- «Бюджетная политика» [11].

Таким образом, банковский дискурс проявляет свойства интердискурсивности в соответствии с принадлежностью финансовому, и более широко, экономическому дискурсу, а также вследствие интегративного взаимодействия с другими разновидностями дискурсивных практик, таких как документооборот, правовой, информационно-аналитический, PR и рекламный дискурс. Вследствие этого полевая структура банковского дискурса представлена широким разнообразием речевых жанров, ядро которых сформировано банковскими документами, а периферия – речевыми жанрами информационно-аналитического, рекламного и PR-дискурса (рис. 3). Разнообразие технологий данных жанров позволяет говорить о широком диапазоне языковых и невербальных средств, т.е. о поликодовости при передаче элементов банковского дискурса.

Анализ специального термина как репрезентанта специального знания начинается с «места в терминологии, с анализа соотношения с системой терминов, это связано с тем, что термин – это главный элемент этой системы» [14: с. 131], или даже несколько шире, с позиций анализа языка науки и

языка для специальных целей. Термин имеет отношение к общему классу лексических единиц и принадлежит к специальной лексике, которая является специфической, вторичной чертой, а эта специфика прежде всего обусловлена соотношением и, в частности, оппозицией с общеупотребительной лексикой [15: с. 198].

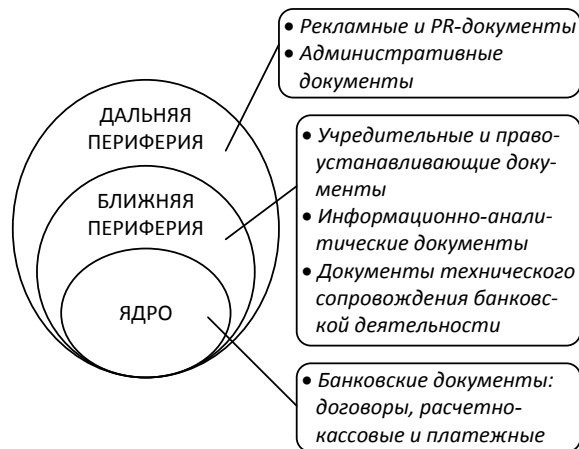

Рис. 3. Полевая структура банковского дискурса: вариативность речевых жанров

Многие банковские термины являются результатом *вторичной номинации*, т.е. получаются путем переосмысления исконных или заимствованных слов, уже существовавших в языке. В.М. Лейчик и С.Д. Шелов описали механизм перехода слова в разряд терминов: «Вначале нередко появляется описательная конструкция или квазитермин, которые впоследствии обычно заменяются термином. Этот период первоначального наименования: часто характеризуется наличием вариантов названий, из которых и делается выбор» [16: с. 28].

В английском языке образование производных терминов происходит с помощью *аффиксов*, которые либо изменяют часть речи термина, либо изменяют его значение (*-er, -or – manager*). Кроме того, в английском языке используются аффиксы, изменяющие значение, не изменяя части речи: *The Borrower, issuer; fixed income; fiduciary*.

Существуют также морфемы, которые занимают место между аффиксом и основой слова. Они характеризуются как *полуаффиксы (bank-wise)*. В ряде случаев для образования сложных слов используются не полнзначные слова, а *наречия и предлоги (-over, -back, -down, -off)*. Термины, образованные путем *сложения основ*, информативны, так как в них в компактной форме содержится большой объем информации.

Большая часть появляющихся новых понятий обозначаются терминосочетаниями, которые при передаче банковской терминологии на другой язык могут представлять собой:

1) словосочетания, в которых смысловая связь между компонентами выражена путем примыкания: *Payment Period* – платежный период, *Pledge Agreement* – договор залога, *Interest Period* – процентный период, *Repayment Schedule* – график погашения, *Bank Card* – банковская карта;

2) словосочетания, компоненты которых оформлены грамматически (с помощью предлога или наличия словоизменительного суффикса): *consolidated profits* – консолидированная прибыль, *Letter of Credit* – аккредитив, *Standing Order* – постоянное поручение, *Blocking of the Card* – блокировка карты.

Многокомпонентное/поликомпонитное терминологическое сочетание может состоять из нескольких смысловых подгрупп, границы таких смысловых подгрупп могут соотноситься:

1) с существительным во множественном числе: *accruals-based measure* – мера, основанная на увеличении капитала;

2) с существительным в притяжательном падеже: *a government's budget deficit* – дефицит государственного бюджета;

3) с наличием однородных компонентов, числительных, относящихся к существительному-ядру:

pay-as-you-earn system (PAYE) – система уплаты налогов с заработной платы.

Терминологические словосочетания родственны свободным словосочетаниям, так как значение их равно сумме значений составляющих их частей. Термины-словосочетания подразделяются на 3 типа:

1) термины-словосочетания, оба компонента которых являются словами специального словаря: *tax rates* – налоговые ставки;

2) термины-словосочетания, в которых, как правило, только один из компонентов является термином, а второй относится к словам общепотребительной лексики:

bridge financing – промежуточное финансирование;

to allow a discount – предоставить скидку;

pledge agreement – договор залога;

surety agreement – договор поручительства;

3) термины-словосочетания, оба компонента которых представляют собой слова общепотребительной лексики, и только сочетание этих слов является термином. Многие из данных терминологических словосочетаний являются реалиями банковского дискурса: *Payment Vacation* – платежные каникулы, **Grace Period** – льготный период, *confirmed template* – подтвержденный шаблон.

Лексические сокращения включают усечения, сложносокращенные слова и аббревиатуры.

В качестве исходных единиц для лексических сокращений могут выступать отдельные слова (корневые, производные и сложные) и словосочетания:

PIC (Personal Identification Code) – ПИК (персональный идентификационный код).

PIN (Personal Identification Number) – ПИН-код (персональный идентификационный номер).

TFWCC (Transfer of Funds Without Client's Consent) – ПДСБСК (перевод денежных средств без согласия клиента);

FOC – free of charge – бесплатно, безвозмездно; *costs – costs of production* – затраты на производство.

Аббревиатура становится термином, когда она достигла такого уровня сложности, при котором она напрямую соотносилась бы с обозначаемым ею понятием и осознавалась носителями языка как полноценная лексическая единица. В этом случае аббревиатуры «приобретают соответствующее фонетико-морфологическое оформление в соответствии с правилами грамматики данного языка» [16]. Иначе говоря, подобная единица склоняется в соответствии с нормами языка и может становиться основой для образования новых слов.

Поликомпонентный/компонитный термин – один из самых распространенных в настоящее время способов словообразования банковской терминологии: *Child Contact Mobile Telephone Number*.

Следует различать термины, возникшие из заимствованных (и освоенных) слов своего языка, и термины, целиком заимствованные из чужих языков и созданные в своем языке из заимствованных элементов.

В банковском дискурсе используется большое количество сопряженных терминов, в частности:

- юридические термины и их аббревиатуры (*Beneficiary* – выгодоприобретатель; *Power of Attorney (POA)* – доверенность);
- технические термины;
- информационно-технологические;
- рекламные и PR.

Таким образом, в результате изучения образования и передачи на другой язык терминов и терминосочетаний в банковском дискурсе выявляются способы их образования, а также создания с помощью вторичной номинации, заимствования, аббревиации, полуаффиксации, присоединения наречий и предлогов, путем сложения основ. Терминологические сочетания классифицируются по способу выражения смысловой связи (примы-

вание/грамматическое оформление), а также в зависимости от принадлежности компонентов к специальной лексике (термин + термин = термин; термин + нетермин = термин; нетермин + нетермин = термин). Поликомпонентные/композиционные термины наряду с аббревиацией представляют собой наиболее распространенные способы образования

терминологических единиц банковского дискурса; причиной данного явления служит непрерывно усложняющаяся банковская деятельность и необходимость оперативной передачи информации в процессе банковской коммуникации в двуязычной коммуникативной среде.

Список источников

1. Александрова О.В., Кубрякова Е.С. *Дискурс // Категоризация мира: время, пространство*. Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1991. С. 3–18.
2. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // *Язык, сознание, коммуникация* : сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Москва : МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–21.
3. Алефиренко Н.Ф. Дискурс в сфере нейрокognитивистики // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. 2016. Вып. 29, № 7. С. 5–12. (Серия: Гуманитарные науки).
4. Карасик В.И. *Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики* : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 1999. С. 5–19.
5. Чернявская В.Е. Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления // *Проблемы экономического дискурса* : сб. науч. ст. Санкт-Петербург, 2001. С. 14–26.
6. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты* : сб. обзоров / РАН ИНИОН. Москва, 2000. С. 7–25.
7. Лейчик В.М. *Терминоведение: Предмет, методы, структура*. Изд. 4-е. Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
8. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // *Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова* / отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. Москва : Языки славянской культуры, 2001. С. 309–323.
9. Герд А.С. *Введение в изучение языков для специальных целей*. Изд. 2-е, доп. и перераб. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2011. 60 с.
10. *Dictionnaire d'analyse du discours* / Charaudeau Patrick, Dominique Maingueneau. Paris : Seuil, 2002. 667 p.
11. Официальный сайт АО «Райффайзенбанк». URL: <https://www.raiffeisen.ru> (дата обращения: 28.12.2021).
12. Спирчагов С.Ю. Социокогнитивное моделирование дискурса «Банковское дело» английского языка // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2010. Т. 12, № 3. С. 207–211.
13. Эйгер Г.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // *Лингвистика текста* : материалы научной конф. МГПИИЯ им. М. Тореза. Москва, 1974. Ч. 1. С. 103–109.
14. Авербух К.Я. *Общая теория термина*. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2004. 252 с.
15. Picht H., Draskau J. *Terminology: An Introduction*. Published in Unesco Alsed-LSP Newsletter Vol. 8 No.2 (21) November 1985. LSP Centre, CBS, Denmark.
16. Лейчик В.М., Шелов С.Д. *Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод*. Ч. 2. Москва : Всесоюзный Центр Переводов, 2000. 80 с.

References

1. Aleksandrova O.V., Kubryakova E.S. Diskurs [Discourse] // *Kategorizaciya mira: vremya, prostrans`tvo*. [World categorization: time, space] Moscow, 1991. P. 3–18. (in Russ.).
2. Krasny`x V.V. Kody` i e`talony` kul`tury` (priglasenie k razgovoru) [Codes and samples of culture (invitation to conversation)] // *Yazy`k, soznanie, kommunikaciya* [Language, mindset, communication] / Ed. by V.V. Krasny`x, A.I. Izotov. Moscow : MAKS Press, 2001. Issue. 19. P. 5–21. (in Russ.).
3. Alefirenko N.F. Diskurs v sfere nejrokognitivistiki [Discourse in the sphere of neurocognitive studies] // *Nauchny`e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: *Gumanitarny`e nauki*. 2016. Vol. 29, № 7. С. 5–12. (in Russ.).
4. Karasik V.I. Religiozny`j diskurs [Religious discourse] // *Yazy`kovaya lichnost` : problemy` lingvokul`turologii i funkcional`noj semantiki* [Linguistic personality: problems of linguacultural and functional semantics]. Volgograd : Peremena, 1999. P. 5–19. (in Russ.).
5. Chernyavskaya V.E. Diskurs i diskursivny`j analiz: tradicii, celi, napravleniya [Discourse and discourse analysis: traditions, goals, directions] // *Problemy` e`konomicheskogo diskursa* [Problems of economic discourse]. St. Petersburg, 2001. P. 14–26. (in Russ.).
6. Kubryakova E.S. O ponyatiyax diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike [On the concepts of discourse and discourse analysis in contemporary linguistics] // *Diskurs, rech`, rechevaya deyatel`nost` : funkcional`ny`e i strukturny`e aspekty* [Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects] / РАН ИНИОН. Moscow, 2000. P. 7–25. (in Russ.).
7. Lejchik V.M. *Terminovedenie: Predmet, metody`, struktura*. [Technical Term Studies]. 4th edn. Moscow : LIBROKOM, 2009. 256 p. (in Russ.).
8. Dem`yankov V.Z. Lingvisticheskaya interpretaciya teksta: Universal`ny`e i nacional`ny`e (idioe`tnicheskie) strategii [Linguistic interpretation of a text. Universal and national (idioethnic) strategies] // *Yazy`k i kul`tura: Fakty` i cennosti: K 70-letiyu Yuriya Sergeevicha Stepanova* / ed. by E.S. Kubryakova, T.E. Yanko. Moscow : Yazy`ki slavjanskoj kul`tury`, 2001. P. 309–323. (in Russ.).

9. Gerd A.S. *Vvedenie v izuchenie yazykov dlya special'ny'x celej*. [Introduction to studying languages for special purpose]. 2nd edn. revised. St. Petersburg : SPbGU, 2011. 60 p. (in Russ.).
10. *Dictionnaire d'analyse du discours* / Patrick Charaudeau, Dominique Maingueneau. Paris : Seuil, 2002. 667 p.
11. Oficial'ny'j sajt AO «Rajffajzenbank» [Raiffeisen Bank official site]: <https://www.raiffeisen.ru> (accessed: 28.12.2021).
12. Spirchagov S. Yu. Sociokognitivnoe modelirovanie diskursa «Bankovskoe delo» anglijskogo yazyka [Sociocognitive modelling of the Bank English Discourse] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2010. Vol. 12, № 3. P. 207–211. (in Russ.).
13. Ejger G.V., Yuxt V.L. K postroeniyu tipologii tekstov [On constructing text typology] // *Lingvistika teksta: materialy nauchnoj konf. MGPIIYa imeni M. Toreza*. Moscow, 1974. Part 1. P. 103–109. (in Russ.).
14. Averbux K.Ya. *Obshhaya teoriya termina* [General theory of the technical term]. Ivanovo : Ivanovskij gos. un-t, 2004. 252 p. (in Russ.).
15. Picht H., Draskau J. *Terminology: An Introduction*. Published in Unesco Alsed-LSP Newsletter Vol. 8 No. 2 (21) November 1985. LSP Centre, CBS, Denmark.
16. Lejchik V.M., Shelov S.D. *Lingvisticheskie problemy terminologii i nauchno-texnicheskij perevod*. [Linguistic problems of terminology and scientific and technological translation]. Part 2. Moscow : Vsesoyuzny'j Centr Perevodov, 2000. 80 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Е.И. Ковалева – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода и коммуникации Института иностранных языков.

Information about the author

E.I. Kovaleva is Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Translation and Communication Studies, Institute of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 19.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 19.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья
УДК 81'255.2:6
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-163-170

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ДОЛГОСРОЧНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЕКТОВ

Татьяна Романовна Шаповалова

Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия, tatiana_sakh@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7738-2145>

Аннотация. В статье исследуются особенности переводческой деятельности в условиях глобализации, стремительного развития информационных и коммуникационных технологий, экономических, культурных и профессиональных контактов. Особое внимание уделяется специфике перевода научно-технических текстов на примере проектной документации, что представляется актуальным в связи с ее широким использованием международными компаниями, ведущими деятельность в России и, в частности, на Дальнем Востоке. Предпринимается попытка выявить основные трудности перевода технических спецификаций, рассмотреть переводческие трансформации, которые может использовать переводчик в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста.

Ключевые слова: научно-технический текст, проектная документация, спецификация, специальная терминология, эквивалентность перевода, адекватность перевода, переводческие трансформации

Original article

TRANSLATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF LONG-TERM INTERNATIONAL PROJECTS

Tatiana R. Shapovalova

Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, tatiana_sakh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7738-2145>

Abstract. The article examines the specifics of translation activity in the context of globalization, rapid development of information and communication technologies, economic, cultural and professional contacts. Much attention is paid to the special issues of scientific and technical texts translation based on project documentation, which seems relevant due to its widespread use by international companies operating in Russia and, especially, in the Far East. The author identifies the major difficulties of translating technical specifications, addresses the translation techniques that a translator can use in cases where there is no dictionary correspondence, or it cannot be used according to the context conditions.

Keywords: scientific and technical text, project documentation, specification, special terminology, translation equivalence, adequacy of translation, translation techniques

В начале XXI в. трансформация информационно-пространства в условиях глобализации, изменение статуса форм речевой коммуникации, меняющиеся коммуникативные потребности общества полностью изменили наше представление о переводе как профессиональной деятельности. В качестве одного из основных направлений исследований перевода сегодня выступает «поиск способов изучения трансформации переводческой деятельности в условиях взаимодействия социальных и технологических контекстов» [1: с. 106].

Как подчеркивает М. О'Хэган, в цифровую эпоху на первый план в качестве объекта исследований выступают не способы автоматизации перевода, а последствия всеобщего перехода в цифровую эпо-

ху, – те новые задачи и новая социальная среда, которые появились благодаря технологиям и которые до сих пор не получили должного освещения [2].

Перевод как междисциплинарное направление сегодня занял центральное место в межъязыковой и межкультурной коммуникативистике (*communication studies / communicology* < лат. *communicatio* 'сообщение, передача') (курсив здесь и далее по тексту мой. – Т.Ш.) – науке, изучающей гуманитарные аспекты коммуникации, развития информационных систем и средств, характер, формы, результаты их воздействия на социум [3].

С появлением принципиально новых коммуникационных форматов перевод все более явно проявляет свою природу как «важный социальный

фактор, несущий на себе печать места, времени, условий своего создания и влияющий на эти место, время и условия» [4: с. 106]. Как подчеркивает И. Гамбье, «парадигме эквивалентности, аналитически пригодной для статических текстов и ограниченных областей применения ... противостоит динамический и меняющийся контент, легко переходящий от одного сценария производства-потребления к другому, трансформируемый в лингвистические версии, культурно адаптированные и релевантные для пользователей, все свободнее владеющих языком технологий» [5: с. 72]. Одним из ключевых механизмов трансформации повседневной реальности в последние десятилетия стали технологии Веб 2.0. Благодаря возможностям онлайн-платформ новый пользовательский контент появляется в сети ежесекундно, при этом часть этого контента представляют собой технические переводы.

В настоящее время термин «*технический перевод*» обозначает перевод научной, научно-технической и технической литературы и документации в конкретной предметной области познания. Современная классификация экономической деятельности наглядно демонстрирует вхождение позиции о научных исследованиях, научно-технических разработках и технической документации в состав конкретной сферы деятельности, например, деятельности в области информатизации и связи, которая включает в себя технические разработки, научные исследования, разработку и описание документации [6].

Переводчик сегодня должен обрабатывать большие объемы профессиональной информации, в которой присутствует большое содержание новизны, часто не обеспеченное доступными справочными материалами, резко повысились объемы доступной специалисту информации, причем эта информация поступает к нему в электронной форме, информация стала иноязычной, большей частью англоязычной. Как справедливо отмечает Е.К. Масловский, сегодня техническому переводчику, выполняющему письменный перевод, «приходится делать свое дело в крайне жестких условиях, ... гарантировать точность интерпретации специальной терминологии (которая часто оказывается новой), самостоятельно продираться сквозь джунгли бесконтактных аббревиатур, иностранных наименований, непонятных единиц измерения» [7].

Сегодня в России и, в частности, на Сахалине утверждаются новые направления стратегического развития топливно-энергетического комплекса на базе освоения и экспорта топливно-энергетических ресурсов. Добыча, переработка нефти и нефтехимических продуктов, строительство и эксплуатация трубопроводов, поставки импортного оборудования на внутренний рынок, внедрение и использование передовых технологий в переработке и транспортировке нефти и нефтепродуктов – вот далеко не полный перечень международных проектов, в которых принимают участие российские компании [8].

Деятельность, осуществляемая при подготовке и реализации данных проектов, охватывает множество различных дисциплин, включая геологию углеводородов, нефтегазовую геологию, гидрогеологию, геофизику, океанографию, акустику, экологию, исследования по утилизации отходов и охране окружающей среды. Для успешного функционирования международных проектов выпускается большое количество проектной документации, и «становится очевидной необходимость структурированного подхода к организации переводческого сопровождения работ» [9: с. 329].

Проектная документация является особым жанром современного научно-технического текста. Это техническая документация, представленная в графической и текстовой форме, используемой при конструировании, изготовлении и эксплуатации промышленных изделий (детали, сборочные единицы, комплексы и комплекты). К проектной документации относятся чертежи деталей, технические описания, инструкции, ведомости, пояснительные записки, спецификации, технические условия, паспорта, формуляры, материальные ведомости, ведомости оснастки и прочие документы.

Важность качественного перевода проектной документации не требует дополнительных аргументов, так как любая ошибка может грозить серьезными последствиями или, как минимум, усложнит работу специалистов, пользующихся переведенным документом. Основные принципы определения качества перевода прописаны в Рекомендациях, сформулированных Союзом переводчиков России [10]. Это принципы динамической эквивалентности и адекватности. В качестве закономерных особенностей технического перевода составители Рекомендаций выделяют: строгость изложения; нейтральность стиля; единство терминологии, принадлежащей данной области знания, однозначность описаний; синтаксическое единообразие однородных фрагментов текста.

Для создания и ведения технической документации «по правилам» существует целый набор различных принятых на государственном уровне стандартов (ГОСТ). Состав проектной документации регламентирован ГОСТ 2.102-68, которым опреде-

лены виды и комплектность проектных документов на изделия всех отраслей промышленности [11]. Технические спецификации могут включать в себя целый спектр технических требований к проектированию, установке, эксплуатации того или иного изделия, а также информацию о проведении технического обслуживания и других работ, относящихся к данному изделию.

Согласно определению, приведенному в Большом энциклопедическом политехническом словаре, понятие «спецификация» имеет довольно широкое значение (позднелат. *specificatio*, от лат. *species* род, вид, разновидность и *facio* делают) и может означать: «выполненный в форме таблицы документ, определяющий состав какого-либо изделия; содержит обозначения составных частей, их наименования и число; в комплекте конструкторской документации – это основной документ, используемый для комплектования изделий, при планировании производства, разработке чертежей, изготовлении деталей, узлов, машин» [12]. Спецификации могут содержать дополнительные условия (цена, упаковка, условия и сроки поставки, реквизиты сторон), могут являться неотъемлемой частью договора поставки либо выступать в роли коммерческого предложения.

В спецификацию могут быть включены целые наборы технических (и иных) условий (ТУ). Во многих словарях самому английскому слову «specification» дается перевод не только «спецификация», но и «технические условия». Они могут содержать не только текст, относящийся к научно-техническому стилю, но и элементы официально-делового стиля, представленные разделами, в которых описываются обязанности сторон (Заказчик, Подрядчик, Поставщик и т.д.).

Сложно говорить об определенной, общей для всех структуре спецификаций. Составители документа главным образом разрабатывают ее сами, а затем при необходимости делают ее типовой для отдельной компании-заказчика. Спецификации часто являются довольно обширными документами, и переводчику сложно выполнить заказ в срок в одиночку. Поэтому в рамках крупных заказов перевод выполняется по частям несколькими специалистами. Однако здесь возникают некоторые сложности, которые в первую очередь связаны с соблюдением единства терминологии.

Трудности перевода спецификаций обусловлены их лексикой, грамматикой и способом изложения материала, «специфическими характеристиками», описанными А.Л. Пумпянским в работе «Введение в практику перевода научной и технической

литературы на английский язык» [13: с. 10] и присущими любому научно-техническому тексту.

Остановимся на данных особенностях более подробно.

1. Лексические особенности перевода спецификаций

Перевод лексики спецификаций, которая главным образом представлена техническими терминами, является основной трудностью для переводчика. Нередко ему требуются дополнительные технические знания, так как один и тот же термин может иметь несколько значений, а непонимание технических процессов или принципов работы того или иного механизма может привести к выбору неправильного варианта перевода термина. Так, например, английское слово *valve* может переводиться не только как «клапан», но и как «золотник», «створка», «лампа», «пистон», «вентиль», «арматура» и т.д., а русское слово «заглушка» – как *cover*, *gag*, *blind*, *plug* и т.д. в зависимости от контекста.

Еще одна проблема, связанная с терминами, заключается в отсутствии словарных соответствий. Большинство терминов спецификаций – это термины, состоящие из двух и более компонентов, представленные атрибутивными словосочетаниями. Компоненты таких словосочетаний соединены с помощью синтаксической (атрибутивной) подчинительной связи.

В спецификациях чаще всего встречаются двухкомпонентные атрибутивные словосочетания, построенные по моделям: Noun + Noun (*pressure relief* – «сброс давления», *sewage disposal* – «удаление сточных вод») или Adj/Participle + Noun (*slurry pump* – «шламовый насос», *sour gas* – «высокосернистый газ») и многокомпонентные, построенные по моделям: Adj/Participle + Adj/Participle + Noun (*initial geometric imperfection* – «изначальный геометрический дефект»), Adj/Participle + Noun + Noun (*general arrangement drawing* – «чертёж общего вида», *static load capacity* – «допустимая статическая нагрузка»), Noun + Noun + Noun (*power generation building* – «электрогенераторная», *pipework distribution system* – «распределительная система сети трубопроводов», *pipe support attachment* – «крепёжный элемент трубной опоры»).

Употребление многокомпонентных атрибутивных словосочетаний позволяет достигнуть максимальной краткости высказывания, однако их перевод представляет определенную трудность, так как требует от переводчика анализа смысловых связей между компонентами. Например, в словосочетании *cold temperature steel* «хладостойкая сталь» прилагательное *cold* определяет существительное

temperature, а не *steel*, т.е. более точно модель можно представить как (Adj+N) + Noun. Количество компонентов таких словосочетаний может быть неограниченным, однако в ходе исследования наиболее длинными словосочетаниями в спецификациях оказались словосочетания, состоящие из 5 компонентов: *Instrument fibre optic junction box* – «соединительная коробка волоконно-оптических измерительных кабелей».

Самым распространенным способом перевода атрибутивных словосочетаний является такая переводческая трансформация, как перестановка. Особенно это касается многокомпонентных атрибутивных словосочетаний. При этом в русском словосочетании используется родительный падеж: *Accident Elimination Plan* – «план ликвидации аварии», *active mud system* – «система рабочего бурового раствора». В спецификациях можно встретить также и атрибутивные словосочетания, перевод которых требует не только перестановки, но и изменения функций его компонентов, т.е. при переводе атрибут становится главным компонентом. Например, *flow rate per unit length* переводится как «расход на единицу длины» (а не «расход на единичную длину»). То же правило относится и к таким словосочетаниям, как *schedule estimate* – «ориентировочный график», *tolerance extremes* – «предельные отклонения», *structural steel* – «стальная конструкция» и т.д.

Широко используется такой прием, как сжатие (сокращение числа компонентов) исходного словосочетания вплоть до единственного компонента. Например, *radial flow compressor* – «турбокомпрессор». Для того чтобы выразить все семантические связи словосочетания, необходим такой прием, как добавление: *power-operated regulator* – «регулятор поддержания постоянного давления». Часто при-

меняется такой прием, как калькирование, при котором полностью, без изменений воспроизводятся все составные части словосочетания. Именно благодаря этому приему в языках существует большое число заимствований, интернациональных понятий и названий, например *free nuclear induction* – «свободная ядерная индукция». При переводе многокомпонентных атрибутивных словосочетаний во многих случаях используется такой прием, как описание, который иногда принимает форму переводческого комментария. Например: *the commercial acid* – «кислота, которая поступает в продажу», *effective temperature difference* – «разность между температурой воздуха в помещении и на выходе из приточного устройства». Помимо терминов в спецификациях также встречается общеупотребительная лексика. Однако даже в этом случае переводчик может столкнуться с трудностями. Несмотря на всю строгость и четкость изложения информации, лексический состав спецификаций может включать в себя межъязыковые омонимы, так называемые «ложные друзья» переводчика. Например, слово *history* в технической литературе необходимо переводить как «зависимость (параметра, величины) от времени». Приведем список слов, отобранных в качестве примера употребления «ложных друзей» в тексте спецификаций (таблица).

В тексте спецификаций можно встретить и слова, значение которых не зафиксировано словарем, т.е. так называемые технические неологизмы. К ним относятся, например, *brassboard* – «экспериментальный образец», *take-off* – «материально-техническое снабжение». Нередко технический неологизм создается по аналогии с имеющимся словом. Так, например, слово *tagout* было образовано по подобию слова *lockout* – «блокировка».

Таблица

Межъязыковые омонимы в тексте спецификаций

Английское слово	Значение в технической литературе	«Ложный друг»
Authority	Полномочный орган	Власть, авторитет
Catastrophic	Очень быстрый	Катастрофический
Commercial	Промышленный, выпускаемый в промышленных целях	Коммерческий
Construction	Строительство	Конструкция
Design	Проектирование	Дизайн
Diagram	Схема	Диаграмма
Factor	Коэффициент	Фактор
Inspection	Проверка, осмотр	Инспекция
Instrument	КИП (контрольно-измерительный прибор)	Инструмент
Operation	Эксплуатация	Операция
Prototype	Образец	Прототип

Блокировка – это надежное отключение всех источников энергоснабжения оборудования с целью ремонта последнего. По соображениям техники безопасности на выключатели вешают таблички (tags), предупреждающие об опасности включения энергоснабжения на ремонтируемом оборудовании. Процедуру установки таких предупредительных табличек и называют *tagout*. В контексте это слово может употребляться следующим образом: *Tagout should be used in conjunction with the lockout procedures. Tag the energy isolating devices after locking out, with a description of the work being done, and the name of the person involved.*

В некоторых спецификациях также могут присутствовать чертежи, перевод которых обычно вызывает определенную трудность. Чертежи, как правило, представляют собой монтажно-технологические схемы; планы расположения электрооборудования и прокладки/ввода кабелей (*electrical power plans*); чертежи систем отопления, вентиляции и кондиционирования воздуха (HVAC); электрические схемы (*electrical diagrams*) и т.д.

Сложность заключается в том, что, перевод чертежей приходится выполнять без какого-либо контекста. Таким образом, переводчик должен очень хорошо представлять себе особенности конструкции того или иного сооружения, описание которого он переводит, и уметь правильно расставлять акценты в языке перевода, изменяя, если необходимо, структуру предложений и включая в них дополнительную информацию.

Одним из наиболее сложных примеров является термин *tank rack*, так как перевод на уровне составляющих его слов невозможен. Первая половина термина (*tank*) должна обозначать «резервуар, бак» или «ёмкость». Что же касается второй половины (*rack*), то здесь всё гораздо сложнее, поскольку это слово можно перевести, например, как «стойка», «стеллаж», «каркас». На самом деле понять, что же такое *tank rack*, можно только имея перед собой генплан объекта, на котором видно, что это «трубопроводная эстакада, идущая от насосной станции к резервуарному парку».

Существует и еще одна проблема, с которой можно столкнуться при переводе чертежей. С целью экономии места многие составители просто зашифровывают или усекают слова. Один из модулей комплекса подготовки нефти называется *Utilities-Air*, дословный перевод которого «*инженерные сети*» – «воздух», что звучит совершенно непонятно. На самом деле его следует переводить как «воздушная компрессорная станция», однако без консультации инженеров к такому варианту

перевода прийти довольно сложно. То же касается слова *motor control center*, которое обычно используется в чертежах в виде аббревиатуры МСС. Правильным вариантом его перевода будет «низковольтное комплектное устройство (НКУ)». Ещё один пример – аббревиатура *P&ID (piping and instrumentation diagram)* – МТС «монтажно-технологическая схема». Существует и ещё один русский вариант этого термина – «схема трубопроводов/трубной обвязки» и «КИП».

Многие слова просто опускаются составителем. Так, например, на плане расположения зданий «Офис электротехнического персонала» обозначен как *Mechanic/electrician*, а «Офис начальника буровой» – *Tool-pusher*. Эквивалентные термины часто предлагаются не переводчиками, а российскими специалистами, для которых делается перевод. Чертежи в целом изобилуют различными сокращениями. В некоторых случаях заказчик, для которого делается перевод, составляет лист с расшифровкой терминов и условных обозначений, так как большинство из них созданы им самим.

2. Грамматические особенности перевода спецификаций

Для максимального приближения перевода к узусу языка перевода и в случае со спецификациями необходимо уделять особое внимание смысловому членению предложений, так как расположение темы и ремы различается в английском и русском языках.

Так, в английском языке подлежащее или субъект суждения обычно является темой (данным), а сказуемое или предикат суждения – ремой (новым, смысловым центром), и располагаются они в соответствии с установленной моделью построения предложений (обстоятельство времени или места – подлежащее – сказуемое – косвенное дополнение – прямое дополнение – обстоятельство образа действия – обстоятельство места – обстоятельство времени), т.е. рема в английском высказывании может занимать разные позиции. А в русском языке рема обычно располагается в конце предложения.

Однако в спецификациях в роли ремы часто выступает подлежащее английского предложения: *A copper water-carrying cooling coil is activated during the freezing of the material.* – «В процессе замораживания материала запускается медный змеевик с охлаждающей водой». При переводе такого предложения приходится производить перестановку членов предложения.

Очевидной синтаксической особенностью спецификаций является широкое употребление простых предложений, однако осложненных различ-

ными оборотами и конструкциями, которые и представляют наибольшую сложность для перевода.

Такие предложения могут быть осложнены инфинитивными оборотами, которые выполняют различные функции: *The steelwork and foundations shall be designed to withstand the following horizontal forces along the longitudinal axis of the exchanger.* – «Стальные конструкции и основания должны быть рассчитаны таким образом, чтобы они могли выдерживать представленные ниже горизонтальные нагрузки вдоль продольной оси теплообменника».

Инфинитив может также выполнять функции определения и переводиться причастным оборотом: *The Principal may also appoint an agent or consultant to act for, and on behalf of, the Principal.* – «Заказчик может также назначить доверенное лицо или консультанта, уполномоченного представлять его интересы и действовать от его имени».

Еще одной особенностью спецификаций является употребление эллиптических конструкций, т.е. конструкций, в которых намеренно пропущен один из членов предложения. В спецификациях они вводятся при помощи союзов *as*, *unless* или местоимений *whichever*, *wherever*. Например:

Applied design load including seismic component will include an importance factor based on the service conditions as noted in the table below. – «Применяемая проектная нагрузка, включая сейсмическую слагающую, должна включать коэффициент важности, соответствующий условиям эксплуатации, как указано ниже в таблице». (Пропущена грамматическая основа «It is» перед *noted*.) *Effects of snow accumulation and drift shall be considered, as given in EN 1991-1-3.* – «Необходимо учитывать последствия накопления снега и снежных заносов, как указано в стандарте EN 1991-1-3».

Из примеров следует, что в случае со спецификациями такие конструкции переводятся с помощью синтаксического уподобления – это такой вид перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в абсолютно аналогичную структуру переводного языка.

Исключением является конструкция *wherever practical/possible*, которая обычно переводится как «по возможности». *Adjacent pile caps / foundations to the same equipment or structure shall be tied together with ground beams wherever practicable.* – «Соседние оголовки/фундаменты свай одного и того же оборудования или конструкции по возможности связываются вместе при помощи фундаментных балок».

Практически в каждом предложении употребляются модальные глаголы *shall* или *to be to* для

выражения долженствования. *Live Load shall be the imposed load on a structure, floor, platform, walkway or stair due to operation or maintenance.* – «В качестве временных нагрузок должны учитываться нагрузки, воздействующие на конструкции, полы, площадки, пешеходные мостики во время эксплуатации или технического обслуживания».

All surfaces of external members are to be capable of being painted properly – «Все поверхности наружных элементов должны быть пригодны для выполнения надлежащей окраски». Однако это довольно необычно, так как во многих учебниках грамматики сказано, что *shall* в значении «должен» употребляется крайне редко и в основном в юридической документации. Во многих из рассмотренных спецификаций составители даже делают пометку: *The word shall indicates a requirement*.

Английский язык, в отличие от русского, является имплицитным и лаконичным, поэтому во многих предложениях спецификаций могут быть опущены «избыточные слова», которые затем переводчику приходится восстанавливать, что требует такой трансформации, как добавление: *Improving lubrication film composition undoubtedly aids the bearing life.* – «Улучшение состава смазочной пленки, несомненно, способствует увеличению долговечности подшипника».

Для спецификаций особо характерно употребление отрицательных конструкций, которые также могут представлять некоторую сложность для перевода, так как в английском языке отрицательная частица вносится в сказуемое, даже если отрицается не действие, а обстоятельство (места, времени). Например, *For lines shielded, such as occurs in rack pipework, then spacing should not be greater than the figures in the table above.* – «Если линии защищены другим трубопроводом, как в случае с трубопроводами на эстакаде, протяженность направляющих должна быть не больше значений, указанных в таблице выше», т.е. фактически приходится прибегать к антонимическому переводу.

Однако если отрицание при обстоятельстве стилистически подчеркивается, то используется отрицательная частица *no*, а обстоятельство выносится в начало предложения (инверсия). *At no point in the contact zone does film thickness of 2 μm exist.* – «Ни в одной точке контактной площадки толщина пленки не равна 2 мкм».

Кроме того, отрицание действия может быть выражено в спецификациях с помощью глаголов, которые ставятся в утвердительной форме, но по смыслу несут в себе отрицание. Такими глаголами служат *prevent*, *fail* и *lack*. Например, *The turbine has*

failed the acceptance test. – «Турбина не прошла приемочное испытание». *They lack certain required details.* – «Они не содержат некоторых необходимых подробностей».

3. Способ изложения материала

Как показывает анализ, главной чертой языка спецификаций является точное и четкое изложение материала при почти полном отсутствии эмоциональных элементов; в них практически исключена возможность произвольного толкования существа вопроса.

В выявлении возможных трудностей для перевода может помочь предпереводческий анализ. Предпереводческий анализ текста дает переводчику возможность понять структуру текста, выделить для себя некоторые ориентиры в переводе, выработать переводческую стратегию, определить различные языковые черты, которые необходимо обязательно передать в переводе, выбрать для себя наиболее подходящие языковые средства, слова и синтаксические структуры.

Заключение

Таким образом, перевод спецификаций представляет собой многоэтапный процесс, состоящий не только из собственно перевода, но и из предварительного сбора данных и согласования требований и переводческой стратегии с заказчиком.

Для точного и правильного перевода проектной документации нужны не только глубокое знание иностранного языка (грамматики, лексики, идиоматики и т.д.), но и конкретные технические знания. Отсутствие единства терминологии, стиля и формы, нечеткие формулировки и ошибки могут стать причиной убытков, исчисляемых сотнями тысяч, а иногда и миллионами долларов. Ошибки в описании технологий и оборудования, от которых непосредственно зависит безопасность, могут стать причиной травм персонала и нанесения материального ущерба.

Становится очевидным, что в рамках международного взаимодействия деятельность переводчика оказывает непосредственное влияние на успех экономических, культурных и профессиональных контактов, а также научного сотрудничества между представителями организаций и профессиональных сообществ.

Тот факт, что эффективность перевода во многом зависит от умения переводчика правильно наладить связь с внешним миром в процессе уточнения данных, консультирования, снятия переводческих трудностей, поиска фоновой информации и постоянного накопления и обмена опытом, выдвигает в ряд актуальных несколько проблем:

1) проблему разработки согласованной проектной терминологии, которая совершенствуется в процессе реализации проекта, а также баз данных по терминологии и прикладных программ, предназначенных для внутреннего использования агентством и/или заказчиком;

2) необходимость экспертной поддержки опытных переводчиков и носителей языка в части редактуры и рецензирования перевода;

3) проблему создания виртуальной переводческой среды с целью формирования информационно-технологических компетенций, предполагающих использование переводческих ресурсов и различных форм коллаборативного взаимодействия во время работы над проектом;

4) проблему подготовки высококвалифицированных специалистов, хорошо знающих предметную область и ее специфическую терминологию, в достаточной мере владеющих иностранным языком, умеющих одновременно пользоваться отраслевыми и толковыми словарями, грамотно излагать свои мысли на языке перевода;

5) проблему ориентации подготовки переводчиков на потребности регионального рынка.

Список источников

1. Краснопеева Е.С. Теоретико-методологические основания исследования пользовательского перевода в новых медиа на примере платформы YouTube // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2017. № 12 (408). С. 106–115.
2. O'Hagan M. Massively open translation: unpacking the relationship between technology and translation in the 21st century // *International Journal of Communication*. 2016. № 10. P. 929–946.
3. *Словарь терминов межкультурной коммуникации* / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедев, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович ; под ред. М.Г. Лебедева и З.Г. Прошиной. Москва : ФЛИНТА : Наука, 2013. 632 с.
4. Тюленев С.В. Что перевод системе? Что ему она? // *Логос*. 2012. № 3 (87). С. 106–130.
5. Гамбие И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // *Вестник С.-Петербург. ун-та*. 2016. Вып. 4. С. 56–74. (Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика).
6. ОК 029–2014 (КДЕС Ред.2) Общероссийский классификатор видов экономической деятельности : утв. приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст : ред. от 26.07.2022. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения: 29.12.2022).
7. Масловский Е.К. Актуальные проблемы научно-технического перевода // *Ассоциация лексикографов Lingvo*. URL: http://www.technarium.ru/tech_trans_problem.htm (дата обращения: 29.12.2022).

8. Шаповалова Т.Р. *Launching into Oil Well Drilling* : учебное пособие по научно-техническому переводу. 2-е изд., испр. и доп. Южно-Сахалинск : СахГУ, 2019. 208 с.
9. Тирдатов И.А. Организация научно-технического перевода при осуществлении долгосрочных международных проектов // *Управление проектами и программами*. 2006. № 4. С. 328–336.
10. Дупленский Н.К. Письменный перевод // *Рекомендации переводчику, заказчику и редактору* / ред. Е.К. Масловский. Москва : Союз переводчиков России, 2015. URL: <http://www.russian-translators.ru/perevodchesky-opit/practika/01/> (дата обращения: 30.12.2022).
11. ГОСТ 2.102-68. Единая система конструкторской документации (ЕСКД). Виды и комплектность конструкторских документов (с Изменениями № 1-8). URL: <https://www.minexp.ru/assets/files/GOST/gost-2-102-68/gost-2-102-68.pdf> / (дата обращения: 30.12.2022).
12. *Большой энциклопедический политехнический словарь* / под ред. А.Ю. Ишлинского. Мультитрэйд, 2004. URL: <https://rus-big-polyteh-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 30.12.2022).
13. Пумпянский А.Л. *Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык*. Москва : Наука, 1965. 304 с.

References

1. Krasnoperova E.S. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya issledovaniya pol'zovatel'skogo perevoda v novy`h media na primere platformy` YouTube // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 12 (408). P. 106–115. (In Russ.).
2. O'Hagan M. Massively open translation: unpacking the relationship between technology and translation in the 21st century // *International Journal of Communication*. 2016. No. 10. P. 929–946.
3. *Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii [Dictionary of Intercultural Communication Terms]* / I.N. Zhukova, M.G. Lebed'ko, Z.G. Proshina, N.G. Yuzefovich ; ed. by M.G. Lebed'ko i Z.G. Proshina. Moscow : Flinta : Nauka, 2013. 632 p. (In Russ.).
4. Tyulenev S.V. Chto perevod sisteme? Chto emu ona // *LOGOS*. 2012. Is. 3 (87). P. 106–130. (In Russ.).
5. Gambier Y. Translation and Translation Studies at the Crossroads of Digital Communications // *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*. 2016. Issue 4. P. 56–74. (In Russ.).
6. ОК 029–2014 (KDES Red.2) Obshherossijskij klassifikator vidov e`konomicheskoy deyatel`nosti" (utv. Prikazom Rosstandarta ot 31.01.2014 № 14-st) (of 26.07.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (accessed: 30.12.2022). (In Russ.).
7. Maslovskij E.K. Aktual`ny`e problemy` nauchno-tehnicheskogo perevoda. URL: http://www.technarium.ru/tech_trans_problem.htm (accessed: 30.12.2022). (In Russ.).
8. Shapovalova T.R. *Launching into Oil Well Drilling* : uchebnoe posobie po nauchno-tehnicheskomu perevodu. 2nd edn., revised. Yuzhno-Sakhalinsk : SakhGU, 2019. 208 p.
9. Tirdatov I.A. Organizaciya nauchno-tehnicheskogo perevoda pri osushhestvlenii dolgosrochny`h mezhdunarodny`h proektov // *Upravlenie projektami i programmami*. 2006. Issue 4. P. 328–336. (In Russ.).
10. Duplenskij N.K. Pis`menny`j perevod // *Rekomendacii perevodchiku, zakazchiku i redaktoru* / Ed. by E.K. Maslovskij. Soyuz perevodchikov Rossii, Moscow, 2015. URL: <http://www.russian-translators.ru/perevodchesky-opit/practika/01/> (accessed: 30.12.2022). (In Russ.).
11. ГОСТ 2.102-68. Edinaya sistema konstruktorskoj dokumentacii (ESKD). Vidy` i komplektnost` konstruktorskih dokumentov (s Izmeneniyami № 1-8). URL: <https://www.minexp.ru/assets/files/GOST/gost-2-102-68/gost-2-102-68.pdf> / (accessed: 30.12.2022). (In Russ.).
12. *Bol'shoj e`nciklopedicheskij politexnicheskij slovar` [Big Encyclopedic Polytechnical Dictionary]* / Ed. by A.Yu Ishlinskiy. Mul'titre`jd, 2004. URL: <https://rus-big-polyteh-dict.slovaronline.com/> (accessed: 30.12.2022). (In Russ.).
13. Pumpyanskiy A.L. *Vvedenie v praktiku perevoda nauchnoj i tekhnicheskoy literatury` na anglijskij yazyk [Introduction to translation into English of scientific and technological literature]*. Moscow : Nauka, 1965. 304 p.

Информация об авторе

Т.Р. Шаповалова – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранного языка и страноведения.

Information about the author

T.R. Shapovalova – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Department of Foreign Language and Country Studies.

Статья поступила в редакцию 03.12.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023. The article was submitted 03.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья
УДК 378.14:81'25
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-171-178

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОВ
В ТЕКСТАХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СТИЛЯ РЕЧИ
(НА ПРИМЕРЕ ПОДЪЯЗЫКОВ «АРХИТЕКТУРА» И «ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА»)**

Людмила Филипповна Маринич¹, Жанна Ивановна Прыткова²

^{1,2}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹luedmilafm35@inbox.ru

²prytand@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется значение лингвокультурологической компетентности для понимания, корректной интерпретации и адекватного перевода терминологической лексики и культурно значимых компонентов текста в контексте дисциплины «Иностранный язык в профессиональной сфере». Исследование выполнено на основе терминосистем подъязыков «Архитектура» и «Электроэнергетика».

Ключевые слова: междисциплинарность лингвистики перевода, научно-технический стиль речи, подъязыки «Архитектура» и «Электроэнергетика», лингвокультурологический аспект перевода

Original article

**LINGUACULTURAL APPROACH TO TRANSLATING SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL TERMINOLOGY
(WITH SPECIAL REFERENCE TO SUBLANGUAGES OF ARCHITECTURE AND POWER ENGINEERING)**

Lyudmila Ph. Marinich¹, Zhanna I. Prytkova²

^{1,2}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹luedmilafm35@inbox.ru

²prytand@rambler.ru

Abstract. The article deals with the significance of linguacultural awareness for comprehension, proper interpretation and adequate translation of professional terms and culturally significant text constituents within the framework of the discipline “English for Specific Purposes”. The research is based on the analysis of the terminology of the sublanguages “Architecture” and “Power Engineering”.

Keywords: interdisciplinarity of linguistics of translation, the scientific and technological style of speech, sublanguages “Architecture” and “Power Engineering”, linguacultural aspect of translation

Перевод... мучительный, изнурительный, раздражающий и приводящий в отчаяние труд. Труд обогащающий, нужный людям, требующий самоотрешенности, скромности, честности, скромности ... и, конечно, таланта.

Эльза Триоле

Введение

Перевод как особая деятельность существует с древнейших времен. Торговля, межгосударственные отношения, культурные, научные и религиозные контакты были немислимы без перевода. Перевод – это важное вспомогательное средство, которое обеспечивает выполнение языком его функции, когда люди общаются на разных языках. Таким образом, справедливо трактовать перевод как акт межъязыковой коммуникации [1].

Серьезное изучение перевода и возникновение лингвистики перевода произошло лишь в XX в. Лингвистика перевода, занимающаяся теоретическим осмыслением процесса перевода, включает в себя несколько направлений, среди которых выделяются теория перевода, анализ перевода, методика обучения переводу. Теория перевода стала объектом пристального изучения таких видных лингвистов, как Л.С. Бархударов, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, И.И. Ревзин, Я.И. Рецкер,

В.Ю. Розенцвейг, А.В. Федоров, М.Я. Цвиллинг, А.Д. Швейцер, Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне, О. Каде, Дж. Кэтфорд и др.

Теория перевода является междисциплинарной наукой и связана с литературоведением, когнитивными науками, культурной антропологией, страноведением [2]. В 1980-е гг. идея междисциплинарного подхода к переводу была обоснована Ю. Найдой. Он считал, что все подходы к переводу – филологический, лингвистический, коммуникативный, социосемиотический – в равной степени приемлемы, так как освещают разные его аспекты [3].

Междисциплинарность теории перевода и ее практическое использование указывают на то, что перевод есть сложное когнитивное явление. Из прикладной лингвистической науки он превратился в область знания с многовекторным подходом к решению переводческих задач. Более того, перевод расширил свои границы, вышел за пределы изучения системных явлений в языке, обратился к речи, порождение и восприятие которой обусловлены не только лингвистическими, но и культурными, социальными, психологическими и эстетическими факторами [4].

Перевод с одного языка на другой, человек использует не только языковые способности, но и обширные экстралингвистические познания о мире, обществе, культуре, истории, традициях, о ситуациях, в которых был создан оригинальный текст и в которых будет восприниматься его перевод. Теория перевода – это современная динамичная наука с новыми идеями и подходами.

Объект исследования – терминологическая лексика подязыков *Architecture* и *Power Engineering*, используемая в аутентичных текстах для студентов по дисциплине *English for Specific Purposes*.

Предмет исследования – переводческие приемы и трансформации, характерные для передачи терминологических единиц с учетом их лингвокультурологического наполнения.

Цель работы – показать важность лингвокультурологического знания для корректного понимания и адекватного перевода специальных терминов и культурно значимых компонентов научно-технического стиля речи.

Перевод в контексте профессионально-ориентированного обучения иностранному языку в техническом вузе

Теория перевода рассматривает понятие «перевод» в трех аспектах. Во-первых, это деятельность переводчика. Во-вторых, это процесс, в результате которого речь на одном языке (Source Language) преобразуется в речь на другом языке (Target Lan-

guage). В-третьих, это результат процесса перевода. В современном обществе переводческая деятельность является не только объектом и предметом исследования профессионалов, но и важной составляющей образовательного процесса по иностранному языку в техническом вузе.

Дисциплина *English for Specific Purposes* ориентирована на будущую профессиональную деятельность инженеров. Межпредметные связи дисциплины формируются благодаря таким факторам, как использование общих методологических приемов преподавания и учет междисциплинарного подхода при составлении учебных пособий по иностранному языку. Таким образом, деятельность студентов, оставаясь познавательной по форме, становится профессионально-ориентированной по содержанию [5].

Иностранный язык необходим будущим инженерам для ведения научно-исследовательской деятельности: знакомства с зарубежными источниками информации, подготовки обзоров журналов и аннотаций, публикации статей в зарубежных изданиях. Объединяющим элементом всех этих видов деятельности является перевод, выполняющий важную роль в процессах накопления, сбережения знаний и обмена ими.

Задача-максимум переводчика – достижение адекватности. Адекватным считается такой перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном уровне эквивалентности, без нарушения норм переводящего языка, при соблюдении жанрово-стилистических требований к текстам данного типа и соответствии общественно-признанной конвенциональной норме перевода [6]. Адекватный перевод – это воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка [7].

Адекватный перевод невозможен без учета стилистики текста. Функциональный стиль языка – это «общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» [8: с. 73].

В техническом вузе основное внимание сосредоточено на работе с текстами научно-технического стиля речи, который представлен такими речевыми жанрами, как научная монография, статья, диссертация, учебник, справочная, энциклопедиче-

ская и научно-популярная литература, аннотация, реферат, доклад, лекция.

Язык научно-технического стиля речи

Язык научно-технического стиля использует лексику и грамматический строй общенационального языка. Основными стилевыми чертами научно-технических текстов являются: логичность и строгая последовательность изложения, информативность, точность, объективность, ясность и понятность формулировок, четкая связь между основной идеей и деталями, формально-коллективный способ изложения, наличие терминологической лексики [6; 9–14].

Терминология – ядро научного стиля, воплощение его основного свойства, наиболее существенный признак языка науки. Слова и словосочетания, обозначающие определённые понятия какой-либо области знания, образуют специфические кластеры. Сложная природа термина отражена в его определениях. Одни определения раскрывают цель создания данной языковой единицы. Термин – это слово или словосочетание специального научного или технического языка для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [15–17].

Другие определения указывают на форму и способы образования термина. Термин – это не просто слово или словосочетание, а единица какого-либо естественного или искусственного языка (слово, словосочетание, аббревиатура, символ, сочетание слова и буквенных или цифровых символов), обладающая в результате особой сознательной договоренности специальным терминологическим значением, которое может быть выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде [10].

Термин (от лат. *Terminus* предел, граница) – это слово или устойчивое словосочетание, которое имеет строго определенное значение в той или иной отрасли науки и техники, входит в систему понятий этой отрасли [18] и имеет следующие свойства:

- однозначность, строгую и точную дефиницию в пределах одной науки;
- стилистическую нейтральность, отсутствие экспрессивности;
- системность, подчиненность правилам логической классификации, определяющей место термина в системе понятий данной области знаний;
- точность и краткость, недопустимость противоречивости;
- независимость значения от контекста [19].

Общие черты научно-технического стиля речи по-разному проявляются в текстах, относящихся к различным сферам знания. Это объясняется различием предмета изучения, круга понятий, методов исследования, что неизбежно приводит к различиям в дискурсе. Например, тексты по математике, физике, электроэнергетике строгие, лаконичные и «сухие» по стилю изложения, часто содержат дефиниции, формулы и сокращения.

Сокращения – общепотребительные, общетехнические, специальные – являются одним из наиболее трудных для перевода элементов технических текстов. Полное понимание аббревиатур возможно при условии глубокого погружения в предмет. Примеры общетехнических сокращений: *OHE*: *overhead line equipment*, *EMPU*: *electric motive power units*, *EA*: *electric apparatuses*, *TS*: *technical specifications*.

При переводе многозначных сокращений особенно важна «выявляющая» роль контекста, так как некоторые сокращения имеют несколько значений, а контекст позволяет установить точное значение сокращения в конкретном случае.

1. *Five years ago, Brecknell Willis (BW) placed on the market the Highreach pantograph. This was based on an efficient boxframe structure, giving high structural stiffness for a much lower mass than more usual multi-tube designs. The Highreach as such was not suitable for British Rail's experimental programme (BR), but a collaborative agreement was reached between BR and Brecknell Willis under which the basic concept would be developed. The agreement resulted in the production BR-BW Highspeed pantograph, which proved ideal for experimental purposes. The latter prototype and the knowledge gained from BR's studies led to the development of pantograph for service use, which has excellent performance potential.*

2. *Traction power is single-phase a.c. at 25 kV 50 Hz. Simple catenary is to be tensioned automatically and supported on hinged cantilevers, which will permit longitudinal movement as the wires expand or contract. Between Plaza Construction and Temperly (Argentina Railways), where traffic will be heavy and frequent, contact wire is to be 135-mm² hard-copper to give adequate current-carrying capacity. Elsewhere, 110 mm² will be sufficient. Prestressed concrete masts will be used in most locations [20].*

В первом примере для полного понимания содержания текста студентам необходимо обратиться к лингвокультурологическим реалиям: 1. *Brecknell Willis (BW) – Henry Brecknell and Sons, British company, began operating in 1854. In 1894, it moved into electrification. Since 1938, it has been in Chard, when*

known as Brecknell, Willis & Co. Ltd. 2. It has supplied shoe gear and conductor rail systems, as well as pantographs (Low reach pantograph, High reach pantograph and High speed Pantograph) to the rail industry.

Во втором примере речь идет о технических характеристиках системы электрификации железных дорог Аргентины на участке между *Plaza Construction* и *Temperly*: переменный ток напряжением 25кВ, частотой 50 Гц. Приведены размеры сечения контактного провода на отдельных участках электрифицированных линий – 135 и 110 мм².

Тексты по строительству, дизайну, архитектуре – это, как правило, подробные повествования и развернутые описания, в которых культура и история цивилизаций являются полноправным, если не главным «действующим лицом». Это делает текст эмоционально окрашенным, сближает изложение со стилем художественной литературы, накладывает отпечаток на сложность и глубину понимания текста, выбор стратегии и тактики перевода.

1. *Before the rise of Classical Greece and Rome, architecture was rather somber and mysterious. Only with the geometrical perfection of Greek temples and amphitheaters, with the impeccable mastery of Roman builders of superb bridges and magnificent palaces, beautiful villas and grand basilicas architecture offered a harmonious connection between the humankind and Gods, the everyday and the spiritual, the art of building and the magical beauty of nature.*

2. *Gothic architecture is one of the glories of European civilization. It was a brave attempt to rise up to Heaven and to touch the face of God. Great cathedrals owed as much to the grand vision of their brilliant architects as to the hands of their skilled masons. High above stone vaults of ship-like structures, and often out of the vision of the human eye, there were stone-carved angels and demons, the work of talented artisans for whom nothing was impossible. Gothic was a true symphony of stone and glass orchestrated by a talented master mason and his skillful assistants.*

3. *Although the stage was provided by Greece and Rome, the leading parts in the Neo-Classical drama were played by foreign actors. As it sometimes happens in history, one country sets the model for the development of architecture at a particular moment of time. Undoubtedly, it was Britain's moment. England was the first European country, where the new style achieved the greatest elegance. Notable buildings were created in Scotland, especially in Edinburgh, which was named the "Athens of the North". Young British talents of the new style were guided by the amateur-architect Lord Burlington, their practical bibles being "I Quattro Libri dell' Architettura" by Andrea Palladio and "Vitruvius Britannicus" by Colen Campbell [21].*

Невозможно адекватно и со знанием исторического и культурного контекста перевести последний фрагмент, если переводчик не имеет представления, о какой сцене (*stage*), каких актерах (*actors*) и о какой пьесе (*Neo-Classical drama*) идет речь, кто такие молодые британские таланты (*young British talents*), почему ими руководит архитектор-любитель, кого и почему называли британским Витрувием (*Vitruvius Britannicus*), почему именно Эдинбург заслужил сравнение с Афинами, почему трактаты Андреа Палладио и Колена Кэмпбелла стали настольными книгами британских архитекторов эпохи неоклассицизма. Подобные примеры пронизывают все тексты подъязыка «Архитектура», поэтому без солидного багажа лингвокультурологических и фоновых знаний переводчику не обойтись.

Лексика научно-технического стиля речи

Лексический состав научно-технического стиля включает терминологическую, общенаучную и общеупотребительную лексику.

Терминологическая лексика – это слой лексики общенационального языка, употребление которой ограничено определенной отраслью деятельности, научного или технического знания.

Общенаучная лексика объединяет общенаучные, общетехнические термины, специальную лексику, книжные слова, касающиеся многих наук. Общенаучные термины называют класс однородных предметов и выражают общие научные понятия: *analysis, equation, research, calculation, method*.

Специальная лексика включает всевозможные производные от терминов слова для описания связей и отношений между терминологически обозначенными понятиями и объектами: *applied to* (применительно к напряжению), а также ряд общеупотребительных слов, используемых в строго определенных сочетаниях: *above mentioned, in conformity, as compared with*. Такая лексика не фиксируется в терминологических словарях, ее значения не задаются научными определениями, но она не менее характерна для научно-технического стиля, чем термины.

Книжные слова – это заимствованные, иногда не полностью ассимилированные слова, имеющие в нейтральном стиле более простые синонимы: *phenomenon, maximum, automation*.

Общеупотребительная лексика составляет основу изложения научно-технического стиля, благодаря ей язык науки и техники сохраняет связь с общелитературным языком. Доля общеупотребительной лексики уменьшается в работах, предназначенных для специалистов, и возрастает в литературе, обращенной к широкой аудитории.

Структурные принципы образования терминов
 В контексте данной статьи важно отметить общие и отличительные черты терминосистем подъязыков “Architecture” и “Power Engineering”. С точки зрения морфологических норм в рамках обоих

подъязыков прослеживается использование сходных терминообразующих моделей как в классе термины-слова, так и в классе термины-словосочетания. Рассмотрим структурные принципы образования терминов (таблица).

Таблица

Структурные принципы образования терминов

Term-Forming Patterns			
I. Термины-слова (word-terms) по своему строению могут быть простыми, производными, составными			
1. Простые термины (<i>simple terms</i>): непроизводные, корневые термины, которые являются неразложимыми и не имеют приставок и суффиксов			
<i>Power Engineering</i>		<i>Architecture</i>	
<i>circuit</i>	цепь, контур, схема	<i>architect</i>	архитектор
<i>volt</i>	вольт	<i>nave</i>	главный неф
<i>wind</i>	обматывать	<i>truss</i>	стропильная ферма
2. Производные термины (<i>derived terms</i>): аффиксальные термины, которые имеют аффиксы, т.е. приставки или суффиксы, или то и другое			
<i>Power Engineering</i>		<i>Architecture</i>	
<i>abnormal</i>	аномальный	<i>architecture</i>	архитектура
<i>circuitry</i>	электрическая схема	<i>trussing</i>	сквозная ферма
<i>voltage</i>	напряжение	<i>reinforcement</i>	усиление
<i>winding</i>	обмотка	<i>renovation</i>	обновление
<i>regeneration</i>	регенерация	<i>prestressing</i>	преднапряжение
3. Составные термины (<i>compound terms</i>): сложные термины, образованные из двух или более основ			
<i>Power Engineering</i>		<i>Architecture</i>	
<i>airgap</i>	воздушный зазор	<i>Neo-Classicism</i>	неоклассицизм
<i>high-tension</i>	высоковольтный	<i>Polychromy</i>	многоцветность
<i>multiple-unit</i>	многосекционный	<i>cross-domed</i>	крестовокупольный
<i>voltmeter</i>	вольтметр	<i>skyscraper</i>	небоскреб
II. Термины-словосочетания (word-combination terms) по своему строению могут быть двухсловными, трехсловными и многословными			
<i>Power Engineering</i>		<i>Architecture</i>	
<i>single conductor</i>	одиночный провод	<i>pointed arch</i>	стрельчатая арка
<i>single-phase motor</i>	однофазный двигатель	<i>Piano Nobile</i>	главный этаж итальянского палаццо
<i>single-phase alternating current</i>	однофазный переменный ток	<i>Art Nouveau style</i>	стиль архитектуры Ар-Нуво
Связь между словами внутри многословного или многокомпонентного термина обычно выражается двумя способами:			
а) смысловая связь между компонентами выражена путем примыкания			
<i>Power Engineering</i>		<i>Architecture</i>	
<i>locomotive driver</i>	машинист локомотива	<i>lancet window</i>	стрельчатое окно
<i>line voltage</i>	линейное напряжение	<i>blind arcade</i>	глухая аркада
<i>thyristor switch</i>	тиристорный выключатель	<i>Golden section</i>	золотое сечение
б) смысловая связь между компонентами выражена грамматически с помощью предлога или окончания			
<i>Power Engineering</i>		<i>Architecture</i>	
<i>step-by-step switch</i>	шаговое реле	<i>cast-in-place prefabricated concrete units</i>	сборные бетонные конструкции заводского изготовления
<i>line-to-neutral voltage</i>	фазное напряжение	<i>hip-and-valley roof</i>	крыша сложной формы
<i>rate of voltage rise</i>	скорость нарастания напряжения	<i>steel-and-glass architecture</i>	архитектура стекла и стали

Характерной чертой научно-технического стиля является использование большого количества терминов-латинизмов и слов греческого происхождения, заимствованных через латинский язык. Приведем несколько примеров на букву “а”: *abacus, acanthus, amphitheater, apse, aqueduct, arcade, architrave, atrium*. Такие термины переводятся с помощью приемов транскрибирования или транслитерации, так как не имеют лексического эквивалента в русском языке.

Многие термины, особенно подъязыка “*Architecture*”, требуют перевода при помощи описания значения или пояснений в виде примечаний. Это, как правило, терминология, знакомая узкому кругу специалистов. В учебном пособии каждый подобный термин снабжен дефиницией для понимания его значения в контексте архитектурного стиля и исторической эпохи. Например, *Arabesque – an intricate decoration made up of geometrical patterns, flowers and leaves of plants and trees, typical of Arabian and Moorish architecture* (арабеска, Мавританский стиль); *Clerestory – a storey of a church above the aisles with tall mosaic windows* (клеристорий, верхний световой ярус нефа с витражными окнами); *Entablature – a section of a Doric order above columns made up of an architrave, frieze, and cornice* (антаблемент); *Geodesic dome – a self-supporting structure that increases in strength as it increases in size, invented by the US architect Buckminster Fuller (1895–1983)* (геодезический купол); *Megaron – a rectangular building composed of a portico and a central hall with columns, a prototype of a Greek temple* (мегарон); *Peripteral – a Greek temple surrounded by a single colonnade* (периптер); *Tympanum – a triangular inner space of a pediment, often ornamented with relief sculpture* (тимпан) [21].

Переводческая работа с текстами научно-технического стиля речи вызывает неизменный интерес у студентов, расширяет спектр специальных знаний и формирует культурную личность. Лингвокультурологические знания формируют компетен-

ции, необходимые будущему инженеру, а иностранный язык становится важным каналом получения информации и способствует формированию системного мышления.

Выводы

Лингвистическая теория перевода является активно развивающейся наукой. Наряду с традиционными системными исследованиями в рамках общей и частных теорий перевода в центре внимания оказываются лингвистические явления, составляющие предмет изучения специальной теории перевода. Она анализирует особенности процесса перевода текстов разных стилей и жанров, исследует влияние лингвистических, культурных, социальных и эстетических факторов на характер перевода.

Модель профессионально-ориентированного обучения *English for Specific Purposes* в техническом вузе требует междисциплинарного подхода как к отбору учебного материала, так и к обучению студентов основам переводческой деятельности. Ее цель – достижение адекватности перевода путем воссоздания единства содержания и формы подлинника средствами переводящего языка.

Важным аспектом изучения иностранного языка является владение терминологической лексикой по широкому и узкому профилю специальности. Терминология подъязиков “*Architecture*” и “*Power Engineering*” представляет собой сложные системы, для которых характерны принятые в профессиональном дискурсе структурно-языковые модели образования и правила перевода. Термин является носителем и хранителем научно-технического знания и ценной лингвокультурологической информации. Учет такой информации требует обращения к специальным словарям и энциклопедиям, использования обширных фоновых знаний. Лингвокультурологический компонент – это важный элемент когнитивно-информационной структуры, в которой сконцентрированы профессиональные и общечеловеческие знания, накопленные людьми за весь период своего развития.

Список источников

1. Швейцер А.Д. *Перевод и лингвистика*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : URSS: ЛЕНАНД, 2018. 278 с.
2. Миньяр-Белоручев Р.К. *Теория и методы перевода*. Москва : Московский Лицей, 1996. 208 с.
3. De Waard J., Nida E.A. *From one language to another. Functional Equivalence in Bible Translating*. Nashville : Thomas Nelson Inc., 1st edn, 1986. 224 p.
4. Швейцер А.Д. Междисциплинарный статус теории перевода // *Тетради переводчика* / под ред. проф. С.Ф. Гончаренко. Вып. 24. Москва, 1999. С. 20–31.
5. Попова Н.В. *Профессионально-ориентированный учебник по иностранному языку нового поколения: междисциплинарный подход*. Санкт-Петербург : Изд-во Политехнического ун-та, 2011. 330 с.
6. Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва : Высшая школа, 1990. 253 с.
7. Миньяр-Белоручев Р.К. *Общая теория и устный перевод*. Москва : Воениздат, 1980. 237 с.

8. Виноградов В.С. *Вопросы языкознания*. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1955. 167 с.
9. Айзенкоп С.М., Багдасарова Л.В., Васина Н.С. *Научно-технический перевод*. Ростов-на-Дону : Феникс, 2003. 344 с.
10. Глушко М.М. *Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования*. Москва : Изд-во МГУ, 1974. 197 с.
11. Клименко А.В. *Ремесло перевода: практический курс*. Москва : АСТ : Восток – Запад, 2007. 636 с.
12. Пумпянский А.Л. *Чтение и перевод английской научно-технической литературы (лексика, грамматика, фонетика, упражнения)*. Минск : Попурри, 1997. 608 с.
13. Разинкина Н.М. *Функциональная стилистика (на материале английского и русского языков)*. Москва : Высшая школа, 2004. 272 с.
14. Семенова М.Ю. *Основы перевода текста*. Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. 344 с.
15. Головин Б.Н. *Роль терминологии в научном и учебном общении. Термин и слово*. Москва : Изд-во ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 2000. 127 с.
16. Гореликова С.Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке // *Вестник Оренбург. ГУ*. 2002. № 6. С. 129–136.
17. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва : Либроком, 2013. 569 с.
18. Пронина Р.Ф. *Пособие по переводу английской научно-технической литературы*. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва : Высшая школа, 1986. 175 с.
19. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // *Вопросы терминологии* (Материалы Всесоюзного терминологического совещания). Москва : Изд-во АН СССР, 1959. С. 46–54.
20. Маринич Л.Ф. *Английский язык в сфере профессиональной коммуникации. Guide to Professional English* : учебное пособие. В 3 ч. Ч. 3. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2019. 168 с.
21. Прыткова Ж.И. *История архитектуры (Architecture: a Great Story about a Great Subject)*. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2010. 215 с.

References

1. Shvejcer A.D. *Perevod i lingvistika* [Translation and linguistics]. 2nd edn, revised. Moscow : URSS: LENAND, 2018. 278 p.
2. Min`yar-Beloruhev R.K. *Teoriya i metody` perevoda* [Theory and methods of translation]. Moscow : Moskovskij Licej, 1996. 208 p.
3. De Waard J., Nida E.A. *From one language to another. Functional Equivalence in Bible Translating*. Nashville : Thomas Nelson Inc., 1st edn, 1986. 224 p.
4. Shvejcer A.D. Mezhdisciplinarny`j status teorii perevoda [Interdisciplinary status of Translation Studies] // *Tetradj perevodchika* / Ed. by S.F. Goncharenko. Issue 24. Moscow, 1999. P. 20–31.
5. Popova N.V. *Professional`no-orientirovanny`j uchebnyk po inostrannomuazy`ku novogo pokoleniya: mezhdisciplinarny`j podxod* [A new generation professionally-oriented textbook in a foreign language: interdisciplinary approach]. St. Petersburg : Izd-vo Politehnicheskogo universiteta, 2011. 330 p.
6. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty`)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow : Vy`sshaya shkola, 1990. 253 p.
7. Min`yar-Beloruhev R.K. *Obshhaya teoriya i ustny`j perevod* [General theory of translation and oral interpretation]. Moscow : Voenizdat, 1980. 237 p.
8. Vinogradov V.S. *Voprosy`azy`koznaniya* [Linguistic issues]. Moscow : Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1955. 167 p.
9. Ajzenkop S.M., Bagdasarova L.V., Vasina N.S. *Nauchno-texnicheskij perevod* [Scientific and technological translation]. Rostov-na-Donu : Feniks, 2003. 344 p.
10. Glushko M.M. *Funkcional`ny`j stil` obshhestvennogoazy`ka i metody` ego issledovaniya* [Functional style of community language and methods of its study]. Moscow : Izd-vo MGU, 1974. 197 p.
11. Klimenko A.V. *Remeslo perevoda: prakticheskij kurs* [Translation skills]. Moscow : AST: Vostok – Zapad, 2007. 636 s.
12. Pumpjanskij A.L. *Chtenie i perevod anglijskoj nauchno-texnicheskoj literatury` (leksika, grammatika, fonetika, upravneniya)* [Reading and translating English scientific and technological works (lexis, grammar, phonetics, exercises)]. Minsk : Popurri, 1997. 608 p.
13. Razinkina N.M. *Funkcional`naya stilistika (na materiale anglijskogo i russkogoazy`kov)* [Functional stylistics (based on English and Russian texts)]. Moscow : Vy`sshaya shkola, 2004. 272 p.
14. Semenova M.Yu. *Osnovy` perevoda teksta* [Basic of text translation]. Rostov-na-Donu : Feniks, 2009. 344 p.
15. Golovin B.N. *Rol` terminologii v nauchnom i uchebnom obshhenii. Termin i slovo* [The role of terminology in scientific and academic communication]. Moscow : N.I. Lobachevskiy University, 2000. 127 p.
16. Gorelikova S.N. Priroda termina i nekotory`e osobennosti termi-noobrazovaniya v anglijskomazy`ke [Nature of the term and some features of term coinage in English] // *Vestnik OGU*. 2002. № 6. P. 129–136.
17. Axmanova O.S. *Slovar` lingvisticheskix terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : Librokom, 2013. 569 p.
18. Pronina R.F. *Posobie po perevodu anglijskoj nauchno-texnicheskoj literatury`*. 3rd edn, revised. Moscow : Vy`sshaya shkola. 1986. 175 p.
19. Reformatskij A.A. Chto takoe termin i terminologiya [What is a term or terminology] // *Voprosy` terminologii* (Materialy` Vsesoyuznogo terminologicheskogo soveshaniya). Moscow : Izd-vo AN SSSR, 1959. P. 46–54.

20. Marinich L.F. *Anglijskij yazyk v sfere professional'noj kommunikacii. [Guide to Professional English]: Ucheb. posobie.* 3 parts. Part. 3. Xabarovsk : Izd-vo DVGUPS, 2019. 168 p.

21. Prytkova Zh. I. *Istoriya arxitektury` [Architecture: a Great Story about a Great Subject].* Xabarovsk : Izd-vo DVGUPS, 2010. 215 p.

Информация об авторах

Л.Ф. Маринич – доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация»;
Ж.И. Прыткова – доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация».

Information about the authors

L.Ph. Marinich is Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication;
Zh.I. Prytkova is Associate Professor, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 21.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья
УДК 811.111'253:347
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-179-185

О СТРАТЕГИЯХ И ТАКТИКАХ СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДА

Станислав Витальевич Стародубов

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, starodubov_stas96@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются терминологические особенности понятий «стратегия» и «тактика», анализируются дефиниции «стратегия перевода» и «тактика перевода». Постулируется, что судебный перевод является разновидностью перевода в социальной сфере, приводятся основные характеристики социального перевода. Кроме того, рассматриваются особенности коммуникативной ситуации судебного перевода и впервые представлены стратегии и тактики осуществления перевода на судебных заседаниях.

Ключевые слова: стратегия, тактика, стратегия перевода, тактика перевода

Original article

STRATEGIES AND TACTICS OF COURT INTERPRETING

Stanislav V. Starodubov

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, starodubov_stas96@mail.ru

Abstract. The article discusses the terminological features of the concepts of "strategy" and "tactics", analyzes various definitions of "translation strategy" and "translation tactics". It is postulated that court interpreting is a kind of community interpreting; the main characteristics of community interpreting are highlighted. The features of the communicative situation of court interpreting are considered, and, finally, strategies and tactics for the implementation of translation at court hearings are presented for the first time.

Keywords: strategy, tactics, translation strategy, translation tactics

Стратегии и тактики перевода – понятия, относительно содержания которых мы не наблюдаем единства в переводоведческом сообществе. Иногда они подвергаются неоправданному смешению, неправильному толкованию, что, безусловно, ещё больше затрудняет их разграничение, поскольку нередко термины «стратегия перевода» и «тактика перевода» используются как взаимозаменяемые понятия. Для того чтобы разобраться в сущности этих понятий, нам необходимо обратиться к определениям «стратегия» и «тактика» как таковым.

«Большой толковый словарь русского языка» [1: с. 1277] предлагает следующие определения понятия «стратегия»: «1. Высшая область военного искусства – ведение крупных военных операций и войны в целом. С. молниеносного удара. Вопросы стратегии и тактики. Разрабатывать стратегию сражения. С. партизанской войны. Наука о ведении войны. Курс стратегии. Лекции по стратегии. Следовать заповедям стратегии. Азы стратегии. 2. Искусство руководства общественной, политической борьбой с целью достижения практических результатов. С. оппозиционной парламентской

партии. С. президентских выборов. 3. Искусство планирования какой-л. деятельности (экономической, научной и т.п.) на длительную перспективу. С. научного поиска. 4. Общий план спортивной игры, последовательно реализуемый в ходе этой игры. С. шахматной игры».

Из приведенных выше определений стратегии можно сделать следующие выводы:

1) слово «стратегия» было заимствовано переводоведами из военной терминологии военного искусства, о чем свидетельствуют первые определения этого понятия;

2) можно выделить общий, глобальный характер понятия «стратегия» в противовес конкретике и частным моментам, более характерным для понятия «тактика».

В литературе предлагались различные варианты определения понятия стратегии перевода. Ниже будут приведены некоторые из них.

Н.К. Гарбовский пишет, что стратегия перевода – это генеральная линия поведения переводчика. Кроме того, под стратегией автор понимает определенную «деформацию» исходного текста. Смысл

такой «деформации» состоит в том, что переводчик принимает решение относительно отдельных смысловых компонентов: что можно оставить, а что необходимо убрать [2: с. 508]. Ульрих Кауц считает, что стратегия перевода – это целенаправленное когнитивное поведение, более или менее осознанный план решения конкретных переводческих проблем [3: с. 66]. В.Н. Комиссаров пишет, что стратегия – это «своеобразное переводческое мышление, которое лежит в основе действий переводчика» [4: с. 356].

Можно привести и менее удачные дефиниции. Например, Х. Крингс утверждает, что переводческая стратегия – это план, потенциально осознаваемый самим переводчиком, который направлен на решение конкретной переводческой проблемы в рамках конкретной переводческой задачи [5: с. 18]. Определение Крингса противоречит общему определению стратегии. Здесь он размышляет о тактике, нежели о стратегии, поскольку в его дефиниции содержится указание на «конкретную переводческую проблему» и «конкретную переводческую задачу».

Более удачную формулировку предлагает Д.Н. Шлепнев: «Стратегия – это избираемая переводчиком общая программа, общая установка или набор установок по реализации перевода данного текста в соответствии с определенной целью в определенной ситуации – видение того, как должна осуществляться работа в целом» [6: с. 163].

Мы можем предложить наше определение понятия «стратегия перевода» на основе дефиниции, представленной В.В. Сдобниковым [7: с. 135]: стратегия перевода – это генеральный план деятельности переводчика по осуществлению собственно перевода определенного текста в определенной коммуникативной ситуации и в соответствии с определенной целью. Стратегия – это общее представление переводчика, его образ мышления относительно того, как надлежит переводить в данной конкретной ситуации.

Теперь представим различные определения понятия «тактика перевода», но начнем мы опять-таки с определений понятия «тактика», представленных в словарях.

В толковом словаре Т.Ф. Ефремовой содержится следующее определение понятия «тактика»: «ТАКТИКА 1. ж. 1) а) Искусство подготовки и ведения боя как составная часть военного искусства. б) Подготовка и ведение боевых операций. 2) Приемы и способы борьбы в спорте, в спортивных играх. 3) перен. Совокупность приемов и средств общественной и политической борьбы при достижении поставленной цели. 2. ж. 1) Совокупность приемов

и средств в достижении кем-л. своей намеченной цели. 2) Линия чье-л. поведения» [8].

Обратимся к определению, которое содержится в «Советском энциклопедическом словаре»: «Составная часть военного искусства, включающая теорию и практику подготовки и ведения боя соединениями, частями (кораблями) и подразделениями различных видов вооруженных сил, родов войск (сил флота) и специальных войск на суше, в воздухе и на море. Тактика занимает подчиненное положение по отношению к оперативному искусству и стратегии» (курсив мой. – С.С.) [9: с. 1312].

Иными словами, тактика всегда занимает подчиненное положение по отношению к стратегии. Стратегия, в свою очередь, реализуется посредством комплексного набора тактик, причем совокупность тактик, при помощи которых осуществляется стратегия, не является разрозненной, а представляет собой единое целое.

Д. Жиль и И. Гамбье считают, что понятие «тактика перевода» непосредственным образом связано с определенными проблемами, с которыми сталкивается переводчик [10: с. 417; 11: с. 14, 263].

Д.Н. Шлепнев считает, что тактика перевода – «установка переводчика по решению конкретной данной проблемы в данном тексте (сегменте текста)» [6: с. 166–167]. По мнению автора, тактики реализуются посредством конкретных приемов (техник) перевода, которые нацелены на решение конкретных проблем в данном конкретном тексте. Наконец, приведем определение тактики перевода, предложенное В.В. Сдобниковым (с которым мы согласны): «системно организованная совокупность переводческих операций, используемых для решения определенной задачи с учетом избранной стратегии перевода» [7: с. 144].

Следует подчеркнуть, что мы считаем судебный перевод *особым видом перевода в социальной сфере*, или социального перевода (англоязычные термины: community interpreting, public service interpreting). Как одна из разновидностей перевода в социальной сфере судебный перевод обладает следующими особенностями, которые, надо заметить, отличают его и от так называемого конференц-перевода [7].

1. Перевод в сугубо официальной обстановке.

Официальность, «серьезность» обстановки оказывает дополнительное морально-психологическое давление на переводчика, что несколько усложняет процесс осуществления перевода. Кроме того, официальная обстановка способствует определенной регламентации участия каждого из коммуникантов в судебном процессе. Это касается и межкультур-

ных медиаторов, или «брокеров» [12: с. 2] – самих судебных переводчиков, что выразилось в появлении кодексов судебного перевода в США и ряде других западных стран (см., например, *The Court Interpreter's Code of Ethics* [13]).

2. Неодинаковые статусы коммуникантов.

В ситуации социального перевода существует разница в статусах коммуникантов, поскольку один из коммуникантов является представителем государственной организации (учреждения), в то время как иноязычный коммуникант таковым не является и, следовательно, обладает совершенно иным статусом. Другими словами, один из коммуникантов обладает более высоким статусом и находится в более «выигрышном положении», что определяется занимаемой им должностью, а также принадлежностью к культуре языкового большинства [14: с. 45].

3. Один из коммуникантов вынужденно оказался в ситуации социального перевода.

Ситуация конференц-перевода предполагает добровольный, свободный характер участия коммуникантов. Ситуация социального перевода, напротив, характеризуется вынужденным характером участия коммуникантов, в особенности, иноязычных коммуникантов. Это могут быть беженцы, пациенты в больницах или, к примеру, свидетель, обвиняемый, если мы конкретно говорим о ситуации судебного перевода.

4. Один из коммуникантов является непрофессионалом в той сфере, в которой он вынужденно оказался.

Равенство статусов коммуникантов в ситуации конференц-перевода проявляется не только в том, что они равны с точки зрения своих социальных статусов. Есть еще один момент: коммуниканты (например, участники конференции) обладают приблизительно равным объемом знаний в какой-либо предметной области. В ситуации социального перевода ситуация иная: пациент не обладает таким запасом медицинских знаний и компетенций, каким обладает врач, подсудимый, который как бы случайно оказался в ситуации судебного процесса, не обладает таким объемом юридических знаний, которыми обладают прокурор или судья.

Кроме того, судебный перевод необходимо считать именно особым видом перевода в социальной сфере, поскольку, несмотря на сходство судебного и социального видов перевода, на наш взгляд, существуют отличительные характеристики судебного перевода.

1. Особый вид дискурса.

Особый характер дискурса судебного перевода определяется многоаспектностью рассматриваемых

в рамках судебных заседаний задач. Переводчик, осуществляя перевод на судебном заседании, прибегает не только к лингвистическим знаниям, использует навыки перевода, а также задействует знания из разных областей. Подобное требование проистекает из необходимости переводить результаты различных видов экспертиз (лингвистической, экономической, медицинской, биологической и т.д.).

Следующий параметр – это межкультурный характер коммуникации в формате судебного заседания. Поскольку перевод – это всегда взаимодействие различных культур, переводчик выступает в роли «универсального эксперта по вопросам межкультурной медиации» [15: с. 29].

Еще одна особенность – определенная «традиция» осуществления устного перевода в рамках судебного разбирательства. Она во многом определяется предпочтениями судей, а также особенностями конкретной страны. Например, в Австрии судебным переводчикам разрешается переводить самое основное, когда необходимо осуществить перевод экспертного заключения или текста обвинения. Схожий подход применяется и в ситуации коммуницирования между судьей и подсудимым – если последний излишне многословен или говорит очень сбивчиво либо косноязычно, переводчику дозволяется переводить только самую суть того, что было сказано подсудимым [16: с. 73].

2. Биполярный характер коммуникации, осуществляемой по оси «конфронтация – сотрудничество».

Судебное заседание характеризуется изначально существующей конфронтационностью, поскольку есть сторона обвинения, есть сторона защиты, и каждая из этих сторон пытается склонить суд на свою сторону с тем, чтобы добиться наиболее отвечающего их интересам решения судьи. Переводчик не в силах преодолеть подобную конфронтационность. Задача его сводится к налаживанию и поддержанию коммуникации в условиях состязательности и конфронтации.

3. Необходимость формирования единой предметной действительности в сознании коммуникантов.

Участники судебного заседания характеризуются разным уровнем фоновых знаний, разными социальными статусами, культурной принадлежностью. В этих условиях переводчик выступает в роли «архитектора» или «скульптора» представлений коммуникантов о том, что происходит в рамках судебного заседания, причем переводчик стремится к формированию единых представлений у коммуникантов о ходе судебного процесса. Это важно для того, чтобы минимизировать вероятность коммуникативных сбоев, обеспечить полноту и транс-

парентность восприятия информации участниками судебного заседания.

4. Расширительный перевод в отношении иноязычного коммуниканта и более краткий, «сухой» в отношении судьи.

Мы считаем, что переводчик вправе вносить какие-либо дополнения и пояснения в ходе перевода для иноязычного коммуниканта, если переводчик считает, что подсудимый или другой участник судебного процесса, не владеющий языком судопроизводства, может что-либо не понять, не уловить терминологических тонкостей, культурных особенностей и т.д. Здесь уместно было бы сказать о тактике симплификации, однако мы сделаем это ниже.

5. Особый статус судебного переводчика.

Целесообразно разделить статус судебного переводчика на формальный и фактический. С формальной точки зрения переводчика можно отнести к иным участникам судебного процесса, выполняющим вспомогательные функции [17: с. 23]. Фактически же переводчик выполняет отнюдь не второстепенную функцию в ходе судебного заседания. Во-первых, на это указывает полярное восприятие самой фигуры судебного переводчика: судьи могут воспринимать переводчика как «необходимое зло», но подсудимый, напротив, иногда склонен связывать определенные надежды с работой переводчика, поскольку воспринимает переводчика как своего языкового и культурного ассистента или амбассадора. Во-вторых, переводчик занимает нейтральную позицию, не ассоциируя себя ни с судьей, ни со стороной обвинения, ни со стороной защиты. Все это указывает на особую роль судебного переводчика.

Наконец, обозначим конкретные стратегии и тактики осуществления судебного перевода.

Мы считаем, что в ходе осуществления судебного перевода используется *стратегия амбивалентного перевода*.

Стратегия амбивалентного перевода. Перевод в ходе судебного заседания – явление неоднозначное. С одной стороны, судьи и юридическое сообщество в целом требуют от переводчика полного и точного перевода сказанного, т.е. буквального перевода. Юристы, скорее всего, являются дилетантами в переводческом деле, а потому думают, что слепое копирование формы оригинала непременно приведет к появлению узуального, «удобоваримого» и связного перевода, только такой перевод будет «правильным». С другой стороны, переводчик нередко ощущает необходимость отступления от оригинала, с тем чтобы осуществить такой перевод, который не будет нарушать норм

переводного языка. Получается некая двойственность: точный перевод – трансформированный перевод. Переводчик стремится учесть эти противоположности в рамках стратегии амбивалентного (двойственного) перевода. Как их учесть? Вероятно, переводчик должен стремиться к максимально близкому следованию оригиналу (в смысле его формы, а также информационного наполнения), но, в то же время, не должен добиваться буквального перевода. Там, где механический «перенос» формы оригинала в язык перевода невозможен, переводчик должен быть наделен правом делать определенные отступления, осуществлять внесение корректировок, стилистически адаптировать текст, как и в случае выполнения перевода в социальной сфере. Важно отметить и основное отличие стратегии амбивалентного перевода от стратегии коммуникативно-равноценного перевода (которая способна обеспечивать коммуникативное воздействие на получателя перевода в соответствии с ожиданиями автора оригинала): не всегда перевод приводит к порождению функционального аналога того, что было сказано на исходном языке. Это может происходить из-за несовпадения интенции автора оригинала и коммуникативного эффекта, который оказывает текст перевода на получателя. Здесь уместно привести в качестве примера ситуацию, которая показывает, что переводчик должен уметь балансировать между точным и трансформационным переводом. Например, в одном из судов ФРГ рассматривалось дело о нарушении миграционного законодательства. Англоговорящий подсудимый называл одного из свидетелей по делу словом «brother», а переводчик упорно переводил это слово как «брат». В дальнейшем, однако, выяснилось, что подсудимый и свидетель родственниками не являются, причем на выяснение этого вопроса ушло немало времени. Подсудимый же имел в виду, что свидетель является его приятелем [18: с. 18].

Реализация стратегии амбивалентного перевода в ходе судебного заседания осуществляется посредством следующих тактик:

- *тактики максимально близкого следования оригиналу.* Переводчик стремится к полной и точной передаче информации. Это некий ориентир для переводчика. Та информация, которая может показаться нерелевантной для переводчика, может оказаться весьма важной для остальных участников судебного процесса. Следовательно, это такой страховочный механизм, предохраняющий от переводческого субъективизма. Тем не менее там, где точная передача сказанного невозможна из-за

различий в системах, структурах, узусах, конвенциях двух языков, допускается применять переводческие трансформации. В этом сущность генеральной стратегии амбивалентного перевода – знать, когда необходим точный, буквальный перевод, а когда можно вносить пояснения, комментарии, стилистически и прагматически адаптировать текст и т.д. Иными словами, речь здесь может идти не только о модификации формы в соответствии с нормами и узусом переводящего языка, но и о некоторой модификации содержания;

- *тактики культурной адаптации.* Один из коммуникантов является не только представителем языкового меньшинства, но также представителем другой культуры. Именно поэтому перевод фигурально можно обозначить как «столкновение культур». Не случайно исследователи предлагают билингвально-бикультуральную модель участия переводчика в ситуации судебного перевода (см., например, [19: с. 69–70]). Переводчик должен обладать соответствующими межъязыковыми и межкультурными компетенциями, знать о региональных вариантах языка (диалектах), различиях невербального свойства, возможно, разном отношении коммуникантов к понятию времени, разных формах личных обращений, а также иных особенностях [20: с. 140];

- *тактики симплификации.* Применяется при переводе реплик судьи в адрес подсудимого. Согласно «канонам» перевода в социальной сфере подсудимый – это, скорее всего, лицо, являющееся непрофессионалом в данной сфере, а также случайно в ней оказавшееся. Переводчик оказывает помощь представителю языкового меньшинства или иноязычному коммуниканту, в данном случае – подсудимому. Здесь переводчик отходит от постулатов точного перевода. Переводчики поясняют термины, упрощают сложные для восприятия формулировки, особенно когда переводчику кажется, что подсудимый может что-либо не понять. Например: «Abnehmer (customers) = people who want to buy it» («клиенты – люди, которые хотят купить это») [16: с. 74];

- *тактики организации взаимодействия с судьей.* Судья – это, бесспорно, главная фигура судебного заседания. Во многом успешная коммуникация в ходе судебного процесса будет зависеть от продуктивного взаимодействия переводчика и судьи. С одной стороны, переводчик выполняет просьбы судьи, если таковые имеются. С другой, переводчик вправе вносить свои пояснения и комментарии при переводе для судьи, если ощущает в этом необходимость. Судьи иногда демонстрируют

нетерпение, когда необходимо до конца дослушать перевод того, что было сказано иноязычным коммуникантом, нередко прерывают переводчика. В одной из таких ситуаций переводчик сделал замечание судье: «Ich muss noch den vorherigen Satz übersetzen!» («Мне все еще нужно закончить перевод предыдущего предложения!») [16: с. 74];

- *тактики периодической смены ролей.* Переводчик, как актер, меняет маски и роли. Иногда он берет на себя роль судьи, иногда – «квазиадвоката» подсудимого. Или, например, роль врача, когда дело доходит до озвучивания результатов судебно-медицинских экспертиз. В своей деятельности переводчик задействует знания из разных областей, обладает знаниями юридического, экономического, политического, медицинского характера. Ниже приведен фрагмент заключения судебно-психиатрической экспертизы, перевод которого был бы затруднителен без наличия специальных знаний и понимания того, какие формулировки-клише используются для передачи такой информации:

The psychopathological status: the state of consciousness is clear, reduced vigilance and lucidity, orientation of time, place, self and Situation is given. The thought process is organized, self-awareness disorders are not present, no loss of reality, no evidence of hallucinations (=false perceptions) and delusions, no pathological obsessive-compulsive disorders and phobias. No acute suicidal tendencies [16: с. 76].

Психопатологический статус: в ясном сознании, критика к своему состоянию несколько снижена, правильно ориентирован(-а) в собственной личности, времени, месте. Нарушений мышления и самосознания не отмечается, нет деперсонализационно-дереализационных расстройств, нет острой психопродуктивной симптоматики, галлюцинаторно-бредовых расстройств не продуцирует. Фобий и патологических обсессивно-компульсивных расстройств не отмечается. Суицидальные мысли отрицает (перевод автора. – С.С.).

Таким образом, проанализировав основные определения понятий «стратегия перевода» и «тактика перевода», рассмотрев некоторые особенности перевода в судебном процессе, мы пришли к выводу о том, что в ходе осуществления судебного перевода используется стратегия амбивалентного перевода. В свою очередь, стратегия амбивалентного перевода реализуется посредством совокупности тактик: тактики максимально близкого следования оригиналу, тактики культурной адаптации, тактики симплификации, тактики организации взаимодействия с судьей, тактики периодической смены ролей.

Список источников

1. *Большой толковый словарь* / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. 1536 с.
2. Гарбовский Н.К. *Теория перевода*. Москва : Изд-во Московского университета, 2004. 544 с.
3. Kautz U. *Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens*. Goethe Institut. München : Iudicium. 2002. 643 p.
4. Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва : Высшая школа, 1990. 253 с.
5. Krings H.P. *Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern*. Tübingen : Narr, 1986. 570 S.
6. Шлепнев Д.Н. Стратегия перевода и параметры стратегических решений // *Перспективы науки и образования*. 2018. № 5 (35). С. 161–170.
7. Сдобников В.В. *Перевод и коммуникативная ситуация* : монография. Москва : ФЛИНТА : Наука, 2015. 464 с.
8. *Толковый словарь Ефремовой* // OnlineDic.net. Словари онлайн. 2019. URL: <https://onlinedic.net/efremova/page/word106297.php> (дата обращения: 18.01.2023).
9. *Советский энциклопедический словарь* / Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров (пред.), М.С. Гиляров, Е.М. Жуков и др. Москва : Советская энциклопедия, 1980. 1600 с.
10. Gambier Y. Translation strategies and tactics // *Handbook of Translation Studies*, Vol. 1 / edited by Yves Gambier, Luc van Doorslaer. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins, 2010. P. 412–418.
11. Gile D. *Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training*. Revised edition. Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins, 2009. 283 p.
12. Bar-Tzur D. *Integrating the interpreting service models*. 1999. URL: www.theinterpretersfriend.com/misc/models.html (accessed: 18.01.2023).
13. *The Court Interpreter's Code of Ethics*. URL: chrome-extension: <https://www.aciaonline.org/Ethics> (accessed: 18.01.2023).
14. Roy C.B. *Interpreting as a Discourse Process*. New York, Oxford : Oxford University Press, 2000. 141 p.
15. Kadric M. *Dolmetschen bei Gericht*. Erwartungen – Anforderungen – Kompetenzen. Wien : facult, 2009. 255 S.
16. Nartowska K. *Court Interpreter: Lawyer, Psychiatrist, Director or Actor?* Universität Wien, Zentrum für Translationswissenschaft, 2014. P. 69–79.
17. Обидина Л.Б., Обидин Е.А. *Участие переводчика в доказывании по уголовным делам* : монография / Министерство образования и науки Российской Федерации, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород : ННГУ, 2018. 162 с.
18. Вальтер Х. Переводчик на судопроизводстве: солдат между двух огней // *Rossica Olomucensia*. Vol. LIII *Casopis pro ruskou a slovanskou filologii*. Num. 1. Olomouc. 2014. С. 17–24.
19. Lebesse S. J. Formulation of court interpreting models: A South African perspective // *Stellenbosch Papers in Linguistics*. 2015. Vol. 44. P. 61–80.
20. Cokely D. *Interpretation: Towards a social model*. Burtonsville, MD : Linstok Press, 1992. 205 p.

References

1. *Bol'shoy' tolkovy'j slovar`* [Big explanatory dictionary] / Ed. by S.A. Kuznecov. St. Petersburg : Norint, 2000. 1536 p.
2. Garbovskij N. K. *Teoriya perevoda*. [The theory of translation]. Moscow : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2004. 544 p.
3. Kautz U. *Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens*. Goethe Institut. München : Iudicium. 2002. 643 S.
4. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)*. [The theory of translation (linguistic aspects)] Moscow : Vysshaya shkola, 1990. 253 p.
5. Krings H.P. *Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht: Eine empirische Untersuchung zur Struktur des Übersetzungsprozesses an fortgeschrittenen Französischlernern*. Tübingen : Narr, 1986. 570 S.
6. Shlepnev D. N. Strategiya perevoda i parametry` strategicheskix reshenij [Translation strategy and parameters of strategic decisions] // *Perspektivy` nauki i obrazovaniya*. 2018. № 5 (35). P. 161–170.
7. Sdobnikov V. V. *Perevod i kommunikativnaya situaciya : monografiya* [Translation and communicative situation: monograph] Moscow : FLINTA : Nauka, 2015. 464 s.
8. *Tolkovy'j slovar` Efremovoj* [Efremova's explanatory dictionary]. // OnlineDic.net. Slovarei onlajn. 2019. URL: <https://onlinedic.net/efremova/page/word106297.php> (accessed: 18.01.2023).
9. *Sovetskij e`nciklopedicheskij slovar`* [Soviet encyclopedic dictionary] / Nauchno-redakcionny`j sovet: A.M. Proxorov (pred.), M.S. Gilyarov, E.M. Zhukov i dr. Moscow : Sovetskaya e`nciklopediya, 1980. 1600 p.
10. Gambier Y. Translation strategies and tactics // *Handbook of Translation Studies*, Vol. 1 / edited by Yves Gambier, Luc van Doorslaer. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins, 2010. P. 412–418.
11. Gile D. *Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training*. Revised edition. Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins, 2009. 283 p.
12. Bar-Tzur D. *Integrating the interpreting service models*. 1999. URL: www.theinterpretersfriend.com/misc/models.html (accessed: 18.01.2023).
13. *The Court Interpreter's Code of Ethics*. URL: chrome-extension: <https://www.aciaonline.org/Ethics> (accessed: 18.01.2023).
14. Roy C.B. *Interpreting as a Discourse Process*. New York, Oxford : Oxford University Press, 2000. 141 p.
15. Kadric M. *Dolmetschen bei Gericht*. Erwartungen – Anforderungen – Kompetenzen. Wien : facult, 2009. 255 S.
16. Nartowska K. *Court Interpreter: Lawyer, Psychiatrist, Director or Actor?* Universität Wien, Zentrum für Translationswissenschaft, 2014. P. 69–79.

17. Obidina L.B., Obidin E.A. *Uchastie perevodchika v dokazyvanii po ugovolny`m delam: monografiya* [Participation of an interpreter in proving in criminal cases: monograph] / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii, Nacional`ny`j issledovatel`skij Nizhegorodskij gosudarstvenny`j universitet im. N. I. Lobachevskogo. Nizhnij Novgorod : NNGU, 2018. 162 p.

18. Val`ter X. *Perevodchik na sudoproizvodstve: soldat mezhdv dvux ognj* [Court interpreter: a soldier between two fires] // *Rossica Olomucensia*. Vol. LIII *Sasopis pro ruskou a slovanskou filologii*. Num. 1. Olomouc. 2014. P. 17–24.

19. Lebes S.J. Formulation of court interpreting models: A South African perspective // *Stellenbosch Papers in Linguistics*. 2015. Vol. 44. P. 61–80.

20. Cokely D. *Interpretation: Towards a social model*. Burtonsville, MD : Linstok Press, 1992. 205 p.

Информация об авторе

С.В. Стародубов – аспирант, ассистент кафедры теории и практики английского языка и перевода.

Information about the author

S.V. Starodubov is a post-graduate student, teaching assistant; Department of Theory and Practice of the English Language, Translation and Interpreting.

Статья поступила в редакцию 05.11.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 05.11.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 811.11-12

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-186-194

СИНОНИМЫ КАК СРЕДСТВО ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Светлана Михайловна Пак¹, Янина Александровна Павлова²

¹Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск, Россия, pak_sm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6729-3130>

²Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия, yanina.pavlova2022@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1155-7456>

Аннотация. В статье исследуется процесс формирования персуазивности в русско- и англоязычном судебном дискурсе посредством лексических синонимов. В качестве практического материала исследования были выбраны заключительные речи Ф.Н. Плевако и К.С. Дэрроу, рассматриваемые в сопоставительном аспекте. Синонимические группы формируются знаменитыми адвокатами в соответствии с тематическими полями, обусловленными соответствующими национально-культурными ценностями. Делается вывод о потенциале синонимов не только как ресурса красноречия, но и как когнитивного механизма убеждения. Данный объект исследования может иметь значение для успешной работы судебных переводчиков.

Ключевые слова: судебный дискурс, синоним, персуазивность, культурная ценность, интенция, контекст

Original article

SYNONYMS AS THE MEANS OF PERSUASIVENESS FROM LINGUO-CULTURAL PERSPECTIVE IN THE RUSSIAN AND ENGLISH JUDICIAL DISCOURSE

Svetlana M. Pak¹, Yanina A. Pavlova²

¹Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia, pak_sm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6729-3130>

²Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia, yanina.pavlova2022@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1155-7456>

Abstract. The article deals with the process of forming persuasive arguments by means of lexical synonyms in the Russian and English judicial discourse. F.N. Plevako and K.S. Darrow's closing arguments were chosen as practical material of the research viewed from linguacultural perspective. Synonymous groups are formed by the famous lawyers in accordance with the rhematic domains preconditioned by the corresponding national cultural values. The conclusion is drawn about the synonyms' potential not only as the oratory resource but also as the cognitive mechanism of persuasion. This subject matter is of paramount importance for court interpreters.

Keywords: judicial discourse, synonym, persuasiveness, cultural value, intention, context

Введение

Изучение синонимов является перспективным с точки зрения культуры речи [1]. Правильность и точность человеческой речи, семантическая и стилистическая уместность лексем являются важными условиями эффективности дискурса и полноценного взаимодействия его участников. Посредством синонимов можно правильно и полно отразить окружающую реальность, выразить смысл и осознать метасмысл дискурса.

Синонимия представляет собой особый род семантических отношений между языковыми единицами, чьи значения совпадают, в той или иной сте-

пени. Этот вид отношений возникает на всех уровнях языка, но в данном случае наше внимание сосредоточено на лексических синонимах (ЛС) как совпадающих по своему референту и части речи словах с близким лексическим значением.

К функциям ЛС относятся конкретизация (чтобы более полно раскрыть суть объекта, предмета или явления) и замещение (чтобы избежать тавтологии или пояснить некое специфическое понятие). С их помощью автор реализует свои интенции в дискурсе: сообщение информации, конкретизация, пояснение и др. Одновременно автор воздействует на эмоционально-психическое состояние реципиен-

тов, побуждая к тому или иному действию, меняя их мировоззрение. Это воздействие часто обозначается термином «персуазивность» [2: с.7].

В настоящем исследовании внимание сосредоточено на ЛС как одном из средств персуазивности (или убедительности) судебного дискурса (СД) в кросс-культурном аспекте.

СД обозначает один из видов юридического дискурса, реализуемого в зале судебного заседания в устной и письменной форме. Его главная цель – урегулирование правового конфликта в рамках норм правосудия, нравственности и этики. Эти нормы зафиксированы в текстовом формате и формируют жанровое пространство СД. В качестве материала исследования выбран жанр заключительной речи адвоката – текстовый материал, заранее подготовленный для устного воспроизведения в судебных прениях.

Заключительная речь адвоката является примером ораторского искусства. Её содержание носит оценочный характер, имеет нравственно-правовую направленность, объективность, аргументацию и доказательность. В совокупности эти составляющие имеют решающее значение в речи, обеспечивая реализацию цели защитника: убедить судей в верности толкования защитником фактов по делу и активно способствовать формированию внутреннего убеждения в справедливости предлагаемого решения.

Речь адвоката – как в русско-, так и в англоязычном судебном дискурсе, – структурирована в античной традиции: предисловие, изложение, способ убеждения, заключение. Аристотель придает особое значение предисловию и изложению: в первой части оратор обозначает предмет речи (введение или краткое освещение главного вопроса), а во второй приводится доказательство предмета (последовательное и логичное обоснование варианта решения этого вопроса, предлагаемого оратором) [3: с. 319].

В настоящем исследовании проведен анализ реализации персуазивности посредством заключительных речей Ф.Н. Плевако и К.С. Дэрроу. Оба дела связаны с обвинением в убийстве, адвокаты пытались убедить суд проявить снисхождение к убийцам; в обоих случаях виновность обвиняемых была доказана, а бессмысленность и аффективность преступлений – очевидна. Оба адвоката – талантливые юристы, тонкие психологи, мастерски владевшие словом. Исследовательская задача заключается в поиске ответа на вопрос: чем обеспечивается персуазивность каждой речи, ориентированной на русских и американских присяжных? Ответ на этот вопрос может оказаться важным для судебных переводчиков.

Поскольку объектом анализа являются семантически близкие слова, в работе отбираются единицы, синонимичность которых обусловлена либо совпадением элементов семантической структуры, либо контекстуальной аттракцией.

Анализ заключительной речи Ф.Н. Плевако

В 1891 г. российский адвокат Ф.Н. Плевако представлял интересы своего соотечественника А.М. Бартенева в Варшавском окружном суде. Молодой человек обвинялся в умышленном убийстве Марии Висновской, одной из самых успешных драматических актрис, с которой состоял в романтических, но довольно токсичных отношениях: он ревновал её, они часто ссорились, расставались и сходились снова. Согласно материалам дела Висновская часто говорила и писала о своей смерти, убеждала партнера убить её, чтобы доказать свою любовь и преданность. Последнее свидание пары закончилось тем, что Бартенев застрелил актрису, после того как она приняла морфий и лишилась сознания. Из показаний обвиняемого следовало, что между партнерами была договоренность: *«...она велела ему убить ее прежде, чем убить себя...»* [4: с. 20]. По словам самого Бартенева, он не убил себя, потому что в тот момент был не в состоянии думать об этом [4: с. 10].

По мнению Ф.Н. Плевако, задача защиты упрощалась полным признанием вины подсудимым еще на стадии предварительного следствия [4: с. 10]. Адвокату предстояло добиться смягчения наказания для своего клиента – длительного срока на каторге и лишения дворянского титула и воинских званий. Для этого Ф.Н. Плевако намеревался убедить судью в том, что Бартенев заслуживал более мягкого приговора, поскольку не просто был в сговоре с убитой, с которой они вдвоем намеревались свести счеты с жизнью, но психологически зависел от нее, был полностью под её контролем.

Рассмотрим синонимы, которые оратор использует как средство персуазивности своей речи.

Во вступлении защитник, коротко излагая факты по делу, обращается к судье, вызывая к его состраданию и пониманию не только как человека, но как официального лица, наделенными полномочиями карать и миловать: *«...Все, что в жизни подсудимого, в его характере, в его природенных достоинствах и недостатках, наконец, в обстановке совершенного им преступления возбуждает сожаление, снисходительное сострадание в честном человеческом сердце, все это имеет право привлечь во внимание и судья, отправляющий правосудие. Отсюда следует, что изучение условий, которые влияют на меру наказания, ожидаемого*

подсудимым, должно совпасть с воспроизведением тех фактических подробностей дела, в которых заключаются яркие признаки наличности данных, уполномочивающих меня говорить о **пощаде** и **снисхождении** к моему клиенту...»; «...но метод, обнаруживающий в своем применении присутствие **человечности** и **сострадания**, надеюсь, имеет право конкурировать с тем, которому он противопоставляется...» [4: с. 11].

В данном фрагменте оратор использует прием синонимической конденсации, употребляя близкие по семантике лексемы в относительно небольшой части абзаца. Это позволяет ему четко выразить, какого рода сострадание следует проявить в этом случае. В русском языке синонимы **сожаление** и **сострадание** семантически близки¹, но оратор использует эпитет *снисходительное* (свойство терпимо и мягко относится к слабостям и недостаткам [5: с. 166]), конкретизируя направление своей мысли: конкретно в этих драматичных обстоятельствах подсудимый заслуживает снисхождения.

Далее оратором включаются синонимы: **пощада** – проявление сострадания, жалости, милосердия к кому-либо со стороны того, кто имеет возможность или власть покарать, наказать, уничтожить и т.п. [6: с. 348]; **снисхождение** – терпимое и мягкое отношение к кому-либо, к чьим-либо слабостям и недостаткам; великодушие, не слишком строгое отношение к вине, виновности кого-либо [5: с. 166]. Эти лексемы отличаются официальным стилем, поскольку адресуются судьбе, которому предстоит принять окончательное решение.

Имена существительные **человечность**² и **сострадание** используются оратором, чтобы характеризовать методы, которыми он пользовался при рассмотрении всех обстоятельств дела. На основе семантического анализа этих синонимов можно заключить, что Ф.Н. Плевако подчеркивает гуманистические принципы, которыми он руководствуется, исполняя взятые на себя обязательства защитника. Существительное **сострадание** повторяется в этом фрагменте, поскольку оратор акцентирует внимание аудитории на том, что человек на скамье подсудимых искренне страдает, раздавленный тем фактом, что убил любимую женщину.

Вспоминая факты из жизни Висновской до встречи с Бартеневым, Ф.Н. Плевако описывает мысли актрисы, возникавшие у неё в условиях той

жизни, которую она вела. Оратор использует прием синонимической аттракции: «...Так живет она, то удовлетворенная артистическим успехом, то оскорбляемая грубостью поклонников, то обольщенная любовью, то разочарованная пошлостью, прикрытой любовными речами. Все это ... обращает ее воззрение к **смерти** и **небытию**...» [4: с. 12].

В системе русского языка выделенные лексемы трудно с уверенностью назвать синонимами: **смерть** – прекращение жизнедеятельности организма и гибель его [5: с. 152]; **небытие** – отсутствие существования, жизни; состояние полного забвения, неспособность воспринимать, ощущать окружающее [7: с. 424]. Таким образом, если в лексическом значении первого существительного еще существует логическая связь с понятием жизни, то в семантике второго этой связи может и не быть изначально. Однако контекст максимально сближает их.

К материалам дела были приобщены дневники убитой, в которых неоднократно фигурировали её мысли и мечты о прекращении жизни, смерти и забвении [4: с. 8–9]. Таким образом, адвокат не искажает факты, но использует их, подкрепляя мысль – Висновская осознанно стремилась к смерти, чтобы больше не испытывать никаких чувств: «Вы помните те страницы ее дневника, где она жалуется на неотвязчивые искаательства одних, на дерзкую самоуверенность других, на оскорблявшее девическое достоинство преследование третьих...» [4: с. 12].

Рассуждая о чувствах актрисы к Бартеневу, защитник использует синонимы **сострадание**, **жалость**, **снисходительность**, **сожаление**: «...Ведь он один относился к ней с уважением, которого не было у других; он так долго страдал; он, по словам его, ей сказанным, не по своей воле не может быть ее мужем: он не на словах, а на деле готов был расстаться с жизнью, если она не будет его подругой. Это дало место **состраданию**, **жалости** к нему, а эти чувства часто с успехом заменяют то, которое она не могла воспитать в себе. Различие этих чувств от любви – некоторая **снисходительность** к предмету сожаления в противоположность уважению, какое внушает тот, кто вселил любовь...» [4: с. 16].

На основе семного анализа можно заключить, что в этом фрагменте преобладающее значение имеет компонент «жалость», который формируется благодаря семантически близким синонимам **сострадание**, **жалость** и **сожаление**. Более отдаленный по своему лексическому значению синоним **снисходительность**³ конкретизирует этот компо-

¹ **Сожаление** – жалость, сочувствие, сострадание [5: с. 183].

Сострадание – сочувствие, жалость, вызываемые страданием, несчастьем другого человека [5: с. 209].

² **Человечность** – свойство быть внимательным, отзывчивым и чутким к другим людям, гуманным [5: с. 660].

³ **Снисходительный** – выражающий превосходство, покровительно-высокомерное отношение [5: с. 166].

нент. Используются также глаголы синонимы, которые усиливают значение этой лексемы: **велит** и **требует** (в отношении Бартенева) [4: с. 14].

Создавая образ убийцы, заслуживающего жалости, адвокат снова использует прием синонимической конденсации: «...*Бартенева, как вы сами видите, не из тех, которым суждены победы над представительницами прекрасного пола. Маленький, с обыкновенной, некрасивой внешностью, с несмелыми манерами – что он ей?...*» [4: с. 13]; «*Она его терпит и на его робкие речи отвечает бессодержательными и привычными фразами кокетства*» [4: с. 14]; «*...сегодня он по-своему, счастлив, верит ей и верит в свою решимость рано или поздно дать ей свое имя и положение, но пройдет несколько времени, привыкнет он к своему новому положению, безвольный и слабый, он не найдет сил противоречить отцу и не выйдет из того ложного положения, в которое ее сегодня ставит*» [4: с. 18].

Лексемы **обыкновенная** и **некрасивая** являются контекстуальными синонимами, которые поясняют значения друг друга в рассматриваемом контексте – оратор четко формулирует оценку заурядной внешности подсудимого, обозначая одну из причин его несостоятельности в роли романтического героя. К этому добавляются эпитеты, характеризующие его поведение в целом: **несмелый** и **робкий**, которые являются близкими синонимами не только по контексту, но и в системе языка⁴. Защитник завершает описание синонимами **безвольный** и **слабый**, нанося таким образом заключительный штрих в характеристике обвиняемого.

Описание чувств Бартенева к убитой имеет более положительную эмоциональную окраску. Оратор нанизывает синонимичные прилагательные, которые подсудимый адресовал любимой женщине: «*...он не перестает верить в ее нравственную чистоту, считает ее святой...*» [4: с. 14]; «*...Он считает ее совершенно не повинной в тех толках, которые распространяются о ней в обществе, и всю вину сваливает на окружающих ее. Он любит ее и убежден, что всю грязь, которой пачкают ее репутацию, он оставляет окружающим, а ее чистая, незапятнанная натура остается на долю ему...*» [4: с. 15].

Рассмотрим значения выделенных лексем. Имя прилагательное **святой** является полисемантическим: обладающий высшим совершенством и силой; глубоко чтимый, такой, в котором заключено самое дорогое и заветное; безгрешный, непороч-

ный [5: с. 59]. Близость трех других синонимов конкретизирует его значение, сводя его к третьему компоненту: **не повинный** – не имеющий за собой вины, невинный [7: с. 463]; **чистый** – исполненный высокой нравственности, возвышенный [5: с. 680]; **незапятанный** – ничем не опороченный, безупречный [7: с. 445]. Нанизывание синонимов производится по принципу от нейтрального к более сильному, положительному значению. Оратор убеждает аудиторию, что в представлении Бартенева убитая была безупречна. Значения этих синонимов усиливаются существительным «идеал»⁵ – для подсудимого Висновская была совершенством.

В следующих фрагментах оратор использует прием синонимической аттракции: «*...ее ценят⁶, ее уважают⁷, считают за счастье соединить ее руку со своей...*» [4: с. 14]; «*...он дорожил⁸ ее вниманием к нему, ценил его высоко и был этим вниманием горд перед другими ...*» [4: с. 15].

Семный анализ позволяет выделить главный компонент «уважение», усиленный благодаря композиции ЛС. Именно уважение отличает Бартенева, выделяет его из общей массы поклонников – так оратор убеждает взглянуть на подсудимого в несколько ином свете.

Таким образом, Ф.Н. Плевако внушает аудитории следующую картину: Бартенева, обожающий Висновскую, безгранично преданный ей, выполняет все, что она потребует. Ослепленный идеализированным образом возлюбленной, он даже помогает ей свести счеты с жизнью. Но лишившись этого идеала, в один миг теряет и разум, и волю.

В заключении, формируя нравственно-правовую оценку, Ф.Н. Плевако делит ответственность между обоими участниками трагедии: «*... я говорил о тех пережитых Бартенева моментах, которые разделяют вину преступления между ним и его жертвой. О, если бы мертвые могли подавать голос по делам, их касающимся, я отдал бы дело Бартенева на суд Висновской...*» [4: с. 21].

Оратор вновь призывает отнестись к обвиняемому гуманно, учитывая озвученные в основной части речи доводы защиты: «*...Обвинитель согласится со мной, что я был прав, сказав, что между*

⁵ «...Она была для него идеалом ...» [4: с. 15].

⁶ **Ценить** – признавать значение, достоинства, ценность кого-либо, чего-либо; дорожить кем-то; относиться с должным вниманием, уважением [5: с. 640].

⁷ **Уважать** – испытывать чувство уважения, почтения по отношению к кому-либо; относиться с уважением; любить, ценить за что-либо [5: с. 447].

⁸ **Дорожить** – высоко ценить, придавать большое значение; беречь, бояться потерять [8: с. 433].

⁴ **Робкий** – несмелый, боязливый [5: с. 720].

нами нет непримиримых противоречий. Он требует справедливого приговора, – я напоминаю и ходатайствую о сочетании в нем правды с милосердием, долга судьи с прекрасными обязанностями человеколюбия...» [4: с. 21].

Согласно толковому словарю выделенные лексемы имеют следующие значения: **чело́веколю́бие** – любовь к человечеству, к людям, готовность помочь им, гуманность [5: с. 660]; **мило́сердие** – готовность оказать помощь, проявить снисхождение из сострадания, человеколюбия, а также сама помощь, снисхождение, вызванные такими чувствами [7: с. 269]. Из этого следует, что оратор убежден, его подзащитному необходимо снисхождение и помощь как человеку, раздавленному совершенным им преступлением.

Таким образом, убеждая присяжных в смягчающих обстоятельствах, Ф.Н. Плевако апеллирует к такой традиционной русской национально-культурной ценности, как христианское милосердие, «жалость к павшим».

Анализ заключительной речи К.С. Дэрроу

Во втором случае задача адвоката заключалась в том, чтобы добиться замены смертной казни для Натана Леопольда (18 лет) и Ричарда Леба (17 лет) на пожизненное заключение в тюрьме за убийство. Осложнялась эта задача следующими фактами: 1) убийцы происходили из благополучных семей Чикаго, США; 2) оба имели весьма высокий для своего возраста IQ; 3) их вина была неопровержимо доказана; 4) убийство было совершено ради развлечения. Важно отметить, что жертвой стал 14-летний мальчик, приходившийся родственником одному из убийц. Совокупность этих фактов настроила общественность против решения сохранить жизнь подсудимым. К.С. Дэрроу должен был тщательно продумать текст заключительной речи и сформировать фактор убеждения. Рассмотрим этот текст, акцентируя внимание на ЛС как языковых средствах, подкрепляющих убедительность речи.

Во вступлении адвокат, обращаясь к судье, обозначает предмет: «*Your Honor, it has been almost three months since the great responsibility of this case was assumed by my associates and myself. I'm willing to confess that it has been three months of great anxiety – a burden which I gladly would have been spared excepting for my feelings of affection toward some of the family members of one of these unfortunate families. ...We have been in this stress and strain for three months...*» [9: с. 19–20].

Близкие по значению лексемы **responsibility** и **burden** характеризуют ситуацию в целом. Имя существительное **responsibility** принадлежит к офи-

циальному стилю, адресуется судье, несет оттенок уважения к его должности и понимания специфики возложенных на него обязанностей⁹. Свое участие в процессе оратор оценивает как **burden**¹⁰, подчеркивая, что это результат сделанного им выбора, т.е. принять на себя обязательства представлять в суде интересы обвиняемых. Контекст ситуации усиливает значение этого синонима: дело является сложным с нравственно-этической точки зрения.

Синонимы **anxiety**, **stress** и **strain** объединяют общие семы «тревога» и «психологическое давление». С их помощью оратор оценивает ситуацию, в которой нужно принять весьма трудное решение о наказании.

Таким образом, оратор подготавливает аудиторию к тому, что будет отстаивать и доказывать решение, в справедливости которого он убежден.

Вина подсудимых – неопровержимый факт, и К.С. Дэрроу не оспаривает его. Однако он, скорее, использует его при сравнении обоих убийц с теми, кто требовал для них смертной казни: «*Cold-blooded? Why? Because they planned(a), and schemed(a), and arranged(a), and fixed(a)? Yes. But there are the officers of justice, so-called, with all the power of the state, with all the influence of the press, to fan this community into a frenzy of hate; with all of that, who for months have been planning(b) and scheming(b), and contriving(b) and working to take these two boys' lives*» [9: с. 26].

Оратор использует две группы синонимов применительно к каждой стороне процесса. Синонимы, отмеченные буквой (a), формируют первую группу лексем, характеризующих действия подсудимых, – перечень составлен так, чтобы подчеркнуть факт: убийство обдумывали и планировали долго и тщательно. Синонимы этой группы выполняют функцию уточнения кропотливого ментального процесса, осуществлявшегося в тайне.

Синонимы под буквой (b) обозначают действия сотрудников полиции и прокуратуры. Нанизывание трех синонимов этой группы отражает решительность исполнителей; используя уточняющую функцию, оратор дает понять, что в этом случае процесс шел быстрее. Последний синоним в перечне дает точную оценку: применялись умные, но нечестные подходы (гл. *contrive*¹¹). Последнее значение «нечестность» подчеркивается при помощи контекста,

⁹ **Responsibility** – a duty or task that is required or expected to do because it is the part of one's job or position [10].

¹⁰ **Burden** – something that is borne as a duty, obligation, or responsibility often with labor or difficulty [11].

¹¹ **Contrive** – to devise, to plan; to make something happen, especially by using clever or dishonest methods [10].

в котором оратор использует лексему *boys* (мальчики, дети – в отношении подсудимых). Формируется один из элементов, необходимых для фактора убеждения: и следствие, и сам суд представляют собой неравное противостояние взрослых опытных людей и детей.

Поскольку К.С. Дэрроу стремился сохранить подсудимым жизнь, он должен был убедить всех в том, что преступники, как и их жертва, тоже дети. В связи с этим оратор часто использует в отношении Леопольда и Леба синонимы **children**, **boys** и **lads** [9: с. 21–87]. Их сознание еще не развилось до того уровня, когда индивид начинает испытывать чувство ответственности за свои деяния. Лексема **children** выполняет функцию уточнения значения своего синонима **boys**: **boy** – a male child from birth to adulthood [11]; **children** – young persons, esp. between infancy and puberty [11].

Слово **lads**¹² уместно использовать в бытовом дискурсе, но в данном случае этот элемент нельзя назвать ошибкой К.С. Дэрроу. Он был лично знаком с подсудимыми и их семьями, и это допущение в речи следует рассматривать как допустимое проявление эмоций оратора (сочувствие, сожаление) и как утверждение, что он сам видит в своих подсудимых именно детей.

Защитник последовательно вводит оценочную характеристику самого поступка юношей, начиная с факта наличия у них мотива: «*A man kills someone to get money, he kills someone through hatred. What is this case? This is a senseless, useless, purposeless, motiveless act of two boys*» [9: с. 29].

В лексических значениях представленных синонимов есть общая сема «беспричинность поступка»; каждый последующий синоним в цепочке уточняет значение предыдущего от «lacking good sense» [10] до «lacking a motive» [11]. Автор использует прием градации, постепенно сводя весь смысл к отсутствию мотива преступления. Слово **boys** в этом контексте усиливает акцент на эмоциональной незрелости подсудимых.

Обозначив, таким образом, отсутствие мотива преступления у Леопольда и Леба, К.С. Дэрроу оценивает сам поступок: «*...They did not reason; they could not reason; they committed the most foolish, most unprovoked, most purposeless, most causeless act that any two boys ever committed, and they put themselves where the rope is dangling above their heads...*» [9: с. 34–35]. Стилистически первый эпитет отличается: как лексема **lads**, он применяется в

обиходно-разговорном стиле, в неофициальной обстановке и содержит отрицательную оценку. Но далее следуют синонимы, выдержанные в официальном стиле, которые поясняют значение первого слова (т.е. пояснительная функция), сглаживая резкость **foolish** и способствуя правильному пониманию слов оратора. Адвокат не оскорбляет своих подсудимых, но осуждает их поступок, поскольку: 1) их не принуждали убивать (**unprovoked**¹³); 2) убийство не имело смысла (**purposeless**). Это была глупость (**foolish**), совершенная детьми (**boys**), не способными оценивать тяжесть последствий с юридической стороны и недопустимость их поступка с точки зрения морали и этики.

В своей речи оратор обращается к проблеме справедливости, чья суть еще не в полной мере воплотилась в контексте американской системы правосудия: «*No one with wisdom and with understanding, no one who is honest with himself and with his own life, whoever he may be, no one who has seen himself the prey and the sport and the plaything of the infinite forces that move man, no one who has tried and who has failed – and we have all tried and we have all failed – no one can tell what justice is for someone else or for himself...*» [9: с. 43].

В языковой системе **plaything** и **sport** синонимичны, но не имеют семантической близости с лексемой **prey**. В рамках рассматриваемого контекста между ними образуется синонимическая связь на основе ассоциаций. Порядок расположения лексем осуществляется по обратному принципу: от сильного семантического компонента к слабому (прием нисходящей градации). Таким образом, оратор подчеркивает беспомощность и беззащитность человека, ставшего жертвой несправедливого приговора и просто минутным развлечением. В более широком контексте изложения этот прием используется, чтобы переключить внимание с подсудимых на проблему справедливости, проанализировать проблему относительно данной ситуации и ответить на вопросы: не являются ли подсудимые жертвами собственной детской глупости (**prey**¹⁴), не стала ли их ситуация забавой (**sport**¹⁵) для толпы, не стали ли они игрушками (**plaything**¹⁶), когда другие решают жить им или умереть.

¹³ **Unprovoked** – occurring without any identifiable cause or justification [10].

¹⁴ **Prey** – one that is helpless or unable to resist attack [11].

¹⁵ **Sport** – something that is a source of pleasant diversion; a pleasing or amusing pastime or activity [11]; things you do for fun [12].

¹⁶ **Plaything** – a toy; something or someone that you are only interested in when you want pleasure or entertainment [13].

¹² **Lads** – a male person of any age between early boyhood and maturity [11].

Затем оратор снова возвращается к своим подзащитным, фокусируясь на глупом и нелогичном поведении каждого из них по очереди, внушая слушателям подумать о справедливости смертного приговора для них еще раз. «...*He [Loeb D.] went from one thing to another – in the main insignificant(a), childish(b) things. Then the utterly foolish(b) and stupid(b) and unnecessary(a) thing of going to Ann Arbor to steal from a fraternity house, a fraternity of which he was a member. ... Murder was the least part of it; to kidnap and get the money, and kill in connection with it – that was the childish(a) scheme growing up in these childish(a) minds. ... Planning where every step was foolish(b) and childish(b); acts that could have been planned in an hour or a day; ... the weird(b) actions of two mad brains...*» [9: с. 62].

Синонимы, характеризующие поступки и поведение подсудимых, сгруппированы и в совокупности выполняют экспрессивно-стилистическую функцию в выделенном фрагменте. Синонимы из группы (a) – **insignificant** и **unnecessary** – имеют нейтральное значение, используются оратором, чтобы констатировать факт. Синонимы в группе (b) – **childish**, **foolish**, **stupid** и **weird** – более эмоционально окрашены, два из них (**foolish**, **stupid**) применимы в контексте весьма эмоциональной неформальной ситуации. Они перемежаются с неоднократно повторяющейся лексемой **childish**, создавая образ наивного, даже глупого ребенка, поступки которого нельзя оценивать с точки зрения логики взрослого человека. Лексема **weird**¹⁷ служит завершающим штрихом – подводит итог в анализе оратора. К.С. Дэрроу использует сочетание всех этих синонимов из обеих групп, создавая легкий контраст, необходимый для того, чтобы правильно и убедительно выразить свою мысль.

Оратор описывает ментальное состояние преступника: «*The brains of the child is the home of dreams, of castles, of visions, of illusions and of delusions. ... Delusions, dreams and hallucinations are the part of the warp and woof of childhood...*» [9: с. 62].

Выделенные слова семантически сближаются в контексте, благодаря общей семе «нечто вымышленное». Лексема **castle**¹⁸ отличается, но в контексте есть дополнительная информация, которая позволяет понять её иначе: К.С. Дэрроу использует

её в метафорическом значении «воздушный замок» или «грёза». Таким образом, слово становится синонимом слова *dream* по контексту.

Используя прием нанизывания синонимов, оратор изображает динамику изменения детских грёз до искаженного восприятия объективной реальности подсудимыми.

В заключительной части речи выделяем следующие синонимы: «*And, I submit, You Honor, that by every law of humanity, by every law of justice, by every feeling of righteousness, by every instinct of pity, mercy and charity, Your Honor should say that because of the condition of these boys' minds, it would be monstrous to visit upon them vengeance that is asked by the State...*» [9: с. 79].

Выделенные синонимы расположены в логической последовательности: проявите сострадание к подсудимым (**pity**¹⁹), пощадите их, потому что они всего лишь дети (**mercy**²⁰); будьте милосердны (**charity**²¹). Так оратор раскрывает еще одну важную составляющую милосердия и гуманного подхода – **способность понять**. Он подчеркивает важность этих концептов в контексте рассматриваемого дела об убийстве, употребляя слова *humanity* и *understanding* и акцентируя внимание реципиентов на новых концепциях судов в начале XX в., – гуманизм, толерантность, способность понять преступника, его мотивы и причины преступления.

«*We have raised the age of hanging. We have raised it by the humanity of courts, by the understanding of courts, by the progress of science which at last is reaching the law; and of ninety men hanged at Illinois from its beginning, not one single person under twenty-three was ever hanged upon a plea of Guilty – not one. If Your Honor should do this, you would violate every precedent that has been set in Illinois for almost a century. There can be no excuse for it, no justification for it, because this is the policy of the law which is rooted in the feelings of humanity...*» [9: с. 81].

Существительные **excuse** и **justification** используются в контексте будущей возможной оценки решения суда. С помощью этих лексем К.С. Дэрроу акцентирует внимание аудитории на последствиях создания нового прецедента, который перечеркнет гуманистическую составляющую американского судопроизводства. Из этого можно заключить, что

¹⁷ **Weird** – strange and unusual, sometimes in a way that upsets you [12]; strange, applies in one sense to something unearthly or preternaturally mysterious; in another sense, to something strangely or absurdly queer [11].

¹⁸ **Castle** – a large fortified building or set of buildings (as of a prince or nobleman) built originally in medieval times as a single donjon often surrounded by inferior buildings (as stables) [13].

¹⁹ **Pity** – mercy, clemency; an attitude in which you are sympathetic towards someone and forgive them [13].

²⁰ **Mercy** – the act of forgiving someone or not treating them severely, esp. someone who you have the authority to punish [10].

²¹ **Charity** stresses benevolence and goodwill shown in broad understanding and tolerance of others [11].

оратор убеждает выйти за рамки настоящей ситуации и задуматься над последствиями решения.

Выбор лексических синонимов К.С. Дэрроу не просто демонстрирует его высокий уровень владения словом, глубокое знание их семантики и полномерное владение материалами дела. Он свидетельствует о том, как умело на протяжении всей своей речи адвокат внушает аудитории, что преступники являются детьми и, следовательно, не могут отвечать за свои поступки. Фокусируясь на синонимах, мы наблюдаем, как с их помощью защитник создает и закрепляет в восприятии аудитории суггестивный образ – «преступники равняется дети».

Заключение

Благодаря своим стилистическим функциям лексическая синонимия является одним из эффективных средств персуазивности в русском и в английском дискурсах; употребление максимально близких по значению синонимов способствует созданию и закреплению в представлении русско- и англоязычной аудитории концептуального образа, согласно целям автора. ЛС позволяют раскрыть цели авторов, которыми они руководствуются при выборе и размещении слов внутри фразовых единств. В дискурсивном пространстве возникают временные (контекстуальные) синонимические связи, которые также способствуют правильному пониманию смысла сообщения, концентрации внимания реципиентов на определенной мысли и фиксации её в их сознании. Наконец, с кросс-культурной точки зрения анализ материала показал, что отбор семантически близких лексем по тематическим полям культурно обусловлен. Для

русской культуры ценностными константами, т.е., «теми концептами, в операциях с которыми состоит духовная культура всякого общества» [14: с. 5], согласно Ю.С. Степанову, являются «любовь», «вера», «душа», «совесть», «нравственный закон», «мораль» [14]. Для американской культуры ценностным является индивидуальная ответственность лица, поэтому адвокат апеллирует к незрелости, ограниченной дееспособности обвиняемых, что находит отклик у присяжных. Таким образом, синонимы «притягиваются» адвокатами для формирования позиции аудитории, являясь суггестивным приемом.

Результаты исследования ЛС как средства персуазивности и суггестии в судебном дискурсе дополняют знания культурных отличий и могут быть полезны при установлении синтагматических связей в содержании материала. Это сделает процесс выбора адекватных эквивалентов из системы родного языка при переводе иноязычной речи более эффективным, снижая вероятность возникновения недоразумений между представителями разных культур. Таким образом, учет культурной специфики представляет собой немаловажный аспект судебного перевода, «многоаспектного и слабоизученного в отечественной литературе вида деятельности» [9: с. 39].

В результате кросс-культурного сопоставления ЛС судебный переводчик сможет правильно определить смысл высказывания, полно и точно интерпретировать иноязычную речь и перевести ее на родной язык, адекватно учитывая культурные различия между людьми.

Список источников

1. Головин Б.Н. *Как говорить правильно: Заметки о культуре русской речи*. Москва : Высшая школа, 1988. 160 с.
2. Борисова С.С. *Персуазивные стратегии в аналитических жанрах медиатекста* (на материале немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2016. 250 с.
3. Аристотель. *Риторика*. Москва : АСТ, 2017. 352 с.
4. Плевако Ф.Н. *Судебные речи*. Москва : Public Domain, 2014. 186 с.
5. *Словарь русского языка в 4 томах* (Малый академический словарь). Том IV. Москва : Русский язык, 1988. 797 с.
6. *Словарь русского языка в 4 томах* (Малый академический словарь). Том III. Москва : Русский язык, 1987. 751 с.
7. *Словарь русского языка в 4 томах* (Малый академический словарь). Том II. Москва : Русский язык, 1986. 736 с.
8. *Словарь русского языка в 4 томах* (Малый академический словарь). Том I. Москва : Русский язык, 1985. 703 с.
9. Стародубов С.В. Специфика коммуникативной ситуации судебного перевода // *Вестник НГЛУ*. 2022. Вып. 2 (58). Язык и культура. С. 37–62
10. Darrow C., Douglas W.O. *Attorney for the Damned: Clarence Darrow in the Courtroom*. Chicago : University of Chicago Press, 1989. 552 p.
11. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (accessed: 18.08.2020).
12. *Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <https://www.ldoceonline.com/search/english/direct/> (accessed: 18.08.2020).
13. *Macmillan Dictionary*. URL: <https://www.macmillan.dictionary.com/search/british/direct/> (accessed: 18.08.2020).
14. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed: 08.06.2020).
15. Степанов Ю.С. *Константы: словарь русской культуры*. Москва : Академический проект, 2001. 990 с.

References

1. Golovin B.N. *Kak govorit' pravil'no: Zametki o kul'ture russkoj rechi* [How to speak correctly: notes on the culture of the Russian Speech]. Moscow : Vysshaya shkola, 1988. 160 p. (in Russ.).
2. Borisova S.S. *Persuazivniye strategii v analiticheskikh zhanrah mediateksta (na materiale nemetskogo yazyka)* : dis. ... kand. filol. nauk [Persuasive strategies in the analytical genres of media text (basing on the German language materials). Ph.D. Thesis in Philology]. Oryol, 2016, 250 p. (in Russ.).
3. Aristotel. *Ritorika* [Rhetoric]. Moscow : AST, 2017. 352 p. (in Russ.).
4. Plevako F. N. *Sudebnye rechi* [Court arguments]. Moscow : Public Domain, 2014. 186 p. (in Russ.).
5. *Slovar' russkogo yazyka v 4 tomah (Malyi akademicheskii slovar)* [Russian language dictionary in four volumes (Small academic dictionary)]. Vol. IV. Moscow : Russkii yazyk, 1988. 797 p. (in Russ.).
6. *Slovar' russkogo yazyka v 4 tomah (Malyi akademicheskii slovar)* [Russian language dictionary in four volumes (Small academic dictionary)]. Vol. III. Moscow : Russkii yazyk, 1987. 751 p. (in Russ.).
7. *Slovar' russkogo yazyka v 4 tomah (Malyi akademicheskii slovar)* [Russian language dictionary in four volumes (Small academic dictionary)]. Vol. II. Moscow : Russkii yazyk, 1986. 736 p. (in Russ.).
8. *Slovar' russkogo yazyka v 4 tomah (Malyi akademicheskii slovar)* [Russian language dictionary in four volumes (Small academic dictionary)]. Vol. I. Moscow : Russkii yazyk, 1985. 703 p. (in Russ.).
9. Starodubov S.V. *Specifika kommunikativnoi situacii sudebnogo perevoda* [Specifics of the communicative situation of court interpretation] // *Vestnik NGLU*. 2022. Issue 2(58) Yazyk i kultura. P. 37–62.
10. Darrow C., Douglas W. O. *Attorney for the Damned: Clarence Darrow in the Courtroom*. Chicago : University of Chicago Press, 1989. 552 p.
11. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (accessed: 18.08.2020).
12. *Longman Dictionary. of Contemporary English*. URL: <https://www.ldoceonline.com/search/english/direct/> (accessed: 18.08.2020).
13. *Macmillan Dictionary*. URL: <https://www.macmillan dictionary.com/search/british/direct/> (accessed: 18.08.2020).
14. *Merriam-Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed: 8.06.2020).
15. Stepanov Yu.S. *Konstanty: slovar' russkoy kultury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow : Akademicheskii proekt, 2001. 990 p. (in Russ.)

Информация об авторах

С.М. Пак – доктор филологических наук, доцент;
 Я.А. Павлова – преподаватель кафедры иностранных языков ДВЮИ МВД России.

Information about the authors

S.M. Pak is Doctor of Philology (Habil.), Associate Professor;
 Ya.A. Pavlova is an instructor, Department of Foreign Languages, Far Eastern Law Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
 The article was submitted 21.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья
УДК 81-114.4
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-195-203

ЛИНГВОМЕДИЙНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ СОБЫТИЯ В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ: СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА МЕДИАТЕКСТОВ В ИЗДАНИИ *LE MONDE*

Борис Евгеньевич Ломакин

Университет науки и технологий МИСИС, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, borislomakin3@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности переводческой стратегии, используемой в редакции газеты *Le Monde* при переводе медиатекстов с французского языка на английский. Отмечается, что преобладающей стратегией при работе с рассматриваемыми текстами является прагматическая адаптация. Показано, что при переводе с французского языка на английский тексты подвергаются целенаправленному сокращению, широко используется членение предложений, для передачи заголовочного комплекса характерна трансформация опущения. Обосновывается предположение о том, что изменения, которые претерпевает медиатекст при переводе, обуславливают различия в образах одного и того же события, конструируемых оригиналом и переводом.

Ключевые слова: лингвомедийное конструирование, медиасобытие, медиатекст, фоновые знания, стратегия перевода, прагматическая адаптация

Original article

LINGUO-MEDIAL RECONSTRUCTION OF AN EVENT IN CROSS-CULTURAL ASPECT: HOW MEDIA-TEXTS FROM *LE MONDE* ARE TRANSLATED INTO ENGLISH

Boris Ye. Lomakin

National University of Science and Technology MISIS, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, borislomakin3@gmail.com

Abstract. The article investigates some characteristic features of translation strategy applied by translators from *Le Monde* for rendering French media-texts into English. It reveals that during translation process pragmatic adaptation is often applied. Media-text as a whole and its title and lead in particular are subjected to numerous transformations including division of one sentence into several and deliberate omission of some pieces of information. Consequentially, some differences can be observed between the images of the same event depicted in the original text and its translation.

Keywords: linguo-medial reconstruction, media-text, background knowledge, translation strategy, pragmatic adaptation

Введение

Широкое влияние, которым пользуются средства массовой информации в современную эпоху, определяет увеличение числа переводов медиатекстов и, как следствие, появление в последние годы научных работ и учебных пособий, посвященных переводу медиатекстов. Как правило, в них происходит интеграция достижений медиалингвистики в более общий переводоведческий контекст; однако возможен и обратный подход, когда использование методов переводоведения позволяет решить научную задачу, которую ставит перед собой медиалингвистика. Именно этот подход лежит в основе настоящей статьи.

В ходе изучения лингвомедийного конструирования события, проводимого автором под научным

руководством доктора филологических наук, заслуженного профессора МГУ Т.Г. Добросклонской, возникло предположение, что изменения, произошедшие с текстом в процессе перевода, оказывают значимое влияние на конструируемые на его основе медиаобразы. Материалом для проверки данного предположения послужили медиатексты, написанные на французском языке, переведенные на английский и опубликованные на сайте авторитетного французского издания *Le Monde*. Отобранные методом случайной выборки тексты были подвергнуты сопоставительному анализу, результаты которого проинтерпретированы с позиции теории переводческих трансформаций В.Н. Комиссарова. С помощью программы MS Word было подсчитано количество символов, слов и предло-

жений в текстах оригинала и перевода; сайты <<https://www.dcode.fr/test-lisibilite>> и <<https://charactercalculator.com/>> были использованы для подсчета индексов удобочитаемости исследуемых медиатекстов (соответственно для французского и английского языков). Применение описательной статистики, t-критерия Стьюдента и корреляционного анализа к набору полученных данных, осуществленное с помощью программ MS Excel и RStudio, позволило сделать ряд важных выводов об особенностях перевода изучаемой группы медиатекстов, а их интерпретация с позиций медиалингвистики дала возможность принять и уточнить выдвинутую в начале исследования гипотезу.

Междисциплинарный характер исследования и использование различных методов для решения поставленной задачи определили структуру настоящей статьи. За введением следуют два теоретических раздела, в первом из которых рассматривается проблема фоновых знаний с позиции отечественного переводоведения, во втором дается описание модели медиасобытия как элемента медийной картины мира. Следующие три раздела посвящены непосредственно анализу материала: статистическому, сопоставительному и медиалингвистическому. Результаты использования всех трех типов анализа обобщаются, систематизируются и реинтерпретируются в заключительном разделе.

Фоновые знания и процесс перевода

При рассмотрении перевода в контексте межкультурной коммуникации особое внимание традиционно уделяется культурно-специфическим элементам, представляющим собой особую группу переводческих трудностей. Межкультурные различия между реципиентом оригинала и реципиентом перевода можно разделить на культурно-исторические и временные [1]; и те, и другие проявляются, среди прочего, в несовпадении объема фоновых знаний, т.е. тех знаний, которые известны и адресату, и адресанту и являются предпосылкой эффективной межличностной коммуникации [2]. Эти знания приобретаются в процессе инкультурации и представляют собой один из элементов социокультурного контекста (в широком смысле), определяющего восприятие любого отдельно взятого текста [3]. В трактовке З.З. Чанышевой фоновые знания рассматриваются с психолингвистической точки зрения как импликация и пресуппозиция, формирующие смысловой уровень сознания [4]. Такое понимание фоновых знаний вполне согласуется с концепцией языковой личности Ю.В. Караулова. Ученый выделяет три уровня языковой личности: вербально-семантический, тезаурусно-ког-

нитивный и прагматико-мотивационный, причем второй из перечисленных уровней содержит выстраивающиеся в индивидуальную картину мира идеи и концепты [5]; к этому уровню, по-видимому, и следует отнести фоновые знания. Трактовка фоновых знаний как импликаций и пресуппозиций (в первую очередь, очевидно, экзистенциальных) выводит на первый план неосознанность фоновых знаний и затрудненность их исчерпывающей вербализации.

Проблема объективации фоновых знаний в медиатекстах подробно рассматривается в кандидатской диссертации И.Г. Игнатъевой. Исследовательница приходит к выводу, что вербальная репрезентация фоновых знаний осуществляется путем собственно номинации, цитации, использования авторских неологизмов и различных стилистических приемов, главным образом метафоры и метонимии [6]. В большинстве случаев используемые для объективации языковые единицы отличаются высокой степенью лингвокультурной маркированности и, следовательно, с трудом могут быть восприняты представителями тех лингвокультурных сообществ, на которых содержащий их текст изначально не был ориентирован.

Сказанное выше объясняет повышенный интерес переводоведов к проблеме передачи культурных компонентов (в том числе лингвокультурных фоновых знаний) при переводе. Их недооценка может привести к тому, что текст перевода не впишется в культуру переводного языка (ПЯ), так как окажется непонятен реципиенту – носителю ПЯ. Следовательно, лингвокультурный барьер, возникающий как результат принадлежности коммуникантов к различным лингвокультурным сообществам, необходимо преодолеть путем использования переводческих трансформаций [1] в соответствии с общей стратегией перевода, т.е. генеральной линией переводчика в процессе преобразования исходного текста [7], «осознанно выбранным переводчиком алгоритмом... действий при переводе одного конкретного текста (или группы текстов)» [8: с. 95]. Стратегия, в свою очередь, определяется типом переводимого текста, имеющейся в сознании переводчика моделью реципиента и представлениями о переводческой задаче [9]. В рассматриваемом случае эта задача ставится редакцией *Le Monde* и определяется тем прагматическим эффектом, который ожидается от публикации ее перевода.

Процесс работы над переводом можно условно разделить на три этапа: предпереводческий анализ, аналитический вариативный поиск и анализ результатов перевода [10]. Действия переводчика

при работе с единицами, репрезентирующими фоновые знания, в рамках данной модели сводятся примерно к следующему: 1) выявлению таких единиц и пониманию общего направления работы с ними в соответствии с переводческой задачей, представлением о реципиенте и с транслатологическим типом текста; 2) переводу рассматриваемых единиц с учетом их содержания, стилистической окраски и интенции автора; 3) редакторской правке, в ходе которой подобранные варианты соответствия могут претерпеть некоторые изменения.

При работе с культурно-специфическими элементами текста переводчик может прибегнуть к таким стратегиям, как доместикация (удаление из текста культурно-специфических маркеров в целях облегчения его восприятия реципиентом), форенизация (максимальное сохранение культурно-специфических маркеров с целью наиболее полной передачи содержащейся в тексте фактической информации) [9] и прагматическая адаптация, основанная на приспособлении к фоновым знаниям реципиента [11]. Ставя для себя в качестве одной из основных задач достижение динамической эквивалентности (по Ю. Найде), переводчик ориентируется на читателя среднего уровня, для которого многие элементы другой культуры неизвестны и непонятны [7].

Для передачи единиц, репрезентирующих фоновые знания, используются (в классификации В.Н. Комиссарова) экспликация, добавление, а в некоторых случаях и опущение [12; 13]. Все эти приемы могут привести к изменениям в лексико-тематической сетке (совокупности слов и словосочетаний, играющих ключевую роль для понимания содержания) текста перевода [14]. Применительно к переводу медиатекстов это означает, что картины мира, конструируемые одним и тем же СМИ, могут различаться в зависимости от языков вещания.

Медиатекст, медиасобытие и картина мира

Картина мира представляет собой результат процесса картографирования, категоризации и интерпретации опыта [15]. Ключевыми свойствами картины мира являются целостность и системность, так как ни один ее элемент не может существовать без связи с другими; на это указывал еще Л. Витгенштейн в своем «Логико-философском трактате» [16]. Впоследствии эта мысль была развита в отечественной школе психологии деятельности: в «образе мира» сущность образа предмета раскрывается в его взаимоотношениях с образами других предметов и глобальным образом реальности, который, в свою очередь, заключая в себе не изображенное, а изображаемое, может восприниматься как виртуальная реальность [17; 18]. Именно в качестве виртуальной реальности исследователи

рассматривают медийную картину мира – одну из дискурсивных картин мира, создаваемую и транслируемую средствами массовой информации [19].

В процессе лингвомедийного конструирования события [20] действие комплекса различных языковых и медийных средств приводит к образованию в рамках медийной картины мира медиасобытия – образа события действительности. В структуре медиасобытия можно выделить семь основных элементов: медиафакт, медиаобразы участников события, медиаконтекст (условия, причины, последствия события), медиакоординаты (время и место события), медиакатегорию (происшествие, принятие решения, декларация и т.д.), новостную ценность и оценку [21]. Эти элементы можно распределить между двумя базовыми составляющими медиасобытия: диктумной (соотносится с объективно существующей действительностью) и модусной (соотносится с ее интерпретацией и оценкой). К диктумной части следует отнести медиафакт, медиакоординаты и медиакатегорию, к модусной – новостную ценность и оценку, к обеим частям – медиаобразы участников события и медиаконтекст.

Такая модель позволяет сопоставлять медиасобытия в картинах мира, транслируемых различными СМИ. Вместе с тем возможно, что даже в рамках одного СМИ могут возникать расхождения между транслируемыми образами в силу того, что массмедиа вещают на разных языках. Одной из задач настоящего исследования является проверка этой гипотезы на материале медиатекстов, опубликованных на сайте *Le Monde* на французском и английском языках.

Le Monde входит в число самых авторитетных массмедиа современной Франции. Ему доверяют 49 % французов, не доверяют 20 % [22]. В 2022 г. заработала англоязычная версия сайта, на которой, помимо оригинальных текстов, публикуются многочисленные переводы медиатекстов, изначально написанных журналистами *Le Monde* на французском языке. В связи с этим своевременной и актуальной представляется задача сравнительного анализа оригиналов и переводов информационных и аналитических медиатекстов, опубликованных в 2022 г. на сайте *Le Monde*, с целью выявления тех различий, которые могут обусловить различия в понимании текстов их адресатами и, соответственно, конструировать различные образы одного и того же события.

Методика исследования и статистический анализ материала

Для сравнительного анализа были отобраны 20 медиатекстов, опубликованных в 2022 г. на сайте *Le Monde*. Общий объем анализируемого мате-

риала составил около 116 переводческих страниц* (60 переводческих страниц оригинала и 56 переводческих страниц перевода). В целях достижения максимальной репрезентативности тексты были отобраны из разных рубрик, относятся как к информационным, так и к аналитическим медиатекстам и представляют широкий круг тем: специальная военная операция на Украине, отставка британского премьер-министра Элизабет Трасс, криминальная хроника (убийство двенадцатилетней школьницы в Париже, вызвавшее во Франции огромный общественный резонанс, и стрельба в одной из американских школ), президентские выборы и новые назначения во французском правительстве, экологическая реформа, чемпионат по регби, слежка за самолетами знаменитостей, «закулисные игры» компании Uber, смерть актера Жана-Луи Трентиньяна.

Для всех проанализированных текстов и их переводов были подсчитаны изменения в количестве знаков, слов и предложений (в процентах по отношению к количеству знаков, слов и предложений оригинала). Кроме того, для каждого текста были рассчитаны индексы удобочитаемости FRES и SMOG, после чего вычислялось изменение данного индекса, происходившее при переводе. Также было подсчитано количество генерализаций, опущений, добавлений и экспликаций (последние два приема подсчитывались вместе) в каждом из переводов.

Описательная статистика свидетельствует, что в 75 % случаев количество слов в оригинале превышает количество слов в переводе в среднем на 6 % (со стандартным отклонением 6,97 %), а количество знаков в оригинале в 100 % случаев превышает количество знаков в переводе (в среднем на 21,78 %, стандартное отклонение равно 12,43 %). В 85 % случаев количество предложений в оригинале меньше количества предложений в переводе. Во всех случаях применение t-критерия Стьюдента для зависимых выборок дает статистически значимый результат. Это свидетельствует о том, что уменьшение количества знаков и слов и увеличение количества предложений при переводе медиатекстов *Le Monde* с французского языка на английский абсолютно закономерно.

По эмпирическим данным переводческих компаний EriksenTranslations [23] и Andiamo! [24], объем текста при переводе с французского на английский в среднем уменьшается на 10–15 % в силу объективных различий между языками (средняя

длина слов, степень аналитизма и т.д.). Применение одновыборочного t-критерия Стьюдента, где в качестве выборки выступает различие в объемах оригинала и перевода в процентах, а в качестве гипотетического среднего принято значение 12,5 %, дает p-уровень значимости 0,003 (а повышение среднего до 15 % дает p-уровень значимости 0,024). Следовательно, полагая $\alpha = 0,05$, есть все основания утверждать, что переводы, выполненные под руководством редакции *Le Monde*, подвергаются сокращению под действием экстралингвистических факторов.

Обнаруженную закономерность можно объяснить тем, что в процессе перевода текст подвергается сокращению и адаптации в целях повышения его удобочитаемости. Для проверки данного предположения для каждого текста и перевода были подсчитаны индексы удобочитаемости FRES и SMOG, а затем была вычислена разница между ними. Индекс по шкале FRES (Flesch reading ease scale) зависит от средней длины предложения в словах и средней длины слова в слогах и располагается на шкале от 1 до 100, причем чем меньше индекс, тем сложнее читается текст. Индекс по шкале SMOG (Simple Measure of Gobbledygook) зависит от количества предложений в тексте и количества слов с тремя и более слогами; в данном случае повышение значения индекса означает повышение сложности текста.

Среднее значение изменения индекса FRES по выборке равняется 7,57 (при стандартном отклонении 5,82), среднее значение изменения индекса SMOG по выборке равняется -1,16 (при стандартном отклонении 1,03). Проверка с помощью различных индексов позволяет заключить, что при переводе медиатекстов *Le Monde* с французского языка на английский их удобочитаемость повышается. Главная причина повышения удобочитаемости заключается в том, что при работе с исследуемой группой текстов переводчиками активно используется трансформация членения предложений. Действительно, средняя длина предложения в рассматриваемых медиатекстах на французском языке составляет 25,95 слов (или 160,8 символов), на английском языке – 20,37 слов (или 124,64 символов); применение t-критерия Стьюдента для зависимых выборок дает право утверждать, что эти различия статистически значимы.

Сокращение объема текста в целях повышения удобочитаемости достигается, по-видимому, за счет применения трансформаций, необходимых для прагматической адаптации репрезентирующих фоновые знания единиц. При переводе рассматри-

* Переводческой страницей считают текст в 1800 знаков с пробелами.

ваемой группы текстов использовались три вида таких трансформаций: добавление, опущение и экспликация. Для удобства случаи добавления и экспликации были объединены, так как в обоих случаях в текст перевода добавляется некоторое количество языковых единиц. В ходе анализа материала было отмечено, что трансформация опущения встречается в среднем в два раза чаще, чем экспликация и/или добавление. Это наблюдение удовлетворительно объясняет значительное уменьшение объема текста при переводе. Также интересно отметить, что в ходе анализа была обнаружена статистически значимая положительная корреляция между длиной текста оригинала и числом использованных добавлений и экспликаций.

Анализ перевода заголовков

В медиалингвистике многократно подчеркивалась значимость заголовочного комплекса в рамках медиатекста и важность его воздействующего потенциала [25]. С точки зрения лингвомедийного конструирования события это можно объяснить тем, что именно в заголовочном комплексе наблюдается наибольшая концентрация ключевых слов, которые формируют лексическое обеспечение события – набор слов и словосочетаний, на которых строится описание события в медиатексте или группе медиатекстов. Если объем текста сравнительно небольшой (а это справедливо для всех информационных сообщений и значительного числа аналитических медиатекстов), употребление слова в заголовочном комплексе сильно влияет на его частотность: действительно, в ходе настоящего исследования было отмечено, что в одном медиатексте ключевые слова встречаются в среднем 4–7 раз. Всё это показывает, что цели настоящего исследования невозможно достичь без анализа переводов заголовочного комплекса, который здесь будет пониматься расширенно: помимо заголовка статьи и вкладки, к нему будут отнесены также подзаголовки сверхфразовых единств медиатекста.

Сравнительный анализ показывает, что в переводах этих фрагментов медиатекста чаще всего опускаются фактические сведения, которые дублируются в других местах заголовка или текста в целом, и второстепенные, с точки зрения английской редакции, фактические сведения (например, *dont le score est inférieur à celui de sa réélection* в тексте 10; всего наблюдается в 14 парах текстов); в отдельных случаях отмечено смягчение отдельных лексических единиц и опущение оценочных лексем (*exceptionnelles* в тексте 8); в четырех текстах (№ 2, 15, 16, 19) происходит опущение целых предложений, дающих оценку происходящему, но не сооб-

щающих новых сведений; в некоторых вводках появляются предложения, которых не было в оригинале (№ 3, 15; в оригинале текста № 15: *Sites spécialisés et comptes automatisés permettent à chacun de suivre les déplacements des plus riches. Une pratique limitée jusqu'à il n'y a pas si longtemps aux seuls passionnés*, в переводе: *From Taylor Swift to Elon Musk, an increasing number of flight-tracking bots unveil to the general public the environmental footprint of the richest people on earth*); в восьми переводах для уточнения происходящего переводчиками используется добавление, например, *a public debt of €3 trillion* в тексте 16; в двух заголовках (№ 4, 17) использована экспликация (в оригинале текста № 17: *Justice: la «République exemplaire» en danger*, в переводе объясняется, кому принадлежит цитата и в чем именно заключается опасность: *Macron's promise of 'exemplarity' menaced as justice minister risks trial*).

Интерпретация данных, полученных в результате проведенного анализа, позволяет уточнить многие аспекты переводческой стратегии, избранной редакцией *Le Monde*. В целом при переводе заголовков переводчики стремятся сохранить как привлекательную, так и информирующую функцию. Работая с заголовочным комплексом, переводчики почти всегда прибегают к опущению, что позволяет, с одной стороны, адаптировать заголовочные комплексы под фоновые знания реципиента (*Finale de Top 14: ancien «club de mercenaires» du rugby, Montpellier s'est réinventé – Rugby: Montpellier's comeback, from fighting for survival to the Top 14 final*; прозвище клуба, знакомое только франкофонам, в переводе опущено), с другой стороны, снизить детализацию описания и тем самым сфокусировать внимание читателя на главном. Информация, которая опускается в заголовочном комплексе, как правило, дублируется в основном тексте статьи и не имеет для англоязычного реципиента такой значимости, как для франкоязычного. Путем опущения предложений, содержащих оценку описываемых событий, переводчики дают читателю большие возможности интерпретации текста. В случаях, когда переводчик оценивает фоновые знания реципиента как недостаточные для полноценного понимания заголовочного комплекса или когда возникает необходимость конкретизировать место события во избежание путаницы, используется добавление и экспликация (см. выше пример из текста № 15; место уточняется в тексте № 5: *La transition écologique en manque de récit – France's environmental transition lacks a narrative*). Необходимо отметить, что оба эти приема используются

гораздо реже, чем опущение, а объем добавленных в заголовочный комплекс элементов меньше, чем опущенных.

Лексическое обеспечение медиасобытия и перевод

Как уже отмечалось выше, основой лексического обеспечения медиасобытия является ряд языковых единиц, используемых в заголовочном комплексе, повторяющихся на протяжении всего медиатекста и относящихся к знаменательным частям речи. Поскольку в процессе перевода именно заголовочный комплекс претерпевает наиболее значительные изменения, можно сделать обоснованное предположение, что лексическое обеспечение одного и того же медиасобытия меняется при переводе медиатекста. Для проверки данного предположения были выделены наиболее частотные лексические единицы, встречающиеся в текстах оригинала и перевода, после чего полученные списки были сопоставлены друг с другом, и из них были удалены слова, находящиеся друг с другом в отношениях вариантного соответствия; наконец, было подсчитано общее количество расхождений между списками (лексических отклонений). Например, при переводе второго текста из лексического обеспечения исчезли слова *décision*, *échec* и *rouvoir*, но добавились *time* и *financial*, что дает в сумме пять лексических отклонений.

Среднее количество лексических отклонений – 3,3 – значительно отличается от нуля. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что лексическое обеспечение перевода отличается от лексического обеспечения оригинала в рассматриваемой группе медиатекстов. Главной причиной наблюдаемого явления следует, по-видимому, считать широкое использование различных трансформаций при переводе заголовочного комплекса.

В лексическое обеспечение англоязычных медиатекстов, в отличие от французских, вошли слова абстрактной семантики, позволяющие структурировать происходящее (*plan*, *vision*, *achieve*, *role*, *data*, *footprint*, *spending*, *debt*), а также оценочная лексика, используемая для характеристики ситуации в целом (*crisis*, *violence*, *defense*, *conflict*, *responsible*, *suffering*); в то же время на основании проанализированных медиатекстов выделить определенные группы слов, не вошедших в лексическое обеспечение перевода, но присутствующих в лексическом обеспечении оригинала, едва ли возможно. Это означает, что при опущении значимых элементов текста в каждом отдельном случае принимаются решения, обусловленные контекстом и редакторской политикой, однако в их добавлении можно заметить общие тенденции.

Выводы

Подытоживая сказанное, следует дать общее описание стратегии, используемой при переводе медиатекстов *Le Monde* с французского языка на английский, и показать роль, которую эта стратегия играет в контексте лингвомедийного конструирования события.

Работая с данными текстами, переводчики придерживаются стратегии прагматической адаптации, уделяя особое внимание позиции редакции, фоновым знаниям реципиента и простоте восприятия текста. Перевод становится более удобочитаемым, чем оригинал, главным образом за счет членения предложений. Происходит значительное сокращение объема текста, вызванное не только межъязыковыми различиями, но и политикой редакции, стремящейся предоставлять англоязычной аудитории сравнительно короткие и емкие тексты. При передаче такого культурно-специфического компонента исходного текста, как единицы, репрезентирующие фоновые знания франкоязычного лингвокультурного сообщества, в англоязычном целевом тексте используются экспликация, добавление и опущение, однако это не оказывает значимого влияния ни на изменение объема текста, ни на изменение индекса удобочитаемости.

При переводе заголовков чаще всего используется опущение словосочетаний или даже предложений, содержащих второстепенные, с точки зрения коллектива переводчиков и редакторов *Le Monde*, сведения о происходящем и эксплицитную оценку описываемого события; вместе с тем имплицитная оценка выражается в переводе более явно за счет увеличения числа лексических единиц с оценочной семантикой. Более широкое употребление слов с абстрактной семантикой в переводе позволяет англоязычной аудитории более четко структурировать происходящее, следовательно, образ, представленный в переводе, отличается большей системностью и идеологичностью, чем образ события, представленный в оригинале. Именно этими признаками можно охарактеризовать системные различия в ходе лингвомедийного конструирования события коллективом сотрудников *Le Monde* для франкоязычной и англоязычной аудитории. В результате диктумная часть медиасобытия остается без изменений, однако в таких компонентах модусной части, как оценка медиасобытия и медиакоординаты (именно к модусу медиакоординат следует, по-видимому, отнести системное представление о событии), происходят изменения, влияющие на образ события в коллективном когнитивном пространстве.

Список источников

1. Латышев Л.К. *Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания*. Москва : Просвещение, 1988. 159 с.
2. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва : Librokom, URSS, 2009. 569 с.
3. Петрова О.В. Существуют ли универсальные критерии оценки качества перевода? // *Вестник Воронежского государственного университета*. 2009. № 2. С. 119–123. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация).
4. Чанышева З.З. *Этнокультурные основания лексической семантики*. Уфа : РИО БашГУ, 2004. 254 с.
5. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. Москва : КомКнига, 2006. 261 с.
6. Игнатьева И.Г. *Вербальные репрезентации фоновых знаний в медиатекстах и способы их передачи в переводе: на материале медиаиздания "The Economist"* : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. Москва, 2010. 254 с.
7. Гарбовский Н.К. *Теория перевода*. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 542 с.
8. Алексеева И.С. Переводческие стратегии как объект переводоведения // *Ее же. Текст – перевод – культура: избранные труды*. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. С. 94–98.
9. Прошина З.Г. *Theory of translation: С англ. на рус. и с рус. на англ. яз.* Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 265 с.
10. Кафискина О.В., Крыкова И.В. Проблема репрезентативности перевода и транслатологическая классификация текстов // *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2017. Т. 14 (№ 4). С. 750–760. (Серия: Вопросы образования: Языки и специальность).
11. Нелюбин Л.Л. *Толковый переводоведческий словарь*. Москва : Флинта: Наука, 2009. 318 с.
12. Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Репр. изд. Москва : Альянс, 2013. 250 с.
13. Леонова И.В. *Письменный англо-русский перевод*. Москва : Изд. дом НИТУ «МИСиС», 2021. 80 с.
14. Ермолович Д.И. *Русско-английский перевод*. Москва : Аудитория, 2022. 640 с.
15. *Словарь терминов межкультурной коммуникации* / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько (ред.), З.Г. Прошина (ред.), Н.Г. Юзефович. Москва : Флинта : Наука, 2013. 628 с.
16. Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат* // *Его же. Избранные работы*. Москва : Территория будущего, 2005. 440 с.
17. Леонтьев А.Н. *Образ мира* // *Его же. Избранные психологические произведения*. Москва : Наука, 1983. Т. 2. С. 251–261
18. Смирнов С.Д. *Психология образа: проблема активности психического отражения*. Москва : Изд-во МГУ, 1985. 231 с.
19. *Картины русского мира: современный медиадискурс* / З.И. Резанова, Л.И. Ермоленкина, Е.А. Костяшина [и др.] ; ред. З.И. Резанова. Томск : ИД СК-С, 2011. 288 с.
20. Добросклонская Т.Г. Лингвомедийное конструирование события в новостном дискурсе // *Медиалингвистика*. Вып. 8. *Язык в координатах массмедиа: материалы V Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2021 г.)* / науч. ред. Л.Р. Дускаева, отв. ред. А.А. Малышев. Санкт-Петербург : Медиапапир, 2021. С. 108–112.
21. Ломакин Б.Е. Модель медиасобытия как элемента медийной картины мира // *Современный дискурс-анализ*. 2022. № 2 (30). С.12–18.
22. Reuters Institute Digital News Report 2022 / Nic Newman with Richard Fletcher, Anne Schulz, Simge Andi, and Rasmus Kleis Nielsen // *Reuters Institute. University of Oxford. Digital News Report*. 2020. 112 с. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2022-06/Digital_News-Report_2022.pdf (accessed: 02.12.2022).
23. Text Expansion and Contraction in Translation // *Eriksen Translations*. 2019, March. URL: <https://eriksen.com/language/text-expansion/> (accessed: 01.12.2022).
24. How much will your text expand or contract? // *ANDIAMO! The language professionals*. 2022. URL: <https://www.andiamo.co.uk/resources/expansion-and-contraction-factors/> (accessed: 01.12.2022).
25. Добросклонская Т.Г. *Медиалингвистика: теория, методы, направления*. Москва : Добросвет, 2020. 180 с.

References

1. Latyshev L.K. *Perevod: problemy teorii, praktiki i metodiki prepodavaniya* [Translation: theory, practice, and training]. Moscow : Prosveshchenie, 1988. 159 p. (in Russ.).
2. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Linguistic terms dictionary]. Moscow : Librokom, URSS, 2009. 569 p. (in Russ.).
3. Petrova O.V. Sushchestvuyut li universal'nye kriterii ocenki kachestva perevoda? [Can universal criteria of translation quality exist?] // *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 2009. № 2. P. 119–123.
4. Chanysheva Z.Z. *Etnokul'turnye osnovaniya leksicheskoy semantiki*. [Ethnocultural basis of lexical semantics] Ufa : RIO Bash-GU, 2004. 254 p. (in Russ.).
5. Karaulov Yu.N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow : KomKniga, 2006. 261 p. (in Russ.).
6. Ignat'eva I.G. *Verbal'nye reprezentacii fonovyh znaniy v mediatekstah i sposoby ih peredachi v perevode: na materiale mediaizdaniya "The Economist"* [Verbal representation of background knowledge in media-texts and ways of their translation: analyzing articles from "The Economist"]: dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.20; [Mesto zashchity: Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova]. Moscow, 2010. 254 p. (in Russ.).
7. Garbovskij N.K. *Teoriya perevoda* [Theory of translation]. Moscow : Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. 542 p. (in Russ.).
8. Alekseeva I.S. *Perevodcheskie strategii kak ob'ekt perevodovedeniya* // *Tekst-perevod-kul'tura: izbrannye trudy* [Translation strategies in the view of translation theory // Alekseeva I.S. *Text, translation, and culture: selected works*]. St. Peterburg : Izd-vo RGPU imeni A.I. Gercena, 2017. 399 p. P. 94–98. (in Russ.).

9. Proshina Z.G. *Theory of translation: S angl. na rus. i s rus. na angl. yaz* [from English into Russian and from Russian into English]. Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1999. 265 s. (in Russ.).
10. Kafiskina O.V., Krykova I.V. Problema reprezentativnosti perevoda i translologicheskaya klassifikatsiya tekstov [Representativeness of translation and translological classification of texts] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: YAzyki i special'nost'*. 2017. Vol. 14 (№ 4). P. 750–760. (in Russ.).
11. Nelyubin L.L. *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'* [Translological Dictionary]. Moscow : Flinta: Nauka, 2009. 318 p. (in Russ.).
12. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation: linguistic aspects]. Moscow : Al'yans, 2013. 250 p. (in Russ.).
13. Leonova I.V. *Pis'mennyj anglo-russkij perevod* [Translation from English into Russian]. Moscow : Izd. Dom NITU «MISIS», 2021. 80 p. (in Russ.).
14. Ermolovich D.I. *Russko-anglijskij perevod* [Translation from Russian into English]. Moscow : Auditoriya, 2022. 640 p. (in Russ.).
15. *Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii* [Intercultural communication dictionary] / I.N. Zhukova, M.G. Lebed'ko (red.), Z.G. Proshina (red.), N.G. Yuzefovich. Moscow : Flinta: Nauka, 2013. 628 p. (in Russ.).
16. Wittgenstein L. Logiko-filosofskij traktat // Wittgenstein L. *Izbrannye raboty* [Tractatus Logico-Philosophicus. Selected Works]. Moscow : Territoriya budushchego, 2005. 440 p. (in Russ.).
17. Leont'ev A.N. *Obraz mira* // Leont'ev A.N. *Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya* [Worldview // Leont'ev A.N. Selected works on Psychology]. Moscow, 1983. Vol. 2. P. 251–261. (in Russ.).
18. Smirnov S.D. *Psihologiya obraza: problema aktivnosti psihicheskogo otrazheniya* [Psychology of image: investigation of the activeness of psychic reflection]. Moscow : Izd-vo MGU, 1985. 231 p. (in Russ.).
19. *Kartiny russkogo mira: sovremennyj mediadiskurs* [Russian worldview: modern media discourse] / Z.I. Rezanova, L.I. Ermolenkina, E.A. Kostyashina i dr.; Red. Z.I. Rezanova. Tomsk: ID SK-S, 2011. 288 p. (in Russ.).
20. Dobrosklonskaya T.G. Lingvomedijnoe konstruirovaniye sobytiya v novostnom diskurse [Linguomedial reconstruction of an event in news discourse] // *Medialingvistika. Vyp. 8. YAzyk v koordinatah massmedia: mat-ly V Mezhdunar. nauchn. konferencii* (St.-Peterburg, 30 June – 2 July 2021) / ed. by L.R. Duskaeva, A.A. Malyshev. St. Petersburg : Mediapapir, 2021. P. 108–112. (in Russ.).
21. Lomakin B.E. Model' mediasobytiya kak elementa medijnoj kartiny mira [Modelling mediaevent within the frames of media worldview] // *Sovremennyj diskurs-analiz*. 2022. № 2 (30). P. 12–18. (in Russ.).
22. Reuters Institute Digital News Report 2022 / Nic Newman with Richard Fletcher, Anne Schulz, Simge Andi, and Rasmus Kleis Nielsen. // *Reuters Institute. University of Oxford. Digital News Report*. 2020. 112 c. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2022-06/Digital_News-Report_2022.pdf (accessed: 01.12.2022).
23. Text Expansion and Contraction in Translation // *Eriksen Translations*. 2019, March. URL: <https://eriksen.com/language/text-expansion/> (accessed: 01.12.2022).
24. How much will your text expand or contract? // *ANDIAMO! The language professionals*. 2022. URL: <https://www.andiamo.co.uk/resources/expansion-and-contraction-factors/> (accessed: 01.12.2022).
25. Dobrosklonskaya T.G. *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya* [Medialinguistics: theory, methods, and conceptions]. Moscow : Dobrosvet, 2020. 180 p. (in Russ.).

Список источников практического материала

[Все ссылки актуальны на 01.12.2022. В целях экономии пространства ссылки на переводы статей на английский язык не приводятся: с ними можно ознакомиться, перейдя по приведенным ниже электронным адресам и кликнув на гиперссылку «Read in English»]

1. Guerre en Ukraine : les drones iraniens Shahed-136, l'arme du pauvre de Vladimir Poutine. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/10/11/guerre-en-ukraine-que-sont-les-drones-iraniens-utilises-par-la-russie_6145369_3210.html.
2. Démission de Liz Truss au Royaume-Uni : le Brexit, « éléphant dans la pièce ». URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/10/21/demission-de-liz-truss-au-royaume-uni-le-brexit-elephant-dans-la-piece_6146770_3232.html.
3. Démission de Liz Truss : Rishi Sunak, Boris Johnson, Penny Mordaunt... qui sont les possibles candidats pour la remplacer ? URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/10/21/demission-de-liz-truss-boris-johnson-rishi-sunak-penny-mordaunt-qui-sont-les-possibles-candidats-pour-la-remplacer_6146788_3210.html.
4. Mort de Lola à Paris : ce que l'on sait du parcours de la suspecte. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2022/10/18/mort-de-lola-a-paris-une-suspecte-au-parcours-de-vie-chaotique-et-marque-par-la-violence_6146358_3224.html.
5. La transition écologique en manque de récit. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/10/22/la-transition-ecologique-en-manque-de-recit_6146920_3232.html.
6. Salaires : négocier partout où c'est possible. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/10/19/salaires-negocier-partout-ou-c-est-possible_6146463_3232.html.
7. Pap Ndiaye ministre de l'éducation nationale, le poids d'un symbole. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/05/21/pap-ndiaye-ministre-de-l-education-nationale-le-poids-d-un-symbole_6127110_3232.html.
8. Election présidentielle 2022 : pour le second tour, une responsabilité historique. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/04/11/presidentielle-2022-pour-le-second-tour-une-responsabilite-historique_6121659_3232.html.
9. Remaniement : un gouvernement pléthorique et sans souffle. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/07/05/remaniement-un-gouvernement-plethorique-et-sans-souffle_6133378_3232.html.
10. Premier tour des législatives 2022 : les leçons d'un scrutin. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/06/13/premier-tour-des-legislatives-2022-les-lecons-d-un-scrutin_6130104_3232.html.

11. Marine Le Pen qualifiée haut la main pour le second tour des élections législatives dans le Pas-de-Calais. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2022/06/12/marine-le-pen-qualifiee-haut-la-main-pour-le-second-tour-des-elections-legislatives-dans-le-pas-de-calais_6130001_823448.html.

12. Finale de Top 14 : ancien « club de mercenaires » du rugby, Montpellier s'est réinventé. URL: https://www.lemonde.fr/sport/article/2022/06/24/finale-de-top-14-ancien-club-de-mercenaires-du-rugby-montpellier-s-est-reinvente_6131809_3242.html.

13. «Uber Files» : une plongée inédite et alarmante dans la boîte noire du lobbying. URL: https://www.lemonde.fr/pixels/article/2022/07/10/uber-files-une-plongee-inedite-et-alarmante-dans-la-boite-noire-du-lobbying_6134198_4408996.html.

14. Guerre en Ukraine : le pari de Volodymyr Zelensky en Crimée. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/08/17/guerre-en-ukraine-le-pari-de-volodymyr-zelensky-en-crimee_6138250_3232.html.

15. Jets privés des célébrités : derrière la dénonciation de la pollution, le succès grandissant du «flight tracking». URL: https://www.lemonde.fr/pixels/article/2022/08/18/jets-privés-des-celebrites-derriere-la-denonciation-de-la-pollution-le-succes-grandissant-du-flight-tracking_6138379_4408996.html.

16. Budget 2023 : l'urgence de mieux dépenser URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/09/27/budget-2023-l-urgence-de-mieux-depenser_6143355_3232.html.

17. Justice : la « République exemplaire » en danger. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/10/04/justice-la-republique-exemplaire-en-danger_6144308_3232.html.

18. Jean-Louis Trintignant, l'acteur qui voulait rester clandestin, est mort. URL: https://www.lemonde.fr/disparitions/article/2022/06/17/l-acteur-jean-louis-trintignant-est-mort_6130853_3382.html.

19. Fin de vie : un grand débat, délicat mais nécessaire. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/09/14/fin-de-vie-un-grand-debat-delicat-mais-necessaire_6141569_3232.html.

20. Fusillade au Texas : les Etats-Unis s'entre-tuent, le Parti républicain regarde ailleurs. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/05/25/fusillade-au-texas-l-amerique-s-entre-tue-le-parti-republicain-regarde-ailleurs_6127617_3232.html.

Информация об авторе

Б.Е. Ломакин – ассистент кафедры иностранных языков и коммуникационных технологий Университета науки и технологий МИСИС; аспирант факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Information about the author

B.Ye. Lomakin – assistant lecturer Department of Foreign Languages and Communication Technologies, National University of Science and Technology MISIS; postgraduate student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

Статья поступила в редакцию 11.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 11.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 811.512.31

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-204-211

ПРЕДПЕРЕВОД VS. РЕЛЯТИВИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СТЕРЕОТИПА. АНГЛИЙСКИЙ И БУРЯТСКИЙ МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС

Полина Пурбуевна Дашинамаева¹, Алтана Тагаровна Ламбаева²

^{1, 2}Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия

¹pdash@bsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1304-5390>

²alambaeва@gmail.com

Аннотация. В статье ставится методологическая проблема определения автора как социальной личности на этапе предпереводческого анализа оригинала. В целях масштабирования субъекта с точки зрения идентификации его картины мира и тактики его социального поведения авторами статьи разрабатывается механизм дальней, срединной и ближней релятивизации национальных (этнокультурных) стереотипов. В качестве иллюстрации применения алгоритма релятивизации выступают английский и бурятский медийные дискурсы и соответствующие медийные личности – Оуэн Джоунс и Баир Цыренов. Теоретической базой исследования являются стратегия перевода И.С. Алексеевой, типология требований к художественному переводу с использованием языков народов России П.П. Дашинамаевой, теория когнитивно-коммуникативной параметризации медийного дискурса И.А. Якобы, идея о взаимоотноительности стереотипов М.М. Бахтина, концепция релятивизации этнокультурных стереотипов Н.В. Сорокиной.

Ключевые слова: релятивизация стереотипов, предпереводческий анализ, медиадискурс, социальная личность автора

Original article

PRETRANSLATION VS. NATIONAL STEREOTYPE RELATIVIZATION. ENGLISH AND BURYAT MEDIA DISCOURSE

Polina P. Dashinimaeva¹, Altana T. Lambaeva²

^{1, 2}Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

¹pdash@bsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1304-5390>

²alambaeва@gmail.com

Abstract. The article deals with the methodological problem of determining the author as a social being at the stage of pre-translation. To identify the author's worldview and tactics of his social behavior, the article suggests a way to successively relativize national (ethno-cultural) stereotypes at the distanced, medium-distanced and close levels. The English and Buryat media discourse and the corresponding authors Owen Jones and Bair Tsyrenov serve as an illustration of the algorithm application. The theoretical basis of the research is I.S. Alekseeva's translation strategy, P.P. Dashinimayeva's typology of requirements for literary translation where regional languages of Russia are used, I.A. Yakoba's theory of cognitive-communicative parametrization of media discourse, M.M. Bakhtin's idea of stereotypes' interrelatedness, and N.V. Sorokina's concept of ethno-cultural stereotype relativization.

Keywords: stereotype relativization, pre-translation analysis, media discourse, the author, social person

Введение

В современном переводоведении идея необходимости осуществления процесса перевода по трехэтапной структуре, включающей предперевод, сам перевод и постперевод, не ставится под сомнение. Однако технологические вопросы подбора и имплементации методов непротиворечивой – системной, полидисциплинарной – реализации всех этапов остаются актуальными для решения. Те наработки, которые сводят воедино этапы как стратегию перевода, часто исходят из принципов

лингводидактики, где во главу угла ставятся пути подбора параллелей по четырем видам речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо) на четырех уровнях языковой системы (фонетика, лексика, грамматика, стилистика).

Опыт подсказывает, что в основе достижения принципа непротиворечивости этапов стратегии должна лежать аксиома о том, что каналы восприятия и сам языковой знак, который слышится, говорится, считывается и пишется, – лишь суть материальные и сенсорно наблюдаемые составляющие

акта перевода, потому они не должны перекрывать собственно интеллектуальную операцию по интерпретации затекстового кода семиотической природы. Таким образом, если сам исходный текст – лишь ключ к затекстовому миру автора, от переводчика требуется подобрать другой ключ, а именно – найти метод интерпретации заданного пространства. В нашем случае ставится задача разработки, описания и первичного применения метода релятивизации национальных стереотипов в качестве подалгоритма, вводимого в один из начальных этапов понимания смысла и намерения автора текста. В качестве материала имплементации выбран медийный дискурс по следующим основаниям:

- современная дискурсология как наука, реализующая поворот лингвистики в сторону социологии или сопрягающая базовые положения двух областей, предлагает видеть автора как социальную личность (Т.А. ван Дейк, Н. Фэрклоу, Э. Лаклау, Р. Водак, М. Уэзерелл, Я. Поттер и др.);

- медийный жанр, особенно тот аспект, который связан с аналитикой состояния дел во внешнем мире и соответствующим гражданским позиционированием, соответственно по своему материалу жанр подходит поставленной задаче.

Обзор теоретической базы

Согласно заданным в заглавии модусам наше исследование интегрирует вокруг перевода положения как минимум трех областей знания – культурологии, дискурсологии и медиакоммуникации.

Так, теоретической базой послужили следующие концепции:

- 1) стратегия перевода И.С. Алексеевой, согласно которой переводческая стратегия означает не только планирование, но и саму программу конкретных действий [1];

- 2) типологизация обобщенных требований к художественному переводу с использованием языков народов России П.П. Дашинимасовой, которые могут лечь в основу частных теорий перевода при условии единого целевого русского языка [2];

- 3) когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса И.А. Якобы, в рамках которой моделируется медийный дискурс в когнитивно-коммуникативных параметрах интеллектуального пространства, регулирующих эффективность дискурса [3: с. 6];

- 4) взаимоотноительность мнений и стереотипов М.М. Бахтина, который настаивает на том, что «точка зрения становится убедительной, нужной и необходимой лишь в соотношении с другими творческими точками зрения» [4: с. 485], из чего следует, что осознание и принятие социокультурных об-

разов позволяет оптимально учесть разработанные в современной науке представления о национальных стереотипах, их амбивалентной, релятивной природе;

- 5) релятивизация этнокультурных стереотипов Н.В. Сорокиной, где авторы последовательно раскрывают механизмы стереотипизации, с одной стороны, и уточнения образа субъекта на фоне обобщенных стереотипических характеристик этноса, с другой [5: с. 137].

Основная часть (методология, результаты)

Поясним, каким образом мы связываем третью и пятую концепции. Для обнаружения ориентиров анализа медиадискурса И.А. Якоба предлагает так называемую технологию «умная настройка» (ТУН), которая представляет собой когнитивно-коммуникативную параметризацию медийного дискурса в динамике его реализации, которая характеризует дискурс в его оптимальной приближенности к эффективному воздействию, доминированию дискурсивной формации в коммуникативном пространстве, способствует событийности [3]. Из сказанного вытекает важность вскрытия эффекта воздействия, вызванного значимым для получателей сообщения коммуникативным событием, а иллюкативно-перлокутивная связка, как известно, напрямую зависит от речевых умений и социального статуса автора. Следовательно, в интерпретации картины мира автора переводчик должен идти от следующего исходного мнения:

- социальность личности автора должна так или иначе выражаться в том, что он выступает одновременно и от социума, и для социума;

- медийный дискурс является совокупностью социальных факторов и аспектов, на которые дискурс указывает эксплицитно и имплицитно;

- социальная сторона личности автора традиционно проявляется в таких характеристиках, как социальный статус, пол, возраст, язык и этническая принадлежность.

Однако эти базовые характеристики относятся лишь к внешним – дальним – атрибутам, соответственно следует расширить список в сторону внешне ненаблюдаемых параметров личности в рамках трех взаимообусловленных операций «этнодифференцирование», «этноинтегрирование» и «этнорелятивизация», предлагаемых в [5: с. 156]. Механизм поиска заключается в умении «задержать использование стереотипа в определенной ситуации, отложить стереотип, подождать, не спешить с выводами, перепроверить истинность/ложность данного стереотипа в конкретной ситуации», в результате создается «дистанцированность человека от

его стереотипов» [5: с. 160]. Следует признать, что переводчику данные когнитивные усилия не всегда подвластны по разным причинам, однако он должен понимать и осознавать определенную максимуму, к достижению которой хотя бы можно стремиться.

Пока рассмотрим, каким образом встроится механизм релятивизации в предпереводческий процесс, для чего берем подходящую под медийный дискурс часть авторского алгоритма предперевода [2], обладающего достаточно высокой степенью аппликативности, поскольку в нем учитывается специфика вовлечения регионального языка-культуры в переводческое посредничество и предполагает следующие шаги по декодированию донесений оригинала:

1) изучить ориентиры культурно-цивилизационного мышления этноса;

2) попытаться соизмерить данные ориентиры с конкретными физическими и ментальными тактиками поведения носителей языка-культуры;

3) ознакомиться с базовыми дискурсивными стратегиями [медиа] стиля изложения в контактирующих языках, при этом помнить, что целевой язык функционирует как инструмент знакомства с мыслями и донесениями не своей, а *другой* культуры, соответственно может принимать ряд правил, расширяющих нормы узуса – предметного, социального и жанрового – целевого языка;

4) для понимания замысла автора и его индивидуального стиля осуществить релятивизацию стереотипного знания посредством сбора сведений об авторе, особенно его социально-личностных характеристик (знакомство с биографией, основными трудами, достижениями другого плана, комментариями и обзорами его деятельности) на следующих уровнях:

- дальнейшей релятивизации стереотипного знания об авторе относительно *всей* культуры этноса;

- срединной – соотношении возраста автора с его/ее поколением и предполагаемым набором традиционных ценностей представителей поколения;

- ближней – посредством суммирования результатов предыдущих двух шагов с результатами прогнозирования психотипических характеристик автора, в том числе гендерных, идентифицируя автора как яркого / среднетипичного / периферийного представителя культуры этноса, что позволит, в свою очередь, эксплицировать типичные / среднетипичные / слаботипичные версии концептуально-семантической системы носителей культуры-1 [2].

Как видно, пункт 4 излагает рекомендацию релятивизировать образ автора относительно национального стереотипа, однако для более полной

экспликации признаков социальной личности на поколенческих и личностных уровнях нам следует ввести дополнительные ориентиры интерпретации посредством совмещения ряда параметров, описанных в теориях [3; 5]. Так, синтезированная версия стратегии предперевода выглядит следующим образом (рисунок).

Рисунок. Релятивизация этнокультурных стереотипов vs. социальная личность автора

Логично, что по мере продвижения от дальней релятивизации к ближней повышается степень атомарности подхода – от обобщенного внешне-поведенческого к индивидуально-внутренней картине мира. Конечно, ближняя релятивизация имеет открытый характер: сам исходный дискурс может детерминировать ввод дополнительных параметров, способствующих уточнению места автора в иерархии представителей этноса с точки зрения их социального статуса.

Следующая задача – определение степени аппликативности алгоритма. Для этого производится выборка медийных авторов, представляющих приблизительно одинаковые культуры по критерию Эдварда Холла «высокий/низкий контекст» (в нашем случае – высококонтекстные бурятская и английская), далее – по схожести таких параметров, как *гендер, возраст, сфера деятельности, сила позиции*, и по критерию «яркий представитель медиапространства». В результате отбираются популярные на родине медийные личности Баир Цыренов и Оуэн Джоунс (Owen Jones). У обоих ярко выражена социальная позиция, основывающаяся на принципах общественности, равноправия и справедливости, чья основная политическая сфера связана с деятельностью неправящей в данный момент партии: Баир Цыренов – заместитель руководителя фракции КПРФ, депутат Народного Хурала Республики Бурятия; Оуэн Джоунс активно поддерживает Лейбористскую партию Великобритании.

Опустим известные национальные стереотипы об англичанах (см.: К. Фокс, 2013 [6]) и бурятах (Т. Дугарова, 2010 [7]).

Согласно дальней релятивизации (социальный статус, этническая принадлежность), произведенной при помощи анализа внешних данных о Джоунсе, он обладает высоким социальным статусом: медийная личность Великобритании является довольно известным и востребованным политическим обозревателем, также обозревателем газеты (ведет колонку в популярных газетах *The Guardian*, *New Statesman*, *Tribune*), журналистом, автором аналитических текстов и левым активистом. Кроме того, у Оуэна Джоунса есть свой YouTube канал и подкаст. На данный момент в его блоге насчитывается 186 тысяч подписчиков. Согласно статистике с момента регистрации блога (29 мая 2015 г.) его продукт посмотрели 6 959 371 человек. Следовательно, у него разносторонние профессиональные навыки, обширные социальные связи, большой личный и социальный опыт. Оуэн Джоунс – англичанин, родился в Шеффилде, Южный Йоркшир. Медиадискурсы автора говорят о том, что ему присущи стереотипные характеристики англичан лишь в относительной степени (консерватизм и приверженность традиции; вежливость и сдержанность; законопослушность и соблюдение правил; снобизм, острые шутки).

По срединной релятивизации (пол, возраст, тактика поведения автора) тактика поведения в медийном дискурсе Оуэна Джоунса примерно такая же нонконформистская: прослеживается смелость, затрагивание острых и неудобных для консервативного англичанина социально-политических тем, использование острых шуток, выпадов, часто грубого характера.

Ближняя релятивизация на основе анализа медиадискурсов Оуэна Джоунса (психотипические характеристики, сила позиции автора, горизонт ожиданий реципиента) позволяет подтвердить, что его нельзя считать типичным представителем этноса в рамках описанных выше стереотипных характеристик, скорее его можно идентифицировать как периферийного представителя этноса. С другой стороны, автор обладает сильной позицией: свое влияние на читателей и слушателей он отражает в оценках, типа *Grotesque! Absolutely nauseating stuff... 'Это полный маразм, абсолютно тошнотворно...'*. Так, Оуэн Джоунс, несомненно, выделяется из общей массы англичан своей активной гражданской позицией, регулярно участвуя во всех социальных и политических событиях в стране и мире. Он высокообразован, очень открыт, эмоцио-

нален, и, возможно, вспыльчив. Для мужчины 37 лет он выглядит достаточно молодо и ведет активный образ жизни, что несвойственно в целом типичному английскому мужчине данного возраста.

Далее проиллюстрируем процесс релятивизации стереотипов на примере медиадискурсов выбранных авторов: сначала произведем декодирование медийных дискурсов, далее покажем, как итоговый алгоритм влияет на перевод медиадискурса.

Исходный медийный дискурс Оуэна Джоунса – часть интервью из его видеоблога в [URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VayMtuj1FEQ> (дата обращения: 13.12.2021)].

Разберем детально дискурс Оуэна Джоунса. Первая фраза *Now, before I bring in our first guest I just want to bring this up, because this is the title of the show how the Tories are exploring omicron for their own personal advantage: political advantage. 'Итак, прежде чем я приглашу нашего первого гостя, я хочу поговорить о названии этого выпуска – о том, как Тори используют омикрон для своей личной выгоды' – политической выгоды*» (здесь и далее переводы наши. – П.Д., А.Л.) на основе ближней релятивизации сразу же позволяет нам оценить Оуэна Джоунса как нестереотипного англичанина, так как он смело и открыто говорит о том, что правящая партия манипулирует общественным сознанием, тем самым навязывая недоказуемые убеждения. Он не привержен традиционным условностям, которые подразумевают другое – более сдержанное – поведение. Далее фраза *Grotesque! Absolutely nauseating stuff, that a Cabinet Minister is actually rubbing their hands with glee at the emergence of a new variant, which may... may cause huge amounts of death and misery and economic and social dislocation because they think it will shift the narrative away from Tory corruption scandals back onto Covid. 'Это полный маразм, абсолютно тошнотворно, что министр на самом деле потирает руки от радости по поводу появления нового варианта, который может ... может привести к огромному количеству смертей и страданий, а также к экономическим и социальным кризисам, потому что они думают, что это сместит внимание с коррупционных скандалов Тори обратно на ковид'* наглядно демонстрирует эмоциональный накал (*Grotesque! Absolutely nauseating stuff*), равнодушие к социальным проблемам людей и ситуации в стране в целом (*may cause huge amounts of death and misery and economic and social dislocation*).

Далее для того, чтобы в более полной мере апробировать предлагаемый алгоритм, рассмотрим другого участника анализируемого медиадис-

курса. В интервью Оуэна Джоунса участвует Динан Пиллэй (Deenan Pillay), профессор Университетского колледжа Лондона. Работа профессора сосредоточена на клинических, популяционных и лабораторных исследованиях, направленных на ограничение распространения ВИЧ-инфекции, также, будучи членом Независимой научно-консультативной группы по чрезвычайным ситуациям (SAGE), он предоставляет общественности различные консультации и политические рекомендации.

Рассмотрим фрагмент медиадискурса профессора Пиллэй: *Yeah, so first of all you're a very good virologist, obviously, Owen, and so that's great, that is one theory, um ...and I mean I ran a research institute in Kwazulu-Natal for six years until a couple of years ago... um where much in fact of the work coming out of the genetics, and so on, is that being undertaken and... um it's of course, HIV is a huge problem in many areas, for instance in rural Kwazulu and how 30 of individuals are infected with HIV, and of course you're right that the Covid pandemic has adversely affected the roll out of antiretroviral treatment which hitherto has been very, very successful... um but, but of course that has been a problem.*

Данный дискурс сразу выдает автора как типичного англичанина: фраза *you're a very good virologist, obviously, Owen* 'ты, очевидно, очень хороший вирусолог, Оуэн' указывает на свойственные нации черты – вежливый юмор с иронией. Очевидно, что Оуэн Джоунс – не вирусолог, но это не мешает говорящему вежливо пошутить. Дискурс *and of course you're right that the Covid pandemic has adversely affected the roll out of antiretroviral treatment which hitherto has been very, very successful, um but, but of course that has been a problem...* 'и, конечно, вы правы, что пандемия негативно повлияла на внедрение антиретровирусного лечения, которое до сих пор было крайне успешным, но, конечно, это оказалось проблемой...' иллюстрирует сдержанную оценку кризисной ситуации, стереотипную тактику ухода от прямых обвинений, что отражается в выборе политкорректных слов.

Далее представим вариант перевода дискурса Джоунса как результат актуализации ментального этапа релятивизации стереотипа с учетом рекомендации Э. Честермана о том, что в целях релевантного восприятия «в целевом языке можно понижать или повышать уровень риторической значимости» [8: с. 231]. В ряде мест мы целенаправленно выделили жирным шрифтом те знаки, которые как сигналы указывают на нетипичность вербального и невербального поведения автора, тем более целевой язык представляет более открытую на выражение чувств и оценок русскую культуру:

'Итак, прежде чем я приглашу нашего первого гостя, я хочу поговорить о названии этого выпуска – о том, как Тори используют омикрон для своей личной выгоды – политической выгоды. Вот что пишут в газете Таймс: «Циничный вопрос – поможет ли последний кризис, наступивший вследствие ковида, и призыв Бориса Джонсона к еще одной "Великой британской вакцинации" укрепить правительство и имиджи высокопоставленных персон правительства после нескольких недель провалов партии Тори?» Как сказал один из министров: *"Мы в замечательнейшем положении, ведь нас трясло-покачивало, но теперь мы опять обуздаем тему ковида. Это более прочная почва для нас, что должно обеспечить нам приличенькое положение перед новым годом». Это же полный маразм, абсолютно тошнотворный, что министр на самом деле потирает руки от радости по поводу появления нового варианта, который может ... может привести к огромному количеству смертей и страданий, а также к экономическим и социальным кризисам, потому что они думают, что это сместит внимание с коррупционных скандалов Тори обратно на ковид. От таких манипуляций и срабатывает рвотный рефлекс!*

Медиадискурс Баира Цыренова отличается примерно подобным образом от дискурса других авторов Бурятии, которые обладают более традиционным медийным поведением. Согласно дальней релятивизации он также обладает высоким социальным статусом: кроме политической деятельности в КПРФ, является членом Комитета по бюджету, налогам и финансам, заместителем председателя Комиссии Народного Хурала Республики Бурятия по социально-экономическому развитию г. Улан-Удэ, членом Комиссии Народного Хурала по Регламенту, Комиссии по аккредитации журналистов средств массовой информации при Народном Хурале Республики Бурятия и кандидатом в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ седьмого созыва по одномандатному избирательному округу № 9 от КПРФ. Из этого следует, что у него всесторонняя квалификация и профессиональные навыки, обширные социальные связи, большой личный и институциональный опыт.

По этнической принадлежности Баир Цыренов – бурят. Роду, к которому он принадлежит (хори), приписывают такие стереотипные характеристики, как выдержанность, рассудительность, коллективизм, исполнительность, устойчивость родственных связей, уважительное отношение к старшим, стремление обойти острые углы, конформность,

терпеливость во взаимоотношениях, созерцательность, скрытность. Однако по срединной релятивизации видно, что Баир Цыренов, политик 37 лет, в тактике ведения дискурса не прибегает к уклончивым рассуждениям, часто называет вещи своими именами, в чем чувствуется его искреннее желание помочь людям в решении насущных проблем.

Ближняя релятивизация как следствие анализа медиадискурса Баира Цыренова [URL: <https://buraad.fm/broadcast/7096/> (дата обращения: 16.05.2022)] представляет его как яркого представителя бурятской культуры, поскольку он обладает как строго стереотипными характеристиками бурятского мужчины, так и прямо противоположными: не боится говорить открыто, затрагивать неудобные для публичной дискуссии вопросы и позволять эмоциональный накал в выступлениях. Сила позиции Баира Цыренова в дискурсе выражена ярко, к примеру, в дискурсе *Сэхын хэлэхэ ёһотойбди... Гүрэнэй ноёдой харахада бүхы юумэ һайн, бүхы юумэ урагшаа хаража байна...* 'Мы должны честно говорить. По видению государственных начальников, все у нас распрекрасно, все **подряд** идет в сторону улучшения', где он критикует традицию чиновников приукрашивать положение дел в социуме, правдивую картину заменять красивыми лозунгами. Подобная позиция обуславливается горизонтом ожиданий реципиента: электорат желает получать объективное мнение о той или иной ситуации, чтобы понять, присутствует ли на самом деле со стороны «слуг народа», к коим он относится, мотивация к изменениям в обществе.

Контент исходного медийного дискурса Б. Цыренова предопределен самой программой – радио *Буряад ФМ*, соответственно логично, что затрагивается тема сохранения бурятского языка, которая отражена в следующем дискурсе: *Буряад хэлэн, нютаг, буряад орон, буряад арад зон... минии һанахада, мүнөө муугаар байна. Сэхын хэлэхэ ёһотойбди. 'Бурятский язык, малая родина, Бурятия, наши земляки..., по моему мнению, плохо обстоят дела, нужно в этом честно признаться'*. Далее его открытость и умение публично отстаивать свою позицию приводят к громким высказываниям: *Манай ехэ республикын ноёмнай шарайгаараа, нэрээрээ буряад гэжэ нэрэтэй, тон сэдхэлээрээ буряад бэшэ, минии һанахада. 'Глава нашей большой республики внешне хоть и бурят-бурятом, но душа у него не бурятская, я думаю'*. Тем не менее в отличие от Оуэна Джоунса Баир Цыренов во многом традиционен вне сферы политики. Интервью, взятое нами в апреле 2021 г., указывает на это: он уважительно относится к старшим, терпе-

лив во взаимоотношениях с людьми, соблюдает буддистские ритуалы, поддерживает родственные отношения. Любопытно заметить, что в своем дискурсе он часто прибегает к вводным структурам, типа *мне кажется, я думаю*, которые все-таки указывают на традиционность его воспитания.

Представим наш окончательный вариант перевода дискурса, где также жирным шрифтом выделены те знаки, которые в виде сигналов указывают на нетипичность (не)вербального поведения автора, учитывая, что целевой язык – более низкоконтекстный, чем бурятский:

*'Сейчас у нас сложное время, и многие вопросы этого времени меня волнуют. Я рад, что пришел на «Буряад ФМ» и говорю на бурятском языке. Наша **главная** проблема – сохранение бурятского языка. Бурятский язык, малая родина, Бурятия, наши земляки... Нужно в этом честно признаться, они нуждаются в **немедленной** помощи: плохо обстоят дела. Мы должны честно говорить: по видению государственных начальников, все у нас **распрекрасно**, все **подряд** идет в сторону улучшения. Но я считаю, вместо того, чтобы так говорить, нам нужно найти причину того, почему все плохо, самим **прочувствовать невзгоды**, и в конце концов поняв в чем дело, нужно найти способ решить проблему, тогда все может наладиться. Мы **все время** себя хвалим, **возвышаем себя, прибегаем к самообману и обману других**, но игнорировать проблему неправильно, и не решать её **под прикрытием лозунгов** также неправильно. Также, я считаю, у бурятского языка сейчас тяжёлые времена. Но я очень рад появлению «Буряад ФМ», так же, как и весь наш народ. Перед эфиром мы уже это обсуждали. Ведь язык – это душа народа. Глава нашей большой республики внешне хоть и бурят-бурятом, но душа у него не бурятская, думаю.'*

Далее представим вторую сторону медиадискурса – интервьюера, блогера Эрдэма Гомбоева. Согласно ближней релятивизации он является более стереотипным представителем бурятского этноса, что подтверждается, к примеру, его дискурсом *Харагты даа, хүнэй толгой нугөө тээшээ болгохо бэлэн бэшэ. Хараад үзэгты даа, та байнат, танай толгойетнай нугөө тээшэн болгохо хүшэр, олон хүнүүдэй толгой нугөө тээшэн харуулха үшөө хүшэр. 'Смотрите, нелегко ведь изменить мнение человека. К примеру, ваше мнение изменить тяжело, а мнение большого количества людей еще тяжелее'*. Из этого фрагмента и самого контекста интервью вытекает вывод, что говорящий стремится обойти острые углы, предпо-

читает не говорить открыто обо всем, что думает, и он скорее пацифист и пессимист, чем активный боец, каковым является Баир Цыренов.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования

Национальные стереотипы, указывая на базовые тактики поведения представителей этноса, формируются на основе обобщенных представлений о параметрах культуры, поэтому распространение их на всю нацию – вполне логично. Поведение же отдельно взятого человека детерминируется сугубо индивидуальными психическими особенностями субъекта, поэтому в своей ментальной части подготовки к предстоящей профессиональной деятельности переводчик обязан учиться абстрагироваться от стереотипов, хотя в виде старта интерпретации он к ним обязательно прибегает.

Надеемся, что созданный нами алгоритм релятивизации стереотипов о носителе культуры как социальной личности способствует упорядочению мыслительной деятельности переводчика в конкретной

ситуации, а также развитию культуры его переводческого мышления в целом, поскольку проблема идентификации автора исходного текста как социальной личности остается размытой и субъективной темой без сопровождения конкретных – формализованных – рекомендаций КАК это делать.

Учитывая, что каждый автор – разносторонняя личность, обладающая сочетанием социально значимых характеристик, сформированных вокруг и национальных, и узкоинституциональных, и семейно-личностных ценностей, которые в совокупности детерминируют его уникальность, описанный нами алгоритм не может считаться полным или универсальным для использования. Наша задача состояла в том, чтобы обратить исследовательское внимание к проблеме предпереводческого анализа в аспекте представления отправителя оригинального текста КРУПНЫМ ПЛАНОМ на фоне соответствующей культуры ТАК, чтобы в итоге выиграл сам перевод.

Список источников

1. Алексеева И.С. *Введение в переводоведение* : учебное пособие для филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ; Москва : Академия, 2004. 352 с.
2. Дашинимаева П.П. *Художественный перевод с использованием языков народов России: основы типологизации требований // Исследования языка и современное гуманитарное знание*. Санкт-Петербург, 2022. Т. 4, № 2 (в печати).
3. Якоба И.А. *Когнитивно-коммуникативная параметризация медийного дискурса* : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Майкоп, 2020. 393 с.
4. Бахтин М.М. Проблема текста // *Собрание сочинений*. В 7 т. Т. 1. Москва : Рус. словари, Языки славян. культуры, 1997. С. 485–534.
5. Сорокина Н.В. *Лингводидактическая концепция релятивизации национальных стереотипов в процессе иноязычной подготовки студентов языковых вузов* : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02. Улан-Удэ, 2014. 454 с.
6. Фокс К. *Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения* / пер. с англ. И.П. Новоселецкой. Москва : РИПОЛ классик, 2013. 512 с.
7. Дугарова Т.Ц. Особенности этнического самосознания бурят // *Развитие личности*. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-etnicheskogo-samosoznaniya-buryat> (дата обращения: 19.05.2022).
8. Chesterman A. The unbearable lightness of English words // *Text, Processes, and Corpora: Research Inspired by Sonja Tirkkonen-Condit* / R. Jääskeläinen et al. (eds.). Joensuu : Joensuun yliopistopaino, 2007. P. 231–241.

References

1. Alekseeva I.S. *Vvedenie v perevodovedenie* [Introduction to translation studies: textbook for philol. and ling. higher establishments. (in Russ.)]. St. Petersburg : Faculty of Philology, St. Petersburg State University; Moscow : Academy, 2004. 352 p.
2. Dashinimaeva P.P. *Xudozhestvennyj perevod s ispol'zovaniem yazykov narodov Rossii: osnovy tipologizacii trebovanij* [Literary translation from the RF regional languages into Russian: typology requirements basics // *Language Studies and Modern Humanitarian Knowledge*. St. Petersburg, 2022. V. 4, № 2. 18 p. (in Russ.)].
3. Yakoba I.A. *Kognitivno-kommunikativnaya parametrizaciya medijnogo diskursa* [Cognitive-communicative parametrization of media discourse]: Ph.D. Thesis in Philology: 10.02.19 [Place of thesis defense: Banzarov Buryat State University], Ulan-Ude, 2020. 399 p. (in Russ.).
4. Bakhtin M.M. The problem of the text // *Collected Works*. In 7 vol. V. 1. Moscow : Rus. dictionaries, languages of the Slavs. Cultures, 1997. P. 485–534. (in Russ.).
5. Sorokina N.V. *Lingvodidakticheskaya koncepciya relyativizacii nacional'nyx stereotipov v processe inozyachnoj podgotovki studentov yazykovyx vuzov* [Linguodidactic concept of relativization of national stereotypes in the process of foreign language training of students of language universities]: thesis of a doctor of pedagogical sciences: 13.00.02 [Place of thesis defense: Banzarov Buryat State University]. Ulan-Ude, 2014. 454 p. (in Russ.).
6. Fox K. *Watching the British. Hidden rules of conduct* / transl. from English. I.P. Novoseletskaia. Moscow : RIPOL classic, 2013. 512 p.

7. Dugarova T.Ts. Osobennosti e`tnicheskogo samosoznaniya buryat [Peculiarities of ethnic self-consciousness of the Buryats] // *Development of personality*. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-etnicheskogo-samosoznaniya-buryat> (accessed: 05/19/2022). (in Russ.).

8. Chesterman A. The unbearable lightness of English words // *Text, Processes, and Corpora: Research Inspired by Sonja Tirkkonen-Condit* / Jääskeläinen et al. (eds). Joensuu : Joensuun yliopistopaino, 2007. P. 231–241.

Информация об авторах

П.П. Дашинимаева – доктор филологических наук, профессор;
А.Т. Ламбаева – бакалавр лингвистики.

Information about the authors

P.P. Dashinimaeva – Doctor of Science (Philology), Habil., Professor;
A.T. Lambaeva – Bachelor in Linguistics.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 23.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 811

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-212-216

**ПРОБЛЕМА УТРАТЫ ЭМОТИВНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ОФИЦИАЛЬНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПОСТОЯННЫХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ)**

Михаил Васильевич Беляков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, belmax007@hotmail.com, OCID: 0000-0002-6230-9893

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы эмотивности открытого профессионального дипломатического дискурса, тональность выступлений в рамках Совета Безопасности ООН, проблемы изменения тональности при официальном переводе выступлений с русского языка на английский. Актуальность определяется потребностью анализа степени передачи эмотивности выступлений в процессе перевода, так как тексты выступлений, переведенные на один из официальных языков ООН – английский, – благодаря его статусу международного языка доступны читателям и из-за этого способны оказывать более существенное воздействие на аудиторию. Цель состоит в анализе результатов перевода текстов выступлений средствами лингвистического и компьютерного анализа для выявления изменения уровня эмотивности исходного и переводного текстов. Анализируются причины изменения тональности при переводе.

Ключевые слова: Совет Безопасности ООН, выступление, перевод, эмотивность, дисфемия, тональность

Original article

**THE PROBLEM OF EMOTIVITY LOSS IN TRANSLATION
(BASED ON OFFICIAL SPEECH TRANSLATION OF PERMANENT REPRESENTATIVES
OF THE RUSSIAN FEDERATION TO THE UN)**

Mikhail V. Belyakov

Moscow State Institute (University) of International Relations Ministry of Foreign Affairs Russian Federation, Moscow, Russia, belmax007@hotmail.com

Abstract. The article deals with the problem of the open professional diplomatic discourse emotivity, the sentiment of speeches within the UN Security Council, the problems of the sentiment changing during the official translation of speeches from Russian into English. The relevance is determined by the need to analyze the emotivity transfer degree of speeches in the translation process, because texts of speeches translated into one of the official languages of the United Nations – English – due to its status as an international language are more accessible to readers and because of this are able to have a more significant impact on the audience. The purpose is to analyze the results of translation of spoken texts by means of linguistic and computer analysis to identify changes in the level of emotivity of the source and translated texts. Reasons for the change in tonality during translation are discussed.

Keywords: UN Security Council, speech, translation, emotivity, dysphemism, sentiment

Памяти В.И. Шаховского

Введение

Эмоционально-речевое поведение последовательно изучается специалистами разных гуманитарных направлений с позиций формирующейся теории эмоций. Человеческим эмоциям и оценкам в структуре высказывания и текста посвящено немало работ. В свое время психолог К. Изард [1] предложил классификацию эмоций в рамках теории дифференциальных эмоций. Он выделял 10 базовых, или фундаментальных, эмоций, каждая из которых имеет специфические аспекты (нейрофи-

зиологический, нервно-мышечный и феноменологический): интерес-волнение, радость, удивление, горе-страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина. К. Изард высказал мнение, что именно эмоции детерминируют мысли, поскольку адресат сначала распознает эмоционально-оценочный компонент высказывания, и только после этого – фактуальный. Сохранение эмотивности текста при переводе является одной из первостепенных задач переводчика.

Лингвоэмотиология как современная область лингвистики

В трудах В.И. Шаховского [2; 3 и др.] для обозначения языковых значений, связанных с выражением эмоций субъекта речи, было разработано понятие «эмотивность», которое в дальнейшем использовалось рядом исследователей, таких как Ю.Д. Апресян, А. Вежицкая, В.Г. Гак, Л.А. Пиотровская, Ю.С. Сорокин, В.Н. Телия и др.

В отечественной науке о языке лингвистика эмоций (лингвоэмотиология) стала разрабатываться в последние десятилетия XX в. В.И. Шаховским, который определил эмоцию как реакцию субъекта на стимул, влияющую на его взаимодействие с объектом [2: с. 58]; впоследствии он высказал мнение, что центром любой языковой личности являются её эмоции и вся лексика любого языка потенциально эмоциональна/эмотивна [3: с. 9].

Вербализация эмоций принципиально важна для человека говорящего и человека слушающего, так как «семантика слова и его прагматика через энергетическую мощь эмоций воздействует на эмоциональное сознание и волю человека. <...> Регуляторами речевого поведения коммуникантов в эмоциональных ситуациях должны стать знание и владение приемами эмоционального балансирования, амортизации конфликта, эмоциональная толерантность и смягчение эмоциональных проявлений, а также знания, умения и навыки выхода из конфликтных ситуаций» [3: с. 11–12].

По мнению ряда исследователей, в семантике любого слова присутствуют «актуальные или потенциальные семы *эмоция* и *оценка*» [2: с. 24], которые, реализуясь в коммуникации, определяют статус эмотивной семантики лексической единицы. Сохранение или изменение эмотивного статуса лексической единицы определяет коммуникативная ситуация: она либо позволяет семантике оставаться зафиксированной или же, например, положительный эмотив способен трансформироваться в отрицательный. В рамках этой концепции исследовались такие проблемы, как эмотивная амбивалентность/поливалентность, реверсия оценочного знака эмотива, эмотивные приращения семантики, дискурсивность эмоций и др. [2: с. 25]. В теории коммуникации со временем стало разрабатываться направление эмоциональной коммуникации, которое превратилось в хорошо обоснованную теорию. Благодаря этой теории лингвистика текста и лингвистическая теория эмоций приобрели дополнительный понятийно-терминологический аппарат, развивая такое понятие, как коммуникативная эмоциональная ситуация текста / общения, а также

разграничение между текстом сообщения и текстом мнения [3: с. 10].

Эмотивность как норма в открытом дипломатическом дискурсе

Открытый профессиональный дипломатический дискурс, реализуемый в брифингах, пресс-конференциях, выступлениях на площадках Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН дипломатов высокого и высшего ранга, в новейшее время претерпел заметные изменения. Одним из наиболее очевидных изменений стал сдвиг в уровне эмотивности текстов / коммуникации в сторону роста частоты использования эмоционально и оценочно окрашенной лексики, включая ранее недопустимую дипломатическим протоколом разговорную и конфликтогенную лексику, дисфемизмы, иронию и сарказм. Эксплицитное выражение эмоций имеет как различающееся качественное и количественное представление в различных сферах использования языка, так и дискурсивно-типовую обусловленность. Эмотивность выступлений дипломатов определяется, по нашему мнению, в первую очередь, экстралингвистической ситуацией – чем выше напряженность в мире, тем более эмоциональными становятся выступления, во-вторых, жанром выступления – официальное выступление или выступление перед СМИ, в-третьих, типом коммуникативной ситуации – подготовленное выступление или спонтанная речь и, в-четвертых, языковой личностью и идиолектом дипломата. Все эти параметры присутствуют в выступлениях постоянных представителей в Совете Безопасности ООН (СБ ООН).

Проблема передачи эмотивности при переводе речей в СБ ООН

Обязательной составляющей распространения в мире выступлений постоянных представителей в СБ ООН является их перевод на шесть официальных языков ООН, причем с учетом значимости подобных выступлений перевод должен сохранять не только фактуальную точность сказанного, но и эмотивно-оценочную составляющую.

Эмотивно-оценочная составляющая в текстах выступлений выражается широким диапазоном языковых средств, к которым относятся эвфемизмы, дисфемизмы, разговорная лексика, неологизмы, фразеологизмы разного уровня, лексика с измененной коннотацией, метафоры, нетипичные ранее для дипломатической речи синтаксические конструкции, такие как риторические вопросы, эккламативы, инверсные конструкции и многое другое. Все эти явления представляют трудности и в других типах перевода, но при переводе дипломатических текстов на первое место выходит необхо-

димось придерживаться комплексной нормы перевода, охватывающего семантику (соотношение между исходным и переводным текстами) и прагматику (с учетом авторского намерения, коммуникативно-стилистического эффекта) с пониманием исторической возможности изменения экспектаций [4: с. 11]. Тем не менее отход от этой ожидаемой нормы наблюдается и у высокопрофессиональных переводчиков, работающих в ООН.

Варианты нарушений эмотивности при переводе речей постпредов СБ ООН

Исследование примеров нарушений при передаче эмотивной компоненты в текстах разного жанра проводится, как правило, сугубо лингвистическими методами, однако одновременное использование современных программ количествен-

ного и качественного контент-анализа и сентимент-анализа (анализа тональности текста) наряду с лингвистическим анализом позволяет получать более объективные результаты, подтверждаемые автоматически генерируемыми показателями оценки эмотивности/тональности текста. Рассмотрим результаты передачи эмотивности текста при переводе, полученные средствами компьютерного анализа Atlas.ti⁹.

Аналізу подверглись тексты выступлений (табл. 1, 2) Постоянного представителя России в СБ ООН В.А. Небензи¹ на тему украинского конфликта (17.03.2022) и первого заместителя Постоянного представителя России в СБ ООН Д.А. Полянского² по ситуации в Йемене (15.03.2022).

Таблица 1

Сентимент выступления В.А. Небензи

Ru sent	Eng sent	Sentiment	Трансформация
В аэропорту Мариуполя находилась печально известная тюрьма-пыточная со всей соответствующей атрибутикой: рвами с телами замученных, карцерами и бензопилами	At the airport in Mariupol there was the infamous prison , with all the trappings of a torture centre , including ditches containing the bodies of the tortured, solitary-confinement cells and chainsaws	-0,5 (ru) -0,5(eng)	Эквивалентный перевод, высокая отрицательная эмотивность сохранена
Этого ни наши западные партнеры, ни, к сожалению, представитель Секретариата упорно не желают замечать	Both our Western partners and, unfortunately, the representatives of the Secretariat stubbornly refuse to see that	-0,25(ru) -0,25(eng)	Эквивалентный перевод, средняя отрицательная эмотивность сохранена
Выделю тройку самых шокирующих из них	I will highlight three of the most shocking	-0,25(ru) -0,25(eng)	Эквивалентный перевод, средняя отрицательная эмотивность сохранена
Именно поэтому украинские радикалы так цепляются за этот город	That is exactly why Ukrainian radicals are desperately holding on to that city	-0,2(ru) -0,2(eng)	Эквивалентный перевод, средняя отрицательная эмотивность отчасти сохранена
После того, как маховик западной пропаганды разгоняет по мировым средствам массовой информации трагическую фотографию мужчины, потерявшего жену из-за удара Вооруженных сил Украины ракетой «Точка-У» с кластерными боеприпасами по центру Донецка, выдавая происходящее как сцену из Киева, призывая вас к какой-то объективной оценке сложно	Following Western propaganda efforts to ensure that the mass media throughout the world showed the image of a man who had lost his wife due to a Ukrainian strike conducted using a Tochka-U missile with cluster munitions in the centre of Donetsk – which was reported as an incident that had occurred in Kyiv – it is very difficult for us to ask members to be objective in their assessments	-0,175(ru) -0,14(eng)	Неэквивалентный перевод, средняя отрицательная эмотивность утрачена
О втором « фейке » мы услышали, в том числе сегодня, от наших западных коллег	The second piece of false information was mentioned today by our Western colleagues	-0,133(ru) -0,13(eng)	Неэквивалентный перевод, средняя отрицательная эмотивность сохранена
Сегодня мы услышали целый ряд подобных сообщений из уст наших коллег, это обвинения, уже ставшие нарицательными , в обстреле роддома в Мариуполе, в бомбежках мариупольского театра, а также в том, что Россия не выпускает беженцев, что Россия бомбила мечеть султана Сулеймана в Мариуполе и что российские войска из автоматического оружия расстреляли очередь в Чернигове	Today we heard a whole slew of such information from our colleagues, including the accusation of the shelling of the now infamous maternity hospital in Mariupol and the Mariupol theatre; that Russia is not allowing refugees to leave; that Russia shelled the Sultan Suleiman Mosque; that Russia used automatic weapons to shoot at a breadline in Chernihiv	-0,13(ru) -0,1 (eng)	Неэквивалентный перевод (пропуски и замены), средняя отрицательная эмотивность снижена

¹ URL: https://russiaun.ru/ru/news/170322_n (дата обращения: 15.12.2022).

² URL: https://russiaun.ru/ru/news/150322p_y (дата обращения: 15.12.2022).

Окончание табл. 1

Ru sent	Eng sent	Sentiment	Трансформация
Так что я не знаю, кто войдет в Книгу рекордов Гиннеса по цинизму, но я точно знаю, кто войдет в нее по рекорду «фейков» за одно заседание Совета Безопасности	I do not know who will wind up holding the record on cynicism in the Guinness World Records book, but I know who will hold the record on fakes uttered during one single Security Council meeting in that book	-0,07(ru) -0,06(eng)	Неэквивалентный перевод (замены), слабая отрицательная эмотивность снижена
Своей американской коллеге, сославшейся на Генерального директора Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), который якобы сказал, что 33 госпиталя были подвергнуты бомбардировке Россией. Не случайно, что там было написано слово «дети», и нас это не удивляет	The American colleague referred to the Director General of the World Health Organization (WHO), who allegedly said that 33 hospitals were allegedly bombed by Russia. We are not surprised by the fact that the world “children” is written on the ground in front of the building	-0,05(ru) -0,05(eng)	Неэквивалентный перевод (добавление) слабая отрицательная эмотивность сохранена

Таблица 2

Сентимент выступления Д.А. Полянского

Ru sent	Eng sent	Sentiment	Трансформация
Продолжающаяся пробуксовка процесса политического урегулирования приближает точку невозврата, после которой восстановить единство Йемена будет попросту невозможно	The ongoing impasse in the political settlement process brings us closer to the point of no return, after which restoring Yemen’s unity would simply be impossible	-0,33(ru) -0,1(eng)	Неэквивалентный перевод (замена); отрицательная эмотивность уменьшена
При этом ориентиром в этой работе должен служить принцип инклюзивности	At the same time, a reference point in such efforts should be the principle of inclusivity	0 (ru,eng)	Эквивалентный перевод, нейтральная эмотивность сохранена
Убеждены, что дальнейшее противостояние чревато расширением зоны вооруженного конфликта далеко за пределы региона	We are convinced that further confrontation could expand the scope of the armed conflict far beyond the region	0,05 (ru, eng)	Эквивалентный перевод, слабая положительная эмотивность сохранена
В этом контексте хотели бы вновь подчеркнуть безальтернативность мирного политического разрешения йеменского конфликта	In that context, we would once again like to underscore that there is no alternative to a peaceful political solution to the Yemeni conflict	0,125 (ru, eng)	Эквивалентный перевод, слабая положительная эмотивность сохранена
Особенно важно было сегодня услышать Ваши оценки, г-н Грундберг, о состоявшихся контактах с йеменскими сторонами	It was particularly important today to hear Mr. Grundberg’s assessment of the contact he has had with the Yemeni parties	0,4 (ru, eng)	Эквивалентный перевод, положительная эмотивность сохранена
В этом контексте приветствуем договоренности, достигнутые между движением «Ансар Аллах» и ооновскими службами по ликвидации угрозы , исходящей от этого плавучего нефтехранилища	In that context, we welcome the agreement reached between the Ansar Allah movement and the United Nations with regard to addressing the threat posed by the floating oil tank	0,8 (ru, eng)	Эквивалентный перевод, положительная эмотивность сохранена

Результаты автоматического анализа (см. табл. 1) показывают, что все выступление написано в отрицательной тональности, что, во-первых, определяется сложной ситуацией первых недель украинского конфликта, во-вторых, эффектом карнавализации (по М.М. Бахтину) открытого выступления на СБ ООН, реципиентами которого являются не только дипломаты, но и, благодаря размещению всех открытых заседаний в сети интернет, любой человек, интересующийся данной тематикой, что требует более эмотивных образов, и в-третьих, условно яркой языковой личностью В.А. Небензи. Однако уровень эмотивности при переводе, как видно, меняется в сторону уменьшения показателей за счет сложности перевода разговорной лек-

сики (*цепляться – hold on*) или ее пропуска (*маховик, разгонять, выдавать*), замены эмотивно окрашенных лексем (*фейк, бомбежка*) нейтральными или описательными конструкциями (*piece of false information, shell*); пропуска фраз (*уже ставшие нарицательными; выдавая происходящее и пр.*). Дописывание отсутствующего элемента в тексте выступления – яркое *headline* вместо *очередь*, – напротив, способно увеличить отрицательную тональность перевода.

Наблюдаемый сентимент выступления Д.А. Полянского (см. табл. 2) показывает две тенденции: во-первых, поскольку конфликт в Йемене в меньшей степени затрагивает интересы России, при его обсуждении выступающий использует лексику,

имеющую так называемую фактическую оценку (*угроза, безальтернативность, точка невозврата*) и являющуюся тем самым нейтральной для системы анализа; во-вторых, использование значительного числа дипломатических клише (*приветствуем договоренности, состоявшиеся контакты, принцип инклюзивности*) также позволяет оценивать этот текст как нейтральный или слабо положительный. Отметим, что при переводе текста с такой тональностью изменений в тональности не происходит: тональность перевода соответствует тональности источника, даже при неполнотой эквивалентом переводе.

Заключение

Таким образом, можно прийти к выводу, что эмотивы разного рода, активно применяемые и в текстах других дискурсов, в открытом профессиональном дипломатическом дискурсе представлены средствами оценочной эмотивности – словами и словосочетаниями как имеющими, так и не имеющими соответствующий (эмотивный) компонент в семантике единицы. Однако в последнее время произошел эмотивный сдвиг в рамках профессиональной коммуникации в ситуации «информационного терроризма» (термин С.В. Лаврова), допускающей резкое переключение вербально-оценочных кодов и включение в высказывание как слов с яркой, как правило, отрицательной тональностью,

так и имплицитно оценочных дипломатических клише. Такие лексические единицы сами по себе не манипулятивны, их использование определяется прагматикой, коммуникативной ситуацией и тезаурусом реципиента, однако в процессе перевода официальных выступлений важно сохранить их эмотивность, чтобы донести тональность выступления до реципиента, не владеющего языком оригинала. В.И. Шаховский писал: «Индивидуальность, личность, проявляется в деятельности, в делах, в том числе и в речевой деятельности, ибо слово – тоже дело» [2: с. 46]. Для профессионального дипломата этот тезис В.И. Шаховского как нельзя актуален, так как процесс «тихих вербальных войн» не прекращается, вес каждого слова в высшей степени значим, поскольку неверно подобранное слово, особенно эмоционально окрашенное, т.е. конфликтосодержащее, может привести к потенциально конфликтной ситуации, а переводчик в силах, изменив степень эмотивности высказывания, внести вклад как в сглаживание ситуации, так и в раздувание ее. Компьютерный анализ текста позволяет более объективно увидеть результат перевода сложных текстов открытого дипломатического дискурса, чтобы оценить вклад переводчика в дипломатический процесс.

Список источников

1. Изард К. *Эмоции человека*. Москва : Изд-во МГУ, 1980. 440 с.
2. Шаховский В.И. *Лингвистическая теория эмоций*. Москва : Гнозис, 2008. 416 с.
3. Шаховский В.И. *Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции* : монография. Волгоград : ИП Поликарпов, 2016. 504 с.
4. Прошина З.Г. Подходы к пониманию переводческой нормы // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2018. № 1 (57). С. 7–12.

References

1. Izard C. *Ehmocii-cheloveka* [Human emotions. (in Russ.)] Moscow : Moscow University Press, 1980. 440 p.
2. Shahovskij V.I. *Lingvisticheskaya teoriya emocij* [Linguistic theory of emotions. (in Russ.)]. Moscow : Gnozis, 2008. 416 p.
3. Shahovskij V.I. *Dissonans ehkologichnosti v kommunikativnom kruge: chelovek-yazyk-ehmocii* [Ecology dissonance in a communicative circle: human being – language – emotions. (in Russ.)]. Volgograd : IP Polikarpov, 2016. 504 p.
4. Proshina Z.G. Podhody k ponimaniyu perevodcheskoj normy [Approaches to understanding the translation norm (in Russ.)] // *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Humanities and Social Studies in the Far East]. 2018. № 1 (57). P. 7–12.

Информация об авторе

М.В. Беляков – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Information about the author

M.V. Belyakov is Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Russian Department.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 21.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

КУЛЬТУРА ПЕРЕВОДА И ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

TRANSLATION CULTURE AND DIDACTICS OF TRANSLATION

Научная статья

УДК 81'272

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-217-224

КУЛЬТУРА ПЕРЕВОДА В ЯЗЫКОВЫХ ЛАНДШАФТАХ РОССИИ

Олег Вячеславович Щербаков¹, Зоя Григорьевна Прошина²

^{1,2}Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

¹shcherbakov.science@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3539-7178>

²proshinazoya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0570-2349>

Аннотация. Перевод в лингвистических ландшафтах вносит большой вклад не только в развитие городского бренда, но и в инвестиционную и студенческую привлекательность города на мировой арене. Городское пространство российских мегаполисов за последние несколько лет приобрело большое количество билингвальных вывесок – навигационных элементов, рекламных объявлений и аудиосообщений информационного характера. Авторы анализируют элементы городского лингвистического ландшафта Москвы (особое внимание уделяется популярным местам, открытым в последние годы) на предмет определения культуры их перевода на иностранные языки, а также сравнивают полученные результаты с результатами исследований прошлых лет в других городах России с целью определения динамики изменения отношения к переводу в городском пространстве. По результатам исследования, более высокая культура перевода характерна для частных городских объектов, заинтересованных в собственном продвижении, а городские транспортные и уличные объекты показывают стабильно низкую динамику на протяжении многих лет. Выявлено изменение в отношении к переводу – билингвальных элементов в городском ландшафте Москвы становится меньше, что может быть обусловлено геополитическими изменениями.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, городская лингвистика, перевод в лингвистических ландшафтах

Original article

CULTURE OF TRANSLATION IN RUSSIAN LINGUISTIC LANDSCAPES

Oleg V. Shcherbakov¹, Zoya G. Proshina²

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹shcherbakov.science@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3539-7178>

²proshinazoya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0570-2349>

Abstract. Translation in linguistic landscapes greatly contributes not only to place branding, but also to the urban attractiveness for investment and student mobility. In recent years, the Russian urban space has seen an increase in the number of bilingual linguistic landscape elements—navigation signs, advertisement, informational audio messages. The paper analyses elements of Moscow's linguistic landscape with the special focus on newly opened popular places to determine the level of translation culture. The results are compared to those of previous studies from other cities of Russia to conclude on the dynamics in the attitude towards translation in linguistic landscapes. According to the results, the higher culture of translation is observed at privately owned places, which are interested in their promotion. Transport hubs and street navigation, in turn, display consistently low dynamics. The study reveals a change in the attitude to translations—the number of bilingual elements in the linguistic landscape of Moscow is decreasing, which may be due to geopolitical changes.

Keywords: linguistic landscape, urban linguistics, translation in linguistic landscapes

Введение

Лингвистические ландшафты городов все чаще становятся объектом изучения по всему миру. Впервые термин был введен в научный оборот в 1997 г. и традиционно трактуется как «язык придорожных плакатов, рекламных щитов, табличек –

названий улиц и площадей, вывесок на магазинах и общественных учреждениях; эти вербальные средства выполняют две основные функции: информативную и символическую» [1: с. 95]. Современные ученые расширяют данное определение и также относят к лингвистическому ландшафту го-

рода такие его элементы, как электронные вывески, бегущие строки, интерактивные информационные экраны, аудиорекламу и др. [2: с. 191]. Таким образом, современное понимание лингвистического ландшафта города включает в себя все виды текста в городском пространстве вне зависимости от их функций.

Помимо собственно языка, объектом исследований лингвистических ландшафтов городов часто становится проблема многоязычия и перевода. Например: в одной из своих работ известный американский социолингвист Анета Павленко рассмотрела динамику взаимодействия украинского, русского, французского и английского языков еще в домайданном Киеве [3]. По ее данным, в начале XX в. 97 % надписей в Киеве были на русском языке, 30 % имели билингвальный (русско-французский характер) и лишь 3 % были выполнены на украинском языке [3: с. 142]. В советское время ситуация изменилась: официальные надписи преимущественно были билингвальными (украинско-русскими), а коммерческие и частные надписи выполнялись преимущественно на русском языке [3: с. 145]. Деруссификация началась с 1991 г., когда Украина объявила о своей независимости. Украинский стал доминирующим языком лингвистического ландшафта города, несмотря на то что в повседневной жизни киевлян по-прежнему доминировал русский язык [3: с. 148]. В эти годы появился английский язык как язык глобального общения. Первыми тягу к английскому языку проявили частные, особенно коммерческие, предприятия [3: с. 146].

Исследовав многоязычие в языковом ландшафте Сингапура, Онг и соавторы [4] пришли к выводу, что наличие элементов на французском языке обусловлено не потребностями в переводе для франкоговорящих туристов или экспатриатов, а «декоративно-аттрактивной функцией» иностранного языка [5: с. 430], связанной с пониманием иностранного языка как элемента повышения престижа, соответствия модным трендам [4: с. 25]. Решающую роль при выборе языка сингапурские предприниматели отводили тому, как будет выглядеть вывеска с надписью на иностранном языке, какие ассоциации она может вызвать у потенциального потребителя и как эти ассоциации могут помочь в привлечении посетителей.

В одной из наших ранних работ исследование проблемы многоязычности в лингвистическом ландшафте города было проведено на примере Бангкока [6]. Были обнаружены признаки использования английского языка в декоративно-аттрактивных целях. Так, владельцы местных заведений

питания в серии интервью высказали мнение о том, что вывески с надписями на местном, тайском, языке не будут выглядеть так же привлекательно, как вывески с надписями на английском. Однако примечательно, что далеко не все участники опроса смогли точно определить причину выбора иностранного языка в интервьюере своего заведения.

В России тренд на использование английского и других иностранных языков в рекламе и нейминге тоже силен. А.А. Ривлина убедительно показала, что английский язык стал дополнительным средством языковой игры, и это особенно ярко проявилось в диграфии в надписях в общественных местах городов [7–9].

В 2022 г. главой комитета по культуре Государственной думы Российской Федерации был предложен законопроект о запрете иностранного языка в рекламных продуктах. По мнению законодательного органа, изобилие иностранного языка на рекламных вывесках в России выражает «плебейски неуважительное к своей стране и к своему родному языку» отношение [10]. По словам Елены Ямпольской, главы думского комитета по культуре, на центральных улицах Москвы на 30–50 % больше вывесок на английском языке, чем на русском [11]. Действительно, какое-то время стало наблюдаться слишком большое количество заимствований из английского языка, как, например, надпись на плакате, прикрепленном к стеле на Садовом кольце Москвы: *Шэрь. Стримь. Сторь.* (от английского *Share. Stream. Store.*) как обращение к пользователям интернета (рис. 1), или названия магазинов, например *Дринкс* (рис. 2).

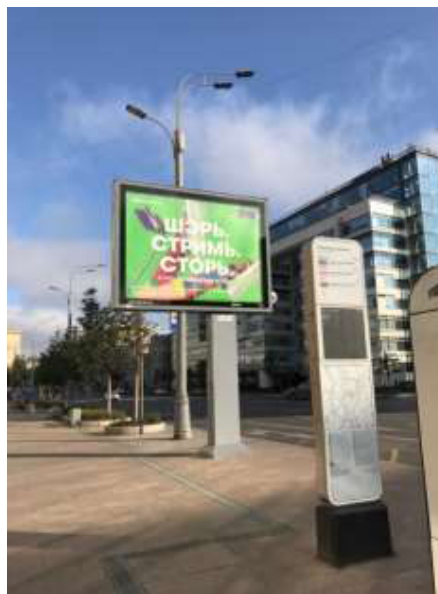

Рис. 1. Надпись на Садовом кольце, г. Москва

Рис. 2. Название магазина, г. Москва

Самым нелепым оказался указатель к Центру занятости населения на ул. Новослободской, фотография которого долгое время ходила по просторам сети: информацию из этого указателя можно было считать только по-английски, поскольку все русскоязычные наименования в нем представлены в аббревиатуре: *ИКО ГКУ ЦЗН ЦАО города Москвы / Consulting Department of the Central District Employment Center / ул. Новослободская, д. 46 / 7 min* (рис. 3).

Рис. 3. Общий вид дорожного указателя к Центру занятости, г. Москва

Особого внимания заслуживают результаты опроса, проведенного спикером нижней палаты Совета Федерации Вячеславом Володиным в его Telegram-канале, – 71 % опрошенных считают, что реклама на улицах должна быть только на русском и других государственных языках республик РФ [12]. Очевидно, что такие инициативы связаны с геополитическими изменениями на международной арене.

Другой проблемой, привлекающей внимание лингвистов, является проблема перевода в лингвистических ландшафтах городов, его качества и культуры, особенно актуальная в свете глобальных процессов, тесно переплетенных с переводовед-

нием как научной областью в целом [13: с. 3]. К проблеме перевода элементов языковых ландшафтов городов российские ученые обращаются часто (Симонова О.А., Петрова У.А. и др.). Так, И.В. Зоц и О.А. Сулейманова проанализировали существующие практики транслитерации урбанонимов на улицах российских городов, сделали вывод о наличии множества конкурирующих решений и предприняли попытку разработать и обосновать принципы транслитерации русских названий улиц города, которые позволили бы адекватно передать русскоязычные названия [14: с. 149].

К взаимосвязи культуры перевода и имиджа территории обратилась исследователь Е.Д. Малёнова. Рассматривая лингвистический ландшафт города с точки зрения эколингвистики и в парадигме экологии взаимоотношений иностранных и местных языков, автор исследует 256 примеров языковых средств конструирования лингвистического ландшафта г. Омска и приходит к выводу, что наиболее частотными способами перевода оказались прямой перевод (153 примера, 59 %) и сочетание прямого перевода и метода практической транскрипции (67 примеров, 26 %) [15: с. 102]. В завершение своего исследования ученый предлагает классификацию неудачных переводческих решений, которые отрицательно сказываются на имидже территории и свидетельствуют о низкой культуре перевода урбанонимов:

- 1) нарушение принципа единства терминологии (использование разных вариантов при переводе одних и тех же наименований);
- 2) использование различных приемов для перевода наименований аналогичных объектов городской топонимики;
- 3) наличие грамматических и орфографических ошибок, а также элементов, недоступных для понимания представителям других лингвокультур.

Цель этой статьи – охарактеризовать культуру перевода элементов лингвистических ландшафтов, проанализировав примеры перевода в Москве и сравнив результаты с примерами других городов России. Особое внимание в работе уделяется новым туристическим и транспортным объектам Москвы, открывшимся в 2021–2022 гг.

В нашем исследовании были использованы описательный и сравнительный методы анализа. Для оценки качества перевода были собраны и проанализированы 50 примеров многоязычных информационных указателей, навигационных элементов на железнодорожных вокзалах и платформах Москвы, улицах города, новых станциях Московских центральных диаметров (МЦД), а также в

новых популярных туристических объектах – культурный центр «ГЭС-2», музей и библиотека «Гараж», фудмолл «Депо. Три вокзала».

Результаты исследования

Железнодорожные транспортно-пересадочные узлы традиционно являются одними из наиболее популярных среди туристов мест. Особенным спросом среди иностранных гостей вокзалы и станции пользовались во время чемпионата мира по футболу в 2018 г., однако и сегодня инфраструктурой российских железных дорог пользуются студенты из других стран, путешественники. К сожалению, несмотря на это, культуру перевода элементов лингвистических ландшафтов железнодорожных объектов можно охарактеризовать как крайне низкую.

В соответствии с классификацией Е.Д. Малёновой можно выделить две наиболее частотные категории неудачных решений:

1) нарушение принципа единства терминологии. Примеры отсутствия единой переводческой стратегии можно проследить на табло прибытия и отправления поездов на Казанском вокзале Москвы. Так, в разных частях вокзала для традиционных надписей на табло «Прибытие поездов» и «Отправление поездов» подбираются разные варианты перевода – *Trains Arrivals* и *Arrivals Trains*, которые к тому же содержат грамматические ошибки. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что некоторые табло не снабжены англоязычной версией, другие – отображают информацию на английском только для прибывающих поездов, и лишь некоторые – для всех поездов. Еще один пример, нарушающий принцип единства, можно обнаружить на объектах инфраструктуры МЦД. Так, для заголовка информационного табло «Расписание движения пригородных поездов» на разных станциях подбираются разные варианты – *Timetable of suburban trains* (ст. «Площадь трёх вокзалов») и *Suburban trains information* (ст. «Рижская») и даже с ошибочным порядком слов *Timetable suburban trains* (ст. «Кунцевская»);

2) наличие элементов, недоступных или значительно усложняющих понимание для представителей других лингвокультур. К таким элементам можно отнести сокращения типа *Prem*, *Pass*, *Expr*, *High* в разделе *Class* на табло прибытия и отправления поездов (рис. 4). Если *Expr* и *High* потенциально могут быть расшифрованы как *Express* и *High Speed*, то другие два варианта вряд ли будут понятны. Целесообразнее было бы присвоить поездам классовые категории, однако в таком случае требуется пересмотр лингвистических объектов на всей железнодорожной инфраструктуре страны. В каче-

стве еще одного примера можно привести название станции МЦД «Площадь трёх вокзалов», которая до ноября 2022 имела название «Каланчёвская». На английский язык название передано транслитерацией – *Ploschad Tryokh Vokzalov (Kalanchyovskaya)* (рис. 5). Многосоставность, скопление таких сочетаний букв, как *sch*, *kh*, *chyo*, делают такой вариант трудно читаемым на английском языке. Однако следует отметить, что данное решение не нарушает принципа единообразия, согласно которому все названия станций московского метрополитена, МЦД и МЦК переводятся при помощи транслитерации.

Train	Class	Route	Depart	Track	Late time
30	Prem	Moscow - Novorossiysk	14:20	6	
102	Prem	Moscow - Adler	14:40	7	
120	Expr	Moscow - Saransk	15:16		
202	Expr	Moscow - Ulyanovsk	15:26	2	
542	Pass	Moscow - Adler	15:34		
58	Prem	Moscow - Yoshkar-Ola	16:08		
60	Expr	Moscow - Cyprus	16:38		
738	High	Moscow - Voronezh	16:52		
66	Expr	Moscow - Tolyatti	17:08		
32	Expr	Moscow - Orenburg	17:16		
26	Prem	Moscow - Izhevsk	17:40		
50	Prem	Moscow - Samara	17:50		
22	Prem	Moscow - Ulyanovsk	18:08		

Рис. 4. Общий вид расписания поездов на английском языке

Рис. 5. Пример названия станции московского метрополитена (фрагмент)

В своих ранних исследованиях мы уже обращались к лингвистическим ландшафтам железнодорожной инфраструктуры России [16]. Было выявле-

но множество ошибок с лингвистической точки зрения и с точки зрения межкультурной коммуникации, например, отсутствие единой системы транслитерации, грамматические и орфографические ошибки и неточности при переводе навигационных элементов на английский язык. К сожалению, за несколько лет ситуация не изменилась, и качество перевода даже на столичных железнодорожных объектах можно оценить как низкое.

Навигационные элементы, расположенные на улицах Москвы, идентичны по дизайну картам метро, МЦД и МЦК, однако культуру перевода урбанонимов можно снова охарактеризовать как невысокую. Как и в случае с железнодорожной инфраструктурой, единой переводческой стратегии на уличных навигационных стелах не прослеживается – принцип единства терминологии не соблюдается. Так, в пределах одного навигационного элемента можно обнаружить два переводческих приема – в первом случае название объекта передается транслитерацией, а тип объекта – переводится, во втором случае оба элемента названия передаются транслитерацией: ср. *Боровское шоссе* – *Borovskoye Highway* и *Микрорайон Переделкино Ближнее* – *Mikrorayon Peredelkino Blizhnee*. Первая стратегия, безусловно, представляется более оптимальной, так как, аналогично случаю с названием станции «Площадь трех вокзалов», такой громоздкий вариант, как *Mikrorayon Peredelkino Blizhnee*, не вызовет у представителей других лингвокультур никаких ассоциаций. Помимо этого, отсутствует единообразие между способом перевода названий станций метро (транслитерация) и рассмотренными примерами. Так, название станции метро «Боровское шоссе» передано как *Borovskoe Shosse*.

Наши выводы соотносятся с результатами исследования, проведенного на аналогичном материале в городе Екатеринбурге в 2019 г. После анализа 50 маршрутных указателей на остановочных пунктах общественного транспорта в Екатеринбурге был сделан вывод об отсутствии единой стратегии по переводу и низкой культуре перевода в целом – переводческие решения могли различаться даже в пределах одного остановочного пункта и не соответствовать официальным методическим рекомендациям, разработанным накануне чемпионата мира по футболу в 2018 г. [17], что отрицательно сказывается не только на качестве и культуре перевода, но и на туристическом имидже города.

В классификации Е.Д. Малёновой мы считаем целесообразным также выделить отсутствие перевода некоторых элементов вообще, что тоже снижает уровень культуры перевода в целом. Так,

например, на карте Московского метрополитена перевод на английский получили все элементы, кроме легенды карты, где содержится расшифровка всех условных обозначений, а также названия линий метро. Несмотря на то, что, как можно предположить, многие условные обозначения универсальны и могут быть понятны всем, целесообразнее было бы осуществлять полный перевод. В случае же с расписанием движения пригородных поездов на станциях МЦД, наоборот, – перевод получило только само название информационного стенда. Все объявления, в том числе об изменениях графика движения поездов, их отменах, не имеют англоязычной версии.

Все элементы лингвистических ландшафтов, рассмотренные выше, так или иначе являются государственной собственностью или принадлежат компаниям, большая часть акций которых сосредоточена у государства. Однако в последние несколько лет список достопримечательностей Москвы пополнился и частными объектами – культурными центрами, общественными пространствами, музеями. Рассмотрим, отличается ли культура перевода элементов лингвистических ландшафтов таких мест.

Музей «Гараж» – частный инвестиционный проект, открытый в 2008 г. В 2015 г. музей переехал в отреставрированное здание на территории Парка Горького, в котором и находится в настоящий момент. В 2022 г. в здании музея открылась одна из крупнейших частных библиотек. Сам музей позиционирует себя как «платформа для международных научно-исследовательских проектов», следовательно, качество перевода элементов его лингвистического ландшафта имеет большую роль. Следует отметить, что в музее не обнаружено ни одного элемента его лингвистического ландшафта, который не имел бы перевода на английский язык. Перевод встречается везде – на информационном объявлении о часах работы, навигационных указателях, рекламных объявлениях, правилах работы в библиотеке, правилах сдачи вторсырья и даже на рекламном объявлении о конкурсе рецензий на книги, на который, однако, принимаются только рецензии на русском языке. Другой важной особенностью является тот факт, что шрифт надписей на английском языке совпадает по размеру со шрифтом русскоязычных надписей – единственное различие заключается в полужирном начертании, которое в большинстве случаев присуще только надписям на русском языке. Размер и стиль шрифта имеет немаловажную роль для определения культуры перевода. Так, на всех объектах транспортной инфраструктуры англоязычный шрифт от-

личается как по размеру, так и по цвету – в основном отдается предпочтение серому цвету и достаточно маленькому размеру. Визуально перевод как бы отходит на второй план и порой становится практически не читаемым. В случае с языковым ландшафтом музея «Гараж» можно сделать вывод о том, что русский и английский языки имеют одинаковую степень важности и формируют полноценный билингвальный ландшафт. Таким образом, можно сделать вывод о высокой культуре перевода и подтверждении статуса международной просветительской площадки, о котором заявлено официально.

Культурный центр «ГЭС-2» – еще один из наиболее крупных инвестиционных проектов столицы за последние десятилетия. Пространство приняло первых посетителей в декабре 2021 г. и быстро обрело популярность не только благодаря смелым проектам в сфере современного искусства и привлекательному интерьеру, но и благодаря своей многофункциональности – культурный центр включает в себя выставочные залы, библиотеку, коворкинг, офисы, мастерские, детские игровые зоны, кинотеатр, кафе и рестораны. В отличие от музея «Гараж» некоторые элементы лингвистического ландшафта «ГЭС-2» не имеют перевода на английский язык. К ним относятся информационные плакаты-афиши новогодних мероприятий и информация о работе ателье-мастерской (пространства для мастер-классов по рукоделию и прикладному искусству). В то же время все навигационные элементы (Площадь – *Square*, Галереи C2–C5 – *Galleries C2–C5*, Парковка – *Parking* и т.д.), информация о текущих выставочных проектах (Выставка «Настройки-3». Общество частных музыкальных представлений – *Exhibition Tuning-3. Society for Private Musical Performances*, «Непреодолимые силы» – *Irresistible Forces*), киноафиша и элементы выставок имеют перевод на английский язык. Следует также отметить, что подобно музею «Гараж» английский и русский языки сосуществуют в языковом ландшафте культурного центра – они не отличаются по цвету и размеру шрифта. Несмотря на несистематичность, в целом культуру перевода элементов лингвистического ландшафта «ГЭС-2» можно оценить как высокую. Спорным, однако, представляется решение применить транслитерацию при переводе названия кинотеатра «ГЭС-2 Кино» (*GES-2 Kino*) и пространства «Проспект» в центре дома культуры (*Prospekt*), использовав в последнем случае локалоид, т.е. заимствованное слово, вернувшееся в исходный язык в написании, отражающем произношение принявшего его языка [18: с. 179]. Статус и правомерность использования локалоидов в теории перевода все еще дискуссионны.

Фудмолл «Депо. Три вокзала» принял первых посетителей 30 декабря 2022 г. и стал вторым гастрономическим центром проекта «Депо». Ресторанные комплексы открываются на территории бывших депо и традиционно привлекают большое количество москвичей и гостей столицы. Несмотря на нестабильную геополитическую обстановку, все навигационные элементы внутри пространства переведены на два языка – английский и китайский (например, *Игровая зона – Kid's Zone – 游戏区*, *Сцена – Stage – 舞台*). В отличие от музея «Гараж» другие элементы лингвистического ландшафта пространства не имеют перевода – часы работы заведения, меню отдельных корнеров*, афиша концертов. Несмотря на высокую культуру перевода и его оформления на навигационных указателях, большая часть составляющих языкового ландшафта остается только на русском языке.

Выводы

Нами были рассмотрены элементы лингвистических ландшафтов нескольких популярных объектов Москвы – государственных и частных – на предмет определения степени культуры их перевода на иностранные языки. Результаты исследования показали, что языковые ландшафты объектов, которые являются важнейшими транспортно-пересадочными узлами, обладают крайне низкой культурой перевода. Обнаружены множественные нарушения принципа единообразия перевода, грамматические ошибки, а также непоследовательный выбор элементов, подлежащих переводу. Ранние исследования показали аналогичные результаты, следовательно, в течение нескольких лет проблеме не уделялось должного внимания. Более того, иностранного языка в лингвистических ландшафтах транспортных объектов Москвы становится только меньше. Так, например, летом 2022 г. все билингвальные надписи «Не прислоняться. *Do not lean*» на дверях поездов московского метрополитена были заменены на монолингвальные «Не прислоняться», что может быть обусловлено изменившейся геополитической обстановкой. Англоязычное аудиосопровождение исчезло из московского метро спустя несколько месяцев после завершения чемпионата мира по футболу в 2018 г.

Частные объекты, пытаясь привлечь как можно большее количество посетителей, стремятся повысить культуру перевода в своих лингвистических ландшафтах, однако и в этой категории обнаружены проблемы. Культура перевода в рассмотренных

* О значении этого нового торгового термина см.: <https://zestpromotion.ru/kornery-v-torgovyh-czentrah-cto-eto/>

объектах – музей «Гараж» и «ГЭС-2» – значительно выше, чем в «Депо. Три Вокзала», где по аналогии с транспортными объектами заметен избирательный подход к переводу – он встречается лишь на навигационных элементах внутри комплекса.

Таким образом, в условиях новой реальности культура перевода лингвистических ландшафтов российских городов отходит на второй план. Ввиду резкого снижения потока иностранных туристов может показаться, что перевод в городском про-

странстве больше не актуален, однако, несмотря на все изменения, Москва остается одним из самых динамичных городов мира, в который продолжают съезжаться иностранные студенты, туристы, предприниматели из разных стран. Обеспечение высокой культуры перевода элементов городских лингвистических ландшафтов повышает имидж города, положительно сказывается на его туристическом бренде и инвестиционной привлекательности.

Список источников

1. Landry R., Bourhis R. Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. Vol. 16. P. 23–49.
2. Gorter D. Linguistic Landscapes in a Multilingual World // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2013. Vol. 33. P. 190–212.
3. Pavlenko A. Linguistic landscape of Kyiv, Ukraine: A diachronic study // *Linguistic Landscape in the City* / E. Shohamy, E. Ben-Rafael and M. Barni (eds.). Bristol a.o. : Multilingual Matters, 2010. P. 133–152.
4. Ong K.K.W., Ghesquière J.F., Serwe S.K. Frenglish shop signs in Singapore // *English Today*. 2013. Vol. 29(3). P. 19–25. DOI:10.1017/S0266078413000278.
5. Прошина З.Г. Английский язык в рекламной деятельности Владивостока. К социолингвистическому портрету российского города // *Дальний Восток: Динамика ценностных ориентаций* : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Комсомольск-на-Амуре, 22–24 сентября 2008 г.). Комсомольск-на-Амуре : Комсомольский-на-Амуре гос. тех. ун-т, 2008. С. 430–434.
6. Shcherbakov O. Hipsterification of English in Linguistic Landscapes of Bangkok's Cafe-Hopping Spots // *Сборник научных и учебно-методических трудов*. Вып. 18 : сб. ст. [электронное издание сетевого распространения] / под общ. ред. проф. С.Г. Тер-Минасовой и доц. М.Г. Бахтиозиной. Москва : КДУ, Добросвет, 2021. С. 240–255. DOI: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1202-0-2021-275.
7. Ривлина А.А. Формирование глобального англо-местного билингвизма и усиление транслингвальной практики // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2016. No 2 (50). С. 26–34.
8. Rivlina A.A. Bilingual creativity in Russia: English-Russian language play // *World Englishes*. 2015. Vol. 34, No. 3. P. 436–455.
9. Прошина З.Г., Ривлина А.А. Английский язык в России как вариант и как дополнительный языковой ресурс // *Английский язык на территории Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и за его пределами* : сб. науч. тр. / РАН, ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания ; отв. ред., ред.-составитель М.Б. Раренко. Москва, 2020. С. 73–89.
10. Рекламные вывески подгоняют под российские стандарты // *Коммерсантъ*. 2022, 11 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5406770> (дата обращения: 30.12.2022).
11. Эксперты заявили, что запрет иностранных вывесок станет лишней нагрузкой для бизнеса // ТАСС. 2022, 21 июня. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14980919> (дата обращения: 05.01.2023).
12. Володин спросил у подписчиков, должна ли уличная реклама в РФ быть только на русском языке // ДумаТВ. 2022, 10 июня. URL: <https://dumatv.ru/news/volodin-predlozhit-podpischikam-opros--dolzhna-li-ulichnaya-reklama-v-rf-bit-tolko-na-russkom-yazike> (дата обращения: 05.01.2023).
13. Shiyab S.M., Rose M.G., House J., Duval J. *Globalization and aspects of translation*. Newcastle : Cambridge Scholars, 2010. 240 p.
14. Зоц И.В., Сулейманова О.А. Проблемные «зоны» современной урбанистики в глобальном пространстве: транслитерация урбанонимов // *Вопросы ономастики*. 2019. № 16 (4). С. 135–150.
15. Малёнова Е.Д. Перевод языковых средств конструирования городского лингвистического ландшафта как фактор формирования имиджа территории // *Cross-Cultural Studies: Education and Science*. 2021. № 6 (2). С. 94–102.
16. Shcherbakov O., Murashkina K. Unified Navigation System of Russian Railways: Translation Issues // *Актуальные вопросы филологической науки XXI века* : сб. ст. VIII Междунар. науч. конф. молодых ученых (8 февраля 2019 г.) / общ. ред. Ж.А. Храмушина, А.С. Поршнева, С.А. Иванова, С.К. Пестерев ; Урал. федер. ун-т. Ч. 1 : *Современные лингвистические исследования*. Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2019. С. 251–257.
17. Shcherbakov O., Golomidova M. Translating Urbanonyms: Issues and Suggestions for the Improvement of Linguistic Landscape // *2019 the 4th International Conference on Education Science and Development (ICESD 2019)*. Lancaster, the USA, 2019. P. 15–20. DOI: 10.12783/dtssehs/icesd2019/28062.
18. Кабакчи В.В., Прошина З.Г. Лексико-семантическая относительность и адаптивность в переводе и межкультурной коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25, No. 1. P. 165–193.

References

1. Landry R., Bourhis R. Linguistics Landscapes and Ethnolinguistic Vitality: An Empirical Study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. Vol. 16. P. 23–49.
2. Gorter D. Linguistic Landscapes in a Multilingual World // *Annual Review of Applied Linguistics*. 2013. Vol. 33. P. 190–212.

3. Pavlenko A. Linguistic landscape of Kyiv, Ukraine: A diachronic study // *Linguistic Landscape in the City.* / E. Shohamy, E. Ben-Rafael and M. Barni (eds.). Bristol a.o. : Multilingual Matters, 2010. P. 133–152.
4. Ong K.K.W., Ghesquière J.F., Serwe S.K. English shop signs in Singapore // *English Today.* 2013. Vol. 29(3). P. 19–25. DOI:10.1017/S0266078413000278.
5. Proshina Z.G. Anglijskij yazyk v reklamnoj deyatel'nosti Vladivostoka. K sociolingvisticheskomu portretu rossijskogo goroda [The English language in Vladivostok City advertisement (in Russ.)] // *Dal'nij Vostok: Dinamika cennostnyh orientacij.* [Far East: Dynamics of value trends]. Proceedings of the International Research Conference. (Komsomol'sk-na-Amure, 22–24 September, 2008). Komsomol'sk-na-Amure: Komsomol'sk-na-Amure State Technological university, 2008. P. 430–434.
6. Shcherbakov O. Hipsterification of English in Linguistic Landscapes of Bangkok's Cafe-Hopping Spots // *Sbornik nauchnyh i uchebno-metodicheskikh trudov.* [Collection of research and academic works. (in Russ.)]. Issue 18 / S.G. Ter-Minasova and M.G. Bahtiozina (eds.). Moscow : KDU, Dobrosvet, 2021. P. 240–255. DOI: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1202-0-2021-275.
7. Rivlina A.A. Formirovanie global'nogo anglo-mestnogo bilingvizma i usilenie translingval'noj praktiki [Global English-local bilingualism formation and increase in translingual practice (in Russ.)] // *Humanities and Social Studies in the Far East.* 2016. No 2 (50). P. 26–34.
8. Rivlina A.A. Bilingual creativity in Russia: English-Russian language play // *World Englishes.* 2015. Vol. 34, No. 3. P. 436–455.
9. Proshina Z.G., Rivlina A.A. Anglijskij yazyk v Rossii kak variant i kak dopolnitel'nyj yazykovoj resurs [English in Russia as a variety and an additional linguistic resource (in Russ.)] // *Anglijskij yazyk na territorii Soedinennogo Korolevstva Velikobritanii i Severnoj Irlandii i za ego predelami* [English in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and Beyond]: Collection of works / Russian Academy of Sciences, INION. Center for the humanities research. Linguistic Department.; Ed. by M.B. Rarenko. Moscow, 2020. P. 73–89.
10. Reklamnye vyveski podgonyayut pod rossijskie standarty [Advertisement signs are forced into Russian standards (in Russ.)] // *Kommersant.* 2022, 11 June. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5406770> (accessed: 30.12.2022).
11. Eksperty zayavili, chto zapret inostrannyh vyvesok stanet lishnej nagruzkoj dlya biznesa [Experts claimed that foreign sign prohibition will become an extra burden on business (in Russ.)] // *TASS.* 2022, 21 June. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14980919> (accessed: 05.01.2023).
12. Volodin sprosil u podpischikov, dolzhna li ulichnaya reklama v RF byt' tol'ko na russkom yazyke [Volodin asked his subscribers whether outside advertisement in the RF should be only in Russian (in Russ.)] // *DumaTV.* 2022, 10 June. URL: <https://dumatv.ru/news/volodin-predlozhit-podpischikam-opros--dolzhna-li-ulichnaya-reklama-v-rf-bit-tolko-na-russkom-yazyke> (accessed: 05.01.2023).
13. Shiyab S.M., Rose M.G., House J., Duval J. *Globalization and aspects of translation.* Newcastle : Cambridge Scholars, 2010. 240 p.
14. Zoc I.V., Sulejmanova O. A. Problemnye «zony» sovremennoj urbanistiki v global'nom prostranstve: transliteraciya urbanonimov [Problematic “zones” in the global space: transliteration of urbanonyms (in Russ.)] // *Voprosy onomastiki.* 2019. № 16 (4). P. 135–150.
15. Malyonova E.D. Perevod yazykovykh sredstv konstruirovaniya gorodskogo lingvisticheskogo landshafta kak faktor formirovaniya imidzha territorii [Translation of linguistic means for constructing a city linguistic landscape as a factor of forming a territory image (in Russ.)] // *Cross-Cultural Studies: Education and Science.* 2021. № 6 (2). P. 94–102.
16. Shcherbakov O., Murashkina K. Unified Navigation System of Russian Railways: Translation Issues // *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki 21 veka* [Relevant Issues of Philological Studies in the 21st Century]: Collection of works from the 8th International Research Conference of Young Scholars (8 February 2019) / Ed. by Zh.A. Hramushina, A.S. Porshneva, S.A. Ivanova, S.K. Pesterev; Ural Federal University. Part 1 : *Current Linguistic Research.* Ekaterinburg : UMC-UPI, 2019. P. 251–257.
17. Shcherbakov O., Golomidova M. Translating Urbanonyms: Issues and Suggestions for the Improvement of Linguistic Landscape // *2019 the 4th International Conference on Education Science and Development (ICESD 2019).* Lancaster, the USA, 2019. P. 15–20. DOI: 10.12783/dtssehs/icesd2019/28062.
18. Kabakchi V.V., Proshina Z.G. Leksiko-semanticheskaya otnositel'nost' i adaptivnost' v perevode i mezhkul'turnoj kommunikacii [Lexico-semantic relativity and adaptiveness in translation and intercultural communication (in Russ.)] // *Russian Journal of Linguistics.* 2021. Vol. 25, No. 1. P. 165–193.

Информация об авторах

O.В. Щербаков – магистрант факультета иностранных языков и регионоведения;
 З.Г. Прошина – доктор филологических наук, профессор, каф. теории преподавания иностранных языков.

Information about the authors

O.V. Scherbakov – master student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies;
 Z.G. Proshina – Doctor of Philology (Habil.), Professor, Department for Theory of Foreign Language Teaching.

Статья поступила в редакцию 03.11.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 16.01.2023.
 The article was submitted 03.11.2022; approved after reviewing 28.11.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья
УДК 82-94/81-26
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-225-233

«ПИР СЛОВЕСНОСТИ». НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ФЕДОРОВ: КАК ОБУЧИТЬ ИСКУССТВУ ПЕРЕВОДА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

Екатерина Сергеевна Федорова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ledentu@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена принципам перевода с латинского языка, выработанным легендарным преподавателем Московского университета Николаем А. Федоровым (1925–2016) в процессе преподавания латинского языка. Он сыграл значительную роль в становлении многих поколений филологов-классиков. Его педагогическая деятельность в МГУ продолжалась 70 лет. Также в статье рассматривается роль и место переводов Федорова в истории российской культуры перевода. Мы исследуем истоки московской школы перевода филологов-классиков, развитие этой школы и её преемственность в творчестве Николая А. Федорова. Не менее важен и другой аспект: формирование принципов перевода в неразрывной связи с методикой преподавания латыни. В статье рассказывается о методике подачи латинской грамматики в «классическом учебнике МГУ», созданном в соавторстве с Валентиной Иосифовной Мирошенко. В России учебник востребован почти полвека и выдержал 27 изданий. В педагогической практике Николая А. Федорова преподавание латинской грамматики и обучение переводу неразрывно связаны. Здесь большое значение имеет раннее знакомство студентов со сложным латинским синтаксисом. Федоров вырастил целую плеяду профессиональных переводчиков. Приводятся мнения учеников Николая А. Федорова, ставших видными филологами, о его обучении искусству перевода на занятиях латинским языком. Также мы даем фрагменты текстов Марка Тулия Цицерона, Амвросия Медиоланского и Яна Амоса Коменского в переводе Н. Федорова, которые демонстрируют диапазон переводчика (от I в. до н.э. – до XVII в.), качество и мастерство перевода. Переводчик сохраняет с максимальной точностью все структурные особенности авторского текста. И вместе с тем Федоров, находя нужные лексические эквиваленты, приближает исторические тексты к современному читателю, делая понятным для читателя все нюансы смыслов.

Ключевые слова: Николай Алексеевич Федоров – преподаватель и переводчик, московские филологи-классики; школа перевода; обучение латинской грамматике и искусству перевода; преемственность поколений переводчиков в МГУ

Original article

"THE FEAST OF LITERATURE". NIKOLAY A. FEDOROV: HOW TO TEACH THE ART OF TRANSLATION IN THE PROCESS OF TEACHING LATIN

Ekaterina S. Fedorova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ledentu@mail.ru

Abstract. The article discusses the principles of translation from Latin, developed by Nikolay A. Fedorov (1925–2016), the legendary teacher of Moscow University, while teaching Latin. He played a significant role in the formation of many generations of classical philologists. His teaching career at Moscow State University lasted 70 years. The article also examines the role and place of Fedorov's translations in the history of Russian translation culture. We explore the origins of the Moscow school of translation of classical philologists, the development of this school and its continuity in the work of Nikolay A. Fedorov. No less important is another aspect: the formation of the principles of translation in inseparable connection with the methodology of teaching Latin. The article describes the method of presentation of Latin grammar in the "classic textbook of Moscow State University", created in collaboration with Valentina I. Miroshenkova. In Russia, the textbook has been in demand for almost half a century and has survived 27 editions. In the pedagogical practice of Nikolai A. Fedorov, teaching Latin grammar and teaching translation are inextricably linked. Early acquaintance of students with complex Latin syntax is of great importance here. Fedorov has raised a whole galaxy of professional translators. The opinions of Nikolay A. Fedorov's students, who have become prominent philologists, about his teaching the art of translation in Latin classes are given. And we also give fragments of texts by Mark Tullius Cicero, Ambrose of Mediolansky and Jan Amos Komensky translated by N. Fedorov, which demonstrate the range of the translator (from the 1st century BC to the 17th century), the quality and skill of translation. The translator preserves with maximum accuracy all the structural features of the author's text. And at the same time, Fedorov, finding the necessary lexical equivalents, brings historical texts closer to the modern reader, making all the nuances of meanings clear to the reader.

Keywords: Nikolay A. Fedorov – teacher and translator, Moscow Classical Philologists; translation school, teaching Latin grammar and the art of translation; the continuity of generations of translators at Moscow State University

Методика и исторические корни

Учебник: методологический инструментарий и атмосфера занятий

Николай Алексеевич Федоров – легенда московской латинистики, его преподавательская деятельность охватывает большой период в классическом образовании: в течение 70 лет, начиная с 1945 г. он работал в Московском университете. Его учебник, написанный совместно с В.И. Мирошниковой и впервые изданный в 1976 г., «Lingua Latina» вот уже почти полвека широко используется в вузах разных городов Российской Федерации, бывали издания дополненные и модифицированные, бывали стереотипные, так в 2022 г. он выдержал 17-е стереотипное издание [1].

Успешность обучающего метода – в тщательно выверенной системе подачи грамматического материала и текстов. С самого начала язык изучается «сферически»: в каждом уроке дается тема морфологическая, синтаксическая и лексическая. Поскольку в классической латыни синтаксис сложен и занимает едва ли не главное место в освоении предмета, то этот метод дает возможность с самого начала занятий по латыни учиться переводить фрагменты подлинных авторских текстов или крылатых латинских поговорок, которые стали мировым интеллектуальным достоянием.

А начинается курс с освоения системы глагола. При этом сразу в том же уроке предлагается освоить и латинское наречие, которое – «при глаголе». Глагол – *verbum*, наречие – *adverbium*. Например, уже на первом практическом занятии студент встречается с такими фразами: *Interdium laborare, noctu dormire debemus*. Если переводить буквально, учитывая специфический порядок латинских слов в предложении, очень далекий от порядка слов в предложении родного языка или изучаемых современных: *Днем работать, ночью спать мы должны*. Николай Алексеевич настаивал на максимально буквальном переводе, учитывающем даже порядок слов. Тогда студент сразу ощущал особенную структуру латинского простого предложения. А затем учитель предлагал переосмыслить фразу более литературно. В том же начальном уроке мы видим несколько авторских фраз Цицерона, например: *Vivere est cogitare*. – *Жить – это мыслить*. Таким образом, с самого начала обучения при таком методе студент избегает «пустых, учебных» фраз, а сразу включается в историко-культурную атмосферу, постигая не только латинскую грамматику, но одновременно и латинскую мудрость. У каждой такой фразы есть история, есть культурологический аспект. Так что даже первый

урок уже несет двойную нагрузку: лингвистическую и культурологическую. В авторских фрагментах Николай Алексеевич давал простор преподавателю комментировать фразы, учитывая исторические факты, особенности римского менталитета, связь классических фрагментов с литературой разных народов и разных эпох. Это воздействует на эмоционально-образную память студента, понуждая активизировать память.

Уже в 4-м уроке Федоров, наряду с новым рядом глаголов (III спряжение на *io*), дает в теме синтаксиса конструкцию *Accusativus cum infinitivo*. Надо ли говорить, сколь частотна эта конструкция в классической латыни! Без нее невозможно знакомство с большинством текстов латыни I в. до н.э. Внутри конструкции автор подает фразу Корнелия Тацита: «Не всегда заблуждается молва»: *Inter omnes constat haud semper errare famam*. – *Всем известно, что не всегда заблуждается молва*. Конструкцию нужно переводить с помощью того синтаксического инструментария, который имеется в русском языке, а именно: придаточным предложением с союзом «что». Кроме того, в данной фразе заложена инверсия: сказуемое (*errare*), которое должно быть в конце, предшествует подлежащему (*famam*). Инверсия показывает эмоциональный акцент фразы. Так на ранних этапах постигаются синтаксические особенности латыни, и в то же время у преподавателя есть возможность ориентировать студента, каким образом перевести текст буквально, а каким – адаптировать его к стихии родного языка, стараясь минимально отойти от оригинала.

«Проникнуть в ДНК языка»

На простейшем материале мы показали, что одновременно с освоением латинской грамматики Николай Алексеевич стремился сразу обучать студента искусству «учебного» перевода, так принципиально близкого к буквальному подстрочнику, чтобы особенности латинского устройства фразы максимально прозрачно просвечивали сквозь перевод. А затем усложнить задачу. Вот как описывает подход к переводу ученик Федорова, ныне заведующий кафедрой древних языков на историческом факультете МГУ проф. А.В. Подосинов:

«Николай Алексеевич никогда не опережал нас, по очереди читавших и переводивших латинские тексты, своим переводом. Каждый мог, хотя и коряво, дать свой собственный перевод. Потом Федоров, как бы обсуждая этот перевод, выдавал адекватнейший перевод, который заставлял нас восхититься его талантом и проникнуться состраданием к себе, который (пока еще) не в состоянии так точно передать смысл латинской фразы. Но и

после этого перевода продолжалось обсуждение прочитанной фразы во всех ее тонкостях – грамматических, синтаксических, стилистических, смысловых, пока, наконец, мы не исчерпывали все возможности толкования. Это было очень увлекательное занятие» [2: с. 7].

Разумеется, когда осваивался материал учебника, филологи-классики переходили к предмету «Латинский язык и авторы», к сложным текстам, отдельные фрагменты которых не всегда можно было трактовать однозначно и приходиться к единому решению. Но принцип перевода – не отступать далеко от подлинника – оставался прежним. А студенты не-классических отделений за время, отведенное программой, в дальнейшем вполне могли применять этот метод к своим по специальности изучаемым языкам.

«Отдельная сторона... образа [Николая Алексеевича] – "прижизненный памятник", поставленный себе Николаем Алексеевичем и его замечательным... соавтором Валентиной Иосифовной Мирошениковой. Знаменитое обозначение "*Мирошеникова Федоров*" надолго стало и еще дольше останется символом приобщения юношества к Катутллу и Цицерону. Учебникам латинского языка вообще везло на двойное авторство, и их гордые именованья чем-то напоминают череду сменяющихся друг друга пар римских консулов... звучит похоже на "В консульство Марка Красса и Лутация Катутла"... Череда многочисленных переизданий последних лет окончательно подтвердила, что теперь свет латыни *urbi et orbi* будет нести прежде всего эта, некогда зеленая, а впоследствии расцветившаяся и другими цветами радуги книжка» [3: с. 148–149].

В 2006 г. учебник был признан «классическим университетским учебником» и издан в этой серии издательством МГУ [4].

Надо отметить, сильный метод и яркое преподавание обеспечили преемственность классической отечественной школы обучения и по сей день: «Несколько лет назад, на заседании секции "Классическая филология, византийская и новогреческая филология" УМО филологического факультета МГУ, Николай Алексеевич Федоров проводил мастер-класс – он читал перед преподавателями древних языков из многих городов России какой-то текст из Тацита (Тита Ливия? Цицерона?)... Что (...) меня поразило в этом мастер-классе? Во многих моментах интерпретации текста я вдруг с удивлением обнаружил, что я уже сорок лет точно так же объясняю то или иное языковое явление! Получалось, что я, уже не помня, как это делал Н.А., все сорок лет

следовал приемам, унаследованным от своего любимого учителя» [5: с. 195].

И несколько слов о требованиях Н.А. Федорова к студентам, темпе урока, манере спрашивать: «В процессе преподавания латинского языка с Николаем Алексеевичем, на мой взгляд, произошла эволюция, свойственная благородному человеку и умному педагогу: от требовательности, замешанной почти на деспотизме, но, надо признать, на просвещенном деспотизме, к всепонимающему либерализму. В чем же когда-то выражался "деспотизм" Николая Алексеевича? Вне всяких сомнений, слово "деспотизм" применяется здесь условно, совсем не в соответствии с ювеналовской формулой *Sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas* [так я хочу, так я велю, пусть доводом будет моя воля], а только для наиболее точного обозначения жесточайшей требовательности нашего преподавателя к подготовке по латинскому языку и типу ответа на занятии. Студент должен был отвечать (например, морфологию) точно – быстро – уверенно – без малейшей остановки, и даже короткие паузы не допускались. Размышление приветствовалось при переводе или, например, в случае определения падежной функции и ее возможного варианта, или в каком-то подобном примере логического подхода при разборе текста. Сказать что-то друг другу на занятии, хотя бы чуть-чуть отвлечься, задуматься не о читаемом тексте – лучше было этого не делать» [6: с. 205].

Итак, два принципа, позволивших Н.А. Федорову обучать грамматике, параллельно обучая и переводу, а также воссоздать традиционную московскую *школу классического образования* в новую эпоху. Прежде всего, «проникнуть в ДНК языка», – сформулировал А.Н. Федоров, сын героя нашей статьи. А во-вторых: «так сильно любить свой предмет, так погрузиться в него, понять его, позволить ему в твоём уме и сердце до конца проявить свою сущность – как бы "стать самим собой", что весь дальнейший процесс будет действовать лишь как система по принципу домино. Два "зараженных" учителем ученика "заразят" еще нескольких, и по принципу просто геометрической прогрессии они отправятся "заражать любовью" к предмету других. Но на что это станет похоже? На простой рост организма, живого, настоящего организма. В нашем случае – организма "искусства учить". Но вновь, не учить предмету, а учить любви к предмету» [7: с. 12–13].

Николай Алексеевич наследовал и развил традиции, которые несли его учителя в дореволюционном «гимназическом» переводе.

Московская школа классической филологии: из истории преподавания латинского языка и искусства перевода

Надо отметить, что начиная с указа Александра I 1804 г., называвшегося «Устав учебных заведений», латинский язык был признан обязательным для гимназического обучения, а гимназии отныне объявлялись «всесловными».

Программа обучения латинскому языку была разработана детально:

«Учитель латинского языка преподает учение по 16 часов в неделю. В первом классе по 6 часов в неделю обучает читать, писать, латинской грамматике, приобщая к каждому правилу объясняемого им словосочинения примеры, извлеченные из лучших авторов, могущих занимать понятие учащихся в самое то время, когда они затверживают в памяти правила словосочинения. После хрестоматии, нужной для сего предмета, он задает переводы с латинского языка на природный. Во втором классе по 6 часов в неделю изъясняет классического прозаического писателя, начиная с легчайшего и доходя к труднейшим, с раздроблением красот слога. Из числа сих шести часов по крайней мере один час в неделю посвящает для приобщения учеников к переводам с природного языка на латинский. В третьем классе по 4 часа в неделю изъясняет вышесказанным порядком латинских стихотворцев и приобщает учеников на сем языке сочинять. Лучшие сочинения или места в латинских сочинениях писателей должны быть выучиваемы наизусть для изоощрения памяти учащихся» [8].

Как мы видим, еще до поступления в высшее учебное заведение гимназист осваивал навыки, которыми ныне владеют выпускники специализированных классических отделений университетов. Даже в небольших городах в начале XX в. ресурс компетенции в гимназическом освоении латыни был так высок, что, например, обязательным экзаменом в старших классах был перевод текста с латыни на древнегреческий и обратно. Обязательным вступительным экзаменом в университет была латынь, а затем на протяжении всех лет обучения на гуманитарных факультетах этот предмет продолжал преподаваться. Акцент делался на то, чтобы преподаватель вместе со студентами, изучая латинские памятники, анализируя грамматические особенности текста, искали возможно более точные эквиваленты для наиболее точного понимания изложенного. Здесь важным моментом были контекст и историко-культурные и литературные знания, полученные в классической гимназии и умножаемые в студенческие годы.

За более чем столетие методика преподавания латинского языка, соответствовавшая приведенной программе 1804 г., шлифовалась и совершенствовалась, создавалась российская школа преподавания классических языков и одновременно – российская школа перевода с латыни и греческого. Надо сказать, что петербуржцы соперничали в этой области с москвичами, и в эпоху модерна (расцвета культуры и, в частности, классической филологии) две школы сформировались достаточно автономно.

Увы, после 1917 г. классическая филология всеми силами изгонялась из системы гуманитарного обучения. В 1921 г. в МГУ кафедра классической филологии была закрыта. Не стало и филологического факультета. Выдающейся школе суждено было исчезнуть, как исчезли многие дореволюционные гуманитарные школы... Но этого не произошло. В 1934 г. в знаменитом ИФЛИ удалось вновь открыть кафедру, где традицию успешно продолжили представители дореволюционной школы преподавания и перевода: С.И. Соболевский, А.Н. Попов, С.И. Радциг и многие другие бывшие профессора университетов или гимназические преподаватели. А в декабре 1941 г., когда при слиянии ИФЛИ с МГУ был возрожден филологический факультет, вновь созданную кафедру возглавил С.И. Радциг. Сергей Иванович был одним из ярких и значительных представителей отточенной традиционной методики преподавания древних языков, закончил 1-ю Московскую классическую гимназию с золотой медалью, затем историко-филологический факультет Московского университета. На посту заведующего Радцига сменил Александр Николаевич Попов, также типичный «московский классик», владевший частной классической гимназией на Знаменке (в здании ныне Музыкального училища им. Гнесиных), глубоко любивший русскую литературу и бывший знатоком истории московской городской культуры – он был постоянным консультантом Малого театра по вопросам исторических обычаев и традиций столицы. Совместно с бывшим гимназическим преподавателем П.М. Шендяпиным он создал учебник латинского языка, опиравшийся на достижения старой классической школы. А.Н. Попов, П.М. Шендяпин и К.Р. Мейер (тоже бывший преподаватель гимназии) были учителями Николая Алексеевича Федорова в МГУ. А также было несколько встреч с профессионально состоявшимся еще в эпоху начала XX в., популярным среди студентов и учёнейшим Сергеем Ивановичем Соболевским. С 1892 г. Соболевский был профессором Московского университета, через 22 года безупречного служения – заслуженным его профессором,

а также он профессорствовал и в Духовной академии и был действительным статским советником. Разумеется, московская классическая школа не была утрачена в учениках, а напротив, получила свое развитие в их педагогической и переводческой деятельности, в данном случае Н.А. Федорова. Нельзя не упомянуть, что со школьной скамьи Николай Алексеевич слушал лекции и испытывал большое влияние знаменитого шекспироведа М.М. Морозова, того самого, который составлял подстрочники для шекспировских переводов Б.Л. Пастернака, он посещал семинары (посвященные Ренессансу) крупного романиста Д.Е. Михальчи. Оба ученых тоже принадлежали дореволюционной филологической традиции. Нам кажется, в Федорове эта традиционная школа сказывалась с особым блеском и оказалась притягательной для многих поколений его учеников.

Основной принцип – одновременное обучение грамматике и искусству перевода. Ведь любая фраза, содержащая античную мудрость, иногда парадоксальная, требовала смысловой интерпретации, невольно заставляла оттачивать и выбор слов, дабы добиться прозрачности смысла. Поэтому, когда известного переводчика с английского Г.М. Дашевского спросили: кто научил его искусству перевода, – он ответил: Н.А. Федоров – умением видеть текст. «Научить читать» означает «научить понимать», – говорил Федоров [9: с. 95], поэтому он оказался для многих поколений «"устаами истины" в латинской грамматике» [10: с. 109]. Нельзя не добавить, что Н.А. Федорову был присущ особый артистизм: «Николай Алексеевич читал нам Катулла так, как только он один умеет читать латинские стихи» [11: с. 130].

Упоение, креативность и вкус

«С каким упоением велся разбор лексики и фразеологии Цезаря и Цицерона, а на втором курсе Катулла и Тибулла с внедрением в сферу истории культуры, психолингвистики, истории языка, сравнительной романистики. Это был настоящий пир словесности. Так мы становились филологами, а не просто читателями и переводчиками... Креативность его характера проявилась и в создании им студенческого Латинского театра, в котором с удовольствием играло не одно поколение студентов-классиков, ставя в конце 60-х – начале 80-х гг. «Привидения» и «Бакхид» Плавта, «Дульциция» Хросвиды. Спектакли, поставленные Н.А. Федоровым в изящной вахтанговско-таировской манере, пользовались у многочисленных зрителей невероятным успехом, далеко выходя за рамки обычной студенческой самодеятельности» [12: с. 132, 134].

Латинское слово Федоров воспринимал как растение, развивающееся в «саду красоты». Недаром известное его сочинение называется «Становление эстетической лексики Цицерона» [13]. Его историко-филологический комментарий к встречавшимся словам по ходу перевода текста не только учитывал нюансы «поля» данной лексемы в латинском, но и создавал целые сюжеты о её жизни в других языках.

Жил в разных эпохах

«Он не только доносил до нас, современных людей, литературные сокровища древности, но и творчески органично жил среди них, словно гуляя по эпохам. Возникла ассоциация с Пастернаком, который воскликнул в высшем простосердечии: "Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?"» [14: с. 139].

Бережно относился Н.А. Федоров к языку оригинала переводимого им текста, всегда вживаясь в личность автора: «При его, Федорова, посредстве чтение классических авторов тоже, оказывается, можно превратить в диалог, ибо для Н.А. эти авторы более чем живы и более чем, как это было принято говорить в недавние времена, "актуальны". Потому он так живо пересыпает свои комментарии римских нравов аллюзиями на реалии нашей эпохи (заодно просвещая молодое поколение по части прошлого их собственной страны); потому столь *неподдельны* его личностные пристрастия и антипатии к давно почившим мыслителям и политикам. Всякий, кому случилось в присутствии Н.А. нелицеприятно отозваться о личности, исторической роли или писаниях его главного любимца, Цицерона, знает, как близко к сердцу, чуть ли не на собственный счет принимает он подобные оценки, глядя на обидчика с горестным сожалением» [3: с. 149–150].

Стиль переводов Н. А. Федорова

Буквализм и свобода московской речи

Итак, в переводах Н.А. Федоров прежде всего стремился показать и укрепить структуру лингвистического мышления автора, а также продемонстрировать эпоху латинского языка, в недрах которой творил переводимый автор, со всеми её особенностями. И только затем переводчик отправлялся в свободный полет, насыщая переводимый текст уместными русскими эквивалентами – этот поиск был тщательным и часто долгим, опирался на глубокое знание русской литературы разных эпох и её лексики. Полное подчинение манере автора и, затем, вольная работа в «лексической лаборатории» никак не противоречили друг другу в переводческом творчестве Н.А. Федорова. Вот как об этом процессе пишет его ученица Н.А. Старостина: Н.А. Федоров «переводчиком стал отменным именно в силу проникновения в латинский текст,

в глубину синтаксиса. И эффект был удивительный. Он от студентов как преподаватель и автор-перелажатель на русский язык требовал, в сущности, буквализма и, ныряя внутрь этого латинского синтаксиса с его периодичностью, рамочными конструкциями и риторическими фигурами, выносил на русскую поверхность свободное изложение, конечно же, и благодаря прекрасной, свободной московской речи (Николай Алексеевич знал язык А.Н. Островского и наслаждался им). Этим парадоксом сочетания буквализма и свободы он напоминал Набокова ("переводить надо слова"), уж такого языкового умельца... И какое же переводческое, просветительское богатство Н.А. оставил в наследство – от классиков – через христианских отцов церкви – к авторам XVII–XVIII веков, особенно трудных для передачи на русский язык» [15: с. 13–14].

Ян Амос Коменский, архиепископ, XVII век

Мы столь обильно обращаемся к отзывам филологов по поводу переводческой работы Федорова и его умения обучить других, поскольку выработанные им для самого себя принципы не оставили равнодушными его «коллег по цеху», повлияли и на их собственную переводческую деятельность, продолжив по сей день жизнь московской школы классического перевода. Так, эллинист О.М. Савельева пишет: «Работа Н.А. Федорова как переводчика на протяжении всей его жизни проходила в соединении с его педагогической деятельностью в Московском университете. Может возникнуть вопрос: учил ли он переводу на занятиях латинским языком? И да, и нет. Последнее, "нет" – относится к тому, что Николай Алексеевич не заявлял такую цель как специальную. Однако в практике занятий с ним у слушателей рождалось понимание латинского текста. А по ходу его разбора вырабатывался некоторый навык перевода или, точнее, представление об этом процессе, его технике и ожидаемом результате. Анализ текста опирался на понимание его грамматического (*читай* логического) построения. Был определяюще важен выбор соответствующих по смыслу и стилю русских слов. Шло обсуждение сочетания этих слов – внутри полного оформления фразы и всего пассажа... Трактат Яна Амоса Коменского "Матетика и дидактика" имеет трудности для перевода. Оригинал построен продуманно и схематично, он структурирован строго по позициям, даны определения и выводы в стиле сентенций, а высказывания такого типа обязывают к особой точности при их трансформации в переводе, в то же время они не должны звучать назойливо. Наконец, у Коменского формулируются принципы преподавания и воспитания, и при этом

текст не должен быть передан подчеркнута дидактично. В переводе "Матетики и дидактики" мы видим у Федорова простоту, которая облагораживает сложные вещи, а именно: точный подбор слов, их плавное соединение по правилам русской стилистики, сохранение необходимых терминов Коменского и общего стиля дидактической рекомендации без "указующей" интонации, столь вредной для педагогики вообще» [16: с. 14–16].

Цицерон I в. до н.э.

«Одно и то же слово у разных авторов может быть переведено по-разному»

Другая ученица Федорова, Т.Ф. Теперик, замечает: «...надо переводить... обращая внимание и на то, что *не* переведено, но только подразумевается. И обязательно обращая внимание на метафоры, сравнения, эпитеты. Поэт ведь использует свой стиль, один стиль у – Вергилия, совсем другой стиль, напряженный, так называемый "новый стиль" – у Лукана. Соответственно, в переводе это не только не может звучать одинаково, но и не должно, и следует обращать внимание не только на грамматические конструкции, но и на стиль, образы. То есть пытаться отразить, насколько это возможно, особенности художественного языка переводимого автора, стремясь не только к точности, но и к художественности. *Одно и то же слово у разных авторов может быть переведено по-разному, в зависимости от контекста.* Контекст, а не только словарь – это было для нас открытием!» [17: с. 17].

Порой Николай Алексеевич прибегает к «исходным» латинским словам в переводе, чтобы продемонстрировать читателю свою логику выбора слова для перевода в контексте, а также, возможно, и пригласить читателя к диалогу:

«Немалая сила природы и ее разума проявляется и в том, что только одно это живое существо [человек] понимает, что такое порядок (*ordo*), что такое пристойность (*quid sit quod decet*), что такое мера (*modus*) в словах и поступках. Поэтому ни одно другое существо не ощущает красоту, прелесть, гармонию частей того, что воспринимается зрительно» [18: с. 219–220].

В сложных периодах Цицерона, найдя стержень главного предложения, сопоставляя грамматику и смыслы, Федоров приучал студентов одновременно удерживать в памяти множество языковых фактов, выделять целое и – одновременно – высвечивать детали и «боковые тропинки» многочисленных придаточных и конструкций в лабиринтах фразы, чтобы реконструировать её общий смысл. Строй цицероновской фразы сохранен, однако найдены нужные эквиваленты, приближающие

язык Цицерона к современному читателю, например, словосочетания «умственная активность», «физическая деятельность» и т.п.

Как говорилось, Н.А. Федоров был увлечен исследованием «семантических полей» красоты в лексике Цицерона. «Эстетическое отношение к миру, эстетическое сознание возникает и становится возможным лишь тогда, когда человек ... начинает освобождаться от господства непосредственной практической необходимости, от власти физической потребности», – пишет Н.А. Федоров [13: с. 34]. Этот философский «полет» Цицерона над обыденностью, на наш взгляд, точно схвачен переводчиком. Например, исходя из контекстов Цицерона, Федоров трактует его триаду, три синонима, обозначающие «прекрасное»: *pulchritudo* – *dignitas* – *venustas*, – следующим образом: «В устанавливаемой Цицероном дифференциации общей, всеобъемлющей категории прекрасного *pulchritudo*» это понятие получает «две подчиненные категории»: «Цицерон называет *dignitas* мужским качеством..., относя её к более серьезному, этически значимому содержанию ... *venustas* скорее ориентировано на внешнее, на форму, включая идею "изящества", "женственности"» [13: с. 88–89].

«Слышать слово, а затем уже искать его смысл»

Анна Крюкова замечает: «Когда он читал нам..., казалось, что, даже не понимая еще всех деталей, мы улавливали смысл. Его интонации, его манера выговаривать отдельные согласные или гласные передавали настроение. Чувствовался тон. Он научил именно слышать слово, а затем уже искать его смысл. Помню, что иногда ни одна словарная

статья не помогала так, как комментарий Федорова. Там, где мне казалось, что все легко, просто и понятно, наш учитель находил удивительно тонкие моменты, которые мы не замечали, а они раскрывали глубину фразы по-настоящему» [19: с. 19].

Приступая к христианской латыни свт. Амвросия Медиоланского «Об обязанностях [священнослужителей]» [20], Н.А. Федоров учитывал как всю силу влияния античных авторов, прежде всего Цицерона или стоиков, на ученого архиепископа (в построении трактата, в приемах и логике доказательств предложенных автором тезисов, в синтаксисе), так и глубинные семантические сдвиги слов, произошедшие в латинском языке в недрах христианской цивилизации.

В заключение

«Плеяда профессиональных переводчиков»

В чем же главное наследие Федорова-переводчика и Федорова-преподавателя, в процессе обучения латинской грамматике умевшего научить и искусству перевода? Обратимся к мнению учеников (курсив мой. – Е.Ф.):

– «Николай Алексеевич научил думать, не просто переводить со словарем, а именно *чувствовать и понимать каждую фразу, каждое слово и как бы приравнивать, примерять их к себе и к своей реальности*» [19: с. 19].

– «И то, что классическое отделение выпустило целую плеяду *переводчиков*, и не только *переводящих с древних языков*, а также *ученых, занимающихся проблемами перевода*, – это, главным образом, его заслуга. За что его ученики ему искренне благодарны» [17: с. 17].

Список источников

1. Мирошенкова В.И., Федоров Н.А. *Lingua Latina*. Изд. 17-е, стер. Москва : Флинта, 2022. 416 с.
2. Подосинов А.В. Предисловие // Федоров Н.А. *Исследования. Переводы*. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 7–8.
3. Гринцер Н.П. Николаю Алексеевичу Федорову – мифу и человеку // *Ars docendi – Искусство научить: К 90-летию латиниста Николая Алексеевича Федорова*. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 147–151.
4. Мирошенкова В.И., Федоров Н.А. *Учебник латинского языка*. 8-е изд., испр. и доп. Москва : Изд-во Московского ун-та, 2006. 560 с.
5. Подосинов А.В. Несколько штрихов к портрету учителя // *Ars docendi – Искусство научить: К 90-летию латиниста Николая Алексеевича Федорова*. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 194–197.
6. Савельева О.М. Об учителе // *Ars docendi – Искусство научить: К 90-летию латиниста Николая Алексеевича Федорова*. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 204–210.
7. Федоров А.Н. Задумывались ли вы когда-нибудь, кто такой преподаватель? // Федоров Н.А. *Исследования. Переводы*. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 11–13.
8. Устав учебных заведений, подведомых университетам. 1804 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://xn--e1aaejmeposqx.xn--p1ai/node/13661> (дата обращения: 10.01.2023).
9. Федоров Н.А. «Научить читать, то есть понимать» // *Ars docendi – Искусство научить: К 90-летию латиниста Николая Алексеевича Федорова*. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 60–98.
10. Анашкин А. В. *Magistro* // *Ars docendi – Искусство научить: К 90-летию латиниста Николая Алексеевича Федорова*. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 108–109.

11. Афанасьева М.И. Неожиданный Федоров в Риме // *Ars docendi – Искусство научить: К 90-летию латиниста Николая Алексеевича Федорова*. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 129–130.
12. Бибиков М.В. Jubilatio // *Ars docendi – Искусство научить: К 90-летию латиниста Николая Алексеевича Федорова*. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 131–135.
13. Федоров Н.А. Становление эстетической лексики Цицерона // Федоров Н.А. *Исследования. Переводы*. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 29–216.
14. Геронимус В.А. Николай Алексеевич Федоров. Ученый, преподаватель, человек // *Ars docendi – Искусство научить: К 90-летию латиниста Николая Алексеевича Федорова*. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2015. С. 137–147.
15. Старостина Н.А. Сила проникновения // Федоров Н.А. *Исследования. Переводы*. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 13–14.
16. Савельева О.М. Анализ текста и техника перевода // Федоров Н.А. *Исследования. Переводы*. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 14–16.
17. Теперик Т.Ф. Н.А. Федоров: уроки перевода // Федоров Н.А. *Исследования. Переводы*. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 16–17.
18. Цицерон М.Т. Об обязанностях / перевод Н.А. Федорова // Федоров Н.А. *Исследования. Переводы*. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 217–237.
19. Крюкова А.А. Приноравливать слово к себе и к своей реальности // Федоров Н.А. *Исследования. Переводы*. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 18–19.
20. Амвросий Медиоланский, свт. Об обязанностях / перевод Н.А. Федорова // Федоров Н.А. *Исследования. Переводы*. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 287–467.

References

1. Miroshenkova V.I., Fedorov N.A. *Lingua Latina*. 17th edn. Moscow : Flinta, 2022. 416 p.
2. Podosinov A.V. Predislovie [Preface] // Fedorov N.A. *Issledovaniya. Perevody` [Research Works. Translations. (in Russ.)]*. Moscow : YaSK Publ., 2022. P. 7–8.
3. Grincer N.P. Nikolayu Alekseevichu Fedorovu – mifu i cheloveku [To Nikolay A. Fedorov – a myth and a human being (in Russ.)] // *Ars docendi – Iskusstvo nauchit` : K 90-letiyu latinista Nikolaya Alekseevicha Fedorova [Art of teaching : Festschrift to commemorate 90th birthday of the Latin expert Nikolay A. Fedorov]*. Moscow : PSTGU Publ., 2015. P. 147–151.
4. Miroshenkova V.I., Fedorov N.A. *Uchebnik latinskogo yazy`ka [Latin language textbook]*. 8th edn, revised. Moscow : Moscow University Publ., 2006. 560 p.
5. Podosinov A.V. Neskol`ko shtrixov k portretu uchitel`ya [Some strokes to the teacher's portrait (in Russ.)] // *Ars docendi – Iskusstvo nauchit` : K 90-letiyu latinista Nikolaya Alekseevicha Fedorova [Art of teaching : Festschrift to commemorate 90th birthday of the Latin expert Nikolay A. Fedorov]*. Moscow : PSTGU Publ., 2015. P. 194–197.
6. Savel`eva O.M. Ob uchitele [About the teacher] (In Russian)] // *Ars docendi – Iskusstvo nauchit` : K 90-letiyu latinista Nikolaya Alekseevicha Fedorova. [Art of teaching : Festschrift to commemorate 90th birthday of the Latin expert Nikolay A. Fedorov]*. Moscow : PSTGU Publ., 2015. P. 204–210.
7. Fedorov A.N. Zadumy`valis` li vy` kogda-nibud`, kto takoj prepodavatel`? [Have you ever wondered what a teacher is? (in Russ.)] // Fedorov N.A. *Issledovaniya. Perevody` [Research Works. Translations. (in Russ.)]*. Moscow : YaSK Publ., 2022. P. 11–13.
8. Ustav uchebny`x zavedenij, podvedomy`x universitetam. 1804 g. [Charter of Educational Institutions Subordinate to Universities. 1804. (in Russ.)] // Muzej istorii rossijskix reform imeni P.A. Stoly`pina [P.A. Stolypin Museum of Russian Reform History]. URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13661> (accessed: 10.01.2023).
9. Fedorov N.A. «Nauchit` chitat`, to est` ponimat`» [Teach to read, i.e. to understand (in Russ.)] // *Ars docendi – Iskusstvo nauchit` : K 90-letiyu latinista Nikolaya Alekseevicha Fedorova. [Art of teaching : Festschrift to commemorate 90th birthday of the Latin expert Nikolay A. Fedorov]*. Moscow : PSTGU Publ., 2015. P. 60–98.
10. Anashkin A.V. Magistro // *Ars docendi – Iskusstvo nauchit` : K 90-letiyu latinista Nikolaya Alekseevicha Fedorova. [Art of teaching : Festschrift to commemorate 90th birthday of the Latin expert Nikolay A. Fedorov]*. Moscow : PSTGU Publ., 2015. P. 108–109.
11. Afanas`eva M.I. Neozhidanny`j Fedorov v Rime // *Ars docendi – Iskusstvo nauchit` : K 90-letiyu latinista Nikolaya Alekseevicha Fedorova. [Art of teaching : Festschrift to commemorate 90th birthday of the Latin expert Nikolay A. Fedorov]*. Moscow : PSTGU Publ., 2015. P. 129–130.
12. Bibikov M.V. Jubilatio // *Ars docendi – Iskusstvo nauchit` : K 90-letiyu latinista Nikolaya Alekseevicha Fedorova. [Art of teaching : Festschrift to commemorate 90th birthday of the Latin expert Nikolay A. Fedorov]*. Moscow : PSTGU Publ., 2015. P. 131–135.
13. Fedorov N.A. Stanovlenie e`steticheskoy leksiki Cicerona [Development of Cicero's aesthetic lexicon] // Fedorov N.A. *Issledovaniya. Perevody` . [Research Works. Translations. (in Russ.)]*. Moscow : YaSK Publ., 2022. P. 29–216.
14. Geronimus V.A. Nikolaj Alekseevich Fedorov. Ucheny`j, prepodavatel`, chelovek [Nikolay A. Fedorov. Scholar, teacher, human being (in Russ.)] // *Ars docendi – Iskusstvo nauchit` : K 90-letiyu latinista Nikolaya Alekseevicha Fedorova [Art of teaching : Festschrift to commemorate 90th birthday of the Latin expert Nikolay A. Fedorov]*. Moscow : PSTGU Publ., 2015. P. 137–147.
15. Starostina N.A. Sila proniknoveniya [Skill of insight (in Russ.)] // Fedorov N.A. *Issledovaniya. Perevody` [Research Works. Translations. (in Russ.)]*. Moscow : YaSK Publ., 2022. P. 13–14.
16. Savel`eva O.M. Analiz teksta i texnika perevoda [Text analysis and translation technique (in Russ.)] // Fedorov N.A. *Issledovaniya. Perevody` . [Research Works. Translations. (in Russ.)]*. Moscow : YaSK Publ., 2022. P. 14–16.

17. Teperik T.F. N.A. Fedorov: uroki perevoda [Fedorov: translation classes] // Fedorov N.A. *Issledovaniya. Perevody*. [Research Works. Translations. (in Russ.)]. Moscow : YaSK Publ., 2022. P. 16–17.
18. Cicero M.T. Ob obyazannostyax [On responsibilities (in Russ.)] / Translated by N.A. Fedorova // Fedorov N.A. *Issledovaniya. Perevody*. [Research Works. Translations. (in Russ.)]. Moscow : YaSK Publ., 2022. P. 217–237.
19. Kryukova A.A. Prinoravlivat' slovo k sebe i k svoej real'nosti [To adapt a word to oneself and to one's reality (in Russ.)] // Fedorov N.A. *Issledovaniya. Perevody*. [Research Works. Translations. (in Russ.)]. Moscow : YaSK Publ., 2022. P. 18–19.
20. Ambrosius Mediolanensis, St. Ob obyazannostyax [On responsibilities. (in Russ.)] / Transl. by N.A. Fedorov. // Fedorov N.A. *Issledovaniya. Perevody*. [Research Works. Translations. (in Russ.)]. Moscow : YaSK Publ., 2022. P. 287–467.

Информация об авторе

Е.С. Федорова – доктор культурологии, кандидат филологических наук, профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения.

Information about the author

E.S. Fedorova is Doctor in Culture Studies (Habil.), Candidate of Philology, Professor, Department of Theory in Teaching Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies.

Статья поступила в редакцию 27.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 27.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 81'25

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-234-241

КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК ПАРАМЕТР ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Людмила Вячеславовна Елизарова¹, Ольга Юрьевна Кустова²

^{1, 2}Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

¹lyudmilaelizarova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3211-462X>

²kustovaolga@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8422-0646>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с переосмыслением подходов к переводческому анализу текста и его составляющих на разных этапах развития теории и практики перевода. Культурный компонент относится к базовым и имманентным параметрам анализа, изучение которого представляется актуальным в современных условиях изменяющейся переводческой деятельности. В статье предлагается широкое и узкое понимание означенного параметра, что позволяет выявить отличительные характеристики данного понятия, такие как устойчивость, неоднозначность и многомерность, а также выделить инвариантные и вариативные составляющие культурного компонента.

Ключевые слова: переводческий анализ текста, параметр переводческого анализа, коммуникативная ситуация перевода, реалии, маркеры культуры, культуроразличная информация, культуроразличный смысл

Original article

CULTURAL COMPONENT AS A PARAMETER OF TRANSLATIONAL TEXT ANALYSIS

Lyudmila V. Elizarova¹, Olga Y. Kustova²

^{1, 2}Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

¹lyudmilaelizarova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3211-462X>

²kustovaolga@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8422-0646>

Abstract. The article revisits approaches to the translation analysis of the text and its components at different stages of the development of the theory and practice of translation. The "cultural component" refers to the basic and immanent parameters of analysis, the study of which is relevant in today's situation of changing translation activity. The article offers a broad and narrow understanding of this parameter, which makes it possible to identify the distinctive characteristics of this concept such as stability, ambiguity and multidimensionality, as well as to identify invariant and variable elements of the cultural component.

Keywords: translation analysis of the text, parameter of translation analysis, communicative situation of translation, invariance, variability, realities, cultural markers, culturally significant information, culturally specific discourse

Введение

В современных условиях переводческая деятельность приобретает новые черты: активное внедрение средств автоматизации перевода, стремительное развитие массмедийной среды, доминирование аудиовизуального восприятия информации над книжно-письменным и появление новых типов текста, более сложных по форме и способам смыслообразования, – всё это так или иначе формирует специфику переводческого труда. Появляются переводческие задачи, которые решаются новыми способами и с использованием новых средств, но в то же время неизменно востребованным остается один из базовых компонентов профессиональной деятельности переводчика, а именно ее аналитическая составляющая. Перевод-

ческий анализ присутствует как на этапе подготовки переводчика (как правило, в форме традиционного задания, сопровождающего письменный перевод), так и в переводческой практике (уже в более имплицитной форме, когда аналитическая компетенция переводчика, сформированная на этапе обучения, используется в процессе решения профессиональных задач), а также представлен во всех формах переводческой деятельности: «ручной», творческий перевод, пред- и постредактирование в машинном переводе.

Подход к переводческому анализу и его содержание менялись вместе с развитием науки о переводе, которая на каждом этапе своей эволюции опиралась на достижения лингвистики и смежных гуманитарных наук. Многообразие подходов, с од-

ной стороны, значительно расширяет поле исследования и возможности нахождения наиболее обоснованных решений в научном и практическом поиске, с другой стороны, в ходе этого развития сформировался набор довольно эклектичных инструментов и категорий, часто сохраняются устаревшие процедуры анализа текста (как, например, прогнозирование трансформаций, целесообразных для решения тех или иных переводческих трудностей). При определении формы и составляющих переводческого анализа остается неясным, на основании каких параметров он должен проводиться, оправдана ли схема переводческого анализа, общая для всех текстов, какие особенности текста должен выявлять переводческий анализ, чтобы иметь практическую ценность в ходе принятия и обоснования переводческих решений.

В современном переводоведении актуальна идея интегративности, которая позволяет объединить потребности теории, практики и дидактики перевода. М.А. Поликарпов считает, что «интегративное переводоведение может служить залогом системности не только в изучении перевода, но и в накоплении переводческого опыта» [1: с. 13]. С точки зрения исследователя, ключевым понятием для дальнейшего развития интегративного переводоведения представляется оценка качества перевода на образовательном, профессиональном, производственно-экономическом и дискурсивном уровнях [1]. Можно утверждать, что аналитическая составляющая переводческой деятельности является одним из важнейших факторов обеспечения высокого качества перевода как с использованием средств автоматизации, так и в условиях «ручного», творческого перевода, но нуждается в теоретическом осмыслении с современных научных позиций.

Переводческий анализ текста в традиционной и современной трактовке

Возникновение современной отечественной теории перевода относят к середине XX в. и связывают с выходом в свет работы А.В. Федорова «Введение в теорию перевода» в 1953 г. (позднее переиздана под названием «Основы общей теории перевода»). Теория перевода воспринималась как прикладная лингвистика и в целом подчинялась принципам доминировавшей в то время системно-структурной парадигмы языкознания. Процесс перевода рассматривался как преобразование (перекодирование) текста с одного языка на другой, а предметом исследования являлись языковые единицы и различные варианты их соответствий в разных языках. Материалом исследования служили, как правило, художественные тексты, а эмпирическая база, накопленная в этот период, позволила систематизи-

ровать межъязыковые трансформации и выделить целый ряд приемов перевода как основных лингвистических инструментов переводчика. Переводческий анализ текста в этот период был сосредоточен на выделении единиц перевода в исходном тексте, а его целью являлось прогнозирование приемов перевода и поиск эквивалентов для тех или иных единиц перевода (от фонемы/буквы до словосочетания и предложения). Такой сугубо лингвистический подход, будучи теоретически обоснованным, не мог обеспечить надежную объяснительную базу при принятии переводческих решений, которые, как известно, нацелены на передачу различных оттенков смысла высказывания, а не на формальный подбор эквивалентов к отдельным лексемам или обеспечение межъязыковых соответствий тех или иных грамматических структур. Новый уровень осмысления процесса перевода стал возможным в рамках антропоцентрической парадигмы и тех направлений, объектом исследования которых становятся уже не единицы языка как знаковой системы, а вопросы их функционирования в коммуникативном пространстве, проблемы смыслопорождения и смысловосприятия, различные факторы, связанные с категориями автора и адресата, специфика коммуникативной ситуации перевода. Данный период можно охарактеризовать как постепенное или окончательное преодоление, по выражению Н.К. Гарбовского, «наивности лингвистических представлений о переводе», поступательное движение от анализа различных аспектов переводческой деятельности в сторону их систематизации с опорой на концепции и методы разных научных дисциплин [2]. В.В. Сдобников, развивая положения коммуникативно-функционального подхода к переводу, предлагает сосредоточиться не на исходном тексте, а на коммуникативной ситуации перевода, где исходный текст является лишь ее частью [3: с. 193]. В коммуникативную ситуацию перевода включается цель перевода (а не исходного текста), адресат перевода (а не только адресат исходного текста), анализ текста становится, таким образом, дискурсивным [4]. Объектом переводческого анализа текста является уже не столько художественный текст, сколько вся палитра типов текста, представленных на рынке переводческих услуг, в чем проявляется результат взаимодействия практики и дидактики перевода: технический, маркетинговый, медийный, научный, политический текст и т.п. В теории перевода появляются различные подходы, которые, в свою очередь, находят отражение в проблематике переводческого анализа текста: коммуникативно-прагматический, коммуникативно-функциональный, лингвокультурологический и пр. Л.Г. Федюченко развивает когни-

тивно-коммуникативное направление исследования в переводоведении [5: с. 192], а Н.Г. Валеева исследует культурно-когнитивный аспект теории перевода [6]. Тем не менее процесс преодоления переводческих трудностей многими исследователями по-прежнему видится в ключе довольно механического использования переводческих трансформаций (лексических, грамматических, стилистических), т.е. в виде подбора различных вариантов соответствий на уровне языковых единиц. Переводческий анализ, в свою очередь, сводится к простой констатации некоторых экстралингвистических данных и текстовых особенностей материала [7].

На современном этапе развития исследований в области переводоведения представляется актуальным переосмысление структуры и содержания переводческого анализа текста, приведение переводческого анализа в соответствие с потребностями практической деятельности, определение параметров комплексного (интегративного) переводческого анализа. Культуроспецифичность, в свою очередь, видится важнейшим свойством текста, а ее передача при переводе рассматривается как одна из наиболее сложных задач переводчика и по-прежнему остается предметом дискуссий в научном сообществе. Целью статьи является описание культурного компонента как одного из основных параметров переводческого анализа текста.

Понятие параметра переводческого анализа

Прежде всего, обратимся к определению понятия «параметр», чтобы обеспечить системный характер анализа и в конечном итоге включить в него все существенные признаки объекта. Согласно определению «Толкового переводоведческого словаря» Л.Л. Нелюбина «параметр» (второе значение слова, наиболее интересующее нас в контексте статьи) – это «величина (или величины), характеризующая основные свойства какого-либо предмета, явления, процесса» [8: с. 136]. Согласно другому определению «параметр» – это «показатель, критерий, величина которого оказывает наиболее существенное влияние на данные процессы» [9: с. 276–277]. Опираясь на данные определения, можно сделать вывод, что параметры переводческого анализа – это те характеристики текста и коммуникативной ситуации перевода, которые играют доминирующую роль как в творческом процессе принятия переводческих решений, так и при их обосновании.

Основной задачей переводческого анализа является глубокое осмысление уникальных имманентных свойств текста и экстралингвистического контекста. Перечень параметров анализируемого текста не может быть сформирован в виде какого-либо полного списка, так как он каждый раз дикту-

ется условиями ситуации перевода. Например, при переводе медиатекста важным может стать учет политической ситуации, при переводе технического текста – учет технического регламента, экологических норм, при переводе маркетингового текста – специфика ценностных установок адресата перевода. Таким образом, можно говорить о константных и вариативных параметрах анализа текста.

К константным параметрам мы относим те характеристики, которые отражают коммуникативно-прагматические, функциональные и текстокатегориальные свойства текста, однако для более глубокого понимания сложного в смысловом отношении текстового образования необходимо дифференцировать анализ с учетом его уникальных черт. Схема переводческого анализа становится ситуативно-обусловленной, и при ее построении внимание направлено на актуальный для конкретной ситуации перевода фокус (или ориентир) принятия переводческих решений. Он не может быть общим для всех типов текстов и требует от переводчика чуткого отношения к материалу, анализа не только особенностей исходного текста, но и особенностей его вхождения в принимающую культуру.

Культурный компонент как параметр переводческого анализа: инвариантная и вариативная составляющие

Анализ и передача культурной специфики текста всегда признавались важной частью процесса перевода, обеспечивающего коммуникацию представителей разных культур, а понятие «культура» и сопряженные с ним единицы – культурные реалии, маркеры культуры и т.п. – вызывают активный исследовательский интерес с момента становления и на протяжении всего периода развития переводоведения. По мнению Л.В. Кушниной, «этноязыковая асимметрия является сущностным свойством перевода» [10: с. 15]. Культурные различия являются частью коммуникативной ситуации перевода и могут приводить к вариативности коммуникативного эффекта текста перевода, именно поэтому данную характеристику следует отнести к базовым параметрам переводческого анализа для большей части материалов, представленных в переводческой практике.

Варьируясь на терминологическом уровне в зависимости от исследовательской концепции, прирастающая новыми значениями в рамках актуальных исследовательских парадигм, «культурный компонент» остается константным показателем взаимозависимости семантики языка и культурной среды индивидуума [11]. Начиная с изучения «реалий» языка оригинала, «культурных реалий» как части безэквивалентной лексики через осмысление наци-

онально-культурной специфики, межкультурного характера перевода, формируются направления исследования, обогатившие теорию перевода значимыми положениями в части детализации приемов передачи реалий разного типа, аргументации способов культурной адаптации. Результатом изучения культурно-этнических, шире – культурологических аспектов перевода с привлечением данных «языковой картины мира» становится появление «лингвоэтнического барьера» (термин Л.К. Латышева [12]), «культурной интертекстуальности» (термин З.Д. Львовской [13]) и других значимых для теории эквивалентности и адекватности понятий.

Переход от лингвистических концепций перевода к другим переводческим моделям только усилил интерес исследователей к «культурной» составляющей перевода. В соответствии с задачами новых когнитивно-коммуникативных подходов активно привлекаются понятия «маркер культуры», «культурно-маркированные единицы», «культуроразличимая информация» и «культуроспецифичность». Вместе с тем и в настоящее время сохраняется тенденция к изучению культурного компонента на лексическом уровне. В большинстве работ с опорой на ранее разработанные лингвистические классификации рассматривается дифференциация соответствующих единиц, но только теперь с привлечением понятия «маркеры культуры». Другими словами, продолжается описание используемых переводческих приемов под другим названием. Не отрицая необходимости таких исследований, следует понимать их локальную ценность с учетом высокой степени изученности вопроса. В данном случае перспективными представляются исследования, направленные на выявление принципов системности, обобщения полученных результатов. Независимо от этапа развития переводческой мысли «культурный компонент» сохраняет свое основное значение как носитель информации о культуре определенного языкового сообщества и при этом трактуется как интралингвистическая составляющая анализа текста и как экстралингвистический фактор, определяющий результат переводческих решений. В первом случае речь идет о реализации рассматриваемого параметра в традиционном его понимании как компонента значения слова, несущего информацию о культурной специфике языкового сообщества, другими словами, параметр ограничивается уровнем лексики. В случае с экстралингвистической природой параметра следует отметить стремление многих исследователей включить культурный компонент в перечень факторов, влияющих на понимание и перевод текста. Например, наряду с коммуникативным, функциональным, структурным, семанти-

ческим, дискурсивным В.Б. Кашкин выделяет лингвокультурный параметр, к которому относятся «исходная / целевая культуры, фоновые знания и presupпозиции» [14: с. 85]. Но в любом случае – как культурно обусловленные различия на уровне языковых систем или как фактор влияния на качество перевода – культурный компонент был и остается неотъемлемой частью анализа текста, одним из его ключевых параметров.

Изменения в содержательной структуре культурного компонента, отражающие современные тенденции в его изучении, позволяют сделать вывод о неоднозначной, двойственной природе данного параметра, а также рассмотреть его в узком и широком смысле. В первом случае указанный параметр реализуется на лексическом уровне независимо от типа текста и терминологической вариативности в его обозначении: от «(культурных) реалий» до «культуроспецифичных единиц». Широкая трактовка параметра предполагает сочетание интра- и экстралингвистических факторов, направленных на вычленение культуроспецифичных смыслов, передача которых остается сложной задачей как в теоретическом, так и в эмпирическом аспекте.

В узком значении инвариантом культурного компонента остается лексическая составляющая, в традиционном понимании с ним соотносится зафиксированное понятие «реалии» или «безэквивалентная лексика». К примеру, при анализе любого текста к его отличительным чертам (и нередко к трудностям перевода) относят наличие культурно-маркированных единиц. И независимо от места текста в транслатологической типологии и/или его жанровой принадлежности в терминах функционально-стилистического подхода задачей переводчика остается поиск оптимального решения для такой единицы, направленный на сохранение культуроспецифичности. В современной сфере научной коммуникации результаты исследований нередко представляет авторский коллектив, состоящий из представителей различных культур. Например, авторами презентации «Energy Storage: enhancing your plant's economics with battery or thermal energy storage» (<https://www.researchgate.net/publication/350099803>) числятся Cecil Lawrence, Michael Schatzmann, Paul Johnston и Van Pham Nguyen. При передаче имен собственных необходимо отразить принадлежность указанных в тексте лиц определенной культуре: имя Michael Schatzmann как сотрудника института метеорологии в Гамбурге передается как Михаэль, а не Майкл Шацман. При переводе медиатекста с немецкого языка на русский, опубликованного в издании «Der Sprachdienst», встречается имя испанского завоевателя Hernando Cortez: «Röhrich vermutet, dass die

Redewendung (seine eigenen Schiffe verbrennen lassen) auf die Kriegskunst des spanischen Konquistadors Hernando Cortez zurückzuführen ist, welcher 1519 mit elf Schiffen von Kuba nach Mexiko segelte und dort die Siedlung Veracruz gründete» (2019. № 2). С учетом фактора известности исторического лица и как следствие уже имеющегося, «закрепленного» за ним соответствия представляется логичным выбор имени Фернандо Кортес. Однако под влиянием современных тенденций при передаче культурно-маркированных единиц, а именно широкого распространения приема транскрипции в открытых источниках, предлагается вариант Эрнан Кортес. Выбор одного из двух вариантов перевода является типичной задачей переводчика, которая каждый раз решается с учетом коммуникативной ситуации перевода. В историческом контексте оптимальным представляется решение о сохранении не современной «транскрипционной» версии имени, а его исторического и национально-культурного колорита, с опорой на закрепленные в авторитетных источниках соответствия. Данные примеры иллюстрируют тезис о том, что способы решения при передаче имен собственных могут варьироваться, но неизменным остается инвариант параметра, а именно интралингвистический компонент, отличительной чертой которого является устойчивость и эксплицитность его передачи.

Следует отметить, что «культурный компонент» как параметр анализа текста наряду с инвариантной частью, реализуемой на лексическом уровне, содержит и вариативную составляющую, которая может включать лексический аспект, но не ограничивается им. Вариативность параметра предусматривает сочетание интра- и экстралингвистических компонентов, направленных на выявление культурно-значимой информации, и шире – на вычленение культуроспецифических смыслов, которые могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно, что предопределяет разные пути решения.

При переводе с немецкого языка на русский документов образовательных организаций* (о присвоении квалификации, сдаче экзамена по специальности и т.п.) наблюдается разделение переводческих решений следующих единиц с ориентацией на так называемые стратегии доместикации или форенизации. Единицы исходного языка *Sachbearbeiter Rechnungslegung*, *hausinterne Fortbildung*, *die Personalabteilung* относятся к предметной сфере экономики, в частности, управления персоналом, и не являются культурно-маркированными едини-

цами в прямом значении. Речь идет о маркерах корпоративной культуры, культуроспецифичный компонент которых может быть передан при переводе – с помощью единиц *финансовый консультант / менеджер, дополнительное образование / внутрифирменное обучение, отдел персонала / управление персоналом*, например, в случае выбора следующих переводческих решений: *бухгалтер, курсы повышения квалификации, отдел кадров*. В текстах из сферы официально-деловой коммуникации к культурозначимой информации следует отнести элементы оформления: последовательность размещения данных свидетельствует об определенных шаблонах предоставления сведений, принятых в культуре исходного (в нашем случае немецкого) языка. Размещение данных о профессиональной деятельности нередко сопровождается числовыми показателями, например при передаче периода работы: 08/86 – 12/92, 01/93 – 09/97 и т.д. В сравнении с предыдущим примером эти данные эксплицитно отражают культурозначимую информацию, но передача с сохранением аутентичного оформления дат представляется неоднозначным переводческим решением. Однако процесс перевода не сводится к поиску культурозначимой информации, так или иначе эксплицированной в тексте, и последующей замене «непривычных» реалий, идиом, терминов и других компонентов текста «привычными». Культурный компонент в его широком понимании связан с выявлением культуроспецифичности текста и заложенных в нем смыслов. Это некий «невидимый пласт» выраженной в тексте информации в виде оценок и суждений, отсылок и аллюзий к определенным культурным ценностям и т.д., наличие которой становится возможным заметить только в том случае, если воспринимать перевод не как процесс транскодирования, а передачи смысла.

Культуроспецифичность, как и смысл всего текста, не складывается из значений его отдельных компонентов, а реализуется комплексно. До настоящего времени большинство исследований в этом направлении проводятся на материале текстов, изученных в разной степени и предназначенных для «ручного», в других терминах «человеческого», «традиционного» перевода с использованием современных информационных технологий, включая средства автоматизации перевода. Объем таких текстов является в определенном смысле «обозримым», другими словами, предоставляется возможность его аналитического прочтения от начала до конца. Но в настоящее время появляются тексты, трудно поддающиеся классификации в рамках разработанных лингвистических и переводческих

* См., например: <<https://www.akademie.ch/weiterbildung/hr-fachmann-eidg-fa>>

типологий. Но даже определение принадлежности таких текстов к какому-то типу (например, к группе примарно-когнитивных текстов) не дает представления об их отличительных особенностях, только об универсальных, обобщенных характеристиках. Кроме того, новые «гибридные» типы текста чаще всего переводятся с помощью систем машинного перевода, что, на наш взгляд, способствует актуализации вопросов переводческого анализа в целом и передачи культурного компонента в частности. Объем данных текстов не предусматривает аналитического прочтения текста, выявления универсальных и отличительных особенностей, определения групп переводческих трудностей и других действий, характерных для переводческого анализа в традиционном понимании. Но, вместе с тем, машинный перевод не исключает анализа, а предполагает привлечение его модифицированной версии, разрабатываемой с учетом современных условий переводческой деятельности. К примеру, в анализ включается оценка индикаторов переводимости для выбора соответствующей программы машинного перевода, а в случае выполнения коллективного заказа привлекаются параметры анализа проекта. При этом следует подчеркнуть, что инвариант культурного компонента, как и в традиционном, «ручном» переводе, ограничивается лексическим уровнем, а его передача носит устойчивый характер, т.е. всегда присутствует в тексте перевода и представляет собой переводческую трудность, решение которой контролируется специалистом на этапе постредактирования. При переводе вариативной части культурного компонента в отдельных случаях в силу объективных функциональных характеристик программ машинного перевода происходит произвольный «отказ» от передачи культурнозначимой информации и, как следствие, не передаются культуроспецифичные смыслы.

В качестве примера рассмотрим относительно новый, но, вместе с тем, «гибридный» тип текста – маркетинговый текст, исследованием которого в аспекте перевода занимаются М.Р. Алимova [15], А.И. Серегина [16], А.М. Шейко [17] и др. К основным чертам маркетингового текста относят поликодовость, нелинейность, небуквальность, ориентацию на целевую аудиторию [15–17]. В последнее время наиболее популярной формой реализации данного текста стала презентация в режиме слайд-шоу. Среди средств выражения особо подчеркивается использование «пустых» слов, наличие стилистических фигур, терминов, а также пояснений [18]. С учетом указанных особенностей переводческий анализ маркетингового текста предполагает при-

влечение не только собственно лингвистических данных и переводоведения, но и знание положений межкультурной коммуникации и маркетинга; он также включает в себя оценку релевантности и эффективности содержательно-смыслового компонента текста для принимающей культуры. В случае, если на этапе оценки компонент признается нерелевантным, производится поиск оптимального способа его перенесения во вторичный текст. Для машинного перевода оценка осуществляется на этапе постредактирования. Анализ маркетинговых текстов, в разной степени реализующих функции информирования и воздействия, предполагает поиск соответствующих специфике принимающей культуры средств выражения смысла, а также необходимость внесения в текст смысловых изменений. При переводе фактуальной информации из текста брошюры компании «Piller Industrieventilatoren GmbH» ключевой информацией является год, имя основателя компании, город, а также указание на факт получения основателем права на осуществление конкретного вида деятельности: *Im Jahre 1909, als dem deutschen Chemiker Fritz Hofmann die synthetische Herstellung von Kautschuk gelingt, <...> da erhält Anton Piller in Hamburg von der dortigen Gewerbebehörde seinen Gewerbeschein als selbständiger Ingenieur* (<https://www.piller.de/>). Единица *Gewerbebehörde*, обозначающая место получения документа, подтверждающего указанное право, представляет трудность для перевода, но в то же время не оказывает существенного влияния на формирование имиджа компании. Результаты анализа текстов показали, что содержащиеся в них сведения о корпоративной культуре компаний, как правило, связаны с общечеловеческими стереотипными представлениями о заслуживающей доверия организации. Так, в число ценностей, получивших наибольшее распространение в текстах данного вида рекламного дискурса, входит уважение к клиенту, ответственность, надежность, высокая мотивация сотрудников, индивидуальный подход. В свою очередь, наиболее распространенными характеристиками компаний стали опытность, успешность, широкое (мировое) признание, точность, умение преодолевать трудности. Перенос указанных компонентов имиджа компании в новую культурно-языковую среду вряд ли может вызвать трудности, обусловленные влиянием культурного фактора на перевод. Однако существует вероятность того, что носители языка перевода могут не придать особого значения какой-либо из ценностей компании, что снизит коммуникативный эффект переведенного текста. Так, одной из ключе-

вых ценностей компании является бережное отношение к экологии: *Kaum ist die eine Neuentwicklung auf dem Markt, sind unsere Ingenieure in Gedanken schon bei der nächsten. Ihr Ziel ist es, den CO2-Fußabdruck, den die Menschheit hinterlässt, kleiner zu gestalten* (<https://www.schattdecor.com/de/vertrieb/schattdecor-weltweit>). В то время как проблема защиты окружающей среды представляет важность для жителей европейских стран, в России внимание к ней все еще недостаточно велико. Как следствие, оптимальным при переводе представляется решение, позволяющее избежать нежелательного внесения изменений в имидж компании, не снижая при этом коммуникативной ценности текста.

Общность содержания исходного и переведенного маркетинговых текстов напрямую зависит от числа содержащихся в оригинале компонентов, признанных переводчиком нерелевантными и неэффективными, и их функции в рекламном тексте. Перевод маркетингового текста представляет собой творческий процесс, который можно обозна-

чить термином «транскреация», при этом речь может идти не о сохранении культуроспецифичности, а о ее воссоздании в тексте перевода.

Выводы

Переводческий анализ текста является необходимой частью процесса перевода, так как создает предпосылки для принятия творческих переводческих решений. Переосмысление переводческого анализа в русле современной научной парадигмы предполагает выработку параметров, способствующих идентификации, интерпретации и нахождению способов передачи смысла на уровне целого текста и с учетом коммуникативной ситуации перевода. Культурный компонент входит в число базовых параметров переводческого анализа, он имеет многомерную структуру и включает как инвариантную составляющую, реализуемую на лексическом уровне независимо от типа текста, так и вариативную часть, которая может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно на уровне смысловой структуры целого текста.

Список источников

1. Поликарпов А.М. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2017. Т. 16, № 3. С. 6–17. (Серия 2. Языкознание).
2. Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Перевод и общество // *Вестник Московского университета*. 2018. № 1. С. 17–40. (Серия 22. Теория перевода).
3. Сдобников В.В. *Перевод и коммуникативная ситуация*. Москва : ФЛИНТА, 2022. 463 с.
4. Гуреева А.А., Усачёва А.Н., Попова О. И., Новикова Э.Ю. *Переводчик XXI века – агент дискурса*. Москва : ФЛИНТА, 2017. 278 с.
5. Федюченко Л.Г. Когнитивно-коммуникативное направление исследования перевода технических текстов // *Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология* : коллективная монография / под общ. ред. Л.В. Кушниной. Москва : ФЛИНТА, 2020. С. 192–207.
6. Валеева Н.Г. *Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты* : монография. Москва : РУДН, 2018. 244 с.
7. Княжева Е.А. Переводческий анализ текста и качество перевода // *Вестник Воронежского государственного университета*. 2012. № 1. С. 170–174. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация).
8. Нелюбин Л.Л. *Толковый переводоведческий словарь*: словарь. Москва : ФЛИНТА, 2018. 320 с.
9. Сарыбеков М.Н., Садыкназаров М.К. *Словарь науки. Общенаучные термины и определения, науковедческие понятия и категории*. Алматы : ТРИУМФ-Т, 2008. 504 с.
10. Кушниная Л.В. Переводческие дихотомии в современном освещении // *Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология* : коллективная монография / под общ. ред. Л.В. Кушниной. Москва : ФЛИНТА, 2020. С. 10–29.
11. Комлев Н.Г. *Компоненты содержательной структуры слова*. Москва : КомКнига, 2006. 192 с.
12. Латышев Л.К. *Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания*. Москва : Просвещение, 1988. 160 с.
13. Львовская З.Д. *Современные проблемы перевода* / пер. с исп. Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
14. Кашкин В.Б. Чтение текста для перевода: анализ, понимание, интерпретация, прогноз // *Проблемы перевода, лингвистики и литературы* : сб. науч. тр. Нижний Новгород : Нижегородский гос. лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2012. Вып. 15. Т. 1. С. 79–87.
15. Алимова М.Р. Маркетинговый текст как объект перевода: особенности, виды и проблемы перевода // *Международный академический вестник*. 2019. № 10(42). С. 110–111.
16. Серегина А.И. Выбор ключевых слов как условие достижения адекватности при переводе маркетинговых текстов // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2013. № 3. С. 94–99. (Серия «Лингвистика»).
17. Шейко А.М. Перевод маркетинговых текстов: сложности и особенности // *НОМО LOQUENS (Вопросы лингвистики и транслятологии)* : сборник статей. Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2016. С. 147–157.
18. Иванова С.В., Николаева А.В. Роль «пустых» слов в тексте рекламы (на материале англоязычных рекламных текстов) // *Политическая лингвистика*. 2011. № 4. С. 202–209.

References

1. Polikarpov A.M. Integrativnoe perevodovedenie: predposylki vozniknoveniya i osnovnye idei [Integrative Translation Studies: Origin and Main Ideas] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. YAzykoznanie*. 2017. Vol. 16, No 3. P. 6–17 (in Russ.).
2. Garbovskij N.K., Kostikova O.I. Perevod i obshchestvo [Translation and society] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. 2018. No 1. P. 17–40 (in Russ.).
3. Sdobnikov V.V. *Perevod i kommunikativnaya situaciya* [Translation and communication situation]. Moscow : FLINTA, 2022. 463 p. (in Russ.).
4. *Perevodchik XXI veka – agent diskursa* [21st Century Translator – Discourse Agent]. Moscow : FLINTA, 2017. 278 p. (in Russ.).
5. Fedyuchenko L.G. Kognitivno-kommunikativnoe napravlenie issledovaniya perevoda tekhnicheskikh tekstov [Cognitive-communicative direction of research in the translation of technical texts] // *Teoriya perevoda v klassicheskoy i sovremennoj issledovatel'skoj paradigme: ontologiya, metodologiya, aksiologiya* [Translation theory in the classical and modern research paradigm: ontology, methodology, axiology]. Moscow : FLINTA, 2020. P. 192–207 (in Russ.).
6. Valeeva N.G. *Teoriya perevoda: kul'turno-kognitivnyj i kommunikativno-funktional'nyj aspekty* [Translation theory: cultural-cognitive and communicative-functional aspects]. Moscow : RUDN, 2018. 244 p. (in Russ.).
7. Knyazheva E.A. Perevodcheskij analiz teksta i kachestvo perevoda [Text analysis for translation and quality of translation] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. 2012. No 1. P. 170–174 (in Russ.).
8. Nelyubin L.L. *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'* [Explanatory translation dictionary]. Moscow : FLINTA, 2018. 320 p. (in Russ.).
9. *Slovar' nauki. Obshchenauchnye terminy i opredeleniya, naukovedcheskie ponyatiya i kategorii* [Dictionary of science. General scientific terms and definitions, scientific concepts and categories] / Sarybekov M. N., Sadyknazarov M. K. Almaty : TRIUMF-T, 2008. 504 p. (in Russ.).
10. Kushnina L.V. Perevodcheskie dihotomii v sovremenom osveshchenii [Translation dichotomies in contemporary light] // *Teoriya perevoda v klassicheskoy i sovremennoj issledovatel'skoj paradigme: ontologiya, metodologiya, aksiologiya* [Translation theory in the classical and modern research paradigm: ontology, methodology, axiology]. Moscow : FLINTA, 2020. P. 10–29. (in Russ.).
11. Komlev N.G. *Komponenty soderzhatel'noj struktury slova*. [Components of the content structure of the word]. Moscow : KomKniga, 2006. 192 p. (in Russ.).
12. Latyshev L.K. *Perevod: problemy teorii, praktiki i metodiki prepodavaniya*. [Translation: problems of theory, practice, and teaching]. Moscow : Prosveshchenie, 1988. 160 p. (in Russ.).
13. L'vovskaya Z.D. *Sovremennye problemy perevoda* [Current problems of translation]. Moscow : Izdatel'stvo LKI, 2008. 224 p. (in Russ.).
14. Kashkin V.B. CHtenie teksta dlya perevoda: analiz, ponimanie, interpretaciya, prognoz [Reading for Translation: analysing, understanding, interpreting, forecasting]. // *Problemy perevoda, lingvistiki i literatury* [Problems of translation, linguistics and literature]. N. Novgorod, 2012. Issue. 15, vol. 1. P. 79–87 (in Russ.).
15. Alimova M.R. Marketingovyy tekst kak ob'ekt perevoda: osobennosti, vidy i problemy perevoda [Marketing text as an object of translation: features, types and problems of translation] // *Mezhdunarodnyj akademicheskij vestnik*. 2019. No 10(42), P. 110–111 (in Russ.).
16. Seregina A.I. Vybor klyuchevykh slov kak uslovie dostizheniya adekvatnosti pri perevode marketingovykh tekstov [The choice of keywords as a condition for achieving adequacy in the translation of marketing texts] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Lingvistika»*. 2013. No 3. P. 94–99 (in Russ.).
17. SHEjko A.M. Perevod marketingovykh tekstov: slozhnosti i osobennosti [Translation of marketing texts: complexities and features] // *HOMO LOQUENS (Voprosy lingvistiki i translyatologii)* [Issues of linguistics and translatology]. Volgograd : Volgogradskij gosudarstvennyj universitet, 2016. P. 147–157 (in Russ.).
18. Ivanova S.V., Nikolaeva A.V. Rol' «pustyh» slov v tekste reklamy (na materiale angloyazychnykh reklamnykh tekstov) [The role of “Empty” words in the text of advertising (based on English advertising texts)] // *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. 2011. No 4. P. 202–209 (in Russ.).

Информация об авторах

Л.В. Елизарова – кандидат филологических наук, доцент;
О.Ю. Кустова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

L.V. Elizarova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor;
O.Y. Kustova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor.

*Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.*

Статья поступила в редакцию 01.12.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 01.12.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 81-13

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-242-248

ИЗУЧЕНИЕ РЕАЛИЙ И СПОСОБОВ ИХ ПЕРЕВОДА ПРИ ПОМОЩИ КОРПУСОВ

Ульяна Михайловна Прошина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, uproshina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается эффективность использования параллельных корпусов при переводе русских реалий на английский язык. Рассматриваются переводческие эквиваленты слов «зачет» и «дача» в примерах, полученных в результате поиска по параллельному корпусу Национального корпуса русского языка (НКРЯ), параллельным текстам ресурсов Lingvo Live, Reverso Context и Linguee. Анализируются возможности корпусных инструментов, объем корпусов и качество примеров.

Ключевые слова: реалия, перевод, корпус, параллельные корпусы

Original article

STUDYING CULTURE-BOUND WORDS AND THEIR TRANSLATION WITH THE HELP OF CORPORA

Uliana M. Proshina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, uproshina@yandex.ru

Abstract. The article addresses the problem of translating culture-bound words from Russian into English. Two culture-bound words *дача* and *зачет* are examined with the help of four parallel corpora (National Russian Corpus, Lingvo Live, Reverso Context, and Linguee). The author analyses the quality and quantity of examples in the corpora and compares the corpus tools.

Keywords: culture-loaded word, translation, corpus, parallel corpora

Введение

В настоящее время лингвистические корпусы и различные корпусные сервисы используются не только лингвистами для проведения исследований, но и заняли важное место в арсенале электронных средств переводчика. В 2013 г. проф. В.Н. Шевчук назвал корпусы «мощным» и «надежным» электронным ресурсом, «виртуальным носителем языка» [1: с. 91]. Корпусы используются при изучении нормы и вариативности, в процессе преподавания иностранных языков, при обучении переводу.

Несмотря на увеличение количества научных трудов с опорой на корпусные данные, корпусная лингвистика является относительно новой лингвистической дисциплиной, поэтому потенциал использования «виртуального носителя языка» и помощника переводчика еще недостаточно оценен и исследован. В русском языке сложность вызывает уже сам термин «корпус», так как у данного существительного есть два варианта формы множественного числа: «корпусы» и «корпуса», поэтому иногда даже в рамках одного исследования или учебника можно увидеть обе формы. В данной статье будем придерживаться формы «корпусы».

В процессе перевода корпусы помогают решить целый ряд задач. Они представляют собой своеобразные дополнительные справочники, к которым обращаются опытные переводчики для верификации найденных эквивалентов, подтверждения гипотез, с целью поиска информации, отсутствующей в словарях. В отличие от словарей и справочников в корпусах нет готовых ответов и решений, но опытный переводчик может сделать собственные выводы на основании большого количества примеров из корпуса.

Особую сложность в процессе перевода представляют реалии. Как перевести то, что не имеет однозначного эквивалента? Есть вероятность, что над «переводом непереводаемого» уже работали другие профессиональные переводчики, в аналогичном контексте есть варианты передачи лексических единиц, не имеющих эквивалентов или вызывающих сложности при переводе. Подобные варианты можно посмотреть в параллельных корпусах. В данной статье оценим возможность использования параллельных корпусов для поиска вариантов передачи реалий, проанализируем объем и качество примеров, рассмотрим использование корпусов английского языка для получения дополнительной информации о семантике лексических единиц.

Особенности перевода реалий

Согласно толковому переводоведческому словарю Л.Л. Нелюбина под словами-реалиями понимаются «слова, обозначающие предметы, явления и понятия, существующие в практическом опыте носителей исходного языка, но отсутствующие в практическом опыте носителей переводящего языка и поэтому не имеющие в нем эквивалентов» [2: с. 199].

Термин «реалия» вызывает определенные затруднения, так как существует ряд терминов, иногда заменяющих термин «реалия» в научной литературе. Публикуются работы, авторы которых предпринимают попытку разграничить термины «реалия», «термин», «безэквивалентная лексика» и ряд других смежных терминов [3; 4], прояснить содержание термина «реалия» [5]. Несмотря на выделение довольно четких характеристик, присутствующих термину «реалия», есть единицы, функционирующие на стыке границ между термином и реалией. Л.С. Бархударов относит реалии к одному из видов безэквивалентной лексики и отмечает, что «не всегда легко решить, в каком случае то или иное слово или словосочетание можно отнести к числу безэквивалентной лексики, обозначающей реалии», так как окказиональный переводческий эквивалент может перейти в устойчивое словарное соответствие, при этом момент перехода «не всегда может быть с точностью определен» [6: с. 94].

Перевод безэквивалентной лексики представляет определенные трудности. В практике перевода используются следующие способы перевода данных единиц: 1) транслитерация и транскрипция; 2) калькирование; 3) описательный перевод; 4) приближенный перевод (аналог); 5) трансформационный перевод [6].

В параллельных корпусах пользователь имеет возможность просматривать текст на исходном языке (ИЯ) и параллельный ему текст на переводном языке (ПЯ), в контексте посмотреть варианты перевода единиц, вызывающих затруднения, в том числе варианты перевода реалий, что может помочь определиться со способом перевода единиц. Анализ подобного использования параллельных корпусов уже начат в научной литературе. Е.И. Архипова рассматривает применение параллельного корпуса НКРЯ* и контекстного словаря ReversoContext для перевода этнокультурных коллокаций и делает следующие выводы: «...применение параллельного корпуса необходимо в исследовании лингвоспецифичной лексики, у которой нет эквивалентов в других языках, но его использование для перевода возможно только для ограниченного ко-

личества этнокультурных коллокаций в силу недостаточного охвата данной категории лексики» [7].

В рамках данной статьи рассмотрим слова, которые обозначают понятия, хорошо известные носителям русского языка, но отсутствующие в культуре многих англоязычных стран. В высших учебных заведениях российской системы образования зачетная неделя проходит перед экзаменационной сессией, поэтому всем студентам и преподавателям знакома такая форма проверки знаний, как зачет, но, например, многие студенты американских университетов и колледжей о такой форме промежуточной аттестации не имеют представления. Еще одной реалией русского языка является слово «дача», переводческие эквиваленты которого попытаемся найти среди примеров в параллельных корпусах. Оба выбранных слова являются общеупотребительными, хорошо знакомы носителям русского языка, связаны с русской культурой и традицией.

Параллельные корпуса

Под параллельным (переводным) корпусом подразумевается «двуязычный или многоязычный корпус, который состоит из текстов на одном языке и их переводов на другой (другие) язык (языки)» [8: с. 227]. Большое значение для параллельных корпусов имеют следующие параметры: 1) источники текстов и их эквивалентность, т.е. соотношения между оригиналом и переводом (используется ли аутентичный перевод официального документа, насколько адекватен авторский перевод, имеет ли место машинный перевод); 2) выравнивание текстов (по каким критериям выделяются и сопоставляются лексические единицы); 3) наличие разметки [9].

Рассмотрим общедоступные ресурсы для языковой пары «русский–английский».

1. Параллельный русско-английский корпус на сайте НКРЯ [10]. Объем корпуса приближается к 45 млн слов, работа над корпусом продолжается. Разработчики корпуса стараются придерживаться жанрового разнообразия, тщательно подходят к отбору текстов: «...в двуязычные пары обычно включаются художественные, публицистические, научные тексты, в ряде случаев также религиозные и юридические» [10]. Параллельные тексты выравниваются автоматически, но допускается ручная построчная коррекция. Морфологическая разметка осуществляется с помощью специальной программы. Детально продумана метаразметка, поэтому у пользователей корпуса есть возможность просмотреть информацию об источнике текстов.

2. Французский сервис Reverso Context (<https://context.reverso.net>) является контекстным словарем, который содержит большую базу параллельных текстов, подобранных с помощью искусственного ин-

* Национальный корпус русского языка. См.: <https://ruscorpora.ru>

теллекта [11]. На сайте отсутствует информация про выравнивание и разметку. Источниками текстов служат тексты разных жанров из сети Интернет. В выдаче могут быть не только качественные примеры из текстов официальных документов, журналов, но и тексты с веб-сайтов, диалоги из фильмов, поэтому в текстах могут присутствовать разговорные выражения. Для длинных текстов система предлагает нейронный машинный перевод [11]. При поиске у пользователя нет возможности просмотреть источник примера. Для просмотра большого количества примеров требуется бесплатная регистрация.

3. Немецкий сервис Linguee (<https://www.linguee.ru>) представляет собой систему контекстуально поиска по переводам. Система включает официально переведенные тексты с сайтов международных организаций, качество которых дополнительно контролируется специально созданной системой машинного обучения. При выдаче указывается источник примера, поэтому пользователи имеют возможность оценить качество источников примеров [12].

4. Примеры из текстов в словаре Lingvo Live [13] представляют собой базу параллельных текстов с указанием источников примеров. В сервисе используются официальные переводы текстов. Для работы с сервисом требуется бесплатная регистрация.

Из перечисленных ресурсов профессиональным лингвистическим корпусом, в котором есть возможность осуществлять поиск с использованием разметки, отбирать тексты (например, создать подкорпус текстов с учетом сферы функционирования), является параллельный англо-русский корпус в составе НКРЯ. Сервисы Reverso Context, Linguee, Lingvo Live включают тексты на одном языке и их перевод на другой язык, т.е. подходят под определение «параллельный корпус» в значении «текстовый массив», но возможность поиска по собранной параллельной базе текстов ограничена, есть вопросы, связанные с отбором используемых источников. Тем не менее все ресурсы имеют довольно обширную базу примеров из уже переведенных текстов, которая может включать варианты перевода безэквивалентной лексики в требуемом контексте.

Пример поиска в корпусе

Перевод существительных «дача» и «зачет» вызывает определенные сложности, несмотря на то что первая реалья кажется уже довольно устоявшейся, а вторая, хотя и имеет аналог в англоязычной системе образования, не имеет закрепленного переводного эквивалента. Обратимся к параллельным корпусам для поиска переводческих эквивалентов, последовательно рассмотрим результаты запроса по данным ключевым словам в параллельных англо-русских текстах Lingvo Live, НКРЯ, Reverso Context и Linguee.

Для существительного «дача» в значении «загородный дом» словарь Lingvo Live дает следующие варианты перевода на английский язык: cottage, dacha, summer residence / cottage, villa. Для существительного «зачет» предлагаются два переводческих эквивалента: examination, test.

Обратимся к разделу «Примеры из текстов» словаря Lingvo Live [13].

Для существительного «дача» можно просмотреть примеры из произведений О'Генри, Ф. Достоевского, Ф. Гроссмана, И.С. Тургенева, А. Чехова, Х. Мураками, примеры из текстов с сайтов ООН (2010), Сахалин Энерджи (2006) и др. Существительное «дача» имеет несколько значений, но возможности искать по значениям нет, поэтому нельзя автоматически вывести отдельно примеры с данным существительным в значении «загородный дом». Пользователь может увидеть источник примеров, дату выхода текста оригинала и текста перевода, но возможности автоматической выборки по дате публикации текстов нет.

Просмотрим переводческие эквиваленты в первых 10 примерах по запросу «дача». В качестве первого примера предлагается предложение из рассказа О'Генри, но так как мы рассматриваем перевод русской реалии на английский язык, то данный пример демонстрирует использование данного существительного переводчиком при переводе для русского читателя. Более того, в английском варианте существительному «дача» соответствует местоимение «it», расширить контекст нельзя: *Эта дача находится на высоте и на самом краю Синих гор, в штате слишком почтенном, чтобы вмешивать его в эту полемику. / It is at an altitude and on the Blue Ridge Mountains in a state too dignified to be dragged into this controversy.* Среди первых 10 примеров есть еще одно предложение из рассказа О'Генри, где «дача» является эквивалентом английского словосочетания «country house». В 8 примерах предлагаются переводы произведений русских писателей (Ф. Достоевский, В. Гроссман, И.С. Тургенев, А. Чехов), даны следующие эквиваленты: «dacha», «house», «country villa», «country house» (3 примера), «the place, where we settled for summer», «the villa».

Рассмотрим выдачу по запросу «зачет» в разделе примеров словаря Lingvo Live [13]. На первой странице выдачи предлагаются параллельные тексты на английском и русском языках из произведений художественной литературы русских и зарубежных писателей (Дж. Апдайк, Ф. Достоевский, Э. Тоффлер, С. Кинг, Л. Вайсбергер) и с сайтов компаний (Weatherford International Ltd., Консультант-Плюс, Форум «Россия – спортивная держава», ВТБ, Исследовательский Центр ИПМ 2012). Среди пер-

вых 10 примеров существительное «зачет» употреблено в значении «испытание, проверка знаний» в 4 случаях: можно увидеть такие эквиваленты, как «quiz» (2 примера), «mid-terms», «test», но в данных предложениях языком оригинала является английский язык, поэтому по данным примерам нельзя сделать выводы о переводе русской реалии на английский язык. В разделе «Примеры из текстов» словаря Lingvo Live нет статистики по общему количеству примеров, но по запросу «зачет» в выдаче на момент написания статьи найдено 18 совпадений, из них в 5 случаях слово «зачет» используется в нужном значении, но нет примеров перевода данного слова с русского языка на английский язык.

Обратимся к **параллельному корпусу в составе НКРЯ** [10]. По запросу «дача» найдено 76 вхождений в 33 документах при поиске точных форм. Количество вхождений при лексико-грамматическом поиске составляет 687 в 112 документах. Есть возможность создать подкорпус. Например, можно выбрать время создания текстов, язык исходного текста, что важно при поиске современных переводческих эквивалентов. Ограничим поиск текстами, созданными в период с 1990 по 2023 г., выберем русский язык в качестве текста оригинала, осуществим лексико-грамматический поиск по ключевому слову «дача». Результатами поиска являются 128 вхождений в 10 документах. Есть возможность ограничить количество примеров для каждого документа. Рассмотрим один пример из каждого документа. Найдены следующие переводческие эквиваленты: «dacha» (9 примеров) и «out in the country». Источниками данных примеров являются тексты из художественной литературы. Есть возможность исключить художественные тексты из выдачи, использовать разметку (например, при запросе выбрать нужные грамматические или семантические признаки).

Результатами поиска по ключевому слову «зачет» через поиск точных форм в параллельном корпусе НКРЯ являются 5 вхождений в 5 документах. Лексико-грамматический поиск находит 27 вхождений в 18 документах. Использование диакритического знака (ě) не влияет на результаты данного запроса. Создадим подкорпус текстов, в которых исходный язык – русский. Результатами поиска по данному подкорпусу являются 22 вхождения в 14 документах. Источниками большинства текстов в выдаче являются произведения художественной литературы с 1948 по 2013 г. Существительное «зачет» используется в значении «форма проверки знаний» в 10 случаях из 22, найдены следующие переводческие эквиваленты: «exam» (4 употребления), «examination» (1), «test» (4), «completed all my courses» (1), т.е. используются аналоги и трансфор-

мационный перевод. Однако примеров в корпусе по данному запросу немного (22 вхождения, из них 10 примеров со словом «зачет» в рассматриваемом значении), а если ограничить период создания текстов временным промежутком с 1990 по 2023 г., то будет найдено только 5 вхождений в 3 документах. Таким образом, для данного запроса объем корпуса не является достаточным.

Обратимся к параллельному корпусу большого объема в контекстном словаре **Reverso Context** [11].

По запросу «дача» Reverso Context предлагает варианты перевода данного слова на английский язык из имеющегося корпуса параллельных примеров. Есть возможность просмотреть количество найденных примеров по каждому предложенному варианту перевода, проанализировать контекст. С помощью сервиса найдены следующие переводческие эквиваленты: «dacha» (293 примера), «cottage» (120), «giving» (87), «summer house» (29), «villa» (27), «summer residence» (17), «making» (14), «country house» (11), «provision» (10), «summer cottage» (10), «country cottage» (4), «chalet» (4), «vacation home» (1), «holiday cottage» (1), «portion» (1), «holiday home» (1), «bower» (нет примеров с контекстом), «allowance», «bungalow», «wood lot», «piece of woodland», «wood plot». Предлагается перевод для разных значений ключевого слова. Рассмотрим примеры с переводческим эквивалентом «dacha». Для данного способа перевода найдено наибольшее количество примеров. Система демонстрирует синхронизированные параллельные тексты, ключевое слово выделяется желтым цветом в текстах на обоих языках. В первых строчках предложены хорошие переводы предложений, например: *Хорошо, если есть дача или родственники в деревне. / I wish we had a dacha or relatives in a village.* Направление перевода не уточняется, в качестве источника в первых 10 примерах в 9 случаях указаны различные источники (стоит отметка «various sources»), а в 1 случае источником являются субтитры (отметка «subtitles of movies/series»). Подробная информация об источнике и дате создания текста отсутствует. В десятом примере мы видим перевод плохого качества: *Даже не верится, как сильно может преобразиться дача или дом, если проявить усердие, творчество и вдохновение. / I do not even believe how much the dacha or house can be transformed if it shows zeal, creativity and inspiration.* В сервисе не предусмотрен поиск по лемме, поэтому результаты запросов «дача», «дачи», «дачу» будут различаться.

Рассмотрим в Reverso Context переводческие эквиваленты для существительного «зачет». В данном случае имеется проблема диакритики: запро-

сы «зачет» и «зачёт» дают разные результаты. Наибольшее количество переводческих эквивалентов можно получить по запросу «зачет»: «set-off» (251 пример), «credit» (201), «offset» (81), «classification» (29), «setoff» (23), «set off» (23), «offsetting» (15), «deduction» (10), «grade of pass» (нет примеров), «standings» (44), «midterm» (7), «deduct» (7). В большинстве случаев предлагается перевод значений слова «зачет», не относящихся к сфере образования. Среди найденных английских эквивалентов существительного «зачет» в значении «форма промежуточной аттестации» отсутствуют варианты «test» и «exam» (по запросу «зачёт» самым распространенным эквивалентом является «test»: 28 примеров), но данные эквиваленты по запросу «зачет» можно найти в общем списке примеров, однако качество перевода некоторых примеров вызывает ряд вопросов: 1) *Если я не сдам зачет, они меня вышибут. / If I can't pass this test, they might kick me out.* 2) **ПРОВЕДЕНИЕ:** *зачет проводится в виде небольшого экзамена. / The chair: the exam was held in a small office.* 3) *Пояснил, что в тот день принимал зачет у другого класса. / I told him I was taking a break from a class that day.* Возможность расширить контекст и получить информацию об источниках текстов отсутствует, но во всех трех примерах мы наблюдаем довольно «вольный» перевод.

Осуществим поиск переводческих эквивалентов существительных «дача» и «зачет» в корпусе параллельных текстов системы контекстуального поиска **Linguee** [14].

По ключевому слову «дача» словарь **Linguee** в качестве эквивалента предлагает «dacha», а с пометкой «less common» (менее распространенный) варианты «summerhouse» и «summer cottage». Данных о количестве примеров по каждому варианту нет. Все примеры представлены ниже на стра-

нице в виде базы синхронизированных фрагментов параллельных текстов с указанием источников. Источниками примеров по данному запросу являются сайты международных организаций и компаний, например, сайт ООН, «Сахалинская энергия», официальные версии переведенных документов. Отдельно выделены две параллельные статьи из Википедии: «дача» на русском языке и «dacha» на английском языке. В примерах представлены предложения или их фрагменты, при этом есть возможность расширить контекст, а в некоторых случаях по ссылке на источник можно полностью открыть документ, фрагмент из которого вошел в базу параллельных текстов корпуса, что позволяет проанализировать источник с точки зрения аутентичности и качества. Однако не все ссылки являются рабочими, есть ссылки на ресурсы, доступ к которым запрещен Роскомнадзором. Регистрации для работы с примерами не требуется, но количество примеров в выдаче по запросу «дача» ограничено 28 парами примеров. В данном ресурсе поиск осуществляется не по лемме, а по словоформе, поэтому запросы «дача» / «дачи» дадут разные контексты.

Осуществим поиск в сервисе **Linguee** по ключевому слову «зачёт». Встроенный словарь предлагает один переводческий эквивалент: «credit». Из 27 пар примеров лишь одно употребление относится к семантическому полю «образование», но языком источника является текст с сайта ООН на английском языке, поэтому выводы о переводе русской реалии сделать нельзя. Использование диакритических знаков влияет на результаты поиска, поэтому запрос «зачет» даст другие контексты. Среди 25 пар примеров нет употреблений слова «зачет» в значении «форма промежуточной аттестации».

Результаты поиска по параллельным корпусам можно представить в виде таблицы.

Таблица

Переводческие эквиваленты слов «дача» и «зачет» в параллельных корпусах

Перевод слов «дача» и «зачет»	Параллельные корпуса (русский и английский языки)			
	НКРЯ	Reverso Context	Linguee	Lingvo Live
1. Транслитерация / транскрипция: «dacha»	9 примеров из 10 рассмотренных	293 примера	Статистика в сервисе отсутствует, данный способ перевода указан в качестве основного	1 пример
2. Аналоги: «country house», «summer house» и т.п.	При ограничении запроса по ИЯ, дате создания текстов ключевое слово переводится первым способом	«cottage» (120 примеров), «summer house» (29 примеров), «country house» (11 примеров) и др.	«summerhouse» и «summer cottage»: менее распространенный способ перевода	«country house» (3 примера)
3. Аналоги: «exam» и т.п.	«exam», «examination», «test»	«test» (28 примеров по запросу «зачёт»)	Нет примеров перевода с русского языка	Нет примеров перевода с русского языка
4. Объяснительный перевод: «pass-fail (exam)»	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует

Таким образом, по данным трех корпусов наиболее распространенным способом перевода реалии «дача» является транскрипция / транслитерация («dacha»). В базе примеров словаря Lingvo Live перевод при помощи аналога встречается чаще, но это связано с характером источников примеров и указывает на небольшой объем корпуса. Более специфическая лексика может полностью отсутствовать в корпусе или присутствовать в незначительном количестве примеров. Объяснительный перевод слова «зачет» как «pass-fail exam», используемый иногда в академической среде, не найден в рассмотренных параллельных корпусах.

Для уточнения возможности использования словосочетания «pass-fail exam» переводчик может обратиться к англоязычным корпусам и толковым словарям. В корпусе современного американского языка COCA [15] есть один пример с данным словосочетанием: *John McCain's passing created an easy pass-fail exam for the president.* В корпусе английского языка SKELL [16] есть короткий пример: *It's a pass-fail exam.* Более того, в словаре Cambridge Dictionary [17] есть дефиниция прилагательного pass-fail: *If an exam or course is pass-fail, no mark is given for it, and the only thing the students are told about their performance is whether or not they have passed.* Из дефиниции следует, что словосочетание «pass-fail exam» допустимо в английском языке. Тем не менее корпусные данные указывают на окказиональное употребление данного словосочетания. Отметим, что реалии не относятся к высокочастотной лексике, а окказиональный переводческий эквивалент со временем может стать устойчивым соответствием.

Выводы

Таким образом, корпусы позволяют верифицировать переводческие эквиваленты, помогают переводчику сделать выводы на основании контекста и встречаемости единиц в корпусе. Безэквивалентная лексика встречается в параллельных корпусах, но объем корпуса может быть недостаточным для поиска отдельных единиц. Наличие лексикограмматического поиска увеличивает количество примеров в выдаче. Для поиска переводческих эквивалентов реалий важными параметрами являются возможность учета направления перевода (сортировка источников по языку оригинала), качество источников и соответствующая разметка (сортировка по сфере функционирования, дате создания текстов), объем и сбалансированность корпуса. Параллельный корпус НКРЯ имеет наиболее функциональный интерфейс среди всех современных общедоступных корпусов, однако уступает по объему некоторым другим корпусам. В корпусе большого объема Reverso Context недостатком является плохое качество некоторых примеров в корпусе и отсутствие данных об источнике текстов.

Несмотря на неполный охват безэквивалентной лексики в современных корпусах, данные ресурсы являются важными и нужными инструментами в арсенале переводчика, поэтому в процессе обучения будущих переводчиков важно помогать студентам оценить возможности корпусных технологий, увидеть плюсы и минусы современных корпусов.

Список источников

1. Шевчук В.Н. *Информационные технологии в переводе. Электронные ресурсы переводчика* – 2. Москва : Зебра Е, 2013. 384 с.
2. Нелюбин Л.Л. *Толковый переводоведческий словарь*. 3-е изд., перераб. Москва : Флинта: Наука, 2003. 320 с.
3. Вернигорова В.А. Понятие реалии в современном переводоведении // *Альманах современной науки и образования*. 2010. № 3(34). Ч. 2. С. 137–141. URL: https://pravo.hse.ru/data/2010/04/16/1217507550/Вернигорова_VA_Понятие_реалии_2.pdf (дата обращения: 24.12.2022).
4. Опарина Е.О. Реалия // *Основные понятия переводоведения: Отечественный опыт*. Терминологический словарь-справочник / отв. ред. М.Б. Раренко. Отдел языкознания, ИНИОН, РАН. Москва, 2010. С. 166–170.
5. Фененко Н.А. Лингвистический статус термина реалия // *Вестник Воронежского ГУ*. 2007. № 2-1. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация). URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2007/02/2007-02-01.pdf> (дата обращения: 25.12.2022).
6. Бархударов Л.С. *Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода*. Москва : Междунар. отношения, 1975. 240 с.
7. Архипова Е.И. Применение параллельного корпуса для перевода этнокультурных коллокаций // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-parallelnogo-korpusa-dlya-perevoda-etnokulturnyh-kollokatsiy> (дата обращения: 05.01.2023).
8. Захаров В.П., Богданова С.Ю. *Корпусная лингвистика* : учебник. 3-е изд., перераб. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2020. 234 с.
9. Беляева Л.Н. Лексикографический потенциал параллельного корпуса текстов // *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2004»*. Санкт-Петербург, 2004. URL: https://events.spbu.ru/eventsContent/files/corpling/corpora-2004/Beliaeva_art.pdf kollokatsiy (дата обращения: 20.12.2022).
10. Параллельный корпус // *Национальный корпус русского языка*. 2022. URL: <https://ruscorpora.ru/corpus/para-eng> (дата обращения: 10.01.2023).

11. *ReversoContext*. URL: <https://context.reverso.net/перевод/about> (accessed: 10.01.2023).
12. Пресс-релиз: Революция в мире он-лайн словарей // *Linguee*. 2013. URL: https://www.linguee.ru/press/RU/2013-12-04_LingueePressRelease.pdf (дата обращения: 10.01.2023).
13. *Lingvo Live: Лучшие словари Lingvo и Collins для 20 языков*. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (дата обращения: 10.01.2023).
14. *Linguee*. 2013. URL: <https://www.linguee.ru/> (accessed: 30.01.2023).
15. *Corpus of Contemporary American English* (COCA). URL: <https://www.english-corpora.org/coca> (accessed: 30.01.2023).
16. *SKELL: Sketch English for language learning*. URL: <https://skell.sketchengine.eu> (accessed: 30.01.2023).
17. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 30.01.2023).

References

1. Shevchuk V.N. *Informacionny`e texnologii v perevode. E`lektronny`e resursy` perevodchika – 2*. [Informational technology in translation. Translator's electronic resources – 2 (in Russ.)]. Moscow : Zebra E, 2013. 384 p.
2. Nelyubin L.L. *Tolkovy`j perevodovedcheskij slovar`*. [Dictionary of Translation Study Terms (in Russ.)]. 3rd edn, revised. Moscow : Flinta: Nauka, 2003. 320 p.
3. Vernigorova V.A. Ponyatie realii v sovremennom perevodovedenii [Concept of culture-loaded object in current Translation Study (in Russ.)] // *Al`manaх sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 2010. № 3(34). Part 2. P. 137–141. URL: https://pravo.hse.ru/data/2010/04/16/1217507550/Вернигорова_ВА_Понятие_реалии_2.pdf (accessed: 24.12.2022).
4. Oparina E.O. Realiya [Culture-bound word (in Russ.)] // *Osnovny`e ponyatiya perevodovedeniya: Otechestvenny`j opy`t. Terminologicheskij slovar`-spravochnik* [Russian Translation Study Terms (in Russ.)]. / ed. by M. B. Rarenko. Linguistics Department, INION, RAN. Moscow , 2010. P. 166 – 170.
5. Fenenko N.A. Lingvisticheskij status termina realiya [The linguistic status of the term *culture-bound word*] // *Vestnik Voronezhskogo GU. Seriya: Lingvistika i mezhkul`turnaya kommunikaciya*. 2007. № 2-1. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2007/02/2007-02-01.pdf> (accessed: 25.12.2022).
6. Barxudarov L.S. *Yazyk i perevod: voprosy` obshhej i chastnoj teorii perevoda. [Language and translation: issues of general and specific translation theory* (in Russ.)]. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 p.
7. Arxipova E.I. Primenenie parallel'nogo korpusa dlya perevoda e`tnokul`turny`x kollokacij [Applying a parallel corpus to ethnocultural collocation translation (in Russ.)] // *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-parallelnogo-korpusa-dlya-perevoda-etnokulturnyh-kollokatsiy> (accessed: 05.01.2023).
8. Zaxarov V.P., Bogdanova S.Yu. *Korpusnaya lingvistika: uchebnik*. [Corpus linguistics: textbook (in Russ.)]. 3rd edn, revised. St. Petersburg : S.-Petersburg Press, 2020. 234 p.
9. Belyaeva L. N. Leksikograficheskij potencial parallel'nogo korpusa tekстов [Lexicographic potential of a parallel text corpus (in Russ.)] // *Trudy` mezhdunarodnoj konferencii «Korpusnaya lingvistika–2004» [Proceedings of the 'Corpus Linguistics-2004' International Conference]*. St. Petersburg, 2004. URL: https://events.spbu.ru/eventsContent/files/corpling/corpora2004/Beliaeva_art.pdf (accessed: 20.12.2022).
10. Parallel'ny`j korpus [Parallel corpus] // *Nacional'ny`j korpus russkogo yazy`ka*. [The NationalCorpus of the Russian Language]. 2022. URL: <https://ruscorpura.ru/corpus/para-eng> (accessed: 10.01.2023).
11. *ReversoContext*. URL: <https://context.reverso.net/перевод/about> (accessed: 10.01.2023).
12. Пресс-релиз: Revoluciya v mire on-lajn slovarej [Press-release: Revolution in the world of online dictionaries] // *Linguee*. 2013. URL: https://www.linguee.ru/press/RU/2013-12-04_LingueePressRelease.pdf (accessed: 10.01.2023).
13. *Lingvo Live: Лучшие словари Lingvo и Collins для 20 языков*. URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (accessed: 10.01.2023)
14. *Linguee*. 2013. URL: <https://www.linguee.ru/> (accessed: 30.01.2023).
15. *Corpus of Contemporary American English* (COCA). URL: <https://www.english-corpora.org/coca> (accessed: 30.01.2023).
16. *SKELL: Sketch English for language learning*. URL: <https://skell.sketchengine.eu> (accessed: 30.01.2023).
17. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 30.01.2023).

Информация об авторе

У.М. Прошина – преподаватель кафедры лингвистики и информационных технологий факультета иностранных языков и регионоведения.

Information about the author

U.M. Proshina is a lecturer, Department of Linguistics and Information Technologies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies.

Статья поступила в редакцию 03.11.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 16.01.2023. The article was submitted 03.11.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья
УДК 336.018(045)
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-249-258

ПЕРЕВОД АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕКСТА И ПРОБЛЕМА ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Наталья Александровна Емельянова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, n_emelianova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям академического перевода, которые следует учитывать в сфере англоязычной и русскоязычной культурных традиций. Автор обращает внимание на возрастающую актуальность проблемы взаимоотношений между академическими традициями разных стран, результатом которых становится обогащение научного опыта всех участников такой коммуникации. Следовательно, не менее актуальным оказывается и вопрос об академическом переводе как одном из ее ключевых инструментов. В статье также дается описание различных типов академических текстов и особенностей содержания каждого из них. Автор ставит перед собой задачу определить и описать основные критерии, которые следует учитывать в процессе перевода академического текста, такие как жанр оригинального текста, его лингвистические особенности. Для решения поставленной задачи автор рассматривает базовые характеристики научного стиля, определяет специфику жанров академического текста, выделяет ключевые лингвистические особенности, которыми обладает академический текст в англоязычной и русскоязычной культурных традициях.

Ключевые слова: академический дискурс, академический текст, перевод, академический перевод, культурный контекст, функциональный стиль, научный стиль

Original article

TRANSLATION OF AN ACADEMIC TEXT AND THE PROBLEM OF ITS INTERPRETATION IN THE CONTEXT OF THE ENGLISH AND RUSSIAN CULTURAL TRADITIONS

Natalya A. Emelianova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, n_emelianova@mail.ru

Abstract. The article discusses the specificity of academic translation, which should be taken into account in the sphere of English-speaking and Russian-speaking cultural traditions. The author draws attention to the growing relevance of the problem of relationships between the academic traditions of different countries, the result of which is the enrichment of the scientific experience of all participants in such communication. Consequently, the issue of academic translation as one of its key tools is no less relevant. The paper also provides a description of the various types of academic texts and the features of the content each of them possesses. The author aims at identifying and describing the main criteria that should be born in mind in translating an academic text, such as the genre of the original text, its linguistic features. To solve this problem, the author considers the basic characteristics of the scientific style, determines the specifics of the genres of the academic text, highlights the key linguistic features that the academic text has in the English and Russian cultural traditions.

Keywords: academic discourse, academic text, translation, academic translation, cultural context, functional style, scientific style

В связи с быстрым развитием науки и техники в XXI в. практика взаимодействия между национальными академическими традициями становится одним из наиболее частых и перспективных явлений. Хорошо известно, что академическое сообщество каждой страны является «домом» для самых талантливых людей из всех слоев общества, которые активны и обладают современными знаниями. В области естественных и социальных наук люди всегда открывают, изобретают, создают и совершенствуются, чтобы способствовать развитию науки и культуры. Академический отчет является неотъемлемой частью

процесса академического обмена, отражает результаты исследований ученых и является для них ценным справочником, а язык академического отчета имеет отличительные особенности, которые следует изучить. Поэтому понимание академических отчетов имеет значение как с практической, так и с теоретической точки зрения. С этой целью путем систематического исследования, экспериментирования и изучения определенных явлений и проблем в различных областях, дисциплинах обобщаются действующие в них законы, раскрывается их сущность и делаются правильные выводы. Таким образом, в

научных работах выдвигаются новые идеи, объясняются теории и демонстрируются практические эксперименты. Таким видом текстового выражения результатов научных исследований и академических идей является академическая статья.

В первую очередь необходимо дать определение понятия «академический текст». Одна из основных сложностей заключается в том, что в академических традициях разных стран оно формулируется по-разному. Не менее важно упомянуть, что различается также академический дискурс в вариантах английского языка. В статье «Вариативность, норма и корпусная лингвистика в учебном дискурсе» З.Г. Прошина и У.М. Прошина поднимают «проблему стандартизации и вариативности языка» и проводят сопоставительный анализ стандартизованных вариантов ряда номинаций из образовательной сферы и контекстов, в которых они используются. Источником здесь послужили корпусные базы данных, такие как Corpus of Global Web-based English (GloWbE), International Corpus of Learner English (ICLE) и др. В частности, приводятся примеры эквивалентов русского словосочетания «домашнее задание». Примечательно, что каждый из упомянутых эквивалентов встречается в нескольких вариантах английского языка. Например, эквивалент «home task» используется в контекстах на английском языке в семи его вариантах (британском, пакистанском, бангладешском, сингапурском, гонконгском, ямайском и танзанийском), а эквивалент «home assignment» – в девяти (британском, австралийском, индийском, филиппинском, гонконгском, замбийском, нигерийском и кенийском). Контексты употребления данных эквивалентов, как отмечают авторы статьи, свидетельствуют о различиях в их степени отнесенности к образовательному, учебному и подобным видам дискурса в каждом из вариантов. Таким образом, в работе приводится вывод о том, что англоязычный

академический дискурс не ограничен британским и американским вариантами, и это необходимо учитывать в процессе его изучения [1].

Такие российские ученые, как И.Б. Короткина [2], В.В. Радаев [3], Е. Ярская-Смирнова [4] отождествляют понятия «академический текст» и «научный текст», обозначая термином «академический» и студенческие сочинения, и научные труды ученых. Однако в англо-американской традиции эти понятия нередко разделяются: «академический текст» – это текст, созданный студентом (эссе, конспект, реферат), а «научный текст» – это текст, созданный ученым. Этим же фактом обусловлено различие в классификации академических жанров в российской и англо-американской традициях (табл. 1).

Тем не менее выделение ряда общих черт языка академического дискурса представляется возможным. Так, с точки зрения содержания написание академических статей осуществляется на основе систематических научных исследований. С точки зрения структуры организации текста они написаны в строгом соответствии с логическим порядком: сначала нужно определить тему, затем проанализировать и продемонстрировать процесс исследования и, наконец, сделать выводы. Академические тексты включают несколько жанров и стилей: от теоретических до технических; от гуманитарных наук до естественных. Эти тексты призваны формировать мышление и бросать вызов воображению. Сама интерпретация академического текста создает серьезные проблемы для большинства переводчиков. Многие гуманитарные тексты, особенно те, которые связаны с социальными науками, специфичны. Эти тексты часто имеют дело с терминами, идеями и концепциями, которые понимаются определенным образом в отдельно взятой области. Поэтому необходимо более подробно рассмотреть вопрос о специфике переводов академических текстов.

Таблица 1

Классификация академических жанров в российской и англо-американской академических традициях

Жанры академических текстов			
Российская традиция		Англо-американская традиция	
Первичные жанры	Вторичные жанры (тексты, составленные на основе текстов первичных жанров путем их сокращения)	Академические жанры (тексты, авторами которых являются студенты)	Научные жанры (тексты авторства преподавателей)
• Статья • Рецензия • Учебное пособие • Доклад • Монография • Презентация • Устное выступление • Лекция • Диссертация	• Аннотация • Автореферат • Тезисы • Конспект	• Конспект (Notes) • Доклад (Report) • Проект (Project) • Сочинение (Essay) • Диссертация (Dissertation) • Письменная работа (Paper)	• Научная статья (Research Article) • Выражение благодарности (Acknowledgement) • Очерк/эссе (Essay) • Доклад/отчет (Report) • Монография (Treatise/Study/Monograph)

Материальным объектом, доступным для конкретного анализа, являются тексты оригинала и переводы, письменные и звучащие [5]. Поэтому переводчику нужно знать, какой тип текста ему нужно переводить. Однако типология текста, несмотря на своё центральное положение в общей теории текста, до сих пор ещё разработана недостаточно. Не определены ещё общие критерии, которые должны быть положены в основу типологизации [6].

Наиболее убедительной, согласно В.В. Виноградову, представляется классификация по функциональным признакам [5]. В своей книге «Теория текста» Н.С. Валгина развивает эту мысль. Она отмечает, что при классификации текстов по их функционально-стилевой ориентации учитываются признаки экстралингвистические (сфера общения, отражающая сферу человеческой действительности, и общая функция речи) и собственно языковые (функционально-стилистическое расслоение средств языка) [6].

Все тексты по своему функциональному стилю и стилистическим характеристикам могут быть сведены к основному книжному стилю: художественному, официальному или научному.

Научный текст, ориентированный на использование научного стиля речи, также представляет собой сложное образование. Научные тексты имеют много подтипов, видов и подвидов, в зависимости от областей знаний и назначения. Среди них выделяются, прежде всего, специальные тексты, рассчитанные на профессионалов, и научно-популярные для рядового читателя. Все они несут информативную функцию и, как правило, представляют логически последовательное, объективное и основанное на фактических данных представление содержания. Научные тексты в основном реализуются в письменной форме [5].

Кроме того, научный стиль подразделяется на подстили – собственно научный, научно-учебный, научно-технический, научно-популярный [7: с. 128]. Содержание, назначение и адресаты этих видов текста различны.

Собственно научные тексты содержат теоретические и экспериментальные данные из различных областей науки, культуры и техники. К таковым относятся научные статьи, диссертации, монографии, дипломные работы, курсовые работы, доклады, рефераты, рецензии и т.д.

Научные статьи – тексты, подробно освещающие темы, идеи, проблемы, содержащие элементы анализа и предназначенные для публикации в специализированных научных сборниках или журналах, адресованных специалистам.

Диссертация – квалификационная научно-исследовательская работа, представляющая собой спе-

циальную форму научного произведения, подготовленного для публичной защиты и получения ученой степени кандидата или доктора наук. Диссертации относятся к числу неопубликованных научных работ.

Монография – научное книжное издание, содержащее полное и всестороннее исследование проблемы или темы и принадлежащее одному или нескольким авторам.

Основным адресатом собственно научных текстов являются представители конкретной специальности.

Научно-учебные тексты составляют учебники, учебные справочники, публикуемые курсы лекций и другие учебные издания. Основная цель таких текстов – донесение известных научных истин в процессе обучения или самостоятельных занятий. Адресат научно-учебных произведений – лица, обучающиеся или повышающие квалификацию по какой-либо специальности, а также получающие общеобразовательные сведения.

Научно-технические тексты содержат краткие сведения научного или прикладного характера, расположенные в таком порядке, который облегчает быстрый поиск. Это, как правило, универсальные и отраслевые энциклопедии, словари, справочники для специалистов или широкого круга пользователей.

Научно-популярные тексты содержат информацию о теоретических и экспериментальных исследованиях в области науки, техники и культуры, изложенную в форме, доступной читателю-неспециалисту. Научно-популярное изложение принципиально не отличается от собственно научного, сохраняя все его особенности. Однако основная задача научно-популярных текстов состоит в том, чтобы представить научную информацию в образно-наглядной и популярной форме. Поэтому в научно-популярных работах используются не узкоспециализированные, а общеупотребительные термины. Часто термины поясняются в тексте, определения упрощаются и заменяются описательными фразами, примерами и сравнениями. В научно-популярных текстах существуют различные элементы из других стилей. Широко употребляются эпитеты, сравнения, метафоры, олицетворения, экспрессивная и эмоционально окрашенная лексика, фразеологические обороты, поговорки и пословицы, вопросительные предложения, обращения и повторы. Они предназначены для расширения культурного и профессионального кругозора читателей и существуют в виде книг, статей, брошюр.

Перевод академических текстов отличается от перевода прикладных текстов, литературных пере-

водов и других текстов, с которыми мы часто сталкиваемся. Прежде всего, академическая работа отражает научное мышление ее автора и определенные элементы национальной культуры в соответствующих научных теориях, которые в ней представлены. Поэтому академическая культура – это не только представление научных достижений ученого, но и культура и мудрость страны или народа, содержащиеся в ней. Кроме того, академические тексты, особенно научные труды, как правило, представляют собой углубленные исследования определенной профессии или области, поэтому их содержание более специализировано. Таким образом, академический перевод требует более высокого уровня академической грамотности, чем другие виды перевода, т.е. переводчик должен не только обладать отличными языковыми и письменными навыками, но и иметь соответствующий академический и культурный опыт, чтобы поддержать свое точное понимание оригинального текста и точно передать читателю научные идеи автора. П. Ньюмарк упоминает, что теоретики перевода часто относят такие тексты, как авторитетные заявления, личные творения и т.д., к экспрессивным функциональным текстам; такие тексты, как газетные статьи, научно-технические работы и общие учебники, которые передают факты в большей степени, чем форму текста, считаются информативными функциональными текстами [8].

Выделим несколько основных лингвистических аспектов, на которые следует обращать особое внимание в процессе перевода академического текста с английского языка на русский.

1. Базовые лингвистические особенности русского и английского языков: черты сходства и различия

Прежде всего, необходимо провести сравнительный анализ общих характеристик английского и русского научного дискурса, найти черты сходства и различия.

Английский и русский языки принадлежат к одной индоевропейской языковой семье, причем английский относится к западно-германской ветви германской группы, а русский – к восточнославянской ветви славянской группы. Они имеют множество сходств в грамматической структуре.

Однако английский язык развивался с меньшим количеством словоизменений, и выражение лексического значения в нем зависит от порядка слов, предлогов и т.д. В русской морфологии существует множество вариантов, а порядок слов играет лишь вспомогательную роль; можно сказать, что порядок слов в русском предложении относительно свобо-

ден. В английском языке предложения должны иметь подлежащее, а также существует строгий порядок субъектов и предикатов в предложениях, но в русском языке существует большое количество предложений без подлежащего. Отношения «подлежащее–сказуемое» являются типичным примером синтаксической последовательности в английском языке. Все предложения содержат подлежащее и сказуемое, и они обычно следуют в строгом порядке: сначала подлежащее, а затем сказуемое.

Что касается лексики, то поскольку в английском и русском алфавитах много одинаковых или похожих звуков, учащимся гораздо легче распознавать заимствованные слова английского происхождения в русском языке после того, как они освоят произношение и письменные формы английского и русского алфавитов: *футбол – football, мобильный телефон – mobile telephone, бизнесмен – businessman, ток-шоу – talk-show, хобби – hobby, контракт – contract, офис – office, хот-дог – hot-dog, маркетинг – marketing.*

В словообразовании английского и русского языков корни и аффиксы (префиксы и суффиксы) являются средствами образования новых слов, аффиксы выражают определенную семантику. Ряд аффиксов в английском и русском языках имеют отношения соответствия:

антн- и anti-: антнфашистский – anti-fascist;

ультра- и ultra-: ультразвук – ultrasonic;

не-, без- и un-, dis-;

-изм и -ism: марксизм – marxism;

-ация и -ation: индустриализация – industrialization.

Англоязычные морфемы достаточно часто повторяются в русском языке и таким образом адаптируются к его системе, т.е. носителями русского языка они начинают восприниматься как «строительный материал для создания новых “русских” слов» [9]. Хотя в большинстве случаев такие процессы носили окказиональный характер и ограничивались рамками разговорной речи, они, тем не менее, происходили и в области научной речи. Нередко в таких случаях соответствующие друг другу англо- и русскоязычные морфемы полностью совпадают по звучанию и написанию (например, *anti-*, *ultra-*, *-ism*), однако так происходит далеко не всегда, и это необходимо учитывать в процессе не только академического, но и любого другого вида перевода.

2. Основные характеристики русскоязычного научного дискурса, значимые для перевода на английский язык

Язык российских научных работ является частью письменного научного русского языка. Самой важной особенностью письменного научного русского

языка является то, что материалы презентации формально логичны. Научные тексты являются полными, строгими. Основным средством логического выражения является указание на преемственность в развитии мысли. Мы часто можем видеть стандартные вводные слова, обозначающие:

а) начало мысли: *в начале, прежде всего, затем; во-первых, во-вторых, значит, итак* и т.д.;

б) противоположные отношения: *однако, между тем, в то время как, тем не менее* и т.д.;

в) причины и следствия: *следовательно, поэтому, согласно с этим, вследствие этого, кроме того, к тому же* и т.д.;

г) переход мысли: *прежде чем перейти к ..., обратимся к ..., остановимся на..., необходимо рассмотреть*;

д) результаты и выводы: *итак, таким образом, значит, в заключение отметим, все сказанное позволяет сделать вывод, подводя итог, следует сказать...*

Местоимения, прилагательные и наречия могут использоваться в качестве лексем, указывающих на продолжение рассуждений на упомянутую ранее тему (*данные, этот, такой, названные, указанные* и т.д.). Эти слова являются важными признаками, указывающими на изменения в мышлении автора, и читатель знает, куда ведет автор. Слова «*действительно*» или «*в самом деле*» позволяют читателю сразу понять, что следующее содержание доказывает изложенную в предшествующем контексте мысль. «*С другой стороны*», «*напротив*» и «*впрочем*» иллюстрируют ситуацию, когда следующее суждение противопоставляется вышесказанному.

В какой-то момент приведенные выше фразы не только полезны для указания на изменение мышления автора в российских научных работах, но и очень полезны для улучшения структуры статьи [10].

Ю.А. Комарова использует по отношению к подобным фразам понятие «дискурсивные формулы», которое определяет как «различного рода клише и устойчивые выражения, типичные для научного дискурса» [11: с. 81]. Кроме того, как отмечает исследователь, они разделяются на три категории в зависимости от возможности их употребления в конкретной форме общения.

1. Дискурсивные формулы, типичные для устной формы общения.

I would like to address Dr. Newman on the subject – Я бы хотел обратиться к работе/докладу/цитате/словам профессора Ньюмана по этому вопросу.

Just one short remark. – Хотелось бы сделать одно небольшое замечание.

2. Дискурсивные формулы, типичные для письменной формы общения.

This paper presents... – Данная работа посвящена...

3. Дискурсивные формулы, типичные и для устной, и для письменной формы общения.

The data reported by Dr. Marshall... – Данные, приведенные в исследовании Маршалла...

Official statistics involve – Из официальной статистики следует, что...

Из такой классификации мы можем сделать два основных вывода. Во-первых, в каждом языке мира набор дискурсивных формул различается, и в аспекте перевода необходимо установить возникающие между ними отношения соответствия. Во-вторых, выбор дискурсивных формул напрямую зависит от того, в какой форме общения мы их используем – устной или письменной.

Исходя из этого, мы понимаем причину, по которой элементы эмоционального языка не используются в научном языке. Научные статьи содержат только информацию и факты, полученные в результате теоретического анализа, многолетних наблюдений и научных экспериментов. Это требует точного лингвистического выражения информации и фактов. Поэтому в российских научных статьях обычно используются профессиональные термины. Перед авторами англоязычных научных статей также стоит задача соблюсти ряд стилистических критериев при их написании, причем некоторые из них отличаются от таковых для русскоязычных статей. Например, если в русскоязычных научных текстах мы часто встречаем громоздкие сложные синтаксические конструкции, то в англоязычных они сокращаются до более сжатых структур. Одним из наиболее распространенных вариантов таких структур являются простые предложения с вводными словами и словосочетаниями, такими как *however, on the other hand, thus*.

3. Тенденции развития существительных в русскоязычном научном дискурсе и их перевод

Функция научного языка заключается, главным образом, в передаче и демонстрации различной информации, которая была получена. В современном русском языке резкий рост научной терминологии является не только важным источником непрерывного обогащения современной русской лексики, но и важным символом развития русского языка. Мощное влияние научного языка стало общей тенденцией в развитых языках мира.

Будучи основным средством научной деятельности и важным носителем научных результатов, научный язык неизбежно несет на себе отпечаток

науки и должен отражать внешние характеристики объективности, точности, абстракции и логики через внутренние особенности языка, такие как лексика и грамматика.

Это определяет абсолютное преобладание существительных в русском научном жанре.

В научном стиле в основном используются отглагольные существительные, а в стиле научного текста – неэкспрессивный письменный язык. Например: *являются чем-то, оказать влияние на что-то*. При подборе в процессе перевода английских эквивалентов подобных выражений необходимо учитывать два основных фактора. Во-первых, требуемый английский глагол, вероятнее всего, в сознании носителя русского языка ассоциируется с более общеупотребительным синонимом или даже с другим словом. Так, для слова «являться» это будет глагол «быть» (англ. *to be smth*), а для словосочетания «оказать влияние» – словосочетание «*to make an impact*» (НО: оказывать влияние (форма НСВ) – *to have an impact*). Во-вторых, в ряде случаев существенны различия в употреблении предлогов после данных глаголов (табл. 2). Подобные сочетания являются устойчивыми, и для их запоминания в методике преподавания английского языка широко используется понятие «коллокация».

Таблица 2

Соотношение глаголов и предлогов в русском и английском языках: примеры различия

Сочетание глагола и предлога на русском языке	Дословный перевод сочетания на английский язык	Корректный перевод сочетания на английский язык
Обращать внимание на	*To pay attention on	To pay attention to
Злиться на	*To be angry on	To be angry with
Винить за	*To accuse for	To accuse of
Одобрять что-то	*To approve smth	To approve of smth
Состоять из	*To consist from	To consist of

Научный язык узкоспециализирован, а понятия и объекты исследования в различных областях различны, поэтому появляется большое количество технических терминов и терминологических слов.

Родительный и предложный падежи при использовании существительных в научных текстах, где местоимения используются редко, требуют определенной степени регулярности и логики [12]. На английский язык подобные сочетания переводятся атрибутивными цепочками – «идущими друг за другом внутри одного предложения существительными, прилагательными, числительными и причастиями» [13]. Все входящие в такую цепочку слова упо-

требляются в начальной форме, а смысловые отношения между ними выражаются с помощью порядка слов. Так, главное слово всегда находится в конце атрибутивной цепочки, в то время как в переводе такого сочетания на русский язык более важной характеристикой является форма именительного падежа: *Federal Highway Authorities – Управление федеральными путями сообщения*.

Иногда предложный падеж используется при выражении значения количества, причины, следствия и т.д. Например: *весом в, длиной в*.

Кроме того, некоторые отвлеченные имена существительные, стоящие в единственном числе, в научных текстах часто встречаются в форме множественного числа, чтобы получить конкретное значение: *Внутренние силы не могут изменить скорости центра массы*.

Некоторые формы множественного числа вещественных существительных выражают класс вещей в научных текстах: *Ископаемые соли – Fossil salts; Окаменелые кости – Petrified Bones; Сырые нефти – Crude oils*.

Отглагольные существительные (*оказать влияние – влиять; получать применение – применяться; взять ответственность – отвечать*) могут сделать научные утверждения более краткими. Они используются для описания статических особенностей, позволяя читателю «захватывать» нужную информацию. С одной стороны, это позволяет избежать двусмысленности в многозначных глаголах, избавляет от многих хлопот и облегчает понимание статьи. С другой стороны, такая структура также делает научную статью более абстрактной и общей [14].

4. Особенности использования терминологии и грамматики

В условиях резкого увеличения количества научно-технических терминов и углубления научно-технического обмена между странами неизбежна проблема внедрения как русской, так и английской научной терминологии в международном общении.

Техническая терминология входит в понятие лексики, но отличается от обыденной лексики, так как в научно-технических терминах есть много особенностей, которых нет в обыденной лексике, что способствует выделению научно-технических терминов в самостоятельную словарную систему.

1. Лексическая характеристика научного языка

Термины, которые в большинстве своем не порождают многозначности и могут квалифицированно объяснить характерные понятия и явления, занимают очень важное место в научном дискурсе. Например, следующие слова часто встречаются в

текстах в промышленной сфере: *вольт (volt), градус (degree), скорость (speed), деталь (spare part), диапазон (wave band), лошадиная сила (horsepower)*. В военных текстах часто встречаются следующие слова: *истребитель (fight plane), корабль (warship), цель (target), удар (assault)*.

Особую трудность представляет собой академический перевод в тех случаях, когда слово переводится на другой язык многозначной лексемой. Из-за абстрактного и обобщенного характера научного языка некоторые глаголы меняют смысл самой лексики в особом контексте. Так, перевод английского слова «to underline» напрямую зависит от того, в контексте какого характера он употребляется. В бытовом контексте он переводится глаголом «подчеркивать», который употребляется в значении «провести черту под написанным»: *Please, underline the chosen answer. – Пожалуйста, подчеркните выбранный Вами ответ*. В академическом дискурсе лексема также переводится глаголом «подчеркивать», однако последний приобретает уже другую дефиницию – «заострять внимание на чем-либо»: *The research underlines the value of case studies. – Исследование подчеркивает ценность изучения конкретных примеров*.

2. Характеристики словообразования

В русских научных текстах часто встречаются существительные со специфическими суффиксами: *-ние, -изм, -ость, -ция*. Например: *соединение (connection), формирование (formation), механизм (mechanism), центральность (centrality), возможность (function), организация (structure), инерция (inertia)*.

Как уже было упомянуто ранее, в данном случае в процессе перевода необходимо учитывать возникающие между англо- и русскоязычными морфемами отношения соответствия. В научном дискурсе нередки случаи полного совпадения таких суффиксов в эквивалентах лексем, что обусловлено тем, что данные суффиксы были заимствованы из латинского или позже английского языка: *механизм (mechanism), инерция (inertia)*.

Однако известны и случаи несовпадения. Кроме того, в некоторых из них одному англоязычному суффиксу соответствуют несколько русскоязычных. Так, английскому суффиксу *-ion* соответствуют как минимум три русскоязычных: *-ние (соединение – connection), -ость (возможность – function) и -ция (организация – organisation)*. Возможно и обратное соотношение. Например, русскоязычному суффиксу *-ция* соответствуют как минимум три англоязычных: уже упомянутый суффикс *-ion*, суффикс *-ure (организация – structure)*, а также суффикс латинского происхождения *-tia (инерция – inertia)*.

3. В русском научном языке наблюдается ряд **синтаксических особенностей**:

А. Использование пассивных предложений.

Научный корпус в основном подчеркивает объективность вещей и явлений. Например: *В содержание учебного пособия включается новый более актуальный материал*. Или: *Текст выходных сведений должен быть отформатирован по центру страницы*.

В обоих пассивных предложениях подлежащее является объектом действия, а субъект действия не появляется, что позволяет сосредоточиться на характеристиках и состоянии объекта и способствует объективному описанию.

В английском языке пассивные предложения также используются, однако характеризуются более строгим порядком слов. Это обусловлено тем, что английский язык – язык аналитического типа, в котором порядок слов является одним из главных инструментов передачи смысла контекста, т.е. контекст не будет адекватно восприниматься, если изменить порядок лексем в нем.

В английских эквивалентах вышеприведенных и подобных им предложений этот порядок будет выглядеть следующим образом: «подлежащее – сказуемое (как простое, так и составное) в пассивном залоге – второстепенные члены предложения»:

В содержание учебного пособия включается новый более актуальный материал. – A new material that is more important is included in the textbook.

Текст выходных сведений должен быть отформатирован по центру страницы. – The output information should be aligned to the center of the page.

Б. Частое использование сложных предложений.

Благодаря строгой логике научного языка в структуре абзаца будут появляться шаблоны сложных предложений, среди которых особое место занимают сложноподчиненные предложения, которые представляют причину, условие, результат и время. Например: *Если мы возьмём литр чистой воды и смешаем его с литром 96–98° спирта, то получится не два литра жидкости*. Это типичное условное предложение, основанное на слове «если», которое часто встречается в гипотезах и выводах о некоторых явлениях в научных текстах.

5. Морфологические характеристики

Несовершенный вид глагола в основном используется для обозначения характера вещей и для иллюстрации. Например: *Процент спирта в воде определяется тем, что спирт имеет свойство при соединении с водой производить сжатие всей смеси*. Слово «определяется» используется в пред-

ложении для выражения соответствующего закона взаимосвязи между соотношением спирта и концентрационными характеристиками смеси [15]. Используется множество деепричастий: *Подушка безопасности может с силой ударить пассажира, вызвав серьёзную травму или гибель человека*. Слово «вызвав» в этом предложении служит для иллюстрации результата «ударить» [16]. В английском языке, однако, вместо деепричастий используются другие грамматические варианты.

Во-первых, это могут быть сочетания, в состав которого включаются: а) один из вариантов английского эквивалента слова «который» – «which» или «that»; б) соответствующая контексту временная форма английского эквивалента глагола, от которого образовано деепричастие: *The airbag can hit the passenger heavily, which causes serious injury or person's death*.

Во-вторых, такие деепричастия могут также переводиться действительным причастием с окончанием *-ing*: *The airbag can hit the passenger heavily, causing serious injury or person's death*.

Русский научный язык должен быть очень формальным и конкретным при описании предметов исследования, что исключает личностные оценки, выразительные и описательные обороты в языке. В настоящее время на русском научном языке сформированы фиксированные правила описания материалов. Так, для описания экспериментов обычно используется конструкция, построенная по модели «быть + глагол в пассивном залоге» (например: *было выделено 15 структур...*). Использование этой грамматической конструкции помогает сосредоточить внимание читателя на предмете изучения.

В английском языке безличные конструкции, подобные этой, недопустимы, поэтому, несмотря на то что приведенный контекст переводится на английский язык практически дословно, в полученном переводе изменится характеристика составляющих его слов по их морфологическим и синтаксическим функциям. Данный перевод звучит следующим образом: «*15 structures were emphasized...*». Не менее важно упомянуть и о том, что подлежащее в английском предложении обязательно будет находиться в начальной позиции. Сочетание «*было выделено*» (англ. «*were emphasized*») в обоих случаях (а) выступает в качестве сказуемого, (б) является ядром пассивной конструкции. Оно переводится дословно, однако в английском языке его характеристика по морфологической категории числа будет зависеть от таковой у подлежащего. Так, в рассмотренном примере «*were emphasized*» сказуемое употребляется в форме множественного числа

в соответствии с множественным числом словосочетания «*15 structures*». При переводе с английского языка на русский подобного контекста с подлежащим в форме единственного числа следует учитывать характеристику русского эквивалента этого подлежащего по категории рода, отсутствующей в английском: «*A new method was mentioned...*» – «*Было упомянут новый метод...*», где «*новый метод*» – подлежащее со значением объекта. Возможен также вариант перевода с безличной конструкцией, однако дополнение в этом случае будет употребляться в форме предложного падежа: «*Было упомянуто о новом методе...*».

Стиль русского научного языка – монолог. Чтобы сосредоточить внимание читателя на логике информации, а не на субъекте, она подается от третьего лица, редко используется первое лицо и вообще не используется форма второго лица единственного числа. Слово «Я» обычно не встречается в русскоязычных научных статьях. Когда авторы публикуют свои работы, они часто используют «мы» вместо личного местоимения «я», чтобы заставить читателей думать, что результаты исследований являются результатами работы всего коллектива, и они могут использовать свое собственное мнение как мнение группы людей, Академии наук или направления науки. Это связано с тем, что для современной науки характерны интеграция, коллективизация творчества и тенденция развития совместного решения сложных проблем. Однако личные местоимения в научных статьях могут произвести на людей плохое впечатление. Можно также заменить эту структуру повествованием от третьего лица (*автор полагает...*). Предложения с пассивным залогом также могут выполнять эту роль (*разработан комплексный подход к исследованию...*).

Действительно, такая закономерность очень характерна для русскоязычного академического дискурса. Однако в статье И.Б. Ушаковой «Эксплицитность выражения мнения автора в научном тексте...» мы находим сравнительную таблицу, на основании которой делается вывод о том, что в англоязычных научных статьях наблюдается противоположная тенденция. Во всех 28 рассмотренных англоязычных статьях преобладает «я-текст», в то время как в 36 из 39 изученных статей на русском языке используется «мы-текст». И.Б. Ушакова считает, что такая разница в выборе между «я-текстом» и «мы-текстом» объясняется различиями в культурно-языковом коде, и проводит взаимосвязь между общей тенденцией к употреблению в русскоязычном научном дискурсе «мы-текста» и статусом русского народа как «народа с сильной коллективистской традицией» [17].

Таким образом, академический перевод как аспект серьезного академического исследования должен быть неэкспрессивным функциональным текстом, т.е. таким, который ориентирован на текст на исходном языке и подчеркивает авторитет автора оригинального текста. Практически невозможно, чтобы любой текст существовал в какой-то одной форме, поэтому при переводе академических текстов информативная функция доминирует в процессе перевода с целью передачи теории или точки зрения автора оригинала. Главенствующим принципом академического перевода является полное изложение идей автора оригинала. Пере-

водчику необходимо понимать область знаний оригинального текста, и перед началом процесса перевода он должен обладать знаниями в области семиотики, лингвистики, лингвистической семиотики и других смежных аспектов, понимать интеллектуальный и культурный фон автора оригинала и связанные с ним переводческие термины, чтобы достичь цели представления идей и теорий автора оригинала во всей их полноте. Кроме того, академические переводы также должны отражать принцип уважения культуры. Зарубежные переводы академических работ также являются частью культурного обмена с миром.

Список источников

1. Прошина З.Г., Прошина У.М. Вариативность, норма и корпусная лингвистика в учебном дискурсе // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2019. № 1. С. 36–42.
2. Короткина И.Б. *Академическое письмо: процесс, продукт и практика*. Москва : Юрайт, 2016. 295 с.
3. Радаев В.В. Как написать академический текст // *Вопросы образования*. 2011. № 1. С. 271–293.
4. Ярская-Смирнова Е. *Создание академического текста*. Москва : Вариант, 2013. 156 с.
5. Виноградов В.В. *О языке художественной литературы*. Москва : Гослитиздат, 1959. 656 с.
6. Валгина Н.С. *Теория текста*. Москва : Логос, 2003. 173 с.
7. Кожина М.Н. *Стилистика русского языка*. Москва : Просвещение, 1983. 223 с.
8. Newmark P. *Approaches to Translation*. Shanghai : Shanghai Foreign Language Education Press, 2001. 214 p.
9. Дьяков А.И. Участие англоязычных морфем в русском словообразовании // *Филология и человек*. 2012. № 2. С. 43–56.
10. Лаптева О.А. Внутрителивая эволюция современной русской научной прозы // *Развитие функциональных стилей современное русское языка*. Москва : Наука, 1968. С. 136–140.
11. Комарова Ю.А. Функционально-лингвистическое описание англоязычного научного дискурса // *Вестник СПбГУ*. 2012. № 4. С. 78–84. (Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика).
12. Митрофанова О.Д. *Научный стиль речи: проблемы обучения*. Москва : Русский язык, 1985. 130 с.
13. Илюшкина М.Ю. *Теория перевода: основные понятия и проблемы*. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2015. 84 с.
14. Крылова О.А. *Основы функциональной стилистики русского языка*. Москва : Русский язык, 1979. 224 с.
15. Розенталь Д.Э. *Справочник по русскому языку. Практическая стилистика русского языка*. Москва : ОНИКС 21 век, 2001. 371 с.
16. Фёдоров А.В. *Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы)*. Москва : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. 416 с.
17. Ушакова И.Б. Эксплицитность выражения мнения автора в научном тексте: я/мы/ или некий всеобщий разум (на материале русского и английского языков) // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2021. № 1. С. 89–96.

References

1. Proshina Z.G., Proshina U.M. Variativnost', norma i korpusnaya lingvistika v uchebnom diskurse [Variability, norm and corpus linguistics in the academic discourse (in Russ.)] // *Social'ny'e i gumanitarny'e nauki na Dal'nem Vostoke*. 2019. № 1. P. 36–42.
2. Korotkina I.B. *Akademicheskoe pis'mo: process, produkt i praktika*. [The academic writing: process, product and practice (in Russ.)]. Moscow : Yurajt, 2016. 295 p.
3. Radaev V.V. Kak napisat' akademicheskij tekst [How to write an academic text (in Russ.)] // *Voprosy obrazovaniya*. 2011. № 1. P. 271–293.
4. Yarskaya-Smirnova E. *Sozdanie akademicheskogo teksta*. [Creating an academic text (in Russ.)]. Moscow : Variant, 2013. 156 p.
5. Vinogradov V.V. *O yazy'ke xudozhestvennoj literatury* [On the language of fiction (in Russ.)]. Moscow : Goslitizdat, 1959. 656 p.
6. Valgina N.S. *Teoriya teksta*. [Theory of text (in Russ.)]. Moscow : Logos, 2003. 173 p.
7. Kozhina M.N. *Stilistika russkogo yazy'ka*. [Stylistics of the Russian language (in Russ.)]. Moscow : Prosveshhenie, 1983. 223 p.
8. Newmark P. *Approaches to Translation*. Shanghai : Shanghai Foreign Language Education Press, 2001. 214 p.
9. D'yakov A.I. Uchastie angloyazy'chny'x morfem v russkom slovoobrazovanii [Participation of English morphemes in Russian word building (in Russ.)] // *Filologiya i chelovek*. 2012. № 2. P. 43–56.
10. Lapteva O.A. Vnutristilevaya e'voljuciya sovremennoj russkoj nauchnoj prozy' [In-style evolution of the Russian academic prose (in Russ.)] // *Razvitie funkcional'ny'x stilej sovremennoe russkogo yazy'ka*. [Development of Russian functional styles (in Russ.)]. Moscow : Nauka, 1968. P. 136–140.
11. Komarova Yu.A. Funkcional'no-lingvisticheskoe opisanie angloyazy'chnogo nauchnogo diskursa [Functional linguistic description of the English academic discourse (in Russ.)] // *Vestnik SPbGU*. Ser. 9. 2012. № 4. P. 78–84.
12. Mitrofanova O.D. *Nauchny'j stil' rechi: problemy obucheniya*. [Academic speech style: problems of communication (in Russ.)]. Moscow : Russkij yazy'k, 1985. 130 p.

13. Ilyushkina M.Yu. *Teoriya perevoda: osnovny`e ponyatiya i problemy`* [Translation theory: basic concepts and problems (in Russ.)]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2015. 84 p.
14. Kry`lova O.A. *Osnovy` funkcional'noj stilistiki russkogo yazy`ka*. [Fundamentals of Russian functional stylistics]. Moscow : Russkij yazy`k, 1979. 224 p.
15. Rozental` D.E`. *Spravochnik po russkomu yazy`ku. Prakticheskaya stilistika russkogo yazy`ka*. [Russian language guidebook. Practical stylistics of Russian (in Russ.)]. Moscow : ONIKS 21 vek, 2001. 371 p.
16. Fyodorov A.V. *Osnovy` obshhej teorii perevoda (Lingvisticheskie problemy`)*. [Fundamentals of general translation studies (linguistic problems) (in Russ.)]. Moscow : FILOLOGIYa TRI, 2002. 416 p.
17. Ushakova I.B. E`ksplicitnost` vy`razheniya mneniya avtora v nauchnom tekste: ya/my`/ ili nekiy vseobshhij razum (na materiale russkogo i anglijskogo yazy`kov) [The explicitness of the author's opinion in an academic text: I/my or some general universal mindset (based on Russian and English) (in Russ.)] // *Social'ny`e i gumanitarny`e nauki na Dal'nem Vostoke*. 2021. № 1. P. 89–96.

Информация об авторе

N.A. Емельянова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения.

Information about the author

N.A. Emelianova is Candidate of Philology, Senior Instructor, Department of Theory for Teaching Foreign Languages, Faculty of Foreign Languages and Area Studies.

Статья поступила в редакцию 20.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 20.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья
УДК 81'25
doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-259-268

УЧЕБНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ОЧНО И ОНЛАЙН КАК ИНСТРУМЕНТ ОБУЧЕНИЯ УСТНОМУ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ*

Татьяна Александровна Волкова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, tatia.volkova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9335-403X

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ учебных конференций с последовательным переводом, проведенных очно и онлайн, с точки зрения их дидактического потенциала. Описаны четыре онлайн-конференции и очная конференция для триангуляции данных. Детально рассмотрены организационные и технические вопросы, презентация перевода, содержание и форма текстов перевода. Соотнося видеозаписи, протоколы учебных конференций и комментарии участников, автор приходит к выводу, что трудности, с которыми сталкиваются начинающие переводчики очно и онлайн, сопоставимы, но с учетом различий в техническом обеспечении перевода и взаимодействии с аудиторией. Учебные онлайн-конференции эффективно дополняют очные конференции в процессе подготовки переводчиков.

Ключевые слова: устный перевод, последовательный перевод, учебная конференция, дидактика перевода, онлайн-обучение

Original article

ONLINE AND OFFLINE MOCK CONFERENCES AS A TOOL FOR TRAINING CONSECUTIVE INTERPRETERS

Tatiana A. Volkova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, tatia.volkova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-9335-403X

Abstract. The article provides a comparative analysis of online and offline mock conferences with consecutive interpreting in terms of their learning potential. Describing four online conferences and an offline conference for triangulation, the author addresses organizational and technical aspects, interpreters' delivery and the quality of the target texts. Based on the mock conference video recordings, reports and participants' comments, the author concludes that the challenges met by beginner student interpreters online and offline are comparable, adjusted for technical requirements and interaction with the audience. Online mock conferences are an efficient addition to offline conferences in interpreter training.

Keywords: interpreting, consecutive interpreting, mock conference, interpreter training, online teaching

Введение

Учебная конференция (mock conference) призвана имитировать в рамках учебного процесса реальную международную конференцию с переводом: выбирается конкретная тема конференции, заранее обсуждаются организационные и технические вопросы, студенты распределяют роли докладчиков, переводчиков, слушателей (зрителей). Роль модератора может взять на себя студент или преподаватель; в роли слушателей, выражающих

различные точки зрения, могут выступать и студенты, и преподаватели: эксперты, журналисты, заинтересованные участники, задающие вопросы из зала, etc.

Учебные конференции с последовательным и синхронным переводом используются в целом ряде зарубежных и российских вузов [1–7], отдельно отметим опыт Санкт-Петербургской высшей школы перевода [8; 9].

Авторы рассматривают многоязычные учебные конференции [10], «межпрофессиональные» учебные конференции [11]; две интересные смежные области приложения дидактических и исследовательских усилий – обучение методам подготовки к переводу конференции [12] и направленное наблюдение в ходе реальной конференции [13].

* Основные результаты исследования представлены на Международной научной конференции «Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира» (Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 17–18 декабря 2022 г.).

Учебные конференции создают вокруг студентов «густую профессиональную среду» [2: с. 15]; могут проводиться периодически как одна из форм работы в курсе устного перевода либо на постоянной основе, включая конференции разных типов [2]; могут включать дополнительные задания (упражнения), предлагаемые студенческой аудитории в зависимости от уровня подготовки обучающихся.

Методы и материал исследования

В настоящем исследовании описаны результаты проведения пяти учебных конференций: четырех онлайн-конференций (К1–К4) и одной очной конференции (К5), которую мы используем для триангуляции данных. Материал исследования – видеозаписи и протоколы учебных конференций, анкеты участников; основные методы – наблюдение, анкетирование, описание и сопоставительный анализ. Основные параметры учебных конференций представлены в таблице.

Общее время конференций – 5 ч 44 мин, общий объем проанализированного видеоматериала (включая экспресс-обсуждение по завершении конференций) – 6 ч 20 мин.

Коммуникативное (переводческое) задание для описанных далее учебных конференций можно

сформулировать следующим образом: (научно-популярная) конференция для достаточно широкой смешанной аудитории. Онлайн-конференции посвящены управлению временем, очная конференция – изучению иностранных языков¹. Вид перевода – устный последовательный. Направление перевода – EN-RU, RU-EN. Отметим, что речь идет преимущественно о начальном этапе обучения последовательному переводу.

Участники учебных конференций К1–К4: студенты 4-го курса специалитета, направление подготовки «Перевод и переводоведение», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. Учебные конференции проводятся в рамках онлайн-курса «Практический курс устного последовательного перевода на международных конференциях (первый иностранный (английский) язык)». Состав участников онлайн-конференций разный, каждая конференция – отдельная академическая группа. Учебная конференция К5 проведена очно в рамках Зимней школы перевода Союза переводчиков России как один из мастер-классов в программе мероприятия.

Таблица

Материал исследования: основные параметры учебных конференций

Параметр	К1 (октябрь 2022)	К2 (октябрь 2022)	К3 (апрель 2022)	К4 (апрель 2022)	К5 (январь 2018)
1. Место проведения, аудитория	Онлайн, академическая группа	Онлайн, академическая группа	Онлайн, академическая группа	Онлайн, академическая группа	Очно (конференц-зал), смешанная
2. Продолжительность конференции, мин	68:55	67:16	37:37	104:17 ²	65:55
3. Докладчики, исходные языки	3 (2 EN, 1 RU)	3 (2 EN, 1 RU)	1 ³ (EN)	3 (2 EN, 1 RU)	2 (1 EN, 1 RU)
4. Переводчики	4	4	2	3	4
5. Модератор	Студент	Студент	Студент	Студент	Преподаватель
6. Слушатели (зрители)	Преподаватель, студенты группы	Преподаватель, студенты группы	Преподаватель, студенты группы	Преподаватель, студенты группы	Преподаватели, переводчики, студенты других вузов
7. Формат вопросов и ответов	Вопросы и ответы голосом	Вопросы и ответы голосом	Вопросы в чате, ответы голосом	Вопросы в чате, ответы голосом	Вопросы и ответы голосом
8. Доклады сопровождаются визуальным рядом (слайдами)	Нет	Нет	Да	Да	Один из двух докладов (видеозапись)

¹ Подробнее о тематике и сценариях учебных конференций см.: [14].

² Два занятия с недельным перерывом.

³ По независящим от организаторов причинам конференция К3 получилась менее продолжительной и масштабной, однако основные роли участников, компоненты и формат учебной конференции полностью соблюдены.

После докладов на онлайн-конференциях выделено время на вопросы и ответы: вопросы задавались голосом с включенными камерами (онлайн-конференции К1, К2) и письменно в чате (онлайн-конференции К3, К4). После очной и онлайн-конференций проводится экспресс-разбор работы переводчиков. После онлайн-конференций дополнительно проводится более подробное обсуждение на следующем занятии с просмотром фрагментов видеозаписей. По итогам конференций студенты также заполнили анкеты: участники очной конференции – о своих впечатлениях от учебной конференции в целом, участники онлайн-конференций – более подробные анкеты, позволяющие охарактеризовать организацию учебной конференции и оценить работу переводчиков.

Далее рассмотрим организационные и технические вопросы, презентацию (подачу) перевода, содержание и форму текстов перевода, соотнося видеозаписи, протоколы учебных конференций и комментарии участников.

Очная учебная конференция

Мы не предлагали участникам очной учебной конференции отдельной анкеты, однако студентам – участникам школы после ее проведения было предложено оценить каждое мероприятие в программе. Учебную конференцию участники школы оценили высоко: 88 % и с точки зрения пользы, и с точки зрения вызванного интереса.

Четыре переводчика конференции работали друг за другом: П14 – перевод с английского языка на русский вступительного слова модератора, П15, П16 – перевод доклада с английского языка на русский (видеозапись), П17 – перевод доклада с русского языка на английский (присутствующий лично докладчик из числа студентов). Модератор конференции – автор настоящей статьи, язык модератора – английский. Отдельного переводчика для модератора не предусмотрено, все подводки и комментарии модератора переводил работавший в этот момент переводчик. По независящим от организаторов причинам (отсутствие одного из переводчиков) заранее согласованный переводчиками порядок работы на конференции изменился, что могло сказаться на качестве перевода, но в определенной степени приблизило ситуацию к реальным условиям.

Коротко охарактеризуем доклады. Предложенная в качестве доклада видеозапись: средняя скорость речи, носитель британского варианта английского языка, рассказ сопровождался визуальным рядом в реальном времени – докладчик записывал необходимое на доске. Доклад на русском языке: свободная подача, логичный нарратив, комфорт-

ный темп, без визуального ряда. По сравнению с переводом видеозаписи с английского языка, где переводчикам предложено несколько сегментов продолжительностью 1,5–2 мин каждый, перевод с русского языка получился скорее абзачно-фразовым.

Аудитория очной учебной конференции значительно шире и многочисленнее⁴, нежели аудитория онлайн-конференций, слушатели (зрители) – студенты разных вузов, преподаватели, переводчики. Регламент мероприятия не оставил времени на вопросы из зрительного зала, однако модератор взаимодействует со зрителями и переводчиком на протяжении всей конференции. Сразу после учебной конференции проведен анализ работы переводчиков, экспертами выступили присутствовавшие на конференции преподаватели перевода и модератор конференции.

Очная конференция: организационные и технические вопросы

По сравнению с описанными далее онлайн-конференциями очная учебная конференция предполагала меньшую свободу студентов в организации конференции, что связано с форматом ее проведения как компонента программы более масштабного мероприятия, где участники заранее не знакомы друг с другом. В данном случае учебная конференция в основном подготовлена автором настоящей статьи, за исключением доклада на русском языке, где докладчику были даны только основные рекомендации и возможные темы. Данных о подготовке докладчиков и переводчиков к очной конференции мы не собирали, однако отметим, что по сравнению с традиционными учебными конференциями у участников трехдневной школы было неизбежно меньше времени на подготовку.

Большой опыт автора в качестве модератора учебной конференции также в определенной степени повлиял на ее ход: мы намеренно создавали некоторые технические и организационные трудности для переводчиков – просили что-то перевести или не переводить, перевести с листа (с экрана), etc.

Как мы отметили выше, особенность конференции К5 – не просто работа переводчика на аудиторию в очном режиме, а работа на довольно большую и подготовленную аудиторию.

Очная конференция: презентация перевода

Отметим стремление переводчиков выполнить задачу профессионально и соответствовать ожиданиям реципиентов. Основной трудностью, на наш

⁴ В Зимней школе перевода СПР в 2018 г. приняли участие 106 студентов из 29 вузов [15].

взгляд, стала работа с микрофоном – необходимость говорить четко в микрофон, необходимость выключить его и положить на стол, чтобы вести записи в блокноте. Интересно, что во время работы одного из переводчиков из аудитории поступило предложение использовать стойку для микрофона, однако это предложение переводчик отклонил. В ряде случаев переводчики забывали о микрофоне и, начав говорить, произносили несколько первых фраз без него, что в конференц-зале затрудняло восприятие речи аудиторией; закончив говорить, переводчики забывали выключить микрофон.

Отмечаются заполненные паузы, нечеткая артикуляция, самоисправление, незаконченные предложения; неверный выбор позы, положения рук, ненужные телодвижения, жестикуляция блокнотом во время перевода, отрицательное покачивание головой, смех; перевод от третьего лица. В отдельных случаях переводчики путают языки, забывают перевести значимые сегменты текста; затруднения вызывают технические комментарии, которые обращены к переводчику и требуют разных переводческих решений – например, резюмировать или перевести сказанное только модератору.

Учебная конференция подчеркнула также важность следующих переводческих умений и навыков: работать с голосом и интонацией, не выдавая собственных сомнений; поддерживать зрительный контакт с аудиторией в зале; внимательно работать с вопросами и ответами; работать с визуальным рядом – например, вовремя сориентироваться и использовать в переводе имя собственное, указанное в программе конференции на экране; по просьбе модератора перевести с экрана список пунктов, не озвученных оратором.

Очная конференция: содержание и форма текста перевода

Обратимся к содержанию и форме текстов перевода. К плюсам отнесем стремление переводчиков следить за логикой изложения, выбор отдельных лексических соответствий. Вместе с тем выбор соответствий в целом вызвал затруднения при переводе в обоих направлениях – ложные друзья переводчика, неоправданные заимствования, кальки.

К нарушениям отнесем также фактические ошибки и опущения, в том числе при передаче прецизионной информации; неточности; избыточную конкретизацию и генерализацию; речевые ошибки, оговорки, несоблюдение регистра, лексического единообразия; ошибки согласования при переводе на русский язык, незначительные грамматические ошибки при переводе на английский язык.

Учебная онлайн-конференция

Анкеты о проведенных онлайн-конференциях заполнили 23 респондента. Данные анкеты анонимны: для корректной обработки данных в учебных и исследовательских целях студенты указывали только свою академическую группу.

Отвечая на вопросы анкеты, студенты могли выбрать несколько вариантов ответа, в том числе указать сразу несколько своих «ролей» (например, только слушатель или докладчик и слушатель).

Опыта участия в подобных мероприятиях в качестве переводчика до проведенной нами учебной конференции не имел никто из заполнивших анкеты.

Мы попросили докладчиков охарактеризовать свое выступление на конференции и подготовку к нему. В большинстве случаев (85,7 %) студенты указали, что подготовили доклад на английском либо русском языке на основе доступных источников и в значительной мере переписали / дополнили текст по своему усмотрению. Далее 71,4 % докладчиков указали, что подготовили и разослали переводчикам / всей группе глоссарий к докладу и список источников (ссылок) для подготовки к переводу, а также заранее продумали свою роль (конкретный человек / типаж, акцент, манера поведения).

Что касается уровня сложности докладов, то 57,1 % докладчиков ответили, что сознательно стремились максимально разнообразить / усложнить свое выступление (экспромты, шутки, фразеологизмы, лирические отступления; сложная терминология, витиеватое изложение, чтение с листа). Соответственно 42,9 % докладчиков сознательно стремились максимально упростить свое выступление (подобрали / составили несложный текст, старались говорить медленнее, с готовностью перефразировали текст / давали пояснения, если переводчик испытывал трудности с переводом / переспрашивал).

Далее мы просили докладчиков оценить свое выступление (доклад, ответы на вопросы, если они были) по пятибалльной шкале по ряду параметров.

1. Плотность информации – оценки расположились в диапазоне от 3 до 5, большинство докладчиков (57,1 %) оценили плотность информации в своих докладах на 4 балла.

2. насыщенность доклада специальной терминологией – 28,6 % докладчиков оценили терминологическую насыщенность на 2 балла, 57,1 % – на 3 балла, один докладчик считал, что использовал в докладе очень много специальных терминов (5 баллов).

3. Скорость речи – оценки расположились в диапазоне от 2 до 5, большинство докладчиков

(57,1 %) оценили скорость своей речи на 3 балла, один докладчик счел, что говорил очень быстро (5 баллов).

4. Визуализация (слайды, отдельные изображения, наглядные пояснения) – большинство докладчиков (42,9 %) не использовали средства визуализации, 28,6 % докладчиков указали, что максимально их использовали.

5. Манера поведения: мы просили докладчиков оценить по пятибалльной шкале собственную манеру поведения (1 – вы вели себя нейтрально, стандартно; 5 – вы сознательно вели себя нестандартно, неожиданно, эксцентрично). Большинство оценок расположилось в диапазоне от 1 до 3; нейтрально, стандартно держались 28,6 % докладчиков, только один докладчик отметил, что стремился вести себя нестандартно, неожиданно.

Мы рекомендовали докладчикам не читать с листа, а также предложили и докладчикам, и слушателям придумать или выбрать своего «персонажа», продумать, что и как может быть сказано (стиль, регистр, акцент). Докладчики на свое усмотрение включали в доклады мнения экспертов, описания экспериментов. В целом докладчики справились с задачей, подача была достаточно свободной и естественной; и докладчики, и слушатели стремились выдержать роль, следить за логикой изложения, темпом речи и объемом предлагаемых на перевод сегментов; в ряде случаев намеренно говорили по-английски с акцентом.

В тех случаях, когда доклады сопровождалась презентациями (К3, К4), докладчики выносили на слайды заголовки, ключевые слова, списки, иллюстрации, в том числе анимированные, в той или иной мере связанные со звучащим текстом. В целом слайды могли помочь в восприятии текста и переводчикам, и слушателям. Отметим, что на онлайн-конференциях К1, К2 все докладчики отказались от слайдов – как выяснилось в ходе последующего обсуждения, скорее сознательно, в ряде случаев отмечая, что на слайды нечего вынести, кроме иллюстраций, и в презентации нет особой необходимости. Интересно, что мнения переводчиков в этих же группах разделились: переводчики отмечали, что, с одной стороны, отдельные ключевые положения на слайдах облегчили бы задачу, с другой стороны, признались, что пока не успевают следить за визуальным рядом при переводе.

В ряде случаев докладчики все-таки выбирали довольно высокий темп речи, в начале доклада предлагали для перевода довольно длинные фрагменты, забывая про переводчиков; лица докладчика могло быть не видно полностью из-за

положения камеры, возникали технические трудности со слайдами, звуком – однако все эти сложности делают ситуацию более реальной и потому предполагается, что трудности должны преодолеваться переводчиками.

Каждую онлайн-конференцию вел **модератор** из числа студентов, говоривший по своему усмотрению на русском (М1, М3, М4) или английском языке (М2). Отметим свободную подачу, индивидуальный стиль, стремление модераторов воссоздать условия, максимально приближенные к реальности.

Модераторов мы также попросили охарактеризовать свое выступление на конференции и подготовку к нему. Ответы распределились следующим образом: 33,3 % респондентов, выступивших в роли модераторов, составили подробный сценарий учебной конференции и старались его придерживаться; большинство респондентов (66,7 %) заранее составили свой текст и в целом старались от него не отступать.

Следующие вопросы в разделе для модераторов сформулированы так же, как и для докладчиков. В трети случаев (33,3 %) модераторы заранее продумали свою роль (конкретный человек / типаж, акцент, манера поведения). Что касается уровня сложности исходных текстов, произносимых модераторами, 33,3 % респондентов указали, что сознательно стремились максимально разнообразить / усложнить свое выступление, и столько же – что сознательно стремились максимально его упростить.

Свое выступление (вступление, подводки к докладам, представление докладчиков, заполнение пауз, ответы на вопросы, если они были, заключительное слово) модераторы оценивали по пятибалльной шкале по приведенным выше параметрам.

1. Плотность информации в своих текстах модераторы оценили в целом выше среднего: 3 балла (66,7 %), 4 балла (33,3 %).

2. Насыщенность текста специальной терминологией: 33,3 % модераторов указали, что в текстах практически нет специальных терминов, 66,7 % респондентов оценили этот параметр чуть выше среднего (3 балла).

3. Скорость говорения в ходе своих выступлений модераторы оценили в целом как достаточно высокую: оценки равномерно распределились в диапазоне от 3 до 5 баллов.

4. Визуализация – модераторы указали, что либо совсем не использовали средства визуализации (1 балл), либо использовали достаточно активно (4 балла).

5. Манера поведения – большинство модераторов указали, что держались достаточно нейтрально, стандартно; один модератор отметил, что стремился вести себя нестандартно, неожиданно.

Отметим, что в большинстве случаев (66,7 %) модераторы собрали и разослали переводчикам / всей группе материалы для подготовки к переводу.

Мы попросили **переводчиков** и **слушателей** (зрителей) оценить перевод по пятибалльной шкале.

Переводчики оценили свой перевод на учебной конференции выше среднего, в целом оценки расположились в диапазоне от 3 до 5: 36,4 % – 3 балла, 54,5 % – 4 балла, 9,1 % – 5 баллов.

Слушатели (зрители) оценили работу переводчиков на учебной конференции достаточно высоко: 46,2 % – 4 балла, 53,8 % – 5 баллов. Как показывает наш опыт, оценка сторонних слушателей традиционно выше самооценки переводчиков.

Онлайн-конференции: организационные и технические вопросы

Отметим инициативность студентов, а также стремление переводчиков преодолевать технические трудности (например, переводчик П6 успешно справляется со сложностями, связанными с качеством звука и высоким темпом речи докладчика), обеспечивать взаимодействие докладчиков, модераторов и слушателей.

Вместе с тем оказываются не переведенными отдельные комментарии, требующие реакции участников конференции, – например, комментарии модератора о необходимости повторно подключиться к онлайн-конференции, приглашение задавать докладчику вопросы, благодарность докладчикам за ответы; технические вопросы докладчика, касающиеся демонстрации презентации – традиционное для онлайн-конференций “can you see the slides?”.

При подготовке онлайн-конференции К1 студенты не согласовали заранее, кто переводит звучащие в эфире вопросы и ответы: так, в одном из случаев переводчик собирается переводить на русский язык ответ «своего» докладчика, и в этот момент вступает переводчик модератора. Как выяснилось из последующего обсуждения, участники конференции К1 не прогнозировали ситуаций такого рода.

Подобный опыт является одним из наиболее ценных компонентов учебной конференции: безусловно, часть трудностей можно снять перед проведением конференции, когда преподаватель дает рекомендации по организации мероприятия, презентации докладов, материалам для подготовки переводчиков, однако намеренно оставленные

«белые пятна», не влияющие принципиально на эффективность конференции, позволяют студентам прожить ситуацию, что делает приобретенный опыт более «рельефным». Поэтому перед проведением первой и последующих учебных конференций преподавателю полезно оценить, о чем сказать студентам заранее, а что оставить на их усмотрение.

Подробнее охарактеризуем подготовку переводчиков к работе на учебных онлайн-конференциях. В анкете мы спросили переводчиков, какие материалы для подготовки к конференции они получили заранее. Ответы распределились следующим образом:

- темы докладов, информация о докладчиках – 91,7 %;
- глоссарий – 75 %;
- программа конференции – 66,7 %;
- список источников (ссылок) для подготовки к переводу – 41,7 %;
- текст доклада – 8,3 %;
- презентация к докладу – 8,3 %;
- другое – 16,6 % (здесь переводчики указали, что получили основные тезисы доклада).

Отметим, что отправлять переводчикам тексты докладов и презентации не рекомендуется, но мы полностью осознаем, что это может произойти – и, как следует из результатов опроса, в единичных случаях происходит. Безусловно, предварительной работе переводчика с текстом необходимо уделять время в процессе обучения, и в этом смысле онлайн-конференции мало чем отличаются от очных – с той лишь разницей, что в онлайн-формате заранее проработанные материалы могут быть постоянно под рукой у переводчика, в отличие, например, от ситуации последовательного перевода со сцены. С другой стороны, на первых учебных конференциях цель и задачи несколько иные, поэтому в ходе любой учебной конференции так важна импровизация, в том числе спонтанные вопросы и ответы.

Мы попросили переводчиков оценить свою подготовку к переводу по пятибалльной шкале и описать процесс собственной подготовки к переводу. Оценки расположились в диапазоне от 3 до 5, большинство переводчиков оценили свою подготовку к переводу на учебной конференции достаточно высоко, но не максимально (63,6 % – 4 балла, 27,3 % – 5 баллов), что соотносится с комментариями переводчиков и в ходе последующего обсуждения, и в анкетах. Основная схема подготовки включала тему доклада и ключевые слова, присланный докладчиком или самостоятельно составленный переводчиком глоссарий, самостоятельно

собранный переводчиком информацию по теме выступления, в том числе информацию о персоналиях. В одном из комментариев переводчик отдельно отмечает, что «подготовил(а) аппаратуру перед конференцией, сделал(а) все, чтобы было комфортно выполнять свою работу».

Онлайн-конференции: презентация перевода

В работе отдельных переводчиков можно отметить в целом ровную, достаточно свободную подачу; в ряде случаев – достаточно высокий уровень перевода на иностранный язык. Высокой оценки заслуживает работа одного из переводчиков со слайдами: переводчик П10 ориентируется в ситуации, соотносит слова докладчика и ключевые слова и определения на слайде.

К трудностям и недостаткам на этом этапе отнесем следующее: низкий или неравномерный темп речи переводчика; паузы, в том числе заполненные, вздохи, посторонние звуки, междометия; смех, неуместную мимику (напряженное выражение лица, движения бровями, читающиеся на лице сомнения, недовольство выбранным вариантом), жестикуляцию, движения тела (отрицательное покачивание головой, раскачивание корпуса). Переводчики поздно вступают после паузы в речи докладчика, в начале перевода могут оказаться не переведены первые несколько предложений; далеко не всегда поддерживают необходимый зрительный контакт, что в онлайн-режиме дополнительно осложняется необходимостью смотреть прямо в камеру, чтобы создать ощущение направленного на аудиторию взгляда.

К специфическим трудностям онлайн-конференции отнесем также положение камеры в целом – в ряде случаев участники конференции видят только верхнюю часть лица переводчика или докладчика. Проблема избыточной жестикуляции в кадре также частично может быть решена изменением положения камеры. Если по регламенту онлайн-конференции вопросы задаются письменно в чате (К3, К4), перевод с листа, обычно востребованный при работе со слайдами, в онлайн-режиме дополнительно потребует от переводчика умения охватить взглядом текст вопроса и оперативно его передать без потерь полноты и точности перевода.

Переводчики прибегают к самоисправлениям и ненужным повторам, перебирают варианты вслух, оставляют предложения незаконченными, что может существенно затруднить понимание текста перевода реципиентом; стремятся сделать перевод избыточно подробным, не используют возможности компрессии.

В отдельных случаях переводчики путают языки при переводе, не используют возможность пере-

спросить докладчика, если это необходимо, или переспрашивают, не указывая, что именно докладчику нужно повторить.

В комментариях и переводчики, и слушатели обращают внимание на перевод вопросов и ответов. К существенным нарушениям можно отнести перевод от третьего лица. Если вопрос и ответ звучат на одном и том же языке, перевод все равно необходим, так как аудитория онлайн-конференции смешанная, при этом можно резюмировать и вопрос, и ответ в переводе. В отдельных случаях вопросы и ответы переведены неточно или неполно.

Как и следует ожидать на начальном этапе обучения, переводчики быстро устают, теряют концентрацию (с чем связаны и другие сложности, в частности, паузы и повторы); смущаются, волнуются, что также отмечают в своих комментариях слушатели. Подчеркнем, однако, что, по собственному признанию переводчиков, онлайн-формат снижает общий уровень волнения.

Вновь отметим умение переводчика работать с существующим визуальным рядом (ориентирование в развитии сюжета доклада, сопровождаемого слайдами, перевод текста на слайдах) и воссоздавать в тексте перевода иное визуализируемое содержание, например при описании экспериментов, схем, концептуальных построений.

В ряде случаев интонация не вполне естественна для языка перевода, переводчику не всегда удается расставить логические акценты, поставить интонационную точку – как следствие, докладчик не всегда понимает, когда может продолжить говорить. В ряде случаев подача переводчика вступает в противоречие с подачей докладчика – как отмечает один из слушателей, тогда «спокойствие легко спутать с безразличием, которое портит впечатление о докладчике».

Онлайн-конференции: содержание и форма текста перевода

Обратимся к содержанию и форме текстов перевода в рамках учебных онлайн-конференций.

К плюсам отнесем, в частности, выбор лексических соответствий в сложных для начинающих переводчиков случаях (передача оттенков значения, фразеологизмов) и решения, обусловленные предварительной подготовкой к переводу (передача цитат, игры слов, ключевых терминов). В отдельных случаях отметим чистоту и точность русского языка при переводе с английского; внимание к прагматике заключительных фраз докладчиков; передачу юмора.

При переводе с русского языка на английский трудностей на данном этапе обучения возникло закономерно больше. Отметим ошибочное упо-

требление однокоренных слов с разными префиксами (*unconsciously vs. subconsciously*), фразовых глаголов (*put out vs. put off* при передаче русского *откладывать, оттягивать*); фонетические ошибки, в том числе неверное или нечеткое произношение имен собственных; отдельные грамматические ошибки, нарушение порядка слов, синтаксические кальки, в ряде случаев вызывающие неясности. Переводчикам пока не хватает лексического запаса в английском языке в целом; возникают сложности с процедурной терминологией конференции на обоих языках.

Отдельно отметим выбор форм обращения при взаимодействии участников конференции (местоимения в русском языке, использование полной или краткой формы имени): неосознанное снижение уровня официальности в целом характерно для учебных конференций из-за нечеткого на начальном этапе разделения ролей (однорупник vs. модератор, докладчик, переводчик).

При переводе в обоих направлениях отмечают фактические ошибки, в том числе при передаче прецизионной информации; опущения, неточности, неясности; излишняя генерализация; неоправданная конкретизация, избыточность в целом; речевые ошибки, нарушения регистра, неоправданные заимствования, кальки; ложные друзья переводчика, паронимы. Обращает на себя внимание неверное употребление связок (союзов), в том числе создающее неточности при переводе (*but vs. and; a vs. no*; неоправданное использование разделительного союза *или*). В комментариях переводчики также отмечают, что затрудняются уловить суть исходного текста, если докладчик описывает проблему в общих чертах.

Вместе с тем общая оценка онлайн-конференций высокая, студенты рассматривают учебную конференцию как интересный и полезный опыт и формат, к которому хотели бы обращаться чаще.

Заключение

В анкете, призванной оценить участие в Зимней школе перевода, студенты отмечают динамичность очной учебной конференции и возможность применения практических навыков, подчеркивая, что конференция придает уверенности и снижает уровень волнения. Комментарии участников онлайн-конференций подтверждают важность еще ряда характеристик учебной конференции:

- моделирования реальной ситуации;
- ответственности;

– возможности примерить на себя разные роли, при этом студенты отмечают, что учебная конференция «полезна для каждого участника вне зависимости от выполняемой им функции»;

– профессиональной диагностики и (само)рефлексии: выявления своих слабых сторон, на которые стоит обратить внимание, отслеживания собственного прогресса;

– развития конкретных профессиональных и надпрофессиональных навыков: «учиться держать себя на публике, вырабатывать полезные навыки общения, реакции, мышления, перевода», «контролировать себя в правильный момент»; «определить, как правильно готовиться к подобным мероприятиям в будущем»; «организация и планирование выступления», «работа в команде»; «проявить креативность и посмотреть на профессию переводчика с разных точек зрения».

Учебная конференция позволяет провести комплексную диагностику трудностей перевода и впоследствии обратить на них внимание: например, напомнить студентам о тема-рематическом членении предложения, возможности дробить сложные предложения на простые, вместе проследить, как синтаксические преобразования в устном переводе влияют на логику изложения и в определенной степени снимают нагрузку на память. Выше мы отмечали трудности, связанные с процедурной терминологией, – именно учебная конференция, как правило, позволяет студентам осознать необходимость освоения этого пласта лексики и серьезно подойти к изучению соответствующих ресурсов. Трудности, указанные в анкетах, позволяют решать и другие учебные задачи – например, дополнительно обратить внимание на технику переводческой скорописи.

Как показано выше, трудности, с которыми сталкиваются начинающие переводчики очно и онлайн, сопоставимы, но с очевидной разницей в части технического обеспечения перевода и взаимодействия с аудиторией.

Безусловно, удаленный устный перевод и соответствующие методики обучения составляют предмет самостоятельных перспективных исследований, поэтому на данном этапе позволим себе два предварительных вывода. Во-первых, полагаем, что учебные онлайн-конференции не менее эффективны, чем очные конференции, и в идеале должны дополнять их – на начальном этапе обучения и в дальнейшем, перемежаясь с очными учебными конференциями. Во-вторых, онлайн-курс последовательного перевода заслуживает, на наш взгляд, отдельного места в программе подготовки переводчиков – например, семестровые онлайн-модули в рамках практического курса последовательного перевода, перемежаемые очными модулями, или удаленный последовательный перевод как самостоятельная дисциплина.

Список источников

1. D'Hayer D. Training conference interpreters: an experiential approach to teaching and learning // *Investigations in university teaching and learning*. 2006. Vol. 3, No 2. P. 67–72.
2. Li X. Mock conference as a situated learning activity in interpreter training: a case study of its design and effect as perceived by trainee interpreters // *The Interpreter and Translator Trainer*. 2015. Vol. 9, No 3. P. 323–341, DOI: 10.1080/1750399X.2015.1100399
3. Liu J. Interpreter training in context: European and Chinese models reconsidered. Singapore : Springer, 2020. 168 p. DOI: 10.1007/978-981-15-8594-4
4. Pan J. Linking classroom exercises to real-life practice: a case of situated simultaneous interpreting learning // *The Interpreter and Translator Trainer*. 2016. Vol. 10, No 1. P. 107–132. DOI: 10.1080/1750399X.2016.1154346
5. Pérez P. S. P. Mock conferences in simultaneous interpreting training: when students take the role of interpreters and speakers // *Transletters. International Journal of Translation and Interpreting*. 2021. Vol. 5. P. 163–182.
6. Мощанская Е.Ю. Дискурсивная компетенция устного переводчика // *Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы* : сборник научных трудов. Москва : Российский университет дружбы народов, 2018. С. 185–195.
7. Панова А.Н. *Методика применения игрового моделирования с целью совершенствования профессиональной компетенции устного переводчика* : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2014. 26 с.
8. Алексеева И.С. Сценарный подход в подготовке устных переводчиков : учебные конференции // *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2020. Т. 9, № 33. С. 12–26. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.33.01
9. Yakovlev S. Mock conferences: helping interpretation students to gain practical experience during their training course // *Training the next generation of professionals: The St. Petersburg School of Conference Interpreting and Translation*. Vol. 2. St. Petersburg : Herzen University Press, 2012. P. 73–78.
10. Conde J.M., Chouc F. Multilingual mock conferences: a valuable tool in the training of conference interpreters // *The Interpreters' Newsletter*. 2019. Vol. 24. P. 1–17. DOI: 10.13137/2421-714X/29521
11. Defrancq B., Delputte S., Baudewijn T. Interprofessional training for student conference interpreters and students of political science through joint mock conferences: an assessment // *The Interpreter and Translator Trainer*. 2021. Vol. 16, No 1. P. 39–57. DOI: 10.1080/1750399X.2021.1919975
12. Luccarelli L. Conference preparation: considerations and a course proposal // *Conference Interpretation and Translation*. 2006. Vol. 8, No 1. P. 1–24.
13. Chang C., Wu M. M. From conference venue to classroom: the use of guided conference observation to enhance interpreter training // *The Interpreter and Translator Trainer*. 2017. Vol. 11, No 4. P. 294–315 DOI: 10.1080/1750399X.2017.1359759
14. Волкова Т.А. Методика обучения устному последовательному переводу: сценарии и импровизации // *Мосты. Журнал переводчиков*. 2020. № 3 (67). С. 52–63.
15. Александрова Е.В., Волкова Т.А., Малёнова Е.Д., Малявина А.Н., Сдобников В.В. Зимняя школа перевода Союза переводчиков России: как это было // *Мосты. Журнал переводчиков*. 2018. № 2 (58). С. 65–75.

References

1. D'Hayer D. Training conference interpreters: an experiential approach to teaching and learning // *Investigations in university teaching and learning*. 2006. Vol. 3, No 2. P. 67–72.
2. Li X. Mock conference as a situated learning activity in interpreter training: a case study of its design and effect as perceived by trainee interpreters // *The Interpreter and Translator Trainer*. 2015. Vol. 9, No 3. P. 323–341, DOI: 10.1080/1750399X.2015.1100399
3. Liu J. Interpreter training in context: European and Chinese models reconsidered. Singapore : Springer, 2020. 168 p. DOI: 10.1007/978-981-15-8594-4
4. Pan J. Linking classroom exercises to real-life practice: a case of situated simultaneous interpreting learning // *The Interpreter and Translator Trainer*. 2016. Vol. 10, No 1. P. 107–132. DOI: 10.1080/1750399X.2016.1154346
5. Pérez P. S. P. Mock conferences in simultaneous interpreting training: when students take the role of interpreters and speakers // *Transletters. International Journal of Translation and Interpreting*. 2021. Vol. 5. P. 163–182.
6. Moshanskaya E.Yu. Diskursivnaya kompetenciya ustnogo perevodchika [Discursive competence of interpreters] // *Professional'no orientirovannyj perevod: real'nost' i perspektivy* : sbornik nauchny'x trudov [Professionally oriented translation: reality and perspectives]. Moscow : Rossijskij universitet druzhby narodov, 2018. P. 185–195. (In Russ.).
7. Panova A.N. *Metodika primeneniya igrovogo modelirovaniya s cel'yu sovershenstvovaniya professional'noj kompetencii ustnogo perevodchika* [Principles of game simulation for developing interpreters' professional competence]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Nizhnij Novgorod, 2014. 26 p. (In Russ.).
8. Alekseeva I.S. Scenarnyj podhod v podgotovke ustny'x perevodchikov: uchebny'e konferencii [Scenario approach in training future interpreters: mock-conferences] // *Voprosy metodiki преподаvaniya v vuze* [Teaching Methodology in Higher Education]. 2020. Vol. 9, No 33. P. 12–26. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.33.01 (In Russ.).
9. Yakovlev S. Mock conferences: helping interpretation students to gain practical experience during their training course // *Training the next generation of professionals: The St. Petersburg School of Conference Interpreting and Translation*. Vol. 2. St. Petersburg : Herzen University Press, 2012. P. 73–78.
10. Conde J.M., Chouc F. Multilingual mock conferences: a valuable tool in the training of conference interpreters // *The Interpreters' Newsletter*. 2019. Vol. 24. P. 1–17. DOI: 10.13137/2421-714X/29521

11. Defrancq B., Delputte S., Baudewijn T. Interprofessional training for student conference interpreters and students of political science through joint mock conferences: an assessment // *The Interpreter and Translator Trainer*. 2021. Vol. 16, No 1. P. 39–57. DOI: 10.1080/1750399X.2021.1919975
12. Luccarelli L. Conference preparation: considerations and a course proposal // *Conference Interpretation and Translation*. 2006. Vol. 8, No 1. P. 1–24.
13. Chang C., Wu M.M. From conference venue to classroom: the use of guided conference observation to enhance interpreter training // *The Interpreter and Translator Trainer*. 2017. Vol. 11, No 4. P. 294–315 DOI: 10.1080/1750399X.2017.1359759
14. Volkova T.A. Metodika obucheniya ustnomu posledovatel'nomu perevodu: scenarii i improvizacii [Scripted and improvisational practices in teaching consecutive interpreting] // *Mosty`. Zhurnal perevodchikov [Bridges. Translators and Interpreters' Journal]*. 2020. No 3 (67). P. 52–63. (In Russ.).
15. Aleksandrova E.V., Volkova T.A., Malyonova E.D., Malyavina A. N., Sdobnikov V.V. I Zimnyaya shkola perevoda Soyuz perevodchikov Rossii: kak e`to by`lo [First UTR Winter School of Translation and Interpreting] // *Mosty`. Zhurnal perevodchikov [Bridges. Translators and Interpreters' Journal]*. 2018. No 2 (58). P. 65–75. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.А. Волкова – доктор филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода.

Information about the author

T.A. Volkova – Doctor of Philology (Habil.), Associate Professor, Department of the English Language and Translation Theory and Practice.

Статья поступила в редакцию 23.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 23.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

PROBLEMS OF THE FAR EAST

Научная статья

УДК 327

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-269-276

ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА РАЗВИТИЕ ПРЕВЕНТИВНОЙ МЕДИЦИНЫ В КИТАЕ

Евгения Александровна Мусалитина¹, Анна Валинуровна Ахметова², Сергей Васильевич Бобышев³

^{1,2} Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия

¹ tarasova2784@mail.ru

² unid@knastu.ru

³ Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, history@festu.khv.ru

Аннотация. Особое влияние на развитие китайской превентивной медицины оказала система здравоохранения СССР. В XX в. передача советского опыта КНР способствовала тому, что современное профилактическое здравоохранение в Китае стало симбиозом традиционной медицины и достижений передовой западной науки. В статье рассматриваются основные направления превентивной медицины, по которым осуществлялась научно-техническая помощь со стороны СССР. В настоящее время расширение сферы взаимодействия России и КНР в области эпидемиологии, борьбы с мировыми биополитическими угрозами, разработок программ космической медицины, генно-молекулярной и атомной медицинской инженерии обуславливает необходимость изучения исторического опыта сотрудничества двух государств по исследуемой проблеме.

Ключевые слова: КНР, СССР, превентивная медицина, эпидемиология, профилактика заболеваний, советско-китайское сотрудничество

Финансирование: исследование выполнено при поддержке министерства образования и науки Хабаровского края (№ 76 С/2022).

Original article

THE INFLUENCE OF SOVIET-CHINESE COOPERATION ON THE DEVELOPMENT OF PREVENTIVE MEDICINE IN CHINA

Evgeniya A. Musalitina¹, Anna V. Akhmetova², Sergey V. Bobyshev³

^{1,2} Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia

¹ tarasova2784@mail.ru

² unid@knastu.ru

³ Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, history@festu.khv.ru

Abstract. The Soviet healthcare system had a special influence on the development of Chinese preventive medicine. In the XX century transfer of Soviet experience to the PRC contributed to the fact that modern preventive health care in China has become a symbiosis of traditional medicine and achievements of advanced Western science. The article discusses the main of preventive medicine where scientific and technical assistance from the USSR was carried out. At present, expanding the sphere of interaction between Russia and China in the field of epidemiology, the fight against global biopolitical threats, the development of space medicine programs, genetic-molecular and nuclear medical engineering involves studying historical experience of cooperation between two states on the problem under study.

Keywords: China, USSR, preventive medicine, epidemiology, disease prevention, Soviet-Chinese cooperation

Funding: The research was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Khabarovsk Territory (No. 76 C/2022).

Система китайской превентивной медицины заслуживает особого внимания исследователей широкого профиля. Несмотря на то, что превентивная медицина в Китае имеет долгую историю и берет свое теоретическое начало в трудах древних философов Конфуция, Мо Цзы, Мэн Цзы и др., долгое

время она была лишена научно-доказательной базы и руководствовалась принципами традиционной медицины. Развитие сотрудничества Китая с европейскими государствами в середине XX в. требовало нового подхода к организации системы профилактической медицины. Особое влияние на

особенности дальнейшего развития китайской превентивной медицины оказала система здравоохранения СССР в 1950-х гг., когда в китайском здравоохранении наступил переломный момент [6: с. 48]. В этот период передача опыта Советским Союзом КНР способствовала тому, что современное превентивное здравоохранение в Китае стало симбиозом традиционного врачевания и достижений передовой западной науки. Российско-китайское сотрудничество в области здравоохранения, представляющее один из основных элементов дружественных отношений между Россией и Китаем, способствовало решению проблемы нехватки ресурсов здравоохранения в КНР и послужило вектором дальнейшего взаимодействия двух стран в области здравоохранения.

Анализ современного состояния проблемы показывает, что сегодня Китай успешно справляется с серьезными угрозами здоровью населения, такими как рост заболеваемости туберкулезом, СПИДом, а также с пандемией COVID-19, и транслирует свой опыт мировому медицинскому сообществу, в том числе России. Расширение сферы взаимодействия в области гигиены и профилактики, сплочение в борьбе против мировых биополитических угроз, разработка совместных инновационных программ космической медицины, гено-молекулярной и атомной терапевтической и хирургической инженерии обуславливает необходимость изучения исторического опыта сотрудничества России и Китая по исследуемой проблеме.

Вопросам профилактической медицины Китая посвящено значительное количество научных трудов как отечественных, так и зарубежных специалистов широкого социально-гуманитарного профиля. Среди них можно выделить следующие основные направления:

1. Влияние традиционной китайской медицины и западных инноваций на развитие современной системы охраны здоровья.

2. Формирование национального института превентивной медицины.

3. Проблема коммерциализации национальной системы здравоохранения.

Симбиоз национальной философии и религии оказал значительное влияние на формирование уникальной традиционной медицины, которая на протяжении многих веков была признана в стране официальной и единственно эффективной. Вплоть до середины XX в. китайские медики и пациенты в лечении разнообразных заболеваний, включая тяжело излечимые, признавали только методы и препараты, которые предлагала традиционная ме-

дицина. Однако с развитием международного взаимодействия и поэтапного открытия Китая для западных инноваций целесообразность и эффективность этих методов стали дискуссионным вопросом. Так, ряд отечественных и зарубежных исследователей (А.Е. Ремаренко [13], Н.К. Волкова [5], В.В. Пономарева [12], Ван Х. [4], Гу Ш., Пей Ц. [2]) утверждают идею о необходимости вывода методики традиционной медицины из сферы псевдонаучного и подкрепления ее научной базой, основанной на современных принципах фармакологии, физиологии и терапии; унификации стандарта производства лекарственных препаратов, а также интенсификации просветительской работы среди населения Китая по вопросам достижений и возможностей, которые предлагает современная медицина.

Столкнувшись с глобальной проблемой пандемии COVID-19 первым в мире, китайское правительство утвердило развитие превентивной медицины в качестве одного из приоритетных направлений национальной системы здравоохранения. Исследователи, рассматривающие этот аспект (Ли Д [22], Бояркина А.В. [3], Ван Х. [4] и др.), отмечают, что, несмотря на высокий уровень медицинских технологий, медицинского обслуживания и эффективность государственных мер по увеличению показателей средней продолжительности жизни, рост хронических заболеваний среди трудоспособного и пожилого населения остается актуальной проблемой. В северных провинциях остро стоит проблема нехватки населения по меркам Китая, поэтому одной из приоритетных задач как регионального, так и центрального правительства является сохранение здоровья трудоспособной категории граждан.

В начале 2000-х гг., с приходом частных инвестиций в сферу здравоохранения, появились труды, посвященные проблеме коммерциализации национальной системы здравоохранения. Исследователи Потехин А., Ду Ж. [7], Колз М. [21], Ли Д. [22] и др. отмечают недостаточную степень разработанности системы правового регулирования частных инвестиций в общенациональную систему здравоохранения. С одной стороны, участие бизнеса необходимо Китаю для модернизации медицины, внедрения технологических инноваций, которые требуют значительных финансовых вложений. Так, развитие фармакологии, сертификация и патентование новых лекарственных препаратов, разработка и производство высокотехнологичного оборудования требуют привлечения значительных частных капиталов. С другой стороны, повышение доли частного бизнеса может спровоцировать ограничение доступности качественного медицинского об-

служивания в стране, переход лучших специалистов из муниципальных больниц в частные клиники. Поэтому появляется риск социального расслоения в медицине и формирования общественного представления о низком качестве бесплатных государственных медицинских услуг, предоставляемых в рамках социального страхования населения [16].

Несмотря на широкий круг исследовательских работ, освещающих современное состояние проблемы, история развития российско-китайского взаимодействия в сфере профилактической медицины остается недостаточно изученной. В незначительной степени освещены вопросы формирования национальных программ общественного здоровья в КНР и роль СССР в этом процессе; направления развития системы профилактического медицинского знания в контексте государственной социальной политики в период после образования КНР; влияние профессионального обмена СССР и КНР на интеграцию конвенциональной и альтернативной медицины.

Обратимся к рассмотрению основных проблем системы превентивной медицины Китая в XX в. Этот период в истории китайской медицины связан с борьбой с многочисленными эпидемиями: периодическими вспышками холеры (1919–1932), чумой Чжанцзякоу (1949), азиатским гриппом (1957–1958), менингококковым менингитом (1966–1967), полиомиелитом (1955–2000), гонконгским гриппом (1968–1969), гепатитом (1970–1992) [19]. В связи с нехваткой научно-технической базы для контроля роста инфекционных заболеваний в стране обостряется вопрос о целесообразности и эффективности методов традиционной китайской медицины. Предложение об ее отмене впервые было выдвинуто в 1919 г. министром образования Китая Ван Д., поскольку он считал результаты ее применения для борьбы с детскими инфекционными заболеваниями неудовлетворительными, и как итог – высокий показатель смертности среди детей. В 1930-х гг. врачи с опытом зарубежных поездок, такие как Юй Ю., Лу С., Ху Ш., Лян Ц., Янь Ф., Дин Ф. и др., поддерживали идею об отмене традиционной медицины, утверждая, что она должна быть отнесена к разряду алхимии в силу отсутствия научного обоснования [9].

Проблема получила свое развитие в 1934 г., когда доктор Юй Ю. предложил отменить «старое медицинское дело» и определил практику традиционной медицины как пережиток прошлого. Он начал активную просветительскую работу по распространению среди врачей идеи о том, что меридианы «инь» и «ян», принцип пяти элементов, которые лежат в основе теории традиционной медицины, основаны на философско-религиозных

представлениях, не соответствующих современной действительности [20]. Наряду с этим началась активная образовательная работа среди населения по искоренению предрассудков, связанных с низким уровнем грамотности и преобладающими в обществе представлениями о божественной роли исцеления болезней.

Проблема усугублялась крупномасштабным распространением эпидемий, которые охватили Китай в первой половине XX в. В 1910 г. вспышка легочной чумы в Северо-Восточных районах страны стала результатом бесконтрольной охоты на диких сурков и в результате унесла жизни около 55 тыс. китайцев. В дальнейшем ежегодно фиксировались вспышки инфекционных заболеваний в разных регионах Китая. Возникла острая необходимость разработки эффективных мер по борьбе с эпидемиями. В результате в 1919 г. в Пекине было создано Центральное управление по профилактике эпидемий, в задачи которого входило информирование населения, организация городских кампаний по вакцинации и популяризации мер профилактики заболеваний, поддержка исследований возбудителей инфекционных заболеваний [11].

В 1930-е гг. основное внимание в системе китайской превентивной медицины уделялось контролю эпизоотической обстановки в стране. Эпизоотическая работа Северо-Западного отделения по профилактике эпидемий сыграла важную роль в разработке новой стратегии превентивной медицины и развитии общественного здравоохранения в Китае [10].

В 1937 г., когда разразилась антияпонская война, национальное правительство назначило Чунцин временной столицей, а Центральное управление по профилактике эпидемий перенесло свою штаб-квартиру в Куньмин. В это время большая часть работы была переведена на производство вакцин и сывороток для предотвращения вспышек инфекционных заболеваний среди солдат и беженцев. Производство вакцин против чумы, холеры, тифа и оспы требовало обширных исследований и привлечения высококвалифицированных специалистов. Наряду с этим среди широких масс распространялась идея о том, что без внедрения качественной диагностики, развития научной фармакологии, патологоанатомической практики невозможна организация эффективной профилактики и лечения заболеваний. Однако это заявление вызвало сопротивление сообщества китайской медицины по всей стране, которое было возглавлено сторонником традиционной медицины Чэнь Ц. [15: с. 101].

В 1950-х гг. в связи с активным расширением исследований механизма акупунктуры и прижигания

в Китае и ростом интереса к этой методике китайской медицины за рубежом был достигнут прогресс в изучении сущности Ци, пропагандируемой традиционной медициной, также начала активно развиваться концепция интеграции традиционной китайской и западной медицины. В то время как в СССР внедрялись новые фармакологические препараты, эффективные способы анестезии, точная диагностика заболеваний, китайские методы не отвечали существующим требованиям и стандартам [9].

Правительство стремилось избавиться от суеверий и идолов, чтобы сделать мышление врачей и пациентов более научным. В этот период усиливалась работа по популяризации профилактических мер, направленных на предупреждение заболеваний. Одной из таких мер стало создание в 1953 г. научного журнала «Китайский журнал здоровья», который в 1978 г. был переименован в «Китайский журнал профилактической медицины» [24]. Публикации издания освещали проблемы эпидемиологии, гигиены окружающей среды, системы здорового питания и гигиены пищевых продуктов, гигиены труда, профилактики детских заболеваний, радиационной гигиены, токсикологии здоровья, статистики здравоохранения, социальной медицины, эндемических заболеваний, этиологии опухолей (возбудителей), эпидемиологии, диагностики болезней и плановой иммунизации, профилактики заболеваний и укрепления здоровья, научных исследований в области санитарной химии, технологии контроля эффективной профилактики.

Несмотря на активную просветительскую работу, долгое время нерешенным оставался правовой аспект медицинской практики в Китае. До образования Китайской Народной Республики отсутствовала законодательная база, регламентирующая систему профилактики и лечения заболеваний, поэтому вопрос долгое время оставался дискуссионным. После образования в 1949 г. КНР при Министерстве внутренних дел был создан Департамент здравоохранения, но фактически в условиях нехватки профессиональных медицинских кадров за решение вопросов здравоохранения отвечало полицейское управление. Наряду с этим правительство не способствовало решению проблемы медицинского персонала, издавая законы, препятствующие развитию профессиональной подготовки медицинских сотрудников, и поддерживая статус традиционной медицины в качестве национальной. В таких провинциях, как Гуандун, Шанси, Цзянсу, действовало распоряжение о запрете медицинской практики, основанной на принципах западной медицины. Помимо этого, в условиях

отсутствия единой законодательной базы деятельность врачей регламентировалась локальными провинциальными актами [1]. Отсутствие государственной стандартизации и сертификации как препаратов, так и врачебной практики негативно отражалось на качестве превентивной и терапевтической медицины.

В 1949 г. с созданием Министерства здравоохранения в КНР были разработаны первые положения, регламентирующие правовые аспекты деятельности врачей. Согласно статье № 2 «Положения о деятельности медицинских кадров» врач, осуществляющий медицинскую деятельность без получения свидетельства и вступления в национальную медицинскую ассоциацию, должен был быть оштрафован компетентным органом здравоохранения. Контроль уровня квалификации медицинских работников был возложен на Экзаменационный отдел Института экспертизы, Департамент здравоохранения, Министерство внутренних дел, Департамент здравоохранения провинции [7].

В 1966 г. с началом «Культурной революции» превентивная медицина пришла в упадок, резко снизился уровень медико-санитарной помощи, ослабла сельская медицина, а развитие традиционной китайской медицины, напротив, получило поддержку Коммунистической партии Китая. В этот период система медицинского образования, которая начала складываться в стране, была разрушена. Врачи, получившие элементарные знания в области медицины, были направлены в отдаленные сельские районы, где помимо врачебной деятельности должны были заниматься сельскохозяйственными работами. Наблюдалась нехватка медицинского оборудования, средств личной гигиены и отсутствие профилактики инфекционных заболеваний, лечение проводилось травяными препаратами народной медицины [2: с. 176].

Большую роль в становлении системы превентивной медицины в этот период сыграло сотрудничество с СССР. В начале XX в. до Октябрьской революции в России практически не существовало медицинской системы – для подавляющего большинства россиян, живущих за пределами центральных городов, медицинское обслуживание было недоступно. Врачебную деятельность в сельской местности осуществляли люди без профессионального образования, обычно представители церкви, а программа «Земская медицина» еще не получила широкого внедрения. Однако в 1920-х гг. с образованием СССР (1922) правительством была поставлена цель создать социализированную медицинскую систему. Конституцией Советского Союза было

утверждено право граждан на медицинскую помощь, в результате чего СССР стал одним из первых в мире по обеспечению бесплатной медицинской помощью. Медицинские работники всех уровней получили статус государственных служащих [8: с. 74].

Советское правительство осознавало, что развитие сильной эффективной медицины требует колоссальных финансовых инвестиций, разработки высокотехнологичного оборудования и подготовки квалифицированных кадров, что не могло быть реализовано в короткие сроки. Наряду с этим дальнейшее развитие медицины в целом было осложнено войной (1941–1945) и периодом послевоенного голода. В силу этого в советской медицине на первое место ставилась профилактика, направленная на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и эпидемий, обеспечение всеобщей вакцинации и иммунизации. Введенные на обязательной основе ежегодные осмотры были направлены на раннее выявление заболеваний и возможность их быстрого излечения. Большое внимание правительство уделяло пропаганде профилактической медицины, поэтому в первые годы существования советской медицинской отрасли основной упор делался на распространение среди населения элементарных профилактических мер (включая личную гигиену), что позволяло способствовать общему оздоровлению населения без привлечения крупных финансовых вложений [14].

Политика СССР в области превентивной медицины привела к тому, что средняя продолжительность жизни в 1960-х гг. составляла 64 года у мужчин и 73 года у женщин по сравнению с 1920-ми гг., когда продолжительность жизни составляла 42 и 53 года соответственно. Также выросло количество врачей на душу населения и в конце 1970-х гг. достигло 37 на 10 тыс. человек. В то же время, например, в США на 10 тыс. населения приходилось всего 19–20 врачей. Модернизация системы превентивной медицины в СССР позволила добиться следующих результатов: значительно снизилась неонатальная смертность, сократился уровень инфекционных заболеваний (холера, брюшной тиф, туберкулез) [8: с. 153].

В отличие от Китая, где государственные структуры, занимающиеся проблемами здравоохранения, появились только после образования КНР в 1949 г., в СССР в 1920 г. был учрежден Государственный институт общественного здравоохранения, который имел девять подразделений. Этот орган занимался продвижением исследований отдельных областей медицины. При этом профилак-

тическая медицина, как и ранее, была одним из приоритетных направлений развития [18].

Накопленный научный опыт в сфере превентивной медицины российской сторона начала передавать Китаю в конце XIX – начале XX в. Во многом это было связано с развитием взаимодействия двух стран в приграничных районах Северо-Востока Китая, где была учреждена КВЖД [11]. С этого момента можно выделить три основных направления развития двустороннего научно-медицинского сотрудничества.

1. Профессиональная подготовка врачей, повышение их квалификации, совершенствование системы высшего медицинского образования.

Советские специалисты направлялись в командировки в городскую и сельскую местность Китая для оказания помощи в борьбе с эпидемиями, а также для передачи китайским врачам теоретических и практических основ современной медицины. Благодаря деятельности русских медиков О.В. Бароян, Н.И. Николаева в 1940-х гг. удалось побороть эпидемию чумы в Северо-Восточных провинциях. Переезд большого количества русских специалистов в 1920-х гг. был также связан с их неприятием смены власти в России и опасениями за безопасность своего дальнейшего пребывания на родине. Однако, несмотря на вынужденный характер пребывания в Китае, они внесли значительный вклад в развитие китайской эпидемиологии. Тем не менее в 1940-х гг. пребывание русских специалистов в Китае было осложнено политикой гоминдана, которая не поддерживала их деятельность. В 1950-х гг. активизировалась работа по организации студенческих стажировок в высших медицинских учреждениях СССР. Так, за пятилетний период обучение в советских медицинских университетах прошли более 1 тыс. молодых специалистов [17: с. 216].

2. Передача китайской стороне современных методов профилактики и борьбы с инфекционными заболеваниями, включая медикаменты и рецептуру вакцин.

Министерством здравоохранения СССР была организована регулярная помощь КНР по снабжению средствами личной гигиены и индивидуальной защиты, антисептиками, антибиотиками и другими препаратами для терапии инфекционных заболеваний. Наряду с этим в Китай поставлялись как отдельные компоненты, так и готовые вакцины, а также инструкции по производству противоэпидемических лекарств. В период 1951–1952 гг. была налажена поставка в КНР поливитаминных препаратов [2: с. 38].

3. Обучение диагностической системе (которая ранее отсутствовала в Китае).

Делегации китайских врачей регулярно проходили краткосрочные курсы повышения квалификации в научно-исследовательских институтах и крупнейших клиниках СССР, в ходе которых имели возможность ознакомиться с новейшими диагностическими мероприятиями и технологиями, которые отсутствовали в китайской клинической практике. Особое внимание уделялось проблеме диагностики онкологических заболеваний, поскольку в этот период более 90 % случаев рака в КНР выявлялось на поздней стадии [20].

4. Расширение научного обмена (обмен научной литературой на уровне Государственных национальных библиотек, увеличение количества научных публикаций).

В 1952 г. Академия медицинских наук Китая и Академия медицинских наук СССР подписали соглашение о сотрудничестве в области научных и технических исследований, в рамках которого была организована работа по проведению совместных научно-практических конференций, повышению публикационной активности в сфере эпидемиологии. В 1955 г. заключен договор об обмене научной литературой на уровне государственных центральных библиотек [2: с. 149].

В 1960-х гг. сотрудничество между СССР и КНР было приостановлено в силу обострения политической обстановки, поэтому большинство совместных проектов в сфере здравоохранения были свернуты. Однако в 1980-х гг. взаимодействие начало постепенно возобновляться, и к 1985 г. командирование советских врачей приобрело большой масштаб по сравнению с периодом до прекращения двустороннего сотрудничества. В этот период Китай провозгласил первоочередные задачи здравоохранения, которые отражены в лозунге «Первое – профилактика, затем – лечение» [14]. Поэтому, как и ранее, одним из приоритетных направлений сотрудничества СССР с КНР была помощь в решении проблем, связанных с профилактикой и лечением инфекционных заболеваний и развитием вирусологии.

Китайским медикам не удавалось справиться со вспышкой гепатита В, усугубившейся в 1980-е гг. Правительство осознавало, что помощь специали-

стов из СССР, которые к тому времени имели достаточный опыт эффективной борьбы с этим заболеванием, крайне необходима для решения проблемы. В 1986 г. при Министерстве здравоохранения КНР под кураторством советских врачей был учрежден департамент по профилактике и борьбе со СПИДом [9]. Одновременно командировки в Китай стали для советских специалистов возможностью практического изучения редких и особо опасных инфекционных заболеваний.

Кроме того, в 1980-е гг. развитие получило новое для КНР направление профилактической медицины, связанное с оценкой рисков и разработкой рекомендаций по охране здоровья населения на основе анализа влияния окружающей среды, радиационного излучения, вредных факторов металлургической и химической промышленности [23].

В заключение можно сделать вывод о том, что в контексте исследования исторических аспектов дипломатических отношений России и Китая в сфере здравоохранения особое значение имеет изучение двустороннего сотрудничества по проблемам превентивной медицины. В XXI в. Китай первым в мире столкнулся с глобальной пандемией COVID-19, при этом продемонстрировал эффективность применяемых мер как в контроле распространения инфекции, так и в результатах терапии этого заболевания. Наряду с этим Китай стал мировым лидером по поставкам «коронной» вакцины более чем 100 странам и международным организациям.

Несомненно, во многом успех обусловлен длительной и систематичной работой правительства КНР по созданию системы здравоохранения, которая началась еще в XX в. При этом большое значение имела помощь правительства и медицинских работников СССР, без чего Китай, вероятно, не имел бы достаточного научно-технического потенциала для борьбы с многочисленными эпидемиями прошлого века и новыми вызовами современности. Опыт, принятый у СССР, способствовал интенсификации повышения уровня системы превентивной медицины КНР, что в настоящий момент имеет значение не только для китайской профилактической медицины, но и для мирового медицинского сообщества в борьбе с новыми, неизученными инфекционными и вирусными заболеваниями.

Список источников

1. Ахметова А.В., Ковальчук М.А., Бобышев С.В. К вопросу о подготовке национальных кадров в Хабаровском государственном медицинском институте в 1960-е гг. // *Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности* : материалы Всероссийской научной конференции (Комсомольск-на-Амуре, 28–29 января 2021 г.). Комсомольск-на-Амуре : Комсомольский-на-Амуре гос. ун-т, 2021. С. 230–233. DOI 10.17084/978-5-7765-1462-3_2021_230.

2. Беляков А.В., Матвейчев О.А. *Россия и Китай. Две твердыни. Прошлое, настоящее, перспективы*. Москва, 2017. 312 с.

3. Бояркина А.В., Печерица В.Ф. Китайский опыт борьбы с COVID-19 в условиях ограничения мобильности населения // *Известия Иркутского государственного университета*. 2021. Т. 36. С. 57–66. (Серия: Политология. Религиоведение). DOI 10.26516/2073-3380.2021.36.57.
4. Ван Х. Философия даосизма и традиционная китайская медицина // *Вестник Калмыцкого университета*. 2019. № 1(41). С. 126–132.
5. Волкова Н.К., Краева А.Г. Взаимодействие философии и медицина в Древнем Китае // *Актуальные проблемы современной философии науки: методологический анализ : материалы Всероссийской конференции (Ульяновск, 24 декабря 2017 г.)*. Ульяновск, 2017. С. 12–13.
6. Гао Э. *История новой китайской профилактической медицины*. Москва: Народно-военно-медицинское издательство, 2016. 217 с.
7. Ду Ж. *Охрана интеллектуальных прав в традиционной медицине* (на кит. яз.). Пекин : Народный суд, 2004. С. 52–64.
8. Левит М.М. *Становление общественной медицины в России*. Москва : Медицина, 1974. 232 с.
9. Нагорных О.С. Медицина СССР и Китая в 1950-е годы: традиции и интеграция практик // *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем (исследования и переводы)*. 2018. № 4. С. 453–463. DOI 10.21267/AQUILO.2018.4.17540.
10. Петрунина Ж.В., Чэнь Ц., Абабков Д.Р. Жизнь китайцев на территории Приамурья в 1860-х годах (по материалам региональной периодической печати) // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. 2022. № 6(62). С. 50–54. DOI 10.17084/20764359-2022-62-50.
11. Петрунина Ж.В. Экономическое измерение социокультурного наследия русского Харбина начала XX в.: опыт, который следует изучать // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*. 2020. № 4(44). С. 27–31.
12. Пономарева В.В. Основные методы профилактики китайской народной медицины и причины ее популярности в Китае // *Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : материалы IX Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 2–4 декабря 2020 г.)*. В 4 ч. / под ред. Л.П. Полянской. Новосибирск : Новосибирский гос. пед. ун-т, 2020. С. 279–280.
13. Ремаренко А.Е. Влияние традиций и глобализации на современное состояние медицины в Китае // *Современные проблемы цивилизации и устойчивого развития в информационном обществе : сборник материалов X Международной научно-практической конференции (Москва, 22 июня 2022 г.) / редколлегия: Л.К. Гуриева, З.Ш. Бабаева З.Ш. [и др.]*. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «ИРОК», 2022. С. 475–478.
14. Садырин Р.В., Нагорных О.С. Направления сотрудничества СССР и КНР в области медицины в середине XX в // *Пироговские чтения : материалы XXIV научной конференции студентов и молодых исследователей*. Нижний Новгород : Приволжский исследовательский мед. ун-т, 2018. С. 49–53.
15. Ахметова А.В., Бобышев С.В., Мусалитина Е.А., Климова Е.В. *Система здравоохранения как механизм интеграции коренных малочисленных народов Хабаровского края в советский социум : (вторая половина 1950-х гг. – вторая половина 1980-х гг.)*. Комсомольск-на-Амуре : Комсомольский-на-Амуре гос. ун-т, 2022. 131 с. DOI 10.17084/978-5-7765-1515-6-2022.
16. Akhmetova A.V. Bio-power concept ensuring health of indigenous population of Khabarovsk territory in 1950s–1960s // *European proceedings of social and behavioural sciences epsbs* (Birobidzhan, 15.12.2020). Birobidzhan : European Publisher, 2021. P. 44–50. DOI 10.15405/epsbs.2021.06.03.6.
17. Almgren G. *Health care politics, policy, and services: a social justice analysis paperback*. New York : Springer, 2018. 346 p.
18. Bobyshev S.V., Akhmetova A.V. The health care system as a mechanism for the integration of indigenous peoples of the Khabarovsk Territory into soviet society (the second half of the 1940s–the first half of the 1980s) // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2020. Vol. 172. P. 139–146. DOI 10.1007/978-981-15-2244-4_11.
19. Cheng Zh. New China's view of Russia (Soviet Union) // *Отношения между Россией и Китаем: прошлое, настоящее, будущее*. Москва : НИИ ИЭП, 2019. С. 134–141.
20. Gu S., Pei J. Innovating Chinese Herbal Medicine: From Traditional Health Practice to Scientific Drug Discovery // *Front Pharmacol*. 2017. P. 18–29. DOI: 10.3389/fphar.2017.00381.
21. Kohls M., Schweitzer A. Reconciling Bioiracy // *Chicago-Kent Journal of International Property*. 2007. P. 210–209.
22. Li J. A critical review to grading systems and recommendations of traditional Chinese medicine guidelines // *Health Qual Life Outcomes*. 2020. P. 207–215. DOI: 10.1186/s12955-020-01432-x.
23. Zhen L, Wang Y. Human mobility restrictions and inter-provincial migration during the COVID-19 crisis in China // *Chinese Sociological Review*. 2020. P. 1–27. DOI: 10.1080/21620555.2020.1821183.
24. Zhou M. Changing of China's health policy and Doctor–Patient relationship: 1949–2016 // *Health Policy and Technology*. 2017. Vol. 6, no. 3. P. 103–110.

References

1. Akhmetova A.V., Kovalchuk M.A., Bobyshev S.V. On the issue of training national personnel at the Khabarovsk State Medical Institute in the 1960s // *Social and humanitarian sciences in the conditions challenges of our time: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Komsomolsk-on-Amur, January 28–29, 2021)*. Komsomolsk-on-Amur : Komsomolsk-on-Amur State University, 2021. P. 230–233. (In Russ.). DOI 10.17084/978-5-7765-1462-3_2021_230.
2. Belyakov A.V., Matveychev O.A. *Russia and China. Two strongholds. Past, present, prospects*. Moscow, 2017. 312 p. (In Russ.).
3. Boyarkina A.V., Pecheritsa V.F. Chinese experience in combating COVID-19 in conditions of limited mobility of the population // *Bulletin of the Irkutsk State University*. 2021. Т. 36. С. 57–66. (Series: Political science. Religious studies). (In Russ.). DOI 10.26516/2073-3380.2021.36.57.

4. Wang H. The philosophy of Taoism and traditional Chinese medicine // *Bulletin of the Kalmyk University*. 2019. No. 1 (41). S. 126–132. (In Russ.).
5. Volkova N.K., Kraeva A.G. Interaction of philosophy and medicine in Ancient China // *Actual problems of modern philosophy of science: methodological analysis* : Proceedings of the All-Russian Conference (Ulyanovsk, December 24, 2017). Ulyanovsk, 2017. S. 12–13. (In Russ.).
6. Gao E. *History of new Chinese preventive medicine*. Moscow : People's military medical publishing house. 2016. 217 p. (In Russ.).
7. Du J. *Protection of intellectual rights in traditional medicine* (in Chinese). Beijing : People's Court, 2004. S. 52–64. (In Russ.).
8. Levit M.M. *Formation of public medicine in Russia*. Moscow : Medicine. 1974. 232 p. (In Russ.).
9. Nagornyykh O.S. Medicine of the USSR and China in the 1950s, traditions and integration of practices // *Intellectual traditions in the past and present (research and translations)*. 2018. No. 4. P. 453–463. (In Russ.). DOI 10.21267/AQUILO.2018.4.17540.
10. Petrunina Zh.V., Chen Ts., Ababkov D.R. Life of the Chinese on the territory of the Amur region in the 1860s (based on the materials of the regional periodical press) // *Scientific notes of Komsomolsky-on-Amur state technical university*. 2022. No. 6(62). S. 50–54. (In Russ.). DOI 10.17084/20764359-2022-62-50.
11. Petrunina Zh.V. Economic dimension of the socio-cultural heritage of Russian Harbin in the early twentieth century: an experience that should be studied // *Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University*. 2020. No. 4 (44). S. 27–31. (In Russ.).
12. Ponomareva V.V. The main methods of prevention of Chinese traditional medicine and the reasons for its popularity in China // *Youth of the XXI century: education, science, innovations : materials of the IX All-Russian student scientific and practical conference with international participation* (Novosibirsk, December 02–04, 2020). In 4 parts / Edited by L.P. Polyanskaya. Novosibirsk : Novosibirsk State Pedagogical University, 2020. P. 279–280. (In Russ.).
13. Remarenko A.E. The influence of traditions and globalization on the current state of medicine in China // *Modern problems of civilization and sustainable development in the information society* : Collection of materials of the X International Scientific and Practical Conference (Moscow, June 22, 2022 of the year) / Editorial Board: L.K. Gurieva, Z.Sh. Babaeva, Z.Sh. [and etc.]. Moscow : Limited Liability Company "IROK", 2022. P. 475–478. (In Russ.).
14. Sadyrin R.V., Nagornyykh O.S. Directions of cooperation between the USSR and China in the field of medicine in the middle of the 20th century // *Pirogov readings : materials of the XXIV scientific conference of students and young researchers, Nizhny Novgorod* : Privolzhsky Research Medical University, 2018. P. 49–53. (In Russ.).
15. Akhmetova A.V., Bobyshev S.V., Musalitina E.A., Klimov E.V. The healthcare system as a mechanism for the integration of the indigenous peoples of the Khabarovsk Territory into Soviet society: (the second half of 1950 – the second half of 1980). Komsomolsk-on-Amur: Komsomolsk-on-Amur State University, 2022. 131 p. DOI 10.17084/978-5-7765-1515-6-2022. (In Russ.).
16. Akhmetova A.V. Bio-power concept ensuring health of indigenous population of Khabarovsk territory in 1950s–1960s // *European proceedings of social and behavioural sciences epsbs* (Birobidzhan, 15.12.2020). – Birobidzhan : European Publisher, 2021. P. 44–50. DOI 10.15405/epsbs.2021.06.03.6.
17. Almgren G. *Health care politics, policy, and services: a social justice analysis paperback*. New York : Springer, 2018. 346 p.
18. Bobyshev S.V., Akhmetova A.V. The health care system as a mechanism for the integration of indigenous peoples of the Khabarovsk Territory into soviet society (the second half of the 1940s–the first half of the 1980s) // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2020. Vol. 172. P. 139–146. DOI 10.1007/978-981-15-2244-4_11.
19. Cheng Zh. New China's view of Russia (Soviet Union) // *Relations between Russia and China: past, present, future*. Moscow : IEP Research Institute, 2019. P. 134–141.
20. Gu S., Pei J. Innovating Chinese Herbal Medicine: From Traditional Health Practice to Scientific Drug Discovery // *Front Pharmacol*. 2017. P. 18–29. DOI: 10.3389/fphar.2017.00381.
21. Kohls M., Schweitzer A. Reconciling Bioiracy // *Chicago-Kent Journal of International Property*. 2007. P. 210–209.
22. Li J. A critical review to grading systems and recommendations of traditional Chinese medicine guidelines // *Health Qual Life Outcomes*. 2020. P. 207–215. DOI: 10.1186/s12955-020-01432-x.
23. Zhen L, Wang Y. Human mobility restrictions and inter-provincial migration during the COVID-19 crisis in China // *Chinese Sociological Review*. 2020. P. 1–27. DOI: 10.1080/21620555.2020.1821183.
24. Zhou M. Changing of China' s health policy and Doctor–Patient relationship: 1949–2016 // *Health Policy and Technology*. 2017. Vol. 6, no. 3. P. 103–110.

Информация об авторах

Е.А. Мусалитина – кандидат культурологии;
 А.В. Ахметова – кандидат исторических наук, доцент;
 С.В. Бобышев – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права».

Information about the authors

E.A. Musalitina – Candidate of Sciences (Cultural Studies);
 A.V. Akhmetova – Candidate of Sciences (History), Associate Professor;
 S.V. Bobyshev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law.

Статья поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
 The article was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 811.161.

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-277-283

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ГРАДАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭМОТИВНОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ «СЛОВАРЯ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ»)

Валентина Тарасовна Садченко¹, Фан Хайсюй²

^{1,2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹ValentinaSadchenko@yandex.ru, [https:// orcid.org/0000-0001-6276-6819](https://orcid.org/0000-0001-6276-6819)

²ljjnh'lhl

Аннотация. Статья посвящена описанию некоторых семантических особенностей эмотивных глаголов в русских говорах Приамурья. Предметом исследования являются эмотивные глаголы, отражающие явление градации. Предлагается семантическая классификация эмотивных диалектных глагольных лексем, выделенных на материале, репрезентированном в «Словаре русских говоров Приамурья», по типу выражаемой эмоции и степени ее интенсивности. Обращается внимание на словообразовательные форманты, способствующие выражению градационных значений.

Ключевые слова: глагольная лексика, лексико-семантическая группа, эмотивные глаголы, теория градуальности, градационные отношения, русские говоры

Original article

LEXICAL MEANS OF EXPRESSING GRADATION (BASED ON EMOTIVE VERBAL VOCABULARY FROM "THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN DIALECTS IN THE AMUR REGION")

Valentina T. Sadchenko¹, Fang Haixu²

^{1,2}Pacific State University, Khabarovsk, Russia

¹ValentinaSadchenko@yandex.ru, [https:// orcid.org/0000-0001-6276-6819](https://orcid.org/0000-0001-6276-6819)

²ljjnh'lhl

Abstract. The article describes semantic features of emotive verbs in the Russian dialects in the Amur Region. The subject of the study is emotive verbs reflecting the phenomenon of gradation. The semantic classification of dialectal emotive verbal lexemes, selected from «The Dictionary of Russian Dialects in the Amur Region», according to the type of emotion expressed and the degree of its intensity, is proposed. Attention is drawn to word-forming formants that contribute to the expression of gradation values.

Keywords: verbal vocabulary, lexico-semantic group, emotive verbs, theory of graduality, gradation relations, Russian dialects

Введение

Градуальность является одной из универсальных языковых категорий и на протяжении достаточно длительного времени привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых-филологов, таких как К.С. Аксаков [1], А.Х. Востоков [2], Н.И. Греч [3], Г.П. Павский [4], А.М. Пешковский [5], Э. Сепир [6], С. Трубецкой [7], А.В. Бондарко [8], Н.Д. Арутюнова [9], Л.А. Беловольская [10] и др.

Понятие «градация» впервые было введено Н.С. Трубецким при установлении оппозиционных отношений в фонологии. Н.С. Трубецкой в работе «Основы фонологии» предложил использовать отношение между противоположными элементами в качестве эталона для разделения трех типов противопоставления: привативных оппозиций, граду-

альных, или ступенчатых, оппозиций и эквиолентных, или равнозначных, оппозиций [7: с. 79–82].

Э. Сепир выделил логический, психологический и лингвистический типы градуирования. Он обратил внимание на наличие эмоционального компонента в значении слов, связанных градационными отношениями. «Даже простые градуаторы "больше чем" и "меньше чем" связаны обычно в конкретном контексте с выражением определенных эмоций», – писал автор [6: с. 60].

Н.Д. Арутюнова выдвинула концепцию относительности значения, в соответствии с которой, по мнению автора, значение слов и их способность образовывать градуальные оппозиции обусловлены словоупотреблением. Исследователь считает, что все значения (например, характеристика, от-

ношение, эмоции и т.д.) могут быть принципиально градуальными, что распространенным средством градации является интенсивная тональность [9].

Теория градуальности рассмотрена в докторской диссертации С.М. Колесниковой. Основной целью ее исследования является изучение семантической природы градуальности и представление концепции градуального фрагмента языковой картины мира. С.М. Колесникова пишет, что «языковое содержание функционально-семантической категории градуальности представляет <...> градуальный признак, специфика которого – приписывать предмету речи признак мерительного отношения к нему субъекта» [12: с. 27]. Единицами описания данной категории служат многозначное слово, а также более крупные языковые единицы – словосочетания, фразеологизмы, синтаксические конструкции с градуированным значением, извлеченные из произведений русских классиков и писателей XX в. По мнению С.М. Колесниковой, градация представляет собой явление с определенной структурой, где ядро представлено нормой, выражающейся при помощи степеней сравнения имен прилагательных и наречий, а периферию составляют частицы, междометия и союзы, выражающие количественные модификации того или иного признака; чем больше модификации отклонены от нормы, тем дальше от ядра они располагаются. Анализируя функционально-семантическое поле градуальности, С.М. Колесникова обращает внимание на специфику разноуровневых языковых средств выражения градуальности, в том числе и на семантику глагольных слов; автор отмечает, что у глаголов функцию градуатора выполняют аффиксы – глагольные приставки [12].

Следует отметить, что категории градуальности была посвящена и кандидатская диссертация С.М. Колесниковой, целью которой было показать, что имена существительные, имена прилагательные, глаголы и наречия в русском языке в силу своих семантико-грамматических особенностей могут вступать в градационные отношения и выражать градуирование значений. С.М. Колесникова связывает категорию градуальности глагола со способами глагольного действия, обращая внимание в первую очередь на глаголы с семантикой результативной совершаемости, которые, на ее взгляд, и обозначают градуирование выражаемого процесса: неполноту/полноту действия, а также меру, силу проявления действия [11].

Теория градуальности С.М. Колесниковой получила развитие в целом ряде работ ее учеников: Е.В. Белоглазовой (на материале диктумного содержания предложения) [13], Н.Н. Горшковой (на

материале фразеологических сочетаний) [14], А.Б. Ильиной (на материале наречий и частиц) [15], Г.В. Киреевой (на материале междометий) [16], а также в работах других исследователей, в частности, И.В. Назаровой [17], А.Б. Ивановой [18] (на материале английского языка), М.В. Бондаренко (на материале французского языка) [19], М.В. Мезениной (на материале немецкого языка) [20].

Кроме того, на синтаксическом уровне структура функционально-семантического поля градации рассмотрена в работе О.М. Кузнецовой, где автор анализирует скрепы как грамматикализованные средства выражения градационной семантики [21].

Изучение градуальной семантики глагола в русском языке

А.А. Кияшева в работе 1985 г., сопоставляя «глаголы эмоций», как называет их автор, современного русского литературного языка и казахского языка, приходит к выводу, что «в каждом из языков они образуют структуру, в формировании которой большую роль играют два логических принципа: включение понятий и пересечение» [22: с. 125]. В общей лексико-семантической группе глаголов чувств и эмоций, представляющей собой совокупность гиперонима и гипонимов, каждый из согипонимов выступает в качестве доминанты синонимического ряда, который строится по принципу градации признака и осложнен «пучками абсолютных синонимов» [22: с. 126].

Парадигматическая структура эмотивных глаголов в современном русском литературном языке рассмотрена в коллективной работе И.Т. Вепревой, М.Л. Кусовой и Т.В. Матвеевой. Авторы отмечают, что для лексико-семантических групп эмотивных глаголов в русском языке характерны градуальные структуры, которые организуются в целое «градуальными межсловными оппозициями» [23: с. 57].

Градуальная семантика глагола в современном русском языке рассмотрена в работах Е.В. Белоглазовой и И.А. Исаевой.

Е.В. Белоглазова отмечает, что, «формируя диктумное содержание предложения с градуальным и градуально-оценочным значениями, говорящий (мыслящий) использует разноуровневые средства языка с градуальной функцией» [13: с. 4], в том числе глагольное слово, которое является «важным средством выражения градуального признака» [13: с. 18].

И.А. Исаева обращается к описанию семантических особенностей глагольного слова со значением меры и степени. В работе отмечается, что имплицитно градуальная семантика может быть реализована посредством градуальных оппозиций глагола; эксплицитно – при помощи дополнительных

средств – градуаторов, к которым относятся словообразовательные средства (аффиксы) и вспомогательная градационная лексика [24].

Таким образом, градуальная семантика глагольного слова в русском языке получила определенное освещение. Совсем иная картина складывается в диалектологии. Пожалуй, нет ни одной работы, в которой описывалась бы диалектная глагольная лексика в данном аспекте. Кроме того, следует обратить внимание на особую сложность изучения градуальности диалектных слов ввиду не всегда полной информации о семантике данных единиц, представленной в диалектных словарях, что объясняется как подготовленностью собирателей (часто это студенты, проходящие диалектологическую практику), так и уровнем речевого развития объясняющих значение используемого слова респондентов. Поэтому процедура доказательства градуальности диалектных единиц, их объединения и квалификации как интенсификов разной степени требует порой анализа семантики каждой единицы.

Классификация эмотивных глаголов в русских говорах Приамурья в аспекте градуальности

В «Словаре русских говоров Приамурья» (далее – СРГП) [25] зафиксировано 62 глагола, выражающих эмотивность. Среди них 31 оригинальный глагол, не имеющий аналогов ни в литературном языке, ни в других русских говорах. Глаголы данной лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) могут быть классифицированы на ряды по типу выражаемой эмоции и степени ее интенсивности. Обоснованием для составления ряда могут служить контексты, представленные в словарных дефинициях и зафиксированные в речи жителей одного региона. Для аргументации правомерности построенных градационных рядов в случае недостаточного описания значения того или иного глагола в СРГП мы обращались к «Словарю русского языка» (далее – СРЯ) [26], в частности, к словарным значениям глагольных слов, используемых в качестве комментария семантики диалектизмов в СРГП.

Материал СРГП позволил построить следующие градационные ряды по степени нарастания эмоциональной интенсивности.

1. Глаголы, выражающие эмоциональное состояние уныния: *разориться* (во 2-м значении – «почувствовать себя одиноким») → *засмуреть* («начать грустить») → *загориться* («начать тосковать, печалиться») → *тошновать* («печалиться, тосковать, горевать») → *мыриться* («страдать, горевать») → *нагоремычиться* («испытать горе»).

РАЗОРИТЬСЯ, *и́тсья*, сов. 1. *Стать неисправным, ломаться, разрушиться*. Лампа разорится – каганец разжигали (Марк. Благ.). Амур. (Благ.).

2. *Почувствовать себя одинокой*. Сёдни внучата уехали, я прямо разорилась, не знаю, куда девать себя (Алб. Скв.). Амур. (Скв.).

ЗАСМУРЁТЬ, *ёю, ёешь*, сов. *Загрустить*. Женька тут без тебя засмурел (Алб. Скв.). Амур. (Скв.).

ЗАГОРИТЬСЯ, *рюсь, ришься*, сов. *Затосковать, запечалиться*. Схоронил, брат, жену и загорился (Анос. Шим.). Амур. (Шим.).

ТОШНОВАТЬ, *нүю, нүешь*, несов. *Печалиться, тосковать, горевать*. Три дня ходил тошновал, а потом задавился (Заг. Своб.). Амур. (Своб.).

МЫРИТЬСЯ, *рюсь, ришься*, несов. *Страдать, горевать*. Ну, она и мырилась... (Тында). Амур. (Тынд.).

НАГОРЕМЫЧИТЬСЯ, *чусь, чишься*, сов. Экспр. *Испытать горе, перенести много лишений*. Добраго мало видала, нагоремычилась за свою жизнь (Н.-Андр. Бел.). Амур. (Бел.).

2. Глаголы, обозначающие состояния, связанные с эмоциями беспокойства, страха, испуга: *сполошиться* («встревожиться») → *обробеть* («оробеть, испугаться») → *ахнуться / спужаться* («испугаться») → *ужахнуться* («ужаснуться, очень испугаться») → *настрахаться* («испытывать длительный, сильный страх») → *оглазеть* («утратить рассудок, способность соображать, стать безумным или как бы безумным от испуга»).

СПОЛОШИТЬСЯ, *шүсь, шүшься*, сов. *Встревожиться, всполошиться*. От пустых вестей сполошились (Благовещ.). Амур. (Благ.).

ОБРОБЁТЬ, *ёю, ёешь*, сов. *Оробеть, испугаться*. Я как первый раз увидел волка (на крюке он, как человек, вытянулся), аж обробел, это жуть (Н.-Вскр. Шим.). Амур. (Шим.). Нов.-Даур.

АХНУТЬСЯ, *нусь, нешься*, сов. Экспр. 1. *Испугаться*. Ничё не случилось, а она уж ахнулась (Лерм. Бик.). Хаб. (Бик.).

СПУЖАТЬСЯ, *аюсь, аешься*, сов. *Испугаться*. Спужается ружьём – ружьё выльется, испужался петуха – петух выльется (Ключи Бел.). Ночью сегодня в окно кто-то стукнул, так спужалась до смерти (Архара Арх.). Амур. (Арх. Бел.).

УЖАХНУТЬСЯ, *нүсь, нёшься*, сов. *Ужаснуться*. Мать как увидела меня, ужахнулась (Нев. Лазо). Она ужахнулась, испугалась (Лерм. Бик.). Амур. (Благ.). Хаб. (Бик. Лазо). Нов.-Даур.

НАСТРАХАТЬСЯ, *аюсь, аешься*, сов. *Испытать длительный, сильный испуг*. Волнами плот захлестывает. Настряхались мы вдоволь тогда (Джл. Скв.). Амур. (Скв.).

ОГЛАЗЁТЬ, *ёю, ёешь*, сов. Экспр. 1. *Обезуметь от испуга*. Пошли, пошли, оглазели чё ли, чё испугались? (Ст. Окт.). Этот медвежонок трах и упал, а другй от шуму оглазели (Ст. Окт.). Хаб. (Окт.).

Глагольная лексика данного ряда отражает ступени нарастания степени проявления эмоции от беспокойства до ужаса. Глаголы *ахнуть* / *спужаться* в данном ряду являются абсолютными синонимами.

3. Глаголы, обозначающие состояние сердитости, переходящее в злобу: *хлюздить* («сердиться») → *засбуривать* («рассердиться») → *спылиться* («рассердиться, вспылить») → *крыситься* («злиться») → *обозлеть* («обозлиться, затаить злобу, ненависть») → *зьедасться* («испытывать и проявлять объективно неоправданно неприязнь и злобу к кому-либо»).

ХЛЮЗДИТЬ, *здю, здишь*, несов. Неодобр. *Капризничать, сердиться*. А как не по его выйдет, так он и хлюздит начинает (*Серг. Благ.*). Счас опеть будешь хлюздить (*Алб. Скв.*). *Амур. (Благ. Скв.)*.

ЗАСБУРИТЬ, *рю, ришь*, сов.; *засбуривать, аю, аешь*, несов. *Рассердиться*. Засбурил – смотрит исподлобья (*Каз. Хаб.*). Ой, говорит, засбуривала, осердилась (*Е.-Ник. Окт.*). *Хаб. (Окт. Хаб.)*.

СПЫЛИТЬСЯ, *люсь, лишься*, сов. *Рассердиться; вспылить*. А мать спылилась и ушла (*Уш. Шим.*). *Амур. (Шим.)*.

КРЫСИТЬСЯ, *ишья*, несов. Неодобр. *Злиться, сердиться на кого-что-л.* И чё надо ей, чё крысятся на нас (*Н.-Андр. Бел.*). Чуть что крысишься, слова тебе не скажи (*Бус. Своб.*). *Амур. (Бел. Маз. Своб.)*.

ОБОЗЛЕТЬ, *злётю, злётешь*, сов. *Обозлиться, озлобиться, затаить злобу, ненависть*. Атаман и купец на меня обозлели (*Черн. Магд.*). *Амур. (Магд.)*.

ЗЪЕДАТЬСЯ, *аюсь, аешься*. *Испытывать и проявлять объективно неоправданно неприязнь и злобу к кому-либо.* Чё ты зьедаешься на меня? Я тебе ничё не делал (*Алб. Скв.*). Они шибко-то не зьедаются (*Алб. Скв.*). *Амур. (Скв.). Нов.-Даур.*

Последний глагол в данном ряду имеет значение не только «испытывать чувство, состояние», но и «выражать чувство».

4. Глаголы, выражающие эмоцию недовольства: *пожалиться* («высказывать недовольствие») → *бухтеть* («ворчать, выражать недовольство») → *исплеваться* («выражать отрицательное отношение к кому-, чему-либо»).

ПОЖАЛИТЬСЯ, *люсь, лишья*, сов. *Высказать недовольствие, посетовать на кого-л.* Глядишь, монатки складывает, можно и поругаться, можно и пожалиться (*Алб. Скв.*). *Амур. (Скв.)*.

БУХТЁТЬ, *бухчу, бухтишь*, несов. *Ворчать, выражать недовольство.* Да не бухти ты, без тебя тошно (*Практ. Маз.*). *Амур. (Маз.)*.

ИСПЛЕВАТЬСЯ, *ююсь, юешься*, сов. *Выразить недовольство чем-кем-нибудь.* Стрелял в кабана, угробил кучу пульт, исплевался весь (*Н.-Вскр. Шим.*). *Амур. (Шим.)*.

Словарные дефиниции к данным лексемам в СРГП практически не отражают градуальных оттенков значений, за исключением способа выражения недовольства: у глагола *пожалиться* способ обозначен как «высказать» и «посетовать», где второй глагол («посетовать») в современном русском литературном языке имеет значение «печалиться, скорбеть, сожалеть; жаловаться, роптать на кого-либо» [26: т. IV, с. 85]; глагол *бухтеть* определяется через синоним «ворчать», имеющий значение в современном русском литературном языке «сердито бормотать, выражая недовольствие» [26: т. I, с. 214]; глагол *исплеваться* в представленной словарной статье в СРГП не имеет дополнительного синонимичного глагола для пояснения значения. Однако в приводимом контексте есть компонент (градуатор), указывающий на степень проявления эмотивного состояния: местоимение *весь*. Конструкция *исплевался весь* подчеркивает экспрессивность, высокую степень проявления отрицательных эмоций. Глагол *исплевался* выражает интенсивно-результативный способ глагольного действия (далее – СД), образованный при помощи приставки *ис-* со значением предельной полноты, интенсивности действия и постфикса *-ся*, обозначающего направленность действия, его замкнутость на производителе, субъекте. Субъект речи (посетовать, высказать, ворчать) в данном случае совпадает с субъектом эмоционального состояния. Таким образом, трехчленный ряд выстраивается от слабого выражения недовольства («сетовать, роптать») к наиболее интенсивному его проявлению.

5. Глаголы, в семантике которых содержится указание на эмоции насмешки и издевательства: *сундурить* («насмехаться») → *диканиться* («осмеивать что-либо, смеяться над чем-либо») → *галиться / гадиться / изгаляться* («издеваться, насмехаться над кем-либо или чем-либо»).

СУНДУРИТЬ, *рю, ришь*, несов. Экспр. *Насмехаться.* Вы не сундурьте над нами, не смейтесь (*Орл. Скв.*). *Амур. (Скв.). Нов.-Даур.: Со сна, спяну, по глупости говорить ненужное.*

ДИКАНИТЬСЯ, *нюсь, нишься*, несов. *Осмеивать что-л., смеяться над чём-л.* Будут там диканиться в музее над иконами (*Ключи Бел.*). *Амур. (Бел.)*.

ГАЛИТЬСЯ, *люсь, лишья*, несов. *Издеваться, глумиться.* Изгаляться – издеваться, галиться (*Алб. Скв.*). *Амур. (Скв.). Нов.-Даур. - Ср. Изгаляться.*
ГАДИТЬСЯ, *гажусь или гадюсь, гадишься*, несов. *Издеваться.* Как гадятся над народом.
ИЗГАЛЯТЬСЯ, *яюсь, яешься*, несов. *То же, что галиться.* Сосед изгаляется над женой. Ребятишки даже между собой говорят: «Что ты изгаляешься»

надо мной?» (Алб. Скв.). Изгалялись над ними в ежовщину (Алб. Скв.). Вдову́х понабрали, а теперь изгаляются над имя́ (Н.-Андр. Бел.). Всю жись муж надо мной изгалялся (Кн-ка Кнст.). Амур. (Бел. Кнст. Скв.). Нов.-Даур. (Ключи Бел.). Амур. (Бел.).

Данный ряд глагольных лексем, обозначающих намеренное отрицательное эмоциональное воздействие, осложнен «пучком» абсолютных синонимов – *галиться* / *гадиться* / *изгаляться*, для которых сема «зло» является доминирующей (в СРЯ глагол «глумиться» имеет значение «издеваться, зло насмеяться» [26: т. I, с. 317], глагол «издеваться» имеет значение «зло, оскорбительно высмеивать кого-либо» [26: т. II, с. 642]) и обозначает высокую степень эмотивности, интенсивность эмоционального воздействия.

б. Глаголы со значением интеллектуальной эмоции «испытывать удивление, недоумение»: *подиковать* («прийти в состояние удивления, т.е. испытать эмоцию от несоответствия между действительностью и собственными ожиданиями, представлениями») → *диковать* («приходить в состояние удивления, изумляться, поражаться») → *удрать* («удивиться»).

ПОДИКОВА́ТЬ, *кúю, кúешь*, сов. *Удивиться*. А мы подиковали, да и ушли (Черн. Магд.). Я, гыт, девка, подиковала-подиковала, ничё не поняла (Е.-Ник. Окт.). А отец подиковал, как он гребёт, не как раньше (Черн. Магд.). Амур. (Магд.). Хаб. (Окт.). Нов.-Даур.

ДИКОВА́ТЬ, *кúю, кúешь*, несов. 1. *То же, что диковать*. Диковать – это удивляться. Скажут: «Ой, чё ты дикуешь, удивляешься» (Союз. Окт.). Мы дикуем, как раньше ходили (Джл. Скв.). Амур. (Скв.). Хаб. (Окт.). Нов.-Даур.: *криком выразить изумление*.

УДРА́ТЬ. *Удивиться. Я сильно удрала, когда мне дали новый фартук* (Алб. Скв.). Амур. (Скв.).

7. Эмоцию «радость» в СРГП представляют глагольные лексемы *расоваться* («радоваться»), *обрадеть* («обрадоваться»), *гужевать* («веселиться, кутить»), *яровать* («веселиться, гулять»), *развеселивать* («заражать веселостью, веселить»).

Эмоцию «радость» в СРГП представляют глагольные лексемы, из которых глаголы *расоваться*, *обрадеть*, *гужевать*, *яровать* с общей категориальной семой «испытывать радость, веселье», т.е. «испытывать то или иное чувство, эмоцию», а глагол *развеселивать* относится к общей группе с семой «вызывать то или иное чувство, эмоцию», «приведение в эмоциональное состояние». Таким образом, одним из параметров, разграничивающих оттенки значения синонимов, является дифференциальная сема «направленность на объект».

Наблюдается постепенный процесс повышения степени эмотивности от значения «испытывать радость самому» до «заражать веселостью других».

В качестве формантов, выражающих градуальные отношения, выступают префиксы *за-* со значением начинательности – невысокой степени проявления эмотивности (*загориться*, *засмуреть*), образуют начинательный СД; префикс *раз-* (*развеселивать*) и префикс *ис-* в сочетании с постфиксом *-ся* (*исплеваться*) выражают значение предельной степени (меры) действия, глагольные лексемы с данными формантами выражают интенсивно-результативный СД. В парах *диковать-подиковать* префикс *по-* является показателем совершенного вида и ограничительного СД. Нечеткие словообразовательные связи диалектных эмотивных глаголов (*зъедаться*, *мыриться*, *сундурить*, *галиться*, *удрать*, *яровать*) не позволяют определить присутствие форманта, с помощью которого могут выражаться отношения ослабления или повышения эмотивности.

Заключение

Явление градации характерно не только для современного русского языка, но и для глагольной лексики русского языка в аспекте его регионального существования. В ЛСГ эмотивных глаголов в русских говорах Приамурья конструктивно значимыми видами семантических связей слов являются синонимические отношения, которые сопровождаются отношениями градации. В большей степени градуированное значение, или «мерительный признак», по выражению С.М. Колесниковой, в единицах, относимых к данной ЛСГ, заключается в самой лексеме; использование словообразовательных «формантов-спецификаторов» является нерегулярным. Компоненты градационных конструкций организованы по принципу общности и различия значений глаголов.

Выделенные глагольные синонимические ряды показывают, что самая многочисленная группа среди глагольных лексем с эмотивной семантикой – глаголы, обозначающие состояния, связанные с негативными чувствами и эмоциями, относимые к базовым эмоциям (грусть, страх, злора). Развернутость данных рядов показывает стремление говорящего манифестировать оттенки переживаемых состояний.

Количество глагольных эмотивов с положительной семантикой невелико, они не образуют развернутых градационных рядов.

Обращение к проблемам средств выражения градационных отношений в говорах вторичного образования, локализованных на обширной территории позднего заселения, может способствовать более широкому привлечению диалектного мате-

риала для иллюстрации теории градуальности в современном русском языке, а также выявлению особенностей глагольной семантики русского языка в аспекте его регионального существования. Ис-

следование градационных отношений эмотивной лексики может способствовать реконструкции диалектной языковой картины мира и языковой личности диалектоносителя.

Список источников

1. Аксаков К.С. Опыт русской грамматики // *Полн. собр. соч.* Т. 3, 4.2. Прибавление. Москва, 1880. 709 с.
2. Востоков А.Х. *Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенно грамматики, полное изложение.* Санкт-Петербург : Тип. Глазунова, 1831. 408 с.
3. Греч Н.И. *Чтения о русском языке.* Санкт-Петербург : В типографии Н. Греча, 1840. 4.1. 336 с.; 4.2. 404 с.
4. Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка Прот. Г. Павского // *Рассуждения 2. Об именах прилагательных, числительных и местоимениях.* Санкт-Петербург : Акад. наук, 1850. Р. 2. 314 с.
5. Пешковский А.М. *Русский синтаксис в научном освещении.* Москва, 1966. 511 с.
6. Сепир Э. Градуирование // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Москва : Прогресс, 1985. С. 43–78.
7. Трубецкой Н.С. *Основы фонологии.* Москва : АспектПресс, 2000. 325 с.
8. Бондарко А.В. Семантика предела // *Вопросы языкознания.* 1966. № 1. С. 14–17.
9. Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека.* Москва : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
10. Беловольская Л.А. *Категория недискретного количества и ее грамматический статус: на материале русского языка* : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1999. 308 с.
11. Колесникова С.М. *Градационные отношения в современном русском языке* : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1993. 254 с. URL: <https://dissercat.com>...gradatsionnye-otnosheniya-v...yazyke (дата обращения: 26.09.2022).
12. Колесникова С.М. *Теория градуальности в современном русском языке* : дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1999. 425 с. URL: <https://dissercat.com>...gradualnosti-v-sovremennom...yazyke(датаобращения: 26.09.2022).
13. Белоглазова Е.В. *Градуальная функция равноуровневых средств языка в формировании диктумного содержания предложения* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2003. 20 с.
14. Горшкова Н.Н. *Фразеологические единицы с градуальной семантикой в современном русском языке* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004. 24 с.
15. Ильина А.Б. *«Гибридные» слова с градуальной семантикой в современном русском языке (наречия-частицы)* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 24 с.
16. Киреева Г.В. *Междометие как показатель градуальности в современном русском языке* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2010. 21 с.
17. Назарова И.В. *Наречия как средства репрезентации категории градуальности в современном английском языке* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 19 с.
18. Иванова А.Б. *Функционально-семантическое макрополе градуирования качества в современном английском языке* : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2002. 196 с.
19. Бондаренко М.В. *Градуальность как свойство лексики и основание для построения лексической парадигмы (на материале французского языка)* : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 138 с.
20. Мезенина М.В. *Градуальность в парадигматике лексики немецкого языка* : дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1991. 260 с.
21. Кузнецова О.М. *Функционально-семантическое поле градации в современном русском языке (синтаксический аспект)* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2010. 25 с.
22. Кияшева А.А. *Семантическое поле глаголов эмоций в современном русском языке* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1985. 151 с. URL: <https://dissercat.com>...semanticheskoe-pole-glagolov...yazyke (дата обращения: 26.09.2022).
23. Вепрева И.Т., Кусова М.Л., Матвеева Т.В. Парадигматическая структура глагола // *Лексико-семантические группы русских глаголов.* Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1989. С. 57–58.
24. Исаева И.А. *Градуальная семантика глагола в современном русском языке* : дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2008. 202 с. URL: <https://dissercat.com>...gradualnaya-semantika-glagola-v... (дата обращения: 26.09.2022).
25. *Словарь русских говоров Приамурья* / авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятин, Н.П. Шенкевец. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
26. *Словарь русского языка.* В 4 т. Изд. 2-е стер. / гл. ред. А.П. Евгеньева. АН СССР, Ин-т русского языка. Москва : Русский язык, 1981–1984. Т. I, 1981. 698 с.; Т. II, 1982. 736 с.; Т. III, 1983. 752 с.; Т. IV, 1984. 794 с.

References

1. Aksakov K.S. *Opy'trusskojgrammatiki*[Experience of Russian grammar].In:Poln. sobr. soch. Т. 3. 4.2. Pribavlenie. Moscow, 1880. 709 p. (in Russ.).
2. Vostokov A.X. *Russkayagrammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniyu ego zhesokrashhennogrammatiki, polnoeizlozhenie* [The Russian grammar of Alexander Vostokov, according to the outline of his own abbreviated grammar, a complete statement]. Sankt-Peterburg : Tip. Glazunova, 1831. 408 p. (in Russ.).
3. Grech N.I. *Chteniya o russkomyazy'ke* [Readings about the Russian language]. Sankt-Peterburg : V tipografii N. Grecha, 1840. 4.1. 336 p.; 4.2. 404 p. (in Russ.).
4. Pavskij G.P. *Filologicheskie nablyudeniya nad sostavom russkogo yazy'ka Prot. G. Pavskogo* [Philological observations on the composition of the Russian language by Prot. G. Pavsky]. In: Rassuzhdeniya 2. Ob imenaxprilagatel'ny'x, chislitel'ny'ximestoimeniyax. Sankt-Peterburg : Akad. nauk. 1850. R. 2. 314 p. (in Russ.).

5. Peshkovskij A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, 1966. 511 p. (in Russ.).
6. Sepir E`. *Graduirovaniye* [Calibration] // *Novoe v zarubezhnojlingvistike*. Vy`p. 16. Lingvisticheskaya pragmatika. Moskva : Progress, 1985. P. 43–78 (in Russ.).
7. Trubeczkoy N.S. *Osnovy` fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow: AspektPress, 2000. 325 p. (in Russ.).
8. Bondarko A.B. *Semantika predela* [Limit semantics] // *Voprosy` yazy`koznaniya*. 1966. № 1. P. 14–17 (in Russ.).
9. Arutyunova N.D. *Yazy`ki mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1999. 896 p. (in Russ.).
10. Belovol`skaya L.A. *Kategoriya nediskretnogo kolichestva i ee grammaticheskij status: na material russkogo yazy`ka* : dis. ... d-ra filol. nauk [The category of non-discrete quantity and its grammatical status: based on the material of the Russian language : dis. ... dr. philol. sciences']. Krasnodar, 1999. 308 p. (in Russ.).
11. Kolesnikova S.M. *Gradacionny`e otnosheniya v sovremennom russkom yazy`ke* : dis. ... kand. filol. nauk. [Gradation relations in modern Russian : dis. ... candidate of Philology]. Moscow, 1993. 254 p. (in Russ.). URL: <https://dissercat.com...gradatsionnye-otnosheniya-v...yazyke> (accessed: 26.09.2022).
12. Kolesnikova S.M. *Teoriya gradual`nosti v sovremennom russkom yazy`ke* : dis. ... d-ra filol. nauk [The theory of gradality in modern Russian : dis. ... doctor of Philology]. Moscow, 1999. 425 p. (in Russ.). URL: <https://dissercat.com...gradualnosti-v-sovremennom...yazyke> (accessed: 26.09.2022).
13. Beloglazova E.V. *Gradual`naya funkciya raznourovnevny`x sredstv yazy`ka v formirovanii diktumnogo sodержaniya predlozheniya* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The graded function of multilevel language tools in the formation of the dictum content of the sentence : abstract. dis. ... candidate of Philology]. Moscow, 2003. 20 p. (in Russ.).
14. Gorshkova N.N. *Frazeologicheskie edinicy s gradual`noj semantikoj v sovremennom russkom yazy`ke* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Phraseological units with graded semantics in modern Russian : abstract. dis. ... candidate of Philology]. Moscow, 2004. 24 p. (in Russ.).
15. Il`ina A.B. *«Gibridny`e» slova s gradual`noj semantikoj v sovremennom russkom yazy`ke (narechiya-chasticy)* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk ["Hybrid" words with graduated semantics in modern Russian (adverbs-particles) : abstract. dis. ... candidate of Philology]. Moscow, 2005. 24 p. (in Russ.).
16. Kireeva G.V. *Mezhdometie kak pokazatel` gradual`nosti v sovremennom russkom yazy`ke* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Interjection as an indicator of gradality in modern Russian : abstract. dis. ... candidate of Philology]. Moscow, 2010. 21 p. (in Russ.).
17. Nazarova I.V. *Narechiya kak sredstva reprezentacii kategorii gradual`nosti v sovremennom anglijskom yazy`ke* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Adverbs as a means of representing the category of gradality in modern English : abstract. dis. ... candidate of Philology]. Tambov, 2009. 19 p. (in Russ.).
18. Ivanova A.B. *Funkcional`no-semanticheskoe makropole graduirovaniya kachestva v sovremennom anglijskom yazy`ke* : dis. ... kand. filol. nauk [Functional-semantic macropole of quality grading in modern English : dis. ... Candidate of Philology]. Nizhnij Novgorod, 2002. 196 p. (in Russ.).
19. Bondarenko M.V. *Gradual`nost` kak svojstvo leksiki i osnovanie dlya postroeniya leksicheskoy paradigmy` (na material francuzskogo yazy`ka)* : dis. ... kand. filol. nauk [Gradality as a property of vocabulary and the basis for the construction of a lexical paradigm (based on the material of the French language) : dis. ... Candidate of Philology]. Voronezh, 2001. 138 p. (in Russ.).
20. Mezenina M.V. *Gradual`nost` v paradigmatiche leksiki nemeckogo yazy`ka* : dis. ... kand. filol. nauk [Gradality in the paradigmatic vocabulary of the German language : dis. ... Candidate of Philology]. Moskva, 1991. 260 p. (in Russ.).
21. Kuznecova O.M. *Funkcional`no-semanticheskoe pole gradacii v sovremennom russkom yazy`ke (sintaksicheskij aspekt)* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Functional-semantic field of gradation in modern Russian (syntactic aspect) : abstract. dis. ... candidate of Philology]. Novosibirsk, 2010. 25 p. (in Russ.).
22. Kiyasheva A.A. *Semanticheskoe pole glagolove`mocij v sovremennom russkom yazy`ke* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Semantic field of emotion verbs in modern Russian : abstract. dis. ... candidate of Philology]. Alma-Ata, 1985. 151 p. (in Russ.). URL: <https://dissercat.com...semanticheskoe-pole-glagolov...yazyke> (accessed: 26.09.2022).
23. Vepreva I.T., Kusova M.L., Matveeva T.V. *Paradigmaticheskaya struktura glagola* [Paradigmatic structure of the verb] // *Leksiko-semanticheskie gruppy` russkix glagolov*. Irkutsk : Izd-vo Irkutskogo universiteta, 1989. P. 57–58. (in Russ.).
24. Isaeva I.A. *Gradual`naya semantika glagola v sovremennom russkom yazy`ke* : dis. ... kand. filol. nauk [The graded semantics of the verb in modern Russian : dis. ... candidate of Philology]. Saransk, 2008. 202 p. (in Russ.). URL: <https://dissercat.com...gradualnaya-semantika-glagola-v...> (accessed: 26.09.2022).
25. *Slovar' russkix govorov Priamur'ya* [Dictionary of Russian dialects of the Amur region] / avt.-sost.: O.Yu. Galuza, F.P. Ivanova, L.V. Kirpikova, L.F. Putyatina, N.P. Shenkevec. Izd. 2-e, ispr. i dop. Blagoveshchensk : Izd-vo BGPU, 2007. 544 p. (in Russ.).
26. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. V 4 tomah. Izd. 2-e stereotip. / Gl. red. A. P. Evgen'eva. AN SSSR, In-t russkogoyazyka. Moskva : Russkij yazyk, 1981–1984. T. I, 1981. 698 p.; t. II, 1982. 736 p.; t. III, 1983. 752 p.; t. IV, 1984. 794 p. (in Russ.).

Информация об авторах

В.Т. Садченко – доктор филологических наук, профессор;
Фан Хайсюй – аспирант.

Information about the authors

V.T. Sadchenko – Doctor of Philology (Habil.), Professor;
Fang Haixu – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 20.10.2022; одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 08.11.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 811.512.31:303.4

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-284-289

РОЛЬ СЕМЬИ В СОХРАНЕНИИ РОДНОГО ЯЗЫКА

Баирма Жамьяновна Цыбденова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия, btsybdenova@bk.ru

Аннотация. В статье обосновывается роль института семьи как одного из важнейших факторов по сохранению национального языка для будущих поколений. Актуальность исследования обусловлена неудовлетворительным состоянием и функционированием бурятского языка, низким уровнем владения и использования языка, особенно среди молодежи. *Цель статьи* – раскрыть важную роль семьи в межпоколенной передаче родного языка для его сохранения. На основе анализа литературы, результатов Переписей населения Республики Бурятия 2002, 2010 гг., социологических опросов мы приходим к выводу, что состояние бурятского языка вызывает опасения, поскольку знание и реальное использование языка представителями бурятской национальности неуклонно падает, и к тому же происходит сужение социальных функций языка. В контексте современных социокультурных процессов, негативно влияющих на состояние и функционирование родных языков в многонациональных обществах, именно семья становится важным инструментом трансляции и сохранения родного языка и культуры, передачи социально-исторического опыта народа последующим поколениям.

Ключевые слова: экология языка, этнический язык, возрождение и сохранение родного языка, межпоколенная трансляция родного языка, социализация индивида, языковая практика

Original article

THE ROLE OF FAMILY IN PRESERVING THE NATIVE LANGUAGE

Bairma Zh. Tsybdenova

East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russia, btsybdenova@bk.ru

Abstract. The article substantiates the role of the family institution as one of the most important factors for the preservation of the national language for future generations. The relevance of the study is due to the unsatisfactory state and functioning of the Buryat language, the low level of proficiency and use of the language, especially among young people. The purpose of the article is to reveal the important role of the family in the intergenerational transmission of the native language for its preservation. Based on the analysis of literature, the results of the Population Censuses of the Republic of Buryatia in 2002, 2010, and sociological surveys, we come to the conclusion that the state of the Buryat language causes concern, since the knowledge and the actual use of the language by representatives of the Buryat nationality is steadily falling and, moreover, there is a narrowing of the social functions of the language. In the context of today's socio-cultural processes that negatively affect the state and functioning of native languages in multinational societies, it is the family that becomes an important tool for transmitting and preserving the native language and culture, for transmitting the socio-historical experience of the people to subsequent generations.

Keywords: ecology of language, ethnic language, revival and preservation of the native language, intergenerational transmission of the native language, socialization of the individual, language practice

В последние десятилетия наиболее обсуждаемыми стали вопросы экологии языка, возрождения и сохранения этнических языков в многоязычных государствах мира. По экспертной оценке Института языкознания РАН за 2018 г., в России насчитывается 151 язык, из которых 18 находятся на грани исчезновения. Многие этнические и миноритарные языки Российской Федерации утратили свои функции в основных сферах общения и ограниченно функционируют лишь в сфере семьи, в ритуальных службах, на некоторых языках говорит лишь небольшое число людей старшего поколения. К при-

меру, языки коренных малочисленных народов Югры практически вытеснены из естественной среды бытования – семьи [1]. Миноритарным языкам требуется поддержка функции общения в семейной сфере «наряду с необходимостью их исследования и фиксации, так как именно в этой группе языков наиболее интенсивны процессы ассимиляции и велика угроза исчезновения языков» [2: с. 10]. Цель исследования – раскрыть важную роль семьи в межпоколенной передаче родного языка для сохранения родного (национального) языка.

Проблема сохранения этнического языка обусловлена комплексом взаимосвязанных и взаимовлияющих объективных и субъективных факторов. На языковую ситуацию влияют как объективные факторы (политический, демографический, смешанные браки, процессы глобализации, урбанизации, миграции, культурная и языковая ассимиляция), так и субъективные факторы (языковой «нигилизм» определенной части этнической общности, низкий уровень языковой приверженности к родному языку, этнической идентичности и т.д.).

Роль семьи в межпоколенной трансляции родного языка является чрезвычайно актуальной в современном мире и исследуется в работах российских и зарубежных ученых. Ряд исследователей отмечают важную роль семьи и преемственности поколений, коммуникации на родном языке в семье для сохранения языка и культуры (Глушкова С.А., Замятин К., Пасанен А., Саарикивис Я., Королева Н.Е., Сахапова Ф.Х., Мусабекова У.А., Темиргазина З.К., Акишева М.К., Ткачук Н.В., Fishman J.A., Riagáin D.Ó., Romaine S., Sahba Rohani и др.).

Материалом исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные роли семьи в межпоколенной передаче родного языка, результаты Переписей населения Республики Бурятия 2002, 2010 гг., социологических опросов, в частности, проведенного экспертами-педагогами бурятского языка и социологами ИМБиТ СО РАН и Бурятского государственного университета среди учащихся дошкольных (детских) образовательных учреждений (ДОУ) и старших классов средней общеобразовательной школы (СОШ) Республики Бурятия¹ и автором статьи.

Если по данным Переписи 2002 г. бурятским языком в Республике Бурятия владели 81,4 % бурят, то по результатам переписи 2010 г. им владели 43,6 %. Сравнение данных говорит о значительном снижении доли владеющих родным языком среди бурят за 8 лет – на 37,6 % [3; 4]. В условиях неуклонного сокращения социальных функций бурятского языка состояние языка вызывает большую озабоченность, поскольку он находится под угрозой исчезновения в необозримом будущем (в числе других 50 языков) (*definitely endangered*), ведь дети плохо знают родной язык и не учат его дома, а школьное обучение не дает положительных результатов. В условиях глобализации, межэтнической интеграции и интенсивных миграционных

процессов изучение родного (национального) языка как наименее востребованного в общественной жизни уходит на второй план. Кроме того, школьная языковая политика не уделяет достаточного внимания изучению национального языка. Например, в Республике Бурятия изучение предмета «родной (бурятский) язык» в дошкольных учреждениях и в школьной программе ограничивается одним уроком в неделю, что не способствует развитию навыков говорения на родном языке у городских детей коренной национальности.

В Республике Бурятия социологами ИМБиТ СО РАН в 2016–2017 гг. был проведен опрос учащихся ДОУ и старших классов СОШ республики с целью выявить уровень владения родным языком учащимися бурятской национальности. По результатам проведенного исследования выявлено, что:

- 1) хорошо говорят на бурятском языке – 29,4 % (ДОУ), 38,9 % (СОШ);
- 2) плохо говорят на бурятском языке – 23,2 % (ДОУ), 34,8 % (СОШ);
- 3) не знают бурятского языка – 48,1 % (ДОУ), 27,1 % (СОШ).

Показатели учащихся ДОУ по первым двум пунктам ниже почти на 10 %, по третьему пункту ниже почти на 20 %, чем показатели учащихся СОШ. Это говорит о том, что чем моложе поколение, тем уровень владения родным языком ниже и тем больше детей младшего возраста не знают языка. При этом родным признали бурятский язык 76,6 % опрошенных, русский язык – 10,5 %, не ответили на вопрос о признании того или иного языка родным 12,7 % респондентов.

Опрос взрослого бурятского населения Бурятии в 2016 г. показал, что дома родители с детьми чаще используют оба языка – бурятский и русский (36,16 %), только на русском общаются 42,56 %, а на бурятском лишь 16,84 % родителей [5: с. 137]. Если мы сравним данные 2016 г. (16,84 %) с данными опроса 1989–1990 гг., когда 33,7 % взрослого бурятского населения ответили, что общаются с детьми по-бурятски [6: с. 28], то мы видим, что за 26–27 лет в 2 раза сократилось количество родителей, разговаривающих с детьми на бурятском языке. Такие темпы сокращения функции языка общения в семейной сфере могут привести к утрате родного языка через ближайшие 60–80 лет, что будет равнозначно смерти языка.

Результаты проведенного нами социологического опроса среди учащихся, студентов и молодежи бурятской национальности г. Улан-Удэ показывают, что окружающая среда и сферы общения сильно влияют на их выбор языка общения. Так,

¹ Исследование проведено квалифицированными экспертами-педагогами бурятского языка и социологами Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и Бурятского государственного университета в количестве 23 человек.

дома, в семье общаются на бурятском языке 15,2 %, на обоих языках – 45,7 %, на русском языке – 39,1 %. В учебном заведении и на работе 75 % молодых респондентов обычно говорят на русском языке, 20,7 % – на бурятском и русском языках, 4,3 % – на бурятском. В общественных местах 62 % разговаривают на русском языке, 33,7 % – на обоих языках, 4,3 % – на бурятском языке. Продолжается процесс культурно-языковой ассимиляции молодежи, который трудно остановить, поскольку молодежь находится под влиянием русскоязычной среды, образования, СМИ, интернета на доминирующем языке. Респонденты связывают свое будущее и карьеру со знанием английского языка – 52,2 %, китайского – 18,5 %, бурятского – 15,2 %. Респонденты не указали русский язык потому, вероятно, что, знание русского языка как государственного языка РФ, априори необходимо, им владеет все население РФ.

На вопрос: Как Вы считаете, какие меры позволят сохранить бурятский язык для будущих поколений? – большинство респондентов (46,7 %) ответили, что необходимо общаться на родном языке дома, с детьми; 22,8 % опрошенных возлагают надежду на деятельность общественных и правительственных организаций по сохранению родного языка, 10,9 % считают, что необходимы материальные вознаграждения за знание языка, 9,8 % высказались за обучение родному языку в школе. Таким образом, результаты опроса подтверждают наше положение о том, что именно семья является фактором, способствующим сохранению родного языка.

В обществах, в которых исторический язык автохтонных обществ находится под давлением более крупного и сильного языка, некоторые родители чувствуют, что в интересах ребенка – говорить на доминирующем языке, иначе он(-а) окажется в неблагоприятном положении, когда пойдет в школу. Так, вскоре автохтонный язык становится мертвым языком и постепенно приходит к упадку [7: с. 19]. В такой сложной ситуации перевеса и доминирования мажоритарного языка обучение детей родному языку представляется весьма трудной задачей.

В деле сохранения родного языка, традиций и культуры огромная роль отводится семье. Роль семьи в межпоколенной трансляции родного языка, а значит, и культуры тесно связана с вопросом формирования этнической идентичности [8: с. 162]. Формирование языковой личности, языковой картины мира в сознании подрастающего поколения в современных условиях происходит под влиянием социального окружения, его ближайшие представители – родители, которые, как показывают результаты исследования, воспроизводят конкретно

локальную, этнокультурную идентичность [9: с. 135–136]. «Семья дает ребенку главное – то, что не может дать никакой социальный институт, – интимно-личностную связь и исходное единство с родными, а без знания национального языка дети безнациональны, деэтнизированы, не ощущают себя принадлежащими к какой-то национальности. Основные недостатки семейного воспитания в настоящее время состоят в игнорировании материнского языка, на котором звучат колыбельные песни матери, потешки, прибаутки, устанавливающие языковые контакты» [10: с. 1–4]. Языки подвергаются риску, когда они больше не передаются детям родителями или другими опекунами естественным путем в семье. Согласно ЮНЕСКО «языки, изучаемые менее чем 30 % молодого поколения, могут подвергаться риску» [11].

Опасность исчезновения языков связана не столько с количеством говорящих, сколько с отсутствием передачи языка следующим поколениям. Например, мордовские языки, имеющие сотни тысяч носителей, находятся под угрозой, поскольку в большей части сообществ язык не передается молодежи и доля старшего поколения в возрастной структуре говорящих становится все более весомой [12: с. 57].

Н.В. Ткачук отмечает важную роль преемственности поколений и коммуникации на родном языке в семье для сохранения и передачи языков коренных народов Югры (хантыйского, мансийского, ненецкого). По результатам социологического опроса, проведенного среди школьников из числа коренных малочисленных народов Севера, лишь «около 7 % от общего числа ответивших используют в семье родной язык, среди них ханты – 5,06 %, манси – 1,64 %, ненцы – 0,25 %, что указывает на то, что язык жив, но он не выходит за рамки бытового общения» [1: с. 144–145]. Таким образом, основная задача семьи – прививать детям желание говорить на родном языке, воспитывать уважение к родному языку, культуре, обычаям и традициям своего народа [13: с. 147–148].

Необходимым условием для сохранения языка в семье и школе является создание речевой среды, эмоционально и познавательно насыщенной, мотивирующей к дальнейшей коммуникативной реализации. Семейный *инпут* (*input*) – вся совокупность воспринимаемой ребенком речи, главное условие, стимулирующее речевое развитие. Бедность семейного инпута в условиях иноязычного окружения может спровоцировать отсутствие эмоциональной включенности ребёнка в родной язык и стать причиной нежелания ребёнка в дальнейшем пользоваться родным языком. Именно этот

термин максимально связан с понятием *речевой среды* и является маркером её создания как в семье, так и в дошкольной организации, а затем в школе. Второй лингвистический термин – аутпут (output) – является маркером определённого речевого результата и может стать показателем создания *языковой среды* [14]. Отсутствие в раннем детстве гармоничного общения и эмоционально благополучной языковой обстановки ничем не может быть возмещено в дальнейшем и обязательно сказывается на объёме и качестве родной речи человека, отражается в показателях его владения языком.

К новым возможностям создания речевой среды относятся языковые курсы, аудио- и видеокурсы в социальных сетях, по телевидению, текстовые, аудио- и видео- (презентации, фильмы) информационные ресурсы множества сайтов, игровые, обучающие и контролируемые программы, различные программированные онлайн-словари и словари с возможностью скачивания и установки на любом носителе, а также чаты, скайп, электронная почта, различное дистанционное обучение, включающее вебинары, видеоконференции и т.д. В последние годы, например, с целью сохранения родных языков проводится ряд мероприятий по организации *искусственной речевой среды*, необходимой для решения задач культуросберегающего характера [15: с. 108–109]. Существуют разные стратегии приобщения детей к родному языку с раннего возраста – практика проведения каникул в деревне у родственников, бабушек, дедушек, владеющих родным языком, применение методики языковых гнезд², летние лагеря с полным погружением в родной язык.

Межпоколенная трансляция – это самый естественный способ овладения языком. Ребенок неформально «учит» язык. Он (а) слышит, как на нем говорят его (ее) родители, бабушки, дедушки, члены семьи и родственники. Ребенок учит язык неосознанно, это происходит естественным образом [7: с. 17–18].

Воспитание ребенка, обучение его родному языку дают важное преимущество ребенку. Ребенок будет уверен не только в своей лингвистической и культурной идентичности, но и благодаря раннему контакту с доминантным языком получит билингвальную компетенцию без особых усилий [7: с. 19].

Язык находится на грани исчезновения и утраты, когда на нем перестают думать и общаться с молодым поколением, и особенно если остались люди только старшего поколения, свободно говорящие на языке [16]. Дж. Фишман ставит межпоколенную передачу родного языка в центр проблемы, поскольку язык, который не передается, не может быть сохранен [17].

Немаловажную роль в поддержке и сохранении родного языка играют и другие социальные институты, такие как государственные органы, общественные организации, СМИ, школа. Необходимым условием сохранения родного языка является качественное преподавание предметов «родной (национальный) язык» и «родная литература». Вопрос об увеличении часов на эти важные предметы должен обсуждаться на уровне правительств республик и областей. От общества требуется изменение массового сознания, изменение отношения к родному языку, к культуре своего народа, осознание необходимости изучать и знать свой родной язык и культуру.

Проблема сохранения этнического языка осознается общественностью и правительством Республики Бурятия, обсуждается в средствах массовой информации. Постановлением Правительства Республики Бурятия от 08.05.2019 г. № 228 была утверждена Стратегия развития бурятского языка до 2030 г. в целях сохранения бурятского языка, обеспечения его поступательного развития и расширения его общественных функций. Очевидно, что совместная и слаженная работа всех общественных институтов (правительственные органы, комитеты по сохранению языка, общественные организации, СМИ, образование, семья) и в первую очередь – повышение этноязыкового сознания народа, желание сохранить свой язык – в долгосрочной перспективе даст обнадеживающие результаты.

Именно семья наиболее тесно связана с ребенком с самого рождения, в ней происходит овладение первым языком, этноязыковая социализация, приобретение культурных мировоззрений, присутствующих соответствующей этнической общности. В семье происходит приобщение ребенка к этнокультурным ценностям народа, передача социально-исторического опыта и культурных традиций между поколениями с помощью родного языка. Процессу культурно-языковой ассимиляции меньшинств, малых и коренных народов многонациональных стран может противостоять приобщение ребенка родному языку, родной культуре с раннего детства, языковая практика с детьми в семье. Языковая практика подразумевает обучение детей родному языку с ранних лет, поддержание посто-

² Языковое гнездо – эффективная методика обучения детей дошкольного возраста родному языку для его возрождения (ревитализации), основанная на идее погружения в язык, когда общение с детьми в образовательном учреждении происходит полностью на родном языке.

янной практики общения с детьми на родном языке в семье. Проведение бесед о роли языка для народа и о последствиях утраты языка для этнической общности (народа) может привести к осознанию необходимости овладения родным языком детьми, молодым поколением. Важным становится осознание каждым представителем народа (этно-

са) последствий утраты языка, осознание того, что со смертью или исчезновением языка происходит потеря этнической и культурной самобытности народа, культурной памяти народа, уникальных культурных, исторических и экологических знаний и традиций, уникальной этнической картины мира, народа как такового.

Список источников

1. Ткачук Н.В. Роль семьи в сохранении родных языков малых народов: социологический опрос учащихся Ханты-Мансийского автономного округа – Югра // *Социальная компетентность*. 2020. Т. 5, № 1. С. 138–149. URL: http://sociacom.ru/_sys/mod/attach.php?journals/2020/01/articles/12/article_12_0.pdf (дата обращения: 20.11.2021).
2. *Язык и общество*. Энциклопедия. Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2016. 872 с.
3. *Национальный состав и владение языками, гражданство* [Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. Т. 4/1 / Федеральная служба гос. статистики. Москва : НИЦ «Статистика России», 2004.
4. *Национальный состав и владение языками, гражданство* [Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В 11 т. Т. 4/3 / Федеральная служба гос. статистики]. Москва : НИЦ «Статистика России», 2012.
5. *Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития* : монография / отв. ред. Д.Д. Бадараев. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2020. 256 с.
6. Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П. *Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект)*. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 142 с.
7. Riagáin D.Ó. Focus on intergenerational transmission // *Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири* : материалы IV Международной научно-практической конференции (Абакан, Республика Хакассия, 19–20 мая 2016 г.). Абакан : Изд-во ФГБОУ ВПО Хакацкий гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2016. С. 17–19.
8. Темиргазина З.К., Акошева М.К. О роли семьи в сохранении родного языка и культуры // *Педагогическое образование на Алтае*. 2018. № 2. С. 161–166. URL: <https://journals-altspu.ru/pedagogical-education/article/view/1175> (дата обращения: 16.11.20).
9. Глушкова С.А. Роль семьи в межпоколенной трансляции родного языка и формировании этнической идентичности // *Гуманитарий Юга России*. 2017. Т. 6, № 6. С. 132–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-semi-v-mezhpokolennou-translyatsii-rodno-go-yazyka-i-formirovani-ethnicheskoj-identichnosti> (дата обращения: 20.12.2021).
10. Королева Н.Е., Сахапова Ф.Х. Роль семьи в сохранении национальных традиций в контексте социально-культурной модернизации // *Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация*. Набережные Челны : Набережночелнинский институт К(П)ФУ. 2015. №1 (64). С. 183–188. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23265511> (дата обращения: 16.11.2021).
11. Romaine S. Preserving Endangered Languages // *Language and Linguistics Compass*. 2007. Vol. 1, No. 1–2. P. 115–132. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1749-818X.2007.00004.x> (accessed: 16.11.2021).
12. Замятин К., Пасанен А., Саарикивис Я. *Как и зачем сохранять языки народов России?* Хельсинки : Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala, 2012. 178 с. URL: <https://blogs.helsinki.fi/minor-eurus/files/2012/12/kakizachem1.pdf> (дата обращения: 25.12.2021).
13. Мусабеева У.А. Роль образования и семьи в сохранении родного языка и культуры // *Педагогическое образование на Алтае*. 2018. № 2. С. 145–149. URL: <https://journals-altspu.ru/pedagogical-education/article/view/1172> (дата обращения: 16.11.2021).
14. Цейтлин С.Н. *Лингвистика детской речи*. Москва : Владос, 2000.
15. Хамраева Е.А., Гусев А.В. Лингводидактические условия создания речевой среды в семье и школе как способ сохранения родного языка // *Мир русского слова*. 2020. № 4. С. 105–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvodidakticheskie-usloviya-sozdaniya-rechevoy-sredy-v-semie-i-shkole-kak-sposob-sohraneniya-rodno-go-yazyka> (дата обращения: 16.11.2021).
16. Ihedioha Love Nkem. The Neglect of the Family's Role in Language Preservation: Implications for Indigenous Languages // *International Journal of Public Policy and Administrative Studies*. 2017. Vol. 11, No. 3. P. 38–47. URL: <https://arcnjournals.org/images/ansrd-ijppas-11-3-5.pdf> (accessed: 16.11.2021).
17. Fishman J. A. Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. London : Multilingual Matters, 1991.

References

1. Tkachuk N.V. Rol' sem'i v sokhraneni rodnykh yazykov malykh narodov: sotsiologicheskij opros uchashchikhsya Khanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugra [The role of the family in the preservation of native languages: sociological survey of students of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra] // *Sotsial'naya kompetentnost'*. 2020. Vol. 5, No. 1. P. 138–149. URL: http://sociacom.ru/_sys/mod/attach.php?journals/2020/01/articles/12/article_12_0.pdf (accessed: November 20, 2021). (In Russ.).
2. *Язык i obshchestvo*. Entsiklopediya [Language and Society. Encyclopedia]. Moscow : Publishing Center «Azbukovnik», 2016. (In Russ.).

3. *Natsional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo* [Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 g.: V 14 t. T. 4/1] [National composition and language proficiency, citizenship [Results of the All-Russian Population Census of 2002: In 14 v. T. 4/1]] / Federal State Statistics Service. Moscow : SIC "Statistics of Russia", 2004.

4. *Natsional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo* [Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 g.: V 11 t. T. 4/3] [National composition and language proficiency, citizenship [Results of the All-Russian Population Census 2010: In 11 t. T. 4/3]] / Federal State Statistics Service. Moscow : SIC "Statistics of Russia", 2012. (In Russ.).

5. *Buryatskij yazyk v regionakh Rossii, Mongolii i Kitaya: sostoyanie, problemy, faktory sokhraneniya i razviya* : monografiya [Buryat language in the regions of Mongolia and China: condition, problems and factors of conservation and development] resp. editor D.D. Badaraev. Ulan-Ude : Publishing House of Buryat State University, 2020. 256 p. (In Russ.).

6. Dyrkheeva G.A., Budaev B.Zh., Bazheeva T.P. (1999). *Buryatskij yazyk: sovremennoe sostoyanie (sotsiolingvistikeskij aspekt)* [Buryat language: the current state (sociolinguistic aspect)]. Ulan-Ude : Publishing house of BSC SB RAS, 1999. 142 p. (In Russ.)

7. Riagáin D.Ó. Focus on intergenerational transmission. // *Sokhranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennykh narodov Sibiri: materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Preservation and development of Siberian indigenous languages and cultures. Proceedings of the 4th International scientific conference] (Abakan, Republic of Khakassia, May 19–20, 2016). Abakan : Publishing House of Khakass State University named N.F. Katanov, 2016. P. 17–19.

8. Temirgazina Z.K., Akosheva M.K. O roli sem'i v sokhraneni rodnoyo yazyka i kul'tury [On the role of the family in preserving the native language and culture] // *Pedagogicheskoe obrazovanie na Altae* [Pedagogical education in Altai]. 2018. No. 2. P. 161–166. URL: <https://journals-altspu.ru/pedagogical-education/article/view/1175> (accessed: 16.11.2020). (In Russ.).

9. Glushkova, S.A. Rol' sem'i v mezhpokolennoy translyatsii rodnoyo yazyka i formirovani etnicheskoy identichnosti [Role of family in the intergenerational translation of the native and formation of ethnic identity] // *Gumanitariy Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2017. No. 6 (6), P. 132–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-semi-v-mezhpokolennoy-translyatsii-rodnoyo-yazyka-i-formirovani-etnicheskoy-identichnosti> (accessed: 20.12.2020). (In Russ.).

10. Koroleva N.E., Sakhapova F.Kh. Rol semi v sokhraneni nacionalnykh traditsiy v kontekste socialno-kulturnoy modernizatsii. [The role of the family in preservation of national traditions in the context of the social cultural modernization] // *Socialno-ekonomicheskie i tekhnicheskie sistemy: issledovanie, proektirovanie, optimizatsiy* [Social-economic and technical systems: Socio-economic and technical systems: research, design, optimization. Naberezhnye Chelny : Naberezhnochelnynskiy institut K(P)FU/ 2015. No. 1(64). P. 183–188. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23265511> (accessed: 16.11.2021). (In Russ.).

11. Romaine S. Preserving Endangered Languages // *Language and Linguistics Compass*. 2007. No. 1/1–2). P. 115–132. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1749-818X.2007.00004.x> (accessed: 16.11.2021).

12. Zamyatin K., Pasanen A., Saarikivis Ya. *Kak i zachem sokhranyat' yazyki narodov Rossii?* [How and why to preserve the languages of the peoples of Russia?] Helsinki : Vammalan Kirjapaino Oy, Vammala, 2012. URL: <https://blogs.helsinki.fi/minor-urus/files/2012/12/kakizachem1.pdf> (accessed: 25.12.2021). (In Russ.).

13. Musabekova U.A. Rol' obrazovaniya i sem'i v sokhraneni rodnoyo yazyka i kul'tury [The role of education and family in preserving native language and culture]. // *Pedagogicheskoe obrazovanie na Altae* [Pedagogical education in Altai]. 2018. No. 2. P. 145–149. URL: <https://journals-altspu.ru/pedagogical-education/article/view/1172> (accessed: 16.11.2021). (In Russ.).

14. Tseytlin S.N. *Lingvistika detskoj rechj* [Linguistics of children's speech]. Moscow : Vldos, 2000. (In Russ.).

15. Khamraeva E. A., Gusev A. V. Lingvodidakticheskie usloviya sozdaniya rechevoy sredy v sem'e i shkole kak sposob sokhraneniya rodnoyo yazyka [Linguadidactic conditions for creating a speech environment in the family and school as a way to preserve the native language] // *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word]. 2020. No. 4. P. 105–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvodidakticheskie-usloviya-sozdaniya-rechevoy-sredy-v-semie-i-shkole-kak-sposob-sohraneniya-rodnoyo-yazyka> (accessed: 16.11.2021). (In Russ.).

16. Ihedioha, Love Nkem. The Neglect of the Family's Role in Language Preservation: Implications for Indigenous Languages // *International Journal of Public Policy and Administrative Studies*. 2017. No. 11(3). P. 38–47. URL: <https://arcnjournals.org/images/ansrd-ijppas-11-3-5.pdf> (accessed: 16.11.2021).

17. Fishman J.A. *Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. London : Multilingual Matters, 1991.

Информация об авторе

Б.Ж. Цыбденова – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the author

B.Zh. Tsybdenova – Candidate of Sciences (Sociology), Assistant Professor.

Статья поступила в редакцию 23.10.2022; одобрена после рецензирования 20.11.2022; принята к публикации 16.01.2023. The article was submitted 23.10.2022; approved after reviewing 20.11.2022; accepted for publication 16.01.2023.

Научная статья

УДК 347.781.52

doi:10.31079/1992-2868-2023-20-1-290-297

**ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКИ
ХАБАРОВСКОГО КРАЯ И ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ:
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Евгений Новомирович Спасский¹, Олег Андреевич Рудецкий²

^{1, 2}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹srs2@festu.khv.ru

²rudetsky@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты становления и развития постсоветской научной периодики Хабаровского края и ЕАО. Ретроспективно выделен рубеж 1990-х – начала 2000-х гг., когда стали появляться ключевые региональные издания социально-гуманитарной направленности, многие из которых продолжают свою публикационную работу. Затронут вопрос нормативно-правовых основ научно-издательской деятельности. Показана системно-организующая роль академических институтов и региональных вузов в деле развития научной периодики.

Ключевые слова: социальные и гуманитарные науки; научная периодика, научный журнал, Хабаровский край, Еврейская автономная область

Original article

**HUMANITARIAN VECTOR OF SCIENTIFIC PERIODICALS OF THE Khabarovsk Krai AND THE JAO:
HISTORY, CURRENT STATE, PROSPECTS**

Evgeny N. Spassky¹, Oleg A. Rudetsky²

^{1, 2}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹srs2@festu.khv.ru

²rudetsky@mail.ru

Abstract. The article examines the historical aspects of the formation and development of the post-Soviet scientific periodicals of the Khabarovsk Territory and the JAO. Retrospectively, the turn of the 1990s – early 2000s is highlighted, when key regional publications of a socio-humanitarian orientation began to appear, many of which are still being published. The issue of regulatory and legal bases of scientific and publishing activity is touched upon. The system-organizing role of academic institutions and regional universities in the development of scientific periodicals is shown.

Keywords: social and humanitarian sciences, scientific periodicals, scientific journal, Khabarovsk Krai, Jewish Autonomous Oblast

Региональные научные журналы – явление сколь молодое, столь и вполне сложившееся. Их появление стало следствием тех процессов, которые происходили в российском научном сообществе в постсоветскую эпоху. Доминирующими тенденциями 1990-х гг. в сфере высшего образования стали его коммерциализация, децентрализация и автономизация, что было связано с рыночными преобразованиями, частью которых стало, в том числе, и формирование рынка образовательных услуг. Это, в свою очередь, обусловило появление новых субъектов образовательного процесса, а также институциональную трансформацию существующих учебных заведений. Элементом этой трансформации стало расширение возможностей

вузов в области репрезентации своего образовательного и научного потенциала, что нашло выражение во взрывном росте новых продуктов на рынке образовательных услуг (прежде всего, это открытие новых специальностей и направлений подготовки, часто не связанных с традиционной специализацией вузов), а также изменение способов экспликации результатов их научно-исследовательской деятельности. В последнем случае речь идёт о появлении качественно новых, нетрадиционных для вузов (прежде всего периферийных) форм представления публикаций преподавательских коллективов, которыми становятся полновесные научные журналы. Появление научных изданий с вузовской пропиской стало также следствием

реформирования национальной системы подготовки научных кадров. Децентрализация системы и рост автономии учебных заведений обусловили развитие сети региональных диссертационных советов, что неминуемо потребовало изменения форм представления результатов научной деятельности вузовских сообществ. Триггером, стимулировавшим развитие «больших», журнальных форм публикационной активности представителей профессионального образования и науки, стало появление на рубеже тысячелетий «Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора наук» (именно так называлась первая его версия 2001 г.). Список ВАК стал важной цензурой в формировании отечественного сообщества научных периодических изданий, разделив его историю на «досписочную», в определённой степени стихийную, и «постсписочную», регулируемую государством в лице соответствующего ведомства.

Таким образом, становление локального пространства научных журналов Хабаровского края и ЕАО стало реакцией регионального вузовского и учёного сообщества на формирование устойчивой институциональной потребности в реализации своего научного и творческого потенциала, поддержании статусных позиций составляющих его (сообщества) субъектов.

Период становления полноценной научной периодики социально-гуманитарной направленности в Хабаровском крае и ЕАО приходится на конец 1990-х – начало 2000-х гг. До её появления региональное вузовское и научное сообщество в своей основной массе имело в распоряжении так называемые «малые» формы представления результатов исследовательской работы, которые включали преимущественно тезисы и материалы конференций различной степени охвата (вузовские, региональные, национальные, международные), а также сборники научных трудов. Исключение в этом ряду составляли депонированные рукописи и монографии, доля которых значительно уступала шорт-публикациям. Лапидарная форма подачи материала в различного рода сборниках нередко камуфлировала отсутствие полнотекстовой версии авторского текста, формируя соответствующую «тезисную» субкультуру [1: с. 4]. «Большую» статью гуманитариям можно было опубликовать в периодических журналах, которые в советский период издавали классические университеты, крупные вузы национального уровня либо академические инсти-

туты. Такие журналы в советский и ранний постсоветский период многозначительно именовались «изданиями центральной печати», опубликоваться в которых удавалось ограниченному числу авторов из региональных вузов, что являлось свидетельством их научного престижа и статуса. В известной степени дело обстоит так и сегодня, несмотря на коммерциализацию и рыночные условия, в которых существуют современное образование и наука.

Формирование тематической направленности социально-гуманитарных журналов обуславливалось как основной специализацией выпускающих их организаций (технической, естественно-научной, социально-гуманитарной или экономической), так и выбором той содержательной концепции, которой следовали их учредители и редакционные органы, приступая к выпуску своих периодических изданий. Если первая составляющая (специализация образовательного или научного учреждения) была в известной степени некой константой, которая, впрочем, видоизменялась в зависимости от институциональной трансформации конкретно взятой организации, то вторая являлась вариативной переменной, определявшейся редакционной политикой журналов. Последнее наглядно иллюстрируется выбором названия журнальных изданий, так или иначе связанных с социально-гуманитарной тематикой. Либо в его наименовании сохранялась вузовская принадлежность (вестник, учёные записки и т.д.), либо в нём очерчивалось определённое проблемное поле, спектр наук, который журнал предполагал включить в своё содержание.

Ещё одним ключевым фактором, определяющим тематические поля научной периодики, стала политика регулятора в лице ВАК, которая постепенно ужесточала требования к изданиям, которые находились в его перечне либо претендовали на включение в список. Если в первых, «либеральных» вариантах данного перечня включённые в него журналы могли определять довольно широкий спектр научных специальностей, по которым публиковались основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук, то впоследствии (с середины 2015 г.) их количество не должно было быть больше трёх, что существенно изменило содержание научных изданий.

Далее перейдём к обзору существующей в Хабаровском крае и Еврейской автономной области научной периодики, в которой так или иначе присутствует социально-гуманитарная составляющая. Сразу оговоримся, что задачей авторов являлось не изложение детальной хронологии становления каждого из упомянутых ниже изданий, а представ-

ление краткой характеристики их современного состояния, что позволяет зафиксировать, на наш взгляд, текущую ситуацию в целом.

Одним из первых периодических изданий социально-гуманитарной направленности в крае стал журнал **«Власть и управление на Востоке России»**, выпускаемый Дальневосточным институтом управления – филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы с декабря 1997 г., отметивший в декабре прошлого года четвертьвековой юбилей. В эпоху «либеральных» списков ВАК тематика журнала включала широкий спектр направлений, таких как право, история, философия, социология, культурология, экономика, причём последняя отрасль научного знания предполагала публикацию результатов научных исследований для соискателей как кандидатских, так и докторских степеней. В настоящее время издание публикует научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по экономическим и социологическим специальностям [2]. Журнал позиционирует себя «ведущим дальневосточным экспертно-аналитическим изданием, посвященным проблемам общества и государства», его тематика публикаций охватывает «макроэкономическую, налоговую и бюджетную, денежно-кредитную, промышленную, социальную, демографическую политику, регулирование и конкурентную политику» [2]. Также приоритетными темами выпусков являются «вопросы государственной службы и муниципального управления в свете проводимой административной реформы; практика подбора кадров и методика определения результативности их работы; вопросы региональной демографической и национальной политики» [2]. Резюмируя, можно отметить, что в настоящее время «Власть и управление на Востоке России» прочно занимает нишу среди ведущих региональных экономических научных журналов, а по целой группе социологических специальностей является единственным печатным «ваковским» изданием в крае.

С 1998 г. начал издаваться **«Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права»**. Как отмечается на сайте журнала, он является «научным и общественно-публицистическим изданием, освещающим актуальные вопросы современных гуманитарных, общественных, естественных и технических наук. Основное место занимают статьи, посвященные проблемам развития предприятий, отраслей, территорий Дальневосточного федерального округа» [3]. С 2015 г. выпускается также его сетевая, электронная интернет-версия.

В ряду изданий с социально-гуманитарной составляющей особое место занимает журнал **«Реги-**

ональные проблемы», издаваемый с 1995 г. Институтом комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (ФГБУН ИКАРП ДВО РАН, г. Биробиджан)¹. Несмотря на то, что предметное поле издания ориентировано преимущественно на естественно-научную и экономическую проблематику, материалы его выпусков включают статьи по социологии, политологии, истории, культурологии [4]. Концептуально журнал создавался как «платформа для теоретических и эмпирических статей по устойчивому (сбалансированному) региональному развитию» [5]. В целом же, как отмечалось выше, издание специализируется «на изучении экологических, социальных и экономических аспектов регионального развития: геологии, географии (социально-экономической и физической), геоэкологии, биологии, экологии, математического моделирования» [5].

Следуя хронологическому принципу, необходимо сказать о научных изданиях Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ). С декабря 1998 г. издаётся **«Вестник ДВГНБ»** – «научный журнал по вопросам теории и практики библиотекосведения, библиографоведения и книговедения» [6: с. 29]. Кроме того, в издании публикуются научные статьи по исторической, регионоведческой, культурологической проблематике. Также ДВГНБ является учредителем научно-практического журнала **«Культура и наука Дальнего Востока»**², который начал издаваться с 2007 г. по инициативе Министерства культуры Хабаровского края. Наряду с краевым Минкультом и Дальневосточной научной библиотекой его учредителями стали Хабаровский организационно-методический центр ДВО РАН и Хабаровский государственный институт культуры [6: с. 30]. Научной специализацией журнала являются «философско-методологические и научно-теоретические исследования, региональные проблемы истории, археологии, социологии, политологии, этнографии, искусствоведения, лингвистики, литературоведения, образования, прикладной культурологии» [6: с. 30], а в состав его редакционного совета и редколлегии входят известные дальневосточные и российские учёные.

В начале нулевых годов нового тысячелетия в регионе создаётся целый ряд научных журналов социогуманитарной направленности, что было обусловлено упоминавшимися выше институциональными новациями в сфере подготовки научных кад-

¹ С апреля 2019 г. журнал выходит только в электронном виде.

² С 2007 по август 2016 г. назывался «История и культура Приамурья».

ров. Речь идёт, прежде всего, о вузовской научной периодике. Так, с осени 2001 г. начинает выходить **«Вестник Дальневосточного юридического института МВД России»**. Сайт издания определяет его приоритетные задачи следующим образом: «представление продуктивных идей и современных научных точек зрения по проблемам правовой политики, отраслевых юридических наук; представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России; информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел; освещение теоретических и практических вопросов деятельности правоохранительных органов; представление результатов исследований, посвященных зарубежной научно-правовой мысли; освещение исторических вех развития права, юридической науки» [7]. В декабре 2015 г. журнал был включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по юридическим специальностям.

В 2004 г. вышел в свет первый номер научно-теоретического журнала **«Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке»**, издание которого было инициировано Советом ректоров вузов Дальневосточного федерального округа. Журнал, задумывавшийся на стадии своего организационного становления как составная часть (серия) предполагаемого «Вестника вузов ДФО» социально-гуманитарной направленности, стал выпускаться в итоге в качестве самостоятельного издания Дальневосточного государственного университета путей сообщения [8: с. 11]. В текущем году он отмечает своё двадцатилетие. За эти годы журнал превратился в одно из ведущих дальневосточных изданий в области социально-гуманитарных наук, в котором публикуются учёные и исследователи со всей страны. Начиная с середины 2007 г. журнал неизменно входит в постоянно ротирующиеся перечни ВАК, подтверждая статус издания с высокой научной репутацией.

В июле 2005 г. был основан научный журнал **«Вестник ТОГУ»**, главной целью которого, как указывается на сайте издания, является «освещение современных научных исследований, результатов основных направлений научно-исследовательской деятельности всего научного сообщества» [9]. Журнал видит свою главную задачу в «консолидации сообщества учёных на основе принципов научности и профессионализма; формирование и раз-

витие наиболее перспективных направлений исследовательской практики; представление информации о современных научных достижениях» [9].

Социально-гуманитарная специализация представлена в ещё одном научном периодическом журнале, выпускаемом в Тихоокеанском государственном университете – в **«Ученых заметках ТОГУ»**, который имеет статус электронного периодического издания и индексируется в системе РИНЦ. Целью журнала, который начал издаваться в 2010 г., является «оперативное освещение актуальных научных исследований, результатов основных направлений научно-исследовательской деятельности» [10]. Тематика публикаций журнала, как это ранее практиковалось в «Вестнике ТОГУ», относится «к различным областям естественных, технических, социально-гуманитарных, биологических наук, наук о Земле, дополнительно выходят его тематические номера, посвященные научным конференциям и симпозиумам, проводимым при участии Тихоокеанского государственного университета» [10].

Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (г. Комсомольск-на-Амуре) выпускает начиная с 2007 г. сетевое издание **«Амурский научный вестник»**. В журнале публикуются материалы по филологии, психологии, педагогике, издание индексируется в системе РИНЦ [11]. Также в АмГПУ в качестве периодического электронного сборника научных работ издаётся **«Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых»** (2006 г., РИНЦ), где публикуются статьи и рецензии по психолого-педагогическим, гуманитарным, социальным, естественным, физико-математическим и техническим дисциплинам.

С 2008 г. издаётся **«Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема»** (г. Биробиджан), задачами которого являются «апробация научных исследований сотрудников ПГУ им. Шолом-Алейхема и сторонних вузов в профессиональной среде; содействие развитию информационной базы науки и высшего образования в России; формирование имиджа ПГУ им. Шолом-Алейхема в авторском научном и преподавательском сообществах; популяризация проблематики охраны и защиты интеллектуальной собственности; развитие сотрудничества с российскими, зарубежными и международными организациями, а также с российскими и зарубежными учёными» [12]. Тематика публикаций журнала наряду с естественно-научными и техническими направлениями включает широкий спектр социально-гуманитарных дисциплин, таких как право, психология, социология, история, философия, педагогика, филология, искус-

ствоведение и культурология, а также экономику. С 2015 г. в университете выпускается электронный научный журнал **«Постулат»**, публикующий результаты исследований по естественным, техническим, социальным, гуманитарным, экономическим наукам [13].

В 2010 г. Комсомольский-на-Амуре государственный университет начал издавать **«Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета»**. Журнал выходит в печатной и электронной форме, в двух сериях «Науки о природе и технике» и «Науки о человеке, обществе и культуре». Интересующая нас гуманитарная серия включает следующие разделы: философию, социологию и культурологию; филологию и искусствознание; психологию и педагогику; политологию и право; историю; экономику [14].

Дальневосточный государственный медицинский университет с 2010 г. издаёт электронный научно-практический журнал **«Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России»**. На сайте издания отмечается, что оно «предназначено для публикации научных и научно-практических статей по проблемам общественного здоровья, организации и управления здравоохранением, экономики и финансирования, медицинского страхования и ориентирован как на преподавателей медицинских учебных заведений, так и руководителей учреждений здравоохранения и практических врачей» [15]. Несмотря на то, что в целом журнал имеет здравоохранительную направленность, он ориентируется на публикации смежных с медициной социогуманитарных специальностей, таких как социология медицины, история науки и техники (история медицины), также принимает статьи по экономике и управлению народным хозяйством [15].

Составляя обзор научной периодики Хабаровского края и Еврейской автономной области, отметим, что в него вошли издания, так или иначе связанные с социально-гуманитарной специализацией, экономическая тематика их содержания упоминалась лишь в той мере, в какой она шла вкупе с первой. Тем не менее мы не можем обойти вниманием периодические журналы Института экономических исследований ДВО РАН, которые хотя и являются специализированными изданиями экономической направленности (которые не были объектами нашего рассмотрения), но обладают чрезвычайно высоким статусом в мировой и отечественной науке. Речь, прежде всего, идёт о журнале **«Пространственная экономика / Spatial Economics»**, а также об электронном научном издании **«Регионалистика»**.

Научный журнал **«Пространственная экономика»** был основан осенью 2004 г., первый номер вышел в марте 2005 г. Его учредителями стали ДВО РАН и Институт экономических исследований ДВО РАН. Сайт издания позиционирует его как «академическое издание, выполняющее функцию информирования научного и экспертного сообществ, а также органов власти и управления всех уровней о результатах научных исследований в области пространственной экономики» [16]. Также отмечается, что «журнал занимает ведущие позиции среди научных журналов в области экономической науки, является национальным лидером среди журналов, публикующих результаты исследований по широкому спектру проблем пространственной экономики» [16]. Высочайший научный статус издания иллюстрирует тот факт, что в состав его редакционного совета и редколлегии входят 5 академиков РАН, 4 члена-корреспондента РАН, 12 докторов наук, 7 членов руководящих органов журнала имеют степень PhD.

Как указывается на сайте электронного научного журнала **«Регионалистика»**, он «учреждён Институтом экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук как платформа для междисциплинарного диалога исследователей, занимающихся изучением «пространственных квантов общества» – регионов» [17]. Он выходит с марта 2014 г. и его главной задачей, по словам издателей, является «информирование научного и экспертного сообществ в России и за рубежом о теоретических и прикладных результатах научных исследований российских и зарубежных ученых, посвященных региональным проблемам, а также организация коллективной экспертизы и координации исследований, содержащих региональную "компоненту", на национальном и международном уровнях» [17].

Существующие на данный момент научные журналы края можно признать достаточно молодыми. Особенно – в сравнении со старейшими изданиями Европы и Америки, такими как **«The American Historical Review»** (осн. в 1895) или же **«Philosophical Magazine»** (осн. в 1798). Двадцатилетний жизненный путь некоторых журналов не идёт ни в какое сравнение с более долгой историей ряда отечественных изданий, таких как **«Вопросы истории»** (осн. в 1926) или **«Философские науки»** (осн. в 1958). Гуманитарная научная периодика края в том целостном виде, в каком мы её наблюдаем, – явление постсоветское, оформившееся в специфических, непростых условиях. Среди них удалённость от интеллектуальных центров страны, постоянный отток научных кадров в западные ре-

гионы, часто скромные финансовые, технические и организационные возможности.

Двадцать лет истории – можно сказать, цикл одного поколения, когда рано говорить о какой бы то ни было устойчивой традиции и преемственности... Однако стоит отметить энтузиазм и интеллектуальное благородство многих региональных журналов, пытающихся сохранить себя в нескончаемой рутине издательских хлопот.

К сожалению, в погоне за наукометрикой, когда совокупный импакт-фактора журнала мыслится более важным, нежели подлинная значимость идей, некоторая тень провинциальности отбрасывается на региональную периодику. Безусловно, такие журналы часто уступают по формальным показателям крупнейшим центральным изданиям. Но и здесь, отделяя зёрна от плевел, необходимо указать положительные темпы научно-издательской работы, разумеется, в тех пределах, которые предзаданы – исторически, социально, экономически.

Устойчивая динамика развития сохраняется в работе многих журналов. В качестве примера приведём уже упоминавшееся издание «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Не вдаваясь в наукометрические подробности, остановимся на некоторых деталях.

За время существования журнала, а это опять же однопоколенный цикл – с 2004 по 2022 г., общее количество его авторов достигло внушительной отметки в 1269 чел. На страницах издания нашли отражение результаты научных исследований 253 докторов наук и 556 кандидатов наук (табл. 1). Среди кандидатов наук примерно каждый пятый – кандидат филологических наук (120 чел.).

Чуть меньше в общей массе кандидатов исторических наук (87 чел.), кандидатов психологических наук (86 чел.), кандидатов философских наук (65 чел.) и пр. Среди докторов наук не менее чем каждый четвёртый – доктор философских наук (72 чел.). Несколько меньше докторов филологических наук (47 чел.), докторов психологических наук (36 чел.), докторов исторических наук (27 чел.) и пр.

За весь период существования научно-теоретического журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» значительно ширилась география его авторов, представляющих более 250 научных и образовательных учреждений, в том числе 47 зарубежных. Иностранные авторы журнала – представители таких стран, как Австралия, Беларусь, Великобритания, Израиль, Индонезия, Иран, Италия, Казахстан, Канада, КНР, Малайзия, Мексика, Монголия, Португалия, Республика Корея, США, Украина, Франция, Швейцария, Швеция, Япония.

Довольно обширной стала география российских авторов журнала. Теперь она охватывает более 50 городов, включая Архангельск, Белгород, Благовещенск, Владивосток, Екатеринбург, Иркутск, Йошкар-Олу, Казань, Калининград, Кемерово, Комсомольск-на-Амуре, Краснодар, Красноярск, Махачкалу, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Оренбург, Орёл, Москву, Петропавловск-Камчатский, Ростов-на-Дону, Самару, Санкт-Петербург, Саратов, Севастополь, Симферополь, Ставрополь, Тулу, Улан-Удэ, Хабаровск, Челябинск, Череповец, Читту, Южно-Сахалинск, Якутск, Ярославль и др. Среди учреждений, с которыми аффилированы авторы, – крупнейшие центральные и региональные вузы, академические институты (табл. 2).

Таблица 1

Распределение авторов журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» по научной специализации (2004–2022)

Ученая степень	Количество, чел.	Ученая степень	Количество, чел.
Кандидат философских наук	65	Доктор философских наук	72
Кандидат филологических наук	120	Доктор филологических наук	47
Кандидат психологических наук	86	Доктор психологических наук	36
Кандидат исторических наук	87	Доктор исторических наук	27
Кандидат педагогических наук	46	Доктор педагогических наук	11
Кандидат социологических наук	33	Доктор социологических наук	10
Кандидат юридических наук	31	Доктор юридических наук	18
Кандидат политических наук	20	Доктор политических наук	6
Кандидат культурологии	17	Доктор культурологии	4
Кандидат экономических наук	15	Доктор экономических наук	7
Кандидат технических наук	15	Доктор технических наук	7
Кандидат медицинских наук	7	Доктор медицинских наук	5
Кандидат биологических наук	4	Доктор биологических наук	2
Кандидат физико-математических наук	6	Доктор геолого-минералогических наук	1
Кандидат искусствovedения	3		
Кандидат географических наук	1		

Таблица 2

Распределение авторов журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» по аффилиации (2004–2022)

Учреждение	Кол-во аффилированных авторов
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)	211
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)	86
Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск)	82
Дальневосточный государственный гуманитарный университет (г. Хабаровск)	66
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва)	45
Амурский государственный университет (г. Благовещенск)	31
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (г. Комсомольск-на-Амуре)	24
Благовещенский государственный педагогический университет (г. Благовещенск)	24
Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург)	24
Дальневосточный институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ (г. Хабаровск)	23
Камчатский государственный университет (г. Петропавловск-Камчатский)	23
Морской государственный университет им. Г.И. Невельского (г. Владивосток)	20
Хабаровский государственный университет экономики и права (г. Хабаровск)	20
Московский городской педагогический университет (г. Москва)	19
Институт психологии РАН (г. Москва)	18
Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск)	17
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток)	16
Комсомольский-на-Амуре государственный университет (г. Комсомольск-на-Амуре)	16
Уссурийский государственный педагогический университет (г. Уссурийск)	16
Дальневосточный государственный медицинский университет (г. Хабаровск)	15
Дальневосточный институт психологии и психоанализа (г. Хабаровск)	13
Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан)	11
Российский университет дружбы народов (г. Москва)	11
Институт философии РАН (г. Москва)	10
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)	8

Общее же количество публикаций в журнале «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» за период 2004–2022 гг. – более двух тысяч статей по философии, психологии, филологии, истории, социологии, политологии, юриспруденции, культурологии.

Подводя итог обзору социально-гуманитарной периодики, выпускаемой в Хабаровском крае и ЕАО, можно констатировать, что за прошедшие десятилетия в регионе сложилось устойчивое сообщество научных журналов, участвующее в реализации важной миссии по воспроизводству исследовательских кадров на Дальнем Востоке. Не-

смотря на перманентные перипетии и сложности организации издательского дела в научно-образовательной сфере, учредители и руководители журналов сумели продуктивно и творчески ответить на те вызовы, которые встали перед ними в период общественной турбулентности и институциональных реформ. Надеемся, что новые задачи, встающие перед национальной системой образования и науки, будут содействовать дальнейшему укреплению и развитию региональных научных сообществ, неотъемлемой частью которых являются их периодические издания.

Список источников

1. Спасский Е.Н. Журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» как зеркало гуманитарной науки Востока России // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2006. № 4 (12). С. 4–7.
2. *Власть и управление на Востоке России* : офиц. сайт. URL: <http://vlstdvii.ru> (дата обращения: 14.03.2023).
3. *Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права* : офиц. сайт. URL: <http://vestnik.ael.ru> (дата обращения: 14.03.2023).
4. *Региональные проблемы*. 2021. Т. 24, № 2-3; 2022. Т. 25, № 3.
5. *Региональные проблемы* : офиц. сайт. URL: <http://regional-problems.ru> (дата обращения: 14.03.2023).
6. Волкотрубова О.Н. Издание научных журналов: опыт Дальневосточной государственной научной библиотеки // *Вестник ДВНГБ*. 2017. № 3 (76). С. 26–31.
7. *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России* : офиц. сайт. URL: https://двои.мвд.рф/Institut/Struktura/OTDELI/Redakcionno_izdatelskij_otdel/Vestnik_DVJUI_MVD_Rossii (дата обращения: 14.03.2023).

8. Сердюков Ю.М., Лившиц Р.Л., Рудецкий О.А. О нашем журнале // *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*. 2014. № 1 (41). С. 10–13.
9. *Вестник ТОГУ* : офиц. сайт. URL: <https://vestnik.pnu.edu.ru/> (дата обращения: 14.03.2023).
10. *Ученые заметки ТОГУ* : офиц. сайт. URL: <https://ejournal.pnu.edu.ru> (дата обращения: 14.03.2023).
11. *Амурский научный вестник* : офиц. сайт. URL: <https://amgpgu.ru/Научная%20журнал/сму/вестник/> (дата обращения: 14.03.2023).
12. *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема* : офиц. сайт. URL: <https://pgusa.ru/vestnik> (дата обращения: 14.03.2023).
13. *Постулат* : офиц. сайт. URL: <https://pgusa.ru/nauka/zhurnaly/postulat> (дата обращения: 14.03.2023).
14. *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета* : офиц. сайт. URL: <http://www.uzknastu.ru> (дата обращения: 14.03.2023).
15. *Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России* : офиц. сайт. URL: <http://eport.fesmu.ru/voz/> (дата обращения: 14.03.2023).
16. *Пространственная экономика* : офиц. сайт. URL: <http://spatial-economics.com> (дата обращения: 14.03.2023).
17. *Регионалистика* : офиц. сайт. URL: <http://regionalistica.org> (дата обращения: 14.03.2023).

References

1. Spasskij E.N. Zhurnal «Social'ny'e i gumanitarny'e nauki na Dal'nem Vostoke» kak zerkalo gumanitarnoj nauki Vostoka Rossii [The journal "Social and Humanitarian Sciences in the Far East" as a mirror of the Humanities of the East of Russia] // *Social'ny'e i gumanitarny'e nauki na Dal'nem Vostoke*. 2006. No. 4 (12). С. 4–7. (In Russ.).
2. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* : ofic. sajt. URL: <http://vlastdviu.ru> (accessed: 14.03.2023). (In Russ.).
3. *Vestnik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* : ofic. sajt. URL: <http://vestnik.ael.ru> (accessed: 14.03.2023). (In Russ.).
4. *Regional'nye problemy*. 2021. Vol. 24, no. 2-3; 2022. Vol. 25, no. 3. (In Russ.).
5. *Regional'nye problemy* : ofic. sajt. URL: <http://regional-problems.ru> (accessed: 14.03.2023). (In Russ.).
6. Volkotrubova O.N. Izdanie nauchny'x zhurnalov: opy't Dal'nevostochnoj gosudarstvennoj nauchnoj biblioteki [Publication of scientific journals: the experience of the Far Eastern State Scientific Library] // *Vestnik DVNGB*. 2017. No. 3 (76). P. 26–31. (In Russ.).
7. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* : ofic. sajt. URL: https://двюи.мвд.рф/Institut/Struktura/OTDEL/Redakcionno_izdatelskij_otdel/Vestnik_DVJUI_MVD_Rossii (accessed: 14.03.2023). (In Russ.).
8. Serdyukov Yu.M., Livshic R.L., Rudeczkij O.A. O nashem zhurnale [About our magazine] // *Social'ny'e i gumanitarny'e nauki na Dal'nem Vostoke*. 2014. No. 1 (41). С. 10–13. (In Russ.).
9. *Vestnik TOGU* : ofic. sajt. URL: <https://vestnik.pnu.edu.ru/> (accessed: 14.03.2023). (In Russ.).
10. *Uchenye zametki TOGU* : ofic. sajt. URL: <https://ejournal.pnu.edu.ru> (accessed: 14.03.2023). (In Russ.).
11. *Amurskij nauchnyj vestnik* : ofic. sajt. URL: <https://amgpgu.ru/Научная%20журнал/сму/вестник/> (accessed: 14.03.2023). (In Russ.).
12. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. SHolom-Alejhema* : ofic. sajt. URL: <https://pgusa.ru/vestnik> (accessed: 14.03.2023). (In Russ.).
13. *Postulat* : ofic. sajt. URL: <https://pgusa.ru/nauka/zhurnaly/postulat> (accessed: 14.03.2023). (In Russ.).
14. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* : ofic. sajt. URL: <http://www.uzknastu.ru> (accessed: 14.03.2023). (In Russ.).
15. *Vestnik obshchestvennogo zdorov'ya i zdavoohraneniya Dal'nego Vostoka Rossii* : ofic. sajt. URL: <http://eport.fesmu.ru/voz/> (accessed: 14.03.2023). (In Russ.).
16. *Prostranstvennaya ekonomika* : ofic. sajt. URL: <http://spatial-economics.com> (accessed: 14.03.2023). (In Russ.).
17. *Regionalistika* : ofic. sajt. URL: <http://regionalistica.org> (accessed: 14.03.2023). (In Russ.).

Информация об авторах

Е.Н. Спасский – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой «Философия, социология и право», заместитель главного редактора научно-теоретического журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке»;
О.А. Рудецкий – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Философия, социология и право», ответственный секретарь научно-теоретического журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

Information about the authors

E.N. Spassky – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department «Philosophy, Sociology and Law», Deputy Editor of the scientific and theoretical journal «The Humanities and Social Studies in the Far East»;
O.A. Rudetsky – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department «Philosophy, Sociology and Law», Executive Secretary of the scientific and theoretical journal «The Humanities and Social Studies in the Far East».

Статья поступила в редакцию 15.11.2022; одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 16.01.2023.
The article was submitted 15.11.2022; approved after reviewing 10.12.2022; accepted for publication 16.01.2023.

2 декабря 2022 г. исполнилось 75 лет академику РАН, научному руководителю Института экономических исследований ДВО РАН Минакиру Павлу Александровичу.

Творческий путь Павла Александровича начинался в те времена, которые ныне именуются эпохой застоя. Задача преодоления цивилизационного отставания от Запада в целом была решена, но ни в научной среде, ни в политическом руководстве не существовало единого видения перспектив дальнейшего развития. Свои исследовательские усилия Павел Александрович направил на осмысление роли Дальнего Востока в обеспечении экономической гомогенности территории Советского Союза. Павел Александрович с самого начала своей научной работы стремился к тому, чтобы обосновать возможность и необходимость полноценного включения дальневосточной экономики в экономику всей страны в качестве органичной части последней. Для него всегда было неприемлемо упование на стихию рынка, и лишь в планомерном, научно обоснованном преобразовании слабоосвоенных территорий он видел путь к гармонизации отношений центра и регионов. Эти идеи он последовательно проводил и отстаивал в своих кандидатской (1977) и докторской (1984) диссертациях.

Когда наше общество не выдержало испытания на излом, Павел Александрович в новых условиях продолжал развивать и отстаивать свои научные идеи. В его трудах нет и следа рыночного романтизма, столь характерного для некоторых исследователей, недостаточно глубоко осознающих диалектику экономических процессов. Рост экономического влияния стран АТР, превращение Дальнего Востока в узловой пункт экономического и технологического прогресса в современном мире обусловили необходимость уточнения ранее выработанных подходов к проблемам взаимоотношений Центра и регионов, но не превратили эти подходы в архаику. Развитие сотрудничества между регионом и зарубежными странами должно выступать в качестве фактора укрепления экономики

нашей страны, а не вести к дезинтеграции российского экономического пространства – вот та идея, которая красной нитью проходит через многочисленные глубоко фундированные научные труды П.А. Минакира. Его развитие как теоретика – это углубление и уточнение тех идей, которые были сформулированы в начале творческого пути. Вот эта преданность идее, верность найденному экономическому мировоззрению и предопределила тот факт, что П.А. Минакир стал основоположником нового научного направления – пространственной экономики. Плодотворность идей, сформулированных в рамках данного направления, помноженная на обаяние личности Павла Александровича, стала причиной того, что им создана научная школа, авторитетная не только в масштабах России. Усилиями этой школы заложен концептуальный фундамент целого ряда программ развития региона, таких как: целевая комплексная программа «Развитие и размещение производительных сил и транспортное обеспечение Дальнего Востока России на период до 2010 г.», Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг. и на период до 2010 г.», Стратегия обеспечения экономической безопасности Дальневосточного федерального округа на период до 2010 г. и др.

П.А. Минакир проявил себя не только как проницательный теоретик, способный к широким научным обобщениям, но и как талантливый организатор науки. Им создан Институт комплексного анализа региональных проблем АН СССР в г. Биробиджане. Он же выступил в качестве организатора журнала «Пространственная экономика» (учредители – ДВО РАН, Институт экономических исследований ДВО РАН), который и по сей день является одним из ведущих российских изданий, публикующих материалы в области экономической науки.

За плечами Павла Александровича Минакира – большой творческий путь в науке. Его окружают многочисленные ученики и последователи, творчески развивающие высказанные им идеи. Его вклад в экономическую теорию весом и неоспорим. Зная его неугомонный характер, его деятельную натуру, его жажду познания, мы можем с уверенностью прогнозировать: Павел Александрович не намерен успокаиваться на достигнутом. Хотя, казалось бы, нет таких вершин в науке, которые он бы не покорил, мы убеждены: впереди у юбиляра новые успехи, новые свершения, новые последователи.

Редакция научно-теоретического журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» искренне поздравляет Павла Александровича с юбилеем и желает, чтобы этот (не вполне экономический) прогноз полностью оправдался!

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ / AUTHORS GUIDELINES

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Публикация статей бесплатная.

4. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию, размещены на официальном сайте журнала – <http://www.eastjournal.ru/docs/author.htm>

5. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

6. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: ФИО, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, телефон, e-mail.

7. К рассмотрению принимаются материалы, поступившие только на официальную электронную почту журнала: journal@festu.khv.ru.

1. The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. The publication is free of charge.

4. The requirements for manuscripts submitted to the editorial board – <http://www.eastjournal.ru/docs/author.htm>

5. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

6. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

7. Please address the materials to the following e-mail: journal@festu.khv.ru

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Подписку на журнал можно оформить по каталогу АО «Почта России». Подписной индекс – ПП959.

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал

Том XX

Выпуск 1, 2023

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*

Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2023 г. Поз. 12.5. Подписано в печать 15.03.2023 г. Дата выхода в свет 30.03.2023 г.
Усл. печ. л. 34.9. Зак. 26. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–50 экз.). Цена 450 р.

Отпечатано в издательстве ДВГУПС.
Адрес издательства и типографии: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.